

ГЕНДЕРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Гендер и язык

ГЕНДЕРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЛАБОРАТОРИЯ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Гендер и язык

Научный редактор и составитель
д. филол. н., проф. *А. В. Кирилина*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

Редакционный совет

серии «Гендерная коллекция — зарубежная классика»

Венедиктова Т. Д., Воронина О. А., Генциева Е. Ю., Дубин Б. В., Дробижска Л. М., Зверева Г. И., Казавчинская Т. Я., Кон И. С., Кочкина Е. В., Ливергант А. Я., Петровская Е. В., Посадская-Вандербек А. И., Садомская Н. Н., Самойло Е. Н., Сорокин А. К., Утешева Н. Т., Федорова Л. Н., Хасбулатова О. А., Чистяков Г. П., Юрьева Н. Ю., Ярыгина Т. В.

Научный редактор и составитель *А. В. Кирилина*

Г 29 Гендер и язык / Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. — М.: Языки славянской культуры, 2005 — 624 с.

ISBN 5-9551-0011-3

В антологии представлены зарубежные труды по гендерной проблематике, имевшие широкий резонанс в языкознании и позволившие по-новому подойти к проблеме «Язык и пол» (книги Дж. Коатс и Д. Таннен), а также новые статьи методологического (Д. Камерон), обзорного (Х. Коттхофф) и прикладного характера (Б. Барон). Разнообразные подходы к изучению гендера в языке и коммуникации, представленные в сборнике, позволяют читателю ознакомиться с наиболее значимыми трудами последних лет, а также проследить эволюцию методологических взглядов в лингвистической гендерологии.

Издание адресовано специалистам в области гендерных исследований, аспирантам и студентам, а также широкому кругу читателей, интересующихся гендерной проблематикой.

ББК 81.031

ISBN 5-9551-0011-3

- © Авторы, 2005
- © О. А. Васькова, С. А. Коновалова, М. В. Томская. Перевод на рус. яз., 2005
- © А. В. Кирилина. Составление, вступительная статья, 2005
- © А. Б. Орешина. Оформление серии, 2005
- © Языки славянской культуры, 2005

Гендер и языкИздатель **А. Кошелев**Корректор **О. Зайкина**

Подписано в печать 24.06.2005. Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. печ. л. 39. Тираж 1500. Заказ № 5295.

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000. Тел.: 207-86-93.

Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: lrc@comtv.ru Site: <http://www.lrc-press.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена Смоленской областной типография им. В. И. Смирнова. 214000, г. Смоленск, д-р-т им. Ю. Гагарина, 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>А. В. Кирилина.</i> Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах	7
--	---

Дж. Коатс. Женщины, мужчины и язык

(Перевод С. А. Коноваловой)

Первая часть: Введение

Глава 1. Язык и пол.....	33
Глава 2. Исторические предпосылки (I) — наивная лингвистика и ранние грамматисты.....	48
Глава 3. Исторические предпосылки (II) — антропология и диалектология	74

Вторая часть: Социолингвистические данные

Глава 4. Количественные исследования.....	96
Глава 5. Социальные сети	122
Глава 6. Половые различия в коммуникативной компетенции	142

Третья часть: Причинно-следственные связи

Глава 7. Пол как фактор усвоения языка.....	172
Глава 8. Роль половых различий в процессе изменения языка	189
Глава 9. Социальные следствия половых различий языка	208

Литература	223
------------------	-----

**Д. Таннен. Ты просто меня не понимаешь:
Женщины и мужчины в диалоге**
(Перевод О. А. Васьковой)

От автора.....	235
Предисловие.....	237
Глава 1. Разные слова, разные миры.....	244
Глава 2. Асимметрии: у женщин и мужчин разные цели общения.....	267
Глава 3. «Отложи газету и поговори со мной!»: контактоустанавливающий разговор и разговор-сообщение.....	289
Глава 4. Сплетни.....	309
Глава 5. «Я тебе объясню»: чтение и прослушивание «лекций».....	333
Глава 6. Общность и соревнование: столкновение стилей общения.....	357
Глава 7. Кто кого перебивает? Доминирование и контроль.....	392
Глава 8. Как бы не так.....	417
Глава 9. «Смотри на меня, когда разговариваешь».....	444
Глава 10. Жить в асимметрии: основы коммуникации.....	474
Примечания.....	491
Литература.....	502

Б. Барон. «Закрытое общество»: Существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации? (Перевод М. В. Томской)	511
---	-----

Д. Камерон. Теоретические дискуссии в феминистской лингвистике: Вопросы пола и гендера (Перевод О. А. Васьковой).....	539
---	-----

Х. Коттхофф. Гендерные исследования в прикладной лингвистике (Перевод М. В. Томской).....	563
---	-----

Предметный указатель.....	623
---------------------------	-----

А. В. Кирилина

Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах

В последнее десятилетие в отечественном языкознании отмечается бурный рост интереса к лингвистической составляющей гендерных исследований: проводятся научные семинары и конференции, появляются периодические издания, увеличивается количество диссертационных исследований. Вместе с тем, научная молодежь испытывает потребность в изданиях хрестоматийного характера и антологиях, которые позволили бы ознакомиться с историей развития гендерных исследований в лингвистике в общем контексте формирования и эпистемологических трансформаций гуманитарного знания второй половины XX в., а также проследить изменения методологических основ изучения гендерных аспектов языка и коммуникации. Предлагаемая вниманию читателей антология призвана ознакомить российских исследователей с рядом известных трудов по гендерной проблематике и способствовать расширению знаний начинающих исследователей.

Вступительная статья посвящена основным этапам развития гендерных исследований в лингвистике, причинам методологических поворотов, анализу заблуждений, свойственных ранним исследованиям гендерной проблематики, а также краткой характеристике представленных в антологии работ. Все это позволяет читателю сориентироваться и начать чтение переводных трудов, уже имея представление о развитии лингвистических гендерных исследований. Мы остановимся на обсуждении понятия *гендер* и научного контекста его возникновения (часть 1), характеристике

этапов развития гендерных исследований и возможностей гендерного подхода в языкознании (часть 2), а также дадим краткий обзор включенных в антологию трудов (часть 3).

I.

Понятие *гендер* пришло в лингвистику довольно своеобразным путем: английский термин *gender*, означающий грамматическую категорию рода, был изъят из лингвистического контекста и перенесен в исследовательское поле других наук — социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс. Перенос был сделан, чтобы «уйти» от термина *sexus* (биологический пол), так как это понятие связывает с природной детерминированностью не только телесные различия мужчин и женщин, но и полоролевое разделение труда, неодинаковые требования и отношение общества к мужчинам и женщинам, разную общественную «ценность» лиц в зависимости от их пола. Термин *гендер* был призван подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий.

В языкознание же *гендер* пришел, вернее, вернулся в новом значении, несколько позднее из сферы социальных наук, когда гендерные исследования получили статус междисциплинарного направления. Наряду с этим понятие *гендер* функционирует в англоязычной лингвистической литературе, разумеется, и в своем старом значении. Кроме того, и до появления нового термина лингвистическая семантика не игнорировала отражение в языке понятия *пол* в значении *sexus*. Да это было бы и невозможно, так как семантический компонент *пол* входит в состав значения многих лексических единиц (*мужчина, женщина, мать, отец* и т. д.). И сегодня работы, посвященные рассмотрению этого вопроса, оперируют понятием *пол*¹. Таким образом, возникает необходимость выяснить, как соотносятся эти понятия именно в области языкознания, так как их функционирование здесь, как показано выше, отличается от ситуации в других общественных науках, занимающихся гендерными исследованиями.

---

¹ См., например, М. А. Кронгауз. *Sexus*, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика: Сб. к 60-летию А. А. Зализняка / Под ред. А. А. Гиппиус и др. М., 1996. С. 510—525; А. М. Шахмайкин. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики: Диахрония и синхрония. М., 1996. С. 226—273.

Хотя понятие *гендер* признается сегодня большинством исследователей, существует ряд трудностей, возникающих при чтении специальной литературы и связанных с некоторыми различиями в понимании гендера и сравнительной новизной этого понятия. Прояснению вопроса не способствует растущий поток переводов с английского на русский язык, где английское соотношение *sex — gender* оказывается не вполне соответствующим русскому пониманию аналогичных понятий. Так, в русском языке пара *секс — пол* оказывается не адекватна английскому *sex — sex*, что, на наш взгляд, несколько «разгружает» слово *пол*. Кроме того, в западных странах в последние годы наметилась отчетливая тенденция — даже вне научного дискурса — к вытеснению номинации *sex* в значении *пол* и замене ее словом *gender* в целях политической корректности. Функционирование терминологических единиц исследуемой области обнаруживает следующие особенности:

- Значительная часть трудов, посвященных полоролевой дифференциации общества и связанным с ней процессам, написана до возникновения термина *гендер* и оперирует понятиями *sex, sexus, sexuality* даже в тех случаях, когда речь идет о социальных аспектах взаимодействия полов;
- Термин *гендер* возник в англоязычном пространстве и является английским омонимом грамматической категории рода, что в ряде случаев приводит к неясностям именно в лингвистическом описании;
- Ряд исследователей придерживается старых понятий, пользуясь терминами *sex bias, sex role, sex difference* и т. д., включая, однако, в свои рассуждения положения о социальной и культурной значимости пола. Заметна и противоположная тенденция — стремление заменить слово *пол* (*sexus*) новым термином. Так, Д. Вайс², говоря о биологическом поле, применяет термин *natural gender*, снабжая его в скобках пояснением (*sexus*). Особенно это касается трудов, время создания которых совпало с возникновением понятия *гендер*.

Все это свидетельствует о затруднительности последовательного разграничения обсуждаемых терминов.

Неясности возникают в зависимости от языка, на котором описано исследование, а также при переводе иноязычных работ

---

² D. Weiss. Kurica ne ptica, (a) baba ne čelovek // Slavische Linguistik. 1987. S. 413—443.

на русский язык. Так, в немецком языке наряду с понятием *Gender* используются немецкие номинации *Geschlecht*, *das soziale Geschlecht*. Некоторая путаница возникает и в русском языке, особенно при переводе.

- При выборе терминологии имеет значение концептуальная позиция автора. Так, представители биодетерминистского направления, настаивающие на физиологически и психически обусловленной дифференциации когнитивных различий и языковой способности мужчин и женщин, применяют традиционное обозначение пола, хотя и в их работах встречается понятие *гендер*.
- В отечественном научном дискурсе понятие *гендер* находит широкое применение, несмотря на свою новизну. Некоторые авторы предлагают пользоваться терминами, включающими слово *пол*. Применяются понятия *гендер*, *пол*, *социальный (социокультурный) пол*, *половой диморфизм*, *поло-ролевая дифференциация*, *биосоциальные (биокультурные) характеристики человека*. Последние подчеркивают двойственный характер пола, его природную и культурную составляющие. Термин *пол* кажется многим исследователям приемлемым еще и потому, что в русском языке, в отличие, например, от английского, понятие *пол* не идентично понятию *секс* (именно этот факт в англоязычном научном дискурсе стал одной из причин введения в оборот термина *gender*). Заимствованная лексема *секс* отражает лишь область взаимодействия полов, связанную с их репродуктивной функцией. С одной стороны, это делает лексему *пол* более нейтральной, с другой, как уже говорилось, создает сложности при переводе иноязычной литературы на русский язык и при использовании термина *сексуальность*, который в западной научной традиции связан не только и не столько с репродуктивной функцией человека и коитальным контактом, а в русском переводе приобретает именно такой оттенок.

Методологические основы гендерных исследований и их философское осмысление зависят от исторических факторов развития как самих лингвистических знаний, так и общенаучной модели человека. Существенную роль играет в рассмотрении и интерпретации фактов приверженность исследователя той или иной методологии, а часто и его идеологические установки. Ряд

понятий, применяемых в гендерных исследованиях, пришел из политического дискурса. Так, термин *сексизм* возник в период наиболее активной феминистской критики языка и обозначает структуры языка, отражающие дискриминацию по признаку пола: язык не только антропоцентричен, но и андроцентричен — в нем зафиксирована главным образом мужская перспектива, мужская субъектность, мужская картина мира, а женщинам отводятся второстепенная, маргинальная роль и статус объекта. Исследователи, придерживающиеся более нейтральной позиции, избегают применения понятия *сексизм* в научном описании и заменяют его термином *гендерная асимметрия*, под которым подразумеваются особенности отражения в языке лиц мужского и женского пола, полоролевых стереотипов и т. д., так как понятие *сексизм* предполагает как бы намеренную дискриминацию, в то время как намерение — и тем более злое — у языка, разумеется, отсутствует.

Для того чтобы понять, почему введение нового термина оказалось необходимым, следует рассмотреть время и условия возникновения и широкого распространения гендерных исследований, т. е. изложить философские и методологические предпосылки их возникновения в эпоху постструктурализма и — шире — постмодернизма.

С этой точки зрения важно учитывать, что бурное развитие гендерных исследований на Западе совпало по времени с формированием новой философии науки — в первую очередь благодаря идеологии постмодернизма, а также поиску новой эпистемы в самой лингвистике, связанному с критикой структурализма.

Начнем с того, что принципиально нового внесли в теорию познания некоторые тенденции современной мысли, которые часто характеризуются как постмодернизм. Это постструктурализм, деконструктивизм, постмарксизм и некоторые течения феминизма. Во многих отношениях различия между ними перевешивают сходства, но при этом их объединяют и общие черты, которые и могут быть определены как постмодернистские:

1. Все они отрицают устойчивые эпистемологические основы, неоспоримые теоретические предпосылки и закономерности. Их объединяет недоверие к абсолютным или универсальным нормам и всеобъемлющим теоретическим системам.

2. Все направления постмодернистской мысли признают лишь языковую концепцию реальности, утверждая: то, что мы

воспринимаем как реальность, на деле — социально и лингвистически сконструированный феномен, результат наследуемой нами лингвистической системы. Следовательно, мир познаваем только через языковые формы, и представления человека о мире не могут отразить реальность, которая существует за пределами языка; они могут быть соотнесены только с другими языковыми выражениями. Язык, таким образом, отделен от контактов с внешними обозначениями.

3. Эти направления мысли отвергают положение о социальной целостности, как и понятие о причинности, будучи приверженными разнообразию, плюрализму, фрагментарности и неопределенности и отрицая идею объективной истины.

4. Все они ставят под сомнение рациональный, единый субъект, который был основой западной мысли, начиная с эпохи Просвещения, предпочитая рассматривать его как социально и лингвистически фрагментированный¹.

5. Собственно лингвистические и психологические исследования этого периода, в частности, новый взгляд на понятие *категория*, возникший под влиянием работ Э. Рош, также стимулировали пересмотр базовых философских понятий и отказ от большого числа традиционных представлений, свойственных картезианской логике, и, следовательно, новое осмысление лингвистических задач. На взгляд Дж. Лакоффа, приходится отказываться от значительного количества традиционных воззрений, в том числе от следующих:

- значение основывается на истинности и референции; оно касается отношения между символами и вещами в мире;
- биологические виды представляют собой естественные роды, определяемые общими сущностными свойствами;
- мышление отделено от тела и независимо от него;
- эмоции не имеют концептуального содержания;
- грамматика — выражение чистой формы;
- разум трансцендентален, в этом смысле он превосходит свойственный человеку способ мышления;
- существует истинный взгляд на мир (присущий Богу) — это единственный, внешний по отношению к человеческому познанию способ понимания того, что есть объективная истина;

---

¹ С. Смит. Постмодернизм и социальная история на западе: проблемы и перспективы // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 154—155.

— в процессе мышления все люди используют одну и ту же концептуальную схему⁴.

Эти постулаты «так или иначе связаны с классической интерпретацией понятия категории. Отказ от нее влечет за собой и отказ от других концептов. Они должны быть заменены представлениями, которые не только более точны, но и более человечны»⁵.

Таким образом, доказывается зависимость сознания индивида от стереотипов своего языка. Предполагается, что в сознании каждого запечатлена некоторая совокупность текстов, которые и определяют отношение человека к действительности и его поведение и опосредуются дискурсивной практикой. Вследствие этого языку придается исключительно важное значение, а лингвистика становится одной из центральных наук, так как сознание индивида уподоблено тексту: человек как субъект «растворяется в текстах-сознаниях, составляющих великий интертекст культурной традиции»⁶.

Существенное место в идеологии постмодернизма занимают вопросы пола. Экзистенциальный статус личности базируется прежде всего на таких сущностных категориях, как возраст и пол. Так, согласно идее Дерриды, система ценностей и взгляд на мир осуществляются с позиции «европейских белых мужчин». Иными словами, все сознание современного человека, независимо от его пола, насквозь пропитано идеями и ценностями мужской идеологии с ее приоритетом мужского начала, логики, рациональности и объектностью женщины. Распространению этой идеи способствовали известная книга Симоны де Бовуар «Второй пол», а также «Воля к знанию» Фуко, задуманная как первый том «Истории сексуальности» и показавшая, как социальное доминирует над биологическим даже в такой «природно обусловленной» сфере, как отношения полов. Феминисты выдвинули тезис о господстве в обществе патриархата и о том, что все тексты и дискурсивные практики навязывают индивидам именно патриархатные, т. е. мужские ценности.

Исходя из приоритета языка, в зарубежной лингвистике оформилось гендерологическое направление, рассматривавшее,

---

⁴ Дж. Лакофф. Когнитивная семантика (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») // Язык и интеллект. М., 1996. С. 148.

⁵ Дж. Лакофф. Указ. соч. С. 149.

⁶ И. П. Ильин. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 225.

с одной стороны, зафиксированные в языке стереотипы феминности и маскулинности, а также гендерные асимметрии, а с другой — особенности речевого поведения мужчин и женщин.

Названные факты убеждают в том, что интерес к гендерным исследованиям и их интенсивное развитие возникли не случайно, а являются одной из составляющих новой, постмодернистской концепции гуманитарной науки.

II.

В настоящее время внутри гендерных исследований выделяется ряд направлений, связанных с идеологическими установками авторов и с историческим развитием самих гендерных исследований. В историческом ракурсе различают три этапа их формирования⁷:

1. «Алармистский» этап. Основное внимание уделялось андроцентрическому отклонению в общественных науках, критике интерпретационных возможностей социальной теории, изложенной с мужской точки зрения, акцентировалась дефектность традиционной патриархатной эпистемологии. Такая постановка вопроса получила свое развитие в первую очередь в постмодернистских трудах. Создавалась общеметодологическая база дальнейших исследований: развивались теории социального конструктивизма и символического интеракционизма. Так, в трудах И. Гофмана обоснованы институционализация и ритуализация пола, показана роль социальных структур в формировании гендерной идентичности. Параллельно в самой лингвистике развивались новые направления — прагматика, социолингвистика и др., в центре внимания которых были феномены, не рассматривавшиеся ранее или изучаемые недостаточно в границах структурализма: отношения единиц языка и говорящей личности, функционирование языка в различных социальных группах. Социолингвист У. Лабов обосновал и эмпирически, с применением статистических методов, подтвердил вероятностный характер различий в использовании языка мужчинами и женщинами.

2. Этап «феминистской концептуализации». Его главной целью была разработка отчетливых ориентиров в феминистской

---

⁷ Подробнее см.: Д. Кандиоти. Эволюция гендерных исследований: Обзор // Женщины и социальная политика (гендерный аспект). М.: ИСЭПН, 1992. С. 156—163.

теории и практике. В этот период создаются несколько направлений феминистски ориентированной науки (феминистский психоанализ, феминистская лингвистика), не скрывающих своей идеологической ангажированности. Активно осваивается постмодернистская теория для обоснования феминистского мировоззрения и исследований.

В конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. гендерные исследования в языке получили мощнейший импульс благодаря так называемому Новому женскому движению в США и Германии, в результате чего в языкознании возникло своеобразное направление, названное феминистской лингвистикой (ФЛ), или феминистской критикой языка. Главная цель феминистской лингвистики состоит в разоблачении патриархата — мужского доминирования в общественной и культурной жизни.

Основополагающей в области лингвистики стала работа Р. Лакофф «Язык и место женщины»³, обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. К специфике феминистской критики языка можно отнести ее ярко выраженный полемический характер, разработку собственной лингвистической методологии, привлечение к лингвистическому описанию результатов всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории и т. д.), а также ряд успешных попыток влиять на языковую политику. Зародившись в США, наибольшее распространение в Европе ФЛ получила в Германии с появлением трудов С. Трёмель-Плётц «Linguistik und Frauensprache» и Л. Пуш «Das Deutsche als Männersprache». Существенную роль в распространении феминистской критики языка сыграли также идеи Ю. Кристевой.

Идеология феминизма часто рассматривается как одна из составляющих постмодернистской философии. Отсюда — ее повышенный интерес к феноменам языка. ФЛ, а также ведущие постмодернистские теоретики (Деррида) обратили внимание на неравномерную представленность в языке лиц разного пола.

Язык фиксирует картину мира с мужской точки зрения, поэтому он не только антропоцентричен (ориентирован на человека), но и андроцентричен (ориентирован на мужчину): язык соз-

---

³ Robin Lakoff. Language and women's Place // Language in Society. 1973. № 2. P. 45—79.

дает картину мира, основанную на мужской точке зрения, от лица мужского субъекта, с точки зрения мужской перспективы, где женское предстает главным образом в роли объекта, в роли «другого», «чужого» или вообще игнорируется, в чем и состоит феминистский «упрек».

ФЛ выделяет следующие признаки андроцентризма:

1. Отождествление понятий «человек» и «мужчина». Во многих языках Европы они обозначаются одним словом: *man* в английском, *homme* во французском, *Mann* в немецком. В немецком языке есть и еще одно обозначение — *Mensch*, но и оно этимологически восходит к древневерхненемецкому *mannisco* — «мужской», «относящийся к мужчине». Слово *der Mensch* мужского рода, но иронически может употребляться по отношению к женщинам с артиклем среднего рода — *das Mensch*.

2. Имена существительные женского рода являются, как правило, производными от мужских, а не наоборот. Им часто сопутствует негативная оценочность. Применение мужского обозначения к рефренту-женщине допустимо и повышает ее статус. Наоборот, номинация мужчины женским обозначением содержит негативную оценку.

3. Существительные мужского рода могут употребляться неспецифицированно, т. е. для обозначения лиц любого пола. Действует механизм «включенности» в грамматический мужской род. Язык предпочитает мужские формы для обозначения лиц любого пола или группы лиц разного пола. Так, если имеются в виду учитель и учительница, достаточно сказать «учителя». Таким образом, считает ФЛ, в массе случаев язык игнорирует женщин.

4. Наименования одних и тех же профессий в мужском и женском вариантах неравноценны — *врач / врачиха, секретарь / секретарша*. Для обозначения профессий, имеющих низкий социальный престиж, часто существуют только фемининные формы — *уборщица, техничка*, — а для обозначения видов деятельности с высоким статусом — только мужские: *отцы города, государственный муж*.

5. Синтаксическое согласование происходит по форме грамматического рода соответствующей части речи, а не по реальному полу референта:

Нем. *Wer hat hier seinen Lippenstift vergessen?*, букв.: *Кто забыл здесь его помаду?* — хотя речь идет о женщине.

6. Фемининность и маскулинность разграничены резко — как полюса — и противопоставлены друг другу, в качественном (положительная и отрицательная оценка) и в количественном (доминирование мужского как общечеловеческого) отношении, что ведет к образованию гендерных асимметрий.

Эта тематика особенно подробно разработана на материале английского и немецкого языков.

В ФЛ различают два течения: первое относится к исследованию языка с целью выявления «асимметрий в системе языка, направленных против женщин»⁹. Эти асимметрии получили название языкового сексизма. Речь идет о патриархатных стереотипах, зафиксированных в языке и навязывающих его носителям определенную картину мира, в которой женщинам отводится второстепенная роль и приписываются в основном негативные качества. В рамках этого направления исследуется, какие образы женщин фиксируются в языке, в каких семантических полях представлена женщина и какие коннотации сопутствуют этому представлению. Анализируется также языковой механизм «включенности» в грамматический мужской род: язык предпочитает мужские формы, если имеются в виду лица обоего пола.

На взгляд представителей этого направления, механизм «включенности» способствует игнорированию женщин в картине мира. Исследования языка и сексистских асимметрий в нем основываются на гипотезе Сепира-Уорфа: язык не только продукт общества, но и средство формирования его мышления и ментальности. Это позволяет представителям ФЛ утверждать, что все языки, функционирующие в патриархатных и постпатриархатных культурах, суть мужские языки и строятся на основе мужской картины мира. Исходя из этого, ФЛ настаивает на переосмыслении и изменении языковых норм, считая сознательное нормирование языка и языковую политику целью своих исследований.

Именно к этому периоду относится возникновение понятия *gender* как концепта, альтернативного названным двум категориям (*genus* и *sexus*), призванного подчеркнуть социальный характер отношений между полами и исключить биологический детерминизм, имплицитно присутствующий в понятии *sexus*, которое связывает социальное предназначение и ожидания в отношении поведения индивида с его биологическими свойствами.

---

⁹ S. Trömel-Plötz. *Frauensprache: Sprache der Veränderung*. Frankfurt am Main, 1982. S. 137.

Вторым направлением ФЛ стало исследование особенностей коммуникации в однополых и смешанных группах. Эти исследования характеризуются широким охватом: анализируются самые разные аспекты ведения аргументативных диалогов — телевизионные ток-шоу, диалоги врачей и пациентов, речевое общение в семье и т. д. В основе исследований лежит предположение о том, что на базе патриархатных стереотипов, зафиксированных в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения мужчин и женщин. ФЛ дополняет теорию речевых актов Остина-Серля данными, существенными для интерпретации высказываний: выражением в речевых актах власти и доминантности, по-новому формулирует условия соблюдения принципа кооперации Грайса, расширяет представления о коммуникативных неудачах, относя к ним прерывание говорящего, невозможность завершить высказывание, утрату контроля над тематикой дискурса, молчание и ряд других параметров. Все это можно считать ценным вкладом в анализ дискурса.

Были установлены, например, некоторые отличительные черты женского речевого поведения¹⁰:

- женщины чаще прибегают к уменьшительным суффиксам;
- для женщин более типичны косвенные речевые акты; в их речи больше форм вежливости и смягчения, например, утверждений в форме вопросов, иллюзии неуверенности при отсутствии самой неуверенности;
- в речевом поведении женщин отсутствует доминантность, они лучше умеют слушать и сосредоточиться на проблемах собеседника;
- в целом речевое поведение женщин характеризуется как более «гуманное».

Однако именно этот факт, на взгляд представителей феминистской лингвистики, имеет при общении в смешанных группах отрицательные последствия для женщин. Их предупредительное, неагрессивное и вежливое речевое поведение укрепляет сложившиеся в обществе убеждения и ожидания того, что женщины слабее, неувереннее и в целом менее компетентны.

Таким образом, женская коммуникация по сравнению с мужской оказывается «дефицитной».

ФЛ подвергла сомнению гипотезу «дефицитности» женской коммуникативной интеракции, выдвинув на ее место гипотезу

---

¹⁰ *Dietrich Homberger. Männersprache — Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache, 1993. 193. S. 89—112.*

«различий». В этой связи критически были осмыслены выводы Р. Лакофф (в указанной выше работе) о ситуации «двойной связанности» (double bind), в которую попадают женщины при коммуникации в смешанных группах: типично «женские» тактики речевого поведения (уступчивость, кооперативность, более редкое по сравнению с мужчинами употребление директивных речевых актов и более частое использование речевых маркеров неуверенности при отсутствии самой неуверенности, высказывание утверждений в форме вопросов и т. д.) не способствуют восприятию содержания сообщений, создавая впечатление неуверенности и некомпетентности. Если же женщины пользуются мужскими тактиками, которые, по Лакофф, характеризуются наступательностью, меньшей кооперативностью, частым использованием директивных речевых актов, то они воспринимаются как неженственные и агрессивные, что, в интерпретации ФЛ, вызвано несоответствием такого коммуникативного поведения стереотипам распределения ролей в обществе. В этой связи были разработаны специальные тактики, помогающие женщинам быть «услышанными».

В лингвистике не прекращается полемика вокруг теоретических положений ФЛ и их практической реализации. Однако следует признать, что в области языковой политики ФЛ добилась серьезных успехов¹¹.

3. «Постфеминистский» этап характеризуется эмпирической проверкой идей, высказанных представителями ранней ФЛ, появлением «мужских исследований», кросскультурного и лингвокультурологического исследования гендера, привлечением к анализу материала большого количества языков и новым осмыслением методологических проблем. Основной задачей становится анализ того, как гендер присутствует, конституируется и воспроизводится в социальных процессах. В область гендерного анализа включаются оба пола, их отношения и взаимосвязи с социальными системами разного уровня.

Особенно серьезной критике в этот период подверглись ранние пресуппозиции феминистского подхода к изучению коммуникативной интеракции мужчин и женщин¹², что связано с умо-

---

¹¹ Подробнее см.: А. В. Кирилина. Феминистское движение в лингвистике Германии // Теория и практика изучения языков: Межвузовский сборник. Сургутский гос. ун-т. Сургут, 1997. С. 57–62.

¹² S. Gal. Between speech and silence: The problematics of research on language

зрительностью или недостаточной эмпирической обоснованностью ранних исследований.

Первоначально феминистская лингвистика исходила из того, что женское речевое поведение способствует поддержанию зависимого статуса и является наглядным примером воспроизводства патриархальных отношений. При этом был допущен ряд методологических ошибок, обнаружить которые удалось посредством эмпирических исследований гендерных аспектов коммуникации. К числу таких заблуждений относят: интенционализм, приписывание фактору пола чрезмерной значимости, игнорирование роли контекста, недооценку качественных методов исследования и гиперболизацию роли гендерно специфичных стратегий и тактик общения в детском и подростковом возрасте¹³.

Интенционализм (намеренное стремление доминировать в коммуникации)

Доминирование мужчин осмыслено представителями ФЛ в несколько упрощенном виде: вследствие господства патриархата мужская самооценка выше, мужчины в большей мере, чем женщины, обладают социальным престижем и властью. Мужское доминирование реализуется в числе прочего в определенном речевом поведении, описать которое можно на уровне ряда микрофеноменов — длины речевых отрезков, частоты перебиваний, наложений речевых отрезков друг на друга, контроля за тематикой дискурса, предоставлении / непредоставлении слова и т. д. Все это, как утверждала ФЛ, является намеренным и осознанным проявлением борьбы за власть со стороны мужчин.

Однако на взгляд С. Хиршауера¹⁴ перманентная интенциональность для поддержания гендерного статуса не требуется, что объясняется с позиций социального конструктивизма: социальные институты (школа, церковь, армия и т. д.) принимают на се-

---

and.gender // Papers in Pragmatics. 1989. № 3. V. 1. P. 1—38; *St. Hirschauer*. Dekonstruktion und Rekonstruktion: Plädoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien. 1993. № 2. S. 55—68; *H. Kothhoff*. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 9—15.

¹³ *H. Kothhoff*. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht. 1996. № 1. S. 9—15.

¹⁴ *St. Hirschauer*. Dekonstruktion und Rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten // Feministische Studien. 1993. № 2. S. 55—68.

бя поддержание гендерной иерархии, в том числе сохранение мужского доминирования. Следовательно, у индивида нет необходимости постоянно воспроизводить его во всех ситуациях.

Гиперболизация значимости категории «пол»

Ранние феминистские исследования исходят из того, что пол — это определяющий (омнирелевантный) фактор самоидентификации личности. Согласно Уэст и Зиммерман,¹⁵ конструирование индивидом своей гендерной идентичности — *doing gender* — перманентный процесс, пронизывающий все действия индивидов. Напротив, Хиршауер показал, что весьма распространены ситуации и контексты, когда пол нерелевантен для общения, и предложил учитывать фактор «гендерной нейтральности» (*Geschlechtsneutralität*), так как:

1. Нет оснований придавать гендеру больше значимости, чем фактору возраста, этнической и социальной принадлежности, уровню образования, профессии и т. д. Все эти факторы также входят в число идентификационных категорий, которые в определенных типах ситуаций выступают на первый план. Автор предлагает наряду с термином *doing gender* также термин *undoing gender* для ситуаций, где пол коммуникантов не значим. Кроме того, ряд исследований показывает, что названные параметры в большинстве случаев взаимодействуют, поэтому определить, где заканчивается влияние одного и начинается воздействие другого, весьма затруднительно. Так, установлено, что вежливый, нацеленный на сотрудничество и в целом корректный стиль характерен как для женского общения, так и для общения среди лиц с высоким социальным статусом¹⁶.

2. Эмпирически сложно установить, как происходит гендерная самопрезентация (*Selbstdarstellung*), в каких случаях она выступает на передний план, а когда не играет роли.

С. Хиршауер настаивает на дискретном характере процесса конструирования гендерной идентичности (*doing gender*), исключая его имманентное присутствие. Х. Коттхофф предлагает

---

¹⁵ К. Уэст, Д. Зиммерман. Создание гендера (*doing gender*) // Гендерные тетради. Вып. 1. СПб., 1997. С. 94—124.

¹⁶ Н. Коттхофф. *Unruhe im Tabellenbild? Zur Interpretation weiblichen Sprechens in der Soziolinguistik* // S. Günthner, H. Kottthoff (Hrsg.). *Die Geschlechter im Gespräch: Kommunikation in Institutionen*. Stuttgart, 1992.

для обозначения этого процесса термин «градуированная релевантность» (*Relevanzgraduierung*)¹⁷.

Недооценка роли контекста

Пресуппозиция имманентного проявления гендера в речевом поведении независимо от контекста не подтвердилась. Убедительно удалось доказать для западноевропейских стран лишь стабильность интонационного рисунка: мужчины стремятся избегать выраженной эмфазы, так как в западноевропейской культуре она считается признаком женственности и экзальтированности. При этом гомосексуальные мужчины широко используют такую интонационную модель в качестве сигнала своей нетрадиционной ориентации.

На взгляд современных исследователей, вопрос состоит сегодня не в том, как говорят мужчины или женщины, а в том, каким образом, при помощи каких речевых средств, тактик и стратегий они создают определенные контексты. Далее необходимо изучать параметры этих контекстов и их влияние на успешность коммуникации.

Гиперболизация усвоения в детском и подростковом возрасте гендерно специфичных стратегий и тактик общения (гипотеза «гендерных субкультур»)

В конце 80-х — начале 90-х гг. возникла гипотеза «гендерных субкультур», восходящая к работе Гамперца¹⁸ по исследованию межкультурной коммуникации, а также к более ранним работам по этнологии, этнографии, истории культуры. В трудах Мальца и Боркер¹⁹ и Д. Таннен (см. в наст. изд.) принцип межкультурной коммуникации распространен на гендерные отношения. Согласно их предположению в лингвистическом аспекте женщины и мужчины переживают языковую социализацию по-

---

¹⁷ *H. Kotthoff. Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. Hierarchien, Theorien, Ideologien // Der Deutschunterricht, 1996. № 1. S. 9—15.*

¹⁸ *J. J. Gumperz. Discours Strategies. Cambridge, 1982.*

¹⁹ *D. N. Maltz, R. A. Borcker. Mißverständnisse zwischen Männern und Frauen — kulturell betrachtet // Günthner, Kotthoff (Hrsg.). Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Frankfurt am Main, 1991. S. 52—74.*

разному, так как в детстве находятся большей частью в разнополых группах, где приняты разные правила речевого поведения. Различие состоит в усвоении типичных для таких групп гендерных конвенций и стратегий коммуникации. Из-за различия культурно обусловленных интерпретационных конвенций нарушается понимание высказываний, что при вербальном общении мужчин и женщин провоцирует неадекватную реакцию и ведет к коммуникативным неудачам.

В этом случае ученые отказались от принципа интенционализма, поставив в центр изучения процессы социализации индивидов мужского и женского пола. Социализация индивида рассматривалась как присвоение им определенной субкультуры, которой свойственны особые речевые практики, разные в мужской и женской среде. Мужчины и женщины в детском и подростковом возрасте вращаются преимущественно в однополых группах, образуя субкультуры и усваивая свойственный им речевой этикет, стратегии и тактики. В дальнейшем это ведет к непониманию и речевым конфликтам, которые приравниваются к межкультурным.

Исследования мужской и женской коммуникации обусловили появление понятия «гендерлект» — постоянного набора признаков мужской и женской речи. Однако исследования последних лет все четче подвергают сомнению правомерность признания гендерлекта²⁰. Роль культурного фактора в этом случае сильно преувеличена. Различия в мужской и женской речи не столь значительны, не проявляют себя в любом речевом акте и в целом не свидетельствуют, что пол является определяющим фактором коммуникации, как это предполагалось на начальном этапе развития феминистской лингвистики. Сегодня признается лишь наличие некоторых стилистических особенностей мужской и женской речи; эти особенности носят вероятностный характер и зависят от ситуации общения.

Преобладание квантитативных (количественных) методов исследования

По данным Х. Коттхофф, при исследовании гендерных аспектов коммуникации в ФЛ в настоящее время преобла-

²⁰ *J. Samel. Einführung in die feministische Sprachwissenschaft. Berlin, 1995. S. 224.*

дают количественные методы, наиболее популярным из которых является подсчет длительности речевых отрезков, количества перебиваний и смен тем диалога. Однако сами по себе эти характеристики не могут считаться показательными, так как зависят от контекста и приобретают значимость лишь во взаимодействии с иными феноменами, зависящими от культурных традиций данного общества. Поэтому больше внимания должно быть уделено качественным методам эмпирического изучения культуры и общества.

Важную роль в преодолении крайностей сыграла и разработка новых теорий личности и социального взаимодействия. Современные теории социальной идентичности рассматривают гендер как «разыгрываемый» или конструируемый в ходе коммуникативного взаимодействия феномен²¹. Теория коммуникативной адаптации²² предполагает варьирование индивидами выбора языкового регистра в зависимости от их социальных целей. Так, говорящий может акцентировать или «затушевать» некоторые параметры своей личности в целях солидаризации с собеседником или дистанцирования от него. Следовательно, коммуникативная ситуация может оказывать глубокое воздействие на дискурс, что подтверждает интерактивную природу конструирования идентичности. В любом случае, однако, рассмотрение гендерных аспектов языка и коммуникации вне культурного контекста нельзя считать научным. Особенности гендерного концепта в разных языках и культурах, их несовпадение, а также последствия этого несовпадения в межкультурной коммуникации также представляют большой интерес для ученых.

Сегодня интенсивно разрабатывается общенаучная модель описания гендера, применимая в отдельных частнонаучных областях. Так, отмечается три типа интерпретации пола: *реистическая* (вещественная, которая рассматривает пол как группы людей), *атрибутивная* (приписывающая полу определенные свой-

---

²¹ M. J. Collier, M. Thomas. Cultural identity: An interpretive perspective // Y. Y. Kim, W. B. Gudykunst (eds). Theories in intercultural communication. Newbury Park, 1988. P. 99—122; Coupland J. Dating advertisements: Discourses of the commodified self // Discourse and Society, 1996. № 7. P. 187—207.

²² J. K. Burgoon, L. A. Stern, L. Dillman. Interpersonal adaptation: Diadic interaction patterns. New York: Cambridge University Press, 1995; H. Giles, N. Coupland, J. Coupland. Accommodation theory: Communication, context, and consequence // H. Giles, J. Coupland, N. Coupland (eds). Contexts of accommodation: Developments in applied sociolinguistics. Cambridge, UK, 1991. P. 1—68.

ства, которые в обществе принято демонстрировать при помощи уже упоминавшегося гендерного дисплея) и *реляционная* (в фокусе которой находятся взаимоотношения полов, отношения власти и подчинения, асимметрии и т. д.)²³.

В развитие идей американского историка Джоан Скотт Л. П. Репина предлагает модель научного исследования гендера, включающую четыре подлежащих анализу комплекса: «1) культурно-символический, 2) нормативно-интерпретационный, 3) социально-институциональный, 4) индивидуально-психологический. Иными словами, выстраивается... синтетическая модель, в фундамент которой закладываются характеристики всех возможных измерений социума: системно-структурное, социокультурное, индивидуально-личностное»²⁴.

Гендерные отношения пронизывают большинство сфер человеческой деятельности, поэтому изучение гендера — *гендерология*, — носит междисциплинарный характер и предусматривает четкое понимание того, что представляет собой *гендерный подход*. Гендерный подход «основан на идее о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает общество этим различиям»²⁵.

Как показано выше, теории, сформировавшиеся в результате привлечения к лингвистическому описанию информации, полученной психологией, биологией познания, культурологией, философией и рядом других антропоориентированных наук, изменили точку зрения на традиционный подход, при котором познание — это формирование новых ментальных репрезентаций, отображающих реальность. Согласно концепциям, возникшим под влиянием трудов У. Матураны, Дж. Лакоффа и нового осмысления идей Гуссерля и Хайдеггера, основная функция языка состоит не столько в передаче информации и осуществлении референции к независимой от него реальности, сколько в ориентации личности в ее собственной когнитивной области, т. е. язык

---

²³ О. В. Рябов. «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М.: Ладомир, 2001.

²⁴ Л. П. Репина. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого: Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002.

²⁵ Словарь гендерных терминов / Под ред. А. А. Денисовой. Региональная общественная организация «Восток — Запад: Женские инновационные проекты». М.: Информация — XXI век, 2002. С. 24.

рассматривается как система ориентирующего поведения, в которой коннотация играет решающую роль. Значимость индивидуальных параметров говорящего субъекта в связи с этим существенно возрастает.

Пол человека — одна из его важнейших как экзистенциальных, так и общественно значимых характеристик, во многом определяющая социальную, культурную и когнитивную ориентацию личности в мире, в том числе посредством языка. Общий для многих лингвистических направлений принцип «Человек в языке», установление и описание механизмов антропоориентированности языка вполне согласуются с учетом гендерного фактора. Более того, гендерный подход позволяет сделать еще один шаг вперед и не только описать антропоцентричную систему языка, но и изучить возможности и границы ее подсистем, связанных с мужественностью и женственностью как двумя ипостасями человеческого бытия. Антропоориентированный подход к исследованию языка и коммуникации тесно связан с когнитивной научной парадигмой и позволяет приписать мужественности и женственности статус концептов. Еще одним важным фактором изучения маскулинности и фемининности является признание их не только когнитивно, но и культурно обусловленными сущностями и перенесение их изучения в область лингвокультурологии и других наук, связанных с исследованием культуры и общества, а также в сферу взаимодействия культур и их отдельных представителей.

В свою очередь, гендерный подход основывается на ряде методологических принципов, важнейший из которых — релятивизация пола, т. е. отказ от биодетерминизма и интерпретация гендера как социально и культурно конструируемого феномена. Признание культурной обусловленности пола, его институциональности и ритуализованного характера ведет и к признанию его *конвенциональности*, неодинаково проявляющейся как в различных культурных и языковых сообществах, так и на различных этапах их развития. Все это позволяет подойти к феноменам *мужественность* и *женственность* не как к неизменной природной данности, а как к динамическим, изменчивым продуктам развития человеческого общества, поддающимся социальному манипулированию и моделированию и подверженным сильнейшему влиянию культурной традиции.

Из признания методологического принципа конструируемости, конвенциональности и относительной автономности генде-

ра от биологического пола следует обращение к анализу языка с целью выявления в нем манифестации гендера, его динамики и культурной специфики. Сформировавшись в период возникновения постмодернистской философии и во многом разделяя ее положения, гендерология обращается к структурам языка, признавая их значимую роль в механизмах культурной репрезентации пола, что делает лингвистику одной из важнейших научных дисциплин, с помощью которых может быть осуществлен процесс познания гендера. Исследованию в гендерном аспекте поддаются практически все области языка как системы и языка в его функционировании.

Гендер является компонентом как коллективного, так и индивидуального сознания, поэтому его необходимо изучать как когнитивный феномен, проявляющийся как в стереотипах, фиксируемых языком, так и в речевом поведении индивидов, осознающих себя, с одной стороны, лицами определенного пола, с другой — испытывающих определенное давление аксиологически не нейтральных структур языка, отражающих коллективное видение гендера.

И, наконец, следует осмыслить, что же меняет в лингвистическом описании применение понятия *гендер*. Гендерный концепт позволяет исследовать более широкий круг вопросов и взглянуть по-новому на знакомый феномен пола. Если категория *пол* (*sexus*) значима для анализа семантики ряда лексических единиц, где пол является компонентом значения, то гендерные исследования в языкознании охватывают значительно более широкий круг вопросов, рассматривая конструирование мужской или женской идентичности как один из параметров говорящей личности, т. е. в рамках прагматики. В этом случае гендер осмысливается как конвенциональная сущность, в чем и состоит его главное отличие от пола как биологической категории. Гендерный подход предполагает также исследование отражения гендерных отношений в истории языка, изучение пола как культурной репрезентации в лингвокультурологии; лексикографическое кодирование соответствующих единиц языка и т. д.

Соотношение понятий *sexus* и *gender* может быть раскрыто в языкознании следующим образом. Природный пол (*sexus*) является компонентом значения лексических единиц, отражающих экзистенциальные параметры индивида. *Гендер* отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на данном истори-

ческом этапе. Таким образом, *гендер* является более широким понятием, для изучения которого необходимо исследовать значительно большее количество феноменов языка, нежели лишь те его единицы, в семантику которых входит компонент *пол*. В то же время сами экзистенциальные характеристики человека, в частности его пол, интерпретируются обществом в зависимости от того, как осознаются им понятия *мужественность* и *женственность*. Поэтому для изучения гендера интерес представляют и те единицы лексикона, где отражена природная сущность *sexus*, так как ее восприятие носителями языка является в значительной мере социально обусловленным и соответствует моделям мужественности или женственности, в которых принадлежность к биологическому полу составляет лишь первичный субстрат. Кроме того, «гендерный профиль» индивида может не совпадать с его природным полом. Все это делает правомерным изучение зафиксированных в языке представлений о мужественности и женственности и связанных с ними моделей ориентирующего поведения индивидов.

Следует также учитывать, что гендерная концепция сложилась сравнительно недавно, в то время как понятие *пол* (*sexus*) отражено в наивной картине мира, в которой отсутствует понимание социокультурного субстрата пола. Язык фиксирует наивную картину мира. Гендер же — элемент современной научной модели человека: исследуя структуры языка, связанные с полом, лингвисты исходят сегодня из его социальной и культурной, а не только природной обусловленности. Но в самом языке, в его лексических значениях (на наш взгляд, за исключением научного дискурса) представлен именно пол (*sexus*). Следовательно, и те единицы языка, в значение которых входит компонент *пол*, могут быть рассмотрены с позиции гендерного подхода.

III.

Выше показаны смена методологических принципов изучения гендера и этапы развития гендерных исследований. Однако эти процессы в реальности обнаруживают значительно меньшую четкость, полны противоречий, характеризуются гетерохронностью освоения новых идей. Входящие в состав антологии произведения отражают эти сложности и дают читателю возможность ознакомиться как с ранними трудами, так и с новей-

шими исследованиями и аналитическими обзорами гендерной проблематики в языкознании.

К публикации подготовлены переводы работ, имевших широкий резонанс в языкознании и по-новому позволивших подойти к проблеме «Язык и пол» (книги Дж. Коатс и Д. Таннен), а также новые статьи методологического (Д. Камерон), обзорного (Коттхофф, 2003) и прикладного характера (Б. Барон, 1996). Разнообразные подходы к гендерной проблематике, представленные в антологии, позволяют читателю как ознакомиться с наиболее значимыми трудами последних лет, так и проследить эволюцию методологических взглядов, что для лингвистических гендерных исследований является весьма серьезным вопросом в силу специфики их развития, — от «алармистской» ангажированности, свойственной ранней феминистской лингвистике до взвешенного и учитывающего современные теории личности и лингвистические инновации интеракционистского подхода. В антологии представлены не только переводы с американского варианта английского языка, т. е. труды американских лингвистических школ, но и менее известные (по причине меньшей доступности) отечественному читателю, но не менее ценные в научном отношении работы немецких исследователей. Авторы всех представленных в антологии произведений являются ведущими и широко известными специалистами в своей области.

Включенные в антологию труды касаются разнообразных направлений лингвистики и теории коммуникации. В исследовании Дж. Коатс «Женщины, мужчины и язык» (1986) в нескольких ракурсах рассматриваются проблемы социолингвистики: проводится аналитический обзор большого количества работ, предлагается новый метод интерпретации данных и убедительно демонстрируется влияние социокультурных факторов на использование языка мужчинами и женщинами.

Известная во всем мире книга Д. Таннен «Ты меня просто не понимаешь. Женщины и мужчины в диалоге» (1991) в популярной форме (что делает произведение интересным и для неспециалистов) раскрывает коммуникативные неудачи в повседневном общении людей противоположного пола и предлагает модель их объяснения, основанную на противопоставлении понятий статуса и взаимозависимости. Именно Д. Таннен была автором термина *гендерлект*, до настоящего времени обсуждаемого в научной литературе.

Прикладное исследование Б. Барон «Закрытое общество: Существуют ли гендерные различия в академической профессио-

нальной коммуникации?» (1996) демонстрирует возможности гендерного подхода в исследовании речевого общения и коммуникативного взаимодействия. Автор рассматривает гендерную специфику выражения несогласия в университетских дискуссиях, предлагая четкую методику исследования и убедительно обосновывая последовательность постановки научных задач. Помимо интересных результатов, в статье разработан научный алгоритм исследования особенностей мужской и женской коммуникации с учетом новейших данных лингвистики и теории коммуникации.

Д. Камерон посвятила свою статью «Теоретические дискуссии в феминистской лингвистике: вопросы пола и гендера» (1997) теоретическим проблемам — современным концепциям гендера, различиям в анализе языка и коммуникации, связанным с выбором той или иной теоретической модели. Статья этого автора, безусловно, будет весьма полезна не только начинающим исследователям, но и специалистам, так как касается круга вопросов, активно обсуждаемых в среде гендерологов.

Статья Х. Коттхофф «Гендерные исследования в прикладной лингвистике» представляет собой современный (2003) и обстоятельный аналитический обзор гендерной проблематики в языкознании на современном этапе. Необходимость включения такой работы в антологию очевидна и не требует комментария.

При составлении сборника был избран диахронический принцип: все труды расположены по времени их создания — от монографии Дж. Коатс (1986 г.) до обзора Х. Коттхофф (2003 г.). Такая структура соответствует логике развития гендерных исследований в языкознании и эволюции самой лингвистики в последние десятилетия.

Дж. Коатс

**Женщины,
мужчины
и язык***

Перевод с английского С. А. Коноваловой

---

* *Coates J. Women, men and language. Longman, 1991.*

Первая часть

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1

Язык и пол

1.1. Введение

Существуют ли различия в речи мужчин и женщин? Моя книга — попытка ответить на этот вопрос. Мы рассмотрим проблему с точки зрения антропологии, диалектологии, социолингвистики и социальной психологии, чтобы, во-первых, доказать, что язык мужчин и женщин *действительно* отличается, а во-вторых, показать, *как* он отличается. Мы также попытаемся дать ответ на вопрос, который неизбежно возникнет: *Почему мужчины и женщины говорят по-разному?*

В настоящее время наблюдается рост интереса к социолингвистической вариативности, связанной с полом носителя языка. Однако немногие книги, имеющиеся в этой области, написаны с позиции американских исследователей и рассчитаны на массовую аудиторию. Статьи по этой проблематике разбросаны по научным журналам и не всегда легко доступны. Кроме того, отмечается появление отдельных разрозненных социолингвистических исследований, направленных на расширение наших знаний

о половых различиях, анализирующих расслоение социальной группы или речь этнических меньшинств. Одна из главных целей книги — логически последовательно изложить изучаемую проблему, обобщить и систематизировать ранее написанные работы о половых различиях в языке и сделать их доступными для заинтересованного читателя. Книга предназначена для тех, кто занимается социолингвистическими исследованиями и намерен изучать детально один из аспектов, а также всем интересующимся изучением половых различий. В основе книги — социолингвистические исследования, проводимые в Британии на материале английского языка.

Книга представляет собой в первую очередь социолингвистическое описание взаимосвязи языка и пола. Ее содержание не касается отношения языка и сексизма, за исключением общих вопросов, и не затрагивает дискриминирующую функцию языка в отношении женщин, а описывает разное использование языка мужчинами и женщинами в речи.

Заметим, что в работе я намерена использовать термин «пол», а не «гендер». «Гендер» — это более точный термин: «пол» относят к биологическим различиям, а «гендер» является термином, используемым для описания социально сконструированных категорий, основанных на различиях полов ввиду того, что большинство обществ оперирует понятиями «мужское» и «женское». Тем не менее термин «гендер» несовершенен из-за существования эквивалентного понятия в лингвистике. Грамматическая категория «род» в лингвистике служит для отнесения классов слов к мужскому — женскому — среднему роду; одушевленному — неодушевленному и т.д. Во французском языке, например, форма артикля изменяется в зависимости от рода существительного — *la table* (*the table* — женский), но *le livre* (*the book* — мужской). Строго говоря, книга об изменениях языка и гендера, но во избежание двусмысленности мы будем использовать термин «пол» (как и в большинстве социолингвистических работ)¹.

Мы начнем вводную главу с краткого изложения основных принципов социолингвистики, так как последующее изложение языковых различий мужчин и женщин будет представлено с применением категориального аппарата социолингвистики. После этого обзора последуют рассуждения о женщинах как социальной группе. В анализе социальной вариативности (как языковой, так и неязыковой) существует тенденция отрицания различий между мужчинами и женщинами. Если мы хотим исследо-

вать способы различного употребления языка мужчинами и женщинами, то, несомненно, у нас должны быть некоторые соображения по поводу того, каким образом женщины как группа отличаются от мужчин как группы.

При рассмотрении вопроса о половых различиях в языке мнения лингвистов расходятся, поэтому в последующей части главы я опишу два основных подхода, в основе которых лежат разные взгляды на статус женщин как группы.

1.2. Социолингвистика

Социолингвистика — это наука о языке в его социальном контексте. Изучение языка в социальном контексте означает непосредственное изучение **языковой вариативности**. В различных социальных ситуациях человек изъясняется по-разному — это явление мы называем **стилистической вариативностью**. К тому же говорящие, которые отличаются возрастом, полом, социальным классом, этнической группой, также будут отличаться друг от друга и речью даже в одном и том же контексте — это **социальная вариативность**. В сфере интересов социолингвистов находятся как стилистическая, так и социальная вариативность.

Социолингвисты проводят анализ речи, чтобы показать структурность, а не произвольность языковой вариативности: их целью является установление неоднородности типичного языкового сообщества. Если лингвисты-теоретики сосредоточиваются на исследовании идеальных высказываний идеального говорящего-слышающего в однородном языковом сообществе, то социолингвисты в качестве объекта изучения выбирают высказывания реального говорящего в реальном (гетерогенном) речевом сообществе.

В сфере научных интересов социолингвистов находится, главным образом, **разговорная речь**. Под разговорной речью понимается речь, спонтанно используемая людьми, хорошо знающими друг друга. Социолингвисты разрабатывают различные способы получения данных разговорной речи: от анонимного экспресс-опроса до длительного наблюдения над участниками коммуникации. При анонимном экспресс-опросе исследователь под видом покупателя задает вопрос или вопросы, составленные с целью достижения социально значимой реакции, а затем осторожно фиксирует ответ в записной книжке. При проведении дли-

тельных наблюдений исследователь взаимодействует с группой информантов в течение долгого периода времени и становится настолько «своим», что на магнитофон уже не обращают внимания. Даже при проведении стандартного интервьюирования социолингвисты стремятся получить как формальный, так и неформальный стили общения, апеллируя к информантам, например, с просьбой рассказать историю из своей жизни: метод индивидуального изложения способствует снижению фактора самосознания в речи испытуемого. Такая методологическая изобретательность стимулировалась восприимчивостью социолингвистов к «парадоксу наблюдателя» (Observer's Paradox) — проблеме, с которой столкнулись исследователи, стремящиеся проводить наблюдения над поведением людей вне эксперимента.

Социолингвисты заимствовали методы исследований из естественных наук, таких, как ботаника, зоология, и других. Информанты отбирались из произвольных источников, таких как списки избирателей, чьи анкеты отражали состав общества по возрасту, полу, социальному классу и прочим параметрам. (В фокусе недавних социолингвистических работ находились социальные группы: в них отбор информантов не был случаен, он был оправдан целями таких исследований.) Лучшие социолингвистические исследования показали системное варьирование языковых форм в зависимости от социального ракурса, например социального класса говорящего.

Интерес социолингвистов к разговорной речи отражает их убеждение в том, что исследование языка должно охватывать речь всех членов сообщества, а не только отдельно взятого диалекта, используемого меньшинством. Социолингвисты рассматривают литературный английский (Standard English) всего лишь как один из вариантов английского, представляющий не больший и не меньший интерес, чем любая другая его разновидность. Лингвисты же, в отличие от социолингвистов, отталкиваются от предпосылки, что литературный английский язык — *это и есть* английский (это происходит из-за совпадения: данный вариант используется большинством лингвистов). Социолингвисты подвергают сомнению точку зрения **большинства**. Их внимание в равной степени направлено не только на все варианты функционирования языка, но и на факт наличия в нелитературных разновидностях языка собственной устойчивой фонологической, морфологической, синтаксической и лексической систем. Таким образом, социолингвистический подход — это подход **меньшинства**.

Термины «большинство» (majority) и «меньшинство» (minority), употребленные здесь, относятся к разным подходам в отношении власти и контроля. Большое сообщество — то, которое обладает властью и контролем, а языки и диалекты большинства — те, которые используются большими сообществами. «Малый» — относительный термин. Малые общности и языки определяются в отношении к большим общностям и языкам. Настоящий термин не связан с количеством говорящих: может быть много говорящих на языках или диалектах малых общностей, но эти языки / диалекты не обладают таким же статусом, как языки / диалекты больших общностей. Для сравнения, основное направление лингвистики (Хомскианское — Chomskyan) может быть названо подходом большинства к языку, потому что оно сосредоточивается на языковых вариациях больших групп (властвующих), тогда как социолингвистика — подходом меньшинства, потому что фокусирует внимание на речи малых общностей (для дальнейшего обсуждения этих двух подходов см. [Deuchar & Martin-Jones 1982]).

1.2.1. Социолингвистика и женщины

Почему лишь недавно социолингвисты стали обращать внимание на взаимодействие языка и пола? Я хотела бы выделить две причины, проистекающие из истории развития социолингвистики и ее связи с лингвистикой и диалектологией.

Во-первых, хотя социолингвисты и отказались от субъективного отбора информантов, типичного для традиционной диалектологии, все же изначально суть этого отказа состояла в предпочтении городских информантов сельским и молодых пожилым. Несмотря на то что информанты обоих полов становились объектами многих исследований, по-прежнему велись эксперименты только с испытуемыми мужского пола (например, исследования темнокожих подростков Гарлема [Labov 1972b]; наблюдения Рида над эдинбургскими школьниками [Reid, 1976]). Я не знаю ни одного социолингвистического исследования, объектом которого были бы только *женщины* как носители языка.

Во-вторых, смена акцента с литературных вариантов языка на нелитературные произошла вследствие реакции на основное течение лингвистики (мейнстрим), что сказалось на методе изучения малых общностей, описанном выше. Все виды малых соци-

альных групп находились под пристальным вниманием исследователей, в частности, рабочие, этнические и подростковые группы. Женщины, однако, не воспринимались как малая социальная группа. Лингвистическая вариативность в совокупности с социальным классом, возрастом и этничностью — вот, что четко проявлялось в работах ранних социолингвистов. Как будет показано в четвертой главе, многие ранние социолингвистические работы в основном освещали социальную стратификацию речи. Другим же видам вариативности уделялось меньше внимания. Это положило начало развитию социальных наук и росту женского движения, в центре внимания которого находились женщины как социальная группа, обладающая своими собственными правами.

1.3. Женщины как социальная группа

Женщины представляют собой довольно необычную социальную группу. Для сравнения обратимся к «нормальным» группам. Рассмотрим рабочий класс Белфаста, выходцев из Западной Индии в Британии или подростков Ридинга — социальные группы, которые достаточно выделяются и которые не раз становились объектами социолингвистического анализа [Milroy 1980; Edwards 1979; Cheshire 1982a]. Несмотря на то что эти группы имеют определенные четкие различия, они обладают следующими общими характеристиками.

1. Они ЛИБО живут вблизи друг друга, по соседству (такие дискретные гомогенные сообщества иногда называются «гетто»), ЛИБО у них есть определенное место встреч (подростки встречаются на игровых площадках, на дискотеках и в клубах).
2. У них заметная и отличная от других субкультура.
3. Члены группы признают существование своего объединения и подтверждают свою причастность к нему: принадлежность к группе является обязательной частью их идентичности.

Отметим, что члены больших групп также принимают данные условия. Например, районы Хэмпстеда в Лондоне или Клифтон в Бристоле иногда называют «гетто среднего класса», и такая большая группа, вне сомнения, обладает особой, отличной от других культурой. Так как эта группа является доминирующей, в

ней отмечается неуважительное отношение к другим группам (иными словами, преобладающая группа воспринимается как нормальная или нейтральная, тогда как другие группы рассматриваются как отклонение от нормы). В результате культура большинства часто считается культурой всего общества. Например, литературный английский рассматривается как непосредственно английский язык.

Мужчины и женщины представляют собой специфичные социальные группы, характеризующиеся особыми чертами, так как в нашем обществе они стремятся к парному союзу, состоящему из одного мужчины и одной женщины: они никогда не живут на отдельных территориях (см. пункт 1), за исключением определенных обстоятельств. «В отличие от малых групп женщины не должны жить сообща в условиях, способствующих развитию коллективного группового сознания» [Williams & Giles 1978, 436]. Кроме того, если в других социальных группах четко осознаются границы между «своими» и «чужими», что часто ведет к конфликтам (например, между выходцами из Западной Индии и белыми, между подростками и взрослыми), то мужчины и женщины склонны общаться друг с другом доброжелательно. По всей видимости, наиболее существенно следующее: до сих пор неясно в какой степени пол как категория значим для женщин и мужчин. В оппозиции «мужское-женское» «мужское» является немаркированным членом и, следовательно, для мужчин социальная группа может оказаться более значимой категорией, нежели пол.

Что касается женщин, то степень идентификации их как социально значимой группы возрастает. По мнению социальных психологов, люди устанавливают социальную идентичность исходя из своей принадлежности к той или иной социальной группе, но как было указано, значимость группы определяется только в сравнении с другими группами. Генри Тайфель, социальный психолог, разработавший теорию внутригрупповых взаимоотношений и социального изменения [Tajfel 1974; 1975; 1978; 1981] занимался, в частности, изучением групп, члены которых имели низкую самооценку. Это происходит, когда группа имеет низкий социальный статус и рассматривается в терминах отрицательной оценки, по сравнению с другой группой. Поскольку можно утверждать, что женщины действительно принадлежат к социальной группе такого типа (в нашем обществе их оценивают — явно или скрыто — ниже мужчин, и, следовательно, они обладают бо-

лее низким социальным статусом), то будет полезно проследить, какие прогнозы теория Генри Тайфеля делает в отношении социальных групп в такой позиции, каким образом она освещает положение женщин в современном обществе и то, как они используют язык².

Тайфель утверждает, что члены групп с низким социальным статусом («малых групп» по определению, представленному выше) могут либо принимать, либо отвергать свое низкое положение в обществе. Если они принимают его, то стремятся достичь самоуважения и позитивной самооценки, действуя индивидуально, а не как группа. Для таких людей существуют две позитивные стратегии: во-первых, они могут сопоставить себя с членами своей группы; во-вторых, они могут самостоятельно попытаться присоединиться к группе, имеющей более высокий статус. Если же они отказываются принять низкий социальный статус, то пробуют, действуя самостоятельно, как группа, изменить данное положение вещей. Тайфель подчеркивает три возможных способа достижения более высокого социального уровня (порядок стратегий, данных здесь, имеет тождественную историческую последовательность):

1. Попытка достичь равенства и перенять ценности большинства — эта стратегия называется ассимиляцией;
2. Стремление пересмотреть характеристики, первоначально определенные обществом как отрицательные, и представить их в выгодном свете;
3. Стремление создать новые параметры для сравнения с доминирующей группой, устанавливая ценностные рамки и тем самым конструируя позитивный и четкий образ себя.

Таблица 1.1 представляет данную теорию в схематичной форме.

Насколько названная теория связана с истинным положением женщин в обществе сегодня? В прошлом женщины мирились со своим низким положением, позволяя группам более высокого социального статуса давать себе оценки и определения и принимая их как данность. Многие женщины и сегодня придерживаются такой позиции. Для создания положительного имиджа такие женщины сравнивают себя с *другими женщинами*. Значимыми параметрами для сравнения являются следующие занятия: шитье, приготовление пищи, забота о детях и собственная внешность. Потребность во внутригрупповом сравнении обусловило существование целой индустрии женских журналов. Женщины названного типа избегают сравнивать себя с мужчинами. Иногда женщи-

на, в принципе согласная с низким статусом женщин как социальной группы, предпринимает попытку покинуть женскую группу и быть принятой мужчинами. (Описанная стратегия трудноосуществима для групп женщин и темнокожих, имеющих очевидные физические отличия от других групп, но, например, для групп рабочего класса она широко применима.) Время от времени эта стратегия осуществляется в деловых и политических кругах — женщина успешно работает в мужском мире и по существу становится мужчиной. Однако, следуя этой стратегии, цели могут достигнуть только единицы, а не вся группа. Такое явление может быть названо *символизмом*.

Таблица 1.1

**Теория внутригруппового взаимодействия
и социального изменения Тайфеля**

В настоящее время женщины все больше осознают свой неравный социальный статус с мужчинами и все меньше готовы принимать такое положение дел. Соответствует ли теория Тайфеля их стремлениям изменить данное положение? Мы последовательно рассмотрим три предлагаемые стратегии и установим значимость каждой в поведении женщин в общем и в их языковом поведении в частности.

Ассимиляция

Совершенно очевидно, что в основном женщины применяют стратегию ассимиляции. Можно отметить определенный прогресс в достижении равных трудовых и законодательных прав: в 1970 г. был принят «Акт о равной оплате труда» и в 1975 г. — «Акт о половой дискриминации», также была учреждена комиссия по равным правам и возможностям, гарантирующая эффективное выполнение актов. Уильямс и Джайлз [Williams & Giles 1978], однако, считают, что усилие, предпринятое для изменения *явных* норм, фактически может отвлечь внимание от давно существующих *скрытых* норм, закрепляющих понятие низкого статуса женщин. Заметим, что если женщины добиваются успеха в какой-либо сфере деятельности, например в преподавании или секретарской работе, то в этой области значимость социального статуса снижается.

С точки зрения *языка* очевидно, что определенные группы женщин (занятые профессиональной или политической деятельностью) придерживаются этой стратегии.

Процесс ассимиляции с доминирующей группой происходит следующими способами:

1. Используется более низкая тональность голоса.
2. Употребляется бранная и табуированная лексика.
3. Заимствуется более напористая, самоуверенная манера общения.
4. Заимствуются просодические особенности типичные для мужчин (например, им более свойственно употребление нисходящей интонации, чем восходящей).
5. В обществе ведутся беседы на типично мужские темы: бизнес, политика, экономика.
6. Учащается нелитературное произношение (канал BBC — яркий тому пример).

Недостаток обсуждаемой стратегии заключается в том, что женщины переосмысливают себя с точки зрения *мужских* ценностей (ценностей доминирующей группы). Если женщина ищет собственное «я», то, вероятно, следует говорить об упущениях стратегии.

Пересмотр отрицательных характеристик

Эта стратегия более изучена в отношении малых обществ с широко известным примером в качестве лозунга «*Черный — значит красивый*». Положительная оценка того, что первоначально носило ярлык «плохой», также имеет очевидные языковые связи. Обратите внимание, например, на рост употребления западного варианта индийского языка, сложившегося на креольской основе, среди темнокожих подростков в Великобритании, и значение уэльского языка для уэльских сепаратистов.

Изменение отрицательного образа на положительный — довольно медленный процесс. Некоторые женщины начинают подчеркивать *ценность* для общества стереотипных женских качеств, таких как мягкость, забота о ком-либо, впечатлительность. Но в то же время они делают акцент на таких стереотипных мужских качествах, как самонадеянность, агрессивность, соперничество, которые не всегда полезны для общества. Понятие андрогиния (интеграция мужских и женских ролей) поддерживается¹. С лингвистической точки зрения стратегия является довольно новой. Некоторые женщины выступают против равноценного употребления местоимения «*he*» и «*man*» — *он* и *человек*, утверждая, что это заведомо понижает статус женщин. Что касается использования языка, самым значимым сдвигом представляется оценка женщинами преимуществ партнерского, кооперативного общения в противовес соревновательным стратегиям ведения диалога. Исследования, выполненные в этой области, характеризуют речевое поведение мужчин как конкурентное, отвергающее мнение предыдущего говорящего и настойчиво навязывающее свою собственную точку зрения как единственно возможную. Женщинам в беседе с другими женщинами, наоборот, присущ согласованный стиль общения: в их речи больше дополнений, чем перебиваний, они склонны больше к поддержке диалога, перебивание собеседника нехарактерно для женской речи (см. разделы 6.5 и 9.2). Статьи, обсуждающие эти различия, отмечают, что женщины начинают ценить свой стиль общения и возмущаются, когда им навязывают мужскую модель ведения диалога при общении в смешанной группе (в названных трудах такие понятия как *gossip* — «болтливость, разговорчивость» рассматриваются позитивно). Считается, что женщины менее категоричны; присущий им кооперативный стиль общения они оценивают положительно, в то время как мужскую тактику диалога подвергают критике.

Создание новых параметров для сравнения

С недавних пор женщины стали инициаторами создания новых моделей общественных организаций. Отличительной чертой таких организаций является отсутствие явного названного лидера или организатора. Например, полиция или пресса, интересуясь лидерами женских миротворческих лагерей Британии, не раз были поставлены в тупик ответом об отсутствии таковых. В основе общественной организации такого типа лежит кооперативная тактика общения, имеющая ценность у женщин и описанная выше в своем языковом выражении. Общей чертой всех собраний женских комитетов и организаций является либо отсутствие места для ведущего как такового, либо он (ведущий) попеременно избирается от одной сессии к другой (обратим внимание на то, что такие слова как *председатель* и *спикер* полностью запрещены). Иными словами, женщины формируют принципиально новые организационные модели. В них бесспорно включены различные лингвистические стратегии из числа тех, что предписаны традиционно мужским стилем ведения собраний с их четко определенным лидером, повесткой дня, регламентом и тщательно установленным порядком. Новая женская модель представляет собой более свободное, творческое и гибкое объединение и в любом случае отличается от мужской.

Из краткого описания женщин как социальной группы в свете теории Тайфеля мы смогли увидеть, что женщины по-прежнему находятся на раннем этапе процесса перемен. Не все женщины осознают несправедливость низкого социального статуса в обществе. Те, кто *действительно* считает свою зависимую позицию несправедливой, большей частью следуют стратегии ассимиляции: они работают над изменением законодательных и других социальных структур, способствующих установлению равноправного положения женщин. Как уже было сказано, хотя такого рода движения, возможно, являются существенной предпосылкой социальных изменений, длительное следование стратегии ассимиляции неэффективно для установления позитивной социальной идентичности, так как ассимиляция, по сути, означает признание норм доминирующей группы. Отказываясь принять нормы мужского общества и переосмысляя женские характеристики *положительно*, некоторые женщины передвигаются от второй стратегии Тайфеля к третьей. Но создание новой, положительной идентичности взамен старой и зависимой — это чрез-

вычайно медленный процесс, особенно в том случае, если доминирующая группа не принимает данного положения безоговорочно и стремится сохранить свой высокий статус.

1.4. Женщины, мужчины и язык

Мы рассмотрели природу социальных групп, природу зависимых (малых) групп в частности, а также способы, при помощи которых они пытаются изменить свой социальный статус. Мы охарактеризовали женщин как социальную группу, их положение в обществе и изменения их общественной позиции, происходящие в настоящий момент. Как мы сказали, перемены только начинаются. В книге достаточно много сказано об оценке общественной позиции мужчин и женщин. Это объясняется теми задачами, которые попытается решить социолингвистика — не только описать языковую вариативность и социальный контекст, в котором возникает изменение, но также показать, как эти изменения отражают социальную структуру. Социолингвистические исследования раскрывают не произвольность, а системность языковой вариативности, находящейся в прямой зависимости от общественных изменений, наблюдаемых в речи сообщества.

Структурность социальной вариативности в речи сообщества может быть интерпретирована более чем одним способом. Женщины как социальная группа, несомненно, *отличны* от мужчин. Как малая группа они рассматриваются с позиции *зависимых и слабых* (см. [Breakwell 1979]). Два основных подхода к половым различиям в языке отражают две точки зрения на статус женщин как социальной группы. Первый — подход **«различий»** — опирается на идею о принадлежности мужчин и женщин к разным субкультурам. Языковые изменения в речи мужчин и женщин интерпретируются как отражение субкультурных различий. (Сторонники данного подхода часто говорят о наличии «женского» и «мужского» языков.) Второй — подход **«доминирования»** — рассматривает женщин как зависимую группу и основу языковых изменений в речи мужчин и женщин видит в доминировании мужчин и зависимости женщин. Представляется, что оба подхода вносят ценный вклад в изучение природы половых различий в языке. Многие социолингвисты занимают компромиссную позицию (в следующих главах это будет освещено от-

дельно). Аргументы, касающиеся ценности этих подходов, приводятся в девятой главе.

Книга ограничивается анализом языковой вариативности, связанной с полом носителя языка. В ней описываются различия, обнаруживаемые в речи мужчин и женщин, и устанавливается зависимость изменений языка от социальных ролей, приписываемых обществом мужчинам и женщинам. Во второй главе раскрываются ранние представления общества о половых различиях в языке. В третьей главе оценивается вклад антропологии и диалектологии в изучение половых различий. Анализируя научные труды, написанные до становления лингвистики как дисциплины, мы перейдем к детальному рассмотрению социолингвистических исследований половых различий в языке: в четвертой главе фокус научного внимания будет направлен на количественные социолингвистические исследования, в пятой — на исследования, включающие понятие *социальной сети*. В шестой главе мы рассмотрим те исследования, которые изучают языковое поведение мужчин и женщин в широком смысле коммуникативной компетенции: среди них перебивание и молчание в диалоге, формы ругательств и вежливости, различные виды внутригруппового взаимодействия. Три первых главы будут связаны с разъяснением социальных функций, так как факты, представленные в них, неизбежно приведут к вопросу «почему?». Предлагается много всевозможных интерпретаций различий пола и языка, и в дальнейшем все они будут аргументированы и обсуждены. В заключительной части книги под названием «Причинно-следственные связи» будут подробно рассмотрены три взаимосвязанных области: пол в усвоении детьми языка (глава 7), природа языкового изменения и роль половых различий в становлении этого изменения (глава 8) и, наконец, социальная значимость половых различий в языке в смешанной коммуникации среди взрослых и использование языка в школьной среде (глава 9).

1.5. От автора

Человек не имеет возможности выбрать свой пол: каждый из нас либо мужчина, либо женщина. Вы, читающие эту книгу, получите удовольствие от чтения и пополните свои знания о том, что сегодня есть речь мужчины, а что — речь женщины. Вы также обобщите и систематизируете свои познания о

природе мужчины и женщины и, в частности, о женской и мужской речи. При осмыслении информации, представленной в книге, вам следует осторожно подходить к бытующим предвзятым мнениям и оценкам, а также и к своей собственной точке зрения. Также помните, что не только вы, читатель, имеете сомнения и предрешения, но также и автор книги, и различные ученые, к чьим лингвистическим трудам в процессе работы над книгой я буду обращаться. Понятно стремление любой дисциплины с помощью ученых преодолеть предрешения и объективно оценить новое научное знание, тем не менее не будет преувеличением сказать, что абсолютная объективность в такой близкой каждому из нас области, как вопросы языка и пола, вряд ли возможна.

Первым шагом к достижению гармонии и преодолению предвзятости мнений будет оценка того, какие различия между языком и полом являются фикцией, а какие реальностью. Первоначально для решения этого вопроса обратимся к исследованиям культурологической мифологии, связанной с половыми различиями в языке. В следующей главе под названием «Исторические предпосылки (I) — наивная лингвистика и ранние грамматисты» мы непосредственно обратимся к предмету нашего изучения.

Примечания

1. Термин «гендер» используется в тех устойчивых словосочетаниях в которых отсутствует двусмысленность и нет возможности альтернативного выражения смысла (гендерная идентичность, гендерная роль).
2. Обращение к статье Уильямс и Джайлз «Изменения статуса женщин в обществе» (1978) обусловлено необходимостью рассмотрения проблемы с позиции социальной психологии.
3. См. [Вет 1974; Вет 1975].

Глава 2

Исторические предпосылки (I) — наивная лингвистика и ранние грамматисты

2.1. Введение

Различия между мужчинами и женщинами всегда были предметом обсуждения, и считалось, что предполагаемые в их речи языковые различия увековечены в пословицах.

A woman's tongue wags like lamb's tail — Женский язык «пляшет» как овечий хвост (Англия).

Foxes are all tail and women are all tongue — Лисы славятся хвостом, а женщины — языком (Англия).

Ou fetme u a, silence n' u a — Там, где женщина, там нет молчания (Франция).

The North Sea will be found wanting in water than a woman at loss for a word — Скорее Северное море пересохнет, чем женщина не найдет, что сказать (полуостров Ютландия)¹.

Заметки современных наблюдателей, записанные в дневниках, письмах, поэмах, романах, также дают нам наивно-лингвистические представления о половых различиях в языке. К тому же более любопытные наблюдения об этом мы можем найти в ранних работах грамматистов. Не всегда легко провести границу между прошлым и настоящим, так как многие труды ученых, именуемых «грамматистами», в своем подходе к половым различиям в языке не более научны, чем наблюдения «обычных» людей. Иначе говоря, ученые — такой же продукт своего времени, как и неученые, и их подход к изучению языка может так же быть источником сомнений и предрассудков, как и наблюдения обывателей.

Далее мы увидим, что научные комментарии о половых различиях в языке отражают идеи своего времени. В некоторых случаях

такая тенденция приводит к поразительным противоречиям, если принять одно общее правило. Я назову его правилом андроцентричности (the Androcentric rule): речевое поведение мужчин авторы рассматривают как желательное и правильное; любые же изменения в языке, инициированные женщинами, расцениваются как вредные и предосудительные.

2.2. Наивная лингвистика

В этой главе я представлю обзор трудов от Средних веков до начала XX века (то есть работ, написанных до становления лингвистики как дисциплины). Я не ставлю перед собой задачу охватить весь материал; в большей степени я сосредоточусь на следующем круге вопросов: словарный состав, ругательства и табу, грамматика, грамотность, произношение, а также и разговорчивость.

2.2.1. Словарный состав языка

Возрастанию интереса к лексической и грамматической структуре языка, то есть к его словарю и грамматике способствовало развитие литературного произношения. Если один из вариантов языка выбирается в качестве стандарта, то за этим неукоснительно следует процесс кодификации. Кодификация касается как словарей (непосредственно связанных со словарным составом языка), так и грамматики (рассматривающей грамматические структуры языка). В Англии в XVIII веке публиковалось множество словарей и грамматик, представляющих собой попытки свести язык к правилам и узаконить «правильное» употребление.

Комментарии к половым различиям в лексике языка довольно широко распространены в работах XVIII в., как это представлено в следующих отрывках. В статье, написанной Ричардом Кембриджем для газеты «The World» от 12 декабря 1754 г., выражается предположение, что короткая жизнь женского словарного состава ассоциируется с несущественностью того, что они говорят:

Покорно прошу извинить... мои сомнения относительно уместности добавления к установленному и постоянному стандарту языка тех слов, которые канут в вечность, не прожив и года. Чем мы обяза-

ны дамам — так это многочисленными украшениями нашего языка, которые я с готовностью признаю (Cambridge 1754: цит. по [Tucker 1961, 93]).

Здесь перед нами предстает джентльмен XVIII в., столкнувшийся с проблемой изменения языка. Конечной целью кодификации была «фиксация» языка раз и навсегда. Однако словарный состав языка — эта та область, которая трудно поддается контролю. Ричард Кембридж не сообщает о причинах, по которым он возлагает на женщин ответственность за слова-однодневки.

Обращаясь к началу XX в., мы находим труды Отто Есперсена, датского профессора английского языка, занимавшегося вопросами изменения словарного состава. Он утверждает, что *мужчины*, а не женщины вводят «новые и свежие выражения» и поэтому именно мужчины являются «главными творцами языка» [Jespersen 1922, 247]. Эта очевидная непоследовательность может быть объяснена правилом андроцентричности (см. раздел 2.1). Согласно правилу, в эпоху, которая не жаловала лексические изменения, женщин считали виновными в распространении слов-однодневок. С другой стороны, Есперсен в 1922 г. установил, что изменение словарного состава неизбежно, и видел в нововведениях творческий процесс; поэтому он и приписывал мужчинам ввод новых лексических единиц.

Неизвестный сотрудник «The World» (6 мая 1756 г.) жаловался на чрезмерное использование женщинами определенных наречных форм:

Такие пышные высказывания наших сегодняшних модниц, которые могут испортить многие симпатичные ротки, никогда нельзя порекомендовать обычному человеку. Вот почему так не хватает подлинных слов, и слух ежедневно страдает от специфичных выражений таких, как *vastly, horridly, abominably, immensely, excessively* (*значительно, неприятно, отвратительно, чрезмерно*) которые, еще с тремя, четырьмя более предназначенными для общения в швейцарском духе, и составляют целую шкалу современной женской беседы (цит. по [Tucker 1961, 96]).

Эта черта языка женщин беззлобно пародируется Джейн Остин в произведении «Аббатство Нортенгер» (1813), в речи Изабеллы Горп:

«My attachments are always *excessively* strong» — «Мои пристрастия всегда *чрезчур* устойчивы»

«I must confess there is something *amazingly* insipid about her» — «Я должна сознаться, что в ней есть что-то *поразительно* безвкусное»

«I am so vexed with all the men for not admiring her — I scold them all *amazingly* about it» — «Я так сердита на всех мужчин за то, что они не восхищаются ей! Я *жутко* брюзжу на них по этому поводу» («Аббатство Нортенгер», глава 6, курсив наш).

На самом деле важно то, что именно Изабелла кокетлива, самолюбива и мелочна и что именно она употребляет наречия, а не Катрина — главная и не столь изошренная героиня произведения.

Использование такого рода наречных форм — это дань моде того времени, которая, очевидно, ассоциируется в общественном сознании с речью женщин. Лорд Честерфилд, написавший статью в «The World» от 5 декабря 1754 г., сделал очень похожие наблюдения по поводу высказывания неизвестного сотрудника, процитированного выше:

Суть не в обогащении нашего языка словами совершенно новыми (*снова обвинение в том, что женщины дестабилизируют словарь*), мои деревенские женщины идут еще дальше, изменяют слово, используя и расширяя старые значения до разных и очень несхожих смыслов. Они берут слово и разменивают его, как гинею, на шиллинги для повседневных мелких расходов. Например, прилагательное (*vast*) *крайний*, *значительный* и наречие (*vastly*) *значительно*, *крайне* могут означать, что угодно и являются модными словами модных людей. Светская дама... будет *крайне* благодарна, *крайне* обижена, *чрезвычайно* рада или *чрезвычайно* огорчена. Большие предметы будут *крайне* большими, маленькие — *крайне* маленькими; недавно я имел удовольствие услышать высказывание светской дамы, произнесенное счастливым голосом: очень маленькая золотая табакерка, выпущенная компанией, была *чрезвычайно* симпатичная, потому что была *чрезвычайно* маленькой (цит. по [Tucker 1961, 92]).

Лорд Честерфилд заканчивает с ироничной серьезностью обращением к одному из известных законодателей того времени, доктору Джонсону, чей «Словарь» (1755) стал поворотным моментом в процессе кодификации. «Мистеру Джонсону, — говорит лорд Честерфилд, — стоило бы серьезно заняться ограничениями различных и широких значений этого громадного слова (*vast* — *бескрайний*, *громадный*, *обширный*)».

Словарь Джонсона хорошо известен своими специфическими и двойственными дефинициями (Patron — «патрон, шеф» опреде-

ляется в общем смысле как «негодяй, поддерживающий насилие и любящий лести»). Джонсон фиксирует слова *flump* (*flirtation*) и *пугливый, страшный* (*frightful*) как «женский сленг». Такое объяснение отягощено субъективной оценкой. Вполне очевидно, что неизвестный автор из «The World», процитированный выше, — мужчина: все отрывки показывают, что авторы (мужчины) уверены в ограниченности и бессмысленности женского лексикона, а также в его пагубном влиянии на язык. Отметим, что «язык» определяется писателями XVIII в. как язык мужчин: нормой считается способ говорения мужчин, в то время как язык женщин рассматривается как отклонение.

В XX в. андроцентрическая направленность по-прежнему присутствует в исследованиях словарного состава английского языка. Есперсен включил главу под названием «Женщина» в свою книгу «Язык: его природа, развитие и происхождение» (1922). Достоинство этой главы в том, что в ней представлено обобщение существовавших в то время исследований по женскому языку в разных частях мира. Однако ее справедливо упрекали в некритичном признании сексистских утверждений о мужских и женских различиях в языке. В эту главу Есперсен также включил раздел о словарном составе языка. Ученый пришел к заключению, что «словарный запас у женщин, как правило, менее разнообразен, чем у мужчин». Он подтверждает это результатами проведенного американцем Джастроу эксперимента, в котором студенты обнаружили более разнообразный лексикон, чем студентки, когда их попросили записать сто (отдельных) слов.

В разделе о наречии Есперсен говорит, что женщины отличаются от мужчин частотой употребления определенных прилагательных, таких как *pretty* (*симпатичный*) и *nice* (*прекрасный*). Следует отметить, что американская лингвистка Робин Лакофф в книге «Язык и место женщин», которая для многих ознаменовала возникновение лингвистического интереса к половым различиям в XX в., особо выделяет так называемые «пустые» прилагательные, например *превосходный, очаровательный, милый...* как типичные по ее определению для «женского языка» [Lakoff 1975, 53].

По Есперсену, женщины еще больше отличаются от мужчин в употреблении наречий. Цитируя заметки лорда Честерфилда о наречии *vastly* (см. выше), Есперсен доказывает, что «именно это и есть характерная особенность: любовь женщин к преувеличению очень часто диктует моду на интенсивность использования наречий, и они во многих случаях употребляются без учета их ис-

тинного значения» [Jespersen 1922, 250]. (Это, конечно, вызывает вопрос, что такое «истинное» значение.) Есперсен приводит примеры из всех основных европейских языков. Это доказывает, что наречия широко используются в этих языковых сообществах, но автор не представляет достоверных данных, которые явственно показали бы, что их используют только женщины или преимущественно женщины.

Наречие *so* (*так, такой*) также рассматривается как обнаруживающее «что-то неизменно женское». Есперсен приводит данные из «Punch» от 4 января 1896 г.: «Это маленькое наречие в сочетании с прилагательными пользуется большой любовью дам». Этот отрывок представляет примеры «дамского употребления»: *It is so lovely! — Так мило!; He is so charming! — Он такой обворожительный!; Thank you so much! — Я вам так благодарна!; I'm so glad you've come! — Я так рада вашему приходу!* «Объяснение» Есперсена о половых предпочтениях в употреблении заключается в том, что «женщины гораздо чаще, чем мужчины, обрывают предложение, не закончив его, так как, они начинают беседу, не задумываясь о том, что собираются сказать...» [Jespersen 1922, 250].

У Робин Лакофф также есть раздел об употреблении усиленного *so*. Она утверждает, что «*so* более частотно в женском языке, чем в мужском, хотя, конечно, и мужчины могут использовать его» [Lakoff 1975, 54]. Как мы увидим в следующих разделах, между работами Робин Лакофф и Отто Есперсена существует много параллелей, и это удивительно ввиду того, что феминистки приветствовали книгу Лакофф, а книгу Есперсена подвергли резкой критике.

2.2.2. Ругательства и табу

«Свистящий моряк, кудахтающая курица и ругающаяся женщина — всем троим место в аду» (Whistling sailor, a crowing hen and a swearing woman ought all three to go to hell together).

Американская пословица

В этом разделе я буду рассматривать ругательства, проклятия, нецензурные выражения и всё то, что относится к «вульгарному языку». Мнение, что женский язык более вежлив,

более совершенен — одним словом, более благороден, широко распространено и сохраняется на протяжении многих веков.

Вульгарность — это культурный конструкт, и есть основания полагать, что возникшие в Средневековье новые, изысканные традиции, формируя аристократичные манеры, также создавали и вульгарность. Примером вульгарного языка являются французские *фаблио* (*fabliaux*) — комические сказки Средневековья, которые, вероятно, написаны отчасти в ответ на новую моду «чистого» языка. Фаблио «Дама, которая отомстила рыцарю» («*La Dame qui se vengja du Chevalier*») [Montaignon et Raynaud 1872—90: 6] отчетливо выражает «галантное» табу, порицающее употребление мужчиной непристойного языка в присутствии женщины. Мужчина и женщина вместе в постели, когда мужчина допускает оплошность (*faux pas*): «рыцарь сверху взглянул ей прямо в лицо и увидел, что она теряет сознание от удовольствия». Потом он не сдержал свою глупость и сказал ей что-то очень грубое. Прямо после этого он спросил ее: «*My lady, would you crack some nuts?*» — «Дорогая, не хочешь ли пошелкать орешков?» (букв.: не хочешь ли ты перепихнуться) — (перевод [Muscatine 1981, 11]). *Croistre noiz* (*crack nuts*) — синоним слова *foutre* (переспать, перепихнуться). Женщина очень обижается и намеревается отомстить ему.

В противоположность этому сюжету существует группа из трех *фаблио* (две версии «Дама, которая не могла ни слышать, ни говорить “сделай это”» («*La damoisele qui ne oïr parler de foutre*») и «Невинная девушка, которая...» («*La pucele qui abevra le polain*»), которые могут быть расценены как критика языкового ханжества женщин и которые защищают использование просторечных (вульгарных) форм. Во всех трех версиях истории героиня — чопорная (*dédaigneuse*) молодая женщина, не выносящая никаких слов, связанных с сексом, — так они задевают ее. Отец не держит в доме слуг мужского пола, так как их речь не подходит для ушей его дочери. Герой — умный молодой человек — приходит в дом под предлогом поиска работы и притворяется, что ему омерзителен непристойный язык. Тем самым он завоевывает доверие отца и дочери. Девушка так убеждена в его чистоте, что даже приглашает спать в своей постели. Происходит взаимное обольщение, и, во избежание использования табуированных выражений, любовники употребляют тщательно отобранные метафоры, например *ronies*, *meadows*, *fountains* (*пони*, *луга*, *фонтаны*) и т.д. Писатель дает комментарии к одной из версий: «Этим примером я хочу показать, что женщинам не надо быть слишком гордыми и следует громко ска-

зять “*выдери меня*” (*fuck out*), все тем более, что равно они этим занимаются» (перевод [Muscatine 1981, 14]). Юмор этих историй основан на нелепом контрасте между неприязнью женщины к *словам* и удовольствием в *акте*. В известном отрывке из «Романа о Розе» («*Roman de la Rose*») (1277) критикуется использование эвфемизмов и иносказаний, а использование простого языка приветствуется. Писатель замечает: «Если женщины во Франции не называют их (*coilles* — фр.: шары, яйца), то это означает всего-навсего дань привычке» (перевод [Muscatine 1981, 17]). Табу в языке, видимо, существовали всегда, но, похоже, изысканные традиции Средних веков, вознесшие женщин на пьедестал, укрепили языковые табу, а также осудили употребление вульгарного языка женщинами и мужчинами в присутствии женщин.

Устойчивость наивно-лингвистических представлений о разном использовании ругательств мужчинами и женщинами отражается в критике системы воспитания детей благородных сословий, представленной Элиотом в произведении «Гувернер» («*The Governour*») (1531). Элиот рекомендует, чтобы ребенок достойного джентльмена воспитывался женщиной, которой не разрешается «произносить никаких неприличных слов» в его присутствии. Чтобы ребенок не слышал таких слов, он настоятельно советует не допускать мужчин к воспитанию.

Шекспир, наоборот, осмеивает этот культурный стереотип. В пьесе «Король Генрих IV» Готспер ругает свою жену за использование просторечных выражений:

Hotspur: Come, Kate, I'll have your song too.

Lady Percy: Not mine, in good sooth.

Hotspur: Not yours, «in good sooth»! Heart!

You swear like a comfit-maker's wife!

Not yours, «in good sooth»; and «as true as I live»;

and «as God shall mend me»; «as sure as day»;

And givst such sarcenet surety for this oaths,

As if thou never walk'dst further than Finsbury.

Swear me, Kate, like a lady as thou art,

A good mouth-filling oath; and leave «in sooth»

And such protest of pepper-gingerbread

To velvet-guards and Sunday citizens

(I Henry IV, III. I. 248ff.).

Готспер: Теперь я хочу твою песенку, Кэт.

Леди Перси: Как бы не так, ни за какие коврижки.

Госпер: Как бы не так, ни за какие коврижки!
 У тебя выраженья, словно ты жена булочника.
 «Как бы не так», «держи карман шире»,
 «накажи меня Бог», «чтоб мне света не видать».
 Ты божишься, как будто ты весь век
 за Финсберийский вал не выходила,
 Уж если речи клятвой подкреплять,
 То крупно, во весь голос, по-дворянски.
 А клятвы с ароматом имбиря
 Оставь воскресным парам на гулянье,
 Мещанам с бархатом на обшлагах*.

Шекспир в данном отрывке показывает, что просторечные выражения связаны не только с полом, но и с социальной группой. Готспер настоятельно просит Кэт не ругаться, как жена булочника и другие «воскресные граждане» (буржуазия), а говорить, как подобает «истинной леди», то есть аристократке.

Как показано в предыдущем разделе, джентльмены XVIII в. осознают факт языкового изменения. Артур Мэрфи в остроумной статье в журнале «*Gray's Inn*» от 29 июня 1754 г. предлагает создать «Регистр рождения и смерти слов». Он смело развивает эту мысль:

Разграничение слов может проводиться в соответствии с полом, то есть слова, относящиеся к женщинам, и слова, относящиеся к мужчинам, например, *D-n my blood* имеет мужское происхождение, а *Pshaw; Fiddlestick* (дословно «смычок») — Фи! Фу! Тьфу! — я отношу к женским... (цит. по [Tucker 1961, 86]).

Идея разграничения мужских и женских нецензурных слов и выражений по-прежнему широко поддерживается. Спустя 200 лет Робин Лакофф делает точно такое же наблюдение, как и Артур Мэрфи:

Рассмотрим:

- а) «Oh dear! You've put the peanut butter in the refrigerator again». — «О, дорогой, ты опять положил арахисовое масло в холодильник»;
- б) «Shit!! You've put the peanut butter in the refrigerator again». — «Черт, ты опять положила арахисовое масло в холодильник». Можно сделать уверенный прогноз, что люди классифицируют первое предложение как составляющую «женского языка», а второе — как «мужского». [Lakoff 1975, 10].

* Перевод Б. Пастернака. Ч. I. С. 109, акт III.

Позднее Лакофф обобщит свою позицию: «Женщины не употребляют непристойных и неделикатных выражений; женщины — это настоящие специалисты по эвфемизмам» [Lakoff 1975, 55].

Хотя Лакофф и отмечает, что затрагивает в большей степени «общие тенденции», а не «сотни корреляций», тем не менее она довольствуется представлением такого наивно-лингвистического материала, неподтвержденного какими-либо исследовательскими выводами, которые можно принять или опровергнуть. Менее удивительно, что Есперсен в 1922 г. высказал такую точку зрения:

Не может быть никаких сомнений, в том, что женщины оказывают огромное и всеобщее влияние на развитие языка благодаря их подсознательному уклонению от непристойных, грубых выражений и их склонности к использованию чистых и (в некоторых случаях) завуалированных и уклончивых фраз.

Далее он переходит к особым случаям ругательства:

Среди того, против чего женщины возражают в языке, должны быть упомянуты все виды ругательств.

В сноске он дополняет:

Существуют большие различия в отношении к брани между различными нациями; но я думаю, что в тех странах и в тех обществах, где ругань — норма, чаще ее можно обнаружить среди мужчин, чем среди женщин, во всяком случае, это верно для Дании [Jespersen 1922, 246].

Названные авторы склонны отмечать большую вежливость женщин в использовании языка, но мы должны задать вопрос, не является ли то, что они делают, попыткой указать женщинам, как им *следует* говорить. Избежание ругательств и грубых слов приветствуется в речи женщин как идеал, к которому стремятся (так же как и молчание, как мы увидим в разделе «Разговорчивость»). Несомненно, что люди в течение долгого времени задумывались над различным отношением женщин и мужчин к употреблению ругательств и табуированных выражений. В шестой главе мы увидим, что нам по-прежнему не хватает научных данных, способных подтвердить или опровергнуть это представление.

2.2.3. Грамматика

Развитие литературного английского языка способствовало осознанию языковой вариативности, и в связи с этим лучшему пониманию того, что есть нормированность языка. Когда стандарт принимался и кодифицировался, то формы, отклоняющиеся от него, рассматривались как «неправильные». В XVIII в. познание в грамматике еще не достигло современного уровня. Грамматики были, скорее, предписывающими, чем описательными, формулирующими законы правильного употребления. В них часто входили разделы по правописанию и пунктуации, которые показывают, насколько рано грамматисты за основу своих трудов взяли *письменный* язык.

Самые ранние исследователи грамматики и риторики рассматривали «правильный» порядок элементов во фразе, например *мужчины и женщины*:

Некоторые ставят карету впереди лошади, например, когда говорят: моя мама и мой папа дома, даже не осознавая неправильности своих слов. Хотя так часто и случается (один Бог знает, почему), но, по крайней мере, в разговоре давайте придерживаться естественного порядка и ставить мужчину перед женщиной, как предписывает этикет*.

Идея «естественного порядка» и превосходства мужского бесцеремонно навязывается и в употреблении языка: «мужской род ценнее, чем женский» [Poole 1646, 21]. Возможно, эта идея явилась необходимой предпосылкой правила о поло-неразличительном, родовом местоимении (*sex-indefinite*) *he*, вытесняющем употребление *they* или *he, she* в тех случаях, когда пол субъекта неизвестен.

Сравните следующие три предложения:

1. Someone knocked at the door but they had gone when I got downstairs (Кто-то постучал в дверь, но когда я спустился, они ушли);

---

* Some will set the Carte before the horse, as thus, my mother and my father are both at home, even as though the good man of the horse ware no breaches, or that the grayer Mare were the better horse. And what though it often so happeneth (God wotte the more pitte) yet in speaking at the least, let us keep a natural order, and set the man before the woman for manner sake (Wilson 1560, 189).

2. Someone knocked at the door but he or she had gone when I got downstairs (Кто-то постучал в дверь, но когда я спустился, он или она ушли);
3. Someone knocked at the door but he had gone when I got downstairs (Кто-то постучал в дверь, но когда я спустился, он ушел).

В соответствии с предписывающей грамматикой только последнее из высказываний является «правильным» (первое — «неправильное», а второе — «нескладное»). Часто цитируемое утверждение Джона Кикби из «Новой английской грамматики» («New English Grammar») 1746 г. гласит:

Лицо мужского рода откликается на общее имя, которое подразумевает и мужское и женское; поскольку любой человек знает то, что он говорит [Kirkby 1746, 117].

За недостатком места мы не можем в полном объеме обсудить альтернативные заслуги родового (generic) *he* и *they* в значении неопределенного лица в контексте, требующем местоимения, не различающегося по полу (для детального изучения см. [Bodine 1975b]). Важный момент состоит в том, что андроцентрические (мужское как норма) отношения, достаточно заметные в ранних трудах по языку, были действительно взяты за основу для некоторых описательных правил грамматики. Многие люди рассматривают феминистскую точку зрения на использование родового *he* как вводящую в заблуждение и обреченную на неудачу. («Я чувствую... что попытка изменить употребление местоимений бесполезна» [Lakoff 1975, 45]). У этих людей вызывает недоверие тот факт, что существующее правило было навязано носителям языка мужчинами-грамматистами XVIII в. Наивно допускать, что кодификация была нейтральной и свободной от модных веяний: те, кто формулировал законы, несомненно, определяли как «правильное» такую грамматическую форму, которую они по какой-либо причине предпочитали.

Что касается грамматики, писатели, наблюдая за языком, высказывают предположение, что женщины часто бывают виновны в неправильном словоупотреблении. Следующий отрывок является типичным для своего времени:

Вчера я вошел в гостиную, где обнаружил миссис Корнелию, третью дочь моей дамы, как всегда одну, читающую газету, в которой,

как я позже обнаружил, были стихи о любви и дружбе... По почерку, с первого взгляда, я не мог догадаться принадлежали ли они даме, но, надев очки и внимательно прочитав, по своеобразному стилю орфографии и некоторой небрежности в грамматике я понял, что это был сонет, написанной женщиной [Richard Steele 1713]; цит. по [Tucker 1961, 69].

Лорд Честерфилд замечает (1741): «...большинство женщин и вообще все простые люди разговаривают с явным пренебрежением к грамматике». Генри Тилни рассказывал Катрин Морланд, что «обычный стиль письма, используемый среди женщин, безупречен, за исключением трех моментов: общей пренебрежительности к предмету, абсолютной невнимательности к точкам и очень частого игнорирования грамматики» («Аббатство Нортенгер», 1813). Хотя автор иронизирует, мы можем предположить, что такого рода насмешки по поводу незнания грамматики в то время высказывались в адрес женщин.

Есперсен, несомненно, может много сказать о грамматических различиях в языке мужчин и женщин. Как мы уже увидели (в отношении к *so* см. раздел 2.2.1), он уверен, что женщины часто говорят незаконченными предложениями (в результате того, что не думают перед тем как сказать!). Он утверждает, что это, в частности, касается восклицательных предложений, и иллюстрирует это следующими примерами из литературы:

Mrs. Eversleigh. I must say (но не находит слов) (Я должна сказать) (Hankin; цит. по [Jespersen 1922, 251]).

The trouble you must have taken! — Hilda exclaimed (Неприятность, в которую Вы, должно быть, попали! — воскликнула Хильда) (Compton-MacKenzie; цит. по [Jespersen 1922, 251]).

На самом деле такие высказывания могут делать представители обоих полов. Понятие незаконченного предложения вырастает из рассмотрения письменного языка как первичного. Предложение — это основная единица письменной речи, но анализ разговорного дискурса (относительно новый термин) говорит о том, что предложение не может быть релевантной категорией речи. Однако вследствие того, что мужчины были более образованы, чем женщины, вероятно, их речь более соответствовала письменным нормам. Следовательно, иначе говоря, различия между мужчинами и женщинами могли выявляться в письменном языке. Но у нас нет статистических данных, подтверждающих эту гипотезу.

Второе утверждение Есперсена касается понятий **паратаксис** и **гипотаксис**. Части сложного предложения могут соединяться между собой различными способами. Паратаксис — термин, используемый для описания последовательности частей сложного предложения, не имеющих указания на связь друг с другом (части предложения просто ставятся рядом): 1-я часть, 2-я часть (например, *I got up, I went to work*). Близкая к этому, но не всегда включенная в понятие «паратаксис» связь, — **сочинение**. В сочинительном предложении части соединяются между собой при помощи сочинительных союзов (*and, but* и т. д.): 1-я часть *and* (и) 2-я часть (например, *I got up and I went to work*). Гипотаксис — термин, используемый для описания последовательности частей сложного предложения, соединенных **подчинительными** союзами (*after, when, because* и т. д.): *after* 1-я часть, 2-я часть / 1-я часть *after* 2-я часть (например, *after I got up I went to work / I went to work after I got up*).

Основным отличием этих двух моделей является то, что паратаксис содержит ряд главных предложений, равноправных между собой, а гипотаксис состоит из главного и одного или более придаточных предложений, подчиненных главному. Логическая связь между частями предложения в гипотактическом стиле выражена **явно**, а в паратактическом стиле **скрыта**.

В нашей культуре существует давняя традиция пренебрежения паратаксисом и превозношения гипотаксиса. Паратактические конструкции называют «примитивными», предположительно, из-за того, что в их поверхностной структуре недостаточно четко выражены связи. Гипотактические конструкции, наоборот, всеми признаются, особенно подвижниками Ренессанса. Необходимо напомнить, что классическое латинское предложение содержит сложное подчинение, а пиетет к классике очень высок.

Есперсен при анализе различий в синтаксисе мужской и женской речи также указывает на это отличие:

Если мы сравним долгие периоды (= предложения), составленные мужчинами и женщинами, то у первых мы обнаружим много примеров сложных и проникающих одна в другую структур; с относительными предложениями в середине условного и, наоборот, с подчинением и субподчинением, тогда как типичной формой длинных женских периодов является сочинение; одно предложение или часть предложения добавляется к другой на одном и том же уровне между соответственными идеями и маркируется не грамматически, а эмоционально — ударением и интонацией, а в письме — подчерки-

ванием. На языке терминов, мужчины предпочитают гипотаксис, а женщины паратаксис [Jespersen 1922, 251].

Различие между *грамматическим* и *эмоциональным* неясно, но, видимо, *эмоциональный* имеет негативный, уничижительный оттенок и позволяет предположить, что Есперсен говорит о превосходстве гипотактического стиля. Он продолжает двумя известными сравнениями:

Мужское предложение подобно набору китайских коробочек, одна в другой, тогда как женское похоже на жемчужины, нанизанные на нить из союзов *and* и других подобных слов [Jespersen 1922, 252].

Есперсен, хоть и большой сексист, но все-таки джентльмен!

В последнее время паратактические и гипотактические различия используются для различения ограниченного и разработанного кодов Бернштейна².

Бернштейн, не прибегая к этим терминам, обращается к обусловленному культурой мнению, что гипотаксис — высшая модель структуры: он утверждает, что подчинение типично для разработанного кода, тогда как ограниченный код использует «простые» сочинительные предложения. Лингвисты соглашались с тем, что, в сущности, нет ничего выше, чем конструкция, содержащая подчинительные предложения. Однако отмечается, что гипотактические конструкции типичны для письменного языка, в то время как паратактические — для устной речи.

Мы можем представить эти связи в простой таблице (2.1).

Таблица 2.1

**Языковые доминанты паратаксиса и гипотаксиса
(реальные и гипотетические)**

	Паратаксис	Гипотаксис
<i>Типичны для</i>	англосаксонской прозы речи	прозы Ренессанса и пост-Ренессанса письма
<i>Предположительно типичны для</i>	ограниченного кода языка женщин	разработанного кода языка мужчин

Как было сказано выше, среди ученых существовала тенденция принимать за эталон официальную письменную прозу. Оба

утверждения Есперсена о синтаксисе женщин относятся скорее к различиям между разговорным и письменным языком. Письменный язык (в частности, печатный материал) большей частью написан мужчинами (см. раздел 2.2.4). Это значит, что Есперсен мог судить о мужчинах по письменному синтаксису, а о женском синтаксисе, вероятно, делал заключения, исходя из разговорного языка.

2.2.4. Грамотность

Этот раздел непосредственно связан с предыдущим. Нет сомнений, что до того как в XX веке государственное образование стало обязательным для всех, женщины имели меньше возможности получить образование, чем мужчины. До XIX в., вероятно, только женщины среднего и высшего класса были грамотны, но даже тогда, когда мы говорим *грамотный*, мы подразумеваем грамотность в родном языке. Братья и мужья этих женщин владели также и классическими языками. Классическая латынь и греческий язык не были родными языками для каждого. Они продолжали существовать только в мужском мире школы, университета и церкви. Когда Мильтону задали вопрос, будет ли он обучать своих дочерей языкам, он якобы ответил: «Одного языка для женщины достаточно».

Следующая цитата показывает, что хотя джентльмены XVII и XVIII вв. и соглашались с тем, что язык женщин, особенно письменный, имел свои недостатки, тем не менее не все они выступали против изменения положения дел при помощи образования. Отрывок взят из введения к работе «The Many Advantages of a God language to any Nation: with an Examination of the Present State of our own: As also, An essay towards correcting some Things that are wrong in it» («Преимущества хорошего языка для любой нации на примере исследования нашего государства, а также опыт исправления существующих ошибок»). Эта работа приписывается Томасу Уилсону (1663—1755), епископу Содорскому и Манскому. Акцентируя внимание на силе слов, писатель предупреждает, что неправильное употребление слов негативно отражается на носителе языка.

Мы от всего сердца желали бы, чтобы прекрасный пол мог обратить внимание на эту последнюю причину; многие милые дамы из-за глупости своих слов теряют очарование, которое возникает при виде

их лиц. Так как разум имеет более прекрасное и длительное очарование, чем тело, и если бы они пленяли чувства мужчин, они бы не пренебрегали этой высшей красотой. Так как эти совершенства зависят не от силы руки, а от быстроты ума, которое приятно видеть и слышать, и поскольку этими талантами природа, без сомнения, наделила этот пол так же щедро, как и наш, то неправильность в словах, орфографии и ином, над которыми обычно смеются, происходит не из-за недостатка ума, а из-за небрежности и их обделенности в образовании. Эти очерки созданы в помощь женщинам, так же, как и всем остальным [Wilson 1724, 37].

Далее автор указывает на важность образования матерей. Мы все можем восторгаться его либеральным отношением, однако, заметим, что его комментарии адресованы исключительно мужчинам (...несомненно, природа так же щедра к их полу, как и к нашему...). В то время когда это было написано (1724), письменные произведения женщин были предметом насмешек; к тому же очевидно, что женщины получали очень ограниченное образование. Свифт со свойственным ему преувеличением высказывает ту же точку зрения в «Письме к молодой леди по случаю ее свадьбы» (1727):

Несколько огорчительно, что среди тысячи дочерей благородных отцов не найдется и одной, обученной читать и понимать свой родной язык или судить о самых простых книгах, на этом языке написанных.

Насмешки Генри Тилни над Катрин по поводу женской манеры написания писем, приведенные в предыдущей главе, показывают, как мало что-то изменилось даже век спустя.

Руссо [Rousseau, 1712—1728] осуждает женские литературные произведения по иным причинам, нежели те, о которых мы уже знаем. Он говорит:

...того красноречия, того грандиозного восторга, который дает наслаждение каждой частице души, всегда будет не хватать женскому произведению. Они все холодны и прекрасны, как их авторы. Они могут отражать великий разум, но никогда душу (Rousseau, la Lettre d'Alembert sur les Spectacles, перевод [Peggy Kamuf 1980, 290]).

Во времена романтизма, следовательно, женское письмо считали неполноценным, потому что произведениям не хватало страстности. Мы можем противопоставить этому вывод Есперсена о женском предпочтении паратактических моделей (см. раз-

дел 2.2.3), согласно которому они более «эмоциональны», тогда как мужчины более «грамматичны». Это противоречие легче понять исходя из того, что каждая эпоха пересматривает то, что следует принять и чего избегать в языке (**правило андроцентричности**). Мнение Есперсена и Руссо сходятся в том, что женщины пишут менее искусно, чем мужчины.

И только в XX столетии, мы можем считать само собой разумеющимся, что женщины грамотны, что женщины имеют равный доступ к образованию и что женские голоса звучат наравне с мужскими (по крайней мере, в теории). Комментарии женщин по поводу письма дают нам возможность проникнуть в суть проблем, связанных с использованием средств выражения, которые испокон веков находились в руках мужчин. Так, Вирджиния Вульф рассматривает форму письменного предложения:

По-прежнему остается верным, что до того, как женщина получила возможность писать так, как желала, она столкнулась со многими трудностями. Для начала следует сказать о технической трудности, такой простой с виду, а на самом деле ставящей в тупик, — это сама форма предложения, которая была не приемлема для нее. Само предложение создано мужчиной, оно слишком пространно, слишком нагромождено и слишком помпезно для употребления женщиной. Даже в романе, занимающем много места, необходимо найти такой доступный и обычный тип предложения, который бы легко и свободно пронес бы читателя из одного конца книги в другой. И это женщина должна сделать для себя, переделывая и адаптируя существующее предложение до тех пор, пока оно не примет естественную форму ее мыслей, не разрушая и не искажая их (Woolf 1929, опубликовано в [Woolf 1979, 48]).

Хотя некоторые будут заниматься обсуждением сексистской идеи о том, что мысли женщин по форме отличаются от мужских и поэтому нуждаются в разном выражении, никто не станет отрицать, что письменный язык еще до развития романа был мужской прерогативой. Пишущие мужчины обучены риторике, и их стиль письма представляет традиционную модель мышления и выражения. Повлекло ли это за собой формирование какого-нибудь особенного типа предложения — пространного, нагроможденного, помпезного, возможно, находящегося под влиянием классических моделей, — этот вопрос требует детального исследования. Однако процесс повышения грамотности женщин явно шел не без трудностей. Вероятнее всего, трудности женщин

с письменным языком были предметом насмешек мужского разума, а не предметом сочувственного понимания.

2.2.5. Произношение

Совершенствование литературного варианта письменного английского языка сопровождалось совершенствованием литературного варианта разговорного английского языка. После создания нормативной грамматики и лексики возникла необходимость в эталоне произношения. Произношение, обычно связываемое с литературным английским языком, R. P. (Received Pronunciation), отличается от всех других английских вариантов языка тем, что не имеет отношения к какому-либо географическому региону. Развитие разговорного стандарта сопровождается появлением идеи о том, что же создает «хорошую» речь. Вследствие того что культура речи Лондонского суда стала престижной, другие варианты произношения приобрели социальную маркированность. Комментарии современных авторов вновь обнаруживают андроцентрическую точку зрения на использование языка и рассматривают речь женщин как отклонение от (мужской) нормы.

Элиот, в «Гувернере» (1531) дает нам следующие советы по поводу нянь и других женщин, присматривающих за детьми дворян в младенчестве:

...[они должны], по крайней мере... говорить на английском языке, чистом, вежливом, совершенном, с правильной артикуляцией, не пропуская букв и слогов, как это часто делают женщины, плохо знающие язык, дети же благородных отцов — как это происходит сейчас — получают грубое и неправильное произношение [Elyot 1531].

Заметим, что обращение к идее о недопустимости пропуска слогов и букв — это соотнесение нормы с письменным языком. Как мы видели, в разделе о грамматике устный английский язык сравнивается с письменным языком, особенно по мере развития письменного стандарта. Там, где письмо и речь различаются (а мы только сейчас начинаем понимать, насколько огромны эти различия), существует тенденция рассматривать устную форму как неправильную или как отклонение от эталона. Цитированный выше фрагмент вновь напоминает нам о том, что у

джентльменов как образованной и грамотной социальной группы иная точка зрения на язык, нежели у женщин.

Следующий отрывок, взятый из «Logonomia Anglica» («Английское словозаконие» Гилла, 1619—1621, связывает речь женщин с речью мужчин низкого социального статуса:

В речи первый закон — это подражание речи образованного человека. Письмо поэтому должно фиксировать не то произношение, которое используется пастухами, девочками [*mulierculae*] и швейцарами, а то, которое применяют в публичных выступлениях ученые мужи [*docti aut culte eruditi viri*] (перевод [Dobson 1969, 435]).

Произношение лиц женского пола (*mulierculae*) прямо сравнивают с мужским произношением (*viri*), а читателей побуждают учиться речи у образованных *мужчин*. Объединение пастухов, швейцаров и девочек в одну группу показывает, что престиж речи явно связывается с образованием. Однако не совсем понятно, *действительно* ли в XVII в. мужчины и женщины одного социального класса говорили по-разному, так как лишь только в XX в. к речи был применен качественный социолингвистический анализ.

Превосходный обзор различий в произношении женщин и мужчин Есперсен включает в раздел под странным названием «Фонетика и грамматика» в главу «Женщина» (где здесь грамматика?). В трудах ранних грамматистов он находит доказательство более качественного произношения женщин по сравнению с мужчинами. Например, он цитирует Малкастера [Mulcaster 1582]: «Ai is the man's diphthong, and soundeth full: ei, the woman's, and soundeth finish (e.g. fineish) in the same both sense, and use, *a woman is deintie, and feinteth soon, the man fainteth not because he is nothing daintie*». («[ai] — это мужской дифтонг, он произносится полнозвучно; [ei] — женский дифтонг, и его произносят как, например *fineish*, — *женщина грациозна, а также красива; мужчина красив, но не грациозен*»).

Есперсен комментирует: «Таким образом, то, что теперь характеризуется как чистое и совершенное и противопоставляется вульгарному произношению, в то время было особенностью слабого пола» [Jespersen 1922, 243]. Он иллюстрирует, приводя примеры из Франции, Дании и даже Сибири, что тенденция вводить новшества свойственна не только английским женщинам. Есперсен посвящает целый параграф «ослаблению старого переднеязычного вибрирующего звука г» [там же, 244]. Он поясняет,

что это изменение, возникшее во многих языках, в значительной мере было привнесено женщинами. Приводимые им научные факты недостаточно значимы, а объяснения эксцентричны: «Старый вибрирующий звук естественен и оправдан в том случае, когда жизнь, в основном, происходит вне дома, а в доме, главным образом, предпочитается менее шумная речевая манера» [там же, 244]. Он, в сущности, доказывает, что звуки, свойственные сельским жителям, не приемлемы для городских. Его наблюдения над различиями в речи «больших городов» и «сельской местности» внушают доверие, но его противопоставление городской жизни «чистой домашней (и поэтому находящейся под женским влиянием) жизни» представляется наивным.

Свою работу 1922 г. Есперсен заканчивает утверждением: «В современном английском языке существует ряд различий в произношении между двумя полами». Они перечисляются в таблице 2.2 в порядке, данном автором (первые два установлены Дэниэлом Джонсом, профессором фонетики Лондонского университета).

Таблица 2.2

Половые различия в произношении в Англии,
1922 (по [Есперсен 1922, 245])

Мужчины	Женщины	Примеры произношения
[sɔ:ft]	[sɔft]	soft (мягкий)
[qə:l]	[geəl]	girl (девочка)
[wait]	[hwait]	white (белый)
[tʃildrən]	[tʃuldrən]	children (дети)
[ˈweɪskət]	[ˈwei skout]	waistcoat (жилет)

Интересно отметить, что, хотя Есперсен приводит примеры различий в произношении мужчин и женщин, они не обнаруживают закономерности: более «совершенные» формы [sɔft], [qə:l], [wait], [tʃildrən] и [weiskout] не коррелируют с полом говорящего.

Есперсен делает вывод, что это лишь отдельные примеры, — «в целом мы должны заключить, что с точки зрения фонетики вряд ли существуют какие-либо различия в речи мужчин и женщин: для выражения всех намерений и целей оба пола фактически говорят на одном языке» [Jespersen 1922, 245]. Однако большинство социолингвистических работ XX в. подтверждают его ранние исследования о более качественном произношении женщин. Соотношение женской речи и языковых изменений обсуждается в главе 8.

2.2.6. Разговорчивость

Many women, many words;
 many geese, many turds.
 Много женщин, много слов,
 много гусей, много помета.
Английская пословица

Существует давнее представление о том, что женщины слишком много говорят. Культурный миф о женской разговорчивости зафиксирован в песенке XV в., воспевающей многочисленные достоинства женщин, но в припеве опровергающей эти утверждения и сообщающей, что истина в обратном.

Of all creatures women be best
 Cuius contrarium verum est [of which the opposite is true] —

Из всех творений женщины — самое лучшее,
 Но правда в обратном [Davies 1963, 222].

Женщины описываются как «неболтливые и умеющие хранить секреты». Автор с одобрением говорит, что на женщин можно положиться.

For tell a woman all your counsaile
 And she can keep it wonderly well —

Доверьте женщине свои секреты, —
 Она будет хранить их свято.

Автор с издевкой защищает женщин от обвинений в болтливости:

Trow ye that women list to smatter [chatter]
 Or against their husbondes for to clatter?
 Nay! They had lever fast, bred and water,
 Then for to dele in suche a matter. —

Уж не подумаете ли вы, что женщины
 болтают без дела и сплетничают о своих мужьях?
 Нет! Скорее они сядут на хлеб и воду,
 чем будут заниматься таким делом.

Юмор этого четверостишия состоит в том, что читателю заведомо известно, что автор имеет в виду обратное. Исходя из того что ключ к пониманию шутки заключается в латинской фразе

рефрена, шутка является, несомненно, мужской, так как латинскому и греческому обучали только мальчиков (см. раздел 2.2.4).

В английской литературе достаточно образов, подтверждающих стереотип женской разговорчивости. Розалинда в «As you like It» (III, 2, 264) говорит: «Разве вы не знаете, что я — женщина? Когда я думаю, я должна говорить». Дион в «Филастере» Бимонта и Флетчера (Beaumont and Fletcher, II, 4, 1—3) предлагает:

Come, ladies, shall we talk a round?
As men do walk a mile, women talk an hour
After supper; 'tis their exercise. —

Подходите, леди, поболтаем вместе?
Пока мужчины проходят милю пешком после ужина,
Женщины должны часок поболтать — это их моцион.

Аврора Лэй, героиня поэмы Элизабет Баретт Броунинг 1856 г., говорит: «Прямое назначение женщины — беседа».

В разделе «Разговорчивость женщины» Есперсен приводит примеры из цитированной выше литературы, чтобы доказать свою точку зрения и обращается к исследованиям скорости чтения, показывающим, что женщины обнаруживают тенденцию читать предлагаемый им фрагмент быстрее, чем мужчины, и запоминать больший по объему текст после чтения. Перед лицом фактов Есперсен утверждает: «Однако было обнаружено, что скорость чтения не является доказательством интеллектуальности человека, и некоторые даже самые медленные чтецы оказываются высокообразованными людьми!» [Jespersen 1922, 252]. Для подтверждения этого предрассудка Есперсен обращается к работе Хавелока Эллиса (1894) «Мужчина и женщина», в которой «объясняется», что «все же каждое предложение быстрым чтецом усваивается незамедлительно и без пристального изучения наполняет свободные ниши нашего разума» [там же, 252], а также утверждению Свифта:

Обычная беглость речи у многих мужчин и большинства женщин происходит по причине дефицита содержания смысла и дефицита слов; ибо тот, кто является мастером языка и обладает большим запасом идей, не всегда подберет нужное слово, а обычный носитель языка владеет определенным запасом идей и слов, которые всегда у него на языке, чтобы облечь в них мысли (Swift; цит по [Jespersen 1922, 252]).

Современному читателю понятно, что ни один из приведенных доводов не является веским. Есперсен, несомненно, принимает за основу культурный стереотип разговорчивости и болтливости женщины. Он предоставляет нам разнящиеся данные о скорости речи, затем заявляет, что женская легкость в словах не связана с какой-либо интеллектуальностью (скорее, наоборот) и цитирует категоричные высказывания двух известных авторов, как будто это является доказательством. Поскольку Есперсен не приводит данных о скорости и качестве женской речи, цитируемый фрагмент не дает никакой информации, за исключением того, что ученые-лингвисты в начале XX в. сами были источником различных предрассудков своего времени.

Другая сторона женской разговорчивости — это образ молчаливой женщины, который нередко преподносится нам как идеальный. «Молчание — лучшее украшение женщины» (английская пословица). Эта пословица встречается в ранних литературных текстах, например, в рыцарских романах времен короля Артура, в историях об Эрике и Энид. Она существует в нескольких версиях: (с. 1170) «Мабиногион» («The Mabinogion») Кретьена де Труа (с. 1300) и «Баллады о короле» («Idylls of the King») Теннисона (1859). В основном действии участвуют Эрик и Энид, которая в одиночку отправляется верхом в путешествие, в течение которого Эрик проверяет преданность своей жены.

Eric says:
and this
I charge thee, on the duty as a wife,
Whatever happens, not to speak to me
No, not a word! —
(Tennyson, Geraint и Enid)

Эрик говорит:
За это я несу ответственность, за долг жены,
Чтобы ни произошло, не разговаривай со мной,
Ни слова, ни одного слова!

Молчание — синоним покорности и послушания.

История о «Терпеливой Гризельде» также появляется в различных вариантах. Например, «История о слуге» в «Кентерберийских рассказах» Чосера. Здесь также проверяется верность и покорность жены — у женщины силой забирают детей. Хотя Гризельда предполагает, что они убиты, она не протестует: «Ne in

this tyme word ne spak she noon» («На этот раз я не скажу и слова») («История о слуге»). Молчание снова описывается, как свойство присущее покорности. Следует обратить внимание на то, что Гризельда блестяще проходит тест на послушание и таким образом является персонажем, понять которого читателю XX в. трудно; Энид, наоборот, нарушает приказ мужа для того, чтобы предостеречь его от опасности, — она спасает ему жизнь, отказываясь хранить молчание.

В эпоху Ренессанса красноречие весьма приветствовалось, но Тассо, в «Discorso della virtu femminile e donnesca» (1852), поясняет, что если красноречие — достоинство мужчины, то молчание — соответственно, достоинство женщины. Как считает один из исследователей, «смысл в том, что женщине не пристало быть красноречивой и расточительной, а мужчине — скупым и молчаливым» [MacLean 1980, 62].

Образ молчаливой женщины по-прежнему ценится среди девочек первой половины XX в.: исследование, проведенное в английских школах, показывает, что спокойное поведение поощряется учителями, особенно среди девушек. Это будет подробно обсуждаться в разделе 9.3.

Дэйл Спендер дает комментарии к вопросу о женщине и молчании:

Разговорчивость женщин оценивается в сравнении не с мужчинами, а с *молчанием*... Когда молчание — желаемое состояние для женщины... то любая беседа, в которой принимает участие женщина, может стать слишком долгой [Spender 1980a, 42].

Многие лингвисты сочли точку зрения Спендера крайностью. Однако, что касается особой темы мнимой женской разговорчивости, этот раздел продемонстрировал, что дохомскианские лингвистические знания не дают нам научных подтверждений того, что женщины говорят больше, мужчин. Нет никаких сомнений в том, что западноевропейская культура пронизана мыслью о том, что женщины *действительно* много говорят¹; существуют также данные о том, что в течение многих веков идеальным считался образ молчаливой женщины.

2.3. Выводы

В этой главе мы рассмотрели языковые различия между мужчинами и женщинами с позиции наивной лингвистики, а также с точки зрения ранних грамматистов. Мы сосредоточились на шести темах: словарном составе языка, ругательствах и табу, грамматике, грамотности, произношении и разговорчивости. Предметом обсуждения в четвертой и пятой главах будут современные социолингвистические труды по половым различиям в грамматике и произношении. В шестой главе обобщенно рассматривается коммуникативная компетенция и содержится обзор современных лингвистических исследований по половым различиям в употреблении ругательств и проблеме разговорчивости.

Примечания

1. Первая поговорка взята из «The Oxford dictionary of English Proverbs» («Оксфордский словарь английских поговорок») под редакцией Smith Heslton (1935); вторая — из «Cheshire proverbs» («Чеширские поговорки»), собранная и аннотированная Joseph C. Bridge (1917); последняя взята из Есперсена (Jespersen 1922, 253, 1).
2. Согласно идее социолога Б. Бернштейна, ограниченный код отличается от разработанного тем, что он используется в неформальных ситуациях и с точки зрения языка отражается в высокой частоте употребления местоимений, расчлененных вопросов и в элементарном синтаксисе. Эта система кодов не устраивает лингвистов, и утверждение Бернштейна о возможности их корреляции с социальным классом весьма противоречиво.
3. Сообщается, что в детских садах Бристоля детей учат такой песне: «All the daddies on the bus go read, read, read... All the mummies on the bus go chatter, chatter, chatter» (Все папы в автобусе читают, читают, читают... Все мамы в автобусе болтают, болтают, болтают...) («The Guardian», рубрика «Naked Ape»). Детей в начальной школе Биркенхеда также обучают этой песне.

Глава 3

Исторические предпосылки (II) — антропология и диалектология

3.1. Введение

Существуют две дисциплины, область исследования которых затрагивает проблему половых различий в языке. Это — антропология и диалектология. Их цели и задачи в целом отличаются от целей и задач социолингвистики, но во многом совпадают. Антропологи изучают язык как часть всего спектра социального поведения исследуемого сообщества. Диалектологи же проводят анализ речи сельского населения с целью выявления языковых изменений, а также изучают распад сельских диалектов. Как антропологи, так и диалектологи комментируют половые различия в языке, и именно эти комментарии легли в основу данной главы.

3.2. Антропология

Различия между языком мужчин и женщин отмечаются в антропологической литературе с XVII в. Миссионеры и первопроходцы обнаруживали общества, чье языковое поведение позволяло говорить о наличии «языка мужчин» и «языка женщин». Эти обозначения, однако, преувеличивают следующее обстоятельство: мы наблюдаем в этих языках фонологические, морфологические, синтаксические и лексические контрасты, а пол говорящего лишь предопределяет выбор формы. Я представлю краткий обзор некоторых работ для того, чтобы проиллюстрировать сущность мужского и женского вариантов языка, описанного антропологами.

3.2.1. Фонологические различия

Чукотский язык Западной Сибири варьирует фонологически в зависимости от пола говорящего. Женщины используют [ʃ], а мужчины [tʃ] или [r]. Например, слово «люди» женщины произносят [ʃamkiʃʃin], а мужчины [ramkitʃin].

Мужчины и женщины племени грос вендр (Gros Ventre) в Монтане также имеют устойчивые различия в произношении [Flannery 1946]. Велярный взрывной звук [k] заменяется аффрикатой в мужской речи. Женщины говорят [wakinsih̥iθa] — «ново-рожденный», мужчины — [wadzinsih̥iθa]. Слово «хлеб» произносится [kja'tsa] женщинами и [dza'tsa] мужчинами. В этом языковом сообществе произношение является определяющим маркером половой идентичности: если кто-то употребляет неправильную форму, то старшие члены племени считают такого человека двуполом. Фланнери выдвигает гипотезу, что страх быть осмеянным за ошибки способствует постепенному снижению использования языка молодым поколением, склонным говорить по-английски.

3.2.2. Морфологические отличия

Эдвард Сепир (1929, цит. по [Yaguello 1978]) описывает язык яна (Yana) (в Калифорнии). Язык яна, используемый среди мужчин, отличается морфологически от варианта его использования в других ситуациях (мужчина с женщиной, женщина с мужчиной, женщина с женщиной). Слова, используемые при общении мужчин (men-to-men) длиннее, чем употребляющиеся в общем языке. По-видимому, в меньшинстве случаев мужчины добавляют суффикс к начальной форме, следуя правилу, которое приблизительно может быть сформулировано так: когда слово в общем языке заканчивается на долгий гласный, дифтонг или согласный или если слово состоит из одного слога, мужчины в своем языке к нему присоединяют суффикс [na], например, [ba] — самец — [bana]; [au] — огонь — [auna]. В большинстве случаев форма в общем языке представляет собой логическую аббревиатуру мужской формы, образуемую по правилу, которое приблизительно может быть сформулировано так: когда слово в мужском языке оканчивается кратким гласным — [a, i, u], этот гласный утрачивается и предыдущий согласный становится

глухим; таким образом, [b, d, g, dʒ] + краткий гласный = [p', t', k', tʃ'], [gagi] — (ворона) — [gak']; [p'adʒa] — (снег) — [p'atʃ'].

Второе правило может быть объяснено принципом морфофонемической экономии (тенденция упрощения слов, имеющаяся во всех языках, например *omnibus* — *bus*, *refrigerator* — *fridge* и т. д.). Другими словами, по-видимому, мужской язык сохраняет исторически старые формы. Сепир полагает, что сокращенные женские формы символизируют низкий статус женщины: мужские же полные формы ассоциируются с этикетом и официальностью. Это занятный случай связывания мужской речи с консерватизмом и чистотой языка — характеристиками, которые обычно ассоциируются с женским языком (подробнее об этом в главах 4 и 8).

Среди коасати (Коасати), индейского племени маскоги в Луизиане, определенные формы глагола варьируют в зависимости от пола говорящего [Haas 1944]. Например, там где женские формы имеют в конце слова назализованный гласный, мужские оканчиваются на — s. Приведем примеры:

Женщины	Мужчины	
lakawtakɔ'	lakawtakós	я не поднимаю это
lakawwá	lakawwá.s	он поднимет это
ká	ká.s	он говорит

Там где в женской форме наблюдается нисходящий тон с ударением на конечном слоге и слово оканчивается на краткий гласный, за которым следует [l], в мужской форме отмечается восходящий тон, а [l] заменяется на [s].

Женщины	Мужчины	
lakawwíl	lakawwís	я поднимаю это
molhíl	molhís	мы чистим это
lakawhól	lakawhós	поднимите это! (2 л., мн. ч.)

В этой общности женский язык является консервативным и представляет собой более раннюю стадию развития языка. В 1944 г. Хаас выявил, что только пожилые женщины придерживаются этих правил; молодые же пользуются мужскими формами в речи. Женские формы языка, вероятно, постепенно устаревают.

3.2.3. Лексические отличия

О половых различиях в лексике нередко сообщали первые антропологи. Здесь мы рассмотрим два примера, а еще два будут представлены в следующем разделе (3.3).

В большинстве языков система местоимений маркирует отличия по полу в третьем лице (*он / она — he / she*), но различие по полу говорящего менее типично для первого и второго лица. В японском языке признак пола отображается во всех трех лицах местоимений [Bodine 1975a]. Существует форма первого лица *watakushi*, которая может использоваться как мужчиной, так и женщиной, но мужчины более склонны к употреблению *boku*, а женщины *atashi* (сокращенная форма от *watakushi*). В японском языке есть два местоимения второго лица: *anata*, которая может относиться к адресатам как мужского, так и женского пола, и *kimi* — форма, применяемая исключительно мужчинами при обращении к мужчинам или женщинам равного или более низкого социального статуса.

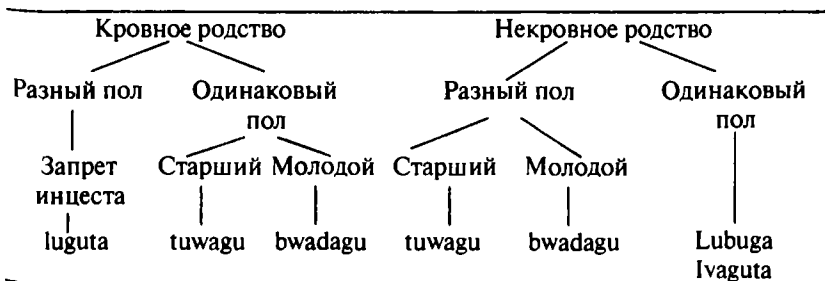
В исследовании жителей острова Тробрианд (Trobriand) Ма-линовский (1929; цит. по [Yaguello 1978]) установил, что их терминология родства организована на основе двух критериев:

1. одинаковый / разный пол;
2. старше / моложе.

Это означает, что слово для выражения понятия «сестра», например, будет варьировать в зависимости от пола говорящего и в соответствии с тем, младше или старше говорящий своего брата или сестры. Таблица 3.1 показывает функционирование системы родства на примере понятий «сестра, брат, невестка, зять».

Таблица 3.1

Понятия «сестра, брат, невестка, зять» в языке жителей острова Тробрианд (по данным [Yaguello 1978, 27])

У тробрианцев существует три понятия вместо нашего одного для определения «сестры» — *luguta*, *tuwagu*, *bwadagu*. И наоборот, они не проводят различий ни между сестрой мужчины и братом женщины (оба относятся к *luguta*), ни между братом мужчины и сестрой женщины, если возрастные характеристики в обоих случаях одинаковы (*tuwagu* или *bwadagu*).

Мы можем увидеть, почему в прошлом ученые заблуждались, говоря о женском и мужском языках. В частности, английский и другие европейские языки различают родственников исходя из **пола лица, о котором говорят**; тробрианский же язык, как и языки чикито и яна и многие другие, исходят непосредственно из **пола говорящего**. Это означает, что жители острова Тробрианд наделяют разными именами тех родственников, кого мы рассматриваем как «одинаковых», но только одним именем тех, кто воспринимается нами как «разные».

3.3. Антропологическая интерпретация

Очевидно, что ни один из приведенных примеров не дает оснований говорить об отдельных языках женщин и мужчин. Исследователи ошибочно описывали явления, с которыми они столкнулись, как самостоятельные женский и мужской языки в результате собственной лингвистической наивности и склонности к преувеличению. При формулировании гипотезы о происхождении половых различий в языке они (исследователи) неосознанно попадали под влияние собственных априорных представлений о поляризованности различий между полами. Антропологи выдвигают два основных объяснения: **табу и контакт с носителями других языков**.

Табу функционирует во всех обществах, предписывая определенные каноны поведения, в том числе и языкового. В британском обществе сегодня разговоры об экскреции (выведении из организма отходов жизнедеятельности) или сексуальной сфере в большинстве контекстов являются запретными. В так называемых «примитивных» обществах то, что разрешено или запрещено, подвергается строгому социальному контролю. Табу является частью структуры, поддерживающей общественный порядок. Кэролайн Хэмфри в статье о женщинах и табу представляет интересные примеры запретов и рассказывает об их воздействии на язык [Humphrey 1978]. Она исследовала, что именно рассматри-

вается как неправильное и нетипичное поведение у женщин Монголии. Большинство языковых табу Монголии связано с *именем*. Монголы избегают произносить имена умерших, названия хищных животных и определенных гор и рек, полагая, что они населены духами. В частности, женщинам полностью запрещается называть по имени старших братьев своего мужа, отца, братьев мужа и дедушки. Такое табу распространяется не только на имена родственников мужского пола по линии мужа, но также и на *любое слово* или *слог*, похожее или созвучное запрещенному имени. Например, если имя *Shar* табуировано, то женщины не должны произносить ни имя, ни слово *shar* (*желтый*) и должны заменить его словом *angir*, означающим утку с желтым оперением. Если табу наложено на имя *Harzuu* (производное от *harax* — *смотреть*), то женщина также должна избегать слово *har* (*черный*) и использовать вместо него *bargaan*, что означает «темноватый; мрачный». Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ранних работах говорилось о «женском языке» монголов. Однако такие табу прежде всего отражались в лексике; другие же аспекты языка не затрагивались. Более того, каждая женщина, находящаяся под влиянием табу, столкнется с разными языковыми проблемами, зависящими от употребления имен родственников по мужу. Хотя это и может сказаться на особенностях женского лексикона, табу как социальная сила едва ли является обоснованным объяснением других различий между полами, возникающих в языке.

Контакт с носителями других языков происходит в случае вторжения на чужую территорию или женитьбы мужчины на женщине из другой деревни или племени (обычай многих обществ). Самым известным примером половых различий в языке считается пример карибских индейцев, говорящих на разных языках. В своем исследовании населения Малых Антильских островов 1665 г. Рошфор заявлял о том, что мужчины и женщины говорят на разных языках:

Дикие аборигены острова Доминика видят причину этого в том, что, когда карибы пришли завоевывать острова, они были населены племенем аравак (Arawak), которое было полностью истреблено, за исключением женщин, на которых они впоследствии женились, чтобы заселить страну. Сейчас эти женщины являются хранительницами своего родного языка и обучают ему своих дочерей... Этот факт находит подтверждение в существовании некоторых сходств между речью материковых араваков и карибских женщин (цит. по [Jespersen 1922, 237]).

Из других источников известно, что перед нами еще один случай отдельных лексических различий в речи мужчин и женщин в определенной сфере и что это не является доказательством существования двух разных языков. К тому же теория вторжения совершенно неубедительна, особенно ввиду того что языковые изменения, обнаруженные у карибских индейцев, схожи с изменениями в других группах американских индейцев [Trudgill 1974, 86]. Контакт с носителями других языков в принципе не является объяснением половых различий в языке, так как такие различия возникают во всех известных языках.

3.4. Некоторые дискуссионные положения антропологических трудов по половым различиям

Основной недостаток рассматриваемых работ состоит в том, что антропологам не удалось понять, что половые различия в языке являются особенностью не только «примитивных» обществ и далеких экзотических культур. Уместно задать вопрос: почему они не обращали внимания на половые различия в европейских языках, более близких им? Ответ, по-видимому, состоит в том, что они охарактеризовали проблему, принимая во внимание только **обязательные половые различия**. То есть они комментировали те различия в использовании языка мужчинами и женщинами, где определенные языковые формы сохранялись для использования исключительно тем или иным полом. Различия в языке мужчин и женщин, выявленные в европейских языках, однако, включают **предпочтительные половые различия**. Это означает, что, хотя язык мужчин и женщин отличается, не существует форм, связанных только с одним полом, а есть тенденция к предпочтению определенных форм мужчинами и женщинами. Например, как мы увидим в последующих главах, женщины Британии склонны к использованию форм, близких к литературному английскому языку, тогда как мужчины в Британии предрасположены к употреблению в большей степени нелитературных форм. Представляется, что различия между **обязательным и предпочтительным использованием языка в соответствии с полом** отражает различия между дописьменными, непромышленными обществами и высокоразвитыми обществами, имеющими письменность; первые характеризуются четким разграничением по-

ловых ролей, в европейских же обществах половые роли структурированы более или менее строго.

Несмотря на то что антропологам не удалось обобщить свои открытия в отношении более знакомых обществ, они по крайней мере обратили внимание на способ, которым общество использует пол как четко выраженную социальную категорию и на языковые различия, которые непосредственно вытекают из этой общественной структуры. В недавнее время антропология оказала значительное влияние на развитие социолингвистики как дисциплины. Говоря в общем, убежденность антропологов в значимости культурного контекста подкрепила уверенность социолингвистов в том, что изучение идеального говорящего / слышащего в гомогенном речевом сообществе — слишком узкая область. В частности, социолингвистическая методология заимствовала методы исследований непосредственно из антропологии. Изучение групп рабочего класса в целом и понятие социальной сети как инструмента анализа ведет к поразительным инновациям в развитии социолингвистических исследований. Такое исследование будет описано подробно в шестой главе.

3.5. Диалектология

В отличие от антропологов, диалектологи всегда были восприимчивы к половым различиям в своих родных (то есть европейских) языках. По иронии судьбы следствием этого стало отсутствие каких-либо данных о половых различиях, причины чего станут понятны из последующей дискуссии. Мы обсудим работы диалектологов, относящиеся к половым различиям, по трем направлениям: женщины как информанты, анкеты, полевые исследования.

3.5.1. Женщины как информанты

Выбор информантов имеет важнейшее значение для любого лингвистического исследования. С тех пор как «святым Граалем»* традиционной диалектологии стал «чистый» диалект,

---

* Святой Грааль — по преданию, чаша, из которой Иисус Христос пил на Тайной Вечере, впоследствии переданная Иосифу Аримафейскому; упоминается в легендах о короле Артуре. — *Примеч. перев.*

который необходимо было зафиксировать до его исчезновения, диалектологи выбирали в качестве информантов тех, кто, по их мнению, являлся носителем «чистого» диалекта. Повторяемость этого процесса принималась без критики. Эта методология вступает в явное противоречие с методологией современных социолингвистических исследований, заимствовавших методы из общественных наук, которые в качестве типичного образца информантов произвольно отбирали анкеты избирателей или другие эквивалентные списки. Ввиду того что выбор информантов диалектологами был весьма нерепрезентативным, у нас возникла идея по поводу типа языкового изменения, отмеченного в исследованных деревенских сообществах. В эксперимент вовлекли только определенных членов сообщества, другие же исключались. Мы не располагаем сравнительными научными данными для признания или отрицания утверждения диалектологов о том, что некоторые члены языкового сообщества говорят на более «чистой» форме диалекта, чем другие.

Кого же диалектологи выбирали в качестве информантов? Ответ на этот вопрос показывает, что их выбор в значительной степени зависел от наивно-лингвистических представлений. Диалектологи отдавали предпочтение информантам пожилого возраста (с позиции если не науки, то здравого смысла), но их мнения относительно роли информантов-женщин расходились, в отличие от мнения об информантах-мужчинах. Первая точка зрения состояла в том, что женщины являются самыми лучшими информантами вследствие их природного консерватизма. Этому взгляду придерживалось значительное большинство диалектологов с конца XIX в. вплоть до 40-х гг. XX в. в таких разных регионах, как Словения, Швейцария, Фландрия и Румыния. Суть этого подхода изложена Вартбургом в «Обзоре лингвистического атласа Каталонии» г. Гриеры (который подвергается критике из-за недостатка женщин-информантов):

Каждый знает, что в отношении языка женщины более консервативны, чем мужчины; они сохраняют язык наших предков более преданно¹ [Wartburg 1925, 113].

Эта точка зрения подкрепляется следующими «причинами»:

1. Женщины, в отличие от мужчин, вряд ли могут покинуть свою деревню;
2. Женщины остаются дома и разговаривают (болтают) друг с другом и не общаются с чужаками;

3. Женщины не несут военную службу.

Противоположной точки зрения — женщины неконсервативны — придерживаются многие другие диалектологи, включая весьма влиятельного Жильерона, директора лингвистического обозрения Франции (первого значительного обозрения, где работали подготовленные полевые исследователи). Эти диалектологи предпочитали *мужчин* в качестве информантов, полагая, что мужская речь более приближена к «чистому» диалекту. Общую для них точку зрения высказывает Гарольд Ортон во «Введении в обзор английских диалектов»:

В этой деревне мужчины говорят на диалекте чаще, последовательнее и более чисто, чем женщины [Orton 1962, 15].

Далее подчеркивается инновационная природа женской речи:

Речь женщин не консервативна. Женщины, которых обычно считают более консервативными по сравнению с мужчинами, с готовностью принимают новые слова (из отчета Попа для Жильерона, 1880)².

В отличие от тех, кто верит в консерватизм женщин, эти диалектологи не предлагают нам никаких объяснений. Гоше, например, сообщает, что женщины более инновативны, а затем описывает их жизнь так:

Они проводят гораздо больше времени дома, с другими людьми, за готовкой и стиркой, разговаривая больше, чем мужчины, которые заняты сельскохозяйственной работой; вы видите мужчин за работой, всегда молчаливых и часто весь день замкнутых в себе³.

Можно предположить, что причина различного употребления языка кроется в различных образах жизни двух полов. По сути, образ жизни женщин, описанный здесь, идентичен описанному диалектологами из лагеря «женщина консервативна». Если мы и видим какое-либо отличие, оно касается того, каким образом описывается именно жизнь *мужчин*: диалектологи первой группы подчеркивают взаимодействие мужчин с незнакомцами, путешествия и военную службу. Вторая же группа или не дает описания образа жизни мужчин, или подчеркивает их изоляцию.

Объяснение, лежащее, видимо, в основе рассуждений второй группы, состоит в предполагаемой чувствительности женщин к языковым нормам. Допускается, что литературные нормы ока-

зывают большее влияние на речь женщин, чем на речь мужчин. Женщины, имеющие невысокий социальный статус в обществе, стараются повысить его при помощи использования языка. Стенли Эллис, ответственный за сбор научных данных для «Обозрения английских диалектов», сообщает:

Всегда считалось, что женщины старались облагородить и улучшить язык. Предполагалось, что причина этого в том, что молодые сельские девушки часто работали домашней прислугой в домах более высокого социального класса и попадали под влияние более правильной речи (Ellis, личные наблюдения).

Понятия «консерватизм» и «осознание статуса» (*status-consciousness*) введены в диалектные исследования (в данном случае в отношении женщин) *ad hoc* в зависимости от того, как воспринимается женская речь. Ни одна из точек зрения не дает половым различиям в языке удовлетворительных объяснений. (Более подробно критика консерватизма и осознания статуса как объясняющих факторов представлена у [Cameron & Coates 1985]).

Данные показывают, что отношение к информантам было предвзятым и чрезвычайно субъективным. Неудивительно поэтому, что мы столкнулись с противоречиями: Жильерон, чей обзор охватил всю Францию, утверждал, что женщины не консервативны в отношении к языку, тогда как Мэнье в своем гораздо меньшем по масштабу исследовании провинции Ниверне (Nivernais) во Франции отдавал предпочтение информантам-женщинам по причине их консерватизма; Жабер и Джад в своем основном диалектном исследовании Италии и Южной Швейцарии также допускают языковой консерватизм женщин, но приводят высказывание одного из своих полевых исследователей — Ролфса: «произношение гласных звуков женщинами отличается не только от произношения мужчин, чьи гласные более чистые и ясные, но и зависит от региона употребления...» [Jaberg 1936, 21, 3]⁴. Ролфс категорично утверждает, что мужчины произносят гласные «чище», чем женщины. Поп в своем содержательном отчете о диалектном исследовании [Pop 1950] не мог не отметить подобные расхождения. Он полностью на стороне лагеря «женщины консервативны», но поддерживает сравнительный подход в изучении произношения мужчин и женщин, так как, по его словам, «представляется несомненным, что женский язык обнаруживает больше инноваций, чем мужской, хотя люди часто утверждают обратное»⁵ [Pop 1950, 195].

Только один диалектолог из всех названных в обзоре с готовностью заявляет, что не осознает половых различий в речи изучаемого сообщества. Это — Ангус Макинтош, руководитель «Обзора шотландских диалектов». Он пишет: «Что касается пола, то в Шотландии нет научных данных с определенностью показывающих, кто является лучшим информантом — мужчина или женщина» [McIntosh 1952, 90].

Итак, кого диалектологи выбирали в качестве информантов? Исходя из представленных мнений, можно ожидать, что ученые первой группы выбирают женщин (так как женщины консервативны в языке), а вторая — мужчин (так как мужчины говорят на диалекте больше, чем женщины). В сущности, кроме немецко-швейцарского исследования и шотландского обзора Макинтоша (в которых интервью проводилось с одним мужчиной и с одной женщиной в каждой местности), *все* диалектные исследования согласно статистическим данным, которыми я располагаю, предпочитали мужчин-информантов. Представленная таблица (3.1) описывает это подробно.

Таблица 3.1

**Количественное соотношение женщин-информантов
в диалектных исследованиях (по [Pop 1950])**

Диалектный обзор	Год издания	Информанты-мужчины	Информанты-женщины	Всего информантов	% женщин
Франция (Жильерон)	1902—1910	640	60*	700*	8,57
Каталония (Гриера)	1923—1939	107	1	108	0,93
Южная Австрия (Теснье)	1925	70	18	88	20,45
Италия Швейцария (Жабер; Джад)	1928—1940	380	40*	420*	9,52
Сардиния (Пеллис)	1933—1935	55	5	60	8,33
Корсика (Боттильони)	1933—1942	61	6	67	8,96
Италия (Бартоли)	1933	316	48	364	13,19

Конго (Де Бек)	1942	?	0	?	0,00
Северный Китай (Жийе)	1946	495	29	524	5,53
Англия (Ортон)	1962—1978	867	122	989	12,34

* (= приблизительный показатель)

Согласно таблице, в диалектных обзорах женщины представлены очень скромно. К тому же детальное изучение данных диалектного обзора показывает неравномерное распределение числа женщин-информантов. Обзор английских диалектов, например, охватил 39 графств Англии, но это не значит, что 12% информантов каждого графства — женщины (см. таблицу 3.1), как можно было ожидать; фактически, в 7 графствах не была опрошена ни одна женщина (Вустершир, Глостершир, Нортгемптоншир, Хантингдоншир, Кембриджшир, Вилтшир, Девон).

Пытаясь понять неравномерность выборки, мы обнаружили, что диалектологи часто воздерживаются от привлечения женщин в качестве информантов. Даже те, кто считает женщин лучшими информантами на языковых *основаниях* (ввиду их предполагаемого консерватизма), отказываются от их привлечения по неязыковым причинам. Например, женщин считают слишком занятыми, слишком застенчивыми и неуверенными, когда исследователь обращается к ним с просьбой поговорить на родном, местном наречии. Типичное «объяснение» неудач в опросе большего числа женщин-информантов высказал Сивер Поп, директор диалектного обзора Румынии:

Перед исследователем встает проблема уговорить женщин потратить два-три дня на интервьюирование, так как они связаны с домашними заботами, кроме того, они смущаются, сидя за одним столом с «городским господином»⁶ [Pop 1950, 725].

Поп, по крайней мере, приводит доказательства, которые представляются релевантными для целей полевого эксперимента. Другие диалектологи, однако, объясняют свое игнорирование женщин очевидными сексистскими причинами. Это следует из статьи Гриеры, священника, занимавшегося лингвистическим атласом Каталонии:

Я делаю так [исключаю женщин] потому, что они неспособны сохранять внимание во время длительного анкетирования, продолжающегося несколько дней; их знание предмета в целом более ограничено по сравнению с мужчинами, и, более того, им недостает устойчивых понятий, что выражается в неточном назывании предметов [Griera 1928].

Хотя диалектологи и осознают свою склонность к предпочтению информантов-мужчин, из комментариев опытного исследователя явствует, что они даже не задумываются, насколько незначительным было число женщин-информантов, участвовавших в эксперименте: «Информанты, которых я привлекал во время моей работы над “Обзором английских диалектов” в 1950-х гг., чаще были мужчинами, чем женщинами. Я мог бы подсчитать, что на пять-шесть информантов-мужчин приходилась только одна женщина» (Ellis, личные наблюдения). Из таблицы 3.1 можно увидеть, что соотношение мужчин и женщин менее, чем 8:1.

Назову два аспекта диалектного исследования, которые, возможно, помогут нам в объяснении преобладающего количества мужчин-информантов. Первый аспект — это анкеты, традиционно применяемые, чтобы структурировать интервью, обеспечить данные для сравнения и уверенность в получении желаемых ответных реакций от каждого информанта. Второй аспект — это полевой исследователь, обычно подготовленный специалист, направляемый в данную местность руководителем исследования для проведения интервью с информантами.

3.5.2. Анкеты

Анкета — «центральный инструмент, применяемый в систематическом сборе диалектного материала» [Francis 1983, 52] — может, на первый взгляд, показаться простым средством исследовательского поиска, но, кроме заблаговременного установления языковых параметров, которые следует тщательно изучить, она разными способами предопределяет, что в нее включать, а что нет.

Большинство анкетирований, проводимых как по почте, так и при помощи специалиста, делятся на части; некоторые из них специально предназначены для женщин и мужчин. Немецко-

швейцарский лингвистический атлас составлен на основе отбора информантов по этому критерию: «Мужчины и женщины дают ответы на диалекте своей местности: мужчины отвечают на вопросы, связанные с мужской деятельностью, а женщины — на вопросы, относящиеся к женским занятиям»⁸ [Pop 1950, 770]. Особенность немецко-швейцарского интервью состояла в опросе равного числа мужчин и женщин, но необходимо отметить четкое разделение вопросов на мужские и женские. Это, по-видимому, отражает отношение диалектологов к лексикону. Цель традиционной диалектологии — установить «как называется стул на трех ножках для дойки молока в нескольких сотнях разных мест» [McIntosh 1952, 70]. Многие диалектологи полагали, что различие мужского и женского лексиконов отображает их разные социальные роли. Макинтош отмечает:

Опыт показал, что традиционный набор анкет не может быть полностью заполнен с помощью только одного человека; домохозяйка будет опускать в анкете сельскохозяйственные термины, а фермер — кухонные; и часто экспертам на местах приходится «охотиться» за местным знатоком, чтобы получить такие слова как, названия цветов или птиц [McIntosh 1952, 89].

Мы рассмотрим два примера диалектного исследования, чтобы показать, как структура анкеты сказывалась на выборе информантов.

1. Наварро, ответственный за лингвистический атлас Пуэрто-Рико, сообщает, объясняя полное исключение женщин из анкетирования тем, что они не могли ответить на его вопросы:

«Ввиду того, что целью анкетирования была сельскохозяйственная терминология, женщины не могли дать хорошие ответы. Поэтому среди информантов было только две женщины»⁹ [Pop 1950, 452].

2. Вирт, главный редактор «Лингвистического атласа серболужицкого диалекта» в частности, интересовался домашней лексикой. Поп говорит:

«Ввиду того что анкеты главным образом касались терминологии жилища и домашней работы, ему пришлось сотрудничать с женщинами»¹⁰ [Pop 1950, 981].

Таблица 3.2, состоящая из 31 примера, подробно представляет детали анкеты, предназначенной для «Atlas linguistique et ethnog-

graphique du Lyonnais» («Лингвистического и этнографического атласа Лионского диалекта») [Gardette 1968]. Он является одним из недавних региональных атласов, составленных французскими диалектологами, однако по-прежнему изначально принимает за норму мужчин: из 31 части только две относятся к женщинам (20 и 21), которые так и названы «Жизнь женщин». Жизнь женщин отмечена особо, так как само собой разумеется, что основная часть относится к мужчинам.

Из предыдущих рассуждений понятно, что одна из причин, по которой женщины не привлекаются в качестве информантов, заключается в том, что диалектологи-мужчины очерчивают те области жизни и, следовательно, те лексические единицы, которые представляют ценность для исследования, в сущности, с андроцентрической точки зрения.

По существу, общим для исследователя является обращение к женщине — часто к жене опрашиваемого мужчины-информанта — в тех частях опроса, в которых речь идет о доме, кухне, детях и других общих моментах, связанных с женской деятельностью [Francis 1983, 86].

Ввиду того что деятельность мужчин вызывала основной интерес, женская деятельность и, следовательно, женский лексикон обычно считались второстепенными. Так как диалектологов также интересовали и фонология, и грамматика, то сосредоточение на языке мужчин не могло быть оправданным. Однако существуют данные, говорящие, что женщины привлекались значительно чаще, чем это кажется на первый взгляд. Характеристика основного информанта под номером 2 для «Диалектного атласа польского Прикарпатья» (опубликованного в 1934 г.) сообщает нам о том, что его звали Джин Кламерус, ему было 75 лет, он был глуховат и медлителен. Интервью с ним проводилось в присутствии его невестки, которую описывают как энергичную, умную женщину, хорошего информанта с точки зрения грамматики, фонетики и лексики. Поп отмечает, что именно невестка отвечала на большинство вопросов¹¹ [Pop 1952]. Мы не можем точно сказать, как часто женщина-родственница давала ответы, которые приписывались мужчине.

**Анкета для «Лингвистического и этнографического атласа
Лионского диалекта» [Francis 1983, 60]**

№	Раздел	Количество вопросов
1	Meadow, hay, rake, fork (луг, сено, вилы, грабли)	57
2	Grain, sowing, harvest (злаки, посев, урожай)	58
3	Threshing, the fail (молотьба, неурожай)	57
4	Yoke, goad (хомут, палка, прут для животных)	39
5	Plows and working the land (плуг, обработка земли)	55
6	Carts and wagon (повозки, телега)	66
7	The vineyard (виноградник)	89
8	The wood (лес)	54
9	The garden, potatoes, root vegetables (сад, картофель, корнеплоды)	36
10	Cattle, horses, donkeys (крупный рогатый скот, лошади, ослы)	63
11	Sheep, goats, swine (овцы, козы, свиньи)	62
12	The barnyard (скотный двор)	50
13	The barnyard (скотный двор) (отдельно), bees, dog, cat (пчелы, собака, кот)	43
14	Milk, butter, cheese (масло, молоко, сыр)	64
15	Bread (хлеб)	43
16	Trees (не фруктовые деревья)	59
17	Fruit-trees (фруктовые деревья)	59
18	Birds, flies, parasites (птицы, мухи, паразиты)	58
19	Harmful animals, snakes, water creatures, insects (опасные животные, змеи, водные животные, насекомые)	48
20	Women's life: 1. the bed, housekeeping, meals (жизнь женщины: постель, ведение домашнего хозяйства, еда)	59
21	Women's life: 2. washing, sewing (жизнь женщины: мытье, шитье)	52
22	The house: 1. generalities, doors and windows, kitchen (дом: общее, двери и окна, кухня)	61
23	The house: 2. lamps, fireplace, bedroom, outbuildings (дом: освещение, камин, спальня, постройки)	56
24	Weather: winds, rain, snow, sun (погода: ветра, дождь,	70

26	The calendar (календарь)	44
27	The day, kinship (день, родство)	48
28	From cradle to grave (от колыбели до могилы)	107
29	The body (тело)	85
30	Clothing; manner; occupations (одежда, манеры, занятия)	50
31	Немр (конопля)	31
	Общее число лексических единиц	1, 875
	Морфологические единицы	68

3.5.3. Полевой исследователь

Другая причина выбора мужчин, а не женщин, в качестве информантов заключается, вероятно, в том, что значительное количество проводивших опросы сами были мужчинами. Это до такой степени стало нормой, что Макинтош охарактеризовал специалиста по полевым исследованиям как «мужчину [sic!], специально подготовленного для восприятия особенностей речи» [McIntosh 1952, 66]. Впервые женщины-исследователи были привлечены к работе над составлением «Лингвистического атласа Новой Англии» (2 женщины из 10 человек) и «Обозрения Английских диалектов» (2 женщины из 11 человек).

Если мы представим Эдмона Эдмона, полевого исследователя «Французского Лингвистического атласа», приезжавшего на велосипеде в одно из 639 разных мест, где он проводил анкетирование с 1896 по 1900 г., можно смело предположить, что он скорее вступал в беседу с мужчинами и затем их же опрашивал. Эдмон действительно опросил только 60 женщин из 700 информантов. Вот что пишет Курат, руководитель «Нового английского обозрения» в разделе о выборе информантов:

После некоторого полевого опыта исследований, он [полевой исследователь] может обнаружить, что неформальные контакты в магазине, цирюльне или в местной таверне вполне могут обеспечить его полезными примерами [Kurath 1972, 13].

(Обратим внимание на употребление *он / его* в этом фрагменте). Этот совет знаменитого диалектолога другим полевым исследователям после многих десятков лет диалектных исследований, возможно, отражает общепринятую практику. Если нормой был мужчина-исследователь, устанавливающий контакт с потенциальными информантами в мужском окружении цирюльни или

таверны, то вряд ли можно удивляться тому, что интервью с женщинами проводились редко.

Исследовав, что происходило бы, если бы исследователем была *женщина*, мы можем проверить гипотезу о влиянии пола исследователя на отбор информантов. Анализ тех разделов «Обзора английских диалектов», где опрос проводился женщиной, показывает значительный рост числа информантов женского пола. В таблице 3.1 показано, что 12% информантов от общего числа были женщинами. Графства Лестершир и Ратлэнд полностью были изучены женщинами, и согласно статистическим данным соотношение информантов женщин и мужчин составляет 33% и 40% соответственно.

Пол информантов следует принимать во внимание также и по другим причинам. Лишь недавно лингвисты осознали воздействие интервьюера на язык информанта. Лабов демонстрирует убедительный пример, что при замене белого интервьюера среднего класса на молодого и темнокожего (и также при снижении официальности ситуации — сидеть на полу и хрустеть чипсами и т. д.) — даже темнокожий ребенок, о котором первоначально думают, что он не умеет говорить, может продемонстрировать беглую речь [Labov 1969]. Высока вероятность, что женщины ощущают скованность и напряженность в присутствии мужчины-интервьюера (см. комментарии Попа на с. 86) и, следовательно, высказываются на более официальном языке. Это поможет объяснить выводы Ортона и других исследователей о том, что женская речь была более приближена к литературным нормам. (Однако и современные лингвистические исследования, проводимые как женщинами, так и мужчинами, показывают, что в Британии речь женщин все еще близка к литературной норме, как мы увидим в главе 4.)

Даже в последних диалектных обзорах, несмотря на развитие социолингвистических исследований и методологии, женщина-интервьюер пока еще является предметом дискуссий. Приведенный отрывок представляет собой фрагмент методологических рассуждений Гардетта в «Atlas linguistique et ethnographique du Lyonnais» («Лингвистический и этнографический атлас лионского диалекта»):

Четыре женщины из нашей команды в целом пришли к таким же хорошим выводам, как господин Жироде и я. Проводя опрос в районах, где их знали, они встречали среди информантов друзей и часто получали отдельно доброжелательное приветствие [Gardette 1968, 44].

Цитата показывает осознание того, что отношения между интервьюером и информантом могут меняться. Комментарии носят снисходительный характер, так как явно нет никаких причин говорить, что результаты опросов, проводимых женщинами хуже, чем у двух мужчин-исследователей. Обсуждая женщин как исследователей, Фрэнсис утверждает, что женщины не могут быть идеальны в этой роли, так как не исключено, что мужчины-информанты не хотят откровенно отвечать на вопросы в их присутствии. Я процитирую этот абзац полностью, так как он раскрывает отношения в диалектологии:

Отмечается, что у женщин [как полевых исследователей] на самом деле есть один недостаток: старомодный сельский житель, представляющий типичного информанта в традиционном исследовании, очень разборчив в обсуждении определенных тем и употреблении некоторых лексических единиц, считающихся неприличными в присутствии женщины. Это правда, но такие единицы составляют очень малую часть большинства анкет. С другой стороны, можно сказать, что женщина-специалист может добиться значительно большего успеха в выявлении особенностей словаря женщин-информантов, чем мужчина [Francis 1983, 84].

Заметим, автор не чувствует необходимости обратить внимание на то явное обстоятельство, что «старомодный сельский житель, представляющий типичного информанта» — мужчина. Женщины же часто привлекаются в качестве информантов только ради особой «женской лексики», поэтому женщины-исследователи становятся востребованными по причине того, что им лучше удастся извлечь этот «женский» язык.

3.6. Выводы

Теперь понятно, что главным слабым местом традиционной диалектологии является ненаучная основа отбора информантов. На основе гипотез о различиях мужчин и женщин в языке, полученных полевыми исследователями и их руководителями, диалектные исследования почти полностью игнорируют женщин. Там, где они привлекались, полевой исследователь получал дополнительную, а не полную информацию о членах речевого сообщества. Диалектология, другими словами, оттесняет на периферию, маргинализирует женщин как носителей языка.

Традиционная диалектология определяла истинный диалект при помощи информантов-мужчин и составляла анкеты с точки зрения мужского восприятия мира.

Стремление улучшить методологию диалектного исследования, объединив растущий интерес к *городским* диалектам, дало толчок к подъему социалингвистики. Социалингвисты, как и диалектологи, интересуются вариативностью языка и нелитературным проявлением фонологии, грамматики и лексики. Но там, где диалектологи фокусировались на пространственном аспекте изучения региональных изменений, социалингвисты переключают внимание на социальный фактор и изучают изменения, обусловленные возрастом, полом, социальным классом, образованием и этнической принадлежностью. Диалектологи имели склонность осознанно или неосознанно пренебрегать женской речью: некоторые диалектологи утверждали, что женская речь более стандартна по сравнению с мужской и поэтому менее интересна для изучения, другие же, как мы уже видели, считали, что женщины с точки зрения использования языка более консервативны. Мы не располагаем твердыми доказательствами того, насколько женская речь отражает языковой стандарт и насколько она носит диалектный характер по сравнению с речью мужчин. Если бы диалектологи проводили исследования населения социалингвистическим методом — путем репрезентативного опроса представителей обоих полов, то в этом случае мы могли бы получить интересные данные о различном употреблении языка мужчинами и женщинами. В конечном счете, по результатам большинства диалектных исследований мы располагаем записями языка оседлых, пожилых, деревенских *мужчин* и не знаем, отличается ли он существенно от языка женщин или нет.

Только с появлением количественных социалингвистических исследований у нас появились достоверные научные данные о половых различиях в языке. Количественные социалингвистические исследования, анализирующие половые различия в языке, будут описаны в двух последующих главах.

Примечания

1. «Tout le monde sait qu'en matière de langage les femmes sont plus conservatrices que les homes, qu'elles consevent plus fidèlement le parler des aieux» (Wartburg 1925, 113 цит. по [Pop 1950, 373]).

2. «Le parler des femmes n'est pas conservateur. Les femmes, que d'ordinaire on affirme tre plus conservatrices que les homes, acceptant assez facilement les mots nouveaux» [Pop 1950, 180].
3. «[les femmes] passent beaucoup plus de temps à la maison, en société, a cuisiner, a laver et qui parlent plus que les hommes, pris par les travaux de la campagne, au milieu desquels on les voit taciturnes, et souvent isolés toute la journée» (Отчет Попа о *L'unité phonétique dans le patois d'unecom-mune* Гоше(1905), [Pop 1950, 194]).
4. «La prononciation des voyelles chez la population féminine ne diffère pas seulement de celle des hommes — qui possèdent des voyelles plus pures et plus claires — mais de quartier a quartier et quelquefois même d'individu a individu» (K. Jaberg. *Aspectsgéographiques du langage*, 1936, цит. у [Pop 1950, 579]).
5. «...il semble bien, quoique l'on affirme souvent le contraire, que le langage des femmes présente dans certains cas plus d'innovations que celui des hommes» [Pop 1950, 195].
6. «L'enqukteur rencontre des difficultés a persuader les femmes de sacrifier deux ou trois jours pour l'enquête, car les soins du ménage les en empêchent, et elles se trouvent gênées de s'attabler avec un monsieur de la ville» [Pop 1950, 725].
7. «Les raons que m'hi obligaren son: l'impossibilitat de guardar atencio durant un llarg interrogatori d'alguns dies; el tenir els coneixements de les coses, generalment, mes limitais que els homes i, sobre têt, la falta de fixesa s'idees que es tradeix en una denominacio imprecisa de les coses» (A. Griera. *Entom del'Atlas linguistique de l'Italie et de la Suisse Méridionale*, 1928, цит. у [Pop 1950, 373]). Я благодарна Максу Уиллеру за перевод этого отрывка
8. «Les réponses pour le parler de chaque localité ont été données par *un homme et par une femme du pays*: le premier répondait aux demandes concernant les travaux faits par les hommes; la seconde a elles touchant les occupations féminines» [Pop 1950, 770].
9. «Le questionnaire ayant été rédigé en vue de connaotre surtout la terminologie agricole, les femmes ne pouvaient pas donner de bonnes réponses. Pour cette raison, il n'y a que deux femmes parmi les informateurs» (Отчет Попа о полевой работе Наварро для «The Linguistik Atlas of Puerto Rico», 1948) [Pop 1950, 432].
10. «Son questionnaire regardant en premier lieu la terminologie de l'habitation et du ménage l'obligeait d'ailleurs a faire appel a la collaboration des femmes» [Pop 1950, 981]. «с'est plutôt elle [например, невестка] qui a donné les réponses» [Pop 1950, 977].
11. «с'est plutôt elle [например, невестка] qui a donné les réponses» [Pop 1950, 977].

Вторая часть

СОЦИО- ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ДААННЫЕ

Глава 4

Количественные исследования

4.1. Введение

В этой главе мы рассмотрим половые различия в языке, изучаемые при помощи количественных социолингвистических исследований. Глава начинается с краткого описания классических социолингвистических работ, анализа языковой вариативности с учетом социального класса говорящего и стиля речи (формального и неформального). Главный раздел представляет четыре социолингвистических исследования, проведенных в Британии и раскрывающих значимые половые различия. В конце главы обсуждаются причины, лежащие в основе социолингвистической вариативности.

4.2. Общепринятая парадигма

Классические социолингвистические труды, такие как работы Вильяма Лабова в Нью-Йорке и Питера Траджилла в Норвиче, ставят цель исследовать взаимосвязь лингвистической

вариативности с другими переменными в определенных социальных группах. Эти количественные исследования убедительно доказали социальную стратификацию и ввели в научный оборот взаимосвязанные понятия **престижа** (prestige) и **стигмы** (stigma). Считается, что престиж закрепляется за лингвистическими формами, обычно применяемыми социальной группой с наиболее высоким социальным статусом. Процесс стандартизации почти всегда ведет к развитию концепции нормативности; члены определенного языкового сообщества признают, что одна отдельная разновидность языка — общепризнанная форма языка — «правильнее», чем любая другая разновидность. Правильное употребление, будучи надежно сохраненным в этой разновидности, соответственно будет обладать высоким престижем. Использование литературного варианта в основных институтах общества — юриспруденции, образовании, радиовещании — воспроизводит этот престиж. Стигма, наоборот, закрепляется за нелитературными формами. Стигма может быть эксплицитно выраженной в отношении форм, которые являются предметом резкого осуждения на страницах газет или не одобряются в школе¹ (например, «отбрасывание» начального /h/, *ain't*, *disinterested* для *uninterested*); или может быть ниже уровня общественного осознания, как в случае многих форм, исследованных социолингвистами. Так как интерес к использованию и устойчивости применения нелитературных форм языка возрос, эти разновидности стали известны как **просторечие** (vernacular).

Еще одно важное понятие, применяемое в количественных социолингвистических исследованиях, — **лингвистическая переменная**. Переменная, иными словами, — это то, что изменяется в социально значимом образце. Лингвистическая переменная — это лингвистическая единица с различными реализациями, то есть **вариантами**. Фонема [t] является лингвистической переменной в современном английском языке. В позиции между гласными, например в словах *butter* или *bit of*, она имеет два варианта: глухой альвеолярный взрывной [t] и взрывной согласный звук. В зависимости от условий, например, *bit of* может реализовываться в виде [bitəv] или [biʔəv]. Лингвистические переменные могут быть фонологическими (пример со звуком [t]), грамматическими и лексическими. Конечно, не все лингвистические единицы являются переменными.

Социолингвисты занимаются изучением лингвистических переменных по причине того, что они не изменяются произволь-

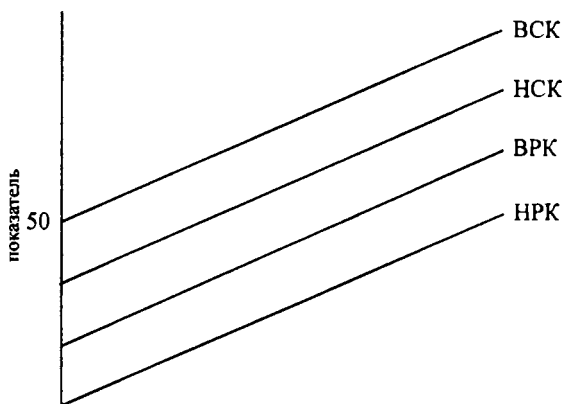
но — их изменения носят системный характер по отношению к другим переменным — таким, как социальная группа, возраст и пол. Иначе говоря, лингвистические и другие переменные участвуют в процессе взаимоизменения (co-variation). Жители Лондона, когда говорят [bæʔə] — *butter*, подразумевают вещество, вырабатываемое из сливок и намазываемое на хлеб, но они не имеют в виду свое социальное или территориальное происхождение, выбирая определенный вариант. Использование говорящими лингвистических переменных является одним из способов позиционирования в социальном пространстве. Лингвистические переменные, другими словами, — это в языковом отношении одинаковые, а в социальном — разные способы обозначения одних и тех же вещей.

4.2.1. Социальная стратификация

Классический пример социальной стратификации, раскрываемой посредством количественных исследований, показан на диаграмме (4.1). Вертикальная ось представляет отметку группы (соизмеримую со средним числом всех ее членов и преобразованную в процентное соотношение). 100% показывает устойчивое употребление престижных форм. Горизонтальная ось отражает степень официальности языковой ситуации. Обратим внимание на следующие три момента.

1. Каждая социальная группа использует высшую долю престижных форм (имеет высокий показатель) в формальной речи и низкую долю престижных форм (имеет низкий показатель) в неформальной речи, что отражают наклонные линии.
2. Для любого представленного речевого стиля (на любой точке горизонтальной оси от наименее формального до наиболее формального) показана социальная стратификация: каждая группа закрепляет свою позицию по отношению к другой группе, что отражают параллельные непересекающиеся линии на диаграмме.
3. Воображаемая лингвистическая переменная, нанесенная на график, варьирует от ста к нулю: престижный вариант в большинстве формальных контекстов имеет устойчивое употребление в группе «верхнего слоя среднего класса» (ВСК) (Upper Middle Class), но совсем не применяется

группой «нижнего слоя рабочего класса» (НРК) (Lower Working Class) в менее формальных контекстах (такое устойчивое употребление нелитературных форм в неформальных контекстах — это то, что в настоящее время пытаются исследовать многие социолингвисты с целью получения точного описания разговорной речи).

От менее формального ↔ к наиболее формальному

Диаграмма 4.1. Социальная стратификация

Как вы понимаете, репрезентации социальной стратификации, как это было выявлено в современных городских сообществах, не настолько идеальны, как в диаграмме 4.1. Диаграмма 4.2 взята из исследования Питера Траджилла, проведенного в Норвиче [Trudgill 1974a], и представляет показатели релевантные для переменной (ng) в конце таких слов, как *hopping*, *skipping*. Траджилл разделил информантов на пять социальных групп: средний слой среднего класса (ССК), нижний слой среднего класса (НСК), верхние слои рабочего класса (ВРК), средние слои рабочего класса (СРК) и нижние слои рабочего класса (НРК). Представлено четыре различных вида речи: Casual Speech (CS) — неподготовленная речь (НР); Formal Speech (FS) — формальная речь (ФР); Reading Passage Style (RPS) — стиль чтения отрывка (СЧО); Word List Style (WLS) — стиль чтения списка слов (СЧС). Названия говорят сами за себя: информантов опрашивал исследователь (который был не известен им), что дало возможность получить формальную речь (Formal Speech); информантов про-

сили громко прочитать отрывок и список слов. Полученные данные были соответственно названы «стиль чтения отрывка» (Reading Passage Style) и «стиль чтения списка слов» (Word List Style). Неподготовленная речь происходила спонтанно, когда, например, третье лицо прерывало интервью или вступало в разговор во время кофейной паузы; неподготовленная речь также происходила и в заранее запланированных контекстах, например, в ответ на вопрос: «Вы когда-нибудь попадали в ситуацию, когда смеялись от всей души?» Переменная (ng) представлена только в двух вариантах. 100% представляет литературное произношение: [ŋ], 0% — нелитературное произношение [n].

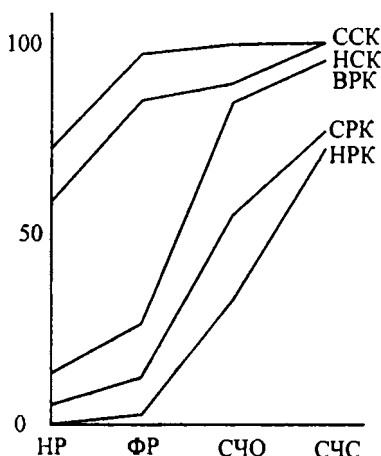

Диаграмма 4.2. Социальная стратификация в Норвиче — переменная (ng) [Trudgill 1974a, 92]

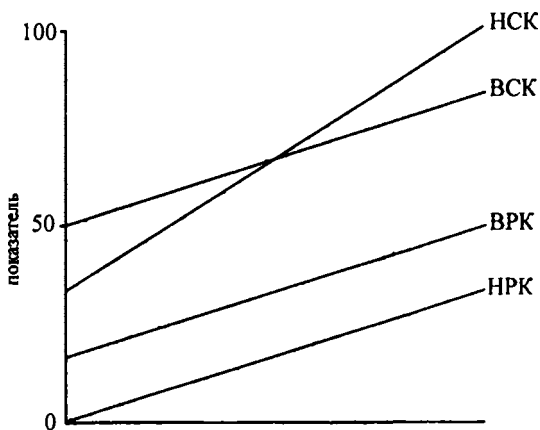
На диаграмме видно, что, хотя у всех пяти линий и разный наклон (как было бы в идеальном случае), они все поднимаются слева направо; другими словами, все пять социальных групп Норвича чаще используют престижный вариант [ŋ] при более формальном речевом стиле. Наряду с тем что все линии расположены на разном расстоянии друг от друга, они не пересекаются. Иначе говоря, социальная стратификация сохраняется во всех четырех проанализированных речевых стилях. Отметим разницу между тремя группами рабочего класса и двумя группами среднего класса в двух менее формальных стилях речи. В левой части диаграммы между двумя группами линий есть заметный разрыв. Цифры варьируют от 0% (нижний слой рабочего класса в «Не-

подготовленной речи») до 100% (две группы среднего класса в «Стиле чтения списка слов»). Диаграмма 4.2 показывает границы распределения социального класса и стилистическую вариативность (ng) в Норвиче.

Представляется, что сложная, но регулярная модель, показанная здесь на примере (ng) и представленная в идеализированной форме в диаграмме 4.1, является типичной лингвистической переменной с устойчивой социальной значимостью, то есть лингвистической переменной, не находящейся в процессе изменения.

4.2.2. Лингвистические переменные, подверженные изменению

Другая классическая модель, обнаруживаемая при помощи количественных социолингвистических исследований, представляет собой типичное изменение лингвистической переменной. Заметим, что и социальная стратификация, и подъем прямой слева направо сохраняются.

От менее формального ↔ к наиболее формальному

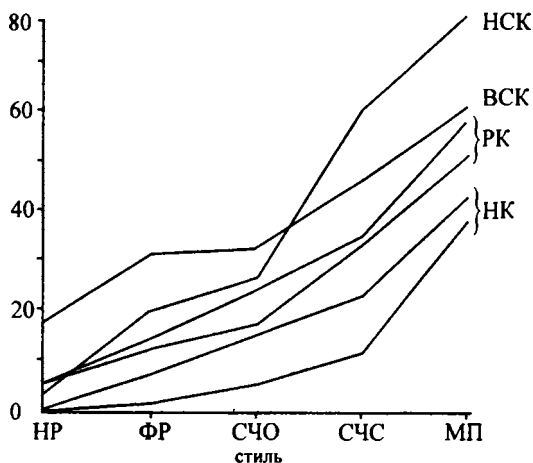
Диаграмма 4.3. Лингвистическая переменная, подверженная изменению

Главное различие диаграммы 4.3 и диаграммы стабильной лингвистической переменной (4.1) состоит в **пересечении** линий на диаграмме 4.3.

Группа «нижний слой среднего класса» (НСК) (вторая группа по высоте социального статуса) показывает гораздо больший сдвиг в сторону употребления престижных форм при формальном стиле общения, чем любая другая социальная группа. Это выражается в постепенном возрастании линий, по сути таком значительном, что показатель этой группы выше, чем у группы «верхний слой среднего класса» (ВСК). Однако при менее формальном стиле общения (при котором, по мнению Лабова, меньше внимания обращают на речь и произношение и поэтому говорящие меньше следят за произношением), нижний слой среднего класса, как и две группы рабочего класса, показывают пропорционально малое число престижных вариантов. Вследствие этого линия, которая соединяет линию группы «нижний слой среднего класса» (НСК), пересекает линию «верхний слой среднего класса» (ВСК).

Речевое поведение нижнего слоя среднего класса, выраженное в цифрах, называется **гиперкоррекцией**. Самым известным примером гиперкоррекции считается вокализованный [r] Нью-Йорка, согласно анализу Лабова [1972a]. Изменение вокализованного [r] касается произнесения или непроизнесения (nonpronunciation) [r] в таких словах, как *car* или *guard*, где [r] стоит после гласного. На диаграмме 4.4 воспроизведена диаграмма Лабова. В ней показано только два варианта: наличие или отсутствие [r]: /kaŋ/ или /ka:/. Отметка 100 представляет постоянное произнесение [r] после гласного; отметка 0 — отсутствие [r]. В эксперименте Лабова информанты делились на 6 групп, а их речь была разделена на 5 стилей. (Пятый стиль МП — «минимальные пары» — включает пары слов с [r] в качестве смысловозначительного элемента, например *sauce: source*.)

В диаграмме четко показано, что при менее формальных стилях общения только верхний слой среднего класса (ВСК) употребляет престижный вариант вокализованного [r] с любым уровнем постоянства. При более формальных стилях нижнего слоя среднего класса (НСК) превышает этот уровень употребления по сравнению с верхним слоем среднего класса (ВСК). Вполне вероятно, что причина гиперкоррекции кроется в восприимчивости группы «нижний слой среднего класса» (НСК) к социальному воздействию: их неуверенность (ввиду пограничной позиции между средним и рабочим классом) отражается в их отношении к нормам произношения и «правильной» речи. Когда лингвистическая переменная находится в процессе изменения, по мнению Лабова, «нижний слой среднего класса» (НСК) становится чувствительным к использованию нового престижного варианта (в

Диаграмма 4.4. Социальная стратификация лингвистической переменной в процессе изменения: вокализованный (r) в Нью-Йорке [Labov 1972a, 114]

данном случае — к вокализованному [r]). В более формальных стилях (например, когда обращается больше внимания на речь) они делают сознательный шаг к правильному произношению и резкой смене стиля произношения от действительно слабого [r] в неформальном стиле в сторону более полного [r] в формальном стиле, чтобы «быть не хуже других».

4.3. Половые различия

Самые ранние социолингвистические работы главным образом рассматривали различия социальных групп. Однако было очевидным то, что другие нелингвистические переменные, такие как этническая группа, возраст и пол, включались в структурированные лингвистические изменения. В отношении пола было установлено, что во многих языковых общностях женщины используют в количественном соотношении бóльшую долю престижных форм, чем мужчины. Другими словами, возможно, престижные формы оказывают более сильное влияние на женщин, чем на мужчин. В отношении устойчивых лингвистических переменных мы можем предположить ту схему, которая представлена в диаграмме 4.5. В случае когда лингвистические переменные

Диаграмма 4.5. Стратификация по полу и социальному классу

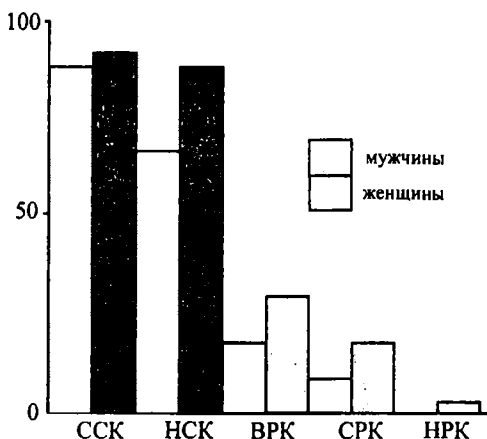
находятся в процессе изменения, обнаруживается, что *женщины* в группе «нижний слой среднего класса» (НСК) особенно восприимчивы к новому лингвистическому варианту и потому склонны к гиперкоррекции. Рассмотрим четыре социолингвистических исследования, в которых половые различия оказались значимыми, и детально изучим формы проявления этих различий. (Связь между половыми различиями в речи и языковым изменением будут рассматриваться в восьмой главе.)

4.3.1. Норвич

Картина социальной стратификации, установленная Траджиллом на примере с (ng) в Норвиче, представлена в диаграмме 4.2. Более подробный анализ данных, включая как говорящего, так и социальную группу и контекстуальный стиль, обнаруживает, что показатели для говорящих мужского и женского пола существенно различаются.

Как показывает общая модель на диаграмме 4.5, женщины в Норвиче больше склонны к употреблению престижного варианта [ŋ] (и менее — к употреблению стигматизированного варианта [n]), чем мужчины, и это подтверждается во всех социальных группах⁷. Такая диаграмма довольно сложна и трудна для прочтения. В диаграмме 4.6. даны результаты только по формальному стилю.

Диаграмма 4.6. Употребление [ŋ] в Норвиче, представляющее социальную группу и половые различия [Trudgill 1974a, 94]

Разница между показателями мужчин и женщин одной социальной группы очень значительная.

В таблице 4.1 представлены актуальные показатели для мужчин и женщин пяти социальных групп в четырех стилях общения. Как и в диаграмме 4.2, число 100 — это устойчивое употребление престижной формы [ŋ] и число 0 — это устойчивое употребление непрестижной формы [n]. Самым интересным моментом, который необходимо отметить, является то, что в 14 из 20 случаев (70%) показатели для женщин выше показателей для мужчин.

Анализ диаграмм, в частности, показывает следующее.

1. Во всех стилях женщины склонны к меньшему употреблению в речи стигматизированных форм по сравнению с мужчинами.
2. При формальном общении (например, при чтении информантами списка слов в эксперименте Траджилла) женщины более чутки к престижному варианту, чем мужчины (см. последнюю колонку — наименьший показатель для женщин 80).
3. Смена стиля у *женщин* группы «нижний слой среднего класса» (НСК) происходит весьма резко: при менее формальном общении они чаще употребляют стигматизированный вариант, но в трех более формальных стилях они корректиру-

ют свою речь до соответствия с группой на один уровень выше (средний слой среднего класса). По утверждению Лабова [1972а, 243], такого рода резкая смена стиля, часто ведущая к гипперкоррекции, отмечается у женщин в группе «средний слой среднего класса».

4. Представляется, что использование нелитературных форм (разговорная речь) связано не только с рабочим классом, но также и с мужчинами.

Таблица 4.1

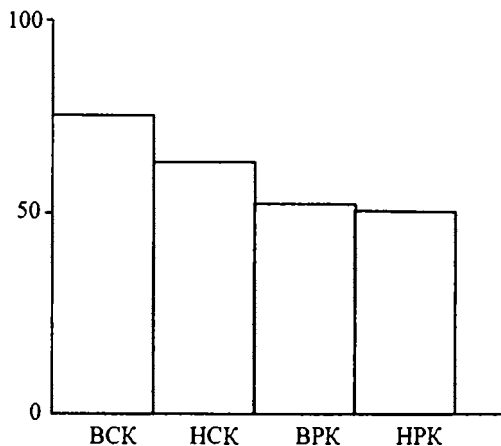
Употребление переменной [ng] в Норвиче — показатели по социальному классу, полу и типу контекста* [Trudgill 1974а, 94]

		Неподготовленная речь	Формальная речь	Стиль чтения отрывка	Стиль чтения списка слов
ССК	мужчины	69	96	100	100
	женщины	100	100	100	100
НСК	мужчины	83	73	80	100
	женщины	33	97	100	100
ВРК	мужчины	5	19	82	100
	женщины	23	32	87	89
СРК	мужчины	3	9	57	76
	женщины	12	19	54	80
НРК	мужчины	0	0	0	34
	женщины	0	3	46	83

4.3.2. Глазго

Изучение Рональдом Макаулэем [1978, 1979] английского языка г. Глазго показало аналогичный результат (хотя выводы Макаулэя основывались только на одном стиле — официальном интервью). Диаграмма переменной [i], например в словах *kill*, *hit*, *risk*, представлена ниже в графической форме. Число 100 означает устойчивое произношение [i] как престижного варианта [i]; 0 представляет устойчивое произношение [i] как разговорной формы [ʌ] г. Глазго.

* Я вернулась к показателям Труджилла для сохранения последовательности изложения (например, показатель 100 также демонстрирует вариант самого престижного произношения).

Диаграмма 4.7. Социальная стратификация [i] в Глазго [Macaulay 1978, 135].

Диаграмма, раскрывающая стратификацию социальных групп, показывает обычную и понятную картину: каждая социальная группа использует пропорционально больше престижных форм, чем группа, стоящая на ступеньку ниже в социальной иерархии. Но когда во внимание принимается половая принадлежность (классификация по показателям мужского и женского пола), как в диаграмме 4.8, то внешняя четкость исчезает. Женщины в каждом социальном классе показывают большее употребление престижной формы [i] в отличие от мужчин этой же социальной группы. Отметим, что женщины в каждой социальной группе берут за образец речь мужчин группой *выше*. И наоборот, мужчины в каждой социальной группе копируют женщин группой *ниже* (см. таблицу 4.2.).

Таблица 4.2

Употребление [i] мужчинами и женщинами г. Глазго [Макаулэй, 1978 135]

Группа	Мужчины	Женщины
ВСК	69,00	80,00
НСК	55,25	71,25
ВРК	53,25	55,00
НРК	50,00	53,00

Диаграмма 4.8. Стратификация [i] по социальному классу и полу [Макаулэй 1978, 135].

Макаулэй указал, что основной разрыв в показателях отмечается у женщин между группами «нижний слой среднего класса» и «верхний слой рабочего класса», а у мужчин между группами «нижний слой среднего класса» и «верхний слой рабочего класса». Так, женщины группы «нижний слой среднего класса» говорят подобно женщинам группы «верхний слой среднего класса», а мужчины группы «нижний слой среднего класса» — как мужчины группы «верхний слой рабочего класса». Это еще раз доказывает, что нижний слой среднего класса является базовой категорией.

Данные Макаулэя, как и данные Траджилла, наводят на мысль, что полученные показатели больше скрывают, чем раскрывают особенность социальной группы. В случае с переменной [i] в английском языке г. Глазго количественные показатели социального класса предоставляют нам только среднее число мужчин и женщин и не проводят различий между мужчинами и женщинами в использовании [i].

4.3.3. Вест-Виррал

Марк Ньюбрук (1982) в исследовании г. Вест-Виррал ставит цель выяснить, насколько глубоко городской разговорный язык

Ливерпуля «Scouse» проникает в окружающие территории и, в частности, насколько характерные черты «Scouse» вытесняют местные чеширские языковые формы в качестве обычных нелитературных форм, встречающихся в этой местности. Он изучил несколько фонологических переменных и обнаружил для большинства из них существование значимых различий по полу. В диаграмме 4.9. представлены показатели женских и мужских групп трех переменных (ing) в *jumping*, [h] в *house*, [k] в *kick*. Для (ing) возможны два варианта [ɪŋ] и [ɪn]; для (h) — [h] и Ø; для (k) — стандартный вариант [k] и нестандартная аффриката [kʰ] (или иногда [x]). Цифра 100 указывает на устойчивое употребление престижного варианта. Во всех трех переменных мы обнаружили ожидаемую модель: женское произношение более приближено к престижному стандарту, нежели мужское. К тому же групповые данные диаграммы не раскрывают тот факт, что варьирование индивидуальных показателей между мужчинами и женщинами значительно отличается. Типичный показатель для мужчины рабочего класса гораздо ниже, чем для мужчины среднего класса, тогда как показатели у женщин охватили значительно более узкую область. Это позволяет предположить, что социальный класс является более важным фактором в определении речи мужчин, чем женщин, по крайней мере в Вест-Виррале.

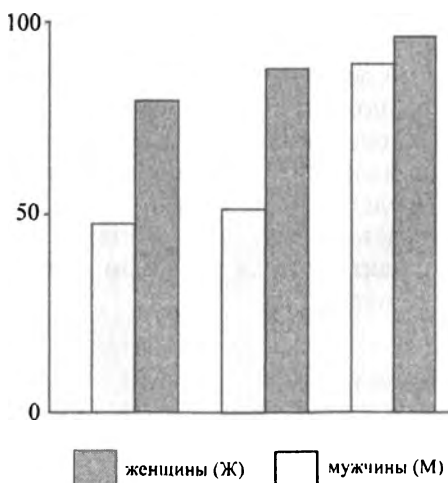
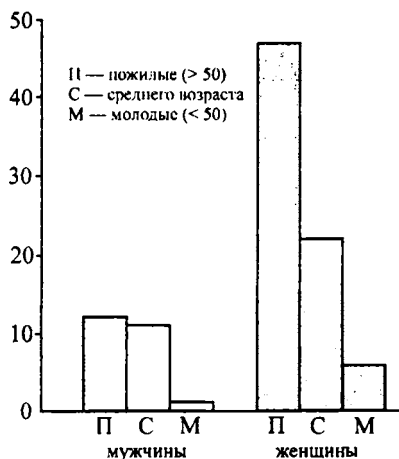

Диаграмма 4.9. Половые различия в Вест-Виррале для трех фонологических переменных: (ing), (k), (h).

Диаграмма 4.10. Стратификация по полу и возрасту на примере переменной [a] в Вест-Виралле.

На диаграмме 4.10 представлена переменная (a) — *bath, grass*. В этом эксперименте информанты анализировались по возрасту и полу.

Цифра 100 указывает на постоянное, устойчивое произношение (RP — received pronunciation) — [a:]; 0 — на нелитературное произношение [æ]. Обратим внимание, что показатель женщин в каждой возрастной группе выше, чем показатель мужчин. Также отметим градацию по возрасту, которую отражает эта переменная: показатели для пожилых людей выше, чем для молодых. Пожилые женщины гораздо ближе к литературным нормам, чем другие говорящие, а молодые мужчины действительно устойчиво употребляют [æ]. Представляется, что молодые женщины участвуют в процессе возрастающего преобладания [æ]. По-видимому, нелитературный вариант является маркером не только речи мужчин, но также и речи молодых.

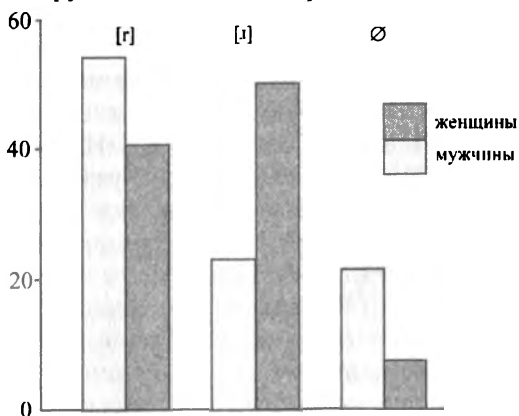
4.3.4. Эдинбург

Наш четвертый пример мы взяли из исследования Сюзан Ромэйн в Эдинбурге [Romaine 1978]. В ее исследовании изучается речь учащихся начальной школы из рабочих семей. С каждым ребенком опрос проводился индивидуально. Дети 10 лет также читали отрывок. Отметим, что по сравнению с другими рассмот-

ренными нами исследованиями, это было наиболее избирательным: информанты принадлежали к узкой возрастной категории (6—10 лет), к рабочему классу (насколько позволяла судить об этом профессия отца), и данные эксперимента были получены только в одном контексте (за исключением десятилетних детей).

Одной из переменных, вошедших в исследование С. Ромэйн, был вокализованный согласный [r] — *car*, *door* и т. д. Переменная обнаруживается на юге Шотландских приграничных районов, в сельской местности севера Ланкашира и в Уэльских приграничных районах, а также в графствах, расположенных к юго-западу от Лондона: однако шотландцы в основном уверены в произношении своего варианта [r]. Ромэйн попыталась проверить, насколько это соответствует действительности. Она выделила три варианта [r]: альвеолярный [r], щелевой фрикативный согласный звук [ɹ] и Ø. За каждый вариант информантам присваивался отдельный балл с учетом употребления каждого варианта, выражаемого в процентном отношении ко всем случаям использования [r].

Анализ результатов Сюзан Ромэйн позволил сделать вывод, что пол говорящего является единственным и самым важным фактором, связанным с [r]. В диаграмме 4.11 представлены результаты употребления каждой переменной для информантов, объединенных в группы по половой принадлежности.

Диаграмма 4.11. Различия в употреблении [r] между группами мужского и женского пола в Эдинбурге (на основе эксперимента Сюзан Ромэйн) [Romain 1978, 50].

Этот график объединяет показатели детей в трех изученных возрастных группах, так как явные отличия в использовании [ɹ] проявились между мальчиками и девочками в каждой возрастной группе. Обратим внимание, что мальчики чаще используют в речи альвеолярный звук [ɹ], чем девочки, и также более склонны опускать его. Девочки же, наоборот, предпочитают щелевой фрикативный согласный звук [ɹ̥], а также избегают опускать его в словах.

Эта переменная также показывает отчетливую половую дифференциацию. В показателях частотности самой заметной особенностью является использование девочками щелевого фрикативного согласного звука [ɹ̥]. Очевидно, щелевой фрикативный согласный звук [ɹ̥] является маркером женской речи в Эдинбурге.

4.3.5. Выводы

Четыре рассмотренных нами британских исследования показывают постоянство половой дифференциации в речи. Там, где существует альтернатива, часто оказывается, что мужчины и женщины предпочитают разные варианты. Далее, если возможно назвать один из вариантов престижным, то именно *женщинам* свойственно использование этого варианта. Это касалось переменных [ng] в Норвиче, [i] в Глазго, [ɪŋ], [h], [k] в Вест-Виррале. Иначе говоря, представляется, что употребление не соответствующих стандарту, непрестижных форм, связано не только с рабочим классом, но также и с *мужчинами*. Там, где мы находим вариант, постоянно используемый одной группой говорящих чаще, чем другой, мы называем его маркером (marker). Наши примеры показывают, что [n] является маркером речи мужчин Норвича, [æ] — маркером речи мужчин (и молодежи) в Вест-Виррале и щелевой фрикативный согласный звук [ɹ̥] — маркером речи женщин Эдинбурга.

4.4. Пояснения

Описанные выше примеры, взятые из социолингвистических работ Британии, показывают какие формы принимает языковая вариативность между полами. Это приводит к вопросу «Почему?». Основной целью количественных исследований, — таких как использованные в качестве примеров в этой главе, —

является сбор и анализ данных о языковой вариативности. Многие социолингвисты первоначально не задавались вопросом, почему такие изменения существуют, и их методология не была разработана для исследования подобных вопросов.

4.4.1. Чувствительность женщин к языковым нормам

Утверждение о восприимчивости женщин к языковой норме встречается часто и это приписывается их непрочной социальной позиции. Эта непрочность положения обнаруживает явную параллель с нижним слоем среднего класса, который, как мы видели в разделе 4.2.2, дает классический пример гиперкорректного языкового поведения. Действительно ли социолингвисты говорят, что языковое поведение женщин гиперкорректно?³ Приведем несколько примеров.

1. *(ng) в Норвиче*

Кроме представления постоянной модели половой дифференциации, в таблице 4.1 (показатели для [ng] в Норвиче) также приведен пример резкой смены стиля женщинами группы «нижний слой среднего класса». В формальных стилях женщины группы «нижний слой среднего класса» в целом уподобляются группе «верхний слой среднего класса», но при менее формальном общении они употребляют бóльшую долю непрестижных вариантов.

2. *Взрывной согласный звук в Глазго*

Взрывной согласный звук в Глазго является наиболее отчетливо стигматизированной особенностью речи. Макаулэй обнаружил широкое употребление этого звука, но с четко определенной социальной стратификацией (рабочий класс использует его значительно чаще, чем средний класс). Наибольший контраст отмечался между мужчинами и женщинами группы «нижний слой среднего класса»: женщины этой группы использовали на 40% меньше взрывных согласных звуков, чем мужчины этой группы. Одна женщина группы «нижний слой среднего класса» употребляла меньшее число взрывных согласных звуков, чем любой информант группы «верхний средний класс», — очевидное гиперкорректное употребление.

3. *Звук (o) в Мерсисайде*

Лингвистическая переменная, возникающая в таких словах, как *coat*, *go*, имеет много вариантов. Считается, что один из

них, [ɛu], является гиперкорректным⁴. В своей работе в Вест-Виррале Ньюбрук установил, что при использовании вариантов разговорного языка Ливерпуля меньшее число информантов-мужчин, но все женщины предпочитали именно этот вариант.

Первые два примера показывают, что модель гиперкоррекции второй по социальной иерархии группе «нижний слой среднего класса» напрямую связана с женщинами. Третий пример представляет более обобщенную модель. Так как Ньюбрук не классифицировал информантов по социальной принадлежности, мы не можем быть уверены, на самом ли деле женщины группы «нижний слой среднего класса» чутки, в частности, к употреблению [ɛu]. Но эти примеры, а также материал, изученный в предыдущей главе, не дают оснований считать в целом речь женщин гиперкорректной. Как показано в разделе 4.5, различия между полами ведут к регулярной стратификации: женщины используют меньше стигматизированных вариантов и больше престижных форм, чем мужчины, в каждой социальной группе. Называть эту модель женского употребления гиперкорректной не более оправданно, чем утверждать, что использование языка средним классом гиперкорректно по сравнению с рабочим классом.

4.4.2. Тесты на самооценку

Чтобы проверить чувствительность информантов к языковым нормам, Траджилл провел с ними тесты на самооценку [1972; 1974a]. Он представил информантам записи определенных слов с двумя или более вариантами произнесения, варьирующими от престижного до непрестижного норвичского варианта. Информантам предлагалось отметить наиболее близкую и привычную им форму употребления. В тест были включены варианты [ɛg] в словах *ear*, *hear*, *idea* и [a] в словах *gate*, *face*, *name*. В примере с [ɛg] только 28% мужчин-информантов и 18% женщин-информантов реагировали точно (то есть утверждали, что используют форму, соответствующую актуальному употреблению в неподготовленной речи, как в записи интервью). Неустойчивые 68% женщин (и 22% мужчин) **переоценивали** себя (*over-reported*), то есть отмечали использование престижной формы, когда на самом деле их показатель говорил об обратном. С другой стороны, половина мужчин (50%) и 14% женщин **недооценивали** себя

(under-reported), то есть утверждали, что применяют нестандартный вариант, в то время как, согласно тесту, они привычно употребляли формы, близкие к литературному произношению.

Результаты с переменной [a] повторяют ту же модель. 50% мужчин и 57% женщин оценивают свое произношение адекватно, 43% женщин и 22% мужчин переоценивают себя и 28% мужчин и 0 женщин недооценивают. Таблица 4.3 обобщает эти цифры.

Таблица 4.3

**Процентные показатели самооценки для [er] и [a] в Норвиче
[Trudgill 1972]**

Самооценка	[er]		[a]	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Переоценка	22	68	22	43
Недооценка	50	14	28	0
Точная	28	18	50	57

В первую очередь, необходимо отметить, что тест Траджилла выявляет значительное число *переоценок* среди *женщин*. Это позволяет предположить, что женщины *действительно* восприимчивы к престижной норме. Многие женщины Норвича уверены в том, что употребляют формы, близкие к литературному произношению, тогда когда в действительности этого не происходит. Можно предположить, что они *стремятся* к литературному произношению и пытаются избежать стигматизированных вариантов.

Во-вторых, тест Траджилла выявляет значительное число *недооценок* среди *мужчин*. Они считают, что используют нелитературные формы, хотя на самом деле не употребляют их. Такое поведение может быть объяснено гипотезой о существовании **скрытого престижа** (covert prestige) нелитературной речи.

4.4.3. Скрытый престиж

Понятие скрытого престижа возникло, когда лингвисты пытались объяснить постоянство разговорных (нелитературных) форм в речи рабочего класса. Ввиду противодействия рабочего класса литературному английскому языку (представители этой социальной группы желали говорить так, как они говорят) мы вынуждены допустить существование еще одной

разновидности языковой нормы — разговорной, просторечной, обладающей скрытым престижем и оказывающей сильное влияние на языковое поведение. В свете тестов на самооценку Траджилла и примеров различий между мужчинами и женщинами, представленных в предыдущей главе, резонно предположить, что разговорные формы обладают скрытым престижем не только среди рабочего класса, но также и среди *мужчин*. Недоценка характерна в равной степени, как для мужчин среднего класса, так и для рабочего класса Норвича. Напрашивается вывод, что мужчины Норвича действительно стремятся к употреблению не соответствующей установленным нормам речи рабочего класса.

Мы видим здесь развитие более прочной объяснительной модели. Ранние работы по языковым различиям полов придавали особое значение очевидной восприимчивости женщин к престижным формам языка. Понятие престижа как силы, притягивающей различных людей по-разному в зависимости от их пола, подтверждается социолингвистическими исследованиями: мужчины действительно употребляют меньше престижных форм, чем женщины. Но введение понятия «скрытого престижа» усиливает эту модель, настаивая на существовании двух противоположных норм, соперничающих за признание говорящего. Это — литературный английский язык с очевидным престижем и разговорные нормы со скрытым престижем. Утверждается, что женщин привлекают нормы литературного английского языка, а мужчин — скрытый престиж разговорной речи. Эта модель также призвана объяснить различия социальных групп. Другими словами, считается, что различия в языке между социальными классами говорящих существуют ввиду того, что средний класс лояльно относится к институализированным нормам литературного английского языка, а рабочий класс отрицает эти нормы и предпочитает разговорный язык. Это обнаруживает интересный параллелизм между женщинами и средним классом, с одной стороны, и мужчинами и рабочим классом, с другой стороны.

Интересы женщин среднего класса и мужчин рабочего класса не вступают в противоречие. Как пол, так и их социальное положение указывают на одну и ту же принадлежность. Однако у мужчин среднего класса и женщин рабочего класса интересы сталкиваются: речевое поведение, прогнозируемое на основе их социальной принадлежности, несовместимо с речевым поведением, прогнозируемым на основе признака. Двойственность положения

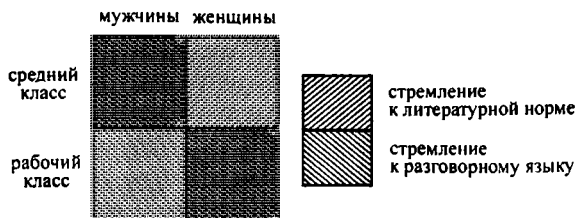

Диаграмма 4.12. Пересечение социального класса, пола и языка.

мужчин среднего класса и женщин рабочего класса убедительно доказывается результатами следующего эксперимента [Edwards 1979a]. Взрослым экспертам были представлены магнитофонные записи 20 детей из рабочего класса и 20 — из среднего класса, и далее им предложили определить пол ребенка по речи. В большинстве случаев экспертам не удалось точно идентифицировать пол. Как показано на диаграмме 4.13, ошибки экспертов не были случайными; они ошибались только относительно двух групп детей — мальчиков из среднего класса и девочек из рабочего класса. Речь мальчиков из среднего класса для специалистов звучала, как девочки, а речь девочек из рабочего класса — как речь мальчиков.

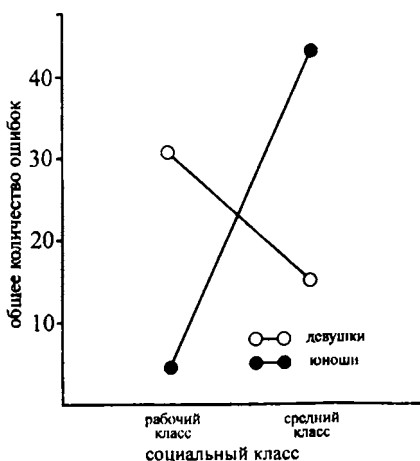

Диаграмма 4.13. Взаимовлияние пола и социальной группы детей на основе ошибок в идентификации пола [Edwards 1979, 93].

4.4.4. Общественное положение и солидарность

Эти объяснения сами по себе нуждаются в объяснении. Если мы признаем, что в языковых общностях, описанных в этой главе, говорящие выбирают противоположные языковые нормы, нам все еще придется объяснять, почему получается так, что женщины в большей мере находятся под влиянием общественно узаконенных стандартных норм, а мужчины — под влиянием просторечных норм, не признанных обществом.

Социальные психологи подробно изучили отношение к речи. Их исследования подтверждают, что общепринятое произношение гораздо более престижно, чем местные диалекты Британии. Одна из «наград» (в терминах социальной психологии) для носителя языка, использующего речь, близкую к стандарту, заключается в приобретении более высокого **статуса**. Еще одной «наградой» для говорящего, придерживающегося общепринятого произношения, является то, что в обществе его воспринимают как более целеустремленного, более умного и более уверенного в себе человека. Однако носители правильного произношения получают высокую оценку на основе языковой компетенции, а носители местного диалекта — на основе личной привлекательности. Они воспринимаются как серьезные, общительные, добродушные и обладающие чувством юмора. Значит, это также предполагает существование «наград» — хотя и иного вида — для тех, кто выбирает нелитературные формы.

Большинство работ по социальной психологии направлено на изучение отношения к различным вариантам английского языка без учета фактора пола как одной из переменных. Редкие исследования [Elyan 1978], ориентированные на оценку женщин, использующих литературное и нелитературное произношение (RP — общепринятая норма или местный диалект Ланкашира) выявили, что женщины, использующие общепринятую норму произношения, оцениваются экспертами как более умные, уверенные в себе, независимые, бегло говорящие на языке, предприимчивые и более женственные, чем женщины, использующие местный диалект. К тому же женщин, употребляющих общепринятые нормы языка, считают более мужественными (эксперты также должны были отметить степень маскулинности и фемининности каждого говорящего по девятичной шкале). Это может показаться нонсенсом, но если маскулинность и фемининность рассматривать как две независимые величины, то у ка-

ждого индивида есть право выбора обоих параметров. Американские исследования показывают, что 30—45% студенток американских колледжей имеют высокие показатели как по шкале маскулинности, так и фемининности. Это явление называется **психологической андрогинией** (Vem, 1974; 1975). Считается, что в современном обществе андрогинное поведение дает женщинам много преимуществ, предоставляя широкий выбор поведения для овладения большим спектром исполняемых ими социальных ролей. Мы можем утверждать, что ввиду этих преимуществ в Британии RP (общепринятая норма произношения) является составляющей андрогинного поведения для женщин и среднего класса.

Однако говорящие — это не изолированные индивиды; они — члены общества, и одна из функций языка — быть символом групповой идентичности. В любом случае, рабочий класс отличается с точки зрения языка от среднего класса, и, следовательно, язык является маркером социальной дистанции этих двух групп. Вместе с тем для того чтобы показать **солидарность** (solidarity), рабочий класс объединяется с позиции применения языка, тем самым маркируя свою принадлежность к социальной группе. Сознательное усилие членов рабочего класса не говорить на литературном английском языке (RP) хорошо документировано, что находит подтверждение в следующих цитатах:

1. ...вас следовало бы как следует отдубасить... (George W., Эдинбург, ответ на предложение, что ему следует «говорить красиво»; цит. по [Reid 1978]);
2. Бабушка, говорившая на лондонском просторечии, утверждала, что ее внуку был бы присвоен ярлык «ненормальный», если бы он говорил в жеманной манере (цит. по [Bragg и Ellis 1976]);
3. «Не думаю, что я хочу изменить свою манеру говорить. Я не хотел бы говорить на литературном английском. По-моему, он очень нелепый. Слова произносятся правильно, но они не звучат красиво. В вашем собственном окружении вы будете чувствовать себя неуютно. Если ты живешь в Глазго, ты должен говорить как в Глазго» (пятнадцатилетний юноша из Глазго, цит. по [Macaulay 1977]).

Заметим, что все примеры исходят от мужчин. Очевидно, сильное давление оказывается как на говорящих из рабочего класса, так и на мужчин, уклоняющихся от употребления литературного английского языка. Используя нелитературные формы, мужчины демонстрируют сплоченность.

Социальным группам необходимо утвердить свое отличие от других, и язык в этом случае является одним из способов достижения этой цели. Культура оказывает существенное влияние на мужчин и женщин, предполагая их четкое разделение, даже если разные групповые объединения (социальные, этнические, возрастные) рассматривают их как единое целое. Установление групповой идентичности — важный фактор для социальной группы, и варьирование языка способствует этому двояким способом.

1. Языковые различия усиливают внутригрупповое единство (то есть члены группы узнают друг друга по схожему способу употребления языка и тем самым отличают от лиц, не входящих в их группу).
2. Языковые различия увеличивают дистанцию между группами (это способствует утверждению отчетливой групповой идентичности).

Итак, варьирование языка мужчинами и женщинами может рассматриваться как средство поддержания собственной идентичности.

4.4.5. Выводы

В этой главе мы рассмотрели несколько примеров социолингвистических исследований, показывающих половую дифференциацию, а также обсудили причины, которыми можно объяснить это явление. Во всех известных общностях мужчины и женщины являются значимыми социальными категориями; то есть члены общности отличаются друг от друга по полу, а также по другим (более культурно специфичным) критериям. Неудивительно, что в социолингвистических исследованиях пол являлся важной переменной, и социолингвисты обнаружили, что половые различия в языке часто связаны с изменениями социальной группы. Например, женщины, принадлежащие к среднему классу, используют пропорционально больше литературных форм (обладающих явным престижем в обществе), а мужчины, например, принадлежащие к рабочему классу, — употребляют соответственно больше нелитературных форм. Почему женщины обычно выбирают формы, близкие к литературному английскому языку, а мужчины выбирают формы, близкие к просторечным, — этот феномен все еще мало понятен. В следующей главе будет

рассмотрена работа, которая исследует гипотезу о том, что степень интеграции говорящих в сообществе находит прямое отражение в их языке; также будет показано, каким образом такая работа способствует лучшему пониманию различий языка мужчин и женщин.

Примечания

1. Заметим: чтобы сдать обычный уровень (уровень 0) по английскому языку — возможно, самому трудному предмету, — ученики должны освоить эти понятия и приобрести навыки письма литературного английского языка.
2. В основе лежит утверждение, что социальный класс мужчин и женщин оценивался правильно. Однако, ввиду того что Траджилл, как и многие другие исследователи, определяли социальный класс женщин, частично принимая во внимание занятие мужа или отца, правильность гипотезы не совсем очевидна.
3. См., например, [Labov 1972, 243a].
4. Заметим, что это гиперкоррекция другого типа, так как данный вариант никогда не использовался информантами группы «верхний слой среднего класса»: это скорее качественное, а не количественное превышение. Ноулс [Knowles 1974] и Де Льюн [De Lyon 1981] считают, что в Мерсисайде [eu] — гиперкорректный вариант, тогда как Ньюбрук утверждает, что в Вест-Виррале он не является гиперкорректным.

Глава 5

Социальные сети

5.1. Понятие социальной сети

Одним из самых плодотворных объяснений языковой вариативности в последние годы стало понятие социальной сети. В последние годы в общественных науках оно широко распространено, но в социолингвистическом анализе не упоминалось до появления работ Блома и Гамперца [Blom & Gumperz, 1972], а также не было широко известно до публикации исследований Милроев в Белфасте [Milroy & Milroy, 1978; Milroy, 1980].

Члены языкового сообщества Белфаста рассматривались как объединенные в одну социальную сеть, которая может быть «открытой» или «закрытой». Индивид, чьи личные контакты происходят с лицами, знающими друг друга, принадлежит к закрытой сети (график 5.1). Стрелки показывают взаимное знакомство.

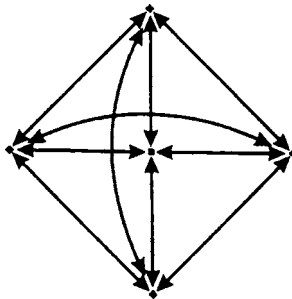

График 5.1. Закрытая сеть.

Индивид, чьи личные контакты происходят с лицами, не всегда знакомыми между собой, принадлежит к открытой сети (график 5.2).

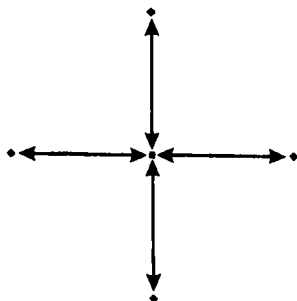

График 5.2. Открытая сеть.

Закрытые сети обладают **высокой плотностью**, открытые сети — **малой плотностью**. Кроме того, существуют связи разного рода: люди могут быть родственниками, соседями, коллегами, друзьями. Если индивиды связаны между собой несколькими способами, например работой, семьей, совместным времяпрепровождением, то сетевые связи называются **мультиплексными** (multiplex).

Представляется, что социальные сети, типичные для организованных, мобильных, высокоразвитых обществ, обладают малой плотностью и являются **униплексными** (uniplex) (то есть индивиды связаны между собой не более чем одним способом). В сельских общинах и в традиционных рабочих объединениях социальные сети обладают высокой плотностью и являются мультиплексными.

Считается, что относительно плотные сети функционируют как механизмы установления нормы. В языке это значит, что спаянная группа будет способствовать внедрению *языковой* нормы. Лесли Милрой, работая в Белфасте, показала, что в рабочих объединениях (как католических, так и протестантских) существует поляризация половых ролей, с четким разграничением мужской и женской деятельности. Такая поляризация характерна для общностей с плотной социальной сетью. Милрой установила, что сети мужчин более плотны и мультиплексны, чем сети женщин, и что отличие в силе сети согласуется с языковыми различиями.

Рассмотрим теперь два примера социолингвистического исследования, где сила сети показана как значимый фактор в прогнозировании различий между мужчинами и женщинами, и начнем с работ Лесли Милрой в Белфасте, а затем перейдем к исследованию Дженни Чешир, проведенному среди подростков Ридинга¹.

5.1.1. Белфаст

Милрой изучила три рабочих сообщества в Белфасте: Баллимакаретт (Ballymacarrett) (протестантская территория в Восточном Белфасте), Хаммер (Hammer) (протестантская территория в Западном Белфасте) и Клонард (Clonard) (католическая территория в Западном Белфасте). Все эти территории являются бедными рабочими районами с высоким уровнем безработицы.

Анализ Милрой был основан не на интервью, а на **включенном наблюдении**. Благодаря установлению неформальных контактов с лидерами сообществ она смогла сблизиться с ними в качестве «приятельницы». Это означало, что ей доверяют и принимают дружелюбно, и дало возможность проводить наблюдения и участвовать в длительном и неформальном общении. К ее магнитофону полностью привыкли в семьях, которые она посещала, и исследовательница могла быть совершенно уверена, что записывает настоящую разговорную речь.

Л. Милрой изучала не только язык людей, с которыми контактировала, но также их социальные сети. Так как во всех трех общностях были обнаружены плотные и мультиплексные социальные сети, она решила определить индивидуальный **показатель силы сети (Network Strength Score)** в каждой группе в зависимости от следующих пяти факторов. (Показатели каждого информанта вычислялись путем прибавления одного балла за соответствие каждому фактору.)

1. Принадлежность к группе с высокой плотностью и одной территорией.
2. Наличие существенных родственных уз между соседями (более чем одно домашнее хозяйство в дополнение к ядру семьи).
3. Работа в одном и том же месте, по крайней мере, еще с двумя людьми из той же местности.
4. Работа в одном и том же месте, по крайней мере, еще с двумя людьми одного пола на одной территории.
5. Добровольное проведение свободного времени с коллегами.

Общий показатель был призван отразить уровень интеграции индивида в установленную сеть.

Индивидуальный показатель колебался от 0 до 5. Безусловно, пункты 3, 4 и 5 представляют высокие показатели для мужчин с традиционной занятостью. В Баллимакаретте, где все еще преобладает традиционная модель занятости (мужчины в основном работают в судостроительстве), мужчины имеют типично высокий показатель. Напротив, в Хаммере и Клонарде, где отмечается высокий уровень безработицы среди мужчин, показатель у женщин часто такой же, как у мужчин, или даже выше.

Ценность понятия социальной сети и показателя силы сети как инструментов анализа состоит в способности выражать корреляцию между интеграцией индивида в общество и стилем его речи. Индивиды, участвующие в спаянной сети — это также и те, кто постоянно использует разговорные формы в речи. С позиции здравого смысла можно предположить, что речь членов спаянной группы более склонна к однородности, чем речь членов свободной группы. Шкала силы сети совместно с лингвистическим анализом позволят тщательнее проверить данную гипотезу.

Переменная [th]

Одной из переменных, изученных Милрой, является интердентальный звонкий фрикативный звук [th] в позиции между гласными в словах *mother*, *bother*, *together*. Например, в Белфасте говорящие, отдающие предпочтение разговорному языку, опускают [th]. Они произносят, например, слово *mother* как [mo.эг]. В представленной диаграмме (5.3) 0 показывает постоянное произношение [th] в позиции между гласными, 100 — постоянный пропуск [th], а 100 здесь означает фиксированный разговорный вариант произношения.

Оба исследования, описанные в этой главе, характеризуются сосредоточенностью на изучении сообществ рабочего класса и их речи. Поэтому показатели противоположны приведенным в предыдущей главе: говорящие оцениваются исходя из норм, образующих разговорный язык, а не из норм, известных как литературный английский язык. Диаграмма показывает дистрибуцию [th] по возрасту, полу и территории.

Переменная представляет собой пример, типичный для устойчивых социолингвистических маркеров. Все три общности в результате обнаружили одинаковое отношение к [th]. Половые

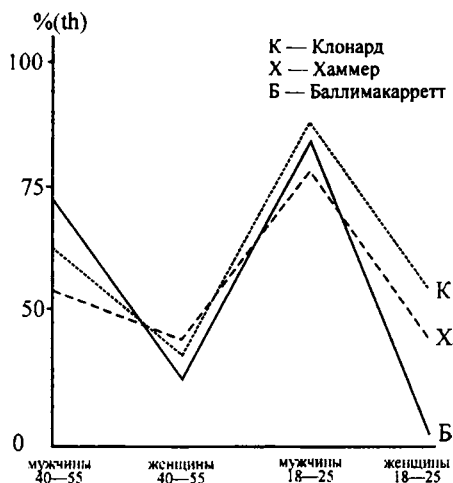

Диаграмма 5.3. Дистрибуция переменной [th] по полу, возрасту и местности в Белфасте [Milroy 1980: 128].

различия четко маркированы, особенно в Баллимакарретте, самом традиционном из всех трех районов. Два поколения представили похожие результаты, хотя произношение мужчин и женщин молодого поколения более поляризовано: высокий показатель у мужчин в возрасте 18—25 лет и низкий показатель у женщин в возрасте 18—25 лет (особенно у женщин Баллимакарретта).

Важно учитывать как индивидуальные показатели, так и показатели всей группы. В трех сообществах индивидуальные показатели подтверждают эксплицитную половую дифференциацию интердентального звука [th] — показатели мужчин и женщин совершенно не пересекаются. Даже мужчины с самыми низкими показателями (мужчины, которые опускают [th] в наименьшей степени) имеют более высокий балл, чем женщины с самыми высокими показателями. Иными словами, даже мужчины, чье произношение наиболее удалено от разговорных норм, опускают [th] в большей мере, чем любая женщина.

Переменная [a]

Однако иллюстрируемая модель отражает не все переменные. Рассмотрим диаграмму 5.4.

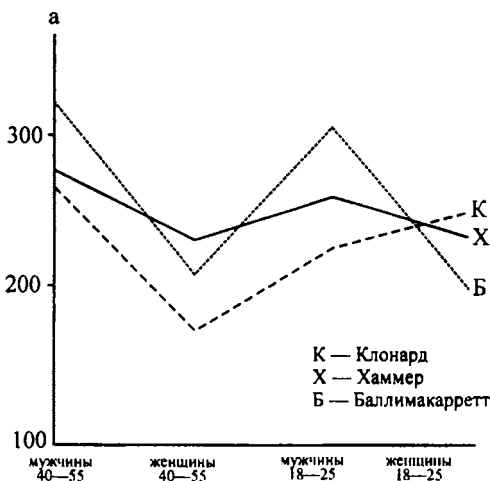

Диаграмма 5.4. Дистрибуция переменной [a] по полу, возрасту и местности в Белфасте [Milroy 1980, 124].

Это гораздо более сложная переменная, так как она не может быть объяснена простым бинарным методом, как это было в случае с [th]. Чтобы установить степень сокращения и степень заднего подъема [a] в таких словах, как *hat*, *man*, *back* была использована пятиричная шкала с градацией от 1 для [æ] — через [a], [ä], [a] — до 5 для [oə]. (Чем выше показатель, тем больше задний подъем языка при произнесении [a].) Сначала употребление этого звука в Баллимакарретте. Как мы видели на примере с переменной [th], в этом сообществе отмечается явная половая дифференциация с такой же зигзагообразной линией на диаграмме. Однако в Хаммере и Клонарде данная модель не выявлена. В Хаммере различия между полами в произношении [a] незначительны, тогда как в Клонарде молодые женщины используют заднеязычный вариант [a] больше, чем молодые мужчины (и — совершенно противоположным образом — пожилые женщины, чьи показатели значительно ниже, чем у мужчин их поколения, придерживаются обычной модели).

Итак, о чем же говорят данные, полученные об этих двух переменных в Белфасте? Во-первых, для определенных стабильных переменных, таких как [th], существует явное различие между полами. Как установили более ранние социалингвистические исследования, различие является результатом употребления

мужчинами вариантов, близких к разговорным нормам, а также следствием использования женщинами вариантов, менее близких к разговорным формам. Милрой предлагает следующее объяснение: мужчины из рабочего класса, проживающие в рабочих кварталах города, образуют более плотные и мультиплексные сети, нежели женщины. Применение **шкалы силы сети** позволило исследовательнице доказать, что **высокий показатель силы сети** находится в явной связи с использованием разговорных форм языка. В большинстве случаев это означало, что мужчины, в речи которых выявлен высокий показатель употребления разговорных форм, также обнаруживают свою принадлежность к плотным социальным сетям. Если принять, что социальные сети функционируют как важные нормотворческие механизмы, то должно представляться верным, что в рабочих районах Белфаста со стабильными языковыми переменными, такими как [th], плотные социальные сети с преобладающим мужским составом служат укреплению разговорных норм в речи. И наоборот, разговорные формы, менее очевидны в речи женщин этих сообществ, так как женщины принадлежат к менее плотным и сложным (мультиплексным) социальным сетям, которые поэтому обладают меньшей способностью к укреплению норм.

Вторая переменная отклоняется от этой модели. Тогда как мужчины и женщины в Баллимакаретте отличаются в известной мере использованием [a], в Хаммере или Клонарде это не обнаружилось. Данные, полученные в Клонарде, представляют особый интерес: старшее поколение соответствует ожидаемой модели, тогда как молодое поколение показывает противоположные результаты. Как мы можем объяснить высокий показатель по этой переменной у молодых женщин Клонарда? Возможно, Баллимакаретт отличается от двух других сообществ. Он мало затронут мужской безработицей, так как там находится судостроительная верфь. В Хаммере и Клонарде во время исследований Милрой, наблюдался уровень безработицы около 35%, что негативно сказалось на общественных отношениях. Мужчины этой местности были вынуждены искать работу за пределами своего сообщества, а также заниматься домашней работой (с последующим размыванием границ между половыми ролями). Женщины этой местности выходили на работу и, как в случае с молодыми женщинами Клонарда, работали все вместе. Это означало, что молодые женщины Клонарда в отличие от всех других женских групп принадлежали к плотной и мультиплексной социальной

сети: они жили, работали и развлекались вместе. Из всех подгрупп у молодых женщин Клонарда показатель сети был самый высокий — 4,75; показатель для молодых мужчин Клонарда — 3. Это контрастирует с показателями жителей Баллимакарретта, где значение общего показателя у мужчин составляет 3,96 по сравнению с 1,33 у женщин. Различие существует между традиционным сообществом рабочего класса (Баллимакарретт) и рабочим сообществом, претерпевающим социальные изменения ввиду высокого уровня безработицы мужчин (Клонард). Плотная сеть, к которой принадлежат молодые женщины Клонарда, оказывает давление на своих членов, отличающихся одинаковым характером употребления языка. В силу социальных обстоятельств молодые женщины Клонарда более схожи с молодыми мужчинами Баллимакарретта в употреблении языка, чем с любыми другими группами женщин трех сообществ. Социальные сети в этой связи помогают объяснить не только языковые различия между полами, но также кажущееся нетипичным дивергентное поведение молодых женщин Клонарда.

5.1.2. Ридинг

Предположительно, социальные сети подростков в возрасте шестнадцати лет наиболее прочны. Это значит, что подростки в большей степени, чем взрослые, будут использовать разговорный язык. Известное исследование разговорного английского языка темнокожих (Black English Vernacular), проведенное Лабовым, сосредоточено на группах подростков Нью-Йорка [Labov 1972b], а недавняя работа Чешир базировалась на изучении трех групп подростков из Ридинга. Тогда как Лабов изучал только мужские группы, Чешир включала в свой анализ как мальчиков, так и девочек, что позволило ей изучить половые различия в употреблении разговорного языка.

Чешир, так же как Лабов и Милрой, собирала экспериментальные данные посредством длительного включенного наблюдения над участниками. То есть, приняв решение провести анализ речи групп подростков из рабочего класса, она выявила три группы (две из мальчиков и одну из девочек) на двух игровых площадках Ридинга и постепенно была принята ими в свой круг. Она рассказала первой группе, что подрабатывает в отпуске и что за это время ей необходимо выяснить мнения жителей Ридинга о

своем городе. Они с сочувствием отнеслись к тому, что ей необходимо заработать деньги, и не возражали против магнитофона как вспомогательного средства при ее якобы плохой памяти. Чешир посещала игровые площадки два-три раза в неделю в течение девяти месяцев и очень быстро завязала дружеские отношения с подростками. Одеваясь небрежно и разъезжая на мотоцикле, Чешир старалась максимально уменьшить дистанцию между собой и подростками.

Чешир исследовала нелитературные морфологические и синтаксические особенности в речи подростков.

Ниже представлены примеры 11 таких переменных.

1. Разговорное *-s*

«They **calls** me all the names under the sun, don't they?» (De-gek)* — Они обзывают меня, как только можно, не так ли?

2. Разговорное *has*

«You just **has** to do what the teachers tell you» (Mandy) — Тебе просто нужно сделать то, что тебе говорят учителя.

3. Разговорное *was*

«You **was** with me, wasn't you?» (Ann) — Ты был со мной, не так ли?

4. Отрицательное согласование

«It **ain't** got no pedigree or nothing» (Nobby) — У него нет никакой родословной.

5. Разговорное *never*

«I **never** went to school today» (Lynne) — Я не пошел в школу сегодня.

6. Разговорное *what*

«Are you the little bastards **what** hit my son over the head?» (Nobby) — Вы, маленькие ублюдки, ударили моего сына по голове?

7. Разговорное *do*

«She cadges, she **do**» (Julie) — Она попрошайничает, не так ли?

8. Разговорное *come*

«I **come** down here yesterday» — Я упал здесь вчера.

9. *Ain't* = вспомогательный глагол *have*

«I **ain't** seen my Nan for nearly seven years» (Tracey) — Я не видел Нэн лет семь.

---

* Употребление *s* в данном случае типично для нелитературного варианта, так как в английском литературном языке глагол принимает данное окончание только в третьем лице единственного числа в настоящем простом времени. — Примеч. перев.

10. *Ain't* = вспомогательный глагол *be*

«Course I *ain't* going to the Avenue» (Mandy) — Конечно, я не пойду на улицу.

11. *Ain't* = связка

«You *ain't* no boss» (Rob) — Ты тут не командуй.

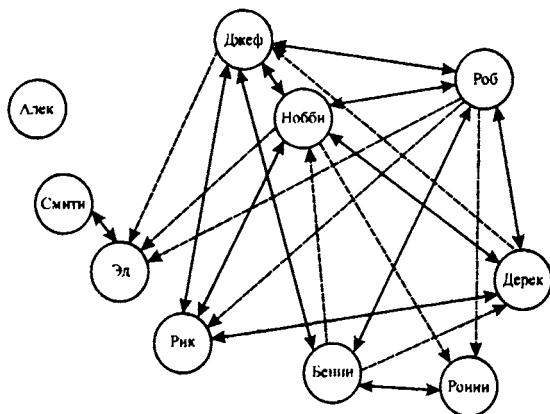
В таблице, представленной ниже, показаны процентные показатели употребления этих 11 вариантов для лиц мужского и женского пола. 100% означает постоянное употребление разговорных форм. Нелитературные формы используются девочками реже, чем мальчиками, за исключением разговорного *do*, — особенность, которая отражает языковое изменение. Результаты соответствуют ожидаемой модели, согласно которой говорящие женского пола предпочитают формы близкие к стандарту произношения, а говорящие мужского пола постоянно употребляют нестандартные формы.

Таблица 5.1

Половые различия в нелитературных особенностях речи подростков Ридинга [Cheshire 1982b, 163]

Языковые особенности	Показатель частотности, %	
	Мальчики	Девочки
разговорное <i>-s</i>	53,16	52,04
разговорное <i>has</i>	54,76	51,61
разговорное <i>was</i>	88,5	73,58
отрицательное согласование	88,33	51,85
разговорное <i>never</i>	46,84	40,00
разговорное <i>what</i>	36,36	14,58
разговорное <i>do</i>	57,69	78,95
разговорное <i>come</i>	100,00	75,33
<i>ain't</i> = вспом. <i>have</i>	92,00	64,58
<i>ain't</i> = вспом. <i>be</i>	74,19	42,11
<i>ain't</i> = связка	85,83	61,18

Что касается причастности к той или иной социальной сети, представляется, что мальчики принадлежат к типу структурированных групп, описанных Лабовым в работе о темнокожих подростках Нью-Йорка, в то время как девочки относятся к гораздо менее плотной группе. В социометрической диаграмме (5.5) представлена модель дружеских отношений, существующая между мальчиками в группе Ортс-Роуд.

Диаграмма 5.5. Модель дружеских отношений в группе Ортс-Роуд [Cheshire 1982b, 89].

Каждому мальчику задавали вопрос: «С кем из друзей ты проводишь больше всего времени?». Непрерывные линии показывают обоюдное упоминание имени и, следовательно, основные социальные связи в пределах группы.

На основе ответов мальчиков Чешир разделила их на три группы: постоянный состав, второстепенные члены и не входящие в группу. Чешир исследовала отношения между использованием нелитературных языковых форм и статусом группы. Она обнаружила несколько положительных корреляций: из девяти часто встречающихся разговорных особенностей речи мальчиков шесть больше использовались постоянными членами группы, по сравнению с другими и четыре (нелитературная форма настоящего времени, *has, was, never*) главным образом постоянными членами группы и наименьшим образом не-членами группами. Но данная корреляция не столь устойчива и системна, как та, что была обнаружена Лабовым в исследовании групп темнокожих подростков. Представляется, что подростковые группы Британии обладают более гибкой структурой. Иерархично структурированные и сплоченные группы подростков Нью-Йорка обнаруживают соответственно высокую корреляцию между статусом группы и употреблением нелитературных форм языка. Чешир также предположила, что не *все* отклонения от литературной нормы

английского языка, обнаруженные в речи подростков Ридинга, служат маркерами статуса группы. Чтобы выяснить *какие* переменные функционируют в качестве маркеров приверженности разговорному языку, она разработала индекс простонародной разговорной культуры, основанный на шести факторах:

- 1) Ношение оружия.
- 2) Умение драться.
- 3) Участие в мелких уголовных проступках / преступлениях.
- 4) Предпочитаемый вид работы.
- 5) Стиль (одежда, прическа).
- 6) Употребление ругательств.

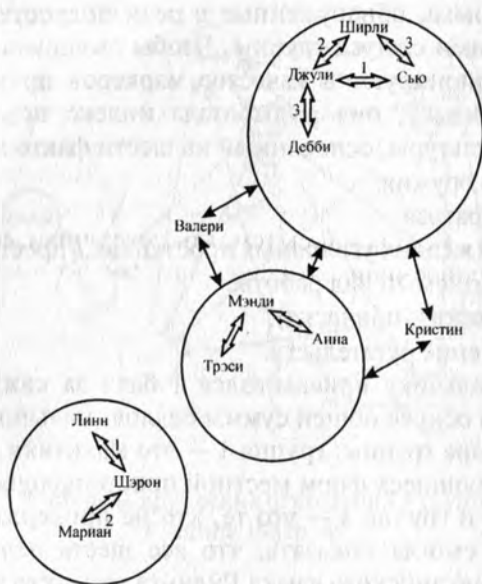
Каждому мальчику присваивался 1 балл за каждый из этих факторов, и на основе общей суммы баллов, мальчики были разделены на четыре группы: группа 1 — это мальчики, максимально придерживающиеся форм местной простонародной разговорной культуры, и группа 4 — это те, кто не придерживается этих форм. Чешир смогла показать, что все шесть нелитературных особенностей английского языка Ридинга тесно связаны с вовлеченностью говорящего в местную простонародную культуру. В таблице 5.2 представлены показатели для всех шести переменных. Как показано в таблице, четыре переменные в группе А очень тесно связаны с приверженностью к местной простонародной культуре, тогда как в группе В они являются менее показательными маркерами.

Таблица 5.2

**Принадлежность простонародной культуре
(показатель частоты выявления)**

		Частотность, %			
		Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 4
Класс А	разговорное <i>-s</i>	77,36	54,03	36,57	21,21
	разговорное <i>has</i>	66,67	50,00	41,65	(33,33)*
	разговорное <i>was</i>	90,32	89,74	83,33	71,43
	отрицательное согласование	100,00	85,71	83,33	71,43
Класс В	разговорное <i>never</i>	64,71	41,67	45,45	37,50
	разговорное <i>what</i>	92,31	7,69	33,33	0,00

* Частотность переменной была невысокой, и поэтому показатель может быть недостоверным.

Диаграмма 5.6. Модели дружеских отношений в группе девочек из Шинфилда [Cheshire 1982a, 93].

Чешир обнаружила, что девочки, в отличие от мальчиков, не создают структурированных групп. Все девочки в исследовании Чешир знали друг друга, но они были расположены к разделению на пары «лучших подруг», и образование таких пар было активным, но недолговечным. В соответствии с моделями дружеских отношений девочки могут быть разделены на три отдельные подгруппы, как показано на диаграмме 5.6.

На вопрос, с кем она проводит больше всего времени, каждая девочка называла свою «лучшую подругу» (двойные линии на графике 5.6). Когда их спрашивали, с кем еще они проводят свое время, они называли всех остальных девочек в группе кроме трех «аутсайдеров» — Линн, Мариан и Шарон, которые образовали свою отдельную подгруппу. Валери и Кристин — тоже периферийное звено, они проводили мало времени на игровой площадке: Валери старше по возрасту и в ответ на первый вопрос назвала имя своего молодого человека, Кристин — моложе и назвала свою школьную подругу.

Чешир не выявила систематичной модели вариативности языка, коррелирующей с этой довольно неструктурированной

моделью взаимоотношений. Более того, она решила, что индекс местной простонародной культуры, использованный ею для определения приверженности мальчиков к простонародной культуре, не подходит для девочек. Хотя девочки и принимали участие в деятельности, которую можно назвать хулиганской, такой как воровство или разведение огня на игровой площадке, тем не менее их отношение к этим действиям отличалось от отношения мальчиков. Они не гордились тем, что совершили, и, хотя между ними время от времени случались потасовки, в их кругу быть «хорошей драчуньей» не считалось значимым. Иными словами, они, видимо, не придавали простонародным нормам жестокости и насилия такого значения, как это было среди мальчиков. В определенной мере, по своим интересам к поп-музыке, кино, телевидению и мальчикам, они были ближе к общепринятым нормам культуры. Но они также явно отвергали общепринятые ценностные нормы общества, что выражалось, например, в прогуливании школьных занятий.

Чешир в итоге просто разделила девочек на тех, которые придерживаются простонародных норм в общении, определенных выше, и тех, кто их не придерживается. Три «хорошие» девочки второй группы не употребляют нецензурные выражения, не воруя, не разводят огонь на игровой площадке и не прогуливают школу. В таблице 5.3 сравниваются показатели этих двух групп.

Таблица 5.3

**Частотность употребления 8 переменных в двух группах девочек
[Cheshire 1982b, 163]**

Языковые особенности	«Хорошие» девочки	«Плохие» девочки
разговорное <i>-s</i>	25,84	57,27
разговорное <i>has</i>	36,36	35,85
разговорное <i>was</i>	63,64	80,95
отрицательное согласование	12,50	58,70
разговорное <i>never</i>	45,45	41,07
разговорное <i>what</i>	33,33	5,56
разговорное <i>come</i>	30,77	90,63
<i>ain't</i> = связка	14,29	67,12

Как показано в таблице, существует пять особенностей, более свойственных так называемым «плохим» девочкам: разговорные *-s*, *was*, *come*, отрицательное согласование и связка *ain't*. Три их них, как мы видели раньше, функционируют в роли маркеров

приверженности простонародной культуре также и для мальчиков: это нестандартный суффикс *-s*, *was* и отрицательное согласование. Однако нестандартное *come*, являясь инвариантным для мальчиков (они все употребляют его в 100% случаев), для девочек функционирует как маркер приверженности простонародной культуре, будучи между тем почти категориальным критерием «плохих» девочек и при этом возникая с гораздо меньшей частотностью в речи «хороших» девочек (30,77%). Связка *ain't* также выполняет функцию маркера простонародности для девочек, но не для мальчиков, которые используют ее с относительно одинаковой частотностью. Нелитературные *never* и *what* функционирует производно в качестве маркеров приверженности простонародной культуре для мальчиков; а для девочек они не являются маркерами, так как «хорошие» девочки используют их больше.

Чешир приходит к выводу, что разные говорящие применяют эту систему по-разному. Наряду с тем что нелитературные языковые особенности выполняют функцию маркеров приверженности к простонародной культуре как для мальчиков, так и для девочек-подростков Ридинга (нелитературные формы глагола настоящего времени *was* и отрицательное согласование), существуют другие нелитературные особенности, действующие главным образом как маркеры определенного пола: то есть они функционируют как маркеры простонародности только для девочек (нелитературное *come* и связка *ain't*) или только для мальчиков (нестандартные *never* и *what*). Полученные результаты имплицитно ставят под сомнение тот факт, что члены языковой общности могут определяться посредством общих норм.

5.2. Интерпретация в свете теории социальных сетей

Понятие социальной сети, позволяющее увидеть человека в рамках его отношений в группе, несомненно, совершенствует наше понимание о половых различиях, существующих в языке. Причина в том, что структура плотной сети является важным механизмом стабилизации языка. Речь мужчин многих языковых общностей более приближена к просторечию, чем женская, и мы можем видеть, что именно плотные социальные сети, к которым традиционно принадлежали мужчины, укрепляют просторечные формы языка. Речь же женщин более близка к ли-

тературному языковому стандарту не по причине их намеренного стремления к такому употреблению, а потому что менее плотные социальные сети, к которым относятся женщины, имеют меньший эффект в укреплении просторечия. Иными словами, женщины могут употреблять формы близкие к литературному английскому языку по той причине, что употребляют меньше просторечных форм и, соответственно, более привержены литературному варианту языка.

Исследования Чешир о смене стиля в речи информантов дают нам дополнительные знания о природе группового воздействия. Она произвела ряд записей в школах, которые посещали подростки в изучаемых ею группах, и использовала этот материал, чтобы определить, воздействовала ли на речь подростков более официальная школьная обстановка. Она обнаружила, что все три исследованных группы употребляли меньше нелитературных глагольных форм в школе (разговорное *-s*). Интересно, что использование нелитературных форм девочками сократилось резче по сравнению с мальчиками. Мы можем сделать вывод: поскольку девочки не были частью сплоченной группы и их дружеские отношения зачастую были неустойчивы, они подвергались меньшему давлению со стороны группы, применяющей просторечные формы языка и, следовательно, были более свободны в употреблении престижных норм литературного английского языка, представляющих ценность в таких образовательных учреждениях, как школа. Иначе говоря, девочки считали, что нелитературные формы языка неприемлемы для употребления в стенах школы и, соответственно, меняли стиль своей речи.

Не все мальчики использовали меньше литературных форм в школе (согласно модели Лабова, с ростом официальности ситуации число литературных особенностей сокращается). Показано, что речь мальчиков непосредственно зависит от взаимоотношений с учителем. Если с учителем сложились хорошие отношения, то, соответственно, они употребляют меньше нелитературных форм глагола в настоящем времени, тем самым приспособившая свою речь к школьным нормам. Если же сложились плохие отношения с учителем, то, наоборот, они либо поддерживают использование просторечных форм, либо ситуативно увеличивают долю нелитературных форм в речи. Один подросток, участвовавший в эксперименте Чешир, применял нелитературные речевые формы, чтобы показать свое враждебное отношение к школе: он уклонялся от употребления литературного английского

языка больше в школе, чем на игровой площадке, предположительно для того чтобы показать свою приверженность к простонародной культуре.

Милрой предполагает, что модель, в основе которой лежит статус, первоначально разработанная Лабовым в Нью-Йорке (см. раздел 4.2.1), не позволяет адекватно описать языковые модели городского населения, такого как в Белфасте. Милрой обращает внимание на важность сплоченности — фактора, влияющего на использование языка. Модель, в основе которой лежит социальный статус, позволяет предположить, что говорящие, принадлежащие к относительно свободным социальным сетям, в своей речи будут отклоняться от общепринятых норм. Однако в Белфасте говорящие из Хаммера образуют более свободные группы по причине переселения и безработицы и используют признанные обществом нормы языка *не больше*, чем в Баллимакаретте и Клонарде. Изменение их речевой модели показывает смещение от явно просторечных форм, но при этом тенденция употребления престижного варианта литературного языка не прослеживается. Точнее сказать, в рабочих сообществах речь мужчин отличается от речи женщин, потому что сплоченные социальные группы мужчин устанавливают контроль над членами своей группы и укрепляют просторечные нормы. Представляется, что женщины из рабочего класса не стремятся к престижным формам; они относятся к сравнительно свободным социальным сетям, которые характеризуются меньшей способностью к усилению языковых норм, и поэтому женщины используют разговорные формы менее последовательно, чем мужчины. Такой вывод весьма отличается от утверждения, что женщины и мужчины стремятся к использованию разных норм.

5.3. Женщины как неполноценные участники коммуникации (*lames*)

В работе, посвященной речи темнокожих подростков в группах Нью-Йорка, Лабов вводит понятие *lame* (*неполноценный*) для обозначения изолированных лиц на периферии простонародной культуры: «Быть неполноценным означает быть за пределами ядра группы и ее культуры» [Labov 1972b, 258]. Лабов продемонстрировал, что устойчивым отличием неполноценных участников от полноценных членов группы является использо-

вание языка: их речь довольно неправильна, гораздо меньше приближена к простонародным нормам, чем речь членов уличной культуры. Например, если мы рассмотрим одну грамматическую особенность разговорного английского языка темнокожих подростков — отрицательное согласование, — то увидим, что члены данной группы, известные как «Тандерберд»*, употребляют отрицательное согласование в 98% случаев, а неполноценные члены (lames) — только в 76%. Для группы «Тандерберд» это является полукатегориальным критерием, для неполноценных — это есть изменяющийся параметр. (Отметим, однако, что 76% как показатель использования отрицательного согласования является высоким: неполноценные члены далеки от употребления престижных (для белых) норм.)

Можем ли мы описать женщин как неполноценных коммуникантов? Работы Милрой и Чешир показывают, что женщины в меньшей степени интегрируются в простонародную культуру и менее последовательно применяют просторечные нормы, чем мужчины, и эти два вывода взаимосвязаны между собой. В этой связи женщины ведут себя согласно модели Лабова как «неполноценные». Но это понятие было введено Лабовым для обозначения изолированных членов общества. Большинство женщин не являются изолированными: среди женщин Белфаста, изученных Милрой, только три имели нулевой показатель силы сети (Network Strength Score). Среди подростков Ридинга только две девочки были несомненно периферийны по отношению к другим (см. диаграмму 5.6). Женщины, конечно же, тоже принадлежат к социальным сетям, но считается, что их сети менее плотны и мультиплексны, чем мужские².

Итак, поскольку женщины не являются обособленной группой и, несомненно, входят в социальные сети, термин «неполноценный» (lame) неприемлем по отношению к ним. Однако в работе Лабова термин «lame» подразумевает человека, характеризующегося довольно невысокой долей употребления просторечных форм. В этой связи женщины как Белфаста, так и Ридинга действительно относятся к «неполноценным».

Наше понимание языка женщин из рабочего класса значительно улучшилось благодаря пониманию функции группы или социальной сети как механизма, укрепляющего норму языка.

---

* Thunderbird — у американских индейцев мифическая птица, которая приносит гром.

Мы можем увидеть, что из-за низкого уровня интеграции в сеть употребление языка женщинами отклоняется от разговорной нормы. Подобно речи «неполноценных участников», по Лавову, их речь не отражает ни разговорные нормы группы, ни литературные нормы признанной культуры. Она колеблется между двумя крайностями (рабочий класс, мужчины) просторечного языка и престижного (средний класс) литературного английского языка. Исследования, которые мы обсуждали в четвертой главе, объясняли различия между полами в языке выбором одной из двух возможных норм языка. Теория социальных сетей показывает, что различия могут быть результатом *недостатка* норм.

5.4. Изменение моделей: молодые женщины Клонарда

Традиционно именно мужчины из рабочего класса, принадлежащие к плотным и мультиплексным социальным сетям, способствуют поддержанию разговорных форм. Молодые юноши и девушки, отвергающие общепринятую культуру мейнстрима и попадающие под воздействие группы (сильное у мальчиков и более слабое у девочек), используют просторечные формы в большей или меньшей мере. Именно во взрослой жизни мы замечаем традиционное разделение между говорящими мужского и женского пола, вытекающее из социальных моделей, исследованных Милрой. Так, в Норвиче, Глазго, Вест-Виррале и Баллимакаретте в Белфасте выявлено, что мужчины больше склонны к использованию нелитературных форм в речи.

Этот факт, однако, не является постоянным, а просто отражает особенности общества. С уменьшением или ростом безработицы мужчин появляются новые модели. Сообщество Клонарда в Белфасте показывает, что там, где мужчины не применяют модели взаимодействия, а женщины живут по соседству, работают и развлекаются вместе, именно женщины обнаруживают последовательное употребление просторечных форм¹. Как мы видели ранее (см. раздел 5.1.1), молодые женщины Клонарда имеют самый высокий показатель силы сети среди любых других подгрупп. Сила их сети сказывается на однородности языковых форм. Идея о том, что разговорная речь привлекает говорящих ввиду ее маскулинной коннотации, несомненно, является неверным объяснением речевого поведения молодых женщин Кло-

нарда. Разговорная речь может иметь маскулинную коннотацию по причине традиционных ассоциаций с мужчинами из рабочего класса. Однако важно не принять результат за причину. Причины того, почему члены разговорного сообщества говорят так, как говорят, чрезвычайно сложны. Только посредством тщательного исследования социальных процессов, лежащих в основе языкового поведения, мы можем надеяться усовершенствовать наше понимание использования языка. Это и есть задача социолингвистики. Теория социальных сетей дает валидное объяснение того, почему каждый говорящий использует просторечные формы с большей или меньшей степенью постоянства. В тоже время она помогает понять суть языковых различий между мужчинами и женщинами.

Примечания

1. Материал о Белфасте взят из исследований Милрой [Milroy 1978; 1980; 1982]. Материал о Ридинге взят из работ Чешир [Cheshire 1978; 1982a; 1982b].
2. Исследования других культур показывают, что это не всегда является моделью, — изучая Тенеяпа (Tenejapa) (маянское сообщество в Мексике), Пенелопа Браун отмечала: «там, где мужчины управляют общественной жизнью, а женщины, главным образом, связаны с домашней деятельностью, женские отношения — относительно многообразны (multi-stranded), а мужские — однообразны (single-stranded)» [Brown 1980, 134].
3. Следует отметить, что использование других переменных молодыми женщинами Клонарда совпадает с «нормальным» применением женщинами, но Лесли Милрой указывает, что [a] — особенно важная переменная в Белфасте, подвергающаяся изменениям (см. раздел 8.3.4).

Глава 6

Половые различия в коммуникативной компетенции

6.1. Понятие коммуникативной компетенции

До настоящего момента я использовала термин *язык* в узком смысле грамматики и фонологии — формальной структуры языка. Содержание четвертой и пятой глав касалось половых различий в синтаксисе, морфологии и произношении. Сосредоточенность на языковой форме, где предложение — высшая единица структуры, была принята в лингвистике и перенесена в социолингвистику: многие социолингвисты рассматривают исследования социальной вариативности в грамматике и фонологии как «социолингвистическую задачу». С учетом современного престижа лингвистики как дисциплины неудивительно, что социолингвисты, особенно те, кто первоначально занимался лингвистикой, признали лингвистическую ортодоксальность. Эта тенденция становится все более и более явной, но тем не менее такой взгляд на язык слишком односторонен. Социолингвисты должны заниматься реальными фактами языка, отбирая их из большого количества разнообразных ситуаций. Любой, кто когда-либо изучал речевое взаимодействие, знает, что не сможет адекватно описать его, если ограничится только грамматикой предложения.

В ответ на растущее осознание того, что исследование языка должно выйти за рамки грамматики и фонологии, появились новые дисциплины — такие как анализ дискурса и прагматика, — а к другим теориям, таким как этнометодология и теория речевых актов, возродился интерес. Понятие, положившее начало возрождению интереса к языку в более широком смысле, — это комму-

никативная компетенция. Термин впервые был использован Д. Хаймсом (1972), утверждающим, что он необходим для включения социальных и культурных факторов в лингвистическое описание. Ребенок, по мнению Хомского, усваивает ряд правил, которые позволяют ей/ему составлять грамматически правильные предложения. Однако по Хаймсу, ребенок учится не просто грамматике, а также и чувству **уместности** (appropriateness) употребления единиц языка. Для ребенка недостаточно понимать язык; чтобы действовать в реальном мире, он должен также научиться понимать, когда вступать в разговор, когда лучше промолчать, о чем говорить, а главное, как говорить в различных обстоятельствах. Представим, что кто-то говорит одновременно с другими, не отвечает на вопрос, смотрит в сторону, когда к нему обращаются, не смеется, когда кто-то шутит... Такой человек мог бы употреблять правильно построенные предложения, но было бы очевидно, что по сути он не понимает языка. Именно знание о том, как язык используется в данном обществе, и составляет коммуникативную компетенцию.

6.2. Коммуникативная компетенция мужчин и женщин

В этой главе я рассмотрю, как мужчины и женщины могут различаться в плане коммуникативной компетенции, иными словами, чувством того, что для них как носителей языка является *приемлемым*. Много исследований — иногда противоречивых — проведено в этой области; в некоторых случаях их выводы скорее предположительны, чем окончательны.

Относительно половых различий в коммуникативной компетенции существуют донаучные народные представления (как мы видели во второй главе). Например, мы, живущие в Британии, полагаем, что женщины говорят больше мужчин, «сплетничают», более вежливы; что мужчины больше ругаются, чем женщины и т. д. Исследования в этой области зачастую напрямую оспаривают культурные стереотипы, так как большая часть фольклора, связанная с различиями мужчин и женщин, оказывается ошибочной.

В этой главе я сначала рассмотрю некоторые детали смены говорящего в диалоге, затем некоторые аспекты использования языка женщин, названного «женским стилем» и далее вежли-

вость с ее языковыми корреляциями. Я исследую вопрос, насколько женский язык действительно является «языком слабых», и в заключение дам краткую оценку речевого взаимодействия в женских группах.

6.2.1. Смена говорящего в диалоге: перебивания и управление темой разговора

Любому анализу речевого взаимодействия необходима модель структуры «нормального» диалога. Представленная ниже таблица отражает способы смены говорящего в обычном диалоге. В основе ее лежит модель смены говорящего в диалоге, обычно встречающаяся в общении (диаграмма 6.1) [Sack et al. 1974]. Говорящий в данный момент (current speaker) может выбрать следующего собеседника (например, обращаясь к нему с вопросом или по имени); в этом случае выбранное лицо должно сделать следующее высказывание. Если первый говорящий не выбирает следующего, то один из участников коммуникации получает возможность высказаться. Если никто из них этого не делает, то первый говорящий имеет возможность продолжить.

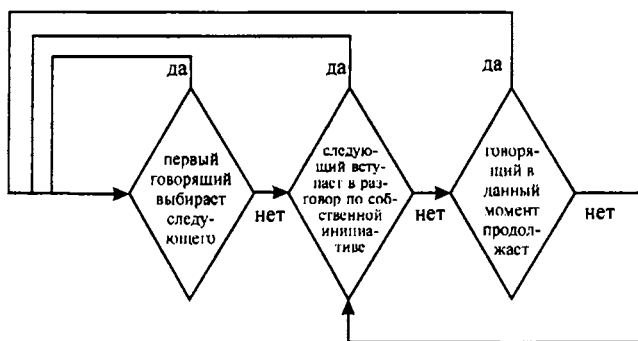

Диаграмма 6.1. Смена говорящих в диалоге
[Zimmerman and West 1975, 110].

Зиммерман и Вест [Zimmerman & West 1975] записали на магнитофон 31 диалог «в магазинах, аптеках и других общественных местах» на территории Калифорнийского университета; 10 диалогов происходили между женщинами, 10 — между мужчинами и 11 — между мужчиной и женщиной. Они провели анализ диало-

гов, опираясь на модель, показанную в таблице 6.1, так как их, в частности, интересовал механизм смены говорящих. Как говорящие распознают момент своего вступления в беседу? Возможно, участники разговора предугадывают завершение предыдущей реплики, применяя синтаксические и семантические ключи. Очевидность детального синтаксического и семантического мониторинга речи собеседника доказывается ситуациями, когда один говорящий дополняет или завершает высказывание другого (так что либо А и В говорят одновременно, либо В заканчивает высказывание А). Следующие примеры, взятые из спонтанно возникшего разговора, иллюстрируют это:

- 1) A: but we've got four still alive now
 B: four m [Coates 1984a]
- 2) A: the continentals I suppose they came in late
 B:
 A: they build them
 B: properly [Crystal & Davy 1975, 21]

- 1) A: ...но у нас сейчас есть четыре все еще живых
 B: четыре мм
- 2) A: Полагаю, что жители с континента приехали поздно
 B:
 A: они построили их
 B: как надо

Способность предчувствовать завершение реплики говорящего означает, что смена одного участника диалога другим происходит очень гладко, часто без помех и пауз. (Минимальные ответные реакции, такие как *mhm*, *yeah*, *m* в примере 1, влияют на очередность: они являются способом индикации положительного интереса слушающего к говорящему и поэтому способом поддержки выбора говорящим темы разговора.)

Зиммерман и Вест изучили нарушения в записанных беседах, то есть те моменты перехода, где очередность не проявлялась последовательно по модели, описанной выше. Они обнаружили глубокие отличия между диалогами одно- и разнополюх коммуникантов. Они выявили два вида нарушения нормы: наложение (*overlap*) и перебивание (*interruption*).

Наложения (*overlaps*) — это примеры незначительного опережения следующим говорящим: следующий говорящий начинает

реплику в самом конце предыдущей, тем самым нарушая очередность и накладывая свой сегмент высказывания на последнее слово (или его часть).

Перебивания (interruptions), наоборот, — это пренебрежение правилами очередности в разговоре. Последующий говорящий начинает реплику в то время, когда предыдущий все еще говорит и при этом место перебивания не может быть расценено как последнее слово в высказывании. Перебивания разрушают симметричность разговорной модели: перебивающий мешает говорящему завершить свою реплику, одновременно добиваясь своей очереди.

Две таблицы, представленные ниже, показывают количество наложений и перебиваний, возникающих в диалогах, проанализированных Зиммерманом и Вестом.

Таблица 6.1

**Нарушения очередности в диалогах, наблюдаемые в 20 однополых парах
[Зиммерман и Вест 1975, 115]**

	1-й говорящий	2-й говорящий	Всего
Наложения	12	10	22
Перебивания	3	4	7

Таблица 6.2

**Нарушения очередности в диалогах, наблюдаемые в 11 смешанных парах
[Зиммерман и Вест 1975, 116]**

	Мужчина	Женщина	Всего
Наложения	9	0	9
Перебивания	46	2	48

Таблица 6.1 отражает диалоги, которые происходили между говорящими одного пола (две женщины или два мужчины). Здесь в 20 диалогах наблюдалось 22 наложения, 12 и 10 соответственно распределились между участниками коммуникации; 7 перебиваний, из них 3 приходятся на первого говорящего и 4 на второго (в рамках исследования человек, говорящий первым в изучаемом пространстве диалога, назван «первым говорящим», но это не означает, что он инициирует разговор).

Данные таблицы 6.1. расходятся с результатами анализа диалогов в смешанных парах, представленными в таблице 6.2. В 11 проанализированных диалогах было отмечено 9 наложений и

48 перебиваний. Все наложения были произведены мужчинами, 46 из 48 перебиваний относились к мужчинам, перебивающим женщин. Проверка результатов показала, что перебивания не вызваны отклонением диалога от нормы: перебивания были отмечены во всех диалогах за исключением одного. Заметим, что количество перебиваний здесь очень высоко, если учесть, что в 20 диалогах однополых групп их было только 7. Отношение перебиваний к диалогу составляет 0,35:1 (7 из 20) в однополых группах и 4,36:1 (48 из 11) в смешанных группах. Далее, из таблицы 6.1 видно, что мужчины редко перебивают друг друга; они перебивают тогда, когда говорят именно с женщинами. Результаты показывают, что при смешанном общении мужчины посягают на право женщин говорить, особенно на право завершить высказывание. Наоборот, тот факт, что женщины не применяли никаких наложений в беседе с мужчинами (хотя в разговоре друг с другом использовали их), предполагает, что женщины склонны *не* нарушать очередности мужчины в беседе и ждать, пока он не закончит высказывание.

Какое влияние оказывают такие нарушения на нормальную смену говорящих в беседе? Представляется, что после наложений и особенно после перебиваний говорящие склонны к молчанию. Так как большинство перебиваний (согласно исследованиям Зиммерман и Вест) производятся мужчинами при беседах в смешанных группах, говорящий, который следует тактике молчания, — обычно женщина. Молчание часто является признаком сбоев в беседе: в идеальных условиях участники беседы меняют очередь мягко, с небольшими промежутками между репликами или совсем без промежутков. Зиммерман и Вест обнаружили, что средняя продолжительность молчания в беседах в однополых группах длилась 1,35 секунды, в то время как среднее время молчания в смешанном общении продолжалось 3,21 секунды.

Причина молчания не только в перебиваниях и наложениях, но также в неполучении типичных или стандартных минимальных ответов. Минимальные ответы, типа *mhm* или *yeah*, являются способом указания на заинтересованность слушателя по отношению к высказыванию говорящего. Слушатель играет активную, а не пассивную роль в беседе, и минимальные ответы (так же как и паралингвистические особенности — улыбки, кивания, мимика) сигнализируют об активном внимании. Следующий отрывок иллюстрирует это:

And this put her into a bit of a lap (m) before she could do anything about this she had to pull forwards (m) in order to er to open the gates so

she took the gear out of reverse, put it into first gear (yeah) and pulled forward very gently (yeah).

И это встревожило немного ее (*m*) так, как до этого она могла что-либо предпринять, ей пришлось потянуть на себя (*m*), для того, чтобы открыть ворота, она дала задний ход, включила первую скорость (*ma-ak*) и мягко поехала вперед (*ygy-y*). [Crystal и Davy 1975, 44]

Зиммерман и Вест обнаружили, что при смешанном общении мужчины зачастую задерживали минимальные ответные реакции. Другими словами, они говорили (*m*) или (*yeah*) в нужный момент, но только после паузы. Представляется, что функция отложенного минимального ответа (*delayed minimal response*) — показать недостаток понимания или интереса к тому, о чем говорит собеседник. Минимальный ответ, высказанный в нужный момент, демонстрирует активное внимание со стороны слушателя и поддерживает разговор, а отложенный минимальный ответ показывает недостаток интереса к теме.

При разговоре с женщинами мужчины намеренно могут использовать перебивания и отложенные минимальные ответы, тем самым отрицая право женщин на управление темой беседы. Мужчины не придерживаются принятых правил смены говорящих в разговоре (как показано в таблице 6.1), чтобы контролировать беседу. Изучение диалогов между взрослыми и детьми обнаруживает аналогичную модель: взрослые злоупотребляют системой, чтобы контролировать тему разговора. Мы рассмотрим диалоги между взрослыми и детьми в седьмой главе.

Контроль над темой обычно распределяется равноправно между участниками коммуникации. В беседе между говорящими одного пола это является нормой, но когда один из говорящих — мужчина или женщина, то мужчины имеют тенденцию **доминировать**. **Доминантность** в беседе находится в центре исследования Лит-Пеллегрини [Leet-Pellegrini 1980], которая рассматривает взаимодействие независимых переменных: пола говорящего и знания. Знание относится к степени владения говорящим темой обсуждения. Исследуя языковые особенности, такие как разговорчивость, наложения, перебивания и минимальные ответные реакции, Лит-Пеллегрини смогла установить, что в совокупности переменные пола и знания надежно предсказывают доминирование. Иными словами, говорящие мужчины и притом хорошо владеющие темой разговора, стремились господствовать в беседе. Они много говорили и чаще не позволяли другому говорящему

вступить в разговор. С другой стороны, женщины, плохо владеющие предметом обсуждения, говорили меньше и использовали больше минимальных ответных реакций или других знаков доброжелательного речевого поведения. Мужчины, хорошо разбирающиеся в теме, управляли разговором, так как придерживались стиля взаимодействия, основанного на власти (утверждая неравное право говорить и управлять темой беседы), в то время как хорошо осведомленные женщины предпочитали стиль взаимодействия, основанный на солидарности и поддержке. Мы вернемся к этим выводам в разделах 6.4 и 6.5.

Исследования по использованию минимальных ответных реакций единодушны в том, что женщины употребляют их значительно больше и в нужные моменты, то есть в те моменты беседы, в которые необходимо сигнализировать о своей поддержке говорящего [Strodbeck & Mann 1956; Hirschmann 1974; Fishman 1980; Zimmerman & West 1975]. Также подтверждается, что во время беседы женщины, употребляя формы-ограничители, такие как *you know*, *sort of*, *just* придают своим высказываниям некоторую неуверенность¹.

Предложение — *It was — you know — really interesting* менее категорично, чем предложение без формы-ограничителя *It was really interesting*. Фишман, которая записывала на магнитофон повседневные разговоры трех молодых американских пар (52 часа речи), выявила, что женщины используют *you know* в пять раз чаще, чем мужчины, в разговоре общей продолжительностью 12,5 часов, записанном ею (женщины 87 раз, мужчины 17). С позиции теории взаимодействия *you know* является средством привлечения внимания: говорящий удостоверяется, что адресат слушает и понимает. Также *you know* часто является приглашением адресату отреагировать (например, оно указывает на потенциальное окончание высказывания). Анализируя записи, Фишман обнаружила, что *you know*, произнесенное женщинами, появлялось в определенные моменты бесед. 30 из 37 вошли в шесть коротких сегментов беседы, где женщины безуспешно пытались следовать теме обсуждения. Эти шесть сегментов, включая 35% примеров с *you know*, составляют менее 2% общего числа записей. Далее представлен небольшой пример (цифра в скобках показывает длительность паузы в секундах):

in other words black women are white (2) y'know it's really a simplistic article (0,5) you know he starts off saying — this — (1) y'know (0,8) sort of the gross indiscriminate black versus white (1) vision and...

...другими словами черные женщины — это те же белые (2), вы знаете, это действительно понятный момент (0,5), вы знаете, он начинает говорить — это — (1), вы знаете (0,8), грубо и неразборчиво противопоставляя черных белым (1)... [Fishman 1980, 130].

Обратим внимание, что *you know* появляется сразу перед паузой или после нее в том месте, где женщина ожидает (но не получает) ответной реплики от мужчины. *You know* указывает на сбой в процессе очередности: смены говорящего не происходит, потому что мужчина не участвует в разговоре (он не принимает саму тему дискуссии). Употребление *you know* женщинами в смешанном общении является доказательством усилий, которые им приходится прилагать, чтобы не дать диалогу угаснуть. Женщины используют *you know* чаще, чем мужчины, потому что скорее мужчины, а не женщины пропускают минимальные ответные реакции или не делают высказываний в ожидаемый момент. (В тех редких случаях, когда Фишман отмечала использование *you know* мужчинами, эта реплика выполняла ту же функцию.)

6.2.2. «Женский стиль»

Утверждение, что мужчинам и женщинам свойственно применение различных языковых «стилей», встречается в большом количестве исследований. Некоторые из них я обобщу в данном разделе под следующими заголовками: «Разговорчивость», «Расчлененные вопросы», «Вопросы», «Приказы и указания», «Ругательства и табу».

Разговорчивость

В обществе широко распространено мнение, что женщины говорят намного больше, чем мужчины, но результаты исследований постоянно доказывают обратное. Оказалось, что мужчины говорят больше, чем женщины, в самых разных ситуациях, например на встречах коллектива [Eakins & Eakins 1978], в телевизионных дискуссиях [Bernard 1972], в экспериментальных группах [Argyle et al. 1968] и в спонтанных беседах супружеских пар [Soskin & John 1963]. Когда информантов попросили описать три картинки, то у мужчин это заняло в среднем 13 минут на одну картинку по сравнению с 3,17 минут у женщин [Swacker 1975]. Как мы видели ранее (см. раздел 2.2.6), Спендер [Spender 1980a]

видит устойчивость существования мифа о женской разговорчивости в разных ожиданиях по отношению к мужчинам и женщинам: мужчины имеют право говорить, а от женщин ждут, что они будут молчать, — и, следовательно, высказывание женщины любой длительности будет восприниматься как разговорчивость.

Слово «болтушка / болтун», которое почти всегда используется по отношению к женщине, а не к мужчине, обладает двумя семантическими компонентами: многословие и незначительность. Мысль о том, что женщины обсуждают темы, которые по существу тривиальны, вероятно, способствовала поддержанию мифа о женском многословии, так как беседам на тривиальные темы проще навесить ярлык «слишком много».

Очевидно, что женщины и мужчины действительно имеют тенденцию обсуждать различные темы (см. [Aries 1976; Naas 1979; Stone 1983]), так же как и девочки и мальчики (это будет обсуждено в главе 7). Однако тот факт, что такие темы, как спорт, политика, автомобили, считаются «серьезными», а темы, касающиеся воспитания детей и личных отношений, называют «тривиальными», говорит о простом отражении социальных ценностей, согласно которым то, что делают мужчины, значимо и важно, и наоборот — то, что делают женщины, менее существенно.

Расчлененные вопросы

Лакофф [Lakoff 1975] предположила, что женщин в обществе воспринимают как выражающихся более неуверенно, по сравнению с мужчинами. Исследовательница назвала расчлененные вопросы одной из языковых форм, ассоциируемых с неуверенностью, но данная гипотеза не подкреплена эмпирическими доказательствами, подтверждающими, что женщины используют больше расчлененных вопросов, чем мужчины.

Согласно Лакофф, расчлененные вопросы смягчают силу утверждения. Сравним два предложения:

(5a) The crisis in the Middle East is terrible — Кризис на Ближнем Востоке ужасен.

(5b) The crisis in the Middle East is terrible, isn't it? — Кризис на Ближнем Востоке ужасен, не так ли?

Лакофф утверждает, что женщины используют предложения типа (5b), где содержится расчлененный вопрос *isn't it* — *не так*

ли, чаще, чем мужчины, которые, предположительно, отдают предпочтение предложениям типа (5a). Исследователи Зиглер [Siegler and Siegler 1976] представили студентам шестнадцать предложений, четыре из которых были утверждениями с расчлененными вопросами типа (5b). Студентам сказали, что предложения взяты из бесед учащихся колледжа, и попросили предположить, кому они принадлежат: женщине или мужчине. Результаты этого исследования подтвердили гипотезу Лакофф: предложения с расчлененными вопросами наиболее часто приписываются женщинам, а сильные утверждения, типа (5a) мужчинам (различие в оценках было статистически значимым). Это, однако, только подтверждает существующие *позиции* говорящих, но не доказывает, что женщины действительно употребляют больше расчлененных вопросов.

В то время как рядом исследований было подтверждено, что носители английского языка допускают корреляцию между расчлененными вопросами и их употреблением в речи женщин (см. [O'Bagg and Atkins 1980; Jones 1980], разделы 6.4 и 6.5), некоторые исследователи попытались верифицировать эту гипотезу, но не получили эмпирических доказательств такой связи. Дюбуа и Гроч [Dubois and Grouch 1975] использовали в качестве материала исследования различные официальные документы, которые раздавались в день конференции и предназначались для обсуждения. Они составили списки всех примеров формальных расчлененных вопросов (типа *Probably industrial too, isn't it? — Вероятно также промышленный, не так ли?*), так же как и «неформальных» расчлененных вопросов (типа *Right?, OK?* в *That's not too easy, right?*; — *Правильно?, Хорошо?* в *Это не совсем легко, верно?*). Общее количество зарегистрированных вопросов составило тридцать три (семнадцать формальных и шестнадцать неформальных), и *все* они были заданы мужчинами².

Вся эта работа базируется на сомнительном допущении однозначного отношения между языковой формой (расчлененным вопросом) и экстралингвистическим фактором (неуверенностью) (см. [Camegon 1985, 55] для обсуждения этого вопроса). С новых позиций Холмс анализирует расчлененные вопросы по принципу того, выражают ли они прежде всего модальное или эмоциональное значение [Holmes 1984]. Расчлененные вопросы с первоначально модальным значением сигнализируют о степени уверенности говорящего в содержании высказывания:

- (6) She is coming around noon, isn't she? —
Она придет в полдень, не так ли?
(Муж жене относительно ожидаемого гостя.)

Такие расчлененные вопросы могут быть описаны как **ориентированные на говорящего** (speaker's oriented), так как они апеллируют к адресату для подтверждения высказывания говорящего. Расчлененные вопросы, первичная функция которых — **эмоциональная**, выражают отношение говорящего к адресату (и поэтому ориентированы на адресата (**addressee-oriented**). Цель этого — либо поддержка адресата (поддерживающие вопросы) — (facilitative tags):

- (7) The hen's brown, isn't she — цвет курицы коричневый, не так ли (преподаватель ученику);

либо смягчение силы резкости речевых актов, выражающих отрицательные эмоции.

- (8) That was pretty silly, wasn't it — Это было довольно глупо, не так ли (старший ребенок младшему).

Таблица 6.3 показывает общее распределение расчлененных вопросов в корпусе, состоящем из равной доли женских и мужских высказываний в одинаковых контекстах.

Таблица 6.3

Распределение расчлененных вопросов по полу говорящего и его функция в дискурсе [Holmes 1984, 54]

Тип значения	Количество расчлененных вопросов	
	Женские	Мужские
<i>Модальное значение: степень уверенности</i> Расчлененные вопросы, ориентированные на говорящего, показывающие степень уверенности говорящего в высказывании: например просьба, подтверждение, согласие, заверение и т. д.	18 35%	24 61%
<i>Эмоциональное значение:</i> Расчлененные вопросы, ориентированные на адресата	30	10

1. Поддерживающие Выражающие солидарность говорящего с адресатом или положительное отношение к адресату, например, говорящий облегчает общение в разговоре.	59%	25%
2. Смягчающие Выражающие вежливость или заинтересованность говорящего в чувствах адресата, например, смягчение критики, приказа и т. д.	3 6%	5 13%

Женщины и мужчины не столь сильно отличаются по общему числу использования расчлененных вопросов (но заметим, что женщины в действительности используют больше расчлененных вопросов). Однако важный момент, который необходимо отметить, состоит в том, что 59% расчлененных вопросов, используемых женщинами, являются поддерживающими (*facilitative*) (по сравнению с 25% для мужчин), в то время как 61% расчлененных вопросов, используемых мужчинами, являются модальными и выражают неуверенность (по сравнению с 35% для женщин).

Если принимаются во внимание отношения между участниками коммуникации, то выясняется, что, вероятнее всего, использовать расчлененные вопросы будут фасилитаторы (*facilitators*), чем нефасилитаторы (*non-facilitators*)*. Кроме того, скорее женщины, а не мужчины будут использовать расчлененные вопросы, выступая как фасилитаторы. Значимость результатов исследований Холмс будет рассматриваться в разделах о женщинах и вежливости (6.3), а также женщинах и «языке слабых» (6.4).

Вопросы

Фишман проводила анализ записей бесед супружеских пар с целью выявить наличие в них вопросов подобных *You know* [Fishman 1980]. Она выбирала общие вопросы типа *Did you see Sarah last night? — Вы видели Сару вчера вечером?* и расчлененные вопросы. Женщины в исследовании Фишман использовали

* Холмс применяет термин *facilitator* для обозначения тех, кто выступает ответственным за гладкий процесс протекания общения, например, интервьюер на радио и телевидении, руководитель дискуссий, преподаватель, хозяин дома, принимающий гостей.

в три раза больше расчлененных и общих вопросов, чем мужчины (87:29). В течение беседы продолжительностью 12,5 часов было задано 370 вопросов, из которых 263 задали женщины (в 2,5 раза больше, чем мужчины). Изучение речевого поведения людей, покупающих билеты на центральном вокзале в Амстердаме, также установило, что женщины задают больше вопросов, чем мужчины, особенно при обращении к *мужчине*-продавцу билетов [Vrouwer и др. 1979]. Почему происходит именно так? Мужчин считают хранилищем знаний, а женщин невежественными? Возможно, женщины чувствуют себя менее скованно, обращаясь с просьбой об информации, из-за того что такое поведение не вступает в противоречие с социально предписанной ролью женщин.

Фишман предпочитает объяснять частое использование женщинами вопросительных форм в терминах лингвистики. Вопросы являются частью последовательной диалоговой конструкции Вопрос + Ответ. Вопросы и ответы связываются воедино во время беседы: вопросы требуют ответа от адресата. В терминах теории взаимодействия вопросы более «сильны», чем утверждения, так как они дают говорящему право требовать ответа. Как мы видели, в модели смены говорящего в диалоге, представленной на диаграмме 6.1, первый говорящий может предопределить выбор следующего говорящего. Пример (9) ниже демонстрирует, что расчлененные вопросы также используются для получения ответа (минимального, а не полного):

(9) A: Three and six a week I used to get — and my Mum used to give me money on top of that to keep me out of trouble, didn't she —

По средам и субботам я имел обыкновение уезжать — и моя Мама привыкла давать мне деньги, чтобы избежать неприятностей.

B: Yes. — Да.

A: ...my Mum used to always give me a couple of bob — ...а моя мама привыкла давать мне пару наставлений.

B: Yeah. — Та-ак [Coates, Birkenhead 1983].

Говорящий А употребляет расчлененный вопрос *didn't she*, чтобы побудить В к более активной реакции. В следующем отрывке (взятом из «Дня рождения» Пинтера), обращается внима-

ние на то, как Пити был вовлечен в беседу посредством вопросов Мэг.

(10) (*Мэг дает Пити пакет с кукурузными хлопьями, он садится за стол, держит документ и начинает есть*)

Мэг: Are they nice? Вкусные?

Pety: Very nice Очень вкусные.

Мэг: I thought they'd be Я думаю, они должны быть nice. You got your вкусными. Вы получили ваш paper? документ?

Pety: Yes Да.

Мэг: Is it good? Нормально?

Pety: Not bad. Неплохо.

Мэг: What does it say? О чем он?

Pety: Nothing much. Ни о чем.

Результаты исследования на настоящий момент позволяют предположить, что женщины используют вопросительные формы чаще, чем мужчины, и это может явиться отражением относительно слабой позиции женщин в ситуациях общения: они применяют общие и расчлененные вопросы, чтобы не дать беседе прерваться.

Приказы и указания

Под указанием мы понимаем речевой акт, используемый для того чтобы заставить кого-то сделать что-то. Гудвин [Goodwin 1980] наблюдала групповую игру девочек и мальчиков на улице в Филадельфии и заметила, что мальчики использовали иные команды, чем девочки. Мальчики употребляли в речи прямые приказы:

(11) Майкл: Gimme the pliers — Дай мне плоскогубцы (*Пучи дает плоскогубцы Майклу*)

(12) Хуэй: Get off my steps — Отойди от меня (*Пучи отодвигается от него*).

Майкл, лидер группы, часто при помощи команд выражал свои собственные желания:

(13) Майкл: Gimme the wire... Look man, I want the wire cutters right now. — Дай мне ... Эй, мне нужны кусачки прямо сейчас.

Для девочек, наоборот, типичны использования директив следующего типа:

- (14) *Тэрри*: Hey y'll let's use these first and then come back and get the rest cuz it's too many o' em. — Эй вы все, давайте сначала сделаем эти, а затем вернемся и заберем остальные, их слишком много.
- (15) *Шарон*: Let's go round. — Давайте обойдем вокруг.
Пэм: Let's ask her «Do you have any bottles?». — Давайте спросим ее: «У вас есть какие-нибудь бутылки?».

Форма *let's* — *давайте* вряд ли будет использоваться мальчиками: она эксплицитно включает говорящего в совершение предложенного действия. Использование девочками *gonna* (см. пример 16) выдвигает предложение для совершения будущего действия в форме приказа:

- (16) *Шарон*: We gonna paint 'em and stuff. — Мы собираемся покрасить их и уложить.

Модальные вспомогательные глаголы *can* и *could* также используются девочками, чтобы предложить, а не потребовать выполнения того или иного действия.

- (17) *Пэм*: We could go around looking for more bottles. — Можно тут походить и поискать еще бутылки.
- (18) *Шарон*: Hey maybe tomorrow we can come up here and see if they got some more. — Эй, наверное, завтра мы можем прийти сюда и посмотреть, нашли ли они еще.

Обратите внимание на использование слова *наверное* — *maybe* в (18) для смягчения приказа.

Несмотря на то что Гудвин убедительно демонстрирует — девочки и мальчики используют весьма различные языковые средства для выражения приказа при игре в однополых группах, исследовательница в то же время подчеркивает, что это не подразумевает отсутствия у девочек способностей к использованию более твердых приказов в других контекстах (например, во время споров с мальчиками). Она утверждает, что применяемые языковые формы отражают социальную организацию группы: группы мальчиков имеют иерархичную организацию, с лидерами, ис-

пользующимися очень сильные команды в целях демонстрации власти и контроля, в то время как группы девочек неиерархичны и характеризуются равноправным участием всех девочек в принятии решения.

Исследования Энгл [Engle 1980b] языка родителей во время игры со своими детьми показало, что отцы более склонны к употреблению приказов.

(19) Why don't you make a chimney? — Почему вы не сделаете трубу?

(20) Off! Take off! — Прочь! Снимите это!

Матери же, наоборот, вероятнее всего, будут принимать во внимание желания ребенка:

(22) Do you want to look at any of the other toys over there? — Вы хотите посмотреть там другие игрушки?

(23) What else shall we put on the truck? — Что еще мы положим в грузовик?

Отцы не только сами по себе строже, чем матери, они более строги и тверды со своими сыновьями, чем с дочерьми. Эти языковые различия вновь отражают разницу в организации: матери рассматривают взаимное общение как возможность помочь своим детям научиться правильно делать выбор; отцы же менее заинтересованы в желаниях детей и стараются привнести свои идеи. Тема различий в беседе родителей со своими детьми будет обсуждаться в седьмой главе.

Употребление ругательств и табу

Существует очень мало научных доказательств различий между мужчинами и женщинами в употреблении ругательств, хотя во второй главе мы уже познакомились с широко распространенными наивно-лингвистическими представлениями о том, что мужчины ругаются больше, чем женщины, и используют больше табуированных слов и выражений. Есперсен утверждал в 1922 г. (см. раздел 2.2.2), что женщины обладают «инстинктивным уклонением от грубых и непристойных выражений и предпочитают правильные, завуалированные и косвенные (в некоторых сферах) выражения». В предисловии к «Сло-

варю американского сленга» («Dictionary of American Slang»), Флекснер утверждает, что «большая часть американского сленга создается и используется мужчинами» [Flexner 1960, xii]. Лакофф [Lakoff 1975] также разделяет мнение о том, что мужчины используют сильные бранные выражения (*damn, shit — проклятый, дерьмо*) в отличие от женщин (*о дорогой, совершенство — oh dear, goodness*), но ее научные выводы являются сугубо интроспективными.

Крамер [Kramer 1974] провела анализ комиксов из «The New Yorker» и обнаружила, что авторы заставляют персонажей мужского пола ругаться гораздо чаще, чем героев женского пола. Она попросила студентов распределить заголовки, взятые из комиксов, на мужские и женские. Для большинства заголовков было отмечено определенное единодушие (по крайней мере, в 66%) в отношении пола говорящего, и в комментариях студенты явно показали, что именно употребление ругательств отличает мужскую речь от женской. Во втором исследовании [Kramer 1975] использовались комиксы из четырех различных журналов («The New Yorker», «Playboy», «Cosmopolitan», «Ladies Home Journal»). Студенты правильно идентифицировали пол говорящего в 79% случаев. Анализ заголовков показал, что, среди всего прочего, женщины употребляли меньший процент ругательных слов и выражений. Оба исследования подтверждают существование культурного стереотипа, но не создают достаточных оснований для эксплицитного ответа на вопрос, действительно ли мужчины ругаются больше, чем женщины?

Комментарии современных социолингвистов в этой области использования языка не подтверждаются научными данными. Лабов [Labov 1971, 207] утверждает: «В относящихся к среднему классу группах женщины, в основном, гораздо менее фамильярны и менее терпимы к ненормативной грамматике и употреблению табу». Чешир [Cheshire 1982a, 101] выделяет ругательства, как один из параметров, входящих в ее индекс простонародной культуры (*Vernacular Culture Index*) (см. раздел 5.1.2), так как, по ее мнению, «они были главным символом речевой идентичности и для мальчиков, и для девочек». Этот индекс относился только к мальчикам в ее исследовании (так как считалось, что у девочек нет ясно определенной системы культурных ценностей), и поэтому нет никаких сравнительных данных.

Гомм [Gott 1981] записала четырнадцать диалогов молодых англичан. Участниками пяти из них были только женщины, еще

в пяти принимали участие только мужчины и четыре диалога были смешанными. Анализ аудиозаписей показывает, что нет принципиально качественных различий в использовании ругательных выражений, но в таблице 6.4 представлены различия в частотности их использования мужчинами и женщинами.

Таблица 6.4

**Частотность употребления нецензурных выражений
в однополых и смешанных группах [Gomm 1981]**

	Однополые группы	Частотность	Всего
мужчины	21	4	25
женщины	7	2	9

Результаты работы Гомм не оставляют сомнений в том, что мужчины более часто, чем женщины, употребляют нецензурную лексику. Кроме того, и женщины, и мужчины ругаются больше в компаниях своего пола, а использование мужчинами бранных слов особенно резко снижается при общении в смешанных группах.

6.3. Вежливость

Наивная лингвистика, да и языкознание, утверждают, что женщины более вежливы, чем мужчины. Для исследования данного утверждения мы должны рассмотреть понятие «вежливость» и ее отражение в языке различных обществ.

Браун и Левинсон [Brown и Levinson 1978] определяют вежливость с помощью понятия лица — (face). Этот термин взят из повседневного использования языка во фразах типа *to lose face* — *потерять лицо*, и, соответственно, понятие лицо определяется как обращенное к чувствам людей. Мы выражаем свое внимание на основе двух человеческих стремлений: (1) стремлении не навязываться (это называют негативным лицом); (2) стремлении быть любимым и признанным (это называют положительным лицом). В британском обществе мы пытаемся учитывать отрицательное лицо собеседника, например, сопровождая просьбы извинениями за навязчивость: *I'm awfully sorry to bother you but I've run out of milk — could you possible lend me half of pint* — *я ужасно извиняюсь, что беспокою Вас, но у меня закончилось молоко — не могли бы Вы одолжить мне полпинты?* Подобные фразы, выражающие просьбу, позволяют адресату уклониться от общения. Мы

пытаемся соответствовать ожиданиям положительного лица собеседника, приветствуя его при встрече, спрашивая о делах, выражая восхищение и одобрение того, что он сделал, и того, что он чувствует: *You are looking marvelous — Вы выглядите изумительно!; I know exactly how you feel — Я понимаю ваше состояние.* Что-то открыто попросить, например *Give me some milk — Дайте мне немного молока*, или проигнорировать знакомого при встрече, — в нашем обществе означает вести себя невежливо. В этом смысле вежливость может быть определена как удовлетворение желаний других лиц, и с точки зрения языка она может реализоваться различными способами.

Браун занималась изучением языка женщин и мужчин в обществе майя в Мексике с целью проверки гипотезы о большей вежливости женщин по сравнению с мужчинами [Brown 1980]. Исследовательница утверждает, что уровень вежливости, соответствующий данной интеракции, зависит от социальных отношений участников коммуникации. Это значит, что языковые маркеры вежливости — надежный показатель социальных отношений. Если женщины действительно используют более вежливые формы, нежели мужчины, то о чем это говорит? Что женщины рассматривают мужчин как социально более высоких лиц? Что женщины рассматривают мужчин как социально отдаленных? Что женщины вовлечены в большее количество действий, чреватых «потерей лица» (*face-treating acts*) (то есть по различным причинам при обращении женщин к мужчинам с просьбами и т. д. создает отрицательное или положительное «лицо» мужчины)?

В тзельтском языке (Tzeltal), на котором разговаривают представители народа майя, есть класс частиц, которые играют роль обстоятельств и изменяют силу речевого акта. Проще говоря, они либо усиливают, либо ослабляют силу сказанного; *I emphatically / sincerely / really / assert / request / promise...*, либо *I tentatively / maybe / perhaps assert / request / promise...* — *Я решительно / искренне / действительно утверждаю / запрашиваю / обещаю*, либо *Я предположительно / может быть / возможно утверждаю / запрашиваю / обещаю...* Во всех языках имеется набор языковых средств, при помощи которых вы можете подчеркнуть силу вашего речевого акта для выражения положительной вежливости или, наоборот, можете смягчить силу вашей речи для выражения отрицательной вежливости. В английском языке, например, модальные вспомогательные глаголы *may, might* и *could* — *могут, мог бы* и *мог* и модальные наречия *perhaps, possibly, maybe* — со

значением *возможно* могут использоваться говорящими в качестве форм-ограничителей и таким образом функционировать как отрицательные стратегии вежливости. Согласно Холмс [Holmes 1984] это происходит, когда модальные средства используются для выражения эмоционального значения, при помощи которых они показывают участие в желаниях другого лица, и, следовательно, являются, маркерами вежливости. Примеры выше (17 и 18) иллюстрируют такое использование.

Браун проверила три гипотезы: (1) женщины используют больше усилительных частиц при разговоре с женщинами (то есть обращают большее внимание на положительное «лицо» женщины); (2) женщины используют больше смягчающих частиц при разговоре с мужчинами (то есть обращают большое внимание на желания отрицательного «лица» мужчин); (3) женщины, говорящие с женщинами, используют больше частиц, чем мужчины, говорящие с мужчинами. Браун занималась сравнением речи мужчин и женщин в смешанных и однополых парах, которые подбирались, насколько это было возможно (ее исследование строилось на материале непосредственного общения), по степени знакомства и статусу участников коммуникации, и владению говорящими темой обсуждения (общение было затруднено, когда говорящие плохо знали тему беседы). Анализ частиц, используемых членами однополых пар, показал, что третья гипотеза Браун подтверждается: женщины действительно употребляют больше частиц.

Таблица 6.5

**Среднее количество частиц для 100 речевых актов в однополых парах
[Brown 1980, 122]**

Значение	Усилительные частицы	Смягчающие частицы	Общее количество частиц
Для пар женщин	25,2	34,1	59,3
Для пар мужчин	14,4	18,1	32,6

Однако ее данные не подтвердили две другие гипотезы, что отражено в таблице 6.6 (смешанные пары).

Таблицы показывают, что женщины использовали больше усилительных частиц при разговоре с мужчинами (35,7:25,2). Что касается уменьшительных частиц, сравнение двух таблиц, демонстрирует, что женщины используют их в основном при разговоре с другими женщинами (34,1:24,4). Почему так происходит?

Таблица 6.6

**Среднее количество частиц для 100 речевых актов в смешанных парах
[Brown 1980, 123]**

Значение	Усилительные частицы	Смягчающие частицы	Общее количество частиц
Для женщин, разговаривающих с мужчинами	35,7	24,4	60,2
Для мужчин, разговаривающих с женщинами	24,1	33,1	57,2

Браун утверждает, что беседа между двумя мужчинами в изучаемом ею сообществе майя отличается от беседы двух женщин предметом разговора настолько, что они принципиально не могут быть сопоставимы. Исследовательница, однако, подчеркивает, что при примерном, предварительном подсчете женщины явно используют больше частиц, и поэтому, показатель употребления частиц данным языковым сообществом является приблизительным индексом вежливости. Оказывается, как и ожидалось, что женщины более вежливы, чем мужчины.

По моему мнению, самым интересным следствием, вытекающим из данных таблиц 6.5 и 6.6, является использование частиц мужчинами при разговоре с мужчинами. Средние показатели, исходя из общего количества употребленных частиц, не имеют резких отличий от других трех возможных комбинаций (мужчины с женщинами, женщины с женщинами, женщины с мужчинами). Иными словами, мужчины при общении друг с другом применяют стиль, характеризуемый низкой частотностью употребления частиц; он отличается от стиля, который они применяют при общении с женщинами, или при общении женщины с женщинами, или женщины с мужчинами.

Браун исследовала использование частиц в тзельтском языке с целью установления полного диапазона выражений, доступных каждому носителю языка. Она пришла к выводу, что использование частиц женщинами и мужчинами имеет системные отличия. Женщин, видимо, тревожит тот факт, что способ их речи может угрожать собеседнику потерей лица. Такая чувствительность к «лицу» собеседника сказывается на различном использовании языка. Женщины используют крайности положительной и отрицательной вежливости; речь же мужчин более сухая. К тому

же определенные употребления, такие как употребление женщинами уменьшительной частицы [^ʔala] или использование мужчинами усилительной частицы [melel], на публике воспринимаются как «фемининный» и «маскулинный» коммуникативные стили.

6.4. Язык сильных и язык слабых

Браун утверждает, что негативная вежливость — когда говорящий извиняется за вмешательство, прибегая к употреблению имперсональных структур (страдательного залога) и избегая утверждений, — проявляется там, где люди занимают более низкое социальное положение в обществе. О'Бarr и Аткинс [O'Barг и Atkins 1980], изучая язык судебного заседания, пришли к такому же заключению. О'Бarr и Аткинс заметили, что в руководстве по правильному ведению дел в суде для адвокатов свидетели-женщины часто рассматриваются как особый случай. Этот факт заставил их задаться вопросом, существовали ли отличия в языке свидетелей-мужчин и свидетелей-женщин. Они провели анализ записей судебных заседаний штата Северная Каролина общей продолжительностью 150 часов, изучая особенности языка, названного ими «женским» (ЖЯ) — (Women's Language) (данная дефиниция в значительной мере опирается на труды Лакофф [Lakoff 1975]). Десять особенностей женского языка представлены ниже.

1. Ограничители, например *sort of, kind of, I guess*.
2. Сверхвежливые формы, например *would you please, I'd really appreciate it if*.
3. Расчлененные вопросы¹.
4. Говорение «курсивом», например, эмфатические *so* и *very*, интонационное ударение, эквивалентное подчеркиванию слов в письменном языке.
5. Пустые прилагательные, например *sweet, divine, charming, adorable*.
6. Гиперкорректная грамматика и произношение.
7. Недостаток чувства юмора, например неумение рассказывать анекдоты.
8. Прямое цитирование.
9. Особый лексикон, например специальные цветочные термины.
10. Вопросительная интонация в декларативных контекстах.

Каждому свидетелю присваивался показатель, вычисляемый путем деления общего числа признаков «женского языка» (ЖЯ) на число высказываний. Показатели варьировали от 1,39 (указывая на среднее число более чем одного признака ЖЯ на каждое высказывание) до 0,18 (указывая на очень редкое использования свойств ЖЯ). Следующий пример представляет высокий показатель ЖЯ:

(23) *Адвокат*: Каков был характер вашего знакомства с миссис Е. Д.?

Свидетель А.: Ну, мы были, мм, очень близкими друзьями. Мм, она была мне как мать.

Этот свидетель получил общий балл 1,14. Следующий пример представляет низкий показатель ЖЯ:

(24) *Адвокат*: И сердце не работало, то есть, сердце остановилось, но тогда кровь бежала бы из раны?

Свидетель С.: Она могла просочиться вниз в зависимости от положения тела после смерти. Но наличие крови в альвеолах указывает на то, что незначительное активное дыхание должно было иметь место.

Свидетель С. набрал общий балл 0,18.

Оба эти примеры взяты из речи свидетелей-женщин, которые показывают, что использование особенностей ЖЯ (как определили О'Барр и Аткинс в своем исследовании) не взаимосвязано с полом говорящего. Исследователи обнаружили, что не только сами женщины-свидетели использовали очень мало особенностей ЖЯ, но также среди некоторых свидетелей-мужчин был отмечен высокий процент употребления особенностей ЖЯ. Пример ниже взят из речи свидетеля Д., мужчины:

(25) *Адвокат*: И вы видели, вы наблюдали, что?

Свидетель Д.: Ну, после того как я услышал — я не могу точно, я не могу определенно утверждать, что было сначала — звук тормоза или огни, но я повернул голову немного направо и посмотрел прямо за спину господина З., и увидел отражение огней, и мм..., очень, очень, очень скоро после этого услышал очень, очень громкий взрыв — с моей точки зрения, это был взрыв, потому что все было выброшено наружу, как будто гранату бросили в комнату. И, мм..., это было, это было ужасно громко.

Показатель коэффициента ЖЯ у свидетеля Д. составил 1,39 — больше, чем у свидетеля А.

Выводы О'Барр и Аткинса можно обобщить следующим образом:

1. Признаки ЖЯ не характерны для речи всех женщин (пример свидетеля С.).
2. Признаки ЖЯ не ограничиваются только речью женщин (пример свидетеля Д.).
3. Показатели говорящих можно разместить в континууме (от высокого до низкого) — многие женщины имеют высокий показатель, многие мужчины имеют низкий показатель.

О'Барр и Аткинс утверждают, что описание Лакоф особенностей «женского языка» является неточным. Они показывают, что частотность признаков ЖЯ в речи исследованных свидетелей связана не только с полом говорящего, но также с двумя другими факторами — во-первых, с социальным статусом говорящего и, во-вторых, с прошлым опытом участия говорящего в судебных процессах. Свидетельница С. — патологоанатом, ей часто по роду своей деятельности приходится бывать в зале суда в качестве свидетеля; она — высокообразованная женщина, профессионал. Ее низкий коэффициент ЖЯ непосредственно связан с ее высоким социальным статусом и опытом участия в судебных заседаниях. Напротив, свидетели А. и Д., у которых высокий показатель ЖЯ, имеют низкий социальный статус и небогатый опыт участия в судебных заседаниях (А. — домохозяйка; Д. — дежурный скорой помощи с небольшим опытом работы).

На основе этой связи, О'Барр и Аткинс дали новое название языковым особенностям, обычно ассоциирующимся с женской речью, **язык слабых (Powerless language)**. Они утверждают, что понятие «язык слабых» было спутано с понятием «женского языка», в связи с тем что в обществах подобных нашему, женщины обычно обладают меньшей властью, чем мужчины. Поэтому для многих женщин типично использование «языка слабых», но это результат их социального положения, а не пола. Несмотря на то что «языки сильных и слабых» зачастую имеют связь с женщинами и мужчинами, важно то, что социолингвисты и другие ученые, исследовавшие различия языка мужчин и женщин, разграничивают нелингвистические переменные пола и социального статуса.

6.5. Общение женщин с женщинами

Интерес к использованию языка в группах женщин постепенно возрастает. «Сплетни» — понятие, почти всегда используемое исключительно в отношении общения женщин; оно обычно имеет пейоративную (уничижительную) коннотацию: *idle talk* — *пустой разговор ... tittle-tattle* — *слухи, распускать слухи*, («Краткий Оксфордский словарь»). Джонс [Jones 1980] принимает это понятие как описывающее разговор женщин, но пересматривает его в не пейоративном плане — как «способ женского общения согласно роли, которую женщины выполняют, их открытому стилю бесед, обсуждению личных и домашних дел». Обращение к такому понятию, как *сплетни*, фокусирует внимание на том, что язык, применяемый женщинами при общении друг с другом, традиционно не рассматривался как серьезный языковой материал; по сравнению с тем что мужской разговор всегда считался «настоящим разговором» и воспринимался серьезно.

Джонс не оригинален в использовании понятия *сплетня*: оно применялось в антропологических трудах для обозначения неформальной коммуникации членов социальной группы. Антропологи подчеркивают, в частности, социальную функцию «сплетни» — она укрепляет «сплоченность, моральные устои и ценности социальных групп» (Gluckman цит. у [Джонс 1980]). Несомненно, это — важная функция.

Используя социолингвистическую структуру фрейма, разработанную Эрвин-Трипп [Ervin-Tripp 1972], Джонс описывает «сплетню», принимая во внимание следующие критерии: место общения, участники коммуникации, тема обсуждения, формальные особенности и функции. В женском разговоре типичным местом общения является дом, а также иногда магазины, универсамы, парикмахерские. Дом — место, которое может быть скорее названо частным, а не публичным. Само собой разумеется, участниками являются женщины. Темы для общения вытекают из основных социальных ролей, выполняемых женщинами в обществе: жена, мать и домохозяйка, и, следовательно, варьируют от обсуждения воспитания детей и заботе о муже до выполнения домашней работы. Естественно, обсуждение подобных тем может существенно меняться, от простого обмена рецептами до тесного и глубокого взаимодействия, влекущего за собой открытость между обеими собеседницами.

С точки зрения формальных особенностей Джонс описывает «сплетню» по принципам уже рассмотренным в этой и предыду-

щих главах: считается, что «сплетня» характеризуется использованием общих и расчлененных вопросов, восходящей интонации, минимальных ответных реакций, таких как *thm* (*мм*) и *yeah* (*да*), паралингвистических реакций (поднятые брови, поджатые губы, вздохи и т. д.), и в целом при помощи взаимной модели общения.

Ее самое существенное наблюдение состоит в том, что в тех случаях, когда мужчины не соглашаются друг с другом или игнорируют высказывания друг друга, женщины имеют тенденцию признавать и поддерживать. Иными словами, мужчины, видимо, следуют стилю общения, основанному на власти, в то время как женщины — стилю, основанному на солидарности и поддержке. На чисто описательном уровне рассказ Стоуна [Stone 1983] о том, как он, мужчина, решивший остаться дома и присматривать за детьми, познакомился с женской моделью дискурса, подтверждает работу Джонс. Он описывает мужской разговор следующим образом:

От футбола до секса, от политики до литературы, разговор имел единственную общую деталь; было известно, как он будет развиваться. Он не сбивал с толку, не расстраивал, не пугал, не был спекулятивным ... как правило, беседы были гладиаторские — состязание в языке на арене знакомой темы.

Стоун продолжает: «Несмотря на то что я все еще скучаю по поединкам разума против разума, мне начинает нравиться этот другой вид языка». Стоун дает эскиз этого другого вида языка, то есть женского языка:

О чем мы говорим? Это очевидно. Мы говорим о болезнях, о работе пищеварительного тракта и мочевого пузыря и о домашних обязанностях... Больше всего мы говорим о детях... используя краткие и небрежные высказывания, которые сопровождаются шутками и участием людей, чей общий опыт придает пониманию оттенок откровенности. Постоянная забота о детях наполняет тех, кто ощущает потребность *скорее сотрудничать, а не соревноваться*... желание в конечном счете принять замешательство и обсуждение, а не положить на догму формул (курсив наш. — Д. К.).

Калсик [Kalcik 1975], исследовавшая рассказы о личных переживаниях в группах женщин, также утверждает, что главный образец взаимодействия в таких группах скорее кооперативный,

а не соревновательный, и это подтверждается в работе Ариес [Aries 1976] о смешанных и однополых группах. Ариес анализировала модели взаимодействия шести экспериментальных групп: двух женских, двух мужских и двух смешанных. Члены мужских групп были заинтересованы в установлении места, которое каждый член занимает по отношению к другому, и в таких группах иерархия проявлялась в том, что некоторые члены занимали доминирующую позицию, а другие подчиненную. Обе женские группы, напротив, были более гибкими: активные участники были заинтересованы вызвать на разговор более сдержанных собеседниц, и женщины использовали различные виды выражения эмоций и межличностной заинтересованности.

Работы, упомянутые в этом разделе, базируются на исследованиях, проведенных с белыми информантами, относящимися к среднему классу. Однако работа Гудвин по изучению языка, используемого в уличной игре темнокожими детьми Филадельфии (см. раздел 6.2.2) установила, что языковые формы, используемые детьми, отражают социальную организацию изучаемых социальных групп: результатом неиерархичной природы групп девочек стал выбор скорее кооперативной, а не конкурирующей формы. Рут Водак [Wodak 1981] также включала говорящих из рабочего класса в исследование дискурсивных тактик мужчин и женщин в терапевтических группах. Она отметила интересные классовые различия: в частности, *мужчины* из рабочего класса значительно более эмоциональны, чем *женщины* среднего класса, и рабочий класс в целом значительно отличается от низшего слоя среднего класса и от *мужчин*, относящихся к среднему классу, в способах описания своих проблем. Однако она также отметила существенные половые различия. Мужчины и женщины говорят о своих проблемах по-разному: мужчины имели тенденцию к использованию описаний обстоятельств, тогда как женщины больше говорили о личном аспекте.

Надо надеяться, что будущие научные исследования будут обращать больше внимания на дискурсивные модели общения женщины с женщиной, так как было бы чрезвычайно полезным больше узнать о том, как функционируют женские дискурсивные стратегии сотрудничества. Безусловно, есть случаи, когда кооперативный стиль интеракции более подходит, чем соревновательный стиль: идеальный (андрогинный) говорящий был бы компетентен в обоих случаях.

6.6. Выводы

В этой главе мы рассмотрели работы, раскрывающие половые различия в коммуникативной компетенции. В настоящее время научные факты позволяют предположить, что женщины и мужчины действительно используют различные коммуникативные стили: в смешанном общении это означает, что мужчины имеют тенденцию к перебиванию женщин; они выбирают эту стратегию для управления предметом разговора, а их перебивания имеют тенденцию добиваться молчания среди женщин. Женщинам приходится больше прибегать к использованию минимальных ответных реакций для поддержки говорящего. Также представляется, что женщины задают больше вопросов, в то время как мужчины больше говорят, больше ругаются и используют императивные формы для достижения цели. Женщины же используют больше языковых форм вежливости. Такие группы речевых характеристик иногда называют «мужским стилем» и «женским стилем». Данная терминология обсуждалась О'Барром и Аткинсом, которые утверждают, что языковые особенности, выявленные в речи многих женщин, типичны для людей низкого социального статуса, как женщин, так и мужчин и должны иметь более точную дефиницию — «язык слабых» (powerless language).

Та же группа речевых особенностей представлена в более позитивном свете в исследовании разговора женщины с женщиной. В интеракции «женщина-с-женщиной» данные формы «слабых» могут быть использованы как мощный и сильный признак взаимной поддержки и солидарности. Представляется, что «язык слабых» при использовании его обеими договаривающимися сторонами приближается к идеальной форме дискурса сотрудничества, что профессиональные консультанты называют «соконсультирование». (Однако различия между соревновательным, напористым мужским стилем и поддерживающим женским стилем означает, что мужчины склонны к доминированию в смешанной интеракции. Обратите внимание, что некоторая неудовлетворенность мужским стилем, подразумеваемая в выводах Ариес, состоит в том, что мужчинам, которых она изучала, становилось все менее и менее интересно посещать мужские обсуждения и они с нетерпением ждали встреч в смешанных группах; женщины же, наоборот, предпочитали встречи в группах своего пола.)

Лабов определял речевое сообщество на основе «участия в наборе разделенных норм» [Labov 1972, 121]. Представляется, что женщины и мужчины имеют различные наборы норм речевого взаимодействия, и, как было показано (в главах 4 и 5), мы не можем признать, что мужчины и женщины совместно пользуются одними и теми же грамматическими и фонологическими нормами. В этом случае, видимо, женщины и мужчины образуют разные речевые сообщества. В заключительной части этой книги, мы увидим, как это происходит, и исследуем лингвистические и социальные следствия такого разграничения.

Примечания

1. Бент Прислер в исследовании языковой неуверенности и ее связи с полом (которое я прочла слишком поздно, чтобы включить в книгу) показал, что женщины используют значительно больше формограничителей, чем мужчины. Его эксперимент включал равное количество женщин и мужчин из двух разных возрастных групп (20—25 и 45—50) и из трех групп занятости; все информанты жили и работали в Ланкастере.
2. Исследование Прислера (примеч. 1) выявляет, что расчлененные вопросы в совокупности с другими языковыми формами (определенными модальными и другими вспомогательными формами) используются женщинами значительно интенсивнее, чем мужчинами.
3. Следует отметить, анализ языкового взаимодействия Холмса [1984] показывает, что расчлененные вопросы имеют тенденцию скорее появляться в речи фасилитаторов и лидеров, нежели в речи других участников коммуникации. Это, очевидно, подвергает сомнению утверждение О'Барра и Аткинса о том, что расчлененные вопросы характеризуют речь «слабых» (powerless).

Третья часть

ПРИЧИННО- СЛЕДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Глава 7

Пол как фактор усвоения языка

7.1. Дети и гендерная идентичность

В предыдущих трех главах было установлено, что мужчины и женщины отличаются широким разнообразием способов употребления языка. В этой главе я рассмотрю способ, посредством которого приобретаются эти различные репертуары речевого поведения. Исследования по овладению детьми языка начались относительно недавно и ориентируются на то, как (любой) ребенок овладевает родным [sic!] языком. Язык часто интерпретируется в узком смысле грамматики, фонологии и лексики, с особым акцентом на развитии синтаксиса. Классические исследования в этой области проводились Блумом [Bloom 1975], Брауном [Brown 1976], Дэйлом [Dale 1976]. Лишь недавно, с ростом осознания языка как социального поведения, исследователи расширили область своих исследований. Они по-прежнему ставят перед собой целью проследить процесс становления лингвистической компетенции ребенка, но само понятие «лингвистически компетентный» было пересмотрено. Как отмечалось в главе 6,

одного знания грамматики, фонологии и лексики недостаточно — оно не делает ребенка компетентным; детям необходимо овладеть не только формальными правилами языка, но также и правилами уместного ситуативного использования языка. В настоящее время в понятие «лингвистическая компетенция» включается знание культурных норм речевого взаимодействия. Лучшая работа, использующая это новое положение, — исследование Окс и Шиффелин [Ochs, Schieffelin 1983] по овладению ребенком речевой компетенцией.

В основе трудов, подобных названному, лежит предпосылка, что обучение говорению — это обучение тому, как стать членом определенной культуры. Другими словами, социальный порядок воспроизводится через речь. Именно так и есть, и ввиду существования общих для всех культур различий женских и мужских ролей, разумно предположить, что, когда дети учатся говорить, то одна из вещей, которую они познают, — это культурная роль, предопределенная каждому на основе их пола. В становлении лингвистической компетенции этот процесс является двусторонним: ребенок учится быть полноправным членом речевого сообщества мужского или женского пола и, наоборот, дети, усваивая лингвистическое поведение согласно своему полу, закрепляют социальный порядок, конструирующий гендерную идентичность.

В первой главе мы обсуждали женщин и мужчин как социальные группы и показали, что женщины, несмотря на их многочисленность, образуют группу меньшинства (см. разделы 1.3 и 1.4). Девочки и мальчики в детстве учатся отождествлять себя с одной или с другой группой. Они демонстрируют свою причастность к группе посредством соответствующего полу поведения, которое также включает и соответствующее полу лингвистическое поведение. Социальные психологи называют процесс научения — как быть «настоящей» девочкой или «настоящим» мальчиком — созданием **гендерной идентичности**. В этой главе я опишу исследования, показывающие, что половые различия в речи детей есть. Это труды двух видов. Во-первых, рассмотрим научный труд, который ставит цель проверить мнение о более быстром усвоении языка девочками, чем мальчиками. Описание этой работы будет кратким. Во-вторых, обратимся к работе, которая исследует полоспецифичное усвоение детьми языка как в отношении формальных особенностей, так и коммуникативной компетенции. Этот труд я опишу более подробно. Во вторую группу работ я включу исследование, которое проводит анализ способов взаимодействия взрослых, — в частности родителей, — и детей.

7.2. Половые различия в раннем усвоении языка

Одним из самых известных и общепризнанных выводов в области половых различий считается превосходство девочек над мальчиками в процессе овладения речью. Исходя из таких критериев как начало лепетания, произнесение первого слова и словарный запас в 1,5 года, девочки добиваются большего успеха по сравнению с мальчиками. Видимо, контраст между девочками и мальчиками был несколько преувеличен в прошлом, хотя и предполагалось, что различия между мальчиками и девочками могли бы быть снижены посредством меньшей поляризации половых ролей и применения менее сексистских моделей воспитания детей в современном обществе. Однако наиболее авторитетный из всех существующих в этой области обзор Маккоби и Джеклина [Maccoby, Jacklin 1974] содержит заключение, что данный вывод все еще остается актуальным. Для детей дошкольного возраста результаты исследования показывают, что там, где были обнаружены половые различия, почти всегда именно девочки опережали в своем развитии мальчиков. Не все различия имели статистическую значимость, но в совокупности результаты исследований обнаружили важную тенденцию. Для детей младшего школьного возраста, с другой стороны, в научных трудах устойчивые половые различия не были выявлены, но начиная с 10—11 лет девочки снова идут впереди мальчиков по разнообразию способов вербальной компетенции. Некоторые из полученных выводов представлены ниже.

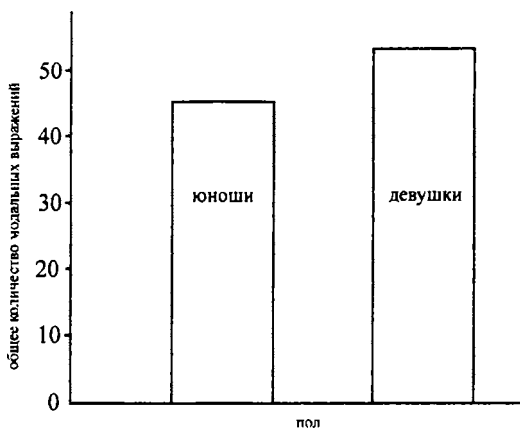
Кларк-Стюарт [Clarke-Stewart 1973] в течение 9 месяцев проводила наблюдения над американскими матерями и их первенцами. В начале эксперимента детям было 9 месяцев, а в конце — 1,5 года. Она обнаружила, что языковые навыки девочек как в понимании, так и в лексиконе были значительно выше, чем у мальчиков. Причину этого видели в большей связи между девочками и матерями. Матери девочек отличались от матерей мальчиков: они проводили больше времени в одной комнате с дочерьми, устанавливали зрительный контакт, использовали более высокий процент приказаний и ограничительного поведения, а также предпочитали употреблять в общении социальную речь, чем справочную. (Социальная речь включает приветствия, благодарность, извинения и т. д. в то время как справочная речь, насколько мы можем понять из ее названия, означает речь, которая

относится к вещам: *What's this; Give me the red brick* и т. д. (*Что это; Дай мне красный кирпич* и т. д.).

Нельсон [Nelson 1973] изучала, как дети в возрасте между 1 и 2 годами усваивают лексикон языка. В исследовании принимали участие восемнадцать детей (также в США). Она разделила детей на две группы согласно степени усвоения лексикона (критерием был возраст, в котором ребенок осваивал произнесение 50 слов). Все мальчики попали в группу с более медленной степенью усвоения. Средний возрастной показатель усвоения 50 слов для девочек составил 18 месяцев и 22,1 месяцев для мальчиков.

Перкинс [Perkins 1983] сообщает об изучении модальных выражений (*can, will, have to, probably* и т. д.), используемых в неподготовленной речи детей в возрасте между 6 и 12 годами. Его информантами были 96 детей, речь которых исследовалась в проекте по развитию языка в онтогенезе в политехническом колледже Уэльса. Все дети были носителями только английского языка. В эксперименте учитывались возраст, пол и социальная группа. Диаграмма 7.1 показывает частотность использования модальных выражений в зависимости от пола ребенка. Несмотря на то что различия между девочками и мальчиками невелики (статистически незначимы), именно девочки все же снова оказываются впереди. Примечательно, что Перкинс обнаружил статистически значимую взаимосвязь социальной группы и использования модальных выражений: дети из среднего класса чаще употребляли модальные выражения. Параллелизм между девочками и средним классом, с одной стороны, и мальчиками и рабочим классом — с другой, уже отмечался и ранее (см. раздел 4.3.3). Представляется, что половые различия в языке более четко проявляются в семьях с низким уровнем жизни: два исследования по изучению бедных детей [Shipman 1971; Stanford Research Institute 1972] показали явное преимущество девочек по ряду языковых критериев.

Результаты данных исследований совпадают с выводами многих других трудов по изучению детского языка, и они подтверждают общую модель более быстрого овладения языком девочками по сравнению с мальчиками. Это означает, что в любом возрасте девочки будут идти впереди мальчиков в понимании, запасе слов, умении читать и употреблении, сложных, например, модальных выражений и т. д. Несмотря на то что такие выводы вызывают интерес, они необязательно относятся к различиям в языке, которые мы обнаруживаем между взрослыми разных полов (многие просто отражают медленный процесс взросления).

Диаграмма 7.1. Соотношение частотности модальных выражений и пола [Perkins 1983, 142].

В следующем разделе я дам описание работы, посвященной детям, у которых развивается дифференцированный по полу язык. Языковые различия, описанные ниже, представляют мальчиков и девочек, осваивающих гендерные роли, предписываемые им обществом.

7.3. Развитие речи, соответствующей полу

В этом разделе я, во-первых, рассмотрю исследование, описывающее половые различия в языке детей, которые превосходят формальные различия в языке взрослых, (описанные в четвертой и пятой главах). Во-вторых, обращусь к исследованию, где употребление языка детьми предопределяет различия в коммуникативной компетенции взрослых (представленной в шестой главе).

7.3.1. Формальные различия

До половой зрелости голосовые связки детей отличаются только детским размером. Но исследование *высоты тональности* выявило, что половые различия уже проявляются. Исследователь Либерманн [Liebermann 1967] считает, что младенцы, даже до того как начинают говорить, изменяют высоту тона в

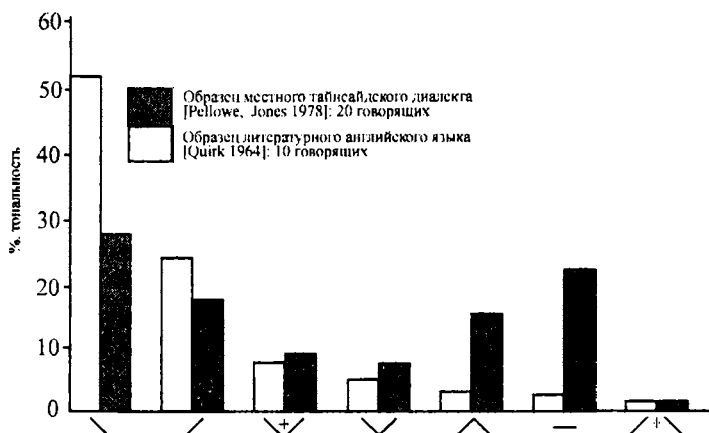
зависимости от пола адресата: их средняя основная частота ниже при «разговоре» с отцом, чем с матерью.

В ряде исследований (например [Sachs и др. 1973; Meditch 1975; Fichtelius и др. 1980]) была проанализирована способность взрослых экспертов идентифицировать пол ребенка по записанным образцам речи. Было обнаружено, что эксперты определяют половую принадлежность детей правильно и с наименьшей степенью случайности. Дальнейший анализ образцов детской речи показывает, что именно определенные модели **форманта** (formant) идентифицируют говорящих по полу. (Формант — это область концентрации энергии в спектре звука голоса, он отражает способ вибрации воздуха в голосовых путях ввиду изменения их формы; большинство звуков может быть описано на основе трех основных формантов.) «Ребенок вероятно обучается культурно детерминированным образцам, которые рассматриваются как соответствующие определенному полу. В пределах *своей* анатомии говорящий может изменять модель форманта, произнося гласные с фонетическими вариациями или изменяя конфигурацию губы [Sachs и др. 1973, 80]. Так, даже в возрасте, когда артикуляционные механизмы идентичны, девочки и мальчики учатся говорить соответствующим образом, то есть произнося форманты более высоким или более низким тоном.

Фичтелиус и его коллеги показали, что и взрослые, и детские эксперты могли бы по-прежнему определять пол ребенка, даже если бы записи были подвергнуты процессу, который воздействует на звук так, что слова и слоги индивида становятся неразличимыми, а ритм и интонации остаются отчетливыми. Детей старше по возрасту было легче идентифицировать, чем младших, так как с возрастом речь девочек и мальчиков становится *просодически* разной. Мальчики начинают использовать более быстрый темп, в то время как девочки используют широкий спектр интонационных моделей.

Овладение детьми *интонацией* также исследовалось Локал [Local 1982] и вошло в лингвистический обзор тайнсайдского языка. Возраст детей варьировал от 5 до 6 лет к моменту завершения исследования. Записанные на пленку фрагменты речи были взяты из крупного корпуса, собиравшегося около года. Взрослые на Тайнсаиде используют систему основного тона, которая существенно отличается частотой распределения от системы, используемой взрослыми носителями литературного английского языка. На диаграмме 7.2 представлены эти различия и

показано приблизительное процентное распределение каждого тона на примере двух информантов (носителя тайнсайдского языка и литературного английского языка). Обратите особое внимание на различия в относительной частоте нисходящего тона ($\searrow$), восходящее-нисходящего ($/ \searrow$), и ровного ($—$) между носителями тайнсайдского и литературного английского языка. Это явление отражает диалектные различия, которые позволяют по интонационной модели говорящего определить, что «он / она родом из Тайнсайда».

Диаграмма 7.2. Приблизительное процентное распределение тонов для двух информантов — носителя тайнсайдского и литературного английского языка [Local 1982, 89].

Локал показывает, как система тональности детей изменялась в течение исследуемого периода. Наиболее важным было изменение относительной частотности нисходящего, восходящего и ровного тонов детской речи. Далее отмечено *уменьшение* в частоте основного нисходящего тона и *увеличение* в частоте ровного тона детской речи за период эксперимента. Иными словами, в течение года в речи всех детей произошел сдвиг в направлении «взрослого» тайнсайдского английского языка. Однако относительная частота этих тонов не была одинаковой для всех детей, и Локал определила три различных модели.

Модель 1: Больше падений, чем повышений, и больше ровного тона, чем восходящего (Пауль, Питер, Джеймс, Колин, Роберт, Аллан).

Модель 2: Больше падений, чем повышений, и больше восходящего тона, чем ровного (Кит, Дерек, Кат, Юнис, Кейт, Джудит).

Модель 3: Больше повышений, чем падений, и больше восходящего тона, чем ровного (Клэр, Анжела, Шейла, Дженис, Элайн, Энн).

Модели показывают, что детская речь варьирует на основе пола говорящего. Модель 3 (больше восходящего, чем нисходящего и ровного тона) типична для речи девочек; модель 1 (нисходящий и ровный тон чаще, чем восходящий) типична для речи мальчиков, в то время как модель 2 неоднозначна и реализуется как в речи девочек, так и мальчиков. Модели 3 и 1 также встречаются и во взрослой речи Тайнсайда: женщины больше используют восходящий, чем нисходящий и ровный тон, а мужчины — нисходящий и ровный тон. Таким образом, анализ Локала показывает, что дети усваивают не только интонацию тайнсайдского языка, но также и интонацию, принятую для их пола.

Таблица 7.1

Половые различия в использовании [ɪŋ] [Fischer 1964, 484]

	[ɪŋ]	[ɪn]
Девочки	10	2
Мальчики	5	7

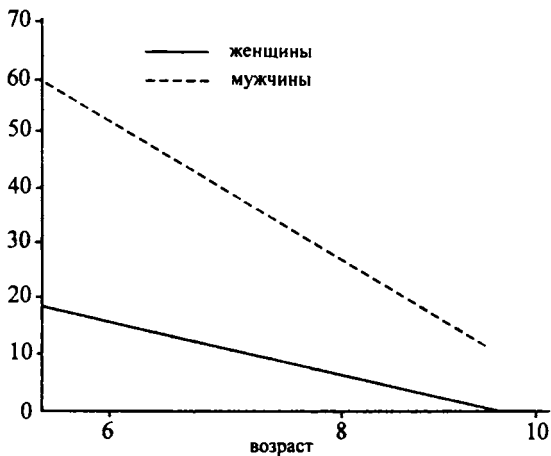
Исследования *фонологических изменений* в детской речи также подтверждает наличие различий по полу в языке с раннего возраста. В ходе изучения воспитания детей в пригороде местности Новой Англии Фишер [Fischer 1964] был поражен различиями между произношением девочек и мальчиков. Используя записи интервью двадцати четырех детей, он провел количественный анализ переменной [ɪŋ]. В этом сообществе [ɪŋ] имеет два варианта: литературный вариант [ɪŋ] и нелитературный вариант [ɪn]. Двадцать четыре ребенка составили две одинаковые возрастные группы (3—6 лет и 7—10 лет), в каждой из которых было равное число девочек и мальчиков. Анализ научных данных Фишера показал, что девочки использовали литературный вариант [ɪŋ] чаще, в то время как мальчики предпочитали нелитературный вариант [ɪn] (см. таблицу 7.1).

Эти различия статистически значимы. Вероятно, дети усвоили, что в их речевом сообществе [ɪŋ] — маркер женской речи и [ɪn] — маркер мужской речи.

Мы уже рассмотрели исследование детей начальной школы Эдинбурга (см. раздел 4.3.4) Ромэйн [Romaine 1978], в котором исследовательница выяснила, что пол говорящего оказался единственным и самым важным фактором, связанным с использованием фонологической переменной [r]. В обзоре половых различий в языке детей и подростков Ромэйн [Romaine 1984] сравнивает свои результаты исследования десятилетних детей Эдинбурга с результатами проведенных Макаулэем исследований десятилетних детей Глазго (работа Макаулэя по половым различиям среди *взрослых* Глазго рассматривалась в разделе 4.3.2). Хотя процедура подсчета данных, применяемая в двух исследованиях, несколько отличалась, результаты оказались очень схожи. И Ромэйн, и Макаулэй исследовали переменные [gs] (твердый приступ), [i], [au] и [a], встречающиеся в словах типа *butter*, *hit*, *house* и *bag*. В отношении всех этих переменных наблюдается четкая дифференциация по полу как в Эдинбурге, так и в Глазго (хотя для [a] в Глазго различия в показателях для девочек и мальчиков недостаточно велики, чтобы быть значимыми). Другими словами, по всем этим переменным девочки получили более низкий показатель, чем мальчики; низкие показатели девочек отражают менее частотное употребление нелитературных вариантов¹. Модель половой дифференциации, обнаруженная среди детей Эдинбурга и Глазго, совпадает с моделью, обнаруженной у взрослого населения: девочки проявляют устойчивую тенденцию к употреблению литературных форм, а мальчики предпочитают нелитературные варианты.

Вполне возможно, что эти выводы весьма недооценивают вариативность детской речи. Результаты, обсужденные здесь, касаются детей 10 лет. Дети становятся старше, переходят в среднюю школу, и процент использования ими нелитературных форм снижается, поэтому у десятилетних детей в среднем показатель ниже, чем у шестилетних. Анализ употребления переменной [au] в трех возрастных группах Эдинбурга позволяет установить снижение показателя, что несомненно свидетельствует об уменьшении использования нелитературного варианта [u:] (*hoos*) и увеличении употребления литературного варианта [au] (*house*).

В возрасте 6 лет различие в использовании [au] между мальчиками и девочками очень заметно — мальчики выбирают нелитературный вариант [u:] более чем в 50% случаев (то есть они имеют тенденцию говорить *hoos*, а не *house*). Девочки в 6 лет, напротив, используют нелитературный вариант менее чем в 20% случаев. Взрослея, как девочки, так и мальчики начинают использовать

Диаграмма 7.3. Процентное соотношение употребления нелитературного [u:] девочками и мальчиками трех возрастных групп Эдинбурга [Romaine 1984, 101].

меньше нелитературных вариантов, и различия между ними становятся менее заметны.

Ромэйн предполагает: что если эти цифры значимы, то они показывают рост способности детей к переключению кода (code-switch), то есть применению различных форм в различных контекстах. Автор отмечает: несмотря на то что когда дети подрастают, использование ими стигматизированных вариантов определенно снижается во время интервью, на игровых площадках дети по-прежнему употребляют их в разговоре. Таким образом, дети могут рассматриваться как овладевшие способностью к изменению стиля (они узнают, какие стили какому контексту соответствуют), а также как усвоившие речевое поведение, соответствующее их полу.

7.3.2. Различия в коммуникативной компетенции

До настоящего момента мы рассматривали исследования, показывающие, как дети овладевают формальными особенностями языка. Сейчас мы изучим, как дети осваивают полодифференцированную коммуникативную компетенцию. Мы рассмотрим научные работы по проблеме разговорчивости и пе-

ребиваний, вежливости, теме диалогов и по так называемому «женскому стилю».

Что касается разговорчивости, Смит и Коннолли [Smith and Connolly 1972] приходят к выводу, что девочки более болтливы и у них более быстрая речь. В возрасте до четырех лет они больше разговаривают со своими матерями и другим детьми, но после этого количественные различия исчезают. Это явление может быть результатом различных ожиданий со стороны родителей. Наша культура изначально предполагает, что девочки и женщины говорят больше, и ранние исследования в этой области, казалось бы, подтвердили на основе поверхностных критериев и небольшого количества примеров болтливость девочек дошкольного возраста. Однако, как мы уже видели в главе 6 (раздел 6.2.2), в работах по языку взрослых указывается, что в смешанной компании женщины говорят меньше, чем мужчины. Хаас [Haas 1978] проанализировала образцы речи девочек и мальчиков в смешанных группах в возрасте 4, 8 и 12 лет и выявила, что высказывания мальчиков длиннее. Это предполагает, что в смешанных группах девочки не говорят больше мальчиков — по сути, их поведение следует образцам взрослой речи. Возможно, беглость речи и болтливость маленьких девочек во время эксперимента явилась частично результатом социализации маленьких девочек — воспитании в них желания нравиться другим — в данном случае девочки хотели понравиться интервьюерам.

Исследования природы перебиваний и синхронной речи (наложения речевых отрезков) не выявило статистически значимых различий между девочками и мальчиками. Однако родители, несомненно, отличаются по этим двум параметрам. Грейф [Greif 1980] изучила шестнадцать детей, принадлежащих к среднему классу, в возрасте между 2 и 5 годами в беседе (1) с матерями и (2) с отцами. Ее результаты показывают, что отцы перебивали больше, чем матери (хотя это различие было не столь велико, чтобы иметь статистическую значимость), и что оба родителя перебивали девочек больше, чем мальчиков. Что касается синхронной речи (когда оба коммуниканта начинают говорить одновременно), то проявились следующие статистически значимые тенденции: родители были более, чем дети, склонны продолжать говорение; пары «отец — ребенок» более склонны к одновременному говорению, чем пары «мать — ребенок»; и, наконец, как отцы, так и матери оказались более склонными к одновременному говорению с дочерьми, нежели с сыновьями.

Как видно из вышеизложенного (раздел 6.2.1), перебивания и наложения речевых отрезков могут интерпретироваться как способ управления беседой. Представляется, что отцы больше стремятся к управлению беседой, чем матери (что соответствует результатам исследований бесед взрослых), а оба родителя пытаются больше контролировать разговор с дочерьми, чем с сыновьями. Девочкам в неявном виде дают понять, что их можно чаще перебивать и что у них меньше права на высказывание, чем у мальчиков.

Вежливость — это еще один параметр коммуникативной компетенции, где мы можем обнаружить половые различия (см. раздел 6.3). Исследование детского языка сосредоточилось на способах, с помощью которых родители обучают детей вежливому языку, например приветственным формулам и слову *спасибо*. Глисон [Gleason 1980] изучала родителей и детей в естественных и экспериментальных условиях. Ее интересовало, насколько естественно проходит обучение формулам вежливости. Она выявила, что родители очень настойчивы в желании обучить детей необходимым социальным реакциям, особенно таким словам, как *thank you*. Родители обращались и с девочками, и с мальчиками одинаково, но предлагали разные модели обучения: матери использовали гораздо более вежливую речь, чем отцы. Таким образом, хотя и девочек, и мальчиков принуждали к использованию вежливых форм, дети видели, что из взрослых именно женщины больше всего сами употребляли эти формулы. Одно значимое отличие, наблюдаемое среди детей, заключалось в том, что мальчики были больше склонны к спонтанному приветствию исследователя, чем девочки (41%:18%). Причина этого может также крыться в наблюдениях детей за поведением взрослых: в беседе мужчины имеют привычку брать инициативу в свои руки.

Вежливость — важный параметр речевого акта, выражающего просьбу. Просьба может варьировать от прямолинейного императива: *Give me a pound* (*Дайте мне фунт*) до более вежливого (благодаря учету потребностей «лица» адресата — см. раздел 6.3), *Would you lend me a pound?* (*Не могли бы Вы дать мне взаймы фунт?*).

Уолтерс [Walters 1981] наблюдал просьбы тридцати двух двуязычных детей в четырех различных контекстах. Он не нашел существенных различий в отношении пола говорящего, но пол адресата имел значимую корреляцию с вежливостью выражения просьбы. Дети в исследовании были более вежливы, когда адре-

сатом была женщина, и менее вежливы, когда адресатом был мужчина.

Основная функция модального выражения *I think* — выразить личную неуверенность или уважение. Используя *I think*, чтобы выразить уважение, снизить силу утверждения и таким образом привлечь во внимание потребности «лица» адресата, говорящие маркируют свою речь как более вежливую. Рассмотрим следующие примеры: *It's a beech tree I think* — *Это — буквое дерево, я думаю* (реплика матери, которая не соглашается с ребенком). В таком примере фраза *I think* смягчает силу отрицательной эмоции высказывания. В работе по усвоению детьми модальных выражений Перкинс [Perkins 1983] выявил, что выражение *I think* значительно чаще использовалось девочками (61,3%), чем мальчиками (38,7%). По мнению исследователя, данный вывод подтверждает идею о том, что девочки, усваивая коммуникативную компетенцию, учатся быть некатегоричными.

Немаловажному вопросу о существовании отдельного *женского стиля* посвящены две работы по исследованию детской речи. Это работы Хаас [Haas 1978] и Эдельски [Edelsky 1976]. Хаас [Haas 1978] проанализировала речь 4-, 8- и 12-летних детей в однополых и смешанных парах. При общении в однополых парах мальчики в основном говорили о спорте и о том, что где находится, в то время как девочки говорили больше о школе, о себе, своих желаниях и потребностях. Сравнение общения в смешанных парах, проведенное Хаас, также выявило различие, связанное с предметом обсуждения. Тема спорта главным образом ассоциировалась с мальчиками. Мальчикам также было свойственно использование звуковых эффектов (например, *brmm brmm, goes the car* — имитация шума, создаваемого движущимся автомобилем) и более прямых просьб. Девочки больше смеялись и использовали более короткие формы (например, *okay, that's a good idea* — *хорошо, хорошая идея*). Смех девочек был намного заметнее во время общения с мальчиками, нежели в общении между собой, — при беседе друг с другом они смеялись вдвое меньше. Хаас отмечает, что, видимо, мальчики были инициаторами шуток, а девичий смех был реакцией на них. Смех также может рассматриваться как отличительный признак, характеризующий поведение девочек, и, соответственно, больше проявляющийся во время общения с мальчиками. Как девочки, так и мальчики корректировали свое речевое поведение при общении в смешанных парах, но девочки больше приспосабливались к мальчикам, а не наоборот.

Дети усваивают не только соответствующее своему полу поведение, но также получают знания о наивно-лингвистических воззрениях нашего общества. В каком возрасте дети узнают, что, например, брань в нашей культуре считается «мужской» особенностью? Эдельски [Edelsky 1976] проверила это, отобрав двенадцать языковых переменных, традиционно приписываемых «женскому» или «мужскому» языкам и вставив их в высказывания, представила на рассмотрение экспертам: взрослым и детям. Экспертов попросили оценить каждое из высказываний как предположительно мужское, предположительно женское или предположительно нейтральное. Дети (в возрасте 7, 9 и 12 лет) продемонстрировали растущую способность к распознаванию определенных языковых форм как признака говорящего определенного пола. В 7 лет дети дали конкретный ответ только по двум переменным: *adorable* (восхитительный), по оценке информантов — женское слово, а *Damn it!* (Проклятье!) — мужское. В 9 лет дети расширили список до восьми переменных: *adorable, oh dear, my goodness, won't you please* (восхитительный, о дорогой, мое совершенство, не будете ли Вы любезны) относятся к женщине, а *Damn it!* (Проклятие!), *damn* (проклятый) + *прилагательное, I'll be damned* (Будь я проклят!) относятся к мужчине (расчлененные вопросы получают нейтральную оценку). В 12 лет дети распределили каждую из двенадцати переменных соответственно полу говорящего: расчлененные вопросы, *so, very, just* добавляются к женскому списку, а команды — к мужскому.

Мы можем видеть, что дети постепенно познают взрослые каноны общения и усваивают наивно-лингвистические представления нашего общества (Неважно, что некоторые из этих представлений являются неверными, — см. дискуссию в разделе 6.2). Эдельски проводит более тщательный анализ своих данных, чтобы показать две четкие модели усвоения. Переменные первой группы — *adorable, oh dear, my goodness, so, just* — (восхитительный, о дорогой, мое совершенство, так, только), расчлененные вопросы — показывают неуклонное повышение с возрастом количества людей, способных интерпретировать их как атрибут определенного пола. Переменные второй группы — *I'll be damned, damn* + *прилагательное, damnit, won't you please, very* — (Будь проклят, проклятый + прилагательное, проклятье, не будете ли вы любезны, очень), рассматриваемые как мужские, показывают другую модель: отмечается рост «правильных» ответов с пиком к

двенадцати годам и понижающийся к совершеннолетию. Представляется, что переменные второй группы характеризуют язык, который четко объясняется посредством пословиц или предупреждений. Выражения типа *Little girls don't say that — Маленькие девочки так не говорят* означает, что детей *обучают* некоторым языковым правилам, принятым для их пола. Что касается других особенностей детского языка, то если правило выучено, оно часто чрезмерно обобщается. Так, когда дети усваивают правило добавления окончания *-ed* к глаголам для образования формы прошедшего времени, они начинают образовывать формы типа *goed, eated, singed* (даже при том что ранее использовали правильные формы *went, ate, sang* — и конечно, впоследствии снова будут их использовать). Поэтому кажется, что дети чересчур обобщают правила половой специфики употребления языка и рассматривают такие различия как *обязательные (sex-exclusive)*, а не *предпочтительные (sex-preferential)* для того или другого пола. В результате им приходится изменять свои правила и подстраиваться под языковые нормы взрослых.

Вероятно, взаимодействие взрослых с девочками и мальчиками может в значительной степени находиться под влиянием *контекста*. В длительном изучении детей Бристоля Уэльс [Wells 1979] исследовал все диалоги, возникающие среди детей 3¼ лет, и классифицировал их в соответствии с инициатором разговора (взрослым или ребенком) и контекстом обсуждения (время приема пищи, телевизор, игра с другим ребенком и т. д.). 30% диалогов было инициировано взрослыми (обычно матерью). Их анализ выявил существенные различия в контексте, в котором взрослые обращались к девочкам или мальчикам. В таблице 7.2 представлены количественные данные исследования.

Эта таблица показывает, что более половины высказываний, обращенных к девочкам, касались просьбы о помощи или какого-либо неигрового контекста (отношение 2:1 по сравнению с мальчиками). Реплики, обращенные к мальчикам, напротив, были непосредственно связаны с ситуацией игры. «Это предполагает, что взрослые больше делают акцент на полезной и домашней деятельности в общении с девочками, тогда как контекст бесед с мальчиками направлен на более свободное исследовательское обращение с физическим окружением [Wells 1979, 392].

Таблица 7.2

Соотношение разговоров с девочками и мальчиками, инициаторами которых стали взрослые, в различных контекстах [Wells 1979, 391]

Контекст	Мальчики, %	Девочки, %
Помощь/ неигровая деятельность	56,8	28,8
Игра в одиночку	3,4	8,1
Разговор и чтение	19,0	22,5
Игра с взрослыми	5,2	18,1
Одевание, пища, туалет	12,1	14,4
Телевизор	0,9	5,4
Игра с другим ребенком	2,6	2,7
ОБЩЕЕ КОЛИЧЕСТВО:	100	100

7.4. Выводы

Как мы увидели, разнообразные исследования демонстрируют различия между мальчиками и девочками в широком диапазоне использования языковых форм. Из исследований явствует, что девочки приобретают языковые навыки значительно быстрее, чем мальчики (хотя это превосходство не настолько явно, как утверждалось ранее), и овладевают моделями, которые отличают их от мальчиков. В прошлом исследователи были уверены во врожденной биологической природе, лежащей в основе различий между полами, но в настоящий момент различия языкового употребления объясняются различиями языкового окружения девочек и мальчиков. Труды по развитию дифференцированной коммуникативной компетенции эксплицитно демонстрируют определяющую роль экстралингвистических факторов, а именно обстановки общения.

Язык — это важная часть процесса социализации, и дети в значительной степени посредством языка проходят процесс усвоения культурно детерминированных половых ролей. Стать мужчиной или женщиной в нашем обществе означает, среди всего прочего, научиться пользоваться языком, соответствующим полу говорящего. Обзор работ по усвоению детьми языка предполагает достижение социализации четырьмя способами.

1. Посредством эксплицитного объяснения некоторых аспектов языкового поведения (например, нецензурная лексика, табу, разговорчивость, вежливость).

2. При помощи взрослых, обеспечивающих детям различные языковые модели идентификации (см. также главы 4, 5 и 6).
3. При помощи взрослых, строящих общение с детьми разными способами в зависимости от пола ребенка (например, взрослые, вероятнее всего, будут перебивать девочек и больше сюсюкать в разговоре с маленькими девочками).
4. Посредством взрослых, находящихся под влиянием определенных стереотипов и предубеждений в отношении мальчиков и девочек (например, взрослые ожидают, что девочки будут более разговорчивы, чем мальчики).

Часто высказываются предположения, что детский язык может быть средоточием языкового изменения: то есть сравнение языка, усваиваемого детьми, с языком, используемым взрослыми в той же этнической группе и социальном классе и т. д., выявит языковое изменение, находящееся в процессе развития. Сейчас мы оставим исследование детского языка и усвоение различий, связанных с полом, и обратимся к изучению роли этих различий в процессе языкового изменения.

Примечание

1. Ромэйн и Макаулэй приняли за основу подсчета данных литературное произношение (RP) равное 0.

Глава 8

Роль половых различий в процессе изменения языка

8.1. Введение

Одним из лингвистических следствий половой дифференциации языка является языковое изменение. Несомненно, различия в языке мужчин и женщин всегда ассоциируются с изменениями в языке.

Лишь недавно лингвисты, занимающиеся изучением изменения языка, стали принимать во внимание социолингвистические факторы. Лингвисты традиционно предпочитали рассматривать язык как закрытую систему, которая может изучаться без обращения к «внешним» факторам. Иными словами, лингвистическое исследование до недавнего времени было замкнутым (асоциальным). «Младограмматики» — филологи-компаративисты девятнадцатого века — утверждали, что причиной изменения языка был двойственный механизм звукового изменения и аналогии. Звуковое изменение вносило изменения в систему, а аналогия, в свою очередь, вновь делала систему устойчивой. Напротив, функционалисты — лингвисты, рассматривающие понятие «функция» как центральное, — полагали, что изменение возникает по причине противоречивых требований необходимости коммуникативного общения и желания затрачивать как можно меньше усилий.

Самая поразительная вещь в этом споре — способ овеществления языка, то есть рассмотрение языка как вещи, функционирующей по своим законам. Язык, однако, не существует отдельно от пользователей языка, а речь не существует независимо от говорящих. Поэтому мы должны провести границу между языковым изменением, которое является изменением в системе языка,

и новаторством, которое описывает роль, выполняемую говорящими в инициировании языкового изменения (для обсуждения этого различия см. [Milroy and Milroy 1985]). Изучение языкового изменения имеет длинную историю, но наше понимание роли каждого носителя языка только начинает осознаться. Языковое изменение происходит в контексте языковой неоднородности. Языковое изменение существует во всех известных обществах: оно дифференцирует речь различных социальных групп (**социальная вариативность**), а также речь отдельного индивида в различных контекстах (**стилистическая вариативность**). Можно сказать, что языковое изменение имеет место там, где новая языковая форма, используемая определенной подгруппой в пределах речевого сообщества, заимствуется другими членами того сообщества и принимается как норма. Нам по-прежнему недостает понимания того, как взаимодействуют группы в пределах общества, но мы начинаем осознать, что языковая вариативность, характеризующая различие социальных групп, кардинально связана с возвышением и упадком языковых форм.

В книге мы сосредоточились на языковой вариативности, связанной с полом носителя языка. Социолингвистические исследования способствуют совершенствованию нашего понимания языковых изменений, и в настоящее время представляется, что половая дифференциация в речи играет важную роль в механизме языкового изменения. Говоря более точно, пол человека играет существенную роль в процессе инноваций: считается, что иногда женщины, а иногда мужчины образуют группу, которая, как правило, становится инициатором изменения. Эта дискуссия коррелирует с описанной ранее в разделе о диалектологии (3.5.1) полемикой о том, кто более консервативен в языке: мужчина или женщина. Мы вернемся к этой проблеме позже. В этой главе мы рассмотрим работы, доказывающие (или утверждающие, что делают это) связь между половыми различиями в языке и языковым изменением. Сначала мы обратимся к раннему (диалектологическому) исследованию, а затем более подробно — к некоторым недавним социолингвистическим исследованиям. В последнем разделе мы вернемся к трудам, которые обсуждались в четвертой и пятой главах.

8.2. Научные данные диалектологии

Диалектологи занимались изучением языкового изменения в исследуемых ими сообществах, иногда рассматривая

изменения моделей билингвизма, иногда изменения лексикона или произношения в пределах языковой системы. Еще с тех пор когда они стремились описать сельские диалекты прежде чем они исчезнут, они осознавали наличие языкового изменения, а их комментарии относительно социального фона таких изменений представляют большой интерес.

Огюст Брюн, специалист по языку, известному как провансальский, изучает условные роли провансальского и французского языков в одном отдельно взятом сообществе [Brun 1946]. Он замечает, что люди среднего возраста (старше 50 лет), так же как и более молодые мужчины, говорят главным образом на провансальском, но женщины до 45 лет в основном говорят на французском языке. Он утверждает, что молодые женщины совсем не используют провансальский язык ни в общении между собой ('je n'ai jamais entendu une phrase de provençal dans une groupe de jeunes filles ou de jeunes femmes'), ни в разговоре со своими детьми, они только иногда говорят на провансальском языке с пожилыми людьми. В результате дети обоих полов говорят по-французски и не общаются на провансальском языке ни друг с другом, ни со взрослыми (Brun, цит. по [Pop 1950, 281]). Если наблюдения Брюна точны, мы увидим, что на протяжении трех поколений это сообщество переходило от билингвальной модели с преимущественным использованием провансальского языка к билингвальной модели с преобладанием французского языка и быстрым снижением употребления провансальского языка. Женщины представлены как решающий фактор этого процесса, так как именно они, а не мужчины, приняли французский язык как основной и именно они используют его в воспитании подрастающего поколения. Во всяком случае, различие между мужчинами и женщинами в использовании языка является решающим фактором языкового изменения, рассмотренного здесь.

Исследования Пи [Pée 1946] по изменению языкового употребления во Фландрии интересно тем, что ученому удалось показать фон описываемых изменений. Старшее поколение, согласно Пи, говорит на пату (patois — разновидность фламандского языка). Исследователь выявил, что женщины являются лучшими информантами из-за их низкой мобильности. Они почти не покидали свою деревню и поэтому мало контактировали с носителями других вариантов языка. Но Первая мировая война повысила уровень жизни многих крестьян; некоторые из них отправили своих дочерей во французские школы-интернаты. Эти девоч-

ки стали «francisees» (офранцуженные / франкофилы) и по возвращении домой настаивали на общении на французском языке вместо фламандского. Только те, кто работал на земле, вновь вернулись к общению на фламандском языке. Пи сообщает, что в Массе вернувшиеся из школ-интернатов девочки просили о проведении проповеди на французском языке, по крайней мере, в воскресенье. Безусловно, девочки в этом сообществе стали инициаторами изменений, и под их влиянием равновесие между фламандским и французским языками нарушилось.

Жильерон, изучая монолингвальное французское сообщество, дает объяснения изменениям, происходящим в словарном составе языка. Он цитирует крестьянина из Торгона: «В прошлом жилую комнату мы называли *le pailé*, теперь называем ее *la tsābra*, а моя жена, которая хочет быть более благородной, чем мы, называет ее *Kabiné*»¹. Это наблюдение одного из информантов Жильерона раскрывает три ступени лингвистической эволюции лексической единицы: устаревшая форма (архаизм) — *pailé*, современная форма — *tsābra* и новая продвинутая форма — *Kabiné*. И снова именно женщины вводят новшества, используя самую продвинутую форму (как полагает крестьянин, по причинам социального статуса).

Гоша в изучении [Gauchat 1905] диалекта шармэ [charmey], отдаленной деревни в Швейцарии, отмечает высокую чувствительность к социальному контексту, в котором происходит языковая эволюция. Исследователь заметил, что пожилые жители деревни использовали формы, с точки зрения фонетики более старые, чем те, которые начинали появляться в речи молодых людей. Он отметил, что среди людей одного возраста произношение женщин было более совершенным. Другими словами, в языке сообщества были выявлены как половые, так и возрастные различия (ученый выбрал именно эту деревню, считая, что она не затронута языковым изменением!). Гоша утверждает, что изменения во французском языке произошли из-за женской склонности к инновациям ('les femmes accueilliaient... avec empressement toute nouveauté linguistique') и что женщины, благодаря своей роли матери, распространяют эти изменения: «Если женщина вводит новшество, то оно входит в язык молодежи именно из ее речи, из-за того что дети имеют тенденцию следовать примеру своей матери»². Как показывает отрывок, Гоша был одним из тех диалектологов, кто верил, что женщины являются скорее новаторской, чем консервативной силой. Это, безуслов-

но, является логическим продолжением позиции, согласно которой женщина в своей первоначальной роли — заботе о детях — инициирует языковые изменения. Мы продолжим обсуждение этого аргумента в разделе 8.4.

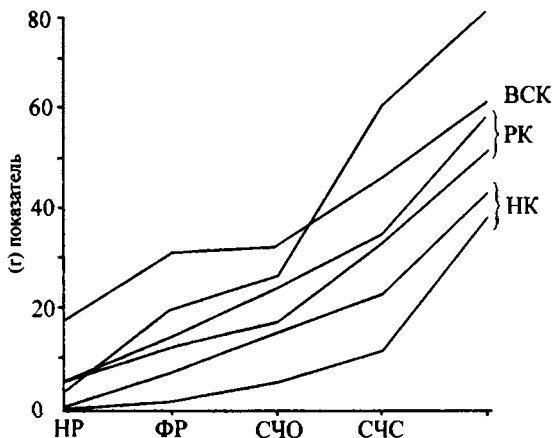
Как показывают четыре примера из диалектологии, женщинам часто отводят решающую роль во введении и дальнейшем распространении языкового изменения. Однако, как покажут последующие социолингвистические примеры, это объяснение является чрезвычайно упрощенным, так как некоторые инновации определенно связаны с мужчиной, а не с женщиной.

8.3. Социолингвистические исследования, демонстрирующие развитие языкового изменения

Лингвисты привыкли считать, что языковое изменение является трудноуловимым феноменом (тем, что невозможно изучить): «такое наблюдение... непостижимо» [Блумфилд 1933, 347]. Такое неправильное представление частично явилось результатом того, что Фердинанд де Соссюр разделил лингвистические исследования на **синхронические** и **диахронические**. Синхронический аспект изучает язык в определенный отрезок времени, диахронический аспект рассматривает язык во времени, сравнивая его в разные периоды и наблюдая, как он изменяется. В то время изучение вариативности было прочно связано с диахронической лингвистикой. Только с появлением социолингвистики, а именно с работой Уильяма Лабова, лингвисты показали, что языковое изменение поддается анализу. Анализ синхронной вариативности языка при помощи количественных методов исследования способен обнаружить процесс развития изменений.

Самая известная диаграмма развития языкового изменения — это диаграмма Лабова об изменении звука [r] Нью-Йорка в позиции после гласного, которая представлена на рис. 8.1. Мы уже кратко обсудили ее в разделе 4.2.2. и вновь обратим внимание на пример гиперкорректности в нижнем слое среднего класса — очень низкий показатель употребления [r] в неподготовленной речи (Casual speech) с максимальным подъемом (выше, чем в верхнем слое среднего класса) в двух самых формальных стилях. По мнению Лабова, пересекающиеся линии, возникающие вследствие этого, являются типичным примером переменной,

претерпевающей изменение. «Гиперкорректное поведение нижнего слоя среднего класса рассматривается как индикатор синхронического развития языкового изменения» [Labov 1972a, 115].

Диаграмма 8.1. Социальная стратификация лингвистической переменной в процессе изменения — вокализированный [r] Нью-Йорка [Labov 1972a, 114].

В одной из ранних работ Лабов отразил доминирующую точку зрения о новаторской роли женщин. Он включил раздел «Роль женщин» в главу «Социальная основа языкового изменения» («The Social Setting of Linguistic change») [Labov 1972a, 301—304], в которой высказал мнение о немаловажной роли женщины в процессе языкового изменения. Однако позднее исследователь изменил свою позицию и сейчас утверждает, что процесс изменения стимулируется языковыми различиями между полами, а не связан с полом как таковым. Далее мы увидим, что последняя точка зрения гораздо лучше согласуется с его собственными данными.

Поэтому мы сначала рассмотрим работы самого Лабова, сделанные в этой области: анализ переменной [a] Нью-Йорка и изучение среднеязычных дифтонгов Мартас Виньярд. Затем мы еще раз рассмотрим исследования Ромэйн в Эдинбурге, Траджилла в Норвиче и Милрой в Белфасте (см. главы 4 и 5), на этот раз обращая особое внимание на взаимоотношения половых различий в языке и языковых изменений.

8.3.1. Нью-Йорк и Мартас Виньярд (Martha's Vineyard)

Многие из переменных, исследованных Лабовым в Нью-Йорке, находились в процессе изменения; исследователю удалось показать существенные различия в их употреблении представителями разных полов. Например, при анализе переменной [a]¹ (краткого гласного, как в словах *bag, ham, cab*) Лабов выявил, что произношение мужчин претерпевает небольшие изменения, варьируя между формальным и менее формальным контекстом, в то время как произношение женщин изменяется более существенно. Смена стиля была более характерна для женщин. К тому же именно женщины, а не мужчины использовали новые совершенные формы [i<:²] и [e<:²] в неподготовленной речи. Иначе говоря, женщины лидируют в произнесении этого гласного с восходящим тоном и таким образом выступают инициаторами изменения.

Очевидно, что языковые изменения Нью-Йорка ассоциируются непосредственно с женщинами. Однако в исследовании Мартас Виньярд (прибрежный остров штата Массачусетс) Лабов обнаружил пример того, что мужчины, а не женщины инициировали изменение. Обе переменные, исследованные Лабовым, были дифтонгами: [aw] как в *house* и [ay] как в *white* (дифтонги — это скольжение от одного гласного к другому). В этих двух дифтонгах первый элемент [a] становится в речи многих жителей острова среднеязычным подобно [ə]. Иначе говоря, [au] смещается по направлению к [əu], а [ai] к [əi].

Лабов провел интервью с 69 информантами, опросив только местных жителей и исключив туристов. Он понял, что островитяне не осознавали неустойчивого характера этих звуков, так как стилистические изменения не были обнаружены, — произношение дифтонгов было постоянным в разных стилях речи. Лабов установил, что среднеязычные варианты использовались главным образом мужчинами (особенно рыбаками) в возрасте между 31 и 45 годами на западном побережье острова, называемом Чилмарк (Chilmark). Возможно, рыбаки Чилмарка употребляли среднеязычные дифтонги в знак солидарности, и такое использование символизировало их отождествление с островом и его ценностями, а также говорило о негативном отношении к туристам.

В действительности эти среднеязычные дифтонги очень старые. Они представляют собой консервативные особенности речи рыбаков, которые в настоящий момент постепенно проникают в

речь других островитян. Иными словами, устаревшая форма, находившаяся на стадии исчезновения, теперь стала отличительной особенностью фонологии острова. Языковое изменение поменяло направление на противоположное.

Подобные количественные исследования показывают **изменение в синхронии**, то есть неустойчивое использование в определенной точке во времени. Обратившись к лингвистическому атласу Новой Англии и другим более ранним обзорам произношения этого региона, Лабов смог подтвердить, что это действительно **изменение в диахронии**. Как мы увидим, такая практика проверки результатов — сравнение их с более ранними историческими данными — общепризнанна в социолингвистическом исследовании, фиксирующем изменения в процессе развития.

Языковое изменение на острове Мартас Виньярд было инициировано группой мужчин — рыбаков Чилмарка. Речь рыбаков с ее среднеязычными дифтонгами рассматривалась как устаревшая, но на определенной ступени, когда чувство патриотизма усиливалось перед лицом вторжения «чужаков» (туристов), такая речь становилась символом принадлежности к острову и кореным жителям. Обратите внимание, что именно мужчины стали использовать среднеязычные дифтонги. Таким образом, изменение начинается с мужчин и распространяется мужчинами.

Нью-йоркский обзор Лабова ставит женщин в авангард языкового изменения, тогда как исследование развития языкового изменения на острове Мартас Виньярд показывает, что первоначально оно возникло среди мужчин. Как мы увидим в следующих частях, эти два противоположных примера встречаются и в других работах по развитию языкового изменения.

8.3.2. Эдинбург

Мы уже описали результаты исследования звука [r] в поствокальной позиции, проведенного Ромэйн в Эдинбурге (раздел 4.3.4). Несоответствия в возрасте, стиле, а также различия между полами в употреблении этой переменной привели ее к мысли о наличии языкового изменения. Особенно важно, что исследовательница подтвердила, что отсутствие [r], ранее не зафиксированное, сейчас является характерной чертой эдинбургской речи.

В разделе 4.3.4 мы видели, что пол говорящего был единственным и самым важным фактором, имеющим связь с исполь-

зованием звука [r] в позиции после гласного. Диаграмма (8.2), иллюстрирующая особенности речи говорящих мужского и женского пола, представлена еще раз, чтобы обратить внимание на разницу в показателях для трех вариантов [r], [ɹ] и Ø. Мальчики более устойчиво используют альвеолярный вариант [r], чем девочки, а также склонны совсем опускать этот звук.

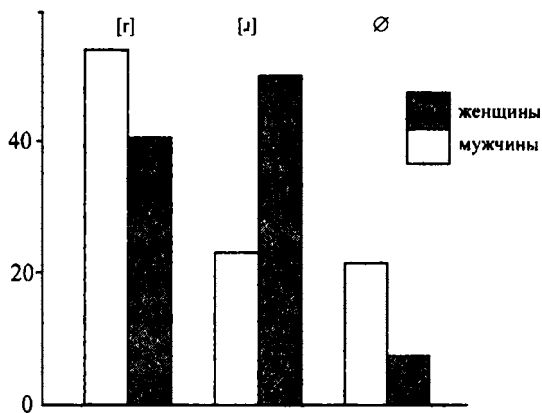

Диаграмма 8.2. Различия в использовании переменной [r] Эдинбурга [Romaine 1978, 150].

Девочки, наоборот, предпочитают щелевой фрикативный согласный звук и избегают опускать его в речи. Обратите внимание на пересекающиеся линии, которые указывают на развитие языкового изменения (см. рис 8.1). Модель дифференцирования стиля отличается от результатов других переменных, изученных Ромэйн в Эдинбурге. Употребление щелевого фрикативного согласного звука [ɹ] и нулевого варианта произнесения Ø повышается в параметре «Стиль чтения отрывка текста» (Reading Passage Style) (более формальный стиль). Предполагается, что, хотя стилевое колебание [r] не столь велико, в сообществе существует мнение о непрестижности варианта [r] и о престижности щелевого фрикативного согласного звука [ɹ] и Ø.

В своих ранних работах Ромэйн исследовала употребление [r] в речи шотландцев. Уильямс [Williams 1912] и Грант [Grant 1914] представили подробное описание произношения [r] на пороге нового века. Они зафиксировали, что звук [r] обычно произносился как дрожащий согласный звук [r], иногда сокращаясь до одноударного произнесения [r].

Щелевой фрикативный согласный звук [ɹ] также был зафиксирован, но считается, что наиболее употребительным был дрожащий звук [r] как социально предпочтительная форма. Результаты исследований Ромэйн показывают, что характер произнесения [r] на конце слова по-прежнему неустойчив и что в настоящее время отмечается изменение, выраженное в отсутствии произнесения звука [r].

Ромэйн утверждает, что изменение происходит двумя способами. Во-первых, это утрата звука [r] в позиции после гласного, то есть его отсутствие. Ø иницируется молодыми представителями рабочего класса одной отдельной части города. Это мужчины. Другая инновация — использование женщинами из рабочего класса щелевого фрикативного согласного звука [ɹ]. Этот вариант в течение долгого времени ассоциировался с речью среднего класса Шотландии, особенно с речью женщин. Девочки в исследовании Ромэйн подражают престижной местной норме и тем самым вводят характерные черты речи среднего класса в речь представителей рабочего класса.

8.3.3. Норвич

Некоторые из переменных, исследованных Траджиллом в Норвиче, показали несоответствия классовой или стилевой вариативности, что говорит о наличии изменения. Мы рассмотрим две переменные, которые затрагивают как половое, так и классовое и стилевое варьирование.

Переменная [e] демонстрирует очень необычный пример классового разделения, как показано на графике 8.3. Показатель индекса определяет степень среднеязычности гласного звука в словах типа *tell*, *well*, *better*. Отметка 200 выражает общепринятое и устойчивое произношение [e]; отметка 0 — отклонение от произносительной нормы [ʌ]⁴. Заострим внимание на двух моментах. Во-первых, по параметру «Случайный стиль» у группы верхнего слоя рабочего класса показатель был ниже, чем у других групп рабочего класса, то есть верхний слой рабочего класса больше использовал нелитературный среднеязычный вариант. Во вторых, во всех стилях группы верхнего и среднего слоев рабочего класса использовали нелитературный вариант чаще, чем нижний слой рабочего класса. Итак, разделение среднего класса и рабочего класса в целом понятно, но стратификация в пределах

слоев рабочего класса представлена «вверх тормашками»: верхний слой рабочего класса показывает самый высокий показатель употребления нелитературных вариантов.

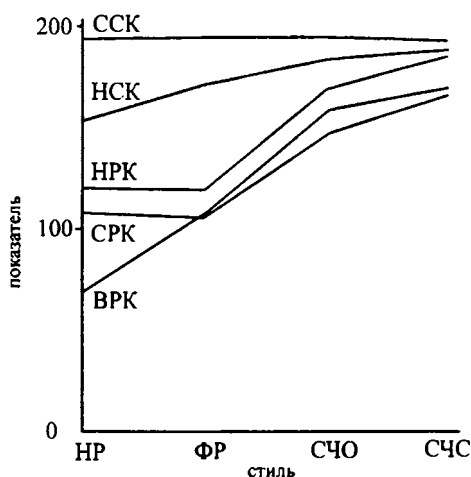

Диаграмма 8.3. Социальная стратификации в употреблении звука [e] в Норвиче [Trudgill 1974a, 105].

Траджилл замечает, что среднеязычный характер произнесения [e] увеличивается в Норвиче, и это изменение вносится верхним слоем рабочего класса. Он обращает внимание на то, что использование среднеязычных вариантов связано не только с верхним слоем рабочего класса, но также и с *мужчинами* в возрасте до тридцати лет. Показатели у молодых людей были значительно ниже, чем у пожилых, а показатели у мужчин — ниже, чем у женщин. В самой молодой возрастной группе (10—19), изученной Траджиллом, мужчины и женщины существенно отличались: средний показатель у молодых мужчин был 0, что указывало на последовательное использование среднеязычного гласного звука.

Обобщив эти результаты, можно заключить, что переменная [e] в Норвиче находится в процессе изменения, которое проявляется в отклоняющейся модели классовой стратификации, а изменение, в частности, вносится молодыми *мужчинами* верхнего слоя рабочего класса.

Переменная [o] — гласная, встречающаяся в таких словах, как *top, fog, lorry*, — также претерпевает изменение. На диаграмме 8.4 представлены результаты классового, полового и стилового из-

менения: показатель выражает степень лабиализации в произношении гласного звука [o]. Отметка 100 представляет литературный вариант произношения [ɒ]; отметка 0 — нелитературный вариант произношения [ɔ]¹.

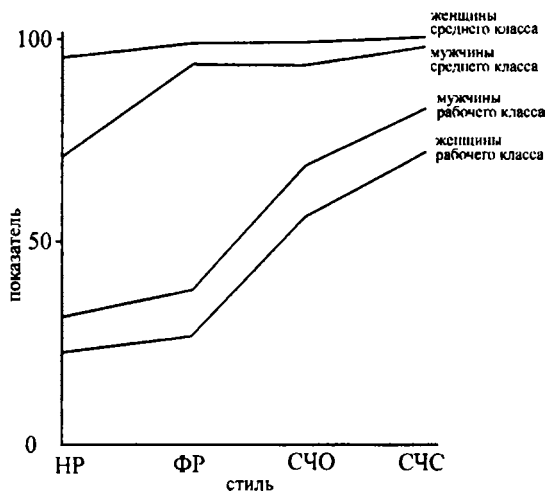

Диаграмма 8.4. Стратификация звука [o] по социальному классу и полу в Норвиче [Trudgill 1974, 189].

Диаграмма отражает поразительную нерегулярность в стратификации говорящих. Женщины, относящиеся к среднему классу, практически постоянно используют литературное произношение звука [o]; во всех стилях их показатели выше, чем у мужчин этого же класса. Женщины из рабочего класса, наоборот, имеют показатель *ниже*, чем у мужчин этой же классовой принадлежности; во всех стилях диаграмма показывает высокий процент употребления нелитературного произношения [a] женщинами из рабочего класса. Как можно объяснить этот нетипичный пример? Сравним его с ожидаемым образцом на диаграмме 4.5. Представляется, что *мужчины* рабочего класса под воздействием местной суффолкской речи вводят произношение звука [ɒ], имитируя речь рабочего класса Суффолка (в речи Норфолка традиционно использовался нелабиализованный гласный звук [a]). Случается, что изменение совпадает с литературной языковой нормой, главным образом используемой *женщинами* среднего класса. Таким образом, женщины среднего класса приспособляются к пре-

стижной форме, а женщины из рабочего класса приспособляются к устаревшей просторечной форме; однако мужчины рабочего класса вводят новую просторечную норму. Совпадение суффолкской просторечной формы с престижной означает близость показателей мужчин из рабочего класса к показателям среднего класса. На примере этой переменной показана неправильность модели половой дифференциации, что сигнализирует о процессе изменения.

8.3.4. Белфаст

Несколько переменных, изученных Милроями в районах Белфаста, находятся в процессе изменения. Мы рассмотрим только две из них — [ɛ] и [a] — ввиду того, что языковое изменение в обоих случаях связано с различным употреблением мужчинами и женщинами.

Переменная [ɛ] возникает в таких словах, как *step*, *peck*, *bet* и имеет варианты произношения от [a] до [ɛ]. Переменная испытывает подъем в произнесении, и этот новый престижный вариант [ɛ] с высоким подъемом произнесения вводят именно женщины, особенно молодые. График 8.5 показывает дистрибуцию [ɛ] в «закрытом» (short) фонетическом окружении, там, где гласный сопровождается глухими согласными звуками [p, t, k].

Обратите внимание на эксплицитную половую дифференциацию в использовании этой переменной, которая особенно заметна в Баллимакаретте. Для многих мужчин низкий краткий гласный звук низкого подъема [a] или [æ] является основным в позиции перед глухим согласным звуком. Мужчины как старшего, так и младшего возраста в Баллимакаретте имеют показатель 100, то есть постоянно используют краткий гласный звук низкого подъема.

Молодые женщины всех трех сообществ имеют показатель значительно более низкий, чем мужчины, что отражает их предпочтения к вариантам высокого подъема произнесения. Милрой, проведя сравнения с более ранними исследованиями, приходят к выводу, что подъем [ɛ] — это диахроническое изменение. Женщины молодого возраста иницируют изменение и вводят новый престижный вариант в центральные районы Белфаста.

Переменная [a] также претерпевает изменения, но в этом случае модель изменения иная. Процесс изменения звука [a] состоит в том, что он становится заднеязычным. Заднеязычные варианты

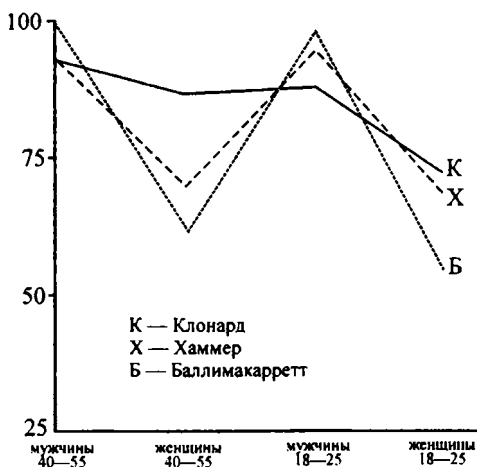

Диаграмма 8.5. Дистрибуция звука [ɛ] по полу, возрасту и территории в Белфасте [Milroy and Milroy 1978, 30].

типичны для жителей Баллимакарретта, особенно для *мужчин*. Другими словами, вероятнее всего, мужчины, а не женщины произнесут слово *теп* как [тэ.эп]. На диаграмме 8.6 представлена дистрибуция [а] в трех сообществах.

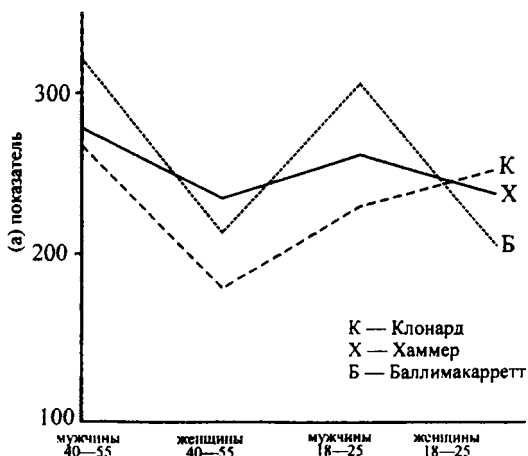

Диаграмма 8.6. Дистрибуция звука [а] по возрасту, полу и территории в Белфасте [Milroy 1980, 124].

Данные Милроев позволяют проследить, как изменяется модель произнесения заднеязычного звука [a], вводимого в речь рабочего класса мужчинами Баллимакарретта (обратите внимание, что Баллимакарретт — стабильное и престижное сообщество). Далее этот новый разговорный вариант перенимается подгруппой молодых женщин Клонарда. На графике 8.6 у молодых женщин Клонарда показатель выше, чем у молодых мужчин этого же сообщества, и выше, чем у молодых женщин Баллимакарретта. Это приводит к пересечению линий, что типично для языкового изменения, находящегося в процессе развития. Затем молодые женщины Клонарда привносят вариант [a], заимствованный у социально более высокого сообщества, в свое собственное. (В Белфасте протестанты имеют социально более высокий ранг, чем католики.) Заднеязычный звук [a] распространяется с запада на восток Белфаста от социально более высоких групп к более низким группам рабочего класса.

Проанализировав ранние исследования произношения в Белфасте [Patterson 1860], Милрой установили, что звук [a] не был заднеязычным в 1860 г. Таким образом, мы располагаем научным подтверждением того, что языковое изменение происходит как в диахронном, так и синхронном времени, и вновь обнаруживаем, что рассматриваемая переменная дифференцируется по полу. Видимо, заднеязычный звук [a] имеет статус просторечной нормы и свойственен говорящим, принадлежащим к сплоченным группам рабочего класса; молодые женщины Клонарда, как и мужчины Баллимакарретта принадлежат к плотным и мультиплексным сетям. В то время как безработица в Хаммере повлекла за собой нарушение сетей и соответствующее стирание половых различий, безработица мужчин в Клонарде привела к тому, что молодые женщины стали искать работу, трудиться сообща и способствовать развитию модели социального взаимодействия, схожей с традиционной моделью мужчин из рабочего класса. Изменение социальной модели привело к изменению языковой модели клонардского сообщества, в которой молодые женщины выступали в роли новаторов. Как мы можем видеть, изменения в структуре сети могут быть важным социальным механизмом языкового изменения.

Мы описали две переменные, находящиеся в процессе изменения в центральных районах Белфаста. Престижные варианты [ε] высокого подъема произнесения вводятся в речь Белфаста молодыми женщинами, тогда как заднеязычный вариант [a] —

мужчинами Баллимакарретта, и затем эта новая просторечная норма перенимается молодыми женщинами Клонарда.

8.4. Половая дифференциация и языковое изменение

В диалектологических исследованиях (см. раздел 8.2), женщины представлены как новаторы, а в социолингвистических исследованиях (см. раздел 8.3) роль инициаторов языкового изменения отводится как женщинам, так и мужчинам. Чтобы осмыслить эти две модели, в одной из которых новаторы женщины, а в другой — мужчины, нам необходимо разграничить осознанные и неосознанные изменения, или по определению Лабова, «изменения сверху» и «изменения снизу» [Лабов 1972a]. Есть определенные языковые изменения, которые осознаются и активно поддерживаются говорящими: изменения такого плана принято ассоциировать со средним классом. Есть и другие изменения, которые проходят ниже уровня общественного осознания: их в основном связывают с рабочим классом. Считается, что женщины вводят общественно осознаваемые изменения: они приближаются к престижным нормам. Напротив, изменения, которые вводятся мужчинами, рассматриваются как изменения, происходящие ниже уровня общественного осознания: такие изменения удаляются от общепринятых норм.

Сдвиг к среднеязычным дифтонгам на острове Мартас Виньярд представляет собой типичный пример социально неосознанного изменения. По Лабову, жители Мартас Виньярд не осознают эту особенность своего языка. В результате исследователь не обнаружил никакого смещения стиля, связанного с дифтонгами; говорящие не контролируют эту особенность своей речи и, следовательно, их произношение остается одинаковым независимо от контекста. Как мы видели, именно *мужчины* (неосознанно) иницируют это изменение и способствуют его распространению в местном языке.

Исследования Лабова в Нью-Йорке выявили несколько социально осознаваемых переменных. На диаграмме 8.1 вокализованный звук [r] представляет очень яркий пример такого изменения. Обратите внимание на крутой наклон кривой графика, характерный для всех групп: [r] является объектом явной смены стиля, со смещением от использования [r] в более низком стиле неподготовленной речи (Casual Speech) к использованию [r] в

более высоком стиле чтения списка слов (Word List Style) в низшем слое среднего класса. Переменная [a] (см. раздел 8.3.1) представляет еще один типичный пример осознаваемого изменения. В этом примере именно женщины обнаруживают осознанность в употреблении этого варианта: стиль смещается в широком диапазоне.

В Белфасте женщины вводят новый престижный вариант [ε], в то время как мужчины ответственны за введение новой просторечной нормы — заднеязычного звука [a] в рабочие районы города. И в Норвиче, и в Эдинбурге изменения происходят по двум направлениям: женщины вводят новые престижные формы, а мужчины уходят от употребления престижных форм. В Норвиче, как мы видели, сельская суффолкская просторечная норма, принимаемая мужчинами из рабочего класса в качестве модели, совпадает с общепринятой нормой, под которую подстраиваются женщины. Это случайное совпадение изменения от низкого к высшему означает, что сдвиг к лабиализованному гласному (то есть [ɔ] вместо традиционного [a] Норвича) имеет шанс на успех. В Эдинбурге изменения вносятся двумя группами по двум различным направлениям, которые ведут к сложной модели, показанной на диаграмме 8.2. Интересно проследить, какой вариант обретет больший престиж в будущем: женский щелевой фриктивный вариант согласного звука [ɹ] или мужской вариант отсутствия произнесения звука Ø. Вариант девочек имеет высокий престиж в Шотландии, особенно в образованных кругах. Однако, предпочитаемый мальчиками вариант — новшество, которое ранее не было зафиксировано в Эдинбурге, — иногда совпадает с английским литературным языком, что может сказаться, в частности, на звуковом изменении.

Многие социолингвисты утверждают, что языковое изменение связано с женщинами, особенно с представительницами низшего слоя среднего класса. Эти лингвисты также придерживаются мнения, что именно женщины как матери, воспитывая подрастающее поколение, способствуют языковому изменению. Данные, представленные в этой главе, обнаруживают более сложную модель. Вероятно, некоторые изменения действительно привносятся женщинами. Изменения такого характера ведут к престижным нормам, а модели смены стиля доказывают социальную осознанность изменений. Однако некоторые языковые изменения иницируются мужчинами, часто представителями рабочего класса. Эти изменения, как правило, далеки от престижной нормы и остаются социально неосознанными.

Что касается мнения о решающей роли женщины как матери во введении инноваций, оно представляется необоснованным ввиду недостаточности научных фактов. Во-первых, когда мужчины выступают в качестве новаторов, разве именно они благодаря своей роли отцов распространяют изменения? Конечно, нет. Во-вторых, наши знания о носителях языка и их речевом поведении показывают, что скорее ровесники (peers), а не родители оказывают влияние на говорящих: изменение возникает, когда говорящие подстраиваются к речи той группы, с которой они желали бы себя идентифицировать.

Как можно интерпретировать две модели изменения, описанные выше? Считается, что женщины более чувствительны к престижным нормам, обеспечивающим социальный статус (будь то престижный литературный английский язык или группа более высокого социального положения, как в случае с молодыми женщинами Клонарда, подражающими престижному языку сообщества Баллимакарретт), тогда как мужчины более восприимчивы к просторечным нормам, что говорит о солидарности и ценностях, традиционно связанных с мужественностью. Два фактора, которыми в прошлом «объясняли» женское речевое поведение, — это чувствительность и консерватизм. (Обратите внимание, что язык мужчин был взят как данность и поэтому не нуждался в объяснении.) Как мы видели, и женщины и мужчины лингвистически чувствительны, но к разным моделям. Консерватизм женщин всего лишь обратная сторона инноваций мужчин: когда мужчины вводят изменения, женщины могут быть описаны как консерваторы, так как они сохраняют более старые формы. И наоборот, когда женщины вводят изменение, мужчины могут быть описаны как консерваторы (хотя консерватизм не часто приписывается мужчинам за исключением работ диалектологов-традиционалистов). Консерватизм и чувствительность — две стороны одной монеты, и ни один из полов не располагает монополией на какую-либо из них.

Идея о том, что только женщины среднего класса вводят новшества, не кажется обоснованной, когда мы изучаем речь девочек из рабочего класса Эдинбурга, которые вводят щелевой фрикативный согласный звук [ɹ], и молодых женщин Клонарда в Белфасте, которые направляют изменение к заднеязычному варианту [a] в сообществе. Возможно, это происходит из-за изменения структуры общества. Лесли Милрой отмечает, что использование просторечных норм связано с причастностью к плотным, мультиплексным социальным сетям. В традиционных ра-

бочих сообществах именно мужчины принадлежали к таким селям, и именно их речь наиболее близка к просторечной форме. Представляется, что в настоящее время с ростом безработицы и изменениями гендерных ролей молодые женщины применяют просторечие более последовательно, заимствуя более «мужской» стиль жизни и соответственно становясь членами плотных социальных сетей.

Как отмечалось выше, языковое изменение может иметь место только в контексте языковой вариативности, а языковая вариативность является лишь отражением социальной вариативности. Общества могут всячески изменяться, но мужские и женские роли определенным образом разграничены во всех известных объединениях людей. Неудивительно поэтому, что языковая вариативность, вытекающая из социально сконструированных различий между женщинами и мужчинами, оказывается значимой в поддержании процесса лингвистической эволюции.

Завершая, отметим: неверно отводить роль новаторов языкового изменения представителям одного из полов. Как мы видели, некоторые лингвистические изменения вводятся женщинами, а некоторые — мужчинами. Однако правильным будет сказать, что различия мужчин и женщин в языке, видимо, глубоко вовлечены в механизм лингвистических изменений. В этой связи изучение изменений языка может только выиграть от растущего интереса к социолингвистическому анализу половой дифференциации речи.

Примечания

1. «Autrefois la chambre où nous sommes, on la nommait le *pailé*, maintenant nous l'appelons la *tsābra*, et ma femme, qui veut être plus fine que nous, la nomme *kabiné*» (Gillieron 1880, цит. по [Pop 1950, 180]).
2. Une fois que la femme a accepté l'innovation, c'est de son langage que celle-ci passera dans le langage de la jeunesse, parce que les enfants suivent plutôt l'exemple des femmes» [Gauchat 1905, 218], цит. по [Pop 1950, 194].
3. Лабов обозначает эту переменную (eh).
4. Траджилл же фактически строит свою систему показателей в обратном направлении: у него самый высокий показатель представляет последовательное нелитературное произношение, а 0 представляет литературную форму. В целях единообразия эксперимента в этой книге (см. главу 4) все показатели, демонстрирующие социальную стратификацию, представлены одним способом.
5. См. сноску 4.

Глава 9

Социальные следствия половых различий языка

9.1. Введение

В этой главе исследуются не лингвистические, а социальные следствия языковых различий, в основе которых находится пол человека. В начале этой главы проблема коммуникативных неудач между женщинами и мужчинами будет осмыслена в свете современного знания о моделях взаимодействия; затем будет обсуждаться вопрос ущемленного положения в контексте различного речевого поведения девочек и мальчиков в школьной обстановке. Исследования коммуникативной компетенции в общении взрослых людей обнаруживают тенденцию рассматривать половые различия в языке как данность и обращать внимание на определенные аспекты диалогового взаимодействия, где коммуникация между женщинами и мужчинами может оборваться. Труды по изучению общения в школе, напротив, демонстрируют тенденцию к критике общественного давления, которая и становится причиной половых различий в языке. Многие исследователи полагают, что девочкам не удастся реализовать свой потенциал в школе и что язык является одним из факторов, способствующих этому, и поэтому они не могут занять отличную-но-равную (*different-but-equal*) позицию.

9.2. Коммуникативные неудачи между мужчинами и женщинами

Как мы видели в шестой главе (раздел 6.5), существуют весомые научные подтверждения того, что модели взаимо-

действия, типичные для всех групп женщин, отличаются от моделей, типичных для мужских групп¹. Прежде чем назвать аспекты потенциальных коммуникативных неудач, я обобщу эти научные факты. В общении между собой женщины часто могут обсуждать одну и ту же тему в течение получаса или даже больше; они делятся информацией о себе, много говорят о своих чувствах и взаимоотношениях. Мужчины же, напротив, перепрыгивают с одной темы на другую, наперебой рассказывают анекдоты, которые вращаются вокруг тем превосходства и агрессии. Они редко говорят о себе, но стремятся доказать, что лучше всего ориентируются в текущих событиях, в теме путешествий и спорта и т. д. Мужские и женские группы также существенно отличаются в вопросе управления беседой. Женщины уважительно относятся друг к другу, соблюдают очередность в разговоре и извиняются за то, что слишком много говорят. Члены женских групп проявляют заинтересованность в участии каждого в разговоре и не поощряют доминирования. Мужчины же, наоборот, конкурируют за господство и через какое-то время устанавливают обоснованно устойчивую иерархию, где доминируют некоторые члены, а остальные говорят очень мало. Отдельные мужчины часто обращаются к целой группе (в среднем в 33% времени в экспериментальных группах [Aries 1976]), в то время как женщины делают это редко (6,5% времени в среднем), отдавая предпочтение межличностному стилю общения, включающему коммуникацию в парах².

Мальц и Боркер [Maltz and Borker 1982] проанализировали некоторые моменты, в которых эти различия могли вызвать коммуникативные неудачи при смешанном общении. Я рассмотрю семь областей проблемы, обсуждая их в свете более ранних дискуссий.

Значение вопросов

Вероятно, вопросы имеют различное значение для женщин и мужчин. В разделе 6.2.2 мы видели, что женщины употребляют больше вопросов, чем мужчины, — они используют их как часть общей стратегии для поддержания диалога. Вопросы — это речевые акты, которые требуют последующего речевого акта — ответа, поэтому употребление вопросов обеспечивает продолжение беседы. Представляется, что мужчины, напротив, считают вопросы обычным запросом информации. В этой связи мы имеем

столкновение прямого и косвенного способов: мужчины интерпретируют вопросы буквально, в то время как женщины рассматривают их как помощь в ходе беседы. Безусловно, данная область имеет основу для потенциальных коммуникативных неудач.

Связь между говорящими в беседе

Вступая в беседу, говорящий может признавать вклад предыдущего(их) говорящего(их) в ее развитие и продолжить тему, непосредственно связанную с тем, что было сказано до него. Считается, что женщины придерживаются именно этой модели. Мужчины же, наоборот, не считают себя обязанными соотносить свои слова с высказываниями собеседника и, напротив, вероятнее всего, проигнорируют то, что было сказано прежде, и сосредоточатся на представлении собственной точки зрения. В смешанном общении это означает, что женщины обидятся из-за того, что их высказывания игнорируют, а мужчины, не замечая ущемления прав женщин, будут навязывать игру по своим правилам.

Смена темы

Изменение темы разговора в общении мужчин носит скачкообразный характер, тогда как женщины обычно опираются на высказывания друг друга, поэтому темы в женской беседе развиваются последовательно и смена темы разговора происходит постепенно. Развитие и последовательность являются ключевыми понятиями в любом анализе женского дискурса, но они нерелевантны для понимания мужского общения.

Самораскрытие

Женщины склонны рассматривать разговор как возможность обсудить проблемы, поделиться опытом, приободрить и посоветовать. В этом отношении все женские беседы можно назвать терапевтическими. Для мужчин обсуждение личных проблем — нехарактерный компонент общения. Мужчины поэтому отвечают на откровенность собеседника так, как будто к ним обращаются за советом. При ответе они не выносят на обсуждение свои личные проблемы, но принимают на себя роль эксперта и дают совет, часто поучая собеседника(ов). В этом случае постанов-

ка проблемы имеет разное значение для женщин и мужчин и, соответственно, их речевые реакции при ответе отличаются.

Вербальная агрессия

Громкие и агрессивные доводы — особенность, свойственная речи мужских групп: они зачастую связаны с малозначимыми вопросами и ценны только для говорящих. Крик, брань, угрозы и оскорбления — составляющие вербальной агрессивности мужчин (некоторые из них зафиксированы — см., например исследование ритуальных оскорблений среди темнокожих подростков у Лабова [1972b]). Однако женщины стараются избежать открытого проявления агрессии в речи — они считают такие проявления неприятными и воспринимают их как адресованные лично им. Для женщин такие проявления означают разрушение беседы, тогда как для мужчин — это часть традиционной структуры разговора.

Перебивания

Перебивания — то есть говорение другого участника диалога во время высказывания предыдущего — являются нормальной частью ненапряженной неофициальной беседы между равноправными участниками. Женщины, слушая собеседника, часто вставляют ремарки, делают восторженные замечания, одновременно кивают и производят минимальные ответные реакции (*mhm, yeah*). Применительно к женской интеракции такое поведение не рассматривается как попытка помешать говорящему завершить свою реплику, а является свидетельством активного слушания. Что касается перебивания среди мужчин, то здесь, наоборот, преследуется цель захвата инициативы и поэтому перебивание воспринимается, как попытка лишить говорящего права на завершение высказывания. Как явствует из раздела 6.2.1, при смешанном общении перебивание женщин мужчинами приводит к молчанию женщин во время разговора.

Роль слушающего

В беседе участники играют две основные роли: говорящего и слушающего. Данные исследований женских групп показывают, что женщины высоко ценят роль слушающего. Они ис-

пользуют много минимальных ответных реакций; они не перебивают, чтобы помешать говорящему закончить реплику (см. выше); они активно побуждают собеседников к высказыванию. Представляется, что мужчины, напротив, строят беседу как соревнование, где цель состоит в том, чтобы получить право слова. Это означает, что их диалоговые стратегии включают попытку захвата очередности всякий раз, когда это возможно, и затем попытку удержать ее. Во всех группах мужчин это приводит к уже известной модели, где в беседе доминирует небольшая группа мужчин, а остальные говорят мало. Процесс слушания не оценивается мужчинами высоко. Эти два подхода к беседе при смешанном общении неизбежно приведут к столкновениям. Мужчины воспринимают поведение женщин как неспособность отстоять свое право говорить, а не как активное слушание; женщины же воспринимают поведение мужчин как нечувствительность к своему праву говорить и слушать (женщины часто жалуются, что мужчины пренебрегают их вкладом в разговор). Неудивительно, что, согласно научным данным, в смешанном общении женщины говорят меньше, выступая инициаторами примерно одной трети всех разговоров.

Эти сферы потенциальных коммуникативных неудач возникают непосредственно из разных в целом стилей ведения диалога мужчинами и женщинами. Женщины склонны к организации **сотрудничающего** стиля общения, тогда как мужчины имеют тенденцию строить свой разговор **соревновательно**. Различные способы организации влекут за собой различные диалоговые правила. В частности, женщины и мужчины различаются в своих ожиданиях того, что составляет типичный компонент диалога, как диалог должен развиваться, насколько важно уважать право собеседника на завершение высказывания и как важна активная поддержка говорящего. В смешанном общении женщины, очевидно, прикладывают больше усилий, чем мужчины, для поддержания и гладкого протекания беседы.

Иногда непонимание, возникающее в беседе между мужчинами и женщинами, рассматривается как заслуживающее внимания столкновение стилей [Maltz and Borker 1982]. Но можно утверждать, что компетентность в другом (отличном от мужского) стиле ставит женщин в невыгодное положение при общении с мужчинами. В смешанном общении женщины предпринимают больше интерактивных действий, поддерживая предложенные другими собеседникам темы, уважая очередность вступления в беседу, облегчая ход диалога при помощи вопросов. Результатом

этого, в конечном счете, является то, что мужчины доминируют в беседе. Это неудовлетворительно, если принять, что такое взаимодействие задумано как обмен между равноправными участниками. Но правомерен ли вывод, что женщинам необходимо изменить речевой стиль? Многие согласятся, что некоторые особенности женского общения желательны для любого человека. Обсуждая эту тему, студенты мужского пола жаловались на неспособность выражать свои чувства или обсуждать их с другими мужчинами¹. В этой связи представляется, что и женщины, и мужчины находятся в невыгодном положении из-за существования двух различных способов диалогового взаимодействия: женщины — из-за того, что их стиль ведет к подчиненному положению при общении в смешанных группах, а мужчины — из-за того, что им не хватает владения ценными составляющими женского стиля.

9.3. Язык и социально ущемленное положение

В шестой главе были детально проанализированы некоторые аспекты коммуникативной компетенции, когда мужчины и женщины как носители языка отличались друг от друга. В этом разделе мы сосредоточимся на школе, в частности, на общении в классе, чтобы увидеть различную компетенцию девочек и мальчиков и проследить, как это влияет на процесс обучения. Проанализировав происходящее в микромире школы, мы проверим утверждение, что девочки являются группой, находящейся в ущемленном положении, и что *язык*, который используют девочки (и то, как они его используют), в некоторой степени связан с этим положением.

Ущемленное положение — термин, широко используемый теми, кто пишет об образовании.

Ущемленное положение (*disadvantage*)... символизирует относительно стабильное условие, описывающее образ жизни некоторых социальных групп, — рабочего класса, иммигрантов и этнических меньшинств. Оно ведет к низкой успеваемости детей в школе и вообще к низким шансам на успех в большой жизни [Edwards 1979b, 1]

Заметьте, что это (относительно недавнее) определение не называет женщин примером ущемленной социальной группы. Лишь в последнее время, как мы видели в первой главе (разделы

1.2.1 и 1.3), исследователи начали серьезно рассматривать женщин как социальную группу со своими правами, к тому же социально ущемленную.

Педагоги-теоретики склонны показать связь между ущемленными социальными группами и их языком посредством рассмотрения диалектных различий. Например, низкая успеваемость детей западноиндийского происхождения в британских школах связывается с использованием ими варианта английского языка, родственного креольскому, например креольскому языку Ямайки; аналогично считается, что причина низкой успеваемости детей рабочих заключается в использовании ими нелитературного (регионального) варианта английского языка.

Не столь простую взаимосвязь между нелитературным языком и ущемленным положением можно проследить в отношении девочек. Прежде всего, девочки, как и мальчики, — это члены целого спектра социальных классов и этнических групп общества. Женщины не являются однородной группой, которая использует один единственный диалект. Во-вторых, очевидный вывод, который явствует из социолингвистических исследований, рассмотренных в четвертой и пятой главах, состоял в том, что женщины имеют тенденцию использовать более литературную речь по сравнению с сопоставимыми мужчинами. В школе, как показано в исследовании Дженни Чешир [Jenny Cheshire 1982a], девочки легче, чем мальчики, переходят на более литературный диалект, даже если их речь вне школы нелитературна. Что касается разницы в диалектах, девочки в школьной обстановке должны быть скорее в благоприятном положении, чем в ущемленном.

Девочки в школе отличаются от других ущемленных групп употреблением языка. Существенным аспектом использования ими языка является не произношение или грамматика, а более широкая область коммуникативной компетенции. Как мы видели в седьмой главе, маленькие дети усваивают язык соответственно своему полу, и это включает различную коммуникативную компетенцию. В школьной обстановке эта разница в понимании того, когда говорить, когда молчать, как сделать речь вежливой, когда допустимо перебивать и т. д., сказывается на различных результатах девочек и мальчиков.

Разная коммуникативная компетенция позволяет мальчикам доминировать в классе. Мальчики требуют большего внимания, в то время как девочки терпеливо ждут.

...на занятиях по ювелирному делу ученики одолевали преподавателя обращениями за советом. Если бы была очередь, то мальчики всегда бы расталкивали девочек, чтобы встать впереди и привлечь внимание преподавателя. Один мальчик особенно часто обращался за советом к преподавателю [Whyte 1984, 11].

Мальчики имеют тенденцию хвастаться; после школьных контрольных они говорят, что им было «легко», «просто», в то время как девочки склонны выражать озабоченность по поводу выполненного задания (конечно, их слова не имеют отношения к результатам). Уверенность мальчиков также отчетливо проявляется в том, как они отвечают на вопросы: они активно участвуют, выкрикивают ответы, делают много предположений, в то время как девочки слушают более пассивно [Stanworth 1981; Spender 1982; Kelly et al. 1984; Whyte 1984]. Ученики сами осознают это расхождение: «Они всегда много шумят, все мальчики. Именно поэтому я думаю, что они умнее нас» (мнение ученицы в исследовании [Stanworth 1981, 48]). Молчание девочек в классе презируется мальчиками, но поддерживается девочками, настроенными враждебно по отношению к ученицам, выбирающим более активную роль. Девочек прямо обучают тому, что крикливость — это «неженственно» [Payne 1980], и представляется, что чувство своей собственной женской идентичности заставляет девочек осознать, что такие речевые действия, как возражения, споры и крик, им не подходят. Тишина — это идеал, поддерживаемый у школьников в течение всей школьной жизни.

Во многих школах тихое поведение приравнивают к хорошему поведению. В английских детских садах тихого ребенка считают хорошим, а шумного ребенка плохим [King 1978, 61]. Кинг попросил воспитателей детских садов оценить детей по их поведению: результаты показали, что хорошие дети (в глазах воспитателей) — это девочки, особенно девочки среднего класса. Кинг пишет: «По-видимому, девочки ближе к тому, какими должны быть дети, в отличие от мальчиков того же социального происхождения» [King, 126]. Девочки достигают этой цели, следуя требованию школы быть тихими и спокойными. Является ли спокойствие желательным качеством — это весьма дискуссионный момент: недавние нововведения в образовательную практику подчеркнули важность активного обучения — чтобы обучить детей, их необходимо активно вовлекать в процесс обучения. Быть активно вовлеченным, среди всего прочего, значит разговаривать: задавать вопросы, вносить предложения, комментировать.

Тихий ребенок — если тихий означает пассивный и скромный — это ребенок, не способный полноценно принимать участие в процессе обучения.

Одно из следствий более шумного и недисциплинированного поведения мальчиков в классе — привлечение большего внимания. Недавние исследования в США, Великобритании и Швеции, анализируя модели взаимодействия «учитель-ученик», пришли к такому же заключению: мальчики получают больше внимания от учителя, чем девочки [Sears & Feldman 1974; Spender 1982; Wernersson 1982]. По оценке Спендер, обычно две трети своего внимания учителя обращают на мальчиков.

Недавно был завершен проект, известный как GIST [Girls into Science and Technology] («Девочки в науке и технике»), в котором проводилось наблюдение над когортой из 2 000 учащихся десяти единых средних школ Большого Манчестера с момента их поступления в среднюю школу (11 лет) до того момента, когда по окончании третьего года обучения они сделали свой выбор (подробнее см. [Kelly и др. 1984]). Проект одновременно ставил цель исследовать, почему девочки не выбирают естественные (особенно физику и химию) или ремесленные предметы, и определить стратегии для устранения этой тенденции. Ученые проекта полагали, что преподаватели могут уравновесить общение между учениками и учителями, действуя в направлении большего равенства [Whyte 1984]. Они присутствовали на тридцати четырех уроках: все преподаватели, участвующие в проекте, были кратко проинформированы о его целях, и все знали, что девочки не стремятся к большему вниманию в классе. На двадцати уроках преподаватели старались уделять девочкам столько внимания, сколько и мальчикам или даже больше. Следует отметить, что это измерение было весьма грубым, так как во внимание не принималась продолжительность разговора (каждый диалог независимо от длительности получал 1 балл), а также контекст, в котором преподаватели обращались к девочкам или мальчикам. Однако ученые проекта, по крайней мере, действительно полагают, что взгляды Спендер, будто преподаватели не могут достигнуть равенства в общении с девочками и мальчиками, являются пессимистическими. С другой стороны, оказалось, что преподавательницы с большей легкостью справлялись с задачей уделять девочкам внимание: 75% наблюдаемых преподавателей-женщин достигли равного соотношения в общении с девочками и мальчиками или выделяли девочек, в то время как мужчины-преподаватели достигли только 50%.

Как и Спендер, исследователи в рамках GIST обнаружили, что восприятие преподавателями их взаимодействия с учениками расходилось с количественными данными. Большинство учителей были удивлены тем, как много внимания они уделяли мальчикам. Мужчина-учитель, успешно достигший равновесия в классе, впоследствии отметил, что «он чувствовал, как будто девяносто процентов внимания посвятил девочкам» [Whyte 1984].

Мальчики обычно получают большую долю как неодобрения, так и похвал. Когда у девочек неприятности, то это связано с нехваткой знания или умения, тогда как мальчики попадают в неприятности из-за нарушения дисциплины. Реагируя на шумное и требовательное поведение мальчиков, преподаватели тем самым поощряют его. Ответные реакции преподавателей подвигают мальчиков на независимые действия, но снижают самооценку девочек. К 11 или 12 годам, как известно, у способных девочек значительно более низкая самооценка, чем у мальчиков с такими же способностями [Sears and Feldman 1974].

Язык, которым ученики пользуются при общении друг с другом, отражает их неравный статус. Мальчики в средней школе часто смеются над девочками: они громко вздыхают, когда девочки задают вопросы, и делают грубые комментарии. Ученые проекта GIST приводят такие примеры и отмечают, что не наблюдали ни одного случая, чтобы девочки высмеивали или подавляли мальчиков. Неравные роли, предназначенные девочкам и мальчикам, хорошо иллюстрируются в голландском эксперименте [Millman 1983, 7]), направленном на исследование мужского и женского взаимодействия. Дети в эксперименте, проведенном в Голландии, были разделены на однополые и смешанные пары. Анализ видеозаписей выявил, что в однополых парах участники работали сообща, а в смешанных парах мальчики принимали на себя руководящую роль, которую девочки признавали без возражений: мальчики выполняли задания эксперимента и докладывали о результатах преподавателю, в то время как девочки помогали и впоследствии доводили дело до конца.

Осознание преподавателями разной коммуникативной компетенции девочек и мальчиков также влияет на выбор дискуссионных тем в школе. Уроки организовывались так, чтобы отражать интересы мальчиков, поскольку преподаватели знали и понимали, что мальчики будут громко возражать, если сочтут тему обсуждения женской, в то время как девочки примут «мальчиковые» темы [Clarricoates 1978]. Преподаватели имеют перемен-

ный успех, прилагая усилия к привлечению девочек. Элизабет Сара привлекала девочек к обсуждению темы космического путешествия, используя отрывки, где заменила местоимение he на she [Elizabeth Sara 1980]. Мальчики в ее классе горячо обсуждали идею о женщинах-космонавтах, но в последующей работе написали о мужчинах-космонавтах; однако девочки писали о женщинах-космонавтах. Сара утверждает, что они, вероятно, чувствовали себя активно вовлеченными в проект класса. Эллиот, наоборот, стремился облегчить участие в нем девочек, проводя урок на тему войны только для того, чтобы выявить, что мальчики будут высмеивать высказывания девочек, а девочки чувствовать себя некомфортно, будучи принуждаемыми высказываться в смешанной группе (Elliot, цит. по [Spender 1980b, 150]). Оба этих преподавателя установили причину пассивности девочек в классных обсуждениях, но даже в этом случае они выбирали темы, традиционно связываемые с интересами мальчиков.

В заключение мы можем сказать, что соотношение между девочками или женщинами как группой, языком, который они используют, и их ущемленным положением весьма сложно. Во-первых, корреляция между женщинами и ущемленным положением не всегда прямолинейна. В школе, например, девочки учатся относительно хорошо, и это стало одной из причин, почему женщин не спешили признавать ущемленной социальной группой. Девочки учатся лучше, чем мальчики, в начальной школе, в частности по английскому языку, и в старших классах получают больше хороших оценок, сдавая экзамены на аттестат о среднем образовании (CSE), а также по окончании пятого класса школы (Ordinary Level). Однако этот успех почти всецело приходится на спектр гуманитарных предметов, в которых девочки проявляют свои способности: английский язык, иностранные языки, история и т. д. Мальчики в четыре раза чаще девочек выбирают физику для сдачи экзамена на аттестат о среднем образовании; в три раза чаще мальчиков сдают уровень 0 (Ordinary Level — обычный уровень) по физике; 95% вступительных экзаменов по техническим предметам — для мальчиков (DES, 1983). Это означает, что, несмотря на хорошие результаты, девочки находятся в невыгодном положении в обществе, которое ценит науку и технику.

Если мы взглянем на результаты образования с позиции происходящего с учениками после школы, то становится понятно, что девочки находятся в ущемленном положении в обществе. Женщи-

ны занимаются низкооплачиваемой, малопrestижной деятельностью и составляют менее 10% служащих престижных профессий (архитекторы, адвокаты, бухгалтеры, профессора университетов, высшие государственные служащие и т. д.) (DES, 1983). Согласно статистическим данным DES 62% студентов высших учебных заведений (университетов, политехнических институтов) — мужчины.

Во-вторых, мы в этом разделе попытались показать, что использование языка девочками в школе заметно отличается от его использования мальчиками и что это явление тесно связано со статусом девочек и мальчиков, — мальчики используют язык как средство доминирования в классе. Но сказать, что использование девочками языка в школе связано с их ущемленным статусом, — значит сказать, что использование языка девочками приводит к ущемлению. Неблагоприятное положение для любой малой группы исходит из способа организации общества. Девочкам не удается продолжить учебу в университете или сделать блестящую карьеру не из-за особенностей использования языка; им это не удается, так как общество диктует им другие (зависимые) роли. Тот факт, что невыгодное положение является, в конечном счете, социальным, а не языковым явлением, особенно явно проявляется в случае изучения женской речи. Язык детей этнических меньшинств (говорят ли они на своем языке или на разновидности английского языка подобно ямайскому языку Лондона) и язык детей рабочего класса явно не соответствует школьному стандарту (литературный английский язык). Но это не относится к девочкам: они более успешны в овладении вариантами, близкими к литературному английскому языку в обстановке школы, они и вежливы, и спокойны. Иными словами, с точки зрения языка, девочки подстраиваются к школьным нормам, но их успехи по-прежнему невелики. Несомненно, социальные силы, а не язык отвечают за такой результат.

Однако нельзя отрицать, что в создании ущемленного положения девочек язык может играть свою роль, пусть и второстепенную. Языковая вариативность, в конечном счете, является прямым отражением социальной вариативности (см. раздел 1.4). Как малая группа девочки подхвачены процессом, в котором социальные разграничения отражаются в языковых различиях, которые в свою очередь *укрепляют* социальные различия. Такой порочный круг означает, что язык косвенно воспроизводит и закрепляет ущемленное положение. Некоторые школы предпринимают смелые шаги, чтобы устранить социальное давление на девочек, напри-

мер, побуждают преподавателей следить за тем, чтобы общаться с ними столько же, сколько с мальчиками, но подобные усилия вряд ли могут изменить тот факт, что общество изначально конструирует мужские и женские роли как разные и *неравноправные*.

9.4. Женщины, мужчины и язык: выводы

В книге была предпринята попытка показать, что в нашем и других подобных обществах существуют явные различия между мужчинами и женщинами в языке. В обществе, где пол / гендер является весьма значимой категорией, неудивительно, что язык отражает и укрепляет эту категорию. Перед лингвистами стоит задача описать и объяснить языковые корреляты гендера. Появление социолингвистики как дисциплины дало толчок исследованиям разного рода языковых изменений, но, несмотря на то что описания становятся более совершенными, объяснения по-прежнему остаются неточными и упрощенными.

В этой главе мы рассмотрели две области, где языковые различия полов имеют социально нежелательные последствия. В разделе 9.2 мы описали аспекты, в которых различное понимание мужчинами и женщинами процесса функционирования разговорного взаимодействия может привести к коммуникативным неудачам. В разделе 9.3 мы рассмотрели исследования общения в школе, в которых высказывается предположение, что (хотя он и не является прямой причиной низкого уровня развития) способ использования языка девочками является фактором, способствующим ущемленному положению. Две эти области хорошо иллюстрируют два различных подхода к языку и половым различиям, подчеркнутых в разделе 1.4. Обсуждение коммуникативных неудач между взрослыми людьми при смешанном общении приводит к выводу, что женщины и мужчины разговаривают по-разному и имеют различные правила ведения диалога, так как принадлежат к различным субкультурам. С другой стороны, обсуждение неуспеваемости девочек в системе образования и ее связи с языком допускает, что различия в языке девочек и мальчиков непосредственно связаны с притеснением девочек. Первый подход подчеркивает **различие** в гендерных ролях и идентичности женщин и мужчин; второй подчеркивает иерархичный характер гендерных отношений и **доминирования** мужчин.

Две темы, рассмотренные в этой главе, доказывают необходимость обоих подходов. Анализ общения в классе, не принимаю-

ший во внимание параметры доминирования и подчинения, имеет незначительную объяснительную силу. С другой стороны, недостаточно просто настаивать, что модели речевого общения, характерные для женских групп, можно объяснить, если признать женщин ущемленной группой. Различия в разговорном стиле между мужскими и женскими группами — это отражение субкультурных различий: признание этого является необходимой предпосылкой признания того, что речевое общение женщин так же заслуживает социолингвистического описания, как и речевое общение мужчин.

Язык — одно из средств, с помощью которого индивиды позиционируются в социальном пространстве. Речь — акт идентичности: когда мы говорим — мы, в частности, идентифицируем себя как мужчину или женщину. В детстве и юности мы усваиваем языковое поведение согласно своему полу, и это становится частью идентичности. Причина того, почему мы нуждаемся в двустороннем подходе к гендерным различиям в языке, кроется в простом факте: так как существуют два пола, то и диалоги могут быть между представителями одного пола, либо обоих. Эти контексты значительно отличаются: когда участники диалога одного пола, то существование гендерной иерархии несущественно; когда участники разного пола, то категории доминирования и притеснения становятся важными. Этот факт особенно релевантен для женщин и их языка — при взаимодействии с мужчинами женщины общаются со стоящими выше (при других равных условиях), но при интеракции с другими женщинами они взаимодействуют на равных. Итак, чтобы исследовать сложности языковых различий между женщинами и мужчинами, нам необходимы оба подхода.

Важно отметить, что до недавних пор исследования, касающиеся языковых различий между полами, проводились мужчинами (см. также раздел 3.5.3). Это означает, что информантов-мужчин просили вести разговор с другим мужчиной, в то время как информантов-женщин просили вести разговор в контексте смешанного общения. Пройдет еще некоторое время, прежде чем мы будем уверены, что выводы, например, об использовании женщинами более вежливых форм и употреблении языковых вариантов, близких литературному английскому языку, не являются артефактом исследовательской ситуации.

В области изучения половых различий и языка предстоит еще многое сделать. Необходимы более детальные социолингвистические исследования, как на уровне отдельной личности, так и на групповом уровне. Мы должны помнить, что половая диффе-

ренциация в языке не существует в вакууме, она сложным образом взаимодействует с другими видами социальной дифференциации. Также назрела насущная необходимость и в более современной теории общества; без нее мы не сможем понять и объяснить процессы, приводящие к языковым различиям и поддерживающие их. Пол / гендер — важная категория для всех обществ: лингвистическая вариативность, коррелирующая с социальным различием, предположительно, является универсальной особенностью языковых сообществ. В книге я ставила целью обобщить все, что известно о взаимовлиянии языка и пола, и надеюсь, что она приведет к лучшему пониманию того, как женщины и мужчины используют язык и какие языковые отношения существует между полами.

Примечания

1. Многие выводы этого раздела относятся, в основном, к женщинам и мужчинам среднего класса белой расы, однако в работе Гудвин о языке темнокожих подростков Филадельфии [Goodwin 1980] и в работе Водак о языке взрослых рабочего класса Вены [Wodak 1981] подтверждается общая модель (работа Гудвин рассматривается в разделе 6.2.2; работа Водак — в разделе 6.5). Исследование Бента Прислера, в котором изучались мужчины и женщины в трех группах занятости (административной, духовной, физической) в смешанном и однополом общении, показывает, что многие языковые особенности типичные для речи женщин, не зависят от возраста и социального класса.
2. В выводах мы обратились к работам [Aries 1976; Jones 1980; Kalcik 1975; Wodak 1981].
3. Преподаватели школы для мальчиков Хакни Даунз (Hackney Downs) в Лондоне обнаружили, что общение мальчиков в классе было грубым, стилизованным и соревновательным, такой способ общения делал невозможным обсуждение проблем личного плана («Guardian», Women, 12 марта 1985). По этой причине в школе был введен новый курс «Обучение жизненным навыкам», который среди всего прочего ставил целью научить мальчиков общаться на личные темы.

Литература

- Argyle, M., Lalljee, M. and Cook, M. (1968) The effects of visibility on interaction in a dyad, *Human Relations*, 21, 3—17.
- Aries, E. (1976) Interaction patterns and themes of male, female and mixed groups, *Small Group Behaviour*, vol. 1., 7—18.
- Bem S. (1974) The measurement of psychological androgyny, *Journal of Consulting and Clinical Psychology*, 42, 155—162.
- Bem S. (1975) Sex role adaptability: one consequence of psychological androgyny, *Journal of Personality and Social Psychology*, 31 no. 4, 634—643.
- Bernard, J. (1972) *The Sex Game*. Atheneum, New York.
- Blom, J. P. and Gumperz, J. (1972) Social meaning in linguistic structures: code switching in Norway, pp. 407—434 in Gumperz, J. and Hymes, D. (eds). *Directions in Sociolinguistics*. Holt Rinehart & Winston, New York.
- Bloom, L. (1970) *Language Development: Form and Function in Emerging Grammars*. M.I.T. Press, Cambridge, Massachusetts.
- Bloom, L. (1975) *One Word At A Time*. Mouton, The Hague.
- Bloomfield, L. (1933) *Language*. George Allen & Unwin, London.
- Bodine, A. (1975a) Sex differentiation in language, pp. 130—151 in Thorne, B. and Henley, N. (eds) *Language and Sex: Difference and Dominance*. Newbury House Publishers, Rowley, Massachusetts.
- Bodine, A. (1975b) Androcentrism in prescriptive grammar, *Language in Society*, том. 4 no. 2, 129—156.
- Bosmajian, H. (1974) *The Language of Oppression*. Public Affairs Press, Washington D. C.
- Bragg, M. and Ellis, S. (1976) Word of Mouth. BBC TV, London.
- Breakwell, G. (1979) Women: group and identity?, *Women's Studies International Quarterly*, 2, 9—17.
- Bridge, J. C. (1917) *Cheshire Proverbs and Other Sayings and Rhymes Connected with the City and County Palatine of Chester*. Phillipson and Colder, Chester.
- Brouwer, D., Gerritsen, M. and Dettan, D. (1979) Speech differences between women and men: on the wrong track?, *Language in Society*, 8, 33—50.
- Brown, P. (1980) How and why are women more polite: some evidence from a Mayan community, pp. 111—136 in McConnell-Ginet, S. et al. (eds). *Women and Language in Literature and Society*. Praeger, New York.
- Brown, P. and Levinson, S. (1978) Universals in language usage: politeness phenomena, pp. 56—289 in Goody, E. (ed.) *Questions and Politeness*. Cambridge University Press.
- Brown, R. (1976) *A First Language*. Penguin Books, Harmondsworth.
- Brun A. (1946) *Parlers rûgionaux, France dialectale et unite franzaise*. Didier, Paris.

- Bruner, E. M. and Kelso, J. P. (1980) Gender differences in graffiti: a semiotic perspective, in Kramarae, C. (ed.) *The Voices and Words of Women and Men*. Pergamon Press, Oxford.
- Cameron, D. (1985) *Feminism and Linguistic Theory*. Macmillan, London.
- Cameron, D. and Coates, J. (1985) Some problems in the sociolinguistic explanation of sex differences, *Language and Communication*, vol. 5. no. 3, 143—151.
- Chaney, J. (1981) *Social Networks and job information — the situation of women who return to work*. EOC/SSRC, Manchester.
- Cheshire, J. (1978) Present tense verbs in reading English, pp. 52—68 in Trudgill, P. (ed.) *Sociolinguistic Patterns in British English*. Edward Arnold, London.
- Cheshire, J. (1982a) *Variation in an English Dialect*. Cambridge University Press.
- Cheshire, J. (1982b) Linguistic variation and social function, pp. 153—166 in Romaine S. (ed.) *Sociolinguistic Variation in Speech Communities*. Edward Arnold, London.
- Cheshire, J. (1984) Language and sexism, in Trudgill, P. (ed.) *Applications of Sociolinguistics*. Academic Press, London.
- Clarke-Stewart, A. (1973) Interactions between mothers and their young children: characteristics and consequences, *Monographs of the Society for Research in Child Development*, 153 vol. 38 nos 6—7.
- Clarricoates, K. (1978) 'Dinosaurs in the classroom': A re-examination of some aspects of the 'hidden' curriculum in primary schools, *Women's Studies International Quarterly*, vol. 1 no. 4, 353—364.
- Coates, J. (1984a) Syntactic variation on Merseyside. Paper presented to the SSRC workshop on varieties of British English syntax, University of Salford, January 8—10.
- Coates, J. (1984b) *Language and Sexism*, CLIE Working Paper no. 4.
- Crystal, D. and Davy, D. (1975) *Advanced Conversational English*. Longman, London.
- Dale, P. (1976) *Language Development*. Holt Rinehart & Winston, New York (2nd edn).
- Davies, R. T. (ed.) (1963) *Medieval English Lyrics*. Faber & Faber, London. 9
- De Lyon, H. (1981) A sociolinguistic study of aspects of the Liverpool accent. Unpublished M. Phil, thesis, University of Liverpool.
- Deuchar, M. Sociolinguistics, in Lyons, J. (ed.) *New Horizons in Linguistics 2*. Penguin Books, Harmondsworth.
- Deuchar, M. and Martin-Jones, M. (1982) Linguistic research in minority and majority communities: goals and methods. Работа представлена на социолингвистическом симпозиуме, Sheffield, March 29—31, 1982.
- Dobson, E. J. (1969) Early modern standard English, in Lass, R. (ed.) *Approaches to English Historical Linguistics*. Holt Rinehart & Winston, New York.
- Dubois, B. L. and Crouch, I. (1975) The question of tag questions in women's speech: they don't really use more of them, do they?, *Language in Society*, 4, 289—294.

- Eakins, B. W. and Eakins, R. G. (1978) *Sex Differences in Human Communication*. Houghton Mifflin Company, Boston.
- Edelsky, C. (1976) The acquisition of communicative competence: recognition of linguistic correlates of sex roles, *Merril-Palmer Quarterly*, 22, 47—59.
- Edelsky, C. (1977) Acquisition of an aspect of communicative competence: learning what it means to talk like a lady, in Ervin-Tripp, S. and Mitchell-Kernan, C. (eds) *Child Discourse*. Academic Press, New York.
- Edwards, J. R. (1979a) Social class differences and the identification of sex in children's speech, *Journal of Child Language*, 6, 121—127.
- Edwards, J. R. (1979b) *Language and Disadvantage*. Edward Arnold, London.
- Edwards, V. K. (1979) *The West Indian Language Issue in British Schools*. Routledge & Kegan Paul, London.
- Ellis, H. (1894) *Man and Woman*, Walter Scott Publishing Co., London.
- Elyan, O., Smith, P., Giles, H. и Bourhis, R. (1978) RP-accented female speech: the voice of perceived androgyny?, pp. 122—131 in Trudgill, P. (ed.) *Sociolinguistic Patterns in British English*. Edward Arnold, London.
- Elyot, T. (1531) *The Governour*. The Scolar Press Ltd, Menston, Yorks, 1970.
- Engle, M. (1980a) Family influences on the language development of young children, pp. 259—266 in Kramarae, C. (ed.) *The Voices and Words of Women and Men*. Pergamon Press, Oxford.
- Engle, M. (1980b) Language and play: a comparative analysis of parental initiatives, in Giles, Robinson and Smith (eds) *Language: social psychological perspectives*. Pergamon Press, Oxford.
- Ervin-Tripp, S. (1972) An analysis of the interaction of language, topic and listener, in Fishman, J. (ed.) *Readings in the Sociology of Language*. Mouton, The Hague.
- Fichtelius, A., Johansson, I. and Nordin, K. (1980) Three investigations of sex-associated speech variation in day school, pp. 219—225 in Kramarae, C. (ed.) *The Voices and Words of Women and Men*. Pergamon Press, Oxford.
- Fischer, J. L. (1964) Social influences on the choice of a linguistic variant, in Hymes, D. (ed.) *Language in Culture and Society*. Harper International, New York.
- Fishman, P. (1978) Interaction: the work women do, *Social Problems*, 24, 397—406.
- Fishman, P. (1980) Conversational insecurity, pp. 127—132 in Giles, Robinson and Smith (eds) *Language: social psychological perspectives*. Pergamon Press, Oxford.
- Flannery, R. (1946) Men's and women's speech in Gros Ventre, *International Journal of American Linguistics*, 12, 133—135.
- Flexner, S. B. (1960) Preface to *Dictionary of American Slang*. Thomas Y. Crowell, New York.
- Francis, W. N. (1983) *Dialectology: an introduction*. Longman, London.

- Frazer, J. G. (1900) A suggestion as to the origin of gender in language. *Fortnightly Review*, 73, 79—90.
- Gardette, P. (1968) *Atlas linguistique et ethnographique du Lyonnais*, volume IV: Exposé méthodologique et tables. Centre Nationale de la Recherche scientifique, Paris.
- Gauchat, L. (1905) *L'unité phonétique dans le patois d'une commune*. D.S. Niemeyer, Halle.
- Giles, H., Robinson, W. P. and Smith P. M. (eds) *Language: Social Psychological Perspectives*. Pergamon Press, Oxford.
- Gleason, J. B. (1980) The acquisition of social speech routines and politeness formulas, in Giles, Robinson and Smith (eds).
- Gomm, I. (1981) A study of the inferior image of the female use of the English language as compared to that of the male. Unpublished B. A. dissertation, Edge Hill College, Ormskirk.
- Goodwin, M. H. (1980) Directive-response speech sequences in girls' and boys' task activities, pp. 157—173 in McConnell-Ginet et al. (eds) *Women and Language in Literature and Society*. Praeger, New York.
- Goody, E. (ed.) (1978) *Questions and Politeness*. Cambridge University Press.
- Grant, W. (1914) *The Pronunciation of English in Scotland*. Cambridge University Press.
- Greif, E. B. (1980) Sex differences in parent-child conversations, pp. 253—258 in Kramarae, C. (ed.) *The Voices and Words of Women and Men*. Pergamon Press, Oxford.
- Gumperz, J. (ed.) (1982) *Language and Social Identity*. Cambridge University Press.
- Haas, M. (1944) Men's and women's speech in Koasati, *Language*, 20, 147—149.
- Haas, A. (1978) Sex-associated features of spoken language by four-, eight-, and twelve-year-old boys and girls. Paper given at the 9th World Congress of Sociology, Uppsala, Sweden, August 14—19.
- Haas, A. (1979) Male and female spoken language differences: stereotypes and evidence. *Psychological Bulletin*, 86, 616—626.
- Hirschmann, L. (1974) Analysis of supportive and assertive behaviour in conversations. Paper presented at Linguistic Society of America meeting, July 1974.
- Holland, J. (1980) *Work and Women*, Bedford Way Papers 6. University of London Institute of Education.
- Holmes, J. (1984) Hedging your bets and sitting on the fence: some evidence for hedges as support structures, *Te Reo*, 27, 47—62.
- Humphrey, C. (1978) Women, taboo and the suppression of attention, pp. 89—108 in Ardener, S. (ed.) *Defining Females: the nature of women in society*. Croom Helm, London.
- Hymes, D. (ed.) (1964) *Language in Culture and Society*. Harper International, New York.
- Hymes, D. (1972) On communicative competence, pp. 269—93 in Pride, J. B. and Holmes, J. (eds.) *Sociolinguistics*. Penguin Books, Harmondsworth.

- Jespersen, O. (1922) *Language, Its Nature Development Origin*. George Allen & Unwin Ltd, London.
- Jones, D. (1980) Gossip: notes on women's oral culture, pp. 193—198 in Kramarae, C. (ed.) *The Voices and Words of Women and Men*. Pergamon Press, Oxford.
- Kalcik, S. (1975) '...like Ann's gynecologists or the time I was almost raped' — рассказы женщин, которые подверглись насилию, *Journal of American Folklore*, 88, 3—11.
- Kamuf, P. (1980) Writing like a woman, pp. 284—299 in McConnell-Ginet et al. (eds) *Women and Language in Literature and Society*. Praeger, New York.
- Kelly, A. The construction of masculine science, *British Journal of the Sociology of Education*
- Kelly, A., Whyte, J. and Small, B. (1984) *Girls into Science and Technology: Final Report*. Equal Opportunities Commission, Manchester.
- Kessler, S. and McKenna, W. (1978) *Gender: an ethno-methodological approach*. John Wiley & Sons, New York. Key, M. R. (1975) *Male/female Language*. Scarecrow Press, Metuchen, New Jersey.
- King, R. (1978) *All Things Bright and Beautiful?* John Wiley & Sons, New York.
- Kirkby, J. (1746) *A New English Grammar*. The Scholar Press Ltd, Menston, Yorks, 1971.
- Knowles, G. (1974) *Scouse: the urban dialect of Liverpool*. Unpublished Ph. D. thesis, University of Leeds.
- Kramer, C. (1974) Folklinguistics, *Psychology Today*, 8, 82—85. Kramer, C. (1975) Stereotypes of women's speech: the word from cartoons, *Journal of Popular Culture*, vol. 8 part 3, 624—638. Kramarae, C. (ed.) (1980a) *The Voices and Words of Women and Men*. Pergamon Press, Oxford.
- Kramarae, C. (1985) Perceptions and politics in language and sex research, in Giles, Robinson & Smith (eds) *Language: Social Psychological Perspectives*. Pergamon Press, Oxford.
- Kramarae, C. (1981) *Women and Men Speaking*. Newbury House, Rowley, Massachusetts. Kramarae, C. (1982) Gender: How she speaks, in Ryan & Giles (eds) *Attitudes Towards Language Variation*. Edward Arnold, London.
- Kurath, H. (1972) *Studies in Area Linguistics*. Indiana University Press. Labov, W. (1969) The logic of non-standard English, *Georgetown Monographs on Language and Linguistics*, 22, 1—31.
- Labov, W. (1971) Variation in Language, in Reed, C. E. (ed.) *The Learning of Language*. National Council of Teachers of English, New York.
- Labov, W. (1972a) *Sociolinguistic Patterns*. University of Pennsylvania Press, Philadelphia.
- Labov, W. (1972b) *Language in the Inner City*. University of Pennsylvania Press, Philadelphia.
- Lakoff, R. (1975) *Language and Woman's Place*. Harper & Row, New York.
- Leet-Pellegrini, H. M. (1980) Conversational dominance as a function of gender and expertise, pp. 97—104 in Giles, Robinson and Smith (eds) *Language: Social Psychological Perspectives*. Pergamon Press, Oxford.

- Liebermann, P. (1967) *Intonation, Perception and Language*. M.I.T. Press, Cambridge.
- Local, J. (1982) Modelling intonational variability in children's speech, pp. 85—103 in Romaine, S. (ed.) *Sociolinguistic Variation in Speech Communities*. Edward Arnold, London
- Macaulay, R. K. S. (1977) *Language, Social Class and Education*. Edinburgh University Press. Macaulay, R. K. S. (1978) Variation and consistency in Glaswegian English, pp. 132—143 in Trudgill, P. (ed.) *Sociolinguistic Patterns in British English*. Edward Arnold, London.
- Maccoby, E. E. and Jacklin, C. N. (1974) *The Psychology of Sex Differences*. Stanford University Press, Stanford.
- McConnell-Ginet, S., Borker, R. and Furman, N. (eds) (1980) *Women and Language in Literature and Society*. Praeger, New York.
- MacDonald, M. (1980) Schooling and the reproduction of class and gender relations, in Barton L., Meighan R. and Walkers S. (eds) *Schooling, Ideology and the Curriculum*. The Palmer Press.
- McIntosh, A. (1952) *An Introduction to a Survey of Scottish Dialects*. Nelson.
- MacLean, I. (1980) *The Renaissance Notion of Woman*. Cambridge University Press
- Maltz D. N. and Borker, R. A. (1982) A cultural approach to male-female miscommunication, pp. 195—216 in Gumperz, J. (ed.) *Language and Social Identity*. Cambridge University Press.
- Meditch, A. (1975) The development of sex-specific patterns in young children, *Anthropological Linguistics*, vol. 17 no. 9, 421—433.
- Millman, V. (1983) *Sex Stereotyping in Schools: the role and responsibilities of the teacher*. Equal Opportunities Commission, Manchester.
- Milroy, J. and Milroy L. (1978) Belfast: change and variation in an urban vernacular, pp. 19—36 in Trudgill, P. (ed.) *Sociolinguistic Patterns in British English*. Edward Arnold, London.
- Milroy, J. and Milroy L. (1985) Linguistic change, social network and speaker innovation, *Journal of Linguistics*, 21, 339—384.
- Milroy, L. (1980) *Language and Social Networks*. Basil Blackwell, Oxford.
- Milroy, L. (1982) Social network and linguistic focusing, pp. 141—152 in Romaine S. (ed.) *Sociolinguistic Variation in Speech Communities*. Edward Arnold, London.
- Montaignon, A. and Kaynaud, G. (eds) (1872—1890) *Recueil general et complet des fabliaux des XIIIe et XIVe siècles* (6 vols). Librairie des Bibliophiles, Paris.
- Muscatine, C. (1981) Courtly literature and vulgar language, in Burgess, G. S. (ed.) *Court and Poet. Selected Proceedings of the 3rd Congress of the ICLS (Liverpool 1980)*, Liverpool. Nelson, K. (1973) Structure and strategy in learning to talk, *Monographs of the Society for Research in Child Development*, no. 149, vol. 38, no. 1—2.
- Newbrook, M. (1982) Sociolinguistic reflexes of dialect interference in West Wirral. Unpublished Ph. D. thesis, Reading University.

- O'Barr, W. and Atkins, B. (1980) 'Women's language' or 'powerless language?', pp. 93—110 in McConnell-Ginet et al. (eds) *Women and Language in Literature and Society*. Praeger, New York.
- Ochs, E. and Schieffelin, B. (1983) *Acquiring Conversational Competence*. Routledge & Kegan Paul, London.
- Orton, H. (1962) *Introduction to the Survey of English Dialects*. E. J. Arnold, Leeds.
- Patterson, D. (1860) *The Provincialisms of Belfast Pointed Out and Corrected*. Belfast.
- Payne, I. (1980) A working-class girl in a grammar school, pp. 12—19 in Spender, D. and Sarah, E. (eds) *Learning to Lose*. The Women's Press, London.
- Pee, W. (1946) *Dialect-Atlas van West-Vlaanderen en Fransch-Vlaanderen*. De Sikkel, Antwerp.
- Perkins, M. (1983) *Modal Expressions in English*. Frances Pinter, London.
- Poole, J. (1646) *The English Accidence*. The Scolar Press Ltd, Menston, Yorks, 1967.
- Pop, S. (1950) *La Dialectologie: Apercu historique el melhodes d'enquetes linguistiques*. Universite de Louvain.
- Preisler, B. (рукопись) *Linguistic Sex Roles in Conversation: Social Variation in the Expression of Tentativeness in English*.
- Reid, E. (1976) Social and stylistic variation in the speech of some Edinburgh schoolchildren. Unpublished M. Litt. thesis, University of Edinburgh.
- Reid, E. (1978) Social and stylistic variation in the speech of children: some evidence from Edinburgh, pp. 158—171 in
- Trudgill, P. (ed.) *Sociolinguistic Patterns in British English*. Arnold, London.
- Romaine, S. (1978) Postvocalic/r/ in Scottish English: sound change in progress?, pp. 144—157 in Trudgill, P. (ed.) *Sociolinguistic Patterns in British English*. Edward Arnold, London.
- Romaine, S. (ed.) (1982) *Sociolinguistic Variation in Speech Communities*. Edward Arnold, London.
- Romaine, S. (1984) *The Language of Children and Adolescents: The Acquisition of communicative competence*. Basil Blackwell, Oxford.
- Rosaldo, M. Z. and Lamphere, L. (eds). (1974) *Woman, Culture and Society*. Stanford University Press.
- Ryan, E. B. and Giles, H. (eds) (1982) *Attitudes Towards Language Variation*. Edward Arnold, London.
- Sachs, J., Lieberman, P. and Erickson, D. (1973) Anatomical and cultural determinants of male and female speech, pp. 74—84 in Shuy, R. and Falsold, R. (eds). *Language Attitudes: current trends and prospects*. Georgetown University Press, Washington.
- Sacks, H., Schegloff, E. A. and Jefferson, G. (1974) A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation, *Language*, 50, 696—735.

- Sapir, E. (1961) Male and female forms of speech in Yana, in Mandelbaum, D. (ed.) *Selected Writings of Edward Sapir on Language, Culture and Personality*. University of California Press, Berkeley.
- Sarah, E. (1980) Teachers and students in the classroom: an examination of classroom interaction, pp. 155—164 in Spender, D. and Sarah, E. (eds) *Learning to Lose*. The Women's Press, London.
- Sears, P. and Feldman, D. (1974) Teacher interactions with boys and with girls, in Stacey, J., Bereaud, S. and Daniels, J. (eds) *And Jill Came Tumbling After: sexism in American education*. Dell Publishing, New York.
- Shipman, V. C. (1971) Disadvantaged children and their first school experiences, Educational Testing Service Head Start Longitudinal Study.
- Siegler, D. and Siegler, R. (1976) Stereotypes of males' and females' speech, *Psychological Reports*, 39, 167—170.
- Smith, P. M. (1979) Sex markers in speech, pp. 109—146 in Scherer, K. R. and Giles, H. (eds). *Social Markers in Speech*. Cambridge University Press.
- Smith R. K. and Connolly K. (1972) Patterns of play and social interaction in pre-school children, in Jones N. B. (ed.) *Ethological Studies of Child Behaviour*. Cambridge University Press.
- Smith, W. G. and Heseltine, J. E. (eds). (1935) *The Oxford Dictionary of English Proverbs*. Oxford University Press.
- Soskin, W. and John, V. (1963) The study of spontaneous talk, in Barker, R. (ed.) *The Stream of Behaviour*. Appleton-Century-Crofts, New York.
- Spender, D. (1980a) *Man Made Language*. Routledge & Regan Paul, London.
- Spender, D. (1980b) Talking in class, pp. 148—154 in Spender, D. and Sarah E. (eds) *Learning to Lose*. The Women's Press, London.
- Spender, D. (1982) *Invisible Women- The Schooling Scandal*. Writers and Readers Publishing Cooperative, London.
- Spender, D. and Sarah, E. (eds). (1980) *Learning to Lose*. The Women's Press, London. Stanford Research Institute (1972) Follow-through pupil tests, parent interviews, and teacher questionnaires, Appendix C.
- Stanworth, M. (1981) *Gender and Schooling*. WRRC Publications Collective.
- Stone, M. (1983) Learning to say it in cup of tea language, *The Guardian* (Women's Page), 19 April 1983.
- Strodtbeck, F. and Mann, R. (1956) Sex role differentiation in jury deliberations, *Sociometry*, 19, 3—11.
- Swacker, M. (1975) The sex of the speaker as a sociolinguistic variable, pp. 76—83 in Thorne, B. and Henley, N. (eds) *Language and Sex*. Newbury House, Rowley, Massachusetts.
- Swift, J. (1735) *Works*: Faulkner, Dublin.
- Tajfel, H. (1974) Social identity and intergroup behaviour, *Social Science Information*, 13(2), 65—93.
- Tajfel, H. (ed.) (1978) *Differentiation Between Social Groups: studies in the social psychology of intergroup relations*. Academic Press, London.
- Tajfel, H. (1981) *Human Groups and Social Categories*. Cambridge University Press.

- Thorne, B. and Henley, N. (eds). *Language and Sex: difference and dominance*. Newbury House, Rowley, Massachusetts.
- Trudgill, P. (1972) Sex, covert prestige and linguistic change in the urban British English of Norwich, *Language in Society*, 1, 179—195.
- Trudgill, P. (1974a) *The Social Differentiation of English in Norwich*. Cambridge University Press.
- Trudgill, P. (1974b) *Sociolinguistics*. Penguin Books, Harmondsworth.
- Trudgill, P. (ed.) (1978) *Sociolinguistic Patterns in British English*. Edward Arnold, London.
- Trudgill, P. (1983) *On Dialect*. Basil Blackwell, Oxford. Trudgill, P. (1984) *Applications of Sociolinguistics*. Academic Press, London.
- Tucker, S. (1961) *English Examined*. Cambridge University Press.
- Walters, J. (1981) Variation in the requesting behaviour of bilingual children. *International Journal of the Sociology of Language*, 27, 77—92.
- Weitz, S. (1977) *Sex Roles: biological, psychological and social foundations*. Oxford University Press.
- Wells, G. (1979) Variation in child language, in Lee, V. (ed.) *Language Development*. Croom Helm, London.
- Wernersson, I. (1982) Sex differentiation and teacher-pupil interaction in Swedish compulsory schools, in Secretariat of the Council of Europe (ed.) *Sex Stereotyping in Schools*. Swets and Zeitlinger.
- Whyte, J. (1984) Observing sex stereotypes and interactions in the school lab and workshop. *Educational Review*, 36, 75—86.
- Williams, I. F. (1912) *Phonetics for Scottish Students: the sounds of polite Scottish described and compared with those of polite English* (2nd edn). James Maclehose & Sons, Glasgow.
- Williams, J. and Giles, H. (1978) The changing status of women in society: an intergroup perspective, pp. 431—446 in Tajfel, H. (ed.) *Differentiation Between Social Groups*. Academic Press, London.
- Wilson, T. (1560) *The Arte of Rhetorique*. Clarendon Press, London (1909).
- Wilson, T. (1724) *The Many Advantages of a Good Language to Any Nation*. The Scholar Press Ltd, Menston, Yorks, 1969.
- Wodak, R. (1981) Women relate, men report: sex differences in language behaviour in a therapeutic group. *Journal of Pragmatics*, 5, 261—285.
- Woolf, V. (1979) *Women and Writing*. The Women's Press, London.
- Yaguello, M. (1978) *Les mots et les femmes*. Petite Bibliothèque Payot, Paris.
- Zimin, S. (1981) Sex and politeness: factors in first- and second-language use, *International Journal of the Sociology of Language*, 27, 35—58.
- Zimmerman, D. and West, C. (1975) Sex roles, interruptions and silences in conversation, pp. 105—129 in Thorne, B. and Henley, N. (eds). *Language and Sex: difference and dominance*. Newbury House, Rowley, Massachusetts.

Дебора Таннен

ТЫ ПРОСТО МЕНЯ НЕ ПОНИМАЕШЬ

ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В ДИАЛОГЕ*

Перевод с английского О. А. Васьковой

---

* *Tannen D. You Just Don't Understand: Women and Men in Conversation. N. Y., Ballantine Books, 1990.*

От автора

Обычных слов благодарности недостаточно, чтобы выразить мою признательность великодушным коллегам, прочитавшим предпечатную версию этой книги и высказавшим ценные замечания. За посвященное мне время и внимание я искренне признательна А. Л. Беккер, Пенелопе Эккерт, Ральфу Фейсольду, Майклу Гейзу, Карлу Гольдстайну, Робин Лакофф, Нилу Норрику, Сьюзан Филипс, Наоми Таннен, Бэрри Торну и Дэвиду Уайзу.

Перед Робин Лакофф я в давнем долгу. Будучи родоначальницей лингвистических гендерных исследований, она создала «стартовую площадку» для меня и целого поколения ученых, прокладывая путь, который с тех пор разделился на многие направления исследований. Ее курс лекций, прочитанный в Институте лингвистики в 1973 г., побудил меня стать лингвистом и выбрать для обучения Университет Калифорнии в городе Беркли, где она была одним из моих преподавателей. Она остается моим великодушным другом, советчиком и образцом ученого, который проводит свои теоретические исследования, не упуская из виду их практическое значение.

Не имеет границ и моя благодарность Ральфу Фейсольду — неиссякаемому и бесценному источнику интеллектуальной поддержки и полемики. Он принимал активное участие в обсуждении исследования, предлагая собственные точки зрения, примеры и источники информации, а также оказывая бесценную техническую поддержку. Я благодарна Университету Джорджтауна за знакомство с этим замечательным соратником и другом.

Также я бы хотела выразить благодарность тем людям, с которыми работала в Университете Джорджтауна, а именно Джеймсу Алатису, декану факультета иностранных языков и лингвистики, моим коллегам по социолингвистической программе, а также моим внимательным и заинтересованным студентам, способствовавшим развитию моих идей.

Многие другие люди энергично помогали, читая части рукописи и высказывая свое мнение, предоставляя примеры из собственного опыта или обсуждая со мной некоторые идеи. Хотя я перечисляю их вместе, вклад каждого дорог мне сам по себе. Это: Катрин Абрамовиц, Стив Бариш, Нико Беснир, Том Бразайтис, Брюс Брайэм, Марджори Брайэм, Пенелопа Браун, Джоселин Бертон, Кэролайн Селс-Мурсиа, Эндрю Коэн, Бронвин Дейвис, Бамби Эванс-Мюррей, Пол Фридрих, Аллен Фербек, Джим Гарофоллоу, Джон Голдсмит, Пол Голдстейн, Марджори Харнесс Гудвин, Джон Гварнаскелли, Энни Хокинсон, Рей Хейз, Пол Хоппер, Дебора Джеймс, Кристина Какава, Джудит Кац-Шварц, Каролин Кинней, Марк Кохут, Хелен Котсонис, Эдди Маковски, Джозеф Махей, Алан Маркс, Рэйчел Майеровиц, Сьюзи Наппер, Мириам Настазе, Мандана Навид-Табризи, Ребекка Перкс, Молли Петерсон, ПуаПуа Понафала, Деннис Престон, Люси Рей, Дэн Рид, Чак Ричардсон, Силия Робертс, Джоанна Робин, Элиф Розенфелд, Синтия Рой, Памела Сондерс, Дебора Шиффрин, Гейл Шрикер, Том Шрикер, Эми Шелдон, Уэнди Смит, Кионг Сук Сонг, Кэрола Шпренгель, Яна Стейтон, Дороти Таннен, Эли Таннен, Гэри Уивер, Боб Уебб, Этсуко Ямада и Хару Ямада.

Я благодарна Брюсу Дорвалу за возможность проанализировать его видеокассеты и транскрипты бесед в кругу друзей и за разрешение использовать фрагменты из этих материалов. Я также благодарна Сюзанне Глюк — агенту, о котором можно только мечтать, и всему коллективу издательства «Уильям Морроу и Компания», но особенно моему редактору, Марии Гварнаскелли, которая страстно верила в книгу с самого начала и занималась ею с безграничным энтузиазмом и энергией.

Моему мужу: благодарю тебя за все.

Предисловие

Жизнь каждого человека представляет собой череду разговоров. В центре моих социолингвистических исследований всегда стоял анализ повседневных бесед и их воздействие на отношения людей. В этой книге я слушаю мнения женщин и мужчин и пытаюсь извлечь смысл из бессмысленных на вид недоразумений, которые постоянно присутствуют в наших взаимоотношениях и показывают, что мужчина и женщина могут интерпретировать одну и ту же беседу по-разному, даже если кажется, что они понимают друг друга. Я объясняю, почему искренние попытки поговорить так часто заводят в тупик и как мы можем предотвратить или хотя бы смягчить разочарование.

В моей книге «Я не это хотела сказать!» («That's Not What I Meant!») показано, что стили общения различаются. Так, когда говорят люди из разных частей страны или разных этнических или социальных групп, вполне вероятно, что из слов друг друга они извлекут не совсем тот смысл, который в них вкладывался. Но от нас не требуют соединять свою жизнь с людьми из других частей страны или других этнических групп, хотя многие делают такой выбор. Зато предполагается, что мы свяжем свою жизнь с человеком противоположного пола, и у многих эти отношения длятся если не всю жизнь, то в течение долгого периода времени. И хотя многие из нас (правда, таких людей все меньше и меньше) могут провести большую часть жизни, не общаясь близко с людьми, которые выросли в совершенно другой культуре, мало кто — даже те, кто не состоит в браке или предпочитает однополый брак — может избежать тесного контакта с людьми противоположного пола, среди которых есть если не друзья, то родственники и коллеги по работе.

В книге «Я не это хотела сказать!» десять глав, одна из которых рассматривает гендерные различия в стилях общения. Но когда мне предлагали дать интервью, написать статью или прочитать лекцию, в 90% случаев меня просили сосредоточиться на

10 процентах книги, а именно на этой главе о различиях мужчин и женщин. Все хотели узнать побольше о гендере и стиле общения.

Я и сама хотела расширить свои знания. Ведь, на мое решение стать лингвистом в значительной степени повлиял курс, преподаваемый Робин Лакофф, который включал ее исследование гендера и языка. Моим первым крупным лингвистическим исследованием было изучение гендерных и культурных различий в косвенных речевых актах, и я была неплохо знакома с работами других ученых по этой теме. Правда, я всегда обитала на краю гендерных исследований и не проникла в их «сердцевину» — отчасти из-за того что эта область вызывает много споров.

«Искры летят» всякий раз, когда я пишу или говорю о различиях речевых стилей женщин и мужчин. Как правило, люди соглашаются с моими идеями и говорят, что они объясняют их собственный опыт. Они с облегчением узнают, что беспокоиться их заставило обычное положение дел и что с ними, их партнерами или их взаимоотношениями ничего ужасного не происходит. На манеру речи партнеров, которую они приписывали их личным недостаткам, следует смотреть как на отражение другой системы. И собственные манеры общения, из-за которых партнеры не давали им покоя в течение многих лет, оправданны и являются логичными и обоснованными.

Но хотя большинство людей находит, что мое объяснение гендерных различий в стилях общения совпадает с их собственным опытом, и готово тотчас предложить в доказательство примеры из личного опыта, некоторые раздражаются при одном упоминании слова «гендер». Есть и такие люди, которых злит простое предположение, что женщины и мужчины — разные. Такая реакция может исходить как от женщин, так и от мужчин.

Некоторые мужчины слышат в любом исходящем от женщины утверждении о различиях женщин и мужчин обвинение — модный способ воздеть руки и воскликнуть: «Ах вы, мужчины!». Им кажется, что на них если не клеветают, то превращают в объект уже одним фактом обсуждения.

Но не только мужчины выражают негодование по поводу рассуждений о женщинах и мужчинах. Некоторые женщины опасаются — и не без основания, — что любое упоминание гендерных различий будет воспринято как намек, что отличаются именно женщины — отклоняются от стандарта, которому соответствует любой мужчина. То, что характерно для мужчин, воспринимает-

ся как норма, а то, что характерно для женщин, — как отклонение от нормы. А от понятия «другой» до понятия «худший» — только один, возможно неизбежный, шаг.

Кроме того, если обнаруживается, что женские и мужские стили общения отличаются, именно женщинам обычно предлагают измениться. Подтверждение этому я нашла в реакции на мою собственную статью, которую написала для «Вашингтон Пост». В ней я описала беседу супружеской пары, которая произошла в автомобиле. На вопрос супруги «Не хочешь остановиться что-нибудь выпить?» ее муж правдиво ответил «Нет», и они не остановились. Позже он был поражен, когда узнал, что его жена была недовольна тем, что они не остановились, так как хотела пить: «Почему она просто не сказала, чего хотела? Что это за игры?». Жена, объяснила я, была недовольна не тем, что не добилась своего, а тем что не учли ее желание. С ее точки зрения, она, в отличие от мужа, побеспокоилась о нем.

Анализируя этот пример, я подчеркнула, что муж и жена имели разные, *но равноценные* стили. Эта точка зрения была утеряна в жестоко отредактированной версии моей статьи, появившейся в «Торонто стар», в которой я якобы советовала: «женщина должна понять, что, когда он отвечает “да” или “нет”, это не означает, что он не хочет обсудить вопрос». Редактор «Стар» вычеркнул непосредственно предшествующий этому предложению текст, в котором говорилось: «Чтобы понять, что же происходит не так, мужчина должен осознать, что, когда женщина спрашивает о его желании, она не запрашивает информацию, а скорее начинает обсуждение того, что они оба хотели бы. Однако, со своей стороны, женщина должна понять, что...». Ловкое владение редакторскими ножницами превратило мое утверждение о необходимости для женщин и мужчин *одинаково* приспособляться друг к другу в утверждение, что женщины должны принимать односторонние попытки понять мужчин. Сообщение женщинам того, что они одни должны «понять», подразумевает, что манера поведения мужчин является правильной, а манера поведения женщин — неправильной. Эта отредактированная версия была перепечатана в одном из учебников, и ошибка стала распространяться далее.

Все мы знаем, что мы — единственные в своем роде личности, но других людей склонны рассматривать как представителей групп. Это — естественная тенденция: чтобы понять окружающий мир, мы должны судить его по определенным моделям. Мы

не справились бы с каждодневным потоком людей и предметов, если бы не могли о многом догадываться и чувствовать, что знаем, кто они и что собой представляют. Но эта естественная и полезная способность видеть образцы подобия имеет и печальные последствия. Сведение человека к упрощенной категории оскорбительно, а также вводит в заблуждение. Разделение женщин и мужчин на категории рискует усилить этот редуccionизм.

Обобщения, улавливая сходства, затемняют отличия. На формирование людей влияют бесчисленные факторы, такие как этническая, расовая, классовая принадлежность, религия, возраст, профессия, географические районы, в которых живут они сами и их родственники, и многие другие отличительные черты группы; все они сочетаются с личными чертами характера и склонностями. Людям свойственно оценивать других, относя их к одной или нескольким категориям, например «южная красавица», «еврей-интеллектуал из Нью-Йорка», «бостонский аристократ» или «темпераментный итальянец». Хотя эти категории и могут предсказать определенные моменты поведения людей, они в своем описании упускают гораздо больше, чем улавливают. Каждый человек в бесчисленных отношениях совершенно непохож на кого-либо еще, включая и тех, кто принадлежит к тем же самым категориям.

Несмотря на эти опасности, я присоединяюсь к все шире распространяющемуся диалогу о гендере и языке, потому что риск игнорирования различий выше, чем опасность их упоминания. Замести что-то громоздкое под ковер — не значит это убрать. Решив пройти через комнату, вы обязательно споткнетесь и упадете. Отрицание реальных различий может только усугубить недоразумение, которое уже широко распространено в нашу эпоху изменения и преобразования отношений между женщинами и мужчинами.

Сделать вид, что женщины и мужчины — одинаковы, оскорбительно для женщин, так как отношение к ним основывается на нормах поведения мужчин. Но это обижает и мужчин, которые с добрыми намерениями говорят с женщинами так, как если бы они говорили с мужчинами, и приходят в замешательство, когда их слова не оказывают ожидаемого эффекта или даже вызывают гнев и негодование.

Американка индейского происхождения Эбби Абинанти отразила этот парадокс в описании того, почему учеба на юридическом факультете была для нее трудной и неприятной:

Люди неодобрительно относились или не признавали, что юристами могут быть индейцы или женщины. Некоторые не могли решить, что им было более ненавистно, а некоторые делали вид, что им все равно, что мы все одинаковые: я тоже могла быть «своим парнем», «одним из “белых” парней». Вряд ли. Оба этих подхода создавали мне трудности.

Нетрудно понять, как люди, которым ненавистна мысль, что женщины или индейцы могут быть юристами, с большим удовольствием осложняют жизнь индейской женщины на юридическом факультете. Тяжелее понять, каким образом те, кто хотел принять ее как равную себе, тоже осложняли ей жизнь. Предположение, что она такая же, как и все, было деструктивным, так как она не была такой же; установки, ценности и стили общения, которые отражали и подтверждали их индивидуальность, разрушали ее индивидуальность.

Желание подтвердить равноправие женщин привело к тому, что некоторые ученые неохотно показывают, что они отличаются, поскольку различия могут использоваться для оправдания неравноценного отношения и возможностей. Я с пониманием и симпатией отношусь к тем, кто считает, что между женщинами и мужчинами существует единственное различие — социальная несправедливость, которую можно устранить. Однако мое исследование, исследования моих коллег, мой собственный опыт и опыт других показывают, что это все же не так. В стилях общения *существуют* гендерные различия, и мы должны определить и понять их. Без этого понимания мы обречены обвинять других людей или самих себя — или отношения — за то, что наши контрастирующие разговорные стили вводят в заблуждение и таят опасность.

Признание гендерных различий освобождает людей от бремени индивидуальной патологии. Многие женщины и мужчины недовольны своими близкими отношениями и разочаровываются еще больше, когда пытаются их обсудить. Применение *социолингвистического* подхода к изучению взаимоотношений позволяет объяснить это недовольство, не обвиняя друг друга в «странностях» или неправоте и не разрывая отношения. Если мы осознаем и поймем наши различия, то сможем принять во внимание стили общения людей противоположного пола, приспособиться к ним и научиться другому стилю.

Социолингвистический подход, которого я придерживаюсь в этой книге, показывает, что многие разногласия возникают из-за того, что мальчики и девочки растут в весьма разных культурах,

поэтому общение между женщинами и мужчинами является межкультурной коммуникацией. Межкультурный подход к гендерным различиям в разговорном стиле отличается от трудов по вопросам гендера и языка, в которых утверждается, что беседы между мужчинами и женщинами терпят неудачу из-за стремления мужчин доминировать над женщинами. Нельзя отрицать, что мужчины как класс доминируют в нашем обществе и что многие мужчины в своей жизни стремятся подчинить женщин своей воле. И все же только мужским господством не всегда можно объяснить все, что происходит с женщинами и мужчинами, когда они разговаривают — особенно если они искренне пытаются отнестись друг к другу с вниманием и уважением. Эффект превосходства не всегда является результатом намерения доминировать. Именно этому новому взгляду будет посвящена моя книга.

В нынешнюю эпоху открывающихся возможностей женщины начинают занимать руководящие посты. Сначала мы предполагали, что они смогут просто говорить так, как всегда, но это часто оказывается недейственным. Тогда логично предположить, что они должны изменить свой речевой стиль и разговаривать как мужчины. Однако женщинам такое изменение стиля неприятно, да и ничего оно не меняет: женщин, говорящих в мужской манере, оценивают по-другому — и сурово. Остается один выход — изучить то, из чего мы можем выбирать, и то, как это действует. Только поняв стили общения друг друга и наши собственные возможности, мы сможем их расширить и избежать тесных рамок монолитного разговорного стиля.

Различия в стилях общения не объясняют всех проблем, которые возникают в отношениях между женщинами и мужчинами. Взаимоотношениям людей иногда угрожают психологические проблемы, настоящие неудачи в любви, недостаток заботы, подлинный эгоизм и существующие последствия политической и экономической несправедливости. Но в огромном количестве случаев общение не удается просто потому, что партнеры по-разному выражают свои мысли и чувства и свои предположения о том, как нужно общаться. Если мы сможем разобраться в этих различиях, нам будет легче противостоять реальным столкновениям интересов и найти общий язык, чтобы преодолеть их.

В начале предисловия к книге «Я не это хотела сказать!» я рассказала о студентке, которая сообщила, что, слушая мой курс лекций в Университете Джорджтауна, спасла свой брак. Недавно

она — теперь профессор и до сих пор замужем — написала мне письмо: она разговаривала с мужем, и беседа каким-то образом превратилась в спор, в разгар которого он раздраженным тоном сказал: «Доктору Таннен надо бы поскорее написать новую книгу, потому что повсюду все эти дела с общением мужчин и женщин — величайшая проблема!». Заканчивая это предисловие, я хочу сказать, что посвящаю эту книгу ему и всем женщинам и мужчинам, которые изо всех сил стараются договориться друг с другом.

Глава 1

Разные слова, разные миры

Много лет назад мой тогдашний муж кричал: «Не смей повышать на меня голос, ведь ты — женщина, а я — мужчина». Эта несправедливость задевала, но я понимала, почему он так говорит: ведь он вырос в стране, где мало кто допускал, что женщины и мужчины могут иметь равные права.

Сейчас я замужем за другим. Мой муж — партнер мне и друг. У нас похожее прошлое, общие ценности и интересы. Разговоры с ним — неиссякаемый источник удовольствия. Замечательно, когда есть человек, которому можно рассказать все, человек, который тебя понимает. Но его взгляды не всегда совпадают с моими; иногда его реакция не совпадает с моими ожиданиями. Да и я часто не понимаю, почему он говорит то, что говорит.

Когда я начала писать эту книгу, мы работали в разных городах. Знакомые часто выражали свое сочувствие замечаниями вроде «Тяжело вам, наверное» и «Как вы это выдерживаете?». Я считала их сочувствие оправданным и отвечала примерно так: «Мы часто летаем друг к другу». Иногда я показывала, что их беспокойство обоснованно: «Хуже всего необходимость все время собирать и разбирать чемоданы». А вот мой муж реагировал иначе, часто с раздражением. Отвечая, он старался показать, что не так уж все неудобно: мы же преподаватели, у нас четыре выходных в неделю, да еще мы вместе на длительных каникулах в течение года, включая четыре месяца летом. А время, когда мы не можем быть вместе, используется для работы. Однажды я случайно услышала, как он говорил одному из сочувствующих, что нам повезло, так как научно доказано, что супружеские пары, живущие вместе, тратят менее получаса в неделю на разговоры

друг с другом. Он намекал на то, что наше положение имеет преимущества.

Я не спорила с мужем — все, что он говорил, было правдой, — но его реакция меня удивляла, а ее причины были не ясны. Муж объяснил, что в некоторых сочувственных замечаниях ему слышится снисходительность, как будто спрашивающий подразумевает: «У тебя не настоящий брак; ты неудачно выбрал профессию, и это привело к несчастливому союзу. Я жалею тебя и смотрю на тебя свысока, потому что мы с женой избежали твоего несчастья». Мне же и в голову не приходило, что в этих выражениях сочувствия мог быть оттенок превосходства, хотя я и смогла осознать этот факт, когда он обратил на него мое внимание. Однако, даже поняв, в чем дело, я была склонна считать реакцию мужа странностью, личной причудой. Казалось, он часто воспринимал других как соперников, тогда как я этого не делала.

Проведя исследование, результатом которого стала эта книга, я теперь понимаю, что мой муж просто устраивался в мире так, как это делают многие мужчины: как индивидуум в иерархическом общественном порядке, в котором он занимает высокое или низкое положение. В этом мире разговоры — это переговоры, в которых люди пытаются добиться и удержать, если могут, превосходство и защитить себя от попыток других принизить их и манипулировать ими. Таким образом, жизнь — это состязание, борьба за сохранение независимости и предотвращение неудач.

Я, напротив, подходила к миру, как многие другие женщины: видя себя индивидуумом в сети отношений, взаимосвязи. В этом мире разговоры — это переговоры для установления близости, в которой люди пытаются найти и оказать помощь и поддержку, а также достичь согласия. Они пытаются защитить себя от попыток других отвергнуть их. Жизнь, следовательно, — это общность, борьба за то, чтобы сохранить тесные дружеские отношения и избежать изоляции. Хотя в этом мире тоже существуют иерархии, они больше относятся к дружбе, чем к власти и успеху.

Женщинам не безразлично достижение общественного положения и предотвращение неудач, но это не является той целью, на которой они постоянно *сосредоточены*, и часто ее добиваются путем создания межличностных связей. И мужчины стремятся общаться и избежать изоляции, но они *не считают* это главной целью и добиваются ее при помощи сопротивления.

Обсуждая наши различия с этой точки зрения, мой муж указал на особенность, которую я упустила: он реагировал описанным

выше образом, только если выражения сочувствия исходили от мужчин, в которых он видел соперников в иерархических отношениях. И были случаи, когда мне также не нравилось выражение сочувствия по поводу нашего «чемоданного» брака. Вспоминаю, как обиделась на одного знакомого, который подозрительно, как мне показалось, посмотрел на меня и спросил: «Как вы ухитряетесь поддерживать роман на расстоянии?». В другой раз мне было неприятно, когда в театре во время антракта к нам подошла женщина, знавшая меня понаслышке, и узнала о нашей ситуации, спросив у мужа, где он работает. Все остальное время она расспрашивала нас об этом. Эти ситуации я восприняла не как демонстрацию превосходства, а как навязчивость. Моего мужа раздражали притязания на более высокий статус, мне же казалось, что эти сочувствующие претендуют на неуместную близость.

Близкие отношения и независимость

В мире взаимосвязи, где индивидуумы устанавливают сложные сети дружбы, сводят различия к минимуму, пытаются достичь согласия и избегают появления превосходства, которое выдвинет на первый план различия, основу составляют *близкие отношения*. В мире статуса главным является *независимость*, так как основное средство утверждения статуса — указания другим, что делать, а выполнение указаний — это признак низкого статуса. Несмотря на то что всем нужны как близкие отношения, так и независимость, женщины склонны сосредоточиваться на первом, а мужчины — на втором, как будто они сделаны из разного теста.

Эти различия могут стать источником разных взглядов женщин и мужчин на одну и ту же ситуацию, как это произошло с супругами, которых я назову Линда и Джош. Старый школьный приятель Джоша позвонил ему на работу и сообщил, что в следующем месяце он будет по делам в городе. Джош пригласил его к себе на выходные. В тот же день Джош сообщил Линде, что у них будет гость и что в первый вечер он и его друг сходят куда-нибудь пообщаться, как в старые времена. Линда расстроилась. На неделе она собиралась ехать в командировку, и вечер в пятницу — когда Джоша и его приятеля не будет — это первый вечер, который она проведет дома. Но больше всего ее расстроило

то, что Джош самостоятельно спланировал выходные и поставил ее перед фактом, а не обсудил все с ней, до того как пригласить друга.

Линда никогда бы не стала планировать выходные или вечер, не спросив Джоша. Она не может понять, почему муж не проявляет встречной учтивости и внимания. Но в ответ на ее протест Джош говорит: «Я не могу сказать своему другу: “Мне надо просить разрешения у жены!”».

Для Джоша сверяться с планами жены означает просить разрешения, что подразумевает, что он не является независимым и не свободен в своих действиях. Это заставляет его чувствовать себя подобно ребенку или подчиненному. Для Линды согласование планов с мужем никакого отношения к разрешению не имеет. Она считает, что супруги обсуждают планы друг с другом, потому что их жизни переплетены, и действия одного имеют значение для другого. Для Линды нет ничего зазорного сказать кому-нибудь: «Я должна узнать о планах Джоша», напротив — ей это нравится. Ей приятно осознавать и показывать, что она не одна, что ее жизнь связана с жизнью кого-то другого.

И Линда, и Джош были расстроены из-за этого случая больше, чем следовало, так как затронутыми оказались их главные ценности. Линда обиделась, так как почувствовала разрушение близости в их отношениях: он не заботится о ней так же, как она о нем. А Джош обиделся, так как считал, что она пытается контролировать его и ограничить его свободу.

Похожий конфликт происходит между другой парой — Луизой и Хоуи — относительно траты денег. Луиза никогда не купит вещь стоимостью больше ста долларов, не обсудив это с Хоуи. А он идет и покупает все, что хочет, считая, что они могут себе это позволить, например, столярную пилу или новую механическую косилку. Луиза встревожена не потому, что она не одобряет его покупки, а потому что ей кажется, что он с ней не считается.

Многие женщины считают естественным каждый раз советоваться со своим супругом, в то время как многие мужчины автоматически принимают больше решений самостоятельно. Это, вероятно, отражает явное различие в понимании принятия решений. Женщины думают, что решения надо сначала обсудить, а потом единодушно принять. Для них само обсуждение — свидетельство участия и общения. Но многих мужчин угнетает длительное обсуждение того, что они считают незначительным, и они чувствуют себя связанными, если не могут просто действо-

вать без всякого предварительного обсуждения. Когда женщины пытаются начать свободное обсуждение вопросом «Что ты думаешь?», мужчины часто полагают, что их просят принять решение.

Общение — это непрерывная деятельность, оперирующая противоположными по сути потребностями в близости и в независимости и приводящая их в равновесие. Чтобы выжить в этом мире, нам приходится взаимодействовать с другими, но чтобы выжить, сохранив свою индивидуальность, а не просто как винтики одного механизма, мы вынуждены действовать в одиночку. В некоторых отношениях все люди одинаковы: мы все едим, спим, пьем, смеемся и простужаемся; и часто мы едим одно и то же и смеемся над одним и тем же. Но в некоторых отношениях каждый человек индивидуален, и непохожие потребности и предпочтения людей могут противоречить друг другу. Если предложить нескольким людям одно и то же меню, они сделают разный выбор. И если на десерт подается торт, возможно, что кому-то достанется больший кусок. Но еще более вероятно, что кто-то *подумает*, что у другого кусок больше, независимо от того, так это или нет.

Асимметрии

Если близость говорит: «Мы вместе и одинаковы», а независимость: «Мы отдельно и разные», легко понять, что они переплетены с взаимосвязью и статусом. Важнейшим элементом взаимосвязи является симметрия: люди — одинаковые и чувствуют себя в равной степени близкими друг другу. Важнейшим элементом статуса является асимметрия: люди не одинаковы; они занимают разные места в иерархии.

Эта двойственность особенно отчетливо проявляется в выражениях сочувствия или участия, являющихся потенциально двусмысленными. Их можно истолковать либо симметрично — как свидетельство дружеских чувств между равными, либо асимметрично — как сказанное лицом, имеющим более высокий статус, тому, чей статус ниже. Вопрос, нашел ли безработный работу, смогли ли супруги зачать ребенка, которого они страстно желают, или ожидает ли внештатный профессор зачисления в штат, может означать и быть истолкован, независимо от того что он значит, как выражение участия человеком, который понимает и сочувствует, или как напоминание о слабости, исходящее от то-

го, кто более удачлив и знает об этом, и, следовательно, как снисходительность. Многим мужчинам последнее представление о сочувствии кажется само собой разумеющимся. Например, альпинист-инвалид Том Уиттакер, руководитель туристических групп инвалидов, заметил: «Вы не можете сочувствовать тому, кем восхищаетесь». Мне показалось, что это поразительно неверное утверждение.

Симметрия отношений — это то, что создает общность: если два человека борются за близость, они — соратники. Асимметрия же статуса — это то, что создает столкновение: два человека сразу не могут занимать ведущую позицию, поэтому переговоры по поводу статуса в своей основе являются соперничеством. В своей предыдущей работе я обстоятельно изучила движущие силы близости (которую я называла *вовлеченность* — *involvement*) и независимости, но была склонна недооценивать силу статуса и его конкурентную сущность. Однако стоило мне только выявить эти движущие силы, как я увидела их повсюду. «Странное» поведение друзей и коллег, наконец, стало понятным.

Различия наших с мужем подходов к одной и той же ситуации, прежде непонятные, неожиданно приобрели смысл. Например, в джаз-клубе официантка порекомендовала мне крабовые палочки. Они оказались ужасными, и я размышляла, не отменить ли заказ. Когда официантка подошла спросить, нравится ли нам еда, я сказала, что крабовые палочки меня совсем не устраивают. Она спросила: «Чем они вам не нравятся?». Не отрывая взгляда от стола, мой муж ответил: «У них несвежий привкус». Официантка резко оборвала: «Что вы хотите? Они же замороженные». Я тут же посмотрела на нее и сказала: «Они нам просто не нравятся». Она ответила: «Хорошо, если они вам не нравятся, я их заберу и принесу что-нибудь другое».

Когда она ушла, мы рассмеялись, поняв, что только что неосознанно разыграли сценарии, о которых я писала. Муж воспринял вопрос «Чем они вам не нравятся?» как вызов, которому надо противостоять. Он не любит «драться», поэтому отвел взгляд, чтобы смягчить неизбежный встречный выпад. Он инстинктивно чувствовал, что должен придумать что-то относительно крабовых палочек, чтобы оправдать мое недовольство (он защищал меня). Я же поняла этот вопрос как запрос информации и нашла способ доказать свою правоту, не обвиняя официантку. Возможно, именно потому что она — женщина, официантка более благосклонно отреагировала на мои слова.

Когда я обсудила эти различия с друзьями и в группах, слушатели также отметили, что теперь понимают слова и поступки, которыми ранее были озадачены. Например, одна женщина сообщила, что, наконец, поняла, почему ее муж отказался спросить своего начальника, есть ли у него шансы на повышение в должности. Выяснить это было необходимо, чтобы в случае отрицательного ответа начать поиски новой работы. Но вместо того чтобы просто спросить, он волновался и нервничал, лишился сна и всячески терзался. Не зная, как все это объяснить, жена обратилась к литературе по психологии, из которой вычитала: ее муж, видимо, не уверен в себе, боится отказа. Но ведь все в какой-то степени неуверенны. Супруг же в действительности таким не был. А она, считая себя, по крайней мере, такой же неуверенной, как и он, не раздумывая, пошла к своему начальнику спросить, намерен ли он перевести ее с временной работы на постоянную.

Все проясняет понимание ключевой роли, которую играет статус в отношениях мужчин. Обращение к начальнику с вопросом о шансах на продвижение выдвигает на первый план иерархию в отношениях, напоминая им обоим о том, что будущее служащего — в его руках. Положение человека с низким статусом создавало для этого мужчины крайний дискомфорт. Хотя его жене тоже было не особенно приятно выступать перед начальником в роли просительницы, эта ситуация не встревожила ее так, как супруга.

Испытав внезапное озарение, одна сотрудница отдела продаж воскликнула, что теперь понимает прежде удивлявшие ее перемены в поведении руководителя ее отдела, когда его назначили на должность регионального менеджера. Она была уверена, что этот человек будет идеальным начальником — у него было здоровое неуважение к начальству. Как начальник отдела он редко утруждал себя посещением собраний, устраиваемых руководством, и любил, когда его сотрудники выражали критику, с удовольствием используя свое право от их имени отказаться от выполнения распоряжений начальства. Но, став региональным менеджером, этот человек неузнаваемо изменился. Он ввел столько правил, сколько не могло присниться и в кошмарном сне, и настаивал на том, что исключения могут быть сделаны только на основе письменной просьбы.

Этот человек изменил поведение, так как занял новое место в иерархии. Будучи подчиненным, он всячески боролся с этой ролью. Но, став руководителем, он постарался максимально расши-

рить свои полномочия. Уклоняясь от собраний и пренебрегая правилами, он проявлял не неуважение к иерархии, а скорее дискомфорт от того, что находится в ней в зависимом положении.

Еще одна из моих слушательниц наконец поняла, почему ее жених, очень веривший в равноправие, однажды шепнул ей, чтобы она понизила голос. «Внизу мои друзья, — сказал он. — Я не хочу, чтобы у них сложилось впечатление, что ты мной командуешь».

Возможно, женщинам и наклеили ярлык «пила» в результате взаимодействия мужского и женского стилей, в соответствии с чем многие женщины склонны выполнять просьбы, а многие мужчины обычно сопротивляются даже малейшему намеку на то, чтобы кто-нибудь, особенно женщина, указывал им, что делать. Женщина скорее повторит просьбу, на которую никак не реагируют, — ведь она уверена, что муж пойдет ей навстречу, если только поймет, что она *на самом деле* от него хочет. Но мужчине противно само чувство, что он подчиняется указаниям, и он инстинктивно выждет какое-то время, прежде чем выполнить просьбу, чтобы вообразить, что делает это по собственному желанию. В результате и возникает «пиление»: каждый раз, когда она повторяет свою просьбу, он вновь откладывает ее выполнение.

Разная интерпретация помощи

Эмили и Джейкоб сами планировали свою свадьбу, но большую часть расходов оплачивали родители Эмили. Заботясь о том, чтобы все прошло хорошо, ее родители часто звонили и подробно расспрашивали, сколько и за что они платят: какие закуски будут поданы? по сколько штук будет на каждого гостя? что будет на обед? сельдерей и оливки подадут на каждый стол? какие цветы поставят на столы? все записали? Эмили и Джейкоб воспринимали расспросы как намек на то, что свадьба на грани срыва, так как у них не хватает опыта, чтобы организовать ее. В ответ на возражения Эмили ее мать объяснила: «Мы хотим участвовать в проведении свадьбы. Мы хотим помочь».

Как и в случае выражения сочувствия, в предложении или оказании помощи всегда присутствует парадокс. Постольку, поскольку оно отвечает потребностям того, кому помогают, это великодушный поступок — выражение заботы и укрепление отношений. Но, являясь асимметричным, оказание помощи ставит одного человека в положение превосходства относительно дру-

гого. Заимствуя терминологию Грегори Бейтсона, мы можем рассматривать помощь как *послание* (*message*) — буквальное значение этого действия. Но в то же время акт помощи посылает и *метапослания* (*metamessages*) — информацию о позициях задействованных людей и их отношении к тому, что они говорят или делают, а также к людям, для которых они это говорят или делают. Другими словами, послания помощи говорят: «Это хорошо для тебя». Но может показаться, что факт оказания помощи посылает и метапослание «Я компетентнее тебя», и в этом смысле это выгодно тому, кто помогает.

В интерпретации метапосланий, касающихся статуса и отношений при оказании помощи или в любом другом коммуникативном акте, многое зависит от того, как это делается и что при этом говорится. Например, в случае выражения сочувствия — как формулируются высказывания, каким тоном их произносят, какие жесты и выражения лица их сопровождают — все обуславливает производимое впечатление. Все эти сигналы содержат метапослания о том, что лежит в «подтексте» коммуникации. «Успокаивающее» похлопывание может усилить ощущение снисходительности; очень встревоженный вид — обострить впечатление, что у другого большие неприятности; неожиданная улыбка — означать, что за вопросом скрывается выражение участия от равного по статусу.

Противоречивые метапослания, свойственные оказанию помощи, становятся особенно очевидными, когда люди находятся в служебных иерархических отношениях. Как родители часто терпят неудачу в попытках быть «друзьями» своим детям, так и начальники, дающие дружеский совет подчиненным, могут обнаружить, что их слова, задуманные симметрично, интерпретируются через фильтр асимметрии. Например, директор дома для умственно отсталых людей сочувственно относился к жалобам сотрудников на низкую зарплату, и поэтому выступил на собрании, как ему казалось, откровенно и участливо. Он честно признал, что оплата их труда никогда не будет достаточной для содержания семьи. Кроме того, их не назначат на более высокооплачиваемые должности, если у них нет ученой степени (выше бакалавра). Он дружески посоветовал им поискать другую работу, если они хотят иметь место, ведущее к более удачной карьере. Сотрудники не оценили искренность своего начальника, так как не восприняли его сообщение как выражение заботы об их благополучии, исходящее от равного. Наоборот, они восприняли это как угрозу начальника: «Если вам здесь не нравится — уберите».

Рамки ситуации общения

Что такое метапослания, можно объяснить и по-другому. Они структурируют общение — вводят его в определенные рамки (*frame*), приблизительно как рама для картины обеспечивает контекст для изображенных образов. Метапослания очерчивают границы ситуации, в которой совершается коммуникативная деятельность, и сообщают вам, как интерпретировать услышанное: это спор или беседа? это помощь, совет или выговор? В то же время они сообщают вам, какое положение в этой ситуации занимает говорящий и какое положение отводится вам.

Чтобы отразить этот аспект, социолог Ирвин Гоффман использует термин «расстановка» (*alignment*). Если вы принижаете меня, то сами по отношению ко мне занимаете более высокую позицию. Но это еще не все. Демонстрация вашей позиции относительно других происходит так: ваши слова позиционируют вас точно так же, как вы — их. Например, если вы говорите с другими людьми как учитель с учениками, им может показаться, что ваша манера говорения позиционирует вас как высокомерного или педантичного человека. Если вы говорите с другими как студент, который просит помощи или объяснений, вас могут воспринять как неуверенного, некомпетентного или наивного. Наши реакции на то, что говорят или делают другие, часто вызваны тем, как нас (как нам кажется) позиционируют.

Современное лицо рыцарства

Позиционирование является определяющим фактором в следующем обыденном эпизоде. По улице медленно движется машина, а другая в это время отъезжает с места парковки. Водитель припаркованной машины сомневается, ехать ему или нет, а водитель другой машины останавливается и показывает рукой, что уступает дорогу. Если за рулем припаркованной машины — женщина, скорее всего, она улыбнется в знак благодарности и продолжит путь, пока галантный мужчина ждет. Но если — мужчина, вполне возможно, что в ответ он тоже подаст знак рукой и будет настаивать, что подождет сам, даже если в других обстоятельствах он и попытался бы проскочить.

Рыцарственный мужчина, который придерживает дверь или сигнализирует женщине, пропуская ее машину, одновременно уста-

навливает и статус, и контакт. О различии в статусе говорит метапослание контроля: женщина проезжает вперед не потому что имеет право, а потому что он ей разрешил, поэтому ее позиционируют как зависимого человека. Более того, те, кто имеет возможность дать привилегии, также могут передумать и забрать их обратно. Именно этот аспект позволяет некоторым женщинам заявлять, что галантные поступки — шовинистические. Те, кто оценивает подобные поступки как «вежливые», видят только контакт: он любезен. Так же, вероятно, считает и мужчина, совершающий великодушный поступок — понятно, почему он может прийти в ярость, если его вежливость вызывает протест, а не благодарность.

Но если позволение проехать первым — это просто вежливый жест, дающий кому-либо преимущество, почему так много мужчин отказывается от такого «подарка» и вместо этого жестом показывают другому водителю или пешеходу, что пропускают его? Потому что это также сохраняет независимость: водитель сам определяет линию поведения, а не идет на поводу у других.

Ситуация «покровительства»

Покровительственный поступок со стороны мужчины укрепляет традиционный порядок, согласно которому мужчины защищают женщин. Но покровительственный поступок со стороны женщины подсказывает другой сценарий: женщины защищают детей. Вот почему многие мужчины сопротивляются попыткам ответного покровительства со стороны женщин — они чувствуют, что их позиционируют как детей. Эти скрытые движущие силы вносят логику в то, что иначе кажется бессмысленным спором между женщинами и мужчинами.

Вот пример незначительного поступка, который привел к серьезному недоразумению. Сандра вела автомобиль, а Морис сидел рядом. Пришлось резко затормозить, и она сделала то, что всегда делал ее отец при неожиданной остановке автомобиля, если Сандра сидела рядом: во время торможения она вытянула правую руку, чтобы защитить сидящего рядом человека от падения вперед.

Этот жест был, главным образом, символическим. Сандре не хватило бы сил удержать Мориса. Возможно, его основное назначение было просто предупредить о внезапной остановке. В

любом случае, этот жест стал для нее, как и для ее отца, машинальным, и она чувствовала себя опытной и внимательной. Но Мориса это привело в ярость. Он объяснил, что для безопасности надо держать обе руки на руле. Сандра знала, что, вытянув руку, не потеряла контроль над машиной, поэтому им так и не удалось уладить спор. В конце концов, она приучила себя не поддаваться этому порыву в присутствии Мориса, чтобы избежать ссоры, но ее очень огорчала его неразумная (с точки зрения Сандры) реакция.

Хотя Морис и сослался на безопасность, он в действительности реагировал на позиционирование, подразумеваемое этим жестом. Он уловил в нем принижение, низведение до положения ребенка: вытягивая руку, чтобы уменьшить силу удара, Сандра защищала его. Морис и без того уже чувствовал дискомфорт от того, что просто сидел, а Сандра вела автомобиль (хотя это ее машина). Многие мужчины и женщины думают, что достигли равенства в своих отношениях, но обнаруживают, что всякий раз, когда они вместе садятся в машину, она непроизвольно направляется к месту пассажира, а он — к месту водителя. Она водит автомобиль только в его отсутствие.

Акт защиты позиционирует защитника как доминирующего, а защищаемого — как зависимого. Но различие в статусе, сигнализируемое этим порядком, быстрее замечают мужчины. В результате женщины, которые думают на языке взаимосвязи, разговаривают и ведут себя так, как будто принимают защиту, не осознавая, что другие могут счесть их действия добровольным переходом в положение зависимого человека.

Разными путями к одной цели

И статус, и взаимосвязь могут использоваться как средства достижения цели с помощью разговора. Предположим, вы хотите вызвать водопроводчика, у которого все время расписано на месяц вперед. Вы можете использовать стратегии, которые умело задействуют вашу взаимосвязь или различия в статусе. Если вы выбрали статус, вы можете действовать как человек, имеющий или более высокий, или более низкий статус. Пример высокого статуса: вы сообщаете, что вы — важная персона, городской чиновник, имеющий влияние в таких вопросах, как выдача лицензий и разрешительных свидетельств, в которых нуждается водопроводчик. Пример низкого статуса: вы грустно со-

общаете диспетчеру, что вы в городе недавно и у вас нет соседей или родственников, к которым можно было бы обратиться, чтобы принять душ или воспользоваться удобствами. Вы надеетесь, что она пожалеет вас и уделит вам особое внимание. Независимо от того займете ли вы ту или иную позицию, оба этих подхода играют на различии в статусе, признавая, что два вовлеченных в разговор человека находятся в асимметричных отношениях.

С другой стороны, вы можете попытаться усилить ваше сходство. Если вы и диспетчер из одного города, или из одной страны, или принадлежите к одной культуре, вы можете завязать беседу о вашем родном городе или заговорить на родном диалекте или языке, надеясь, что это напомнит ей о ваших общих корнях, и поэтому она отнесется к вам с особым вниманием. Если у вас есть общий знакомый, вы можете упомянуть этого человека в надежде, что это создаст чувство близости, отчего ей захочется помочь вам. Вот почему важно, чтобы вас лично представили тому, с кем вы хотите встретиться, — это превратит вас из незнакомца в человека, с которым установлена личная связь.

Примеры бесед с диспетчером иллюстрируют те варианты, которые можно использовать всякий раз, когда вы пытаетесь чего-нибудь добиться. Разговоры практически никогда не строятся исключительно на основе одного или другого подхода. Они скорее включают оба и интерпретируются по-разному. Например, многие считают, что хвастовство связями «работает» на статус: «Посмотрите, какой я важный человек. Я же знаю влиятельных людей». Но это также игра на близости и тесных связях. Заявление о знакомстве с известным человеком аналогично сообщению о знакомстве с чьей-либо матерью, или двоюродным братом / сестрой, или другом детства. И то и другое является попыткой добиться одобрения, показывая, что вы знаете кого-то, кого знают и другие. При упоминании известных имен вы в действительности не знаете названных людей, но вы знаете о них. Вы играете на взаимосвязи в том смысле, что сближаетесь с собеседниками, заявляя, что у вас есть общие знакомые. Но когда вы приписываете себе большую значимость, утверждая, что *знаете* кого-то, о ком они *только слышали*, вы играете на статусе.

В очень большой степени смысл сказанного не извлекается из произносимых слов, а домысливается слушающим. Каждый из нас решает для себя, говорят ли другие в духе различающихся статусов или симметричной взаимосвязи. Вероятность, что люди будут склонны толковать чьи-то слова так или иначе, больше за-

висит от собственной «сфокусированности», забот и привычек слушающего, чем от намерений, с которыми произнесены слова.

Кто вводит в заблуждение?

Рассматривая эти различные, но взаимосвязанные подходы к человеческим отношениям, люди склонны думать, что истинной движущей силой является один из них. Выслушав мой анализ вариантов разговора с водопроводчиком, один человек спросил: «Можно ли эксплуатировать чувство общности? Ведь это обман». Если кто-то, как и многие, считает, что человеческие взаимоотношения по сути иерархичны, тогда игра на взаимосвязи, а не на статусе означает: «делать вид», что статуса не существует, — другими словами, вводит в заблуждение. Но те, кто склонен считать взаимосвязь основной силой, действующей между людьми, воспринимают попытки использовать статусные различия как манипулятивные и нечестные.

И статус, и взаимосвязь являются способами вовлечения и его демонстрации, несмотря на то что сторонники одного из способов могут не считать другой средством вовлечения. Мужчины в общении чаще склонны сосредотачиваться на достижении статуса любой ценой: другой человек пытается быть выше или унижить меня? он пытается утвердить доминирующее положение, заставляя меня выполнять его приказания? Женщины же чаще настроены на речевое создание и подтверждение взаимосвязи: другой человек пытается сблизиться или отдалиться? Поскольку оба этих элемента присутствуют постоянно, женщинам и мужчинам легко сфокусироваться на разных факторах в одном и том же разговоре.

Непонимание вследствие разной интерпретации

Так как мужчины и женщины разглядывают «пейзаж» с противоположных точек зрения, одна и та же сцена может производить на них совершенно разное впечатление. Часто они по-разному объясняют одно и то же действие.

Один мой коллега упомянул, что получил письмо от редактора его новой книги, в котором та в инструктивной форме просила сообщать ей о любом своем отсутствии по месту постоянного

проживания в течение следующих шести месяцев, когда его книга будет находиться в печати. Он сказал, что и не подозревал, сколько общего может быть у редактора и тюремщика. Его реакция на это письмо удивила меня. Я тоже получала подобные письма от издателей, но реагировала совершенно иначе: они мне нравились. Оттого, что мое местопребывание имеет значение, я чувствовала свою значимость. Когда я сказала коллеге об этой разнице в восприятии, настала его очередь растеряться и удивиться. Хотя умом он понимал мою точку зрения, в душе не мог себе представить, как можно не чувствовать себя ущемленным рамками контроля и униженным, если требуют сообщать о каждом своем шаге. И хотя я тоже могла понять его взгляд умом, он не вызывал у меня эмоционального отклика.

Похожую историю рассказал мой коллега: он прочитал в журнале статью, написанную женщиной, которая в разделе выражения признательности благодарила своего мужа за плодотворное обсуждение темы. При первом прочтении текста мой коллега подумал, что автор, должно быть, некомпетентен или, по крайней мере, неуверен: зачем ей понадобилось консультироваться с мужем о своей собственной работе? почему она не может полагаться на себя? Я объяснила, что женщины ценят свидетельство взаимосвязи. Тогда он переосмыслил «благодарность» и сделал вывод, что автор, возможно, оценила участие мужа в своей работе и упомянула об этом с гордостью, которая исходит из убеждения, что у нее есть свидетельство гармоничных взаимоотношений.

Если реакция моего коллеги типична, представьте, как часто мужчины неверно оценивают женщин, которые думают, что проявляют положительное качество — взаимосвязь. Мужчины же интерпретируют это как отсутствие независимости, что является для мужчин синонимом некомпетентности и неуверенности.

В поисках свободы

Одна из моих информанток, рассказывая о разрыве длительных отношений со спутником жизни, подробно изложила повторяющийся время от времени главный разговор. Она и ее друг договорились, что оба будут свободны, но никогда не причинят друг другу боли. Когда он завел любовную связь с другой

женщиной, она выразила протест, отчего тот пришел в ярость. Вот их разговор:

Она: Как ты мог? Ведь ты знаешь, как это меня ранит?

Он: А как ты можешь ограничивать мою свободу?

Она: Но я от этого сама не своя.

Он: Ты пытаешься манипулировать мной.

С одной стороны, это просто пример столкновения желаний: то, чего хотел он, противоречило тому, чего хотела она. Но этот разговор отражает фундаментальную разницу в фокусе, которую я описываю. В отстаивании своей точки зрения основным вопросом для этого мужчины является его независимость, свобода действий. Для женщины же основным вопросом является их взаимозависимость — что она чувствует от его поступков. Он расценивает ее настойчивое утверждение, что они зависят друг от друга, как «манипулирование»: она использует свои чувства, чтобы контролировать его поведение.

Дело не в том, что женщины не ценят свободу или что мужчины не ценят взаимосвязь. Скорее, стремление к свободе и независимости — наиболее важная составляющая взаимоотношений для мужчин, тогда как взаимозависимость и взаимосвязь — главное для многих женщин. Разница заключается в фокусе и степени.

Исследуя, что женщины и мужчины говорят о своих разводах, Катрин Колер Райсман обнаружила, что и те и другие назвали возрастание свободы преимуществом развода. Но они по-разному понимали значение слова *свобода*. Когда женщины говорили, что после развода они обрели свободу, то подразумевали под этим «самостоятельность и автономность». Для них стало облегчением, что не надо беспокоиться о том, как мужа отреагируют на их поступки, и что теперь не придется быть «объектом раздражения». Мужчины же, упоминая свободу как преимущество развода, имели в виду свободу от обязательств — с облегчением чувствуешь, что «менее ограничен», меньше «страдаешь клаустрофобией», имеешь «меньше обязанностей».

Данные, полученные Райсман, объясняют, как различается груз обязательств, которые возлагают на женщин и мужчин характерные для них подходы к взаимоотношениям. Ноша, от которой развод избавил женщин, осознавалась как внутренне мотивированная — непрерывная озабоченность тем, как мужа от-

реагируют на их поступки и как им следует реагировать на поступки своих мужей. Ноша, от которой развод освободил мужчин, осознавалась как навязанная извне: обязанности кормильца и ощущение замкнутого пространства оттого, что их поведение ограничивается другими. Независимость не была «подарком» развода для мужчин, опрошенных Райсман; как выразился один из них: «Я всегда чувствовал себя независимым и думаю, что сейчас это чувство просто усилилось».

Сотрудники журнала «Хроника высшего образования» («The Chronicle of Higher Education») провели небольшое исследование, обратившись к шестерым профессорам университета с вопросом, почему они выбрали профессию преподавателя. Среди них было четыре мужчины и две женщины. Отвечая на вопрос, обе женщины говорили о преподавании. Одна сказала: «Я всегда хотела преподавать», а другая: «Когда я училась на последнем курсе, я поняла, что хочу стать преподавателем (...) Я поняла, что хочу заниматься именно (...) этим». Ответы мужчин имели много общего между собой и мало общего с ответами женщин. Все четверо в качестве главного мотива выбора профессии назвали независимость. Вот выдержки из каждого ответа:

Я предпочел академическую деятельность работе в промышленности, так как здесь сам могу выбирать направление исследования. Здесь больше независимости.

Я хотел преподавать, и мне нравится свобода в постановке своих собственных исследовательских задач.

Я выбрал академическую деятельность, потому что присущая ей свобода перевешивает материальные недостатки — и чтобы исследовать то, что мне интересно, а не то, что скажут.

Есть проблема, которая меня интересует (...) Я лучше буду получать 30 000 долларов всю свою оставшуюся жизнь, но буду иметь разрешение проводить фундаментальные исследования, чем зарабатывать 100 000 долларов и работать в области компьютерной графики.

Хотя один из мужчин тоже упомянул преподавание, ни одна из женщин не назвала свободу следовать своим собственным научным интересам в качестве главного соображения. Думаю, это не значит, что женщин не интересует научная работа, а скорее то, что их не слишком волнует проблема независимости, свободы от указаний других.

Описывая, что привлекло их в преподавании, обе женщины отметили возможность оказывать положительное влияние на студентов. Безусловно, влияние на студентов отражает своего рода власть над ними, и преподавание влечет за собой асимметричные взаимоотношения, где преподаватель занимает более высокое по статусу положение. Но, говоря о своей профессии, женщины сосредоточились на взаимоотношениях со студентами, тогда как для мужчин главным была свобода от контроля других людей.

Общение мужчин и женщин как межкультурная коммуникация

Если женщина пользуется языком взаимосвязи и близости, а мужчины — языком статуса и независимости, тогда их общение может быть похоже на межкультурную коммуникацию, «жертву» столкновения стилей общения. Только говорят они не на разных диалектах, а на разных гендерлектах.

Заявление, что мужчины и женщины вырастают в разных мирах, может на первый взгляд показаться явно абсурдным. Братья и сестры растут в одной семье, являясь детьми родителей обоих полов. Где в таком случае женщины и мужчины учатся разным способам говорить и слушать?

Все начинается в детстве

Даже если они растут в одном районе, в одном квартале или в одном доме, девочки и мальчики растут в разных мирах слов. Люди говорят с ними по-разному, а также ожидают от них и считают приемлемыми разные манеры общения. Самое главное, что дети узнают, как говорить, как общаться не только от родителей, но и от сверстников. Ведь если у родителей иностранный или региональный акцент, дети его не перенимают; они учатся говорить с произношением региона, в котором растут. Антропологи Даниэль Мальц и Рут Боркер обобщили результаты исследований, установив, что мальчики и девочки по-разному говорят со своими друзьями. Нередко играя вместе, они все же проводят большую часть времени в однополых группах. И хотя некоторые их игры похожи, любимые игры у них разные, и разговаривают в своих играх они совершенно по-разному.

Мальчики склонны играть на улице, в больших иерархично структурированных группах. У них есть лидеры, которые указывают другим, что и как делать, и противостоят тому, что предлагают другие мальчики. Именно отдавая приказы и заставляя их выполнять, они добиваются высокого статуса. Добиться статуса можно и другим способом — занять центральное место, рассказывая истории и анекдоты и отвлекая внимание от рассказов и анекдотов других или оспаривая их. В играх мальчиков есть победители и проигравшие, а также продуманная система правил, которая часто становится предметом споров. Наконец, часто можно услышать, как мальчики хвастаются своими умениями и спорят о том, кто и чем лучше.

Девочки же играют в маленьких группах или парами. Центром социальной жизни девочки является лучшая подруга. Внутри группы главное — близкие отношения: разграничение определяется относительной близостью. В играх, в которые они чаще всего играют, как, например, скакалка и «классики», действует очередность. Во многих играх (например, в «дочки-матери») нет победителей или проигравших. И хотя у некоторых девочек что-то получается, безусловно, лучше, чем у других, предполагается, что они не будут этим хвастаться или показывать, что считают себя лучше остальных. Девочки не отдают приказания; они выражают свои предпочтения в виде предложения, которые, скорее всего, будут приняты. Мальчики говорят: «Дай мне это» и «Уходи отсюда», а девочки — «Давай сделаем это» и «Как насчет?..» Любые другие выражения расцениваются как «раскомандовалась». Они не претендуют на центральное место — им это не нужно, поэтому они не бросают открыто вызов друг другу. Много времени они просто сидят вместе и разговаривают. Девочкам несвойственно открыто, всеми средствами добиваться статуса; они больше озабочены тем, чтобы нравиться другим.

Гендерные различия в манерах речи описаны исследователями, наблюдающими за трехлетними детьми. Эми Шелдон записала на видео мальчиков и девочек от трех до четырех лет, играющих группами по три человека в детском саду. Она сравнила группу мальчиков и группу девочек, в которых дети поссорились из-за одной и той же игрушки — пластмассового огурца. Хотя предмет спора был одним и тем же, движущие силы, которыми они улаживали конфликт, различались. Исследование Шелдон подтверждает мои рассуждения, а также показывает, сколь многогранны эти движущие силы.

Играя в кухонном уголке, маленькая девочка по имени Сью захотела забрать у Мэри огурец и привела такой аргумент: Мэри должна его отдать, потому что он нужен Лайзе — третьей девочке. Это привело к спору о том, как удовлетворить (придуманное) желание Лайзы. Мэри предложила компромисс, но Сью возразила:

Мэри: Я разрежу его пополам. Одну половину — Лайзе, одну — мне.

Сью: Но Лайза хочет *целый* огурец!

Мэри искусно придумала другой компромисс, который Сью также отвергла:

Мэри: Ну, это целая *половина* огурца.

Сью: Нет, неправда.

Мэри: Да, правда, — целая *половина* огурца.

Сью: Я дам ей целую половину. Я дам ей *целое целое*. Я дала ей *целый* огурец.

В этот момент Лайза «вышла из союза» со Сью, и та утешает себя высказыванием «Я понарошку дала тебе огурец».

В другом случае Шелдон сделала видеозапись игры трех мальчиков, которые тоже поссорились из-за пластмассового огурца. Увидев, что огурец у Кевина, Ник потребовал его отдать:

Ник (*кричит*): Кевин, но... о, я должен резать! Я хочу порезать его! Он мой!

Как и Сью, Ник привлек третьего ребенка, пытаясь заполучить огурец:

Ник (*жалуется Джо*): Кевин не дает мне порезать огурец.

Джо: Понятно! Я заберу его и отдам тебе. Вот так!

Конфликт мальчиков, длившийся в два с половиной раза дольше, чем у девочек, затем перешел в драку между Ником и Джо, с одной стороны, и Кевином, с другой.

Сравнивая ссоры мальчиков и девочек из-за огурца, Шелдон отмечает, что девочки большей частью смягчали конфликт и сохраняли согласие путем компромисса и отговорки. Конфликт был более продолжительным между мальчиками, которые проявляли большую настойчивость, чаще ссылались на правила и угрожали физической расправой. Тем не менее нельзя сказать, что эти маленькие девочки и мальчики *больше* использовали ту или

иную стратегию, игнорируя другую. Например, мальчики все-таки пытались пойти на компромисс, а девочки пробовали применить физическую силу. Девочки, как и мальчики, боролись за право контролировать игру. Когда Сью сказала по ошибке «Я дам ей целую половину», а затем быстро поправилась: «Я дам ей *целое*», она показала, что для нее важен вовсе не размер огурца, а кто подаст его на стол.

Читая исследование Шелдон, я заметила, что, несмотря на то что и Ник и Сью пытались получить то, что хотели, привлекая к этому третьего ребенка, альянсы, которые они создавали с этим третьим, и движущие силы, которые они привели в действие, коренным образом отличались. Сью обратилась к Мэри, чтобы выполнить чье-то желание; вместо того чтобы сказать, что *ей* нужен огурец, девочка заявила, что это Лайза хочет его. Ник заявил о своем желании взять огурец и, когда не смог получить его самостоятельно, попросил Джо забрать его. Джо тогда попытался получить огурец силой. В обоих этих сценариях дети проигрывали сложные роли установления контакта.

Силовые тактики Джо были предприняты не от его собственного имени, а по-рыцарски от имени Ника. Прося хныкающим голосом, Ник поставил себя в иерархичной структуре в положение низшего по статусу, позиционируя себя как нуждающегося в защите. Когда Сью попросила Мэри отдать огурец, она хотела занять более высокое положение, которое дает право «подавать еду на стол». Она боролась не за право *иметь* огурец, а за право *подать его на стол*. (Это напомнило мне женщин, которые сказали, что стали профессорами, чтобы преподавать.) Но в достижении своей цели Сью зависела от желания Мэри выполнять запросы других.

Исследование показало, что и мальчики, и девочки преследуют определенные цели, но делают это по-разному. Несмотря на то что общественные нормы способствуют тому, чтобы мальчики открыто соперничали, а девочки открыто сотрудничали, разные ситуации и виды деятельности могут привести к разным моделям поведения. Марджори Харнесс Гудвин сравнила мальчиков и девочек, занятых выполнением двух заданий: мальчики мастерили рогатки, готовясь к сражению, а девочки делали кольца. Оказалось, что группа мальчиков иерархично организована: лидер указывал другим, что и как делать. В группе девочек царил равноправие: каждая что-то предлагала и была готова принять предложения других. Но, наблюдая за девочками в другой игре — в «доч-

ки-матери», Гудвин обнаружила, что они тоже приняли иерархичные структуры: девочки-«матери» отдавали распоряжения девочкам-«детям», которые, в свою очередь, спрашивали разрешения у своих «мам» по игре. Более того, девочка, которая была «мамой», как бы и управляла игрой. Это исследование показывает, что девочки знают, как отдавать приказы и действовать в иерархичной структуре. Они не считают эту модель поведения подходящей, когда заняты выполнением какой-либо задачи с равными себе, однако охотно применяют ее в отношениях «родитель-ребенок» в своих играх.

Мир игры проливает свет на мир воззрений женщин и мужчин во взрослых отношениях. Игра мальчиков разъясняет, почему мужчины будут бдительно следить, нет ли признаков того, что их статус снижают или командуют ими. Основной продукт обмена в иерархическом мире мальчиков — статус, а достичь и удержать его можно, отдавая приказы и заставляя других следовать им. Мальчик в положении низкого статуса может оказаться в ситуации, когда им будут помыкать. Таким образом, мальчики отслеживают в своих отношениях самые незначительные сдвиги в статусе, фиксируя, кто отдает приказы и кто их выполняет.

Игрой девочек управляют другие движущие силы. Основной продукт обмена в сообществе девочек — близость. Девочки фиксируют в своей дружбе самые незначительные сдвиги в «альянсе» и стремятся дружить с пользующимися популярностью девочками. Популярность — это своего рода статус, но она основана на взаимосвязи. Однако она также становится для популярных девочек тупиком. Собирая статистические данные в неполной средней школе, Донна Идер обнаружила, что популярных девочек парадоксально — и неизбежно — не любили. Подружиться с ними хотят многие девочки, но девичья дружба непременно должна быть ограничена, так как в ее основе близость, а не деятельность больших групп. Таким образом, девочка, пользующаяся популярностью, должна отклонять попытки большинства девочек подружиться — в результате на ней ставят клеймо «воображала».

Главное — понять

Если взрослые усваивают свою манеру говорить еще в детстве, вырастая в отдельных социальных мирах себе подобных, тогда разговор между женщинами и мужчинами — это меж-

культурная коммуникация. Несмотря на то что каждый стиль ценен по-своему, непонимание возникает из-за того, что стили — разные. Применение межкультурного подхода к коммуникации «мужчина — женщина» дает возможность объяснить, почему взаимное недовольство оправданно, никого не обвиняя при этом в неправоте или в «странностях».

Знание стилевых различий не устранил их, но поможет избавиться от взаимной мистификации и упреков. Способность понять, почему наши супруги, друзья и даже незнакомые люди ведут себя так, а не иначе, — это утешение, даже если вы все еще не можете полностью принять их точку зрения. Понимание делает мир уютнее. И если окружающие поймут, почему мы говорим и действуем так, а не иначе, это избавит нас от боли, вызванной их недоумением и критикой.

Обсуждая свой роман «Храм моего близкого друга», Элис Уолкер объясняет, что героиня романа влюбляется в человека, поскольку видит в нем, по образному выражению автора, «гигантское ухо». Уолкер говорит: хотя люди, возможно, думают, что влюбляются вследствие сексуального влечения или по какой-либо другой причине, «на самом деле, мы ищем человека, способного нас слушать».

Мы все хотим, прежде всего, чтобы нас слушали — но не только слушали. Мы хотим, чтобы нас понимали — то есть услышали именно то, что стоит за нашими словами. Чем больше мы будем понимать, как женщины и мужчины используют язык, тем меньше нам придется жаловаться: «Ты просто меня не понимаешь».

Глава 2

Асимметрии: у женщин и мужчин разные цели общения

Еве удалили опухоль из груди. В беседе со своей сестрой вскоре после операции она пожаловалась, что страдает: ее «изрезали»; Еву угнетал вид швов, от которых останется уродливый шрам. Сестра ответила: «Понимаю. После операции я чувствовала то же самое». Ева излила душу и подруге Карен, на что та ответила: «Понимаю. Кажется, будто твое тело осквернили». Ева поделилась своими переживаниями с мужем Марком, и вот что он сказал: «Можно сделать пластическую операцию: она скроет шрам и восстановит форму груди».

Слова сестры и подруги подействовали на Еву благотворно. Реакция Марка, напротив, еще больше расстроила ее. Она не только не нашла столь необходимого ей сочувствия, но и — что еще хуже — решила, что он просит ее подвергнуться еще одной операции. И это в тот момент, когда она сообщает о своих страданиях от уже перенесенной! «Больше никаких операций! — возразила она. — Извини, что она тебе такой не нравится». Это обидело и смутило Марка, и он возразил: «Мне все равно. Меня это совсем не волнует». Ева спросила: «Зачем же ты тогда предлагаешь сделать пластическую операцию?». Марк ответил: «Да ведь ты сама сказала, что *тебя* угнетает ее вид».

Еве стало стыдно: Марк очень поддерживал ее и переживал, пока ее лечили и оперировали. Как она могла наброситься на него из-за каких-то слов, ведь он на деле ей помогал? И все же в его в словах она почувствовала метапослания, которые затронули самую суть их отношений. Марк считал, что просто отреагировал на ее жалобу, Ева же восприняла его слова как претензию, не связанную с ее высказыванием. Он думал, что успокаивает жену, — не стоит беспокоиться о шраме, так как можно что-либо

предпринять по этому поводу. Она же восприняла это предложение как знак его неудовлетворенности. Более того, Ева хотела вновь услышать подтверждение, что в ее положении чувствовать себя плохо — нормально; в словах Марка о легком решении проблемы сквозил намек на то, что она не имеет права на такое состояние души.

Ева искала понимания, а Марк дал ей совет. Он взял на себя решение проблемы, а ей просто хотелось сочувствия.

Похожее непонимание возникло между мужем и женой после автокатастрофы, в которой жена получила серьезную травму. Жене очень не нравилось лежать в больнице, и она выписалась раньше срока. Но стоило ей оказаться дома, появились боли, так как пришлось больше двигаться. Вопрос мужа «Почему ты не осталась в больнице, где тебе было бы удобнее?» обидел ее, так как в подтексте она прочла нежелание видеть ее дома. Предположение мужа, что ей следовало бы задержаться в больнице, она не восприняла как ответ на ее жалобы о болях, причиняющих страдание. Она сочла это желанием удалить ее из дома.

«Это мои проблемы»

Если женщин часто расстраивает, что мужчины, узнав об их переживаниях, не делятся похожими чувствами, то мужчин расстраивает обратное поведение женщин. Некоторые мужчины не только не находят утешения в такой реакции, но еще и обижаются. Например, одна информантка сообщает: когда ее друг говорит о том, что его беспокоит, например, о старении, она отвечает: «Я хорошо тебя понимаю. Со мной происходит то же самое». К ее удивлению и огорчению, он сердится, полагая, что она отрицает уникальность его переживания и тем самым ставит под вопрос его индивидуальность.

Из-за похожего взаимонепонимания следующий диалог, начавшийся как разговор, закончился спором:

Он: Я, правда, устал. Я плохо спал прошлой ночью.

Она: И я тоже плохо спала. Как всегда.

Он: Тебя не волнует мое состояние.

Она: Вовсе нет! Я просто хочу показать, что понимаю тебя!

Эту женщину не только обидела реакция мужа; она ее озадачила. Как он мог подумать, что безразличен ей? Говоря «тебя не

волнует», он имел в виду «ты не придаешь значения моим чувствам». Ее попытки установить взаимосвязь наталкивались на барьер, который возвело желание мужа сохранить независимость и не допустить пренебрежения.

«Я все исправлю за тебя»

Женщины и мужчины одинаково часто бывают разочарованы реакцией партнера на рассказ о неприятностях. Кроме того, их обижает и само разочарование близкого человека. Если женщин задевает склонность мужчин предлагать решения проблем, то мужчины жалуются, что женщины отказываются принимать меры для решения волнующих их проблем. Так как многие мужчины считают, что могут справиться с любой проблемой, жалоба или неприятность являются вызовом их способности найти решение. Так, женщины, показывая сломанный велосипед или заглохший автомобиль, бросают вызов изобретательности мужчин. Многие женщины ценят помощь в ремонте техники, но мало кто склонен оценить помощь в «ремонте» эмоционального состояния.

Убежденность мужчин в своей способности решить любую проблему можно подтвердить, например, резко отличающимися ответами мужа и жены на один и тот же вопрос в ток-шоу на радио. Супружеская пара, Барбара и Вильям Кристофер, рассказывали о своей жизни с ребенком-аутистом. Ведущий поинтересовался, не случилось ли им жалеть себя и спрашивать: «Почему это произошло именно со мной?». Оба ответили отрицательно, но сказали это по-разному. Жена отвлекла внимание от себя, сказав, что в этой ситуации в действительности страдает ребенок. Муж же ответил: «Жизнь — это решение проблем. Это всего лишь еще одна проблема, которую надо решить».

Вот почему мужчины разочаровываются, когда их искренние попытки помочь женщине решить ее проблемы встречает не благодарность, а неодобрение. Один из моих информантов рассказывал, что был готов рвать на себе волосы из-за подруги, которая постоянно рассказывала ему о проблемах на работе, но отказывалась следовать его советам. Другой информант сменил тему разговора, как только его девушка подробно рассказала о своей обеспокоенности. Девушка обиделась, а он оправдывался: «Что толку обсуждать это? Ты ничего не можешь с этим поде-

лять». Еще один мужчина сказал, что женщины, кажется, упиваются своими проблемами, испытывая потребность говорить о них постоянно, в то время как он и другие мужчины стремятся разрешить проблемы и покончить с ними раз и навсегда — или найдя решение, или посмеявшись над ними.

Попытка найти решение или уладить неприятность сосредотачивается на уровне словесного сообщения. Но для большинства женщин, привыкших рассказывать о проблемах на работе или друзьям, главным является не словесное послание, а именно метапослание: говорить о проблеме — это предложение выразить понимание («Я так тебя понимаю») или пожаловаться на сходную проблему («Со мной такое тоже случалось»). Другими словами, разговор о неприятностях предназначен усилить взаимопонимание путем отправки метапослания «Мы одинаковы. Ты не одна». Женщины испытывают разочарование, когда они не только не получают этой поддержки, но еще и чувствуют, что собеседник дистанцируется советом, который, как им кажется, содержит метапослание «Мы не одинаковы. У тебя есть проблемы, а у меня — решения».

Более того, взаимное понимание симметрично, и эта симметрия способствует ощущению общности. Но высказывание совета — действие асимметричное. Советчик ставит себя в положение более информированного, более рассудительного и владеющего ситуацией — одним словом, возникает статус превосходства. Это и создает эффект отчуждения.

Допущение, что высказывание совета может означать превосходство, придает особое значение наблюдению, опубликованному в одном книжном обзоре. Обсуждая новую книгу Элис Адамс «Когда ты ушел», рецензент Рон Карлсон поясняет, что рассказ, давший название книге, представляет собой письмо женщины мужчине, оставившему ее ради более молодой женщины. Согласно Карлсону, женщина сообщает бывшему возлюбленному о своей жизни, «а затем переходит в наступление и атакует его мудрым советом. Превосходство явно за ней...». Хотя мы не знаем намерений писательницы, но четко понимаем, что мужчина, рецензировавший книгу, расценивает совет как форму наступления и считает, что тот, кто дает совет, занимает превосходящее положение.

Параллельная колея

Предположительно, эти различия берут начало в периоде нашего взросления. Шестнадцатилетняя девочка сказала мне, что предпочитает общаться с мальчиками, а не с девочками. Чтобы проверить свое предположение, я спросила, говорят ли мальчики и девочки о своих проблемах. Да, заверила она меня, и те и другие. «Они одинаково об этом говорят?» — продолжила я. «О, нет, — ответила она. — Девочки все болтают и болтают. Мальчики же поднимают проблему, один из них придумывает решение, и затем они об этом не говорят».

Разочарование женщин и мужчин в поведении друг друга при обсуждении неприятностей, равносильно применению объяснения, основанному на одной системе общения, к разговору, строящемуся по правилам другой системы. В разговорах о неприятностях мальчики и мужчины не отвечают друг другу так же, как это делают женщины. Причины этого стали мне понятны, когда я сравнила транскрипции бесед мальчиков-десятиклассников и бесед девочек. Эти записи были сделаны с видеокассет разговоров лучших друзей и подруг, записанных как часть исследовательского проекта психолога Брюса Дорвала.

Изучая эти беседы, я обнаружила, что мальчики и девочки, выражая друг другу глубокое сочувствие, делали это разными способами — способами, которые объясняли различия, возникшие в повседневных разговорах между женщинами и мужчинами. Две девочки из шестого и две из десятого класса обсуждали проблему одной из них. Одна девочка настояла, чтобы подруга рассказала обо всем подробно, сказала «Понимаю» и засвидетельствовала поддержку. Краткие отрывки разговоров, которые приводятся ниже, показывают яркие различия между девочками и мальчиками.

Десятиклассницы разговаривают о проблемах Нэнси с ее другом и мамой. Выясняется, что Нэнси и Салли ездили с группой на экскурсию в другой штат. По настоянию матери Нэнси неожиданно прервала поездку и вернулась домой раньше, чем планировалось. Она расстроена преждевременным отъездом, а Салли подтверждает правомерность ее чувств, сообщая, что внезапный отъезд расстроил также и ее друзей:

Нэнси: Боже, это было ужасно. Я не могла поверить, что она заставляет меня ехать домой.

Салли: А мне это показалось странным. Я хочу сказать, что только что мы собирались уйти, и вдруг идет Нэнси: «Извините, я должна ехать». *(Обе смеются)* Я не знала, что *происходит*, а Джуди подходит ко мне и шепчет (так, что все слышат): «Ты знаешь, что Нэнси едет домой?» А я: «Что?» *(Обе смеются)*. «Нэнси едет домой». Я спрашиваю: «Почему?» А она: «Ее мамаша заставляет». А я ей *(делает гримасу)*: «А-а!» Потом она опять приходит и говорит: «Нэнси уехала». Ну, тогда я сказала: «Ничего себе, даже не пришла попрощаться». И она аж закипела от злости на меня, а я заорала *(показывает, как кричит)*: «Ну, хорошо!» Она была расстроена, Джуди. Я была как «Бог...».

Салли реагирует на неприятности Нэнси, сообщая, что отъезд расстроил ее друзей. Цель ее слов — подтвердить чувство отчаяния подруги из-за того, что мать заставила ее прервать поездку. В противоположность этому изучение транскрипта разговора между мальчиками того же возраста показывает, насколько иначе они реагируют на рассказы о неприятностях.

Десятиклассники также выражают глубокие чувства. Они тоже говорят о неприятностях, но по-другому. Они не сосредотачиваются на неприятностях одного, выясняя и уточняя детали. Наоборот, каждый говорит о своих собственных проблемах и отмахивается от проблем другого как от незначительных.

В первом отрывке из диалога мальчиков Ричард говорит, что чувствует себя неловко, потому что его подругу Мэри никто не пригласил на предстоящий танцевальный вечер, а Тод считает, что ему не о чем беспокоиться:

Ричард: Господи, будет жаль, если она останется дома.

Тод: Не собирается она сидеть дома, это смешно. Почему она сама не пригласит кого-нибудь?

Тем не менее Тод сам расстроен, потому что его тоже никто не пригласил на этот вечер. Он объясняет, что не хочет приглашать Аниту, и Ричард, в свою очередь, насмехается над его бедой:

Тод: Прошлым вечером мне было так неприятно, когда она подошла и заговорила со мной.

Ричард: Почему?

Тод: Не знаю. Думаю, мне стало неудобно.

Ричард: **Никогда этого не пойму.** *(Смеется)*

Вместо того чтобы попытаться показать, что понимает чувства друга, Ричард решительно заявляет обратное — это выделено жирным шрифтом.

Затем Ричард сообщает Тоду, что опасается проблем с алкоголем. Тод реагирует тем, что переводит разговор на собственную проблему — чувство отчуждения:

Ричард: Когда я вчера провожал Энн домой, она отчитала меня.

Тод: Вот как?

<...>

Ричард: Ты знаешь, когда она узнала, что произошло между мной и Сэмом в прошлый вечер в четверг?

Тод: Хм.

Ричард: Она знала об этом и просто сказала... а потом заговорила о выпивке. Представляешь? <...> А потом, представь себе, она говорит: «Ты, как ты всех обижаешь, когда пьешь. Ты вечно чокнутый какой-то». И говорит: «Мне это не нравится. Ты обидел Сэма. Ты обидел Тода. Ты обидел Мэри. Ты обидел Лоис».

<...>

Я хочу сказать, когда она говорила мне это, знаешь, я был просто в шоке. (Пауза). Я же на самом деле не так сильно напился.

Тод: Ты до сих пор разговариваешь с Мэри? Так много, я хочу сказать?

Ричард: До сих пор ли я разговариваю с Мэри?

Тод: Да, потому что вот почему... вот почему я психанул в пятницу.

Ричард: Почему?

Тод: Потому что.

Ричард: Потому что почему?

Тод: Потому что я не знал, почему вы все просто уш... я хочу сказать, я только поднялся наверх за вещами, а вы потом больше не вернулись. И я сказал: «Прекрасно. Мне все равно. Он опять начинает все сначала».

Как показывают строчки, выделенные жирным шрифтом, в момент сообщения Ричарда о своем огорчении из-за упреков Энн, Тод начинает говорить о своих переживаниях: он чувствует, что с ним не считаются, и обиделся, когда Ричард исчез с вечеринки вместе с подругой Мэри.

В течение всего разговора Тод высказывает горечь от ощущения, что его все бросили. Ричард в ответ пытается убедить друга в том, что он заблуждается. Когда Тод говорит, что накануне на вечеринке он чувствовал себя лишним, Ричард возражает ему:

Ричард: Как ты мог чувствовать себя лишним? Ты знал Лоис, и ты знал Сэма.

Тод: Не знаю. Просто я, правда, чувствовал себя лишним и потом опять на вечеринке вчера, я хочу сказать, Сэм просто бегал вокруг, он знал всех девчонок. По крайней мере, пятерых.

Ричард: О, нет, не знал.

Тод: Он многих знал. Он был... ну, я не знаю.

Ричард: Только Лоис. Он не знал всех.

{...}

Тод: Просто я, правда, в этот день чувствовал себя не в своей тарелке, повсюду. Раньше я чувствовал, я хочу сказать...

Ричард: Почему?

Тод: Я не знаю. Мне даже в школе теперь не по себе.

Ричард: Не понимаю, вчера вечером, я хочу сказать...

Тод: Кажется, теперь я понимаю, что чувствует Рон Камерон и другие. *(Смеется)*

Ричард: *(Смеется)* Нет, не думаю, что ты чувствуешь себя так же плохо, как Рон Камерон.

Тод: Шучу.

Ричард: Мм. С какой стати ты должен себя так чувствовать? Ты знаешь больше людей...

Тод: Я больше ни с кем не могу говорить.

Ричард: Ты знаешь больше людей, чем я.

Говоря Тоду, что его чувства неоправданны и непонятны, Ричард отнюдь не подразумевает, что ему все равно. Он явно намеревается успокоить своего друга, приободрить его. Он хочет сказать: «Тебе не надо переживать, потому что все не так плохо».

Сходные проблемы

Женщины реагируют на рассказы о неприятностях совершенно другим способом, как показано в рассказе Элис Маттисон «Новый рай». Элеонора рассказывает Пэтси, что влюбилась в женатого мужчину. Пэтси сначала проявляет понимание, а затем откровенно рассказывает о похожем опыте:

— Что ж, — говорит Пэтси. — Я знаю, что ты чувствуешь.

— Знаешь?

— В какой-то мере. Ну, должна тебе рассказать. Я два года встречаюсь с женатым мужчиной.

Затем Пэтси рассказывает Элеоноре о своем романе и чувствах. Обсудив роман, однако, она говорит:

— Но ты рассказывала мне об этом мужчине, а я тебя прервала. Извини. Хорошо? Я думаю только о себе.

— Все нормально. — Но она снова довольна.

Разговор затем возвращается к зарождающемуся роману Элеоноры. Таким образом Пэтси сначала подтверждает чувства Элеоноры и сопоставляет свой опыт, усиливая их сходство, а затем побуждает Элеонору рассказывать дальше. В рамках похожей ситуации Пэтси удается избежать потенциальной асимметрии, свойственной раскрытию личных проблем, и дружеские отношения оказываются сбалансированными.

Элеоноре было приятно разговаривать с Пэтси, так как у них одинаковое восприятие того, как разговаривать о неприятностях, что укрепило их дружбу. Хотя Элеонора упомянула о своем романе, она не продолжила рассказывать о нем, пока на этом не настояла Пэтси. В другом рассказе того же автора, «Вязание», женщина по имени Бет приезжает к своей сестре, чтобы навестить ее дочь Стефани, находящуюся в психиатрической больнице. В это время звонит друг Бет — Алек, и разговор с ним огорчает ее. Итак, когда ей напомнили о неприятностях, Бет хочет поговорить о них, но сдерживается, так как сестра ни о чем не спрашивает. Бет чувствует, что не время жаловаться — необходимо сосредоточиться на проблеме сестры, из-за которой она и приехала:

Она бы хотела поговорить о своих тлеющих «полуссорах» с Алем, происшедших на прошлой неделе, но ее сестра не спрашивает о телефонном звонке. Тогда Бет решает, что они должны поговорить о Стефани.

Женщины в этих рассказах приводят в равновесие хрупкую систему, с помощью которой разговор о неприятностях служит оправданию их чувств и созданию общности.

Когда женщины сталкиваются с мужской манерой общения, они оценивают ее по нормам женских разговорных стилей. Они, если подруга сообщает о неприятностях, проявляют участие, расспрашивая о них. Когда мужчины меняют тему разговора, женщины полагают, что те не проявляют сочувствия, а это признак крушения близости. Но не задавать подробные вопросы может также означать лишь своего рода уважение стремления другого к независимости. Когда Элеонора говорит Пэтси, что влюблена в Питера, Пэтси спрашивает: «Ты спишь с ним?». Такое навязчи-

вое «исследование» проблемы Элеоноры могло бы шокировать многих мужчин, да и некоторых женщин тоже, хотя сама Элеонора воспринимает это как проявление интереса, который питает их дружбу.

Женщины обычно показывают, что понимают чувства других. Когда же мужчины пытаются успокоить женщин, говоря им, что их положение не столь печально, женщинам кажется, что их чувства игнорируют или пренебрегают ими. И вновь кажется, что близость рушится, как раз тогда, когда они намеревались укрепить ее. Пытаясь инициировать симметричную коммуникацию, они оказываются в асимметричной коммуникативной ситуации.

Иная симметрия

Разговор между Ричардом и Тодом показывает, что, если рассматривать ответы мальчиков отдельно, они асимметричны: каждый отрицает обеспокоенность друга; однако если рассмотреть их вместе, то они симметричны: Тод отвечает на озабоченность Ричарда своей склонностью к алкоголю, точно так же, как Ричард реагирует на чувство отчуждения, которое испытывает Тод, — не признавая, что это является проблемой:

Ричард: Ну, старик, мне просто не хочется... Я хочу сказать, после того, что Энн сказала вчера вечером, мне просто не хочется пить.

Тод: Не думаю, что это было именно так. Ты сам знал, что это не такая уж проблема.

Ричард: О, Энн... Сэм рассказал Энн, что я упал с насыпи.

Тод: Это неправда.

Ричард: Я не упал. Я поскользнулся, но удержался.

Тод: Да не бери в голову.

Ричард: Но я волнуюсь, почти. Я чувствую себя смешным в присутствии Сэма. Не хочу, чтобы при тебе было также.

Тод: Ерунда. Иногда смешно, когда кто-то шлепается на задницу.

Тод отрицает, что Ричард был настолько пьян, что едва держался на ногах («Это неправда»), а затем говорит, что даже если он и не контролировал себя, в этом не было ничего плохого; это было смешно.

Интерпретируя этот разговор, я первоначально поняла их взаимное подбадривание и отрицание существования проблемы, а также их взаимный рассказ о неприятностях с точки зрения

взаимосвязи и сходства. Но возможна и другая перспектива. Их разговор весьма интересен, так как основывается на асимметриях статуса или, точнее, на изменении таких асимметрий. Рассказывая о наболевшем, Тод потенциально ставит себя в положение лица более низкого статуса и способствует тому, что Ричард занимает положение более высокого по статусу, не признавая его тревоги и асимметрично советуя или выражая сочувствие. Однако, рассказывая о своих бедах, Ричард отказывается от положения превосходства и восстанавливает их симметричные взаимоотношения, посылая метапослание: «Мы всего лишь два парня, пытающиеся добиться своей цели в мире, суровом к нам обоим, и нам обоим как-нибудь хватит ума, чтобы с этим справиться».

С этой точки зрения «женский» ответ, например: «Я хорошо понимаю твое состояние. Тебе должно быть ужасно плохо; и я чувствовал бы себя также, случись такое со мной», мог бы иметь совершенно другое значение для мальчиков, так как они склонны толковать эти слова через призму статуса. Такой ответ отправил бы метапослание типа «Да, я знаю, ты — несведущий тупица. Знаю, как ужасно ты, должно быть, чувствуешь себя. Если бы я был таким же несведущим, как ты, то чувствовал бы себя также. Но, на твое счастье, я не такой и могу тебя выручить, потому что я не так глуп, чтобы расстраиваться из-за подобной проблемы». Другими словами, воздержаться от выражения сочувствия — это благородно, так как сочувствие потенциально унижает.

Женщины часто расстраиваются из-за реакций мужчин на их попытки поговорить о неприятностях. Мужчин же часто обижает, что, когда они пытаются помочь, их обвиняют в неверном реагировании. Но, кажется, Ричард и Тод удовлетворены реакцией друг друга, и она для них привычна. Когда мужчины и женщины говорят друг с другом, проблема состоит в том, что каждый ожидает другой реакции. Мужской подход стремится успокоить чувства косвенно, подвергая нападкам причины. Так как женщины ожидают, что их чувства поддержат, реакция мужчин заставляет их думать, будто нападают на них самих.

«Не спрашиваю»

Обсуждение неприятностей — это одна из многих задач общения, к решению которой женщины и мужчины подходят по-разному, что, следовательно, является причиной помех в

разговоре между ними. Другая задача — запрос информации. И здесь различие также приписывается асимметриям статуса и взаимосвязи.

Мужчина и женщина стоят около справочного бюро Вашингтонского фольклорного фестиваля — раскинувшегося на территории большого выставочного комплекса. «Сама спрашивай, — говорит мужчина женщине. — Я не буду».

Сидя возле Харольда на переднем сиденье автомобиля, Сибил кипит от злости. Вот уже полчаса они колесят в поисках улицы, которая, он уверен, находится рядом. Сибил сердится не потому, что Харольд не знает дороги, а потому что он настаивает на том, чтобы найти ее самому, а не остановиться и спросить кого-нибудь. Раздражение возникает из-за того, что она оценивает его поведение сквозь призму собственного: будь она за рулем, она бы сразу спросила дорогу, поняв, что не знает куда ехать, и сейчас они бы уже сидели в гостинной своих друзей, а не ездили кругами. А на улице все темнее и темнее. Так как Сибил не испытывает неловкости, спрашивая дорогу, отказ мужа лишен для нее всякого смысла. Но для Харольда ездить кругами, пока самостоятельно не найдешь дорогу, вполне приемлемо, так как он испытывает дискомфорт, когда просит о помощи. Он же хочет чувствовать себя самодостаточным человеком.

Почему многие мужчины упорно не желают спрашивать дорогу или спрашивать вообще? И пожалуй, обоснованно спросить, почему этого не происходит с женщинами? Вследствие парадокса независимости и близости в запрашивании и предоставлении информации подразумевается два одновременных и различных метапослания. Многие мужчины склонны фокусироваться на одном, а многие женщины — на другом.

Когда вы предлагаете информацию, сама информация является посланием. Но факт, что вы имеете информацию, а человек, с которым вы разговариваете, — нет, также содержит метапослание превосходства. Если отношения в своей основе иерархичны, тогда тот, у кого больше информации, занимает в данной ситуации более высокое положение по причине большей информированности и компетентности. С этой точки зрения самому найти дорогу — это важная составляющая независимости, которая в понимании мужчин является предпосылкой чувства собственного достоинства. Даже если последнее приобретается ценой нескольких лишних минут, оно того стоит.

О метапосланиях трудно говорить из-за их имплицитности. Когда Сибил интересуется, почему Харольд просто не спросит у

кого-нибудь дорогу, в его ответе содержится послание, информация: нет смысла спрашивать, потому что люди могут не знать и указать ему неправильное направление. Это теоретически разумно. Существует много стран, как, например, Мексика, где общепринято придумать, в какую сторону ехать, лишь бы не отказаться дать запрашиваемую информацию. Но это объяснение разочаровывает Сибил, потому что для нее оно лишено всякого смысла. Понимая, что им могут указать неправильный путь, она считает это относительно маловероятным, и, конечно, такое не может случаться каждый раз. Даже если это и произойдет, они не будут в худшем положении, чем сейчас.

Отчасти причина их разных подходов заключается в том, что Сибил считает: человек, который не знает ответа, так об этом и скажет. Ведь так легко сказать: «Я не знаю». Но Харольд полагает, что этот ответ унижает, поэтому люди вполне могут сказать наобум. Из-за своих разных допущений и неочевидности рамок ситуации Харольд и Сибил никогда не смогут понять суть этого различия, а будут только все более разочаровываться друг в друге. Общепринято вести разговор на уровне словесного послания, так как это тот уровень, который мы отчетливо сознаем. Но маловероятно на этом уровне разрешить недоразумение, поскольку наши истинные мотивы кроются в другом.

В той мере, в какой предоставление сведений, указаний или помощи является полезным для другого, оно укрепляет связь между людьми. Но, являясь асимметричным, оно создает иерархию: сообщение информации ставит одного человека в положение эксперта, владеющего знанием, а другого — в положение неинформированного, обладающего меньшими знаниями, и, следовательно, является шагом в приобретении статуса.

Легко перечислить множество ситуаций, в которых дающие информацию выше по статусу. Например, родители объясняют что-то детям и отвечают на их вопросы, так же как преподаватели дают информацию студентам. По мнению антрополога Харуми Бефу, знание этой динамики придает особое значение одному обязательному условию хорошего поведения во время японского званого обеда. Чтобы помочь участнику обеда — высшему по статусу — доминировать в разговоре, предполагается, что другие участники будут задавать ему вопросы, на которые, как им известно, он может убедительно ответить.

Из-за этой потенциальной возможности возникновения асимметрии некоторые мужчины отказываются получать ин-

формацию от других, особенно от женщин, а некоторые женщины осмотрительно делятся известной им информацией, особенно с мужчинами. Например, мужчина, с которым я не так давно обсуждала эту тему, сказал, что теперь понял замечание своей жены. Они сели в машину и уже готовы были ехать к месту назначения, которое она знала хорошо, а он там никогда не был. Сознательно сопротивляясь импульсу просто отъехать и самому найти дорогу, он спросил жену, может ли она посоветовать, как туда лучше всего добраться. Она объяснила, а затем добавила: «Но я не знаю. Это я бы так поехала, но туда может быть путь и получше». Ее замечание было стремлением исправить дисбаланс власти, вызванный ее знанием чего-то, что он не знал. Она также заранее хотела сохранить лицо на случай, если он решит не следовать ее совету. Более того, она сформулировала указания как «лишь предложение», а не как «инструкцию».

«Умру, но почию»

Асимметрия, подразумеваемая во владении информацией и ее предоставлении, также обнаруживается в обладании и демонстрировании умений отремонтировать что-либо — ориентация, которую мы видели в мужском подходе к обсуждению неприятностей. Чтобы далее изучить эту ситуацию, я расскажу, что однажды произошло со мной.

Я не смогла снять на моей фотокамере крошечную крышку, закрывающую отсек батареек для экспонометра, и отнесла камеру в фотомагазин, попросив помочь. Продавец фотоаппаратов попытался свинтить крышку сначала монеткой, а затем специальным инструментом. Когда это не удалось, он заявил, что крышка безнадежно застряла, и объяснил причину (у нее была сорвана резьба), а затем подробно объяснил, как я могу снимать без экспонометра, соотнося световые условия с настройкой затвора объектива в соответствии с таблицей, изображенной на кассетах пленки. Хотя я знала, что никогда в жизни не буду использовать этот способ, я вежливо слушала и усердно записывала его примеры, основанные на пленке ASA с чувствительностью 100, так как он не смог показать это на пленке ASA с чувствительностью 64. Дальше он объяснил, что этот метод на самом деле лучше, чем использование экспонометра. Таким образом, он преуменьшил значимость того, что не смог помочь справиться с

крышкой батарейки, и позиционировал себя как человека, владеющего полезными знаниями и решившего мою проблему, даже несмотря на то что не смог починить мой фотоаппарат. Этот мужчина хотел помочь мне, и я это искренне оценила; но он также хотел показать, что обладает информацией и умением, необходимым для помощи.

Здесь действует что-то вроде общественного договора. Многие женщины не только не испытывают дискомфорт, обращаясь за помощью, но считают своим долгом обратиться за ней, принять ее и в обмен выразить благодарность. Что касается мужчин, многие из них считают своим долгом выполнить просьбу о помощи, удобно ли им это сделать или нет. Один из моих информантов рассказал мне о случае, когда соседка попросила его починить ее машину, которая постоянно глохла. На осмотр машины он потратил больше времени, чем мог, и понял, что у него нет необходимых для ремонта инструментов. Ему было неловко, что не удалось помочь. Как будто чувствуя это, соседка в течение следующих двух дней говорила ему, что ее машина теперь работает намного лучше, хотя он знал, что ничего для этого не сделал. Существует баланс между обращением за помощью и выражением благодарности. Женщины и мужчины в равной мере связаны требованиями этого соглашения: она обязательно должна была выразить признательность, даже если он не помог, а он был обязан приложить усилия и потратить время, которым он не располагал, пытаясь помочь.

Другим примером общественного договора обращения за помощью и выражения благодарности может служить случай, происшедший на одной из улиц Нью-Йорка. Женщина вышла из метро на углу Двадцать третьей стрит и Парк Авеню Саут. Некоторое время она стояла в растерянности, не зная, в каком направлении идти, чтобы добраться до Мэдисон Авеню. Она знала, что Мэдисон находится к западу от парка, поэтому, немного подумав, могла бы понять, куда двигаться. Но вместо этого она спросила прохожего, который ответил, что нужная ей улица находится недалеко отсюда на юг. В этот момент она уже знала, что это неверно, поскольку успела сориентироваться сама. Но вместо того, чтобы сказать «Нет, она находится не там» или «Спасибо, мне уже не нужна ваша помощь», она нашла способ изобразить, что он ей помог. Она спросила: «В каком направлении запад?» и, получив ответ, сказала: «Спасибо. Я просто пройду на запад».

С точки зрения получения указаний эта встреча была нелепой с начала до конца. Этой женщине на самом деле не нужна была

помощь, да и мужчина не мог помочь. Но дело было не в том, чтобы разузнать дорогу. Женщина использовала обычный ритуал выяснения дороги у незнакомца, не только — и не столько — чтобы найти дорогу, выйдя из метро, а для того чтобы усилить свою взаимосвязь с большим количеством людей в большом городе, устанавливая мимолетный контакт с одним из них. И, чтобы достичь цели, она машинально обратилась за помощью.

«Я помогу тебе, хоть умри»

Марта купила компьютер, и необходимо было научиться на нем работать. После изучения руководства у нее все еще оставалось много вопросов, поэтому она пошла в магазин, где купила компьютер, и обратилась за помощью. Сотрудник, которому поручили ей помочь, заставил ее почувствовать себя глупейшим человеком в мире. Объясняя что-либо, он использовал технические термины, и, каждый раз, спрашивая, что означает то или иное слово, она чувствовала себя еще более некомпетентной. Это ощущение усиливалось тоном, которым мужчина отвечал, — тоном, несущим метапослание «Это очевидно. Все знают это». Он объяснял все так быстро, что она просто не могла ничего запомнить. Придя домой, Марта поняла, что не может вспомнить его действия, даже в тех случаях, когда понимала объяснения.

Все еще находясь в замешательстве и страшаясь очередной встречи со «специалистом», Марта через неделю вернулась в магазин, полная решимости добиться получения необходимой информации. Но на этот раз помочь ей поручили женщине. Все происходило совершенно по-другому. Женщина практически не использовала технические термины, а если такое случалось, спрашивала, знает ли Марта, что это слово означает. Если Марта не знала, то консультант просто и понятно объясняла. При ответах на вопросы в ее тоне ни разу не проскользнул намек на то, что это должен знать каждый. А когда она показывала, как нужно что-то делать, то предлагала Марте повторить ее действия. Другой стиль этого «учителя» заставил Марту почувствовать себя другим «учеником»: компетентным, а не глупым и униженным своим незнанием.

Конечно, не все мужчины сообщают информацию способом, который смущает и унижает их учеников. Существует много та-

лантливых учителей-мужчин. И не все женщины подают информацию понятным образом. Но многие женщины рассказывают о впечатлениях, похожих на впечатления Марты, особенно когда имеют дело с компьютерами, автомобилями и другим механическим оборудованием. Они утверждают, что чувствуют себя спокойнее, когда им что-то объясняют женщины. Разные значения, которые имеет оказание помощи, могут объяснить, почему так происходит. Если женщины фокусируются на взаимосвязях, у них будет стимул свести различие в знаниях до минимума и объяснить как можно понятнее. Так как их цель — поддержать видимость сходства и равного статуса, то, делясь знанием, они способствуют выравниванию позиций. Тон их голоса несет метапослания поддержки, а не пренебрежения, даже если сама «поддержка» воспринимается как снисхождение.

Если мужчина сосредоточивается на том, чтобы добиться статуса, и чувствует, что кто-то должен иметь преимущество, он, возможно, чувствует себя спокойнее, когда это преимущество у него. Он привык к тому, что владение большей информацией, большими знаниями или умениями ставит его в более высокое по статусу положение, и это проскальзывает в его манере говорить. Иногда кажется, что мужчины намеренно объясняют так, что трудно что-либо понять. Возможно такое происходит, потому что приятное ощущение того, что они знают больше, усиливается, когда ученик *не* понимает. Успокоительная же грань превосходства уменьшается с каждой частицей знания, которую получают ученики. Или, может быть, мужчины просто более склонны показывать свои превосходящие знания и квалификацию, а не делиться знаниями.

Один коллега, знакомый с моими идеями, заметил, что наблюдал эти различия на университетской конференции. Женщина, делающая доклад, все время останавливалась и спрашивала аудиторию: «Вам все понятно?». Мой коллега предположил: ее беспокоило прежде всего, чтобы аудитория поняла, о чем она говорит. Когда же он читал свой доклад, то главным образом волновался, как бы участники конференции не раскритиковали его. Ему казалось, то же самое беспокоит и других докладчиков-мужчин. В таком случае запутанное изложение во избежание нападков — это цена, которую стоит заплатить.

Это не значит, что женщины не хотят быть хорошо информированными или облеченными властью. Ведь вопрос, могут ли другие понять ход вашего рассуждения, позиционирует вас как человека, имеющего превосходство. Но, кажется, владение ин-

формацией, специальными знаниями или опытом при обращении с предметами не является основной единицей измерения власти для большинства женщин. Наоборот, они чувствуют, что их власть увеличивается, когда они могут помочь. И еще, отдавая предпочтение взаимосвязи (а не независимости и уверенности в своих силах), женщины чувствуют себя сильнее в сильном обществе.

«Верь мне»

Одна информантка рассказала мне, как была ошеломлена, когда ее муж «откопал» обиду столетней давности. Когда-то она не смогла настроить видеоманитофон, чтобы записывать фильмы, транслируемые по каналу НВО. Ее муж посмотрел магнитофон и заявил, что у него нет такой функции. Не поверив ему, она попросила их соседа Гарри проверить магнитофон, так как в прошлом он уже однажды ремонтировал его. Заключение Гарри было таким же, как и у мужа, который пришел в ярость оттого что жена усомнилась в его компетентности. Когда он вспомнил это спустя годы, жена, не веря своим ушам, воскликнула: «Ты все еще помнишь это? Гарри уже умер!» Этот случай, столь незначительный для жены, глубоко задел чувство собственного достоинства мужа, поскольку его знания и умения управлять механическим миром были поставлены под сомнение.

Вера в умения мужчины также является предметом разногласий другой супружеской пары. Стэн злится, что Фелисия еле дышит от страха, когда он ведет машину. «Я никогда не попадал в аварию, — уверяет он. — Почему ты мне не доверяешь?» Фелисия не может заставить его понять, что она не сомневается в его стиле вождения в частности, а боится ездить на машине вообще. И уж совсем она не может понять, почему такой пустяк, как неровное дыхание, вызывает такую бурную реакцию.

«Будь любезной»

Компетентность и умения повышают самооценку и у мужчин, и у женщин. Но статус эксперта в большей мере лежит в основе нашего понимания мужественности, нежели нашего представления о женственности. Принято думать, что женщины

более склонны хвалить, чем сообщать информацию. То, что от женщин ожидают похвал, отражено в плакате, висевшем в каждом почтовом отделении Соединенных Штатов и призывавшем клиентов присылать критические замечания, предложения, вопросы и похвалу. Три из этих четырех речевых действий были представлены рисунками мужчин; и только похвала — рисунком женщины с широкой улыбкой, одобрительным жестом руки и «ореолом» вокруг головы. «Ореол» особенно интересен. Он показывает, что речевое действие «похвала» позиционирует говорящего как «любезного».

Одобрение, как и сообщение информации, является, в сущности, асимметричным: оно также создает говорящему более высокий статус человека, который может оценивать чье-либо поведение. Женщины также могут занять более высокое по статусу положение в своих классических видах деятельности по оказанию помощи — в качестве матерей, социальных работников, медсестер, воспитателей и психологов. Но во многих из этих ролей, особенно в роли матери и медсестры, их можно видеть исполняющими чьи-либо указания.

Пересечение мотивов

Оказывая помощь, женщины и мужчины обычно выполняют разные виды задач. Но даже к одной и той же задаче можно подойти, преследуя разные цели, и это различие, вероятно, приводит к неправильной оценке намерений других. Окончание истории с моей фотокамерой подтверждает это. На семейной встрече я отдала фотокамеру своему зятю, который слывет в нашей семье знатоком техники. Он отнес ее к себе в мастерскую и вернулся через полтора часа, починив ее. Счастливая и благодарная, я сказала его дочери: «Я знала, он с удовольствием примется за эту головоломку». «Особенно, — отметила она, — если это кому-нибудь поможет». Тогда я поняла, что ошибочно приняла его интерес, проявленный к механизму неподатливой крышки, за отражение основного интереса. Починив камеру и затратив собственные силы, он тем самым проявил участие ко мне. Если женщины прямо предлагают помощь, мой зять предлагал помощь косвенно, посредством демонстрации интереса к моей камере.

Один коллега, услышав мою интерпретацию этого случая, заметил, что в эпизоде со сломанной камерой я упустила один ас-

пект: многие мужчины получают удовольствие, когда могут отремонтировать вещи, — поскольку это усиливает ощущение, что они владеют собой, самостоятельны и способны властвовать над миром вещей. (Основной смысл тезиса Ивлина Фокса Келлера состоит в том, что понимание науки как доминирующей и контролирующей сущности является в большой степени маскулинным по духу.) Этот коллега рассказал мне такой случай: во время транспортировки игрушечная пластиковая карусель, заказанная для его маленького сына, разбилась. Его жена отдала игрушку своему дяде, считавшемуся в семье «палочкой-выручалочкой» и мастером на все руки. Тот трудился несколько часов и починил игрушку — хотя она, кажется, не стоила и нескольких долларов. Когда они встретились в следующий раз, дядюшка сказал, что скорее бы не спал всю ночь, чем признал, что не может склеить ее. Мой коллега был убежден, что желание добиться власти над пластиковым объектом было сильнее желания помочь сестре и племяннику, хотя присутствовало и то и другое.

Более того, коллега отметил, что он и многие другие мужчины получают особое удовольствие, когда демонстрируют свою силу над миром вещей во благо привлекательных женщин, так как благодарность и восхищение становятся дополнительными источниками удовольствия и удовлетворения. Мою интерпретацию он переосмыслил так: моя племянница и я, обе женщины, были склонны рассматривать помощь как «настоящий», или главный мотив, а для моего зятя основным мотивом было удовольствие от демонстрации умения справиться с проблемой, в которой специалист потерпел неудачу.

Стремление к статусу, которым объясняется страстное желание многих мужчин показать, что они умны и умелы, не отрицает взаимосвязи, предполагаемой в оказании помощи. Эти элементы сосуществуют и питают друг друга. Но склонность женщин и мужчин придавать сравнительно разное значение статусу или взаимосвязи приводит к асимметричным ролям. Многие женщины привыкли к метапосланиям взаимосвязи и спокойно относятся к получению и оказанию помощи, хотя, конечно, многие из них чувствуют себя комфортно только в роли того, кто помогает и оказывает поддержку. Многие мужчины, тонко чувствующие динамику статуса, потребность помогать женщинам и полагаться на свои собственные силы, чувствуют себя комфортно, когда предоставляют информацию и помощь, но не когда их получают.

Взгляд с другой вершины

В рассказе Элис Маттисон «Красочный алфавит» герой по имени Джозеф приглашает другого персонажа, Гордона, навестить свою семью в деревне, так как Гордона только что оставила жена. Во время прогулки все взобрались на гору. На обратном пути они остановились, чтобы передохнуть, и Гордон обнаружил, что забыл на вершине свой любимый старый рюкзак. Джозеф вызвался вернуться за ним, так как у Гордона, не привыкшего ходить по горам, болели ноги. Жена Джозефа пошла с ним, но она слишком устала, чтобы взбираться до самого верха, и он оставил ее на тропе и отправился выполнять свою «миссию». Когда он вернулся, в руках у него ничего не было: рюкзака на вершине не оказалось. Джозеф сказал, что и не рассчитывал его найти, потому что видел, как какой-то мужчина с рюкзаком прошел мимо них, когда они остановились отдохнуть. Он объяснил, почему просто не сказал об этом: «Я не мог ему сказать, что видел рюкзак, и у меня не хватило сообразительности забрать его». И добавил: «Я должен был что-то *сделать*».

Измученная и расстроенная, жена не столько разозлилась, сколько не поверила ему. Она не могла понять, как можно совершить новое восхождение (заставив и ее сделать это), вместо того чтобы признать, что видел похитителя. «Я бы никогда так не поступила», — произнесла она, но говорила «скорее в изумлении, чем в гневе». Жена объяснила: «Я бы просто все рассказала. Я бы расстроилась из-за своей ошибки — не из-за того, что люди об этом узнают. Это для меня не так важно», на что ее муж ответил: «А для меня важно».

Этот рассказ подтверждает мою точку зрения о мужском стиле общения. Джозеф хотел помочь Гордону, но не хотел, чтобы все узнали о его промахе. Его порыв предпринять какие-то действия, чтобы решить проблему, был сильнее нежелания второй раз подниматься на гору. Но что поразило меня в этой истории больше всего — это размышления жены об этом случае:

Это было одно из редких мгновений, когда я с уверенностью могу сказать, что не понимала его: я никогда не поступила бы так. Мне и в голову бы не пришло. Джозеф — это просто *не я*.

Этот отрывок отражает то, что может являться тончайшим, но тем не менее самым глубоким источником разочарования и за-

мешательства, вытекающих из разного мироощущения женщин и мужчин. Мы уверены в своем знании мира и оглядываемся на других, чтобы укрепить эту уверенность. Мы потрясены, когда видим, что другие ведут себя так, как будто их мир в корне отличен от нашего.

В своем ближайшем окружении мы видим источник поддержки и уверенности. Когда самые близкие люди реагируют на события иначе, чем мы, когда кажется, что они видят ту же сцену как часть другой пьесы, когда говорят такие вещи, которые нам и в голову не придет сказать в таких же обстоятельствах, кажется, что перед нами разверзлась пропасть, и мы вот-вот провалимся. Попытаться понять, почему это случается — *почему и как* наши партнеры и друзья, хоть и во многом похожие на нас, не мы и во многом отличаются, — решающий шаг к тому, чтобы ощутить твердую почву под ногами.

Глава 3

«Отложи газету и поговори со мной!»: контактоустанавливающий разговор и разговор-сообщение

Сидя в гостиной одного из пригородных домов, я разговаривала с группой женщин и мужчин, пришедших послушать мою лекцию об общении представителей разных полов. Во время обсуждения один мужчина был особенно словоохотлив, давал излишне затянутые комментарии и пояснения. Когда я заметила, что женщины часто жалуются на нежелание мужей разговаривать, он взял слово и сообщил, что совершенно с этим согласен. Он указал жестом на свою жену, которая весь вечер тихо сидела позади него, и сказал: «В нашей семье она — болтушка».

Все, кто был в комнате, рассмеялись, а мужчина смутился и обиделся. «Это правда, — объяснил он. — Когда я прихожу с работы, мне нечего сказать, а ее невозможно остановить. Если бы не она, мы бы все вечера проводили в молчании». Одна из женщин рассказала о похожем парадоксе со своим мужем: «Когда мы идем куда-нибудь, он — душа компании. Находясь в другой комнате, я его слышу, — он говорит громче всех. Но когда мы дома, он так много не разговаривает. В основном говорю я».

Кто же говорит больше, женщины или мужчины? Согласно стереотипу, женщины говорят слишком много. Лингвист Джефф Коатс приводит несколько пословиц:

Язык женщины «пляшет», как овечий хвост.

Лисы славятся хвостом, а женщины — языком.

Скорее Северное море пересохнет, чем женщина не найдет что сказать.

На протяжении всей истории женщин наказывали за то, что они говорят слишком много или не так, как нужно. Лингвист

Конни Эбл перечисляет многообразие физических наказаний, которые использовались в Колониальной Америке: женщин привязывали к стулу, опускали под воду и держали там, пока они не начинали захлебываться; их заковывали в колодки с позорящими надписями; им вставляли кляп; заставляли молчать, прикрепляя к их языкам прищепки.

Несмотря на то, что такие узаконенные телесные наказания уступили место неофициальным, часто психологическим наказаниям, современные стереотипы не слишком отличаются от тех, что выражены в старых пословицах. Считается, что женщины говорят слишком много. Однако исследования — одно за другим — обнаруживают, что на встречах, дискуссиях в смешанных группах и классах именно мужчины говорят больше. Например, исследователи коммуникации Барбара и Джин Икинс записали на пленку и изучили семь факультетских собраний. Они обнаружили, что, кроме одного случая, мужчины выступали чаще, и все без исключения говорили дольше. Длительность выступлений мужчин колебалась в пределах от 10,66 до 17,07 секунд, а женщин — от 3 до 10 секунд. Иначе говоря, самые длинные выступления женщин были все равно меньше самых коротких выступлений мужчин.

Когда после публичной лекции следуют вопросы с места или когда ведущий ток-шоу сообщает номер телефона, то первый вопрос почти всегда задают мужчины. Спрашивая или делая какие-либо замечания, они обычно говорят дольше. Лингвист Марджори Свэкер записала дискуссии на университетских конференциях. Участие женщин было весьма заметным: они представляли 40,7% докладов и составляли 42% аудитории. Но когда настало время проявить инициативу и задать вопросы, вопросы женщин составили только 27,4%. Более того, их вопросы занимали вдвое меньше времени, чем вопросы мужчин (в среднем 23,1 секунды у женщин и 52,7 секунды у мужчин). Свэкер объясняет это тем, что мужчины (а не женщины) имели склонность начинать свои вопросы с вступительных высказываний, задавать более одного вопроса и сопровождать ответ выступающего другим вопросом или критическим замечанием.

Я наблюдала это явление на собственных лекциях, которые затрагивали весьма актуальные для женщин вопросы. Независимо от количественного соотношения женщин и мужчин в аудитории, мужчины почти всегда задавали первый вопрос, от них поступало больше вопросов и они были более длинными. В таких

ситуациях женщины часто считают, что мужчины слишком много говорят. Вспоминаю дискуссию, последовавшую за лекцией, которую я читала группе, собравшейся в книжном магазине. Эта группа состояла преимущественно из женщин, но большая часть дискуссии велась мужчинами. По одному вопросу мужчина, сидящий в центре зала, говорил так долго, что некоторые женщины с передних рядов заерзали на своих местах и мимикой стали выражать нетерпение. Комизм ситуации заключался в том, что оратор досадовал на необходимость иногда выслушивать женщин, которые долго говорят о чем-то, на его взгляд, скучном и неважном.

Контактоустанавливающий разговор и разговор-сообщение

Так кто же говорит больше — женщины или мужчины? Противоречивые на первый взгляд факты объясняются различием между такими видами разговора, которые я называю *публичное выступление* и *личное общение*. Большинство мужчин чувствует себя комфортно, «выступая публично», тогда как большее число женщин чувствует себя спокойно при личном общении. Еще один путь к пониманию этих различий — использование терминов *разговор-сообщение* и *контактоустанавливающий разговор*.

Для большинства женщин язык общения — это в первую очередь язык взаимопонимания: способ установить контакт и укрепить взаимоотношения. Акцент делается на демонстрации сходств и сопоставлении переживаний. С детства девочки осуждают своих подруг, которые пытаются выделиться или казаться лучше остальных. Самые близкие отношения у людей бывают дома или в спокойной обстановке, где они *чувствуют* себя как дома, — с одним или несколькими людьми, с которыми установлена близость, другими словами, во время личной беседы. Но практически к любой публичной ситуации можно подойти как к личному общению.

Как правило, для мужчин разговор — это главным образом способ сохранить независимость, завоевать и удержать статус в иерархическом социальном порядке. Этого можно добиться, если проявить знания и квалификацию, занять центральное место в речевом общении, например, рассказывая истории, анекдоты или сообщая информацию. С детства мужчины учатся использо-

вать говорение как способ привлечь и удержать внимание. Поэтому они более спокойно выступают в больших группах, состоящих из людей, которых они не слишком хорошо знают, т. е. «выступают публично» в самом широком смысле. Но к любой приватной ситуации общения можно подойти как к публичному выступлению, то есть как к изложению доклада, а не как к установлению взаимопонимания.

Личное общение: болтливая женщина и молчаливый мужчина

Как же возник стереотип женской разговорчивости? Дейл Спендер полагает, что большинство людей подсознательно (если не осознанно) считает, что женщин, как и детей, должно быть видно, но не слышно, поэтому любое количество слов с их стороны кажется чрезмерным. Исследования показали: если в группе женщины и мужчины говорят в равной степени, складывается впечатление, что женщины говорят больше. Поэтому в точке зрения Спендера есть здоровое зерно. Но существует и другое объяснение — мужчины считают, что женщины много говорят, поскольку женщины много говорят в тех ситуациях, в которых мужчины немногословны: по телефону или в общении с друзьями (женщины обсуждают не те вопросы, которые считают интересными мужчины), или, как упомянутая ранее супружеская пара, дома наедине — другими словами, в личных беседах.

Типичный для Америки образ — молчаливый мужчина и разговорчивая женщина — заключен в рамки домашней жизни. И этот образ, складывающийся из описываемых мной разных целей и стилей общения, объясняет, почему самая распространенная жалоба женщин относительно мужчин, с которыми они близки, — это: «Он со мной не разговаривает», а за ней по частоте следует жалоба: «Он меня не слушает».

Вот типичный пример. Одна из читательниц пишет Энн Ландерс:

Приходя домой с работы, муж почти не разговаривает со мной. Я спрашиваю: «Как прошел день?», он отвечает: «Плохо...» или «Там такая неразбериха». (Мы живем в Джерси, а работает он в Нью-Йорке.)

Но все меняется, когда к нам приходят гости или мы сами идем кому-нибудь. Пол — самый разговорчивый в компании, настоящий

оратор. Он рассказывает самые интересные истории, и все ловят каждое его слово, а я думаю: «Почему он никогда мне этого не рассказывает?».

Так продолжается уже 38 лет. Пол стал молчалив со мной через десять лет супружеской жизни. Я никогда не могла понять почему. Вы можете раскрыть эту тайну?

Женщина-Невидимка

Энн Ландерс предполагает, что муж не хочет разговаривать, так как приходит с работы уставшим. Однако работающие женщины тоже устают, но они тем не менее стремятся рассказать своим супругам или друзьям все, что с ними случилось за день, какие мысли и чувства вызывали у них мимолетные повседневные события.

Источники — столь научные как исследования психологов, и столь «земные» как письма, написанные в колонку «Советы читателям», и сложные, как кинофильмы и спектакли, — убеждают в одном: молчание мужчин дома разочаровывает женщин. Снова и снова женщины жалуются: «Он готов разговаривать с кем угодно, только не со мной».

Фильм «Развод по-американски» начинается с диалога: Дебби Рейнолдс заявляет, что она и Дик Ван Дайк не общаются, а он не согласен и уверяет, что открывает ей все свои мысли. Звонок в дверь прерывает их ссору, и супруги, прекратив спор, приветствуют гостей с радостной улыбкой.

За закрытыми дверями многие супруги ведут подобные разговоры. Как и героиня, которую сыграла Дебби Рейнолдс, женщины считают, что мужчины не хотят с ними общаться. А мужчины, как и муж, которого сыграл Дик Ван Дайк, считают, что их обвиняют несправедливо. Почему же она уверена в том, что он ничего ей не рассказывает, когда он в равной степени уверен, что делится с ней всеми своими мыслями? Как женщины и мужчины могут иметь столь разные представления об одних и тех же ситуациях?

Когда что-то не получается, люди ищут, на кого свалить вину: или человека, с которым они пытаются общаться («Ты требовательный(ая), упрямый(ая), думаешь только о себе»), или группу, к которой принадлежит другой человек («Все женщины придираются»; «Все мужчины — эгоисты»). Некоторые великодушные люди обвиняют отношения («Мы просто не можем найти общий язык»). Но, прикрываясь внешними причинами, большинство людей все же полагает, что причина кроется в них самих.

Если бы вина лежала на отдельном человеке или определенных взаимоотношениях, то так много разных людей не имело бы одинаковых проблем. Истинная проблема — это разговорные стили. У женщин и мужчин разные способы общения. Даже при самых лучших намерениях попытка уладить проблему с помощью разговора может только ухудшить положение, если именно способы общения являются главной причиной неприятностей.

Лучшие друзья

И еще раз напомню, основы стилей общения женщин и мужчин закладываются в детстве, когда они учатся говорить. В нашей культуре большинство людей, но особенно женщины, рассматривает свои самые близкие отношения как убежище во враждебном мире. Ядром социальной жизни маленькой девочки является ее лучшая подруга. Дружба девочек создается и поддерживается посредством обмена секретами. И для взрослых женщин сущность дружбы заключается в беседе, в сообщении друг другу мыслей и чувств, а также повседневных событий: кто стоял на автобусной остановке, кто позвонил, что сказал, что она при этом чувствовала. Когда женщин спрашивают, кто их лучший друг, большинство называет женщин, с которыми они регулярно разговаривают. Когда этот же вопрос задают мужчинам, те, как правило, называют своих жен. А затем многие из них упомянут других мужчин, с которыми их связывает какая-либо деятельность, например, игра в теннис или бейсбол (а не просто посиделки и беседы), или школьного приятеля, с которым они не общались в течение года.

Когда Дебби Рейнолдс жаловалась, что Дик Ван Дайк ничего не рассказывает ей, а он убеждал ее в обратном, правы были оба. Она говорила «ничего», потому что он не рассказывал ей о мимолетных мыслях и чувствах, которые испытал в течение дня, — то, что ей рассказала бы лучшая подруга. Он же не рассказывал ей об этом, поскольку не считал такие мелочи достойными упоминания. Он рассказывал ей обо всем, что казалось ему важным, — все, что он рассказал бы своим друзьям.

Мужчины и женщины часто имеют совершенно разные представления о том, что важно и в какой момент нужно поднимать «важные» вопросы. Одна информантка, все еще удивляясь, поведала о разговоре с другом. Зная, что он встречался с приятелем

Оливером, она спросила: «Что нового у Оливера?». Он ответил: «Ничего». Однако из дальнейшей беседы выяснилось, что Оливер и его подруга решили пожениться. «И это называется “ничего”?», — обиженно и с недоверием произнесла женщина.

Для мужчин «ничего» может являться традиционным началом разговора. Одна моя коллега скучала по своему брату, но звонила ему редко, так как ей было трудно поддерживать с ним разговор. Обычно беседа начиналась с того, что она спрашивала: «Что нового?», а он отвечал: «Ничего». В слове «ничего» ей слышалось «ничего личного, о чем я хочу поговорить», и она восполняла пробел, вводя брата в курс своих новостей и в конечном счете, разочарованная, вешала трубку. Но когда она мысленно вновь вернулась к разговору, то вспомнила, что в середине беседы он пробормотал: «Мы с Кристи опять поссорились», что прозвучало так запоздало и так тихо, что сестра даже не отреагировала на это. И он, возможно, в равной степени был разочарован ее реакцией.

Многие мужчины действительно не знают, чего хотят женщины, а женщины действительно не знают, почему мужчинам так трудно понять и оправдать их ожидания.

«Поговори со мной!»

Недовольство женщин молчанием мужчин дома тонко подмечено в избитой карикатуре, где за завтраком сидят муж и жена: он читает газету; она сердито смотрит на ее обратную сторону. В комиксе о Дэгвуде главная героиня, Блонди, жалуется: «Все, что он видит каждое утро, — это газета! Держу пари, ты даже не знаешь, что я здесь!». Дэгвуд уверяет ее: «Да нет же, я знаю. Ты — моя милая жена, и я очень люблю тебя». Говоря это, он не глядя поглаживает лапу домашней собаки, которую жена посадила на свое место, уходя из комнаты. Этот комикс показывает, что Блонди имеет все основания чувствовать себя как та женщина, которая написала Энн Ландерс, — невидимой.

На другой карикатуре муж разворачивает газету и спрашивает свою жену: «Ты хочешь мне что-нибудь сказать до того, как я начну читать газету?». Читатель знает, что нет, но как только он начнет читать, она заговорит. Карикатура высвечивает различие в понимании женщинами и мужчинами целей общения. Для него цель разговора — информация. И когда жена прерывает его чтение, то в его понимании она делает это с целью информировать

мужа о том, что ему необходимо знать. Если это так, она могла бы сообщить все до начала чтения. Но для нее разговор — это взаимодействие. Рассказать что-то — способ проявить участие, а выслушать — способ проявить интерес и заботу. Ей всегда хочется что-то сказать мужу, именно когда он читает. И это не случайное совпадение. Она острее всего чувствует потребность речевого взаимодействия, когда он (совершенно необъяснимо, с ее точки зрения) погружается в чтение, вместо того чтобы поговорить с ней.

Еще одна карикатура изображает свадебный торт, у которого на верхушке вместо пластиковых фигурок невесты в белом платье и жениха в смокинге сцена завтрака, в которой небритый муж читает газету, сидя за столом напротив недовольной жены. Карикатура отражает огромную пропасть между романтическими ожиданиями брака, представленного пластиковой парочкой в традиционных свадебных нарядах, и часто разочаровывающей действительностью, представленной двумя сторонами газеты за завтраком — лицевой, которую читает он, и обратной, на которую сердито смотрит она.

Эти карикатуры и многие другие на ту же тему смешны, так как в них люди узнают себя. Не смешно, однако, то, что многих женщин глубоко обижает нежелание мужчины разговаривать с ними дома, а многие мужчины глубоко раздосадованы чувством, что не оправдали надежд своих супруг, не понимая, в чем дело и как им надо себя вести.

Некоторые мужчины, кроме того, недоумевают, как сказал один из них: «Да когда же, она думает, я должен читать утреннюю газету?». Если многим женщинам не нравится, что мужчины, как правило, не обмениваются личной информацией со своими друзьями, то этому мужчине не нравится, что многие женщины не утруждают себя чтением утренних газет. Для него чтение газеты — важная часть утреннего ритуала. Весь день проходит неудачно, если он этого не сделает. Для него прочитать газету утром так же важно, как для многих знакомых ему женщин — сделать макияж. Однако многие женщины, заметил он, или не выписывают газет, или читают их только вечером, когда придут домой. «Мне кажется это очень странным, — сказал он. — Не могу вам перечислить, сколько раз я приходил к женщине вечером, поднимал на пороге газету и, входя, вручал ей».

Для этого мужчины (и, я уверена, для многих других), женщина, которая возражает против чтения утренней газеты, пытается помешать ему сделать что-то важное и вместе с тем безобидное. Это оскорбление его независимости, его свободы действий.

Но когда женщина, ожидающая беседы с мужем, разочарована тем, что это не происходит, она воспринимает его поведение как отсутствие близости: он скрывает что-то от меня; он потерял ко мне интерес; он отдаляется. Информантка, назовем ее Ребекка, которая, в общем, достаточно счастлива в браке, рассказала мне, что это является источником ее серьезного недовольства мужем Стюартом, и называет его неразговорчивость *скупостью души*. Она рассказывает ему о своих мыслях, а он молча слушает. Она спрашивает, что он думает, а муж долго размышляет и потом говорит: «Не знаю». Тогда она возмущенно начинает задираться: «Ты вообще о чем-нибудь думаешь?».

Ребекка привыкла сразу выражать свои сиюминутные мысли и мнения, и для нее ничего *не говорить* — значит ничего *не думать*. А Стюарт не считает, что его случайные мысли достойны произнесения. Он не привык высказывать свои мимолетные размышления, поэтому в то время как Ребекка «естественно» говорит, что думает, он так же «естественно» отбрасывает свои мысли, как только они приходят ему в голову. Ему кажется, что высказать их — значит придать им больше веса и значимости, чем они заслуживают. Всю свою жизнь она училась выражать словами свои мысли и чувства в личных беседах с близкими людьми, а он всю свою жизнь отмахивался от своих мыслей и чувств и оставлял их при себе.

Что делать с сомнениями?

В предыдущем примере Ребекка говорила не о каких-то определенных мыслях или чувствах, а абсолютно обо всем, что могло бы прийти Стюарту в голову. Но вопрос о выражении мыслей и чувств становится особенно важным, если чувства отрицательны, а взаимоотношения вызывают сомнения. Это открылось мне, когда пятидесятилетний разведенный мужчина рассказал, как он строил новые отношения с женщинами. Он утверждал: «Я не придаю значения мимолетным мыслям и не интересуюсь сиюминутными мыслями других». Он чувствовал, что отношения с тогдашней партнершей находились под угрозой, постепенно ослабевая из-за привычки его подруги выплескивать все, что приходило ей в голову в данный момент. Дело в том, что когда он начинал за ней ухаживать, она часто высказывала сомнения в развитии их отношений. Ее беспокойство было неудивительно, так как они еще

недостаточно хорошо знали друг друга и она задумывалась: можно ли доверять ему, не разрушат ли их отношения ее независимость, нужен ли ей этот человек в действительности. А ее друг полагал, что эти страхи и сомнения она должна была держать при себе и просто выжидать, как все обернется.

Все закончилось хорошо. Женщина поняла, что этот человек ей подходит, что доверять ему можно и что ей не придется расстаться со своей независимостью. Но ее друг, рассказывая мне свою историю, признался, что все еще не пришел в себя от ее прежних сомнений. Как он выразился, он все еще чувствует головокружение от того, что его подбрасывали как мячик, привязанный к веревочке потока ее сознания.

С другой стороны, этот мужчина не скрывал, что сам впал в другую крайность: он вообще никогда не выражает своих опасений и дурных предчувствий по поводу их отношений. Если ему что-то не нравится, он ничего об этом не говорит, а его огорчение выражается в отчуждающей холодности. Такой реакции женщины боятся больше всего, и именно поэтому они предпочитают выражать недовольство и сомнения как «противоядие» от изоляции и холодности, которые, как правило, возникают, если сдерживать свои чувства.

Разные взгляды на выражение или утаивание недовольства и сомнений могут возникать из-за разного понимания силы воздействия слов. Подруга информанта не была уверена в прочности отношений и постоянно говорила об этом, не осознавая, что ее слова глубоко задевают партнера. Возможно, она недооценивала силу воздействия своих слов. Мужчина же, когда воздерживается от выражения отрицательных мыслей или чувств, видимо переоценивает силу своих слов и боится обидеть ее. Трагикомизм же ситуации в том, что молчание обидит ее больше, чем слова.

Эти женщины и мужчины используют стили общения, которые они усвоили в детстве и укрепили в молодости, а затем во взрослой жизни, общаясь с представителями своего пола. Для девочек разговор — это цемент, скрепляющий взаимоотношения. Отношения мальчиков скрепляются главным образом деятельностью: они что-то вместе делают или говорят о деятельности, например о спорте или, позже, о политике. Мужчины больше всего склонны говорить в ситуациях, в которых они чувствуют потребность произвести впечатление или под вопросом оказывается их статус.

Приспособиться друг к другу

Столь сложные ситуации, видимо, нелегко уладить до полного удовлетворения обеих сторон, но осознание различий поможет снять остроту ситуации и приспособиться к ней. Осознав, что мужчины и женщины имеют различные представления о месте разговора в отношениях, женщина научится не расценивать желание мужчины читать за завтраком газету как отчужденность или крах отношений. Мужчина же перестает воспринимать желание женщины поговорить как необоснованное требование или попытку манипуляции или диктата.

Одна из слушательниц моих лекций сообщила, как помогли ей мои объяснения. Это случилось в начале ее многообещающих отношений с мужчиной. Был будний вечер, и обоих на следующий день ждала работа, поэтому ее восхитило безрассудное и романтическое предложение друга вместе позавтракать и опоздать на службу. После проведенной с ним ночи она радостно приготовила завтрак, с нетерпением ожидая сцены, которую уже нарисовала в своем воображении: они сядут за ее маленький стол и, глядя друг другу в глаза, скажут, как любят друг друга и как счастливы, что их отношения крепнут. И в эйфории этого пьянящего ожидания она увидела совершенно иную картину: когда она выставила на стол заботливо приготовленные яйца, тосты и кофе, ее друг сел... и закрылся газетой. Предложение позавтракать вместе она восприняла как приглашение стать ближе, поэтому газета в ее глазах теперь воздвигла между ними тонкий, как бумага, но непробиваемый барьер.

Если бы она ничего не знала о гендерных различиях, о которых я говорю, то просто почувствовала бы себя оскорбленной и рассталась бы с этим мужчиной, сочтя их короткий роман очередной неудачей. Она решила бы, что, насладившись ночными утехами, он теперь дополнительно получил услуги буфетчицы. Но, уже обладая знанием, она поняла, что, в отличие от нее, друг не нуждается в беседе для укрепления их близости. Ее приятное общество — все, что ему было нужно, но это не значило, что он не дорожил ее присутствием. К тому же, если бы он понимал, какую важную роль играет беседа в женском толковании близости, он, возможно, отложил бы газету, чтобы не обидеть подругу.

Домашняя обстановка

Для каждого человека дом — это место, где можно чувствовать себя непринужденно. Но представления мужчин и женщин о «домашней обстановке» могут быть совершенно различными. Для многих мужчин домашняя обстановка — это свобода от необходимости проявлять себя и производить впечатление с помощью слов. Наконец-то они находятся в ситуации, где нет необходимости разговаривать и можно помолчать. Но для женщин дом — это место, где они могут свободно говорить и чувствуют самую большую потребность беседовать с теми, с кем они наиболее близки. Для них домашняя обстановка означает свободу говорить, не беспокоясь о том, как будет оценен их разговор.

Эта точка зрения изложена в исследовании лингвиста Элис Гринвуд, которая изучила беседы, происходившие между тремя ее детьми предпозднего возраста и их друзьями. Ее дочери и сын, приглашая гостей на обед, по-разному объяснили свой выбор. Стэйси сказала, что не хочет приглашать людей, которых плохо знает, потому что тогда придется быть «вежливой и тихой» и демонстрировать «хорошие манеры». Другая дочь Гринвуд — Дениза — сказала, что хочет пригласить свою подругу Мерил, потому что может в ее присутствии «ходить на голове» и не думать о хороших манерах, как это бывает при визитах некоторых других ее друзей, которые «наверняка, пойдут потом сплетничать». А брат-близнец Денизы — Деннис — даже не упомянул о необходимости следить за манерами или беспокоиться о том, как другие оценят его поведение. Он просто сообщил, что хочет пригласить друзей, с которыми можно много шутить и смеяться. Высказывания девочек показывают, что для них быть близкими значит иметь возможность говорить откровенно. А находиться с людьми, которых относительно плохо знаешь, значит — следить за тем, что говоришь и делаешь. Вот и ключ к загадке, кто говорит больше, — женщины или мужчины.

Публичное выступление: разговорчивый мужчина и молчаливая женщина

До сих пор я обсуждала сцены частной жизни, в которых мужчины, как правило, молчаливы, а женщины разговорчивы. Но бывает, что роли меняются. Вернемся к Ребекке и Стюарту. Мы видели: когда они дома наедине, мысли Ребекки без

усилия превращаются в слова, тогда как Стюарт не находит, что сказать. В других ситуациях происходит обратное. Например, на собрании соседей или на родительском собрании в школе выступает именно Стюарт. Ребекка в этих ситуациях молчит: при мысли о возможной отрицательной реакции людей на ее слова, на ошибки, которые она может допустить, пытаюсь выразить свои соображения, у нее пропадает дар речи. Если она соберет все свое мужество и решит высказаться, ей потребуется время, чтобы сформулировать свою мысль, а затем она ждет, когда председатель собрания предоставит ей слово. Она не может просто вскочить и заговорить, как это делают Стюарт и другие мужчины.

Элеонор Смил, президент Фонда феминистского большинства, была приглашена на радио для участия в ток-шоу «Звоните — отвечаем», темой которого были аборт. Ни одна другая тема так прямо не касается женщин, однако в течение часовой передачи все позвонившие, кроме двух, были мужчинами.

Ведущая этой передачи, Дайана Рем, с недоумением отметила: несмотря на то что слушателями ее передачи были как мужчины, так и женщины, 90% звонков исходили от мужчин. Я уверена, что причина состоит не в том, что женщин не интересует обсуждаемая в передаче тема. Ручаюсь, что слушательницы обсуждают услышанную в ток-шоу тему со своими друзьями и семьей за завтраком, чаем или обедом. Но мало кто из них звонит на передачу — ведь это означает выставить себя напоказ, требуя внимания общественности к своим словам, «катапультируя» себя в центр внимания.

Я сама была гостем бесчисленных радио- и телевизионных ток-шоу. Вероятно, я являюсь исключением, оставаясь совершенно спокойной в этой роли. Но, возможно, это совсем не так, потому что несмотря на свое спокойствие в роли приглашенного эксперта я никогда не звонила на ток-шоу, которые слушала, хотя у меня часто были мысли, которыми можно поделиться. Когда я — гость, статус авторитетного человека предоставляется мне изначально, еще до того как я начну говорить. Если же я позволю, этот статус нужно будет завоевывать самой. Мне бы пришлось доказывать свою компетентность, объясняя, кто я, что могло бы показаться самовосхвалением. Можно ничего не объяснять, но тогда есть риск, что мои замечания проигнорируют или не оценят. По сходным причинам — хотя я спокойно читаю лекции группам, численность которых доходит до нескольких тысяч, — я редко задаю вопросы, слушая лекцию другого докладчика, если не очень хорошо знаю тему или аудиторию.

Видимо, мой собственный опыт и опыт ведущей ток-шоу содержит ключ к разгадке различного отношения женщин и мужчин к разговорам: как правило, мужчинам проще, чем женщинам, использовать слово, чтобы привлечь внимание. Здесь и проходит граница между разговором-сообщением и контактоустанавливающим разговором.

Разговор-сообщение в личном общении

Разговор-сообщение (я называю это публичным выступлением) не возникает исключительно в ситуации официальных выступлений, обращенных к аудитории в прямом смысле слова. Чем больше людей участвует в разговоре, тем хуже вы их знаете, и чем больше между ними статусных различий, тем больше беседа *напоминает* публичное выступление или разговор-сообщение. Чем меньше людей, тем лучше вы их знаете, и чем меньше различий в статусе, тем больше общение похоже на личный или контактоустанавливающий разговор. Более того, женщины воспринимают ситуацию как более «официальную» и чувствуют, что должны вести себя надлежащим образом, если среди присутствующих есть мужчины, за исключением, возможно, членов семьи. Однако даже в семье мать и дети могут считать свой дом «закулисьем», когда отца дома нет, и они могут расслабиться, и «сценой», когда он дома и они чувствуют себя скованно: многих детей учат вести себя хорошо, когда папочка дома. Возможно, потому что он нечасто бывает дома или потому что мать — или отец — не хочет, чтобы дети нарушали его покой.

Различие между публичным и личным общением также объясняет стереотип, что женщины не рассказывают анекдоты. Хотя некоторые женщины — великолепные рассказчицы, способные приковать к себе внимание слушателей, рассказывая анекдоты и забавные истории, их все же меньше, чем таких рассказчиков среди мужчин. Часто женщины, которые действительно рассказывают анекдоты большой аудитории, родом из этнических групп, в которых владение словом ценится высоко. Например, многие знаменитые женщины — эстрадные комики, такие как Фэнни Брайс и Джоан Риверс, имеют еврейские корни.

Хотя и неверно, что женщины не рассказывают анекдоты, — верно, что многие из них менее склонны, чем мужчины, шутить перед большой аудиторией, особенно в группах, где есть мужчины. Неудивительно, что у мужчин создается впечатление, что

женщины вообще никогда не шутят. Фольклорист Кэрол Митчелл изучила рассказывание анекдотов в колледже. Она обнаружила, что юноши рассказывали свои анекдоты в основном другим юношам, но они также рассказывали их смешанным группам и девушкам. Девушки же рассказывали большую часть своих анекдотов подругам, меньше — мужчинам и совсем мало — группам, в которых были и те, и другие. Мужчины более охотно рассказывали анекдоты, когда у них были слушатели: по крайней мере два, часто четыре или больше. Девушки предпочитали маленькую аудиторию, состоящую из одного или двух и редко более трех человек. В отличие от мужчин они с неохотой рассказывали анекдоты в присутствии малознакомых людей, а многие даже отказывались делать это, если в группе было четыре или более человек, обещая рассказать их позже наедине. Юноши же никогда не отказывались от приглашения рассказать анекдот.

Все результаты Митчелл совпадают с рисуемой мною картиной публичного и личного разговора. В ситуации, в которой в аудитории больше людей, больше мужчин или больше незнакомцев, рассказывание анекдотов, как и любая другая форма речевого общения, требует, чтобы говорящие завоевывали всеобщее внимание и доказывали свои способности. В этих ситуациях многие женщины говорят неохотно. Они, вероятнее, будут говорить в более интимной обстановке, так как слушателей мало, они знакомы и воспринимаются как члены сообщества (например, другие женщины).

Утверждение, что рассказывание анекдотов — своего рода самореклама, не подразумевает эгоизма или эгоцентризма. Ситуация рассказывания анекдотов иллюстрирует, что статус и взаимосвязь — две стороны одной медали. Развлекать других — это способ установить с ними взаимосвязь, а рассказывание анекдотов может быть своего рода дарением, где подарком является шутка, которая доставляет слушателю удовольствие. Ключевой вопрос — это асимметрия: один человек — рассказчик, а другие — слушатели. Если роли затем поменяются, например, когда рассказывание анекдотов идет по кругу и люди один за другим принимают роль рассказчика, тогда возникает симметрия — если и не в отдельном речевом акте, то в общем плане ситуации. Однако если женщины выступают в роли благодарной аудитории и никогда — в роли рассказчика анекдота, асимметрия индивидуального рассказывания анекдота также размывается в более широком контексте речевого взаимодействия, что явно не в пользу

женщин. Опасность же для мужчин состоит в том, что непрерывное рассказывание анекдотов может создавать дистанцию. Так случилось с одним из моих респондентов, который пожаловался, что, когда он говорит со своим отцом по телефону, тот только и делает, что рассказывает анекдоты. Крайний пример подобного явления — «клоун» в классе, которым, как говорят преподаватели, почти всегда является мальчик.

Контактоустанавливающий разговор на публике

Разговоры, которые ведутся дома среди друзей, могут напоминать публичные выступления. Точно так же выступление перед большой аудиторией может быть похоже на личную беседу: например чтение лекции, полной примеров и историй из собственной жизни.

Уходя в отставку, Фрэн — президент профессиональной организации, находящейся в процессе становления, — предложила на заседании исполнительного комитета установить традицию президентского обращения. Чтобы объяснить и обосновать свое предложение, она рассказала случай из собственной жизни. Во время президентства Фрэн ее двоюродная сестра тоже была президентом, но в организации с более долгой историей. Мать Фрэн как-то разговаривала с матерью сестры по телефону. Та сказала, что ее дочь готовит свою президентскую речь, и спросила, когда это событие намечено у Фрэн. Фрэн смущенно призналась матери, что не выступает с обращением. Случай навел ее на мысль: если они последуют примеру известных организаций, это пойдет на пользу их собственной.

Некоторых мужчин в составе комитета смутило упоминание личной ситуации, и доводы Фрэн не убедили их. Им казалось не только неуместным, но и недостойным сообщать о телефонных разговорах своей матери на заседании исполнительного комитета. Фрэн распространила на совещание — ситуацию довольно официальную — опыт личной жизни. Склонность многих женщин ссылаться скорее на личный опыт и примеры, а не приводить отвлеченные доводы, можно понять с точки зрения их ориентации на использование языка как средства личного общения.

Силия Робертс и Том Джапп провели исследование заседания преподавателей в одной из средних школ Англии и обнаружили, что доводы преподавательниц не имели веса у их коллег-мужчин,

так как в качестве доказательства они обычно приводили свой собственный опыт или спорили об эффекте методики на примере отдельных студентов. Мужчины же на собрании рассуждали, исходя из совершенно другой точки зрения и делая категоричные утверждения о правильном и неправильном состоянии дел.

Такое же отличие обнаруживается в дискуссиях, происходящих в домашней обстановке. Один из информантов сказал мне: в жене его раздражает то, что он воспринимает как недостаток логики. Например, он вспомнил, как в одной из бесед с женой упомянул статью из «Нью-Йорк Таймс», в которой автор заявлял, что сегодняшние студенты не столь идеалистичны, как студенты шестидесятых годов. Муж был склонен согласиться с этим утверждением, а жена засомневалась, приведя в пример свою племянницу и ее друзей — действительно больших идеалистов. Супруг скептически и пренебрежительно отнесся к ее «ложным» рассуждениям. Для него было очевидным, что единичный личный пример не является ни свидетельством, ни доводом — это просто частный случай. Ему не пришло в голову, что он имеет дело с другой логической системой, а не с отсутствием логики.

Логика этой женщины была оправдана при ее восприятии мира как сферы приложения личных усилий — наблюдения и обобщения своего личного опыта и опыта других. Логика, которую считал само собой разумеющейся ее супруг, больше относилась к области общественного и более походила на сбор информации, проведение обзора или приведение доводов по правилам формальной логики, как при выполнении исследования.

Другой информант жаловался на то, что он и его друзья называют «зыбучими песками», — женский подход к обсуждению. Эти мужчины считают: тогда как они пытаются логически, шаг за шагом, вести спор, пока он не будет улажен, женщины постоянно меняют курс в самый ответственный момент. Он сослался на отрывок из фильма «Развод по-американски», о котором мы уже говорили. Ему показалось, что, когда Дебби Рейнолдс сказала: «Я не могу сейчас спорить. Надо вынуть булочки из духовки», она уклонялась от спора, так как до этого обвинила мужа в том, что он «только все критикует», и не смогла это доказать.

Этот человек также привел пример из собственного опыта. Его подруга рассказала о проблемах на работе: начальник требовал одного, а она хотела заниматься другим. Принимая мнение начальника за главный довод, он указал на отрицательные последствия своеволия. Она же возразила, что последствия будут не лучше, если она выполнит указания начальника. Мужчина пожа-

ловался, что подруга «перескочила» на другую тему, — что случится, если она последует указаниям начальства, — еще не завершив обсуждение предыдущей — что произойдет, если она будет действовать на свой страх и риск.

Выступление от имени команды

Последняя загадка относительно публичного и личного выступления была загадана, когда в начале этой главы я рассказала о группе слушателей и о разговорчивом мужчине, который назвал свою молчавшую жену «главной болтушкой в семье». Посмеявшись, женщины в группе отметили, что та обычно не молчала и, когда на встречах присутствовали только женщины, часто выражала свое мнение. Почему же она молчала в этот раз?

Одной из причин могло быть мое присутствие, которое сделало частную встречу группы официальным событием. Кроме того, в группе были мужчины. В некотором смысле, большинство женщин чувствует себя непринужденно «за кулисами», когда рядом нет мужчин. В присутствии же мужчин все наоборот: они «на сцене», поэтому считают, что должны больше следить за своим поведением. Другой причиной могло быть то, что на поведение этой женщины повлияло не присутствие мужчин вообще, а присутствие *ее мужа*. Возможно, это почему-то смутило ее и лишило желанья говорить. Но также возможно, что она воспринимала его и себя как одну команду. Он говорил много, и если еще и она включится в дискуссию — на выступление всей «команды» уйдет слишком много времени. Не исключено, что она и не считала нужным это делать, — ведь муж уже представлял их «команду». Это во многом напоминает ситуацию, когда женщины предоставляют мужьям вести автомобиль, но делают это сами, если едут без мужа.

Очевидно, что не каждая женщина замолкает, когда ее муж присоединяется к группе. В конце концов, в группе было много выступавших женщин, которые также пришли с супругами. Однако о похожем опыте мне рассказывали и другие супружеские пары. Например, когда одна пара вместе посещала вечерние занятия, муж всегда принимал активное участие в обсуждениях, а жена говорила очень мало. Но в одном из семестров они решили выбрать разные курсы, и обнаружилось, что жена весьма разговорчива на занятиях, которые посещает одна.

Такое развитие ситуации может рассматриваться двояко. Если выступление в группе — нечто положительное, то есть привилегия и удовольствие, тогда будут считать, что женщина, которая молчит, лишена права говорить. Но не все с удовольствием выступают на публике; многим это не нравится. С этой точки зрения женщина, считающая, что ей нет необходимости выступать, так как за нее это делает муж, может чувствовать себя в привилегированном положении. То же чувство испытывает и женщина, которая не любит водить автомобиль, ведь рядом ее муж, и ей не приходится садиться за руль. Но и мужчина, не любящий водить автомобиль, может быть огорчен, что ему волей-неволей приходится быть за рулем.

Избегая взаимных обвинений

Различие между публичным и приватным общением, или разговором-сообщением и контактоустанавливающим разговором, можно понять, применив термины статуса и взаимосвязи. Неудивительно, что женщинам наиболее удобно общаться в знакомой обстановке и среди близких людей — друзей и лиц равного статуса. Мужчинам же комфортно говорить в группе, когда есть потребность установить и сохранить свой статус. Однако сложность ситуации в том, что статуса и взаимосвязи добиваются одними и теми же средствами. За попыткой добиться статуса может скрываться намерение показать близость. А тот, кто пытается сохранить дистанцию, возможно, опасается злоупотребить своим высоким положением. Обидных и необоснованно неверных толкований можно избежать, если понять разговорные стили людей другого пола.

Когда на собраниях выступают только мужчины, многие женщины, включая научных работников, считают, что мужчины «захватывают власть» и намеренно препятствуют им участвовать в дискуссии, открыто «играя мускулами» своего более высокого статуса. Но тот факт, что мужчины *действительно* ведут большую часть обсуждения, не обязательно подразумевает, что они *хотят* помешать женщинам выступить. Те, кто охотно выступают, предполагают, что другие так же беспрепятственно, как и они, могут взять слово. В этом смысле свободу, с которой мужчины выступают, можно понимать как свидетельство того, что они воспринимают женщин как равных им по статусу. Тогда их пове-

дение, возможно, содержит метапослание: «У нас равные права в борьбе за право выступить». Если это действительно так (а я верю, что так бывает часто, хотя и не всегда), то женщины могут осознать недостаток своего участия в собраниях и принять меры для исправления дисбаланса, не обвиняя мужчин в намеренном лишении их права голоса.

«Виноваты» тогда не отдельно взятые мужчины и даже не мужские стили общения сами по себе, а различие между женскими и мужскими стилями. Если причина действительно в этом, тогда мы все можем внести изменения в свое поведение. Женщина может заставить себя выступить, не дожидаясь приглашения, или заговорить, не делая якобы вежливой паузы. Но приспособляться должны обе стороны. Мужчина может усвоить, что женщина, которая не привыкла выступать на публике, не может делать это так же *свободно*, как он. Если сравнить речевое общение со спектаклем, то та, что выдерживает тактичную долгую паузу, прежде чем задать свой вопрос, обнаружит, что «декорации» и расстановка фигур успели измениться и вся обстановка на сцене уже не столь благоприятна, сколь она бывает для тех, кто не ждет ни секунды и вступает в беседу в тот момент (или даже чуть раньше), когда слова другого исполнителя только что отзвучали. Та, что ждет приглашения высказаться («Вы в основном молчите, Милли. Что вы об этом думаете?»), не привыкла вскакивать и требовать слова. Как и во многих других областях жизни, признание равенства само по себе не является гарантией равных возможностей, если человек не привык вести игру так, как это делают другие. Если вас пустили на бал, это вовсе не значит, что вы сможете танцевать под музыку, под которую вы танцевать не умеете.

Глава 4

Сплетни

Принято думать, что женщины говорят слишком свободно и слишком много в неофициальной обстановке. Все это называют одним словом — *сплетни*. Хотя сплетни могут причинить вред, так бывает не всегда; иногда они играют решающую роль в установлении близости — особенно если это не «разговоры против», а просто «разговоры о».

Ярлык «сплетни» показывает, что интерес женщин к обсуждению подробностей жизни других людей оценивается критически. Доказательство того, что отрицательный оттенок этого понятия отражает толкование мужчинами женских стилей общения, можно найти в отрывке из романа Мардж Пирси «Улетай домой». Дария влюбляется в Тома — отчасти из-за того, что он отличается от ее бывшего мужа Росса вот в каком отношении:

Ее поразило, сколько Том знал о людях из своего окружения. Росс не знал, что Грете не нравится учитель ее сына или что Фэй недавно дала отставку своему другу, который слишком много пил в присутствии ее сыновей. У Тома был необычный для мужчины интерес к подробностям жизни людей. Росс назвал бы это сплетнями, но она думала, что это просто интерес к людям.

Не только мужчины низводят интерес к подробностям жизни людей до «сплетен». Вспоминая свое детство на берегах Миссисипи, известная писательница Юдора Велти пишет, что ее мать пыталась удержать болтливую портниху от рассказов о местных жителях в присутствии маленькой дочери: «Я не хочу, чтобы она привыкала сплетничать», — говорила мать. Как будто сплетни были корью, и я могла подхватить ее». Но вместо дурного влияния на

ребенка сплетни о людях, которые так любила слушать Велти, вдохновили ее, и она стала писательницей. Когда люди говорят о подробностях своей повседневной жизни — это сплетни; когда они пишут об этом — это литература: рассказы и романы.

Мэри Катрин Бэйтсон проводит другую параллель — между сплетнями и антропологией, научной дисциплиной, которая занимается документальным подтверждением подробностей жизни людей. Она вспоминает, что ее мать, Маргарет Мид, говорила ей, что она никогда не станет антропологом, так как не слишком интересуются сплетнями.

В сплетнях рождается дружба

Разговоры о подробностях жизни других отчасти являются результатом бесед женщин с подругами о подробностях своей собственной жизни. Эти подробности становятся сплетнями тогда, когда подруга, которой о них рассказали, пересказывает их кому-нибудь еще — вероятно, другой подруге. Разговоры о том, что происходит в вашей жизни и жизни тех, с кем вы разговариваете, — это «взрослый» вариант обмена секретами — ядра дружбы девочек и женщин.

В рассказе Элис Маттисон «Новый рай», который я цитировала во второй главе, Элеонора сообщает Пэтси, что влюблена в женатого мужчину. Произнеся эти слова, Элеонора «немного устыдилась, что внезапно выдала тайну», но «одновременно ей стало легко; не надо больше хранить ее. Да и рассказ о Питере так приятно опьяняет». Меня поразила точность формулировки Маттисон «выдать тайну», из которой явствует, что *наличие* секрета позволяет человеку чувствовать себя сильнее. Рассказать же о нем — значит что-то отдать — как в смысле обладания, так и в идиоматическом смысле. Маттисон также показывает, как хорошо, когда нечего скрывать и есть возможность излить душу.

Поделиться сокровенным — это не только доказательство дружбы; это *создает* дружбу, когда слушающий реагирует ожидаемым образом. Элеонора не очень хорошо знает Пэтси, но стремится к этому. Между ними существуют симпатия и зарождающаяся дружба; они стали вместе ходить в кафе выпить кофе и поесть мороженого после репетиций музыкального ансамбля, в котором обе играли. Рассказывая Пэтси о событиях своей жизни, выдавая свою тайну, Элеонора превращает Пэтси из знакомой в подругу.

Держать друзей в курсе событий, происходящих в чьей-либо жизни, — не только привилегия; для многих женщин это и обязанность. Одна моя информантка поведала: ей опостылело бесконечно рассказывать историю разрыва со своим другом. Однако делать это приходилось. Если бы она не сообщила кому-либо из близких подруг о таком важном событии, они бы глубоко обиделись, узнав об этом от других. Они восприняли бы ее скрытность как признак отчуждения и ослабления их дружбы. Более того, узнав, что ее возлюбленный вообще никому не рассказал об их разрыве, она даже не захотела в это верить. Он ходил на работу, в спортзал и играл в сквош с друзьями так, как будто в его жизни ничего не произошло.

Так как обмен сокровенным является обязательной частью дружбы для большинства женщин, возможно, они окажутся в затруднении, когда делиться станет нечем. Например, у женщины, назовем ее Кэрол, было несколько подруг, с которыми она часто встречалась, обмениваясь историями о свиданиях с мужчинами. Они делились своим волнением перед новым свиданием, а после него подробно описывали, кто что сказал и сделал. Когда же Кэрол влюбилась и начала длительные отношения с мужчиной, у нее закончились темы для разговоров с подругами. Времени болтать по телефону тоже стало меньше, так как теперь она проводила большую часть свободного времени со своим другом. Это вызвало напряжение в отношениях с подругами: как в детской игре в стеклянные шарики, она спасовала, перестав участвовать в разговорах, которые были основой их дружбы.

Ситуации, в которых человек чувствует себя покинутым оттого, что другой вступает в длительные отношения с представителем другого пола, встречаются не только среди подруг. В рассказе Энн Пэкер «Мендочино» героиня по имени Блисс без прежней радости навещает брата, который встретил свою любовь и теперь живет не один. Его увлечение ослабило доверительные отношения с сестрой. Блисс вспоминает их былую привязанность, когда:

...они обменивались историями, происходящими на работе, и — за второй бутылкой вина — исповедовались в последних любовных неудачах. Блисс поражена, что до этого момента ни разу не задумывалась: они говорили об этом именно потому, что это были неудачи. Теперь Джеральду повезло, и все стало так, как будто они оба всегда относились друг к другу, как сейчас: приветливо, но слегка дистанцированно.

Они больше не делятся сокровенным наедине, а беседуют втроем, и Блосс чувствует, что ее беседы с Джеральдом стали вежливыми, но несколько отчужденными — больше похожими на публичные выступления.

Многие неженатые (незамужние) люди отдаляются от друзей, если начинают серьезно с кем-либо встречаться. У меня был приятель, закоренелый холостяк, который обзавелся широким и многочисленным кругом приятельниц. Общению с ними он посвящал много времени. Когда у него сложились постоянные отношения с одной женщиной и они поселились вместе, его приятельницы жаловались, что он им больше ничего не рассказывает. «Не то чтобы я что-то скрывал от них, — сказал он мне. — Просто у меня с Наоми все замечательно, и рассказывать нечего». Говоря об этом, он тем не менее поведал мне о проблеме во взаимоотношениях, хотя она касалась его приятельниц, а не любимой женщины.

Контактоустанавливающий разговор как горькие жалобы

Фольклорист Анна Каравели изучала женские причитания в греческих деревнях. Причитания — это спонтанные, ритуализированные устные стихи, которые поют некоторые гречанки, выражая горе от утраты умерших или уехавших. Согласно Каравели, женщины обычно исполняют их под аккомпанемент других женщин. Что более важно — им необходимо участие других женщин, чтобы причитания удались. Гречанка, исполнившая причитание, чтобы Каравели могла записать его, отметила, что могла бы спеть лучше, если бы другие женщины помогли ей.

Когда гречанки собираются вместе, чтобы исполнить причитания, выражение горя каждой напоминает другим об их собственных страданиях, что обостряет чувства. Действительно, как Каравели, так и антрополог Джоэл Кьюперс, изучавший схожую традицию причитаний на Бали, обращают внимание на то, что женщины судят о мастерстве друг друга в этом народном искусстве по способности растрогать других, вовлечь их в переживание горя. Делясь чувствами, которые они испытывают, теряя любимых, женщины становятся ближе, и эта близость смягчает боль утраты. По мнению антрополога Джоэла Шерцера, исполнение «мелодичного плача» по умершим любимым является прерогативой женщин в совершенно разных обществах по всему миру.

Народные ритуалы причитаний аналогичны менее официальному, но также широко распространенному ритуалу, когда современные женщины в Америке и Европе собираются вместе, чтобы поговорить о неприятностях. Их тоже связывает боль. Возможно, это объясняет, почему сообщение о неприятностях придает беседе душевность. Сближение из-за неприятностей широко распространено среди женщин и является обычным между мужчинами и женщинами, но, видимо, значительно менее распространено среди мужчин.

Некоторые мужчины, с которыми я беседовала, говорили, что они ни с кем не обсуждают свои проблемы. Большинство из тех, кто все-таки обсуждает, отметили, что склонны говорить об этом с подругами. И лишь немногие сообщили, что у них есть друг-мужчина, с которым они делятся горем. Однако в рассказах информантов были различия, которые указывали, что мужчины находятся дальше от полюса близости, чем женщины. Во-первых, у них меньше друзей, с которыми они обсуждают свои проблемы (обычно один или два друга). Во-вторых, они могут подолгу не общаться — днями, неделями, месяцами и более, но знают, что если понадобится, друг будет рядом. Большинство женщин находится в постоянном контакте со своими самыми близкими друзьями и часто обсуждает с ними даже незначительные проблемы или события. Один информант сообщил, что у него действительно есть друг, которому он рассказывает о своих неприятностях, но если серьезной проблемы нет, он ему не звонит; поэтому они могут не общаться в течение длительного времени.

Одна женщина, назовем ее Ширли, чрезвычайно удивилась телефонному звонку мужчины, бросившего ее когда-то. Бывший друг пожелал зайти и поговорить. Оказалось, что он хотел излить душу: теперь разбито его сердце — новая подруга покинула его. На вопрос Ширли, почему он пришел именно к ней, этот человек ответил, что никому другому открыться не может. А как же его друзья? Да просто было неловко говорить с ними о таких вещах.

Разговаривая с друзьями по телефону, мужчины, как правило, обсуждают, что происходит на работе, фондовую биржу, футбольный матч или политику. Они действительно сплетничают (хотя, возможно, и не называют это так) в том смысле, что говорят о себе и других людях. Но они склонны говорить о политических, а не о личных отношениях: институциональная власть, прогресс и спад, проект, который могут утвердить или не утвердить в комитете, возможность заработать деньги. Если мужчины

все же упоминают своих жен и семьи, вероятно, это упоминание будет кратким, без лишних подробностей. Если они ссылаются на сложную личную ситуацию, скорее это будет сделано мимоходом и лишь в общих чертах («Не ладится»).

Вот как один из моих информантов описал День благодарения: собрались представители трех поколений семьи его жены — братья и сестры, их дети и родители. Мужчины вышли поиграть в футбол, а женщины остались дома поговорить. Закончилось тем, что старшие посоветовали самой младшей внучке не выходить замуж так рано.

Выше мы говорили, что склонность женщин вести разговоры о неприятностях сбивает мужчин с толку: они ошибочно принимают ритуальную жалобу за просьбу дать совет. Теперь мы видим, что разговоры о неприятностях — это просто одна сторона непрерывного личного разговора, который можно назвать сплетнями. Решение мелких проблем не только не является сутью разговора, но и сокращает общение, в котором как раз и состоит весь смысл. Когда одна проблема решена, надо найти другую, чтобы поддерживать доверительный разговор.

«Разговор ни о чем» служит важной цели

Когда обсуждать особенно нечего, цель пустых разговоров — поддержание духа товарищества. Подруги и родственницы поддерживают разговорные «механизмы» в рабочем состоянии, беседуя о незначительных вещах так же, как и о важных. Осознание того, что такие беседы у них будут и впредь, помогает женщинам чувствовать, что они не одиноки в жизни. Если не с кем поделиться своими мыслями и впечатлениями, они действительно чувствуют себя одинокими. Это описывается в рассказе Урсулы Ле Гвин «Туда и обратно». Женщине, которая заинтересовалась изготовлением керамических изделий, помогает и дает советы местный гончар. Мастер уделяет ей больше внимания, чем она ожидала, и ей трудно расстаться с ним. Когда, в конце концов, она уезжает, гончар кричит ей вслед

...что если ей понадобится гончарный круг, то пусть заходит в любое время. Ей сразу захотелось оказаться на работе, где она сможет сообщить кому-нибудь: «Он сказал: “Заходите и работайте на моем гончарном круге!”»

Как и писательница, которая видит в маленьких событиях своей жизни материал для рассказа, героиня Ле Гвин воспринимает свою жизнь как тему для беседы.

Студенты, посещающие мой курс о гендерных различиях, записали повседневные разговоры между женщинами-подругами и мужчинами-друзьями. Получить записи разговоров подруг было легко — отчасти потому, что большинство студентов были женщинами, но также и потому, что подруги студенток и члены их семей легко соглашались на просьбу «записать свой разговор с подругой». Мужчины же просьбу записать разговоры со своими друзьями воспринимали неоднозначно. Мать одной студентки легко согласилась, а отец утверждал, что не разговаривает с друзьями. «Разве ты никогда не звонишь Фреду?» — спросила она, назвав имя его хорошего друга. «Не часто, — ответил он. — Но если и звоню, то только если нужно что-нибудь спросить, а когда получаю ответ, я кладу трубку».

Муж другой студентки принес пленку с большим удовлетворением и гордостью. «Это хороший разговор, — заявил он. — Мы не просто трепались, типа “Привет, как дела? Я на днях посмотрел хороший фильм” и все такое. Мы должны были решить проблему. Важно каждое слово». Когда его жена прослушала пленку, то услышала, как он и его друг пытались решить проблему, связанную с компьютером. Все, что они говорили, касалось техники и не содержало ничего личного. Она не только не посчитала эту запись «хорошим разговором», но и вообще не сочла ее разговором. Для мужа «хороший разговор» имел безличное, информативное, сосредоточенное на решении конкретной задачи содержание. Для жены же главным была именно личная информация.

Эти различия также проявляются в отношениях между родителями и детьми. Мои студенты рассказывают: разговаривая по телефону «с родителями», большую часть времени они говорят с матерями. Отцы обычно присоединяются к разговору только тогда, когда им есть что обсудить или сообщить по делу. Это происходит как в устном, так и в письменном общении и, очевидно, не только в американских семьях. Студентка из Германии показала мне открытку из дома — «написанную от руки беседу» матери, интересующейся жизнью дочери, ее здоровьем и сообщающей ей о семейных новостях. В открытку была вложена короткая напечатанная записка от отца, в которой говорилось, что дочь должна сходить к секретарю университета и получить анкету, необходимо ему для налоговой декларации.

В ответ на одну из моих статей какой-то журналист отметил, что согласен с моим утверждением о том, что многие мужчины практически не говорят по пустякам, так как полагают, что разговор предназначен для сообщения информации. Он осуждает пустые разговоры и считает, что беседа должна иметь важное содержание, быть интересной и значимой. Это действительно так, пока речь идет о деловой встрече с большим количеством вопросов для обсуждения. Но он чувствует себя «немым», когда встреча заканчивается, и ему предстоит долгий путь по коридору с незнакомым человеком. Возражая в принципе против пустых разговоров и просто не имея практики их ведения, он теряется, когда нет «важного разговора».

Для большинства женщин смысл дружбы заключается во встречах и разговорах о том, что происходит в их жизни. Если есть с кем поделиться своими секретами, это означает, что вы не одиноки в мире. Но раскрытие секретов не обходится без риска. Та, что знает ваши секреты, имеет власть над вами: она может рассказать о ваших секретах другим людям и усложнить вашу жизнь. Это и является причиной отрицательного образа сплетен.

Когда сплетни становятся слухами

Весьма предосудительное отношение к сплетням отражает ситуацию, в которой распространяются вредоносные и безосновательные слухи. Наиболее наглядный пример такой ситуации описывается в рассказе Эдны О'Брайен «Вдова». В этой истории женщина по имени Бидди, чей любимый муж утонул, находит в конце концов счастье в новой любви. Жители городка следят за каждым ее шагом и осуждают новое увлечение, предвещая разочарование. Но Бидди уверена, что хорошо смеется тот, кто смеется последним, и обручается с новым избранником. За неделю до свадьбы счастливая пара заходит в местный паб и всех угощает.

Потом Бидди, немного навеселе, постучала обручальным кольцом по стакану и сказала, что прочтет небольшое стихотворение. Без долгих разговоров она встала, улыбнулась своей мальчишеской улыбкой, облизала губы — еще одна ее привычка — и прочитала стихотворение, которое называлось «Пусть говорят». Это был вызов всем злым, не в меру любопытным людям, которые завидовали ее скромному счастью. Скорее всего (а многие говорили потом, что так

и было), именно этот отчаянный поступок спровоцировал события последующих недель. Доверься Бидди кому-нибудь из местных ку-мушек — она была бы спасена; но Бидди не доверилась. Она держала дистанцию; ее глаза светились, она верила в свое счастье.

Но, несмотря на такую уверенность, счастье Бидди было обречено. Злые, безосновательные сплетни погубили ее. Распространяется слух, что ее первый муж покончил с собой, так как она превратила его жизнь в невыносимый кошмар. Бидди отчаянно пытается не допустить, чтобы ложные слухи дошли до ее жениха, и одна из таких попыток приводит к ее гибели. О'Брайен дает понять, что распространяя клеветнические слухи, жители городка наказали Бидди за то, что она «возомнила о себе» и не посчиталась с могуществом их слов, а также за то, что отдалилась от них и ни с кем из женщин не поделилась. Другими словами, они погубили ее сплетнями, к которым она не отнеслась с должным уважением.

Во многих отношениях наше общество все более ориентируется на личное, а не на общественное, все более нацелено на сплетни в общественной сфере. Большинство форм массовой коммуникации, как, например, телевизионные новости и пресс-конференции официальных лиц, становится более неформальным по стилю, транслирует импровизированные (или кажущиеся таковыми), а не подготовленные выступления. В результате людям, выступавшим экспромтом, часто приходится публично приносить извинения или даже уходить в отставку, так как их высказывания уместны в личных беседах, но никак не приемлемы в публичных выступлениях. Другая сторона такого положения дел — возросший интерес к личной жизни общественных деятелей. Не стоит поэтому удивляться, что одним из аспектов такого интереса — своего рода побочным продуктом — становится распространение слухов в общественной жизни.

Газета «Вашингтон Пост» в статье «Общественная политика слухов» отмечает, что хотя слухи уже давно — «главный продукт политики», только недавно их стали с готовностью публиковать в средствах массовой информации независимо от того, может журналист доказать их истинность или нет. Поводом для этой публикации послужил следующий инцидент: глава департамента по связям с общественностью Национального комитета республиканской партии вынужден был подать в отставку после опубликования и распространения меморандума, содержавшего лишь намеки (а не утверждение) на то, что вновь избранный спикер Па-

латы, представитель от демократической партии, — гомосексуалист. Автор статьи в «Вашингтон Пост» отмечает, что слухи эффективны, даже если их потом опровергают: вред причиняет само их существование, так как большинство людей полагает, что «нет дыма без огня». Американская общественная арена стала чем-то похожа на ирландское общество в рассказе Эдны О'Брайен.

Цель сплетен

Приведем драматичные примеры разрушительной силы сплетен. В романе «Зависть» Нора Эфрон описывает не столь страшную, как в рассказе О'Брайен, опасность разглашения своих тайн. Главная героиня, Рейчел, встречается со своей подругой Мэг Робертс в самолете на пути из Нью-Йорка в Вашингтон. Мэг упоминает про вечеринку по случаю дня рождения их подруги Бетти, и Рэйчел с ужасом осознает, что совершенно о ней забыла. Но у нее есть чрезвычайно уважительная причина: она ушла от мужа и улетела в Нью-Йорк, так как узнала, что он страстно влюблен и у него роман с другой женщиной. Теперь, однако, она возвращается домой вместе с мужем, чтобы попытаться спасти свой брак. Она не хочет в свое оправдание назвать истинную причину, так как это даст повод для сплетен:

Единственный способ получить прощение Бетти — это объяснить ей причину. Но если я расскажу об этом, она разболтает всем в Вашингтоне, и тогда весь город узнает о нашем браке то, что я хотела бы скрыть. Например, я все знаю о браке Мэг Робертс потому, что она делится со своей подругой Энн, которая делится с Бетти, которая делится со мной.

Настоящие друзья, как принято думать, не рассказывают другим людям тайны своих друзей. Разглашение тайны может стать основанием для разрыва дружбы. И все же люди частенько пересказывают то, что им по секрету рассказали друзья. Почему же так происходит?

Антрополог Пенелопа Эккерт изучала жизнь девочек-старшекласниц. Социолог Донна Идер провела такое же исследование в средней школе. Обе отметили, что статус девочки повышается, если она дружит с ученицами, уже достигшими высокого статуса: капитанами групп поддержки, симпатичными и пользующимися успехом девочками. Но если достижение статуса

зависит от дружбы с девочкой с высоким статусом, то как доказать остальным, что вы — подруги? Один из способов — показать, что ты знаешь ее секреты, так как именно с подругами делаются сокровенным.

Некоторые старшеклассницы сообщили Эккерт, что предпочитают дружить с мальчиками, так как те не пытаются узнать пикантные подробности и менее склонны их разбалтывать. Девочки, видимо, считают, что это демонстрирует моральное превосходство мальчиков. Но Эккерт подчеркивает, что причина, по которой мальчик меньше интересуется сплетнями и делится добытыми сведениями, заключается в том, что он извлекает из этого гораздо меньшую выгоду. Основное средство доступа к статусу для мальчиков — не столько выбор окружения, сколько их успехи в учебе и способности, главным образом в спорте, а также способность побеждать в драке (хотя чем старше мальчик становится, тем чаще поединки становятся словесными, а не физическими).

Все же существует еще одна причина, по которой желание укрепить отношения может способствовать появлению сплетен. Разговор об отсутствующих укрепляет связь с присутствующими. Приходя к единой оценке кого-либо, люди упрочивают общие ценности и мировоззрение.

Сплетни как социальный контроль

Подтверждение общих ценностных установок при обсуждении других людей может сработать и по-другому. Мы оцениваем свое поведение относительно возможности появления сплетен, представляя, что скажут о нас другие. Обдумывая свои поступки, мы произвольно проецируем их на этот воображаемый диалог, и на наши решения влияет предполагаемое мнение окружающих. Приняв решение, мы скрываем, согласовываем или демонстрируем свое поведение во избежание критики и во имя одобрения. Молодые люди — бунтари по натуре — могут не считаться со сплетнями. Вне зависимости от позиции, которую мы занимаем по отношению к сплетням, установки, лежащие в основе того, «что скажут люди», закладывают в нас образ хорошего человека и его поступков. Когда мы слышим, как людей хвалят за щедрость и скромность, мы понимаем, что это хорошо. Если же их критикуют за скупость, вероломство или плохой характер, мы понимаем, что это плохо.

Девушкам и женщинам важно нравиться равным себе. Это форма связи нацелена на симметричные взаимоотношения. Юношам же и мужчинам важно, чтобы равные их уважали. Эта форма связи нацелена на асимметричный статус. Не нравиться — это ужасное наказание для девушек и женщин, так как им необходимо быть «принятыми». Марджори Харнесс Гудвин в своем исследовании игр мальчиков и девочек младшего и среднего школьного возраста и подростков, обнаружила: если поведение девочки серьезно осуждалось, другие девочки на полтора месяца переставали с ней общаться, что является основным средством социального контроля. И наоборот, хотя мальчики иногда уходили из компании, когда считали, что их слишком сильно обидели, Гудвин не обнаружила, чтобы мальчиков исключали из компании на длительный срок.

Стоит ли быть откровенным?

Потребность нравиться и получать одобрение может войти в противоречие с потребностью делиться сокровенным, так как излияния души демонстрируют наши слабости. В примере, который я описала выше, бывший возлюбленный женщины, которого оставила новая подруга, так хотел поговорить об этом, что пришел к ней, хотя сам оставил ее задолго до этого случая. Почему ему было неудобно говорить о своих проблемах с друзьями? Возможно, по той же причине, по которой многие мужчины, опрошенные Катрин Колер Райсман, ни с кем не говорили о своем разводе. Один из них сказал: «Никому, наверное, не хочется, чтобы другие знали о твоих проблемах... Всегда стараешься о них не распространяться». Эти мужчины, как и многие другие, остро осознают неравенство в статусе, к которому может привести откровенность. С одной стороны, те, кто демонстрирует слабость, осознают, что снижают свой статус. С другой стороны, они выдают информацию, которая может быть использована против них.

Женщины также опасаются этого. Психолог Робинетта Кеннеди, изучавшая дружбу женщин в деревушке на острове Крит, обнаружила, что женщины остро осознают опасность злых сплетен, возникающую в результате обмена личными сведениями. Она попросила двенадцать школьниц написать, какие качества они ценят в подруге выше всего, и все написали: способность хранить секреты. Кеннеди убедилась, что именно по этой причине некоторые женщины избегают дружбы, но страдают от недос-

татка друзей. В обществе, где женщины и мужчины живут в строго разграниченных социальных сферах и должны выполнять по отношению друг к другу четко обозначенные роли, иметь подругу для женщины означает, что, по крайней мере, один человек будет понимать и принимать ее такой, какая она есть. Если не с кем поделиться истинными чувствами, она ощущает мучительную изоляцию.

Женщины и девочки в греческой деревне и американские школьницы, поведение которых изучали Идер и Эккерт, сталкиваются с одной и той же дилеммой: им нужны подруги, чтобы поговорить, но в то же время они понимают, что разговаривать с ними рискованно. Они значительно чаще, чем мальчики и мужчины, идут на подобный риск, так как он вознаграждается взаимопониманием. Вероятность же оказаться уязвимой и потерять независимость для них менее значима. У мужчин все наоборот: они рискуют реже, так как для них наиболее важно не оказаться в уязвимом положении и защитить свою независимость, а проблема близости стоит на втором месте.

Многих мужчин возмущает, что жены или подруги обсуждают их отношения с друзьями. Эти мужчины воспринимают разговор о личных взаимоотношениях как предательство. Один из моих информантов был очень убедителен в своей позиции. Он сказал, что расценивает рассказ о личных подробностях отношений, особенно показывающих слабости партнера, — как однозначное предательство. Он презирает людей, которые опускаются до этого ради налаживания отношений с друзьями. Столь острая реакция подтверждается антропологом Джилл Дубиш (которая пишет о греческой культуре): разговор о семейных проблемах с чужими людьми — табу, потому что он нарушает священную границу между кругом «своих» и внешним миром, вынося «сор из избы».

Дубиш также указывает на символическую связь вербального и сексуального: впустить незнакомых людей в дом, рассказывая им семейные секреты, сопоставимо с «незаконным сексуальным проникновением». Это, видимо, может объяснить затруднительное положение вдов в Греции, о котором говорят строчки причитания, записанного Каравели: «Вдова в доме, сплетни у порога». Вдова привязана к дому: если она выйдет на улицу, любое ее действие вызовет сплетни о сексуальной распущенности.

Многие мужчины не обмениваются подробностями личной жизни и жизни других людей для установления близости, но это, конечно, не значит, что у них нет потребности и возможности поддерживать отношения с другими людьми при помощи разго-

вора. Если источник общности женщин — разговоры о личной жизни — раздражает мужчин, то чтобы найти источник их общности, мы можем изучить ту сторону их поведения, которая раздражает женщин: обсуждение газет.

Новости как сплетни

Профессор-пенсионер каждый день встречался со своими друзьями, тоже пенсионерами, в местной закускойной. Они называли свои встречи «решением мировых проблем». Сразу становится понятно, о чем они говорили.

Интерес мужчин к подробностям политики, новостям и спорту аналогичен интересу женщин к подробностям личной жизни. Если женщины боятся оказаться «вне игры», когда не знают, что происходит с тем или иным человеком, то мужчины боятся этого, когда не знают, что происходит в мире. Обмен подробностями об общественных, а не о личных новостях имеет то преимущество, что не делает мужчин уязвимыми: информация, которой они обмениваются, никакого отношения к ним не имеет.

В книге по истории информации Митчелл Стефенс отмечает, что людям уже давно присуще страстное желание обмениваться подробностями текущих событий. Автор не говорит, что речь идет о «мужчинах», скорее об «англичанах», однако из его описания становится понятно, что его комментарии касаются именно английских мужчин.

Возможно, вы удивитесь, узнав, что больше 275 лет назад англичане — хотя у них не было ни радио, ни телевидения, ни спутников или компьютеров, и большую часть новостей они получали в кофейнях — считали, что их эпоха характеризуется одержимостью новостями. Одна из газет 1712 года описывает эту ситуацию как «яростную жажду новостей» и считает, что она «оказалась роковой для многих семей. Самые бедные лавочники и ремесленники проводили целые дни в кофейнях, чтобы услышать новости и поговорить о политике, в то время как их жены и дети голодали дома...». Похожее поведение отмечалось в середине семнадцатого века в Кембридже. «Ученые так жадны до новостей, ...что они всем пренебрегают ради них», — жаловался обеспокоенный наблюдатель.

Если «англичане» собираются в кофейнях, чтобы «поговорить о политике», в то время как их жены и дети находятся дома, тогда

«англичане» — это действительно «английские мужчины». Но как схож этот портрет мужчин, собирающихся, чтобы обменяться новостями, со стереотипным образом женщин, пренебрегающих домашними обязанностями, чтобы посплетничать по телефону или собраться за чашечкой кофе на кухне.

Власть подробностей

Обсуждение новостей и обмен подробностями личной жизни сближаются, так как в газетах сообщают все больше новостей о личной жизни людей. Самый яркий пример — феноменальный успех журнала «Пипл». Рассмотрим начало статьи:

Чарльз и Джин Этчисон живут неподалеку от дискобара «Ковбой-сити» на немощной улочке в трейлере, со стен которого сыпется белая с золотом краска. Перед дверью на ветру колышутся сорняки. Эта улочка наводит на меланхоличные мысли о неудачниках. Городок Эзл в Техасе — крошечное местечко на задворках Форт-Уорта.

Несколько лет назад картина была иной. У Чарльза (все его звали Чак) Этчисона дела шли хорошо. Он неплохо зарабатывал — больше 1000 долларов в неделю. Этого хватало, чтобы оплатить уютный дом, новые машины, интересные путешествия. Но это все в прошлом. Он уже задолжал за полгода арендную плату за землю, не говоря уже о других счетах.

«Как будто я быстро двигался вперед и вдруг дал “задний ход”, — сказал мистер Этчисон со скорбной улыбкой. — Что ж, добро пожаловать в страну доносчиков».

Чаку Этчисону 44 года, у него каменное лицо и редкие усы.

Эти строки взяты не из очерка или журнала. Это фрагмент первой страницы раздела «Бизнес» газеты «Нью-Йорк Таймс» — самого объективного раздела самой объективной газеты Америки. Рассказывая о том, что случилось с Этчисоном, инспектором контроля качества, разоблачившим нарушения техники безопасности на ядерной станции, журналист дает личное описание «доносчика»: как он выглядит, какой у него дом — подробности, вызывающие у читателя чувство сопричастности.

По мнению обозревателя Боба Грина, журналисты стали обращать внимание на такие светские подробности в 1963 г., когда Джимми Бреслин написал статью под названием «Смерть в палате реанимации № 1», описывая последние минуты жизни Джона

Кеннеди. Грин пишет, что эта статья «в тот день буквально перенесла читателей в коридоры и операционные больницы Паркленд», и отмечает, что «сегодня журналисты обучены быстро добывать такие подробности...». Говорят, что такой же журналистский подход лег в основу карьеры обозревателя Рассела Бейкера, чей репортаж о коронации королевы Елизаветы сосредоточил внимание не на официальной торжественной церемонии, а на закулисных подробностях — например, на «длинных рядах колониальных монархов в мехах и золотом шитье, выстроившихся в очередь к туалетам Вестминстерского аббатства».

Почему читателям так хотелось оказаться в коридорах и операционных больницах, в которой лежал Кеннеди? Почему им интересны очереди в туалет на коронации? Потому что такие подробности дают им приятное чувство вовлеченности, чувство причастности к чему-либо. Такие же чувства испытывают женщины от сплетен, обсуждая подробности своей и чужой жизни.

Радость сопричастности

Несмотря на растущую роль подробностей в газетных новостях, не все любят мелкие подробности в повседневном общении. Одна информантка сообщила, что члены ее семьи рассказывают о бабушке, пародируя речь старушки: «Я ветчинки поела. Я сырку покушала». Эта беззлобная, но уничижительная манера описания показывает, как им надоели рассказы бабушки о том, что она ела на обед. Лучше бы она не вдавалась в детали или совсем им об этом не рассказывала.

Моя двоюродная бабушка, много лет вдовевшая, завела роман, когда ей было за семьдесят. Толстая, лысеющая, с искалеченными артритом руками и ногами, она не соответствовала представлению о женщине, которую нежно любят. Но ее любил — любил мужчина, которому тоже было за семьдесят и который жил в доме для престарелых, но иногда проводил выходные у нее. Пытаясь объяснить мне, что для нее значили эти отношения, она рассказала мне об их разговоре. Однажды вечером бабушка ужинала у друзей. По возвращении домой позвонил ее друг, и она рассказала об ужине. Он слушал ее с интересом, а потом спросил: «А во что ты была одета?». Рассказывая об этом, она заплакала: «Знаешь, сколько лет меня не спрашивали, во что я была одета?».

Бабушка имела в виду, что много лет никто серьезно — любовно — не заботился о ней. Обмен сравнительно незначительными подробностями о повседневной жизни содержит метапослание взаимопонимания и заботы.

Внимание к подробностям жизни какого-либо человека часто является свидетельством романтического интереса. В романе Силии Фремлин «Ревнивица» героиня посылает своего мужа Джеффри пригласить на обед новую соседку, только что въехавшую в дом. Джеффри возвращается взволнованный, переполненный восхищением и с массой подробностей о новой соседке. С горящими глазами он заявляет, что соседка пригласила их на обед к себе, в еще не меблированный дом, и спрашивает у жены, нет ли у нее красной ленточки для Шан Лоу, пекинеса соседки, объясняя, что Шан Лоу — это антоним слова Шан Хай. Жена отвечает насмешливо, но Джеффри не сразу разделяет ее иронию по поводу манерности соседки, желающей украсить свою собаку ленточкой:

Долю секунды она хихикала в ужасном одиночестве. Потом присоединился Джеффри — чуть позже и чуть громче, чем следовало. Шутка так и повисла в воздухе. Пробормотав что-то вроде «я обещал...», Джеффри поспешил прочь из кухни и вышел из дома без красной ленточки. И эта ленточка, которую они не искали, но не нашли и которой, возможно, вовсе и не было, стала первой из тех вещей, о которых они больше никогда не упоминали.

Романтический интерес Джеффри к новой соседке явствует из восторженного, некритического перечисления подробностей — таких как порода и имя ее собаки.

Если запоминание какой-либо детали или имени является признаком внимания, то неспособность запомнить имя можно рассматривать как признак его отсутствия. Люди, чьи родители не любят их супругов или друзей, часто жалуются, что те косвенно выражают свое неодобрение, называя их обычно другими именами или вообще «забыв» их имена. Этот прием можно использовать и в благих целях. Так произошло с женщиной, которая сохранила дружбу с женой приятеля своего бывшего мужа. Та постоянно называла новую жену экс-мужа подруги «эта». Разведенная женщина так поняла это метапослание: «Даже если я иногда с ней встречаюсь, она меня не волнует. Именно ты дорога мне». То, что подруга «не помнила» имя новой жены, было свидетельством отсутствия внимания к ней — и, соответственно, преданности первой жене.

Внимание к деталям внешнего вида человека может быть инструментом флирта. У одной информантки была назначена встреча с мужчиной, которого она видела мельком лишь один раз. Они оба состояли в браке, и встреча была деловой. Но мужчина начал разговор, отметив, что она выглядит моложе, чем ему показалось при первой встрече, и что прическа у нее другая. «Вы ведь тогда были в шляпе, не так ли? — спросил он. — И были одеты во что-то белое». Сказать о том, что при их первой встрече он обратил внимание на ее внешность, было своего рода заигрыванием. Ей это не было неприятно. Правда, когда она рассказала обо всем мужу, тому это не понравилось.

Запоминание деталей демонстрирует заботу и создает вовлеченность. Мужчин, однако, часто раздражает женское увлечение подробностями. Так как женщины прежде всего и больше всего заинтересованы в установлении тесных дружеских отношений, они ценят, когда им все рассказывают в деталях.

И наоборот, многие женщины жалуются, что мужчины недостаточно подробно рассказывают что-либо. В рассказе Элис Маттисон «Спящий великан» героиня Лора разочарована именно этим. Как Лора, так и ее муж Дэн огорчены намерением зятя купить старый заброшенный дом. Раньше, когда Лора пыталась поговорить об этом с дочерью, та встала на сторону мужа. Теперь Дэн уверяет жену, что дочь разделяет ее мнение — она сама ему об этом сказала. «Поверь мне, — говорит он, — она совсем не рада этой затее». Лора хочет узнать подробности их разговора, но Дэн не удовлетворяет ее желание. Она спрашивает:

— Ну, и почему она не скажет ему об этом?

Он не отвечает.

— Что *точно* она сказала? — Лора ищет в сумке ключи от машины. Она все же замерзла, а в багажнике лежит фланелевая рубашка. Она ждет, держа ключи и сумку, но Дэн все еще молчит. Она бросает сумку на скамейку. — Что она *сказала*?

— О, я не помню. Так, вообще.

— А *ты* что сказал?

— Да я не знаю, Лора. — Лора резко поворачивается, открывает багажник и долго смотрит внутрь, злясь, что Дэн ничего больше не рассказывает.

Лора ведет себя как многие реальные женщины, с которыми я разговаривала. Как сказала одна из них: «Мужчины не пересказывают все целиком — кто и что сказал». Другая жаловалась на

своего мужа: «Заставить его рассказать мне все — все равно что удалять зубы: “Что она сказала?”, “А что он сказал?”».

Еще одна информантка вспомнила, как муж ее лучшей подруги безуспешно попытался принять участие в их разговорах. Нарушая традицию, он попытался рассказать о случае, который, как он думал, был похож на те, что обсуждали женщины. Обе засыпали его вопросами, на которые он не смог ответить, — что точно было сказано, как и почему. Он замолчал и больше не пытался что-либо рассказать. Возможно, он сам себя спрашивал, почему женщин так интересуют все эти незначительные детали.

«Обойдемся без подробностей»

Хотя многие женщины ценят подробные перечисления мельчайших нюансов в разговорах с близкими друзьями, бывают ситуации, когда излишне подробное описание или чрезмерное число вопросов о деталях угнетают всех. Если рассматривать интерес к деталям как признак тесных отношений, женщина не поддастся такому интересу, когда он исходит от кого-либо, с кем она не хочет сближаться. И каждый из нас оказывался в ситуации, когда нам сообщали ненужные детали, — их было так много, что они казались бессмысленными или требовали больше внимания, чем мы хотели им уделить. Во многих очерках, которые я собрала о людях, перегружающих общение деталями, фигурируют пожилые люди. Возможно, это происходит потому, что иногда пожилые люди хотят общаться с молодыми людьми больше, чем того желают последние, или потому, что они плохо слышат и рассказывают подробные истории, чтобы поддержать общение. Пожилые люди также более склонны предаваться воспоминаниям о прошлом, а следовательно, рассказывать истории, которые, вероятно, содержат большое количество деталей.

Один из постулатов современной американской психологии заключается в том, что душевное здоровье требует психологического отделения от родителей. Один из способов противостоять чрезмерной сопричастности, по крайней мере для некоторых людей, — не рассказывать подробностей. Например, одна информантка сообщила, что мать пыталась добиться чрезмерного участия в ее жизни, но преуспела в этом лишь с ее сестрой Джейн. В доказательство она сказала: «Удивительно, сколько подробностей о жизни Джейн знает моя мать». Затем она объясни-

ла, как противостоит попыткам матери вмешаться в ее жизнь. В качестве примера излишнего любопытства матери она привела следующий эпизод: «Она жаждет подробностей. Если я скажу, что ходила куда-нибудь, она спрашивает: “А в чем ты была?”».

Вопрос, который раздражал эту женщину, доставил столько радости моей двоюродной бабушке. Разница в том, что моя бабушка стремилась к сближению с мужчиной, который задал ей этот вопрос. В данном же случае к сопричастности стремится мать, а дочь ей противостоит, считая чрезмерной. Однако ее сестре Джейн вопрос матери «В чем ты была?», вероятно, не кажется неуместным. Возможно, что, как и моя двоюродная бабушка, Джейн ценит проявление внимания, видя в нем доказательство сопричастности.

Разговоры о работе вперемешку со сплетнями

Многие женщины сочетают в разговорах и весьма важные, и относительно незначительные вещи: например, говорят и о работе, и об одежде. В понедельник утром Марджори входит в кабинет Беатрис, чтобы обсудить контракт. Решив вопрос или, возможно, даже до этого, они посвящают друг друга в последние события своей личной жизни: у Марджори полно хлопот из-за болезни свекрови; Беатрис возлагает большие надежды на новое знакомство.

Руководительница консультационного центра отметила, что, когда она встречается со своими сотрудницами, они обычно тратят 75% времени на личные разговоры, а в оставшиеся 25% эффективно решают рабочие вопросы. Мужчинам, работающим там же, это кажется пустой тратой времени. Но директор стремится к созданию теплой, дружеской рабочей атмосферы. Она считает, что такие личные беседы способствуют взаимопониманию, которое повышает у женской части персонала удовлетворенность работой и создает на рабочем месте атмосферу, позволяющую им столь продуктивно вести дело.

Общее знание и доверие произрастают из личных бесед, они могут предшествовать деловым отношениям или быть их результатом. В одном из журналов описывается партнерство двух женщин, владеющих строительной компанией. Их отношения начались задолго до основания общего дела, когда они регулярно встречались, чтобы поболтать за чашечкой кофе. Когда одна из

них решила начать свое дело, основы ее взаимоотношений с компаньонкой уже были заложены.

Для женщин, которые регулярно разговаривают с друзьями, этот механизм работает и приводится в действие, когда надо принять важное решение. Психолог Элизабет Лофтус, специализирующаяся на свидетельских показаниях, столкнулась с моральной дилеммой, когда ее попросили дать свидетельские показания в защиту человека, обвиняемого в жестоком обращении с заключенными. Он был нацистским военным преступником, известным своими садистскими наклонностями. Лофтус понимала, что должна быть последовательной и даже в этом случае давать показания так, как делала это всегда. Но ее родственники и друзья были против, и она испытывала отвращение при мысли, что придется подрывать показания немногих оставшихся в живых свидетелей обвинения — лишь пятидесяти из примерно миллиона его жертв. Выход был найден, когда одна из подруг зашла к ней на чашку чая. Лофтус вспоминает: «Моя подруга, цитируя Эмерсона, напомнила мне, что “глупая принципиальность — признак недалекого ума”». Успокоившись, Лофтус решила не давать показаний. Так как у женщин и мужчин разные привычки в отношении коммуникации в обществе, они и ведут себя по-разному.

Различия обнаруживаются довольно рано. Одна пара, с которой я беседовала, по-разному воспринимала отношения своего сына и его лучшего друга. Мать находила странным, что ее сын узнал, в каком колледже учится его друг, из ежегодника: ведь мальчики много времени проводили вместе. Однажды ему позвонила девушка и спросила, пригласил ли уже его друг кого-либо на студенческий бал. Она выполняла просьбу своей подруги, а та хотела пригласить его друга, если у него еще нет пары. Их сын ничего не знал и не считал необходимым знать о планах товарища. Более того, он рассердился на звонившую девушку, назвал ей номер телефона друга и предложил спросить его самого. Позже он недовольно заявил, что — знай он о намерении друга пойти на бал — мог бы к нему присоединиться. Именно незнание подробностей жизни товарища помешало ему.

Все это показалось странным матери мальчика, которая просто не могла представить, как можно дружить и ничего не знать о жизни товарища. Однако отец не видел в этом ничего особенного.

«Разговоры о» и «разговоры против»

Относительно положительная или отрицательная оценка, которая присутствует в разговорах о личных подробностях жизни самого человека или жизни других, отражается в положительном или отрицательном представлении о сплетнях. Один из информантов сказал, что в его представлении мы с ним по-разному понимаем сплетни: «Вам они кажутся обсуждением подробностей личной жизни людей, известных говорящим. Для меня — это обсуждение слабостей, недостатков и неудач третьего лица таким образом, что участники разговора могут почувствовать свое превосходство над ним. Это недостойно, поэтому сплетничать нехорошо».

С точкой зрения этого человека совпало мнение моей информантки: ее раздражала одна из коллег в детском саду, слишком много сплетничавшая. Все сплетни этой женщины носили отрицательный характер: она унижала других работников сада и критиковала их. Информантку смущало не то, что коллега говорила о них, а то, что она говорила *против* них. Это отдаляет говорящих от тех, о ком идет речь, а не сближает их. Более того, естественно предположить, что если кто-то говорит о других только плохое, в ваше отсутствие этот человек не скажет ничего хорошего и о вас.

Сплетни в виде разговоров «против» относятся к словесной игре, которую Кристин Чипен называет «козел отпущения». Анализируя беседы, она обнаружила, что собеседники плохо говорили об отсутствующих, чтобы восстановить появившийся дисбаланс власти. Сделать из кого-то «козла отпущения» — это способ для говорящих достичь равенства друг с другом, объединившись против кого-либо.

В примерах Чипен, однако, третья сторона, против которой объединялись собеседники, была не кем иным, как их начальником. А это возвращает нас к точке зрения человека, который объяснил мне, почему он считает сплетни неэтичными. В некоторой степени, разговоры о том, кого нет, позволяют ощутить присутствие отсутствующего, в результате чего устанавливается взаимосвязь. Но если отсутствующая сторона вводится для унижения, тогда результатом является достижение статуса. Как и всегда, взаимосвязь и статус действуют вместе, так что обе точки зрения являются обоснованными. Это просто разные ракурсы одной и той же картины.

У женщин и мужчин разное мнение

Каково же решение проблемы, если женщины и мужчины не понимают друг друга в отношении сплетен и других вещей? Как же тогда вести общение? Ответ как для мужчин, так и для женщин заключается в попытке принимать друг друга такими, какие они есть, а не применять нормы поведения одной группы к поведению другой. Это не совсем «естественно», потому что мы склонны искать единственно «верный» способ сделать что-либо, и эксперты в этом случае не являются исключением.

На национальное ток-шоу с участием зрителей пригласили психолога, который отвечал на вопросы о взаимоотношениях супружеских пар. Одна из зрительниц пожаловалась: «Мой муж разговаривает со своей матерью, но отказывается говорить со мной. Если я хочу узнать, как прошел его день, то слушаю его разговор с матерью», на что психолог ответил: «Возможно, он доверяет своей матери больше, чем вам».

Такой комментарий только усилил подозрения и опасения зрительницы. То, что сказал психолог, было абсолютно правильно и обоснованно, но в контексте женской дружбы и роли разговоров в ней: подруга, с которой вы разговариваете каждый день, рассказывая обо всех мелочах, — это ваша лучшая подруга. Но насколько обоснованно такое объяснение с мужской точки зрения? Держу пари, что муж даже и не думал, что ему нужно делать что-то особенное для создания тесного контакта со своей женой, потому что они и так постоянно были вместе. А его мать жила одна — вот он и веселил ее рассказами о мелочах, которые, как ему казалось, она хотела бы услышать. Потребность матери слышать такие подробности имела смысл в глазах сына: эти детали нужны ей как суррогат реальности — подобно наблюдению за чужой жизнью из окна. Он не понимал, зачем такие разговоры нужны его жене. Хотя не исключено, что этот мужчина доверяет матери больше, чем жене, приведенные доказательства все же не являются основанием для такого вывода.

Психотерапевт оценил манеру общения мужчины с точки зрения стандартов женского общения. В некотором смысле нормы терапии больше ассоциируются с женским стилем общения, чем с мужским. Возможно поэтому исследование показало, что среди неопытных психотерапевтов женщины справляются с работой лучше, чем мужчины. Но со временем, с приобретением опыта это гендерное различие стирается. В конце концов, воз-

можно, что психотерапевты-мужчины — и мужчины-пациенты — учатся разговаривать как женщины, а это к лучшему. Тренинги по повышению уверенности в себе, с другой стороны, учат женщин разговаривать подобно мужчинам, а это также на пользу. Женщинам и мужчинам следует изучать стратегии, которые чаще используются членами другой группы, — не полностью переключатся, а просто иметь большее количество стратегий в своем распоряжении.

Трудно изменить привычные стили общения. Возможно, немного легче научиться уважать стили общения друг друга. Мужчинам следует принять то, что многие женщины рассматривают обмен подробностями о личной жизни как основной компонент близких отношений, а женщинам следует принять то, что многие мужчины так не считают. Взаимопонимание, по крайней мере, поможет избежать боли от обвинения в том, что вы делаете что-либо неправильно, тогда когда вы просто делаете это по-своему.

Глава 5

«Я тебе объясню»: чтение и прослушивание «лекций»

На приеме по случаю публикации одной из моих книг я обратила внимание на женщину — агента по рекламе, которая внимательно слушала продюсера популярного радио-шоу. Тот рассказывал, как получилось, что радиостудию построили там, где она сейчас находится, и почему он предпочел бы другое место. Мое внимание привлекло то, как долго он говорил, а она слушала. Подробно объясняя ей о приеме радиоволн в этих двух местах, строении радиостанции и т. д., он произносил монолог, который можно было назвать «лекцией». Позже я спросила ее, было ли ей интересно. «О, да, — ответила она, но потом, немного подумав, добавила. — Ну, может быть, он и вправду слишком разговорился». На следующий же день она сказала: «Я задумалась над вашим вопросом. Все, что он говорил, мне было совершенно безразлично. Просто я так привыкла слушать, как мужчины пространно рассуждают о вещах, мне не интересных, что даже не осознавала, насколько это скучно, пока вы не заставили меня задуматься об этом».

Я беседовала с мужчиной, с которым только что познакомилась на вечере. Во время нашей беседы выяснилось, что в 1944—1945 гг. он служил в Греции в ВВС Великобритании. Я тоже жила в Греции несколько лет и поинтересовалась его впечатлениями: какой была Греция в то время? как местные жители относились к британским солдатам? *каково* это было — быть британским солдатом в военной Греции? Я также рассказала о том, как изменилась Греция, какая она сейчас. Его это не заинтересовало, и, отвечая на вопросы, он быстро перешел от рассказа о собственных впечатлениях, которые показались мне захватывающими, к фак-

там из истории Греции. Эта информация — в принципе интересная — в данном случае и ситуации нагнала на меня скуку. Чем более безличным становился его рассказ, тем больше он меня угнетал, и против воли я оказалась «загнанной» в положение слушателя.

На выставке художественных работ Джуди Чикаго «Званный обед» меня поразила одна пара, стоявшая напротив одного из экспонатов: мужчина, увлеченно жестикулируя, объяснял женщине значение символов на гобелене. Я могла бы не заметить этой обыденной сцены, если бы «Званный обед» не был по замыслу радикально феминистским — предназначенным отразить жизненный опыт и мироощущение женщин.

Гуляя как-то вечером в начале лета, я остановилась поболтать с соседом, который выгуливал собаку. Пока мы разговаривали, я заметила, что весь сад, на краю которого мы стояли, сверкал пульсирующим мерцанием светлячков. Я обратила внимание на это чарующее зрелище и сказала: «Как четвертого июля»¹. Сосед со мной согласился, а затем рассказал, что читал, будто огоньки светлячков — это сигналы спаривания. Далее он подробно объяснил мне, как эти сигналы действуют, — например, группы светлячков летят на разной высоте и можно видеть, как они собираются стайками в разных частях сада.

Во всех этих примерах у мужчин была информация, которой можно было поделиться, и они ею делились. Внешне в этом нет ничего удивительного или странного. Но необычно то, что существует так много ситуаций, в которых мужчины сообщают женщинам фактическую информацию, требующую длительных объяснений, и так мало ситуаций, в которых женщины сообщают мужчинам сопоставимую информацию.

Отношения между женщинами и мужчинами со временем меняются. Теперь маловероятно, по крайней мере во многих кругах, что мужчина скажет: «Я лучше тебя, потому что я — мужчина, а ты — женщина». Но женщины, которым таких заявлений не адресуют, тем не менее, часто недовольны. Многих женщин разочаровывает, например, когда беседа непостижимым образом превращается в лекцию, где мужчина — лектор, а женщина — благодарная аудитория.

---

¹ 4 июля — национальный праздник США — День Независимости (здесь и далее — *Прим. перев.*).

И снова социальный порядок, в который «встроены» женщины и мужчины, оказывается асимметричным. Лектор в рамках ситуации определяется как превосходящий по статусу и компетентности человек, исполняющий роль учителя. Слушателю же отводится роль студента. Если бы женщины и мужчины по очереди «читали и слушали лекции», нечего было бы и беспокоиться. Тревожит дисбаланс. Женщины и мужчины так часто попадают в эту неравноправную ситуацию из-за привычки по-разному вести общение. Так как женщины стремятся к гармонии в отношениях, они более склонны преуменьшать свою компетентность, нежели показывать ее. Мужчины дорожат ролью лидера и чувством большей компетентности и поэтому ищут возможность собирать и распространять фактическую информацию.

Если часто кажется, что мужчины разглагольствуют, когда у них есть особые знания, то женщины, обладающие такими знаниями, часто с разочарованием и удивлением обнаруживают, что у них нет особого желания их демонстрировать.

Сначала я и потом тоже я

Шел банкет для профессоров и преподавателей нашего университета. Справа от меня сидела женщина, и, когда обед начался, мы познакомились. Мы рассказали друг другу, на каких факультетах работаем и какие дисциплины преподаем, а потом она спросила о моих научных интересах. Немного поговорив о моих исследованиях, она затем и сама, в ответ на мой вопрос, рассказала о своих. Наконец, мы обсудили, в чем совпадают наши научные работы. Позже, как это бывает на обедах, мы заговорили с другими присутствующими. Я спросила мужчину, сидящего напротив, с какого он факультета и чем занимается. В следующие полчаса я много узнала о его работе, научной деятельности и о нем самом. Незадолго до окончания обеда был перерыв, и он спросил, чем занимаюсь я. Когда я сказала, что я — лингвист, он оживился и рассказал мне о научном проекте, которым он руководил и который был связан с нейролингвистикой. Он все еще рассказывал о своем исследовании, когда мы встали из-за стола.

Эти мужчина и женщина были моими коллегами. Что же происходит, когда на приемах и других мероприятиях я беседую с людьми, не имеющими никакого отношения к научной работе? Мой опыт показывает: если я говорю чем занимаюсь женщинам,

они обычно расспрашивают меня о работе. Когда я рассказываю о стилях общения или гендерных различиях, они делятся собственным опытом, чтобы подтвердить описываемые мной примеры. Мне это очень приятно. Это помещает меня в центр внимания, не создавая необходимости самой завладеть всеобщим вниманием, и я часто собираю истории, которые пригодятся в будущем. Но когда я называю направление своей деятельности мужчинам, многие читают мне «лекцию» о языке — например, о том, как сейчас люди, особенно подростки, неграмотно говорят. Другие вызывающе расспрашивают о методах исследования. А третьи (и таких много) переводят разговор на тему, которую знают лучше.

Конечно, не все мужчины ведут себя таким образом, но за долгие годы я встречала множество мужчин и очень мало женщин, которые реагируют именно так. Это, однако, не *единственный* мужской речевой стиль, а *один из* стилей. Есть и женщины, которые перенимают такой стиль, но тогда их воспринимают как мужеподобных.

Хвались своими знаниями или скрывай

Более двенадцати лет я наблюдаю за этой диспозицией в общении. Однако объяснить, *почему* это происходит, я не могла до самого последнего времени, пока не разработала модель статуса и взаимосвязи. Экспериментальное исследование, лежащее в основе моей концепции, показывает, что компетентность не гарантирует женщинам роли лидера в беседах с мужчинами.

Психолог Х. М. Лит-Пеллегрини выясняла, что именно — гендер или компетентность — определяет, кто будет вести себя «доминантно» (в ее терминах): например, больше говорить, перебивать и контролировать тему разговора? Она сформировала женские, мужские и смешанные пары и попросила их обсудить тему насилия на экране ТВ и его воздействие на детей. В некоторых случаях она назначала одного из участников экспертом, предоставляя необходимую фактическую информацию и время, чтобы ее прочитать и усвоить до дискуссии, которая записывалась на видео. Можно было ожидать, что «эксперт» будет больше говорить, больше перебивать и тратить меньше времени на поддержку другого — не столь информированного — участника разговора. Но все оказалось сложнее. Владеющие специальными

знаниями в среднем действительно говорили больше, но эксперты-мужчины говорили больше, чем эксперты-женщины.

Информированность сказывалась и на поддерживающем поведении, но у мужчин и женщин это происходило по-разному. Лит-Пеллегрини ожидала, что неподготовленные участники затратят больше времени, выражая согласие и поддержку подготовленных. Это подтвердилось, *кроме* тех случаев, где экспертом была женщина, а ее партнером-неэкспертом — мужчина. В этой ситуации женщины-эксперты проявляли поддержку, говоря что-нибудь вроде «да» и «совершенно верно», намного чаще, чем неэксперты-мужчины, с которыми они разговаривали. Наблюдатели часто оценивали неэкспертов-мужчин как более доминантных, чем экспертов-женщин. Другими словами, женщины в этом эксперименте не только не умели обращать свою компетентность во власть, но пытались ее приуменьшить и заменить избыточным соглашательством. Они вели себя так, как будто хотели скрыть свою информированность.

Возможно, так и было. Когда в этих диалогах звучало слово «эксперт», во всех случаях, кроме одного, произнесли его именно мужчины, говоря что-то вроде: «А, так вы — эксперт». Свидетельство превосходящих знаний вызывало чувство обиды, а не уважения.

Более того, когда эксперт-мужчина разговаривал с неинформированной женщиной, он брал на себя контролируемую роль в построении начала и окончания разговора. Но когда эксперт-мужчина разговаривал с неинформированным мужчиной, он доминировал в начале, но не всегда в конце. Иначе говоря, компетентности было достаточно, чтобы мужчина сохранял контроль над разговором, если он говорил с женщиной, но не с мужчиной. Очевидно, когда женщина предполагала, что собеседник знает о предмете больше, чем она, она просто принимала роль реагирующего. Но другой мужчина, несмотря на недостаток информации, все-таки мог заставить эксперта поволноваться и, возможно, к концу беседы взять верх.

Читая об этих результатах, я неожиданно поняла, что происходит со мной, когда я говорю с женщинами и мужчинами о языке. Я допускаю, что моя компетенция признана и мне автоматически приписывается высокий статус. Так обычно и происходит в разговоре с женщинами. Но когда я разговариваю с мужчинами, показывая, что моя компетентность в этой области общепризнанна, это часто воспринимается как вызов. Чтобы сохранить статус эксперта, мне приходится защищаться.

Одна из интерпретаций результатов исследования Лит-Пеллегрини может быть такой: с женщинами поступают нечестно. Их не оценивают по достоинству. И в какой-то мере это правда. Но причина не в том, что мужчины, как кажется многим женщинам, — это негодяи, не признающие авторитета женщин. Исследование Лит-Пеллегрини показывает: многие мужчины склонны всеми средствами добиваться статуса и оспаривать авторитет других также и в общении с лицами своего пола. Если это так, то ниспровержение авторитета женщины, как и мужчины, — знак уважения и признания равноправия, а не знак неуважения и дискриминации. В этих случаях неравенство отношения является результатом не только и не столько поведения мужчин, но и различия стилей общения: большинство женщин не имеют опыта, позволяющего защитить себя от нападков, которые они неверно интерпретируют как посягательство на их личную компетентность.

Даже в общении с мужчинами, готовыми признать их статус, женщинам может быть нелегко получить должное из-за различающихся у мужчин и женщин целей общения. Мальчишки-старшеклассники в примере, описанном выше, не склонны разглашать секреты своих подруг, так как им это ничего не дает (не повышает их статус). Точно так же женщины в беседе не склонны обнаруживать свои знания, так как их цель состоит в ином. Лит-Пеллегрини предполагает, что мужчины в этом исследовании играли в игру «Я выиграл?», в то время как женщины — в игру «Принесла ли я пользу?». Я бы сказала иначе: игра, в которую играют женщины, называется «Я тебе нравлюсь?», тогда как мужчины играют в «Ты меня уважаешь?». Если мужчины, добиваясь уважения, меньше нравятся женщинам, это — неожиданный побочный эффект, как и то, что женщины, стремясь понравиться, могут потерять уважение. Когда женщина разговаривает с мужчиной, ее попытки подчеркнуть их схожесть и избежать «пускания пыли в глаза» можно легко истолковать через призму статуса — они снижают статус, выставляя ее или некомпетентной, или не уверенной в себе.

Незаметное почтение

Элизабет Эриз, профессор психологии в колледже Эмхерст, решила показать, что интеллектуальные, высокообразованные молодые женщины более не ведут себя неуверенно в

разговорах с мужчинами равного статуса. И действительно, она обнаружила, что в сформированных ею микрогруппах женщины с университетским образованием говорили больше, чем мужчины того же уровня. Однако содержание сказанного ими различалось. Мужчины стремились определить вопросы для обсуждения, высказывая мнения, предложения и информацию. Женщины же в основном реагировали выражением согласия или несогласия. Кроме того, Эриз обнаружила, что «язык тела», как всегда, отличался: мужчины сидели с вытянутыми ногами, в то время как женщины были зажаты. Наукой доказано: у говорящих, использующих «открытое положение тел», больше шансов убедить своих слушателей. Эриз также отмечает, что для женщин говорить больше — не означает быть услышанными.

В другом исследовании Эриз обнаружила, что в однополых дискуссионных группах в начальной фазе общения мужчины затрачивают много времени, выясняя «кто больше всех знает о кинофильмах, книгах, текущих событиях, политике и путешествиях». Это необходимо для «правильной оценки соревнования» и определения «соотношения сил». Знание особенностей общения мужчин друг с другом позволяет понять, почему мужчины, в отличие от женщин, считают, что знания и компетентность больше всего заслуживают демонстрации. Женщины же в исследовании Эриз прилагали усилия, чтобы «сблизиться посредством большей взаимной откровенности».

Очень важно учитывать, что и женщины и мужчины в этих исследованиях хотели установить дух товарищества и старались наладить отношения друг с другом. Но их волновали разные аспекты взаимоотношений: мужчин — их место в иерархическом порядке, а женщин — их место в сети близких взаимоотношений. Следствием этих в корне различных целей было различие в способах общения.

Английский профессор Томас Фокс заинтересовался различиями между студентками и студентами первого курса на семинарах по писательскому мастерству. Его наблюдения почти полностью совпадают с экспериментальными выводами Эриз и Лит-Пеллегрини. Метод обучения Фокса включал чтение студентами своих эссе и их обсуждение в небольших группах, после чего молодые люди писали отзывы на эссе и дискуссии. Только Фокс как преподаватель читал эти аналитические работы.

Чтобы показать на примерах два стиля, которые он считал типичными для женщин и мужчин, Фокс выбрал женщину, мисс

М., и мужчину, мистера Х. В своих выступлениях и письменных текстах мисс М. прятала свои знания, стараясь казаться менее сведущей и заинтересованной, так как боялась обидеть своих курсников. Мистер Х. говорил и писал авторитетно и с очевидной уверенностью, так как стремился убедить своих товарищей. Ее не волновала убедительность; его же не беспокоило опасение кого-то задеть.

В своей аналитической работе молодой человек описал собственное поведение на дискуссии в смешанной группе. Оно чрезвычайно напоминает поведение молодых людей в исследованиях Лит-Пеллегрини и Эриз:

В моей подгруппе лидер — я. Я начинаю каждое обсуждение, излагая свое мнение в качестве аргумента. Другие два члена подгруппы склонны ничего не делать и соглашаться со мной... Мне нужно, чтобы со мной соглашались.

Фокс отмечает: мистер Х. раскрывает чувство своего «я» — он тот, кто действует, чтобы изменить себя и других людей, — в корне отличное от чувства своего «я» мисс М., которое зависимо и связано с другими людьми.

Обозначение восприятия мисс М. словом «зависимое» подразумевает отрицательную оценку категории людей, к которой она относится, — оценку, по моему мнению, более типичную для мужчин. В ней содержится допущение, что альтернативой независимости является зависимость. Если это действительно мужская точка зрения, то можно объяснить, почему так много мужчин опасаются установления близких отношений с другими: надо избегать унижительной зависимости, подчеркивая независимость. Но существует и альтернатива — *взаимозависимость*.

Главным различием между этими понятиями является симметрия. Зависимость асимметрична: один человек нуждается в другом, но не наоборот. Тот, кто нуждается, находится поэтому в положении низкого статуса. Взаимозависимость симметрична: обе стороны полагаются друг на друга, поэтому никому из них не приписывается высокий или низкий статус. Более того, чувство «я» мистера Х. также зависит от других. Другие ему необходимы, чтобы слушать его, соглашаться с ним и давать возможность проявлять инициативу — первым выразить свое мнение.

С этой точки зрения, оба — и женщина, и мужчина в этой группе — зависимы друг от друга. Их разные цели дополняют друг друга, хотя непонимание причин поведения другого остав-

ся. Все было бы прекрасно, но различие целей ведет к повышению авторитета мужчины и подрыву авторитета женщины.

Различия, ведущие к неверной интерпретации

Фокс описывает и различия своих студентов и студентов в интерпретации прочитанного рассказа. Эти различия также отражают допущения о независимости или взаимозависимости людей. Студенты написали свои отклики на рассказ Натаниэла Хауторна «Родинка». Героя рассказа стала чрезвычайно раздражать родинка на лице у жены. Страдая от того, что супруг испытывает отвращение, жена также возненавидела эту родинку. После долгих колебаний она соглашается на лечение, которое придумал муж, чтобы удалить ее. От родинки удастся избавиться, но жена после «лечения» умирает.

Мисс М. объясняет согласие жены естественной реакцией на настойчивую просьбу любимого человека: женщина согласилась на опасный для жизни способ удаления родинки, предложенный мужем, желая угодить ему и снова стать привлекательной в его глазах. Мистер Х. осудил неуверенность женщины и ее покорность судьбе. Он обвинил ее в добровольном подчинении власти мужа. Фокс отмечает, что мистер Х. считал героиню рассказа лично ответственной за свои действия, так же как он сам считает, что несет личную ответственность за собственные поступки. Для него главным была независимость: безвольная жена добровольно заняла подчиненную позицию. Для мисс М. проблема состояла во взаимозависимости: женщина неразрывно была связана со своим мужем, поэтому ее поведение не могло быть самостоятельным.

Фокс замечает, что мистер Х. считал сочинения своих сокурсниц спонтанными: они пишут первое, что приходит на ум. Совершенно иначе оценивала ситуацию мисс М. Зная, что сокурсники увидят ее сочинение, она «подвергала цензуре» все свои мысли. И наоборот, когда она писала только для профессора, она выражала решительные и четкие суждения.

Если сравнить стили мисс М. и мистера Х., можно заметить, как поразительно они дополняют друг друга. Ему нужен кто-то, кто будет слушать и соглашаться. Она слушает и соглашается. Но в другом смысле их взаимодополняющие цели действуют наперекор друг другу. Он ошибочно принимает ее согласие, задуман-

ное в духе солидарности, за отражение статуса и власти, полагая, что она «нерешительна» и «неуверенна». Мисс М. же не ведет себя так, как он (решительно преподнося мнение как знание), по причинам, которые не имеют ничего общего с ее отношением к своим знаниям (а он считает, что это взаимосвязано), а скорее являются результатом ее взглядов на взаимоотношения с сокурсниками.

Экспериментальные исследования Лит-Пеллегрини и Эриз, а также наблюдения Фокса свидетельствуют, что обычно мужчины меньше волнуются, чем женщины, когда делятся информацией, излагают свое мнение и выступают перед группой, в то время как женщины чувствуют себя более комфортно, чем мужчины, оказывая коммуникативную поддержку другим.

Кто-нибудь слушает меня?

В пьесе Джулз Файффер «Взрослые» героиня по имени Мэрилин пытается рассказать своим родителям, Джеку и Хелен, о том, что с ней произошло, но ей никак не удается заставить их слушать. Ее настойчивые попытки рассказать свою историю выделены жирным шрифтом.

Мэрилин: Послушайте меня! Возвращаюсь я на автобусе домой из Филадельфии в среду...

Джек: Мне никто и слова не сказал о Филадельфии.

Хелен: Мэрилин, мне самой проверить, как там цыпленок?

Мэрилин: Мама, оставь его в покое.

Хелен: Мама хочет помочь.

Мэрилин: Я вся в тебя; если кто-то начинает помогать, я сразу забываю, что делаю. Садись, тебе это понравится: возвращаюсь я домой из Филадельфии...

Джек (*говорит Хелен*): Ты знала, что ее не было в городе?

Мэрилин: Два дня!

Джек: Кто присматривал за внуками?

Мэрилин: Откуда я знаю? С глаз долой — из сердца вон. Да нет, здесь был Руди. Утром он их будил, а вечером укладывал спать. А то, что происходило между этим, даже знать не хочю. Я когда-нибудь расскажу вам это или нет?

Хелен (*возвращаясь к столу*): Ты уезжаешь из города, Мэрилин?

Мэрилин не может добиться внимания родителей. Они постоянно уведят рассказ в сторону замечаниями о том, как она гото-

вит еду, ведет хозяйство, о ее семье, безопасности и ее брате Джейке:

Хелен: Где Джейк?

Мэрилин: Уже едет. **Итак, я успела на последний автобус в город...**

Джек: Мне не нравится, что ты едешь на последнем автобусе. Это опасно.

Мэрилин: **Не так опасно, как рассказать здесь что-нибудь.**

Как и женщина, которая написала Энн Ландерс, что ее муж не разговаривает с ней, Мэрилин чувствует себя невидимой. Она считает, что отсутствие интереса родителей к ее рассказам символизирует их неспособность видеть и оценить ее как личность. Это она и объясняет Джейку:

Мэрилин: Взять хотя бы тебя: они знают, что ты живой. Чтобы я ни делала, знаешь, каково это? Я лучше так скажу: если *ты* их куда-нибудь везешь на своей машине, ты тот самый замечательный счастливец, который может себе позволить иметь собственную машину; если я их везу куда-нибудь на своей машине, я — шофер. Самое главное, знаешь, что меня убивает? Больше всего я любила, как вы с мамой на кухне рассказывали истории. Она расскажет одну, ты расскажешь одну, она расскажет, ты расскажешь. Я думала, когда-нибудь я вырасту, и у меня появится собственный опыт, и тогда я буду рассказывать истории! До сих пор они не дали мне ничего рассказать. А может я сошла с ума, раз меня это до сих пор беспокоит?

Джейк: Я рассказывал свои истории, чтобы избавить себя от ее рассказов.

Слова Джейка о том, почему он ребенком рассказывал истории, обнаруживают его стремление избежать положения слушателя. В то время как Мэрилин любила слушать рассказы матери, Джейк научился не сдавать свои позиции, чтобы ее не слушать.

Мэрилин, верившая, что когда она подрастет, ей тоже будет что рассказать, напомнила мне собственное детство. В то время я думала, что все взрослые умеют свистеть и шелкать пальцами. Я решила, что это придет ко мне с возрастом, и с нетерпением ждала. Но я выросла и до сих пор не умею свистеть или шелкнуть как следует пальцами. В то время мне и в голову не приходило, что эти умения не появляются по волшебству, как телесные изменения во время наступления половой зрелости. Я слишком поздно поняла, что если хочу научиться, надо тренироваться. Выросшая

дочь в пьесе «Взрослые» не могла рассказывать так, чтобы привлечь внимание, отчасти потому, что никогда не делала этого в детстве. Она лишь внимательно и с признательностью слушала рассказы матери и брата. Пока Джейк учился привлекать внимание своей речью, Мэрилин проходила практику слушателя.

Умения, которые Мэрилин и Джейк «отточили» в детстве, легли в основу их профессий. Джейк стал журналистом в «Нью-Йорк Таймз». Он писал новости для миллионов читателей — это еще одна форма вербального общения с аудиторией. Мэрилин же стала социальным работником: она сидела и слушала рассказы других людей.

В пьесе Файффер Мэрилин действительно не такой хороший рассказчик, как Джейк. Она застревает на незначительных деталях и прерывается, чтобы ничего не упустить и сообщить детали, не имеющие никакого значения для ее рассказа. Сцена заканчивается тем, что Джейк торжествующе разглагольствует, пересказывая восхищенной аудитории историю, которую Мэрилин только что испортила. Значит, причиной того, что ей не удается привлечь внимание, является неумение рассказывать. Но даже если бы она умела, семья, вполне возможно, все равно не стала бы ее слушать, все давно уже решили, что Джейк рассказывает истории, а Мэрилин — нет. Возможна такая аналогия: перед большой аудиторией в основном выступают мужчины, и вполне вероятно, что женщинам трудно завладеть вниманием окружающих независимо от того, насколько хорошо они умеют выражать свои мысли. По укоренившейся норме большинство людей ожидают увидеть в центре внимания мужчин, а не женщин.

Расти невидимкой

Антропологи Фредерик Эриксон и Сьюзан Флорио записали разговор, состоявшийся в реальной жизни, который мог бы быть копией ситуации, описанной Джулз Файффер в пьесе «Взрослые». Эриксон изучил видеозапись разговора, проходившего за обедом в семье итальянцев в Бостоне. Младший сын упал с велосипеда, и у него остался синяк. Чтобы успокоить ребенка, отец и братья рассказали ему — и всем присутствующим — о том, как в свое время тоже падали с велосипедов. По их рассказам, они не просто падали, они разбивали свои велосипеды вдребезги, что придавало историям особую привлекательность и героический оттенок. Самую длинную и впечатляющую

историю рассказал отец, у которого была самая мощная машина — мотоцикл. Таким образом, отец и старшие братья научили мальчика не только смелости, но и умению рассказывать. Быть мужчиной — значит не только сталкиваться с опасностями, но и терпеть неудачу, а также уметь рассказать об этом другим мужчинам и признательным женщинам.

В течение всего фрагмента беседы мальчика и мужчины рассказывали истории, а женщины — мать, сестра и Сьюзан Флорио, исследователь и гостья, — находились в роли слушателей. Присутствие Флорио, привлекательной молодой женщины, особенно стимулировало рассказчиков. Отчасти для нее молодые люди в своих рассказах расписывали свое мастерство вождения и способность справиться с неудачей. Когда младшая дочь попыталась рассказать, как она упала с велосипеда, никто не обратил на это внимания, и ее рассказ закончился на первой же фразе. Это предложение выделено жирным шрифтом.

Отец (*о синяке Джимми*): Действительно хорош, а?

Мать: Да.

Джимми: Да, и царапина возле...

Отец: Тебе надо заклеить ее пластырем.

2-й брат: Иди, возьми пластырь...

3-й брат: Сумку с инструментами. Соскобли... (*дразнит Джимми, предлагая ему взять набор инструментов по заклеиванию шин*²)

Сестра: **Я слетела с велика на пригорке.**

1-й брат: Последний раз я упал — это был нехилый разворот.

Отец: И тебе нужен шлем купить.

1-й брат (*второму брату*): Думаю, одним из моих лучших, моих лучших обломов было, когда я врезался в тебя на скорости миль 20 в час.

Неудача младшего брата — падение с велосипеда — привлекает всеобщее внимание, а попытку маленькой девочки рассказать о своей неудаче полностью игнорируют, так же как в пьесе Файффер попытки Мэрилин рассказать о своем приключении игнорирует ее семья.

Такое происходит по многим причинам. Например, из-за того что ее тактика вступления в разговор была не такой, как у братьев. Заявив, что упала с велосипеда, она, возможно, ждала, что ее попросят продолжить, в то время как мальчики настойчиво про-

---

² Брат сравнивает раны Джимми с проколом на шине велосипедного колеса.

должали говорить, пока не рассказали свои истории. Возможно, она говорила слишком тихо и нерешительно, или это случилось просто потому, что семью не интересуют рассказы девочек в целом или их неудачи в частности.

В своей работе Эриксон показывает, что рассказы о неудачах являются уроками «мужского поведения». Видя, что к их историям относятся с вниманием, мальчики учатся и показывают своему младшему брату, что рисковать, катаясь на велосипеде, — это хорошо, получать травмы — неизбежно, мужественно их переносить — достойно одобрения, а технические знания и умения могут пригодиться (много говорят о механике тормозов и проектировании дорог), а рассказать о том, как ты рискуешь, переносишь травмы, применяешь и проявляешь свое знание техники, — это хороший способ привлечь внимание и произвести впечатление. Возможно, в семье не считают, что эти «уроки» необходимы и девочке. Так или иначе, в конечном счете мальчики учатся при помощи рассказов удерживаться в центре внимания, а девочка учится слушать.

Слушатель как подчиненное лицо

Очевидно, что мужчины не всегда говорят, а женщины не всегда слушают. Я спрашивала мужчин, бывали ли у них случаи, когда они слушали «лекцию» другого мужчины, и что они при этом чувствовали. Они ответили, что такое, конечно, случается. Бывает, что они разговаривают с человеком, который так настойчиво навязывает им информацию, что они сдаются и слушают его. Однако, по их словам, им это не претит, если информация интересная. Ее можно приберечь на будущее, подобно тому как запоминают анекдоты. Женщинам менее интересна фактическая информация, так как она им меньше нужна. Маловероятно, что они попытаются «передарить» информацию. Они скорее «подарят» себя в качестве хорошего слушателя.

Мужчины, так же как и женщины, иногда оказываются объектом лекции, которую они могли бы и не слушать. Но мужчины говорят, что такое чаще всего случается, когда собеседник выше по статусу. Приходится выслушивать, например, «лекции» отцов и начальников.

То, что мужчины могут оказаться в положении невольного слушателя, подтверждает заметка, в которой А. Р. Герни жалуется,

что его часто «доставляет» некто, возмнивший себя специалистом и имеющий готовое мнение по бесконечному ряду вопросов». Автор заявляет, что эта склонность свидетельствует о неумении американцев «общаться» — то есть пропорционально «давать-и-брать». В подтверждение этому он цитирует Алексиса де Токевиля, французского исследователя американских обычаев: «Американец... говорит с вами так, как будто он выступает на собрании». Способностью оценить значимость владения словом Герни обязан отцу. Тот «был мастером выслушать и с энтузиазмом отреагировать на мнения других людей, несмотря на то что эта гибкость не всегда распространялась на его детей. Как я теперь понимаю, он часто говорил с нами так, как будто выступал с речью».

Неудивительно, что отец Герни «читал лекции» своим детям. Само действие — дать информацию — по определению ставит человека в позицию более высокого по статусу, в то время как акт слушания — в позицию более низкого по статусу. Дети интуитивно чувствуют это — как и большинство мужчин. Но когда женщины слушают мужчин, они не мыслят в категориях статуса. К сожалению, попытки женщин укрепить взаимосвязь и добиться гармонии в отношениях, интерпретируемые через призму статуса, можно неверно истолковать как ставящие их в подчиненное положение. Вероятно, многие мужчины понимают это именно так.

Что здесь смешного?

Аналогично действует система «обмена» шутками и смехом. Исследуя дискуссионные группы студентов университета, Эриз обнаружила, что студенты в сугубо мужских группах много времени уделяли рассказам о подшучивании над другими и подолгу смеялись. Она ссылается на работу Барбары Миллер Ньюмэн, в которой та выявила, что «несообразительные и глупые» старшеклассники становились мишенью для шуток. Розыгрыш — подшучивание *над* кем-либо — явно относится к признакам более высокого статуса: быть в курсе событий и контролировать ситуацию. Менее очевидно, но не менее верно, что статуса можно добиться, рассказывая анекдоты.

Многие женщины (конечно, не все) смеются над анекдотами, но потом не могут их вспомнить. Так как у них нет необходимости завоевывать и удерживать внимание в группе, они не нуждаются в запасе шуток. Одна женщина, назовем ее Бернис, горди-

лась своим чувством юмора. На вечеринке она познакомилась с мужчиной, который привлек ее тем, что, казалось, тоже обладал чувством юмора. Он много острил, и она непринужденно смеялась над его шутками. Но когда она отпускала остроумные замечания, казалось, он их не слышал. Что же случилось с его чувством юмора? Рассказывать смешные истории и смеяться над ними — все это проявления чувства юмора, но совершенно разные виды социальной активности. Смех других людей дает вам мимолетную власть над ними: как отмечает лингвист Уоллес Чейф, в момент смеха человек временно «выводится из строя». Мужчина, с которым встретила Бернис, чувствовал себя комфортно только когда смешил ее, но не наоборот. Когда Бернис смеялась над его остротами, ей казалось, что она участвовала в симметричной деятельности; он же участвовал в асимметричной.

Один из информантов рассказал: в старших классах он понял, что предпочитает компанию женщин, а не мужчин. Приятельницы оказывали ему бóльшую поддержку и меньше соперничали, в то время как приятели, казалось, все время подшучивали. Если учитывать, что подшучивание является асимметричной деятельностью, то становится понятнее, почему оно относится к соперничавшему, как выразился этот человек, стилю общения.

«С кем ты разговариваешь?»

Трудноуловимые асимметрии в слушании и говорении могут объяснить причины широко распространенной жалобы, что дома мужчины мало разговаривают с женщинами. Антрополог Джерри Филипсен два с половиной года работал среди мальчиков-подростков в городском квартале рабочих-итальянцев. Когда мальчики компанией крутились на углу улицы или в местном баре, то вели себя шумно и много болтали. Но они не разговаривали с теми, кто по статусу был выше или ниже. Если они хотели чего-то от человека, имеющего авторитет, они прибегали к помощи посредников, подобно тому как молят святого о заступничестве, не обращаясь непосредственно к Богу. От тех, кто находился в зависимом положении — детей, женщин и мальчишек более низкого статуса — они добивались своего, демонстрируя силу и, при необходимости, прибегая к насилию. Разговаривать с тем, у кого статус выше, оценивалось как дерзость, на-

глость, нарушение правил. Разговаривать с низшими по статусу считалось бессмысленной слабостью и знаком подчинения.

Есть два аспекта, в которых культура этих подростков-«мачо» похожа на культуру девочек и женщин. Как и девочки, эти мальчики завоевывают статус посредством присоединения: чем более влиятельных людей они знают, тем выше их статус. Но цель этого присоединения заключается во власти: они используют свои связи, чтобы уладить дела. Для девочек сопричастность — это цель сама по себе: их статус тоже повышается, если они дружат с девочками высокого статуса. Эти мальчики похожи на девочек в том, что они говорят, только когда чувствуют себя свободно, среди равных себе. Но почему они не хотят разговаривать с девочками? Может быть, потому, что считают девочек более низкими по статусу. Девочки же считают — или хотят считать, — что партнер, даже мальчик, является ровней им.

Социальные различия могут играть в разговорных стилях большую роль, чем мы думаем. Социолог Мирра Комаровски в своем знаменитом исследовании «Брак синих воротничков»³ («Blue Collar Marriage») обнаружила, что чем ближе супруги находились к позиции среднего класса, тем больше они считали друг друга друзьями. Среди выпускников средних школ бытовало мнение, что муж должен разговаривать со своей женой. Среди тех, кто школу не закончил, считалось, что жены, которые хотят, чтобы мужья с ними разговаривали, — неправомерно требовательны. По их мнению, жены должны разговаривать со своими родственницами и оставить мужа в покое.

Взаимные обвинения

С учетом сказанного выше неудивительны жалобы многих женщин на то, что партнеры не слушают их. Но такое сетование, хотя и реже, можно услышать и от мужчин. Упрек «Ты не слушаешь» на деле часто означает «Ты не понимаешь, что я имел(а) в виду» или «Я не получаю той реакции, которую хотел(а)». «Выслушать» — это часто метафора для «понять» и «оценить».

В своих более ранних трудах я подчеркивала, что женщинам может только казаться, что мужчины их не слушают. Это происходит потому, что мужчины по-другому показывают, что слуша-

³ Blue collar — «синий воротничок» — рабочий.

ют. Как объясняют антропологи Мальц и Боркер, женщины более склонны задавать вопросы. Они проявляют больше реакций слушающего, произнося «хм», «угу» и «да» в течение всего рассказа, тем самым обеспечивая непрерывную обратную связь. Они также живее и приветливее реагируют: например, они соглашаются и смеются.

Все это поведение и создает процесс слушания. Оно также создает контактоустанавливающий разговор, подчеркивая взаимосвязь и побуждая продолжить беседу. Соответствующие стратегии мужчин — проявлять меньше реакций слушающего, делать утверждения, а не задавать вопросы, сомневаться, а не соглашаться — можно понять как шаги в состязании, предпринятые начинающими говорящими, а не слушателями.

Согласно Мальцу и Боркер, женщины не только подают больше сигналов слушания, но эти сигналы имеют разное значение для мужчин и женщин в границах ситуации «говорящий — аудитория». «Да», сказанное женщинами, значит «Я здесь, я слушаю», в то время как мужчины склонны говорить «да», только когда они согласны с говорящим. В таком случае причина непонимания ясна. Когда мужчина сталкивается с женщиной, которая говорит «да», «да», «да», а потом оказывается, что она с ним не согласна, он может решить, что она была неискренна или соглашалась, не слушая. А когда женщина разговаривает с мужчиной, который *не* говорит «да» — или чего-либо в этом роде, — она может решить, что *он* не слушает. Точнее говоря, мужской стиль общения сфокусирован на информации, или уровне послания, в то время как женский стиль — на взаимоотношениях, или уровне метапослания. Мужчина предполагает, что слушающий должен быть спокойным и внимательным, поэтому ему будет казаться, что женщина, обрушивающая на него поток реакций обратной связи и поддержки, слишком много говорит для слушателя. Женщина же ждет, что слушающий будет активно и с энтузиазмом проявлять интерес, внимание и поддержку, поэтому ей покажется, что мужчина, который слушает молча, совсем ее не слушает, а скорее «выпал» из разговора и мысленно уже отсутствует.

Из-за этих моделей поведения у женщин может сложиться ложное впечатление, что мужчины не слушают. Но совсем недавно я поняла, что мужчины действительно слушают женщин реже, чем женщины — мужчин, потому что само это действие имеет для них разное значение. Некоторые мужчины действительно *не* хотят долго слушать, считая, что это ставит их в поло-

жение подчиненных. Многие женщины, конечно, не против послушать, но ждут, что это будет взаимным, — сейчас я тебя слушаю, а потом ты будешь слушать меня. Их разочаровывает, когда они слушают сейчас, сейчас и сейчас, а «потом» никогда не наступает.

Взаимная неудовлетворенность

Если женщины не удовлетворены ролью вечного слушателя, то недовольство может быть взаимным. Пусть женщина считает, что ей предназначена роль молча слушающей аудитории, но это не означает, что мужчина считает себя ответственным за назначение ее на эту роль — или что ему обязательно нравится этот закостеневший порядок.

Во время работы над этой книгой я оказалась на приеме, связанном с издательским делом. Там почти не было знакомых. Я заговорила с обаятельным молодым человеком, который оказался художником, — спросила о его работе, а затем поинтересовалась, был ли в современном искусстве возврат к образной живописи. В ответ он многое рассказал мне об истории искусства — так много, что, когда закончил и сказал: «Это был длинный ответ на ваш вопрос», я уже и забыла, о чем спрашивала. Я ничего не имела против этого монолога — мне было интересно, но я поняла, немного потрясенная, что только что на себе испытала то, о чем писала.

Рискуя обидеть моего нового знакомого, я решила поинтересоваться его мнением. Это все-таки была «книжная» вечеринка, поэтому я могла бы рассчитывать на его снисходительность, если нарушу правила приличий в интересах написания книги. Я спросила, часто ли бывает, что он долго о чем-то рассказывает, а кто-то другой — слушает. Он немного подумал и сказал, что часто, поскольку ему нравится говорить обо всем подробно. Я поинтересовалась, проходят ли подобные разговоры одинаково как с мужчинами, так и с женщинами. Снова подумав, художник ответил: «Нет, с мужчинами мне сложнее». На вопрос, что значит сложнее, он ответил: «Мужчины перебивают. Они хотят объяснить *мне*».

Наконец, поняв, что этот молодой человек искренне желает поговорить на эту тему и о собственном стиле общения, я спросила, что он предпочитает: чтобы женщина слушала молча и

одобрительно или чтобы она выражала свои собственные мнения и мысли. Он сказал, что ему вероятно больше понравилось бы, если бы женщина сама делилась информацией, так как это сделало бы беседу более интересной.

Когда мужчины начинают «читать лекции» другим мужчинам, слушающие обычно пытаются сменить тему, могут противостоять «лекции» или оборвать ее. В рамках этой системы высказывание авторитетного мнения может быть способом начать обмен информацией. Но женщины не привыкли реагировать таким образом. Им почти ничего не остается — только внимательно слушать и ждать, когда им предоставят слово, а не отвоевывать его. Если это так, то мужчина, так же как и женщина, чувствует скуку и разочарование, когда его попытки начать обмен информацией заканчиваются тем, что говорит только он. По его мнению, она пассивно «впитывает» информацию, так как ей нечего сказать. Вот одна из причин, почему разговор мужчины с женщиной часто заканчивается «чтением лекции»: женщины внимательно слушают и не перебивают; они не спорят, не уводят разговор в сторону и не дополняют его своей информацией.

В моих разговорах с коллегами — мужчиной и женщиной, о которых я рассказывала в начале этой главы, — это отличие видимо сыграло решающую роль. Когда я разговаривала с женщиной, мы обе рассказывали о наших исследованиях в ответ на проявленный друг другом интерес. Разговаривая с мужчиной, я побудила его рассказать о своей работе, что он и сделал, но в ответ он не предложил поговорить о моей работе. Это может значить, а может и не значить, что он не хотел о ней знать. Исследуя дискуссионные группы студентов университета, Эриз обнаружила, что женщины, которые много говорили, начинали испытывать дискомфорт. Они умолкали и часто привлекали к разговору более молчаливых участников группы. Это прекрасно согласуется с желанием женщин соблюдать баланс интересов и следить, чтобы все находилось в равном положении. Женщины ожидают приглашения высказаться. По мнению мужчины, для которых не характерно подталкивать к обсуждению более молчаливых собеседников, те, кому есть что сказать, сделают это по собственной инициативе. Мужчины могут в равной степени разочароваться в собеседнике, которому нечего сказать.

Подобным образом, женские темы разговора могут показаться скучными мужчинам, как мужские темы — женщинам. Когда я хотела, чтобы бывший офицер ВВС рассказал мне о своих лич-

ных впечатлениях о Греции, он, возможно, недоумевал, зачем я надоедаю ему со своими рассказами, и изумлялся моему незнанию истории страны, в которой я жила. Может быть, наша беседа показалась бы ему интереснее, если бы я засомневалась или оспорила его интерпретацию греческой истории, а не выслушивала ее безмолвно. Когда мужчины, узнав о моем исследовании, ставят под сомнение мои научные методы, они как бы приглашают поделиться с ними информацией и показать компетентность — то, чего я не люблю делать за пределами класса или лекционной аудитории, но что сами мужчины, вероятно, с удовольствием сделали бы, если бы их к этому подтолкнули.

Агент по рекламе, которая внимательно слушала информацию о радиостанции, объяснила, что хочет быть очень любезной с менеджером, чтобы разместить рекламу своих клиентов на его радиостанции. Но мужчины, которые хотят снискать расположение женщин, скорее попытаются очаровать их, сообщая им интересную информацию, чем получая какую бы то ни было информацию от них. Вспоминаю ланч, после которого я должна была прочитать лекцию членам ассоциации выпускников университета. Любезный хозяин приема развлекал меня перед выступлением, пичкая информацией о компьютерах; из вежливости я делала вид, что мне интересно, а в душе вопила от скуки и чувства, что меня нагружают бесполезной информацией. Он же, я уверена, считал себя интересным собеседником, и, видимо, некоторые гости — мужчины — так бы и подумали. Я не хочу сказать, что все хозяйки приемов идеально развлекают меня. Вспоминаю еще одно свое выступление, перед которым группа женщин повела меня на ланч. Их так интересовали мои знания, что меня засыпали вопросами, вынуждая не жалея сил читать лекцию за столом, до того как она начнется официально. В сравнении с этим, возможно, мужчина, который «читал лекцию» о компьютерах, пытался дать мне отдохнуть.

Дисбаланс, который ведет к тому, что мужчины часто оказываются в роли лектора, а женщины — в роли аудитории, не возникает по вине кого-то одного из участников коммуникативного взаимодействия. Это не то, что мужчины навязывают женщинам, или женщины непозволительно допускают или «просят». Нарушение баланса происходит из-за различия стилей общения, свойственных как женщинам, так и мужчинам.

Когда стиль мешает

Рассказ Фредерика Бартелми «Война с Японией» повествует о мужчине, который начал «читать лекции» своему сыну, не потому что ему этого хотелось, а потому, что это просто было привычнее. Рассказ начинается так: главный герой объявляет, что собирается переселиться из дома в мансарду над гаражом, так как у них с женой «разладилось». Он думает попросить их двенадцатилетнего сына помочь перенести вещи:

Думаю, что я воспользуюсь удобным случаем и объясню, почему перебрался в гараж. А может быть, нет, потому что это будет непонятно. Не знаю, зачем я хочу объяснить ему всю эту ерунду — возможно, хочу привлечь его на свою сторону...

Рассказчик идет к сыну и сообщает, что хочет с ним поговорить. Вот его слова:

«Хочу тебе сказать, что дела сейчас обстоят неважно, не как раньше. Думаю, ты скоро заметишь это и начнешь интересоваться, что происходит. Вот я и подумал, что объясню заранее, понимаешь? Выполняя свой долг».

У него недоуменный вид, поэтому я говорю: «Давай, приведу тебе пример. Я сидел здесь и думал о войне с японцами. Сейчас, Чарльз, мы не собираемся воевать с японцами. Ты понимаешь это, правда?»

Разговор отца с сыном заканчивается тем, что он рассказывает о японцах, русских, американском правительстве и обществе. Он шутит и ничего не говорит о себе, своих чувствах, уходе из дома или о своих отношениях с мальчиком и его матерью. Это ироничный и грустный рассказ, потому что ясно: этот отец не «завоюет» сына таким образом. Рассказ о войне с Японией не интересует мальчика. Да и отец не об этом хотел рассказать. Он неожиданно стал объяснять, что происходит в мире, потому что эта тема была более знакомой, и, следовательно, ему было говорить об этом легче, чем объяснять происходящее в семье.

Видимо, отец поддался опасениям, что попытка объяснить, почему он переехал в гараж, «не будет понятна». Он считает, что должен иметь точные ответы и объяснения, как это бывает, когда он говорит о политике. Возможно, ему было бы легче излить душу, если бы он отказался от убеждения, что нельзя говорить, пока все тщательно не обдумаешь. Его сыну было бы лучше узнать

о личных мыслях и чувствах своего отца, даже если бы они излагались путанно. В этой истории мужчине помешал привычный стиль общения.

С другой стороны, женщинам свойственно всегда принимать роль отвечающего, а не инициатора. Эта тенденция имеет важные последствия в сексуальных отношениях. Филип Блумстейн и Пеппер Шварц в своей работе «Американские семейные пары» («American couples»), обнаружили, что лесбиянки занимаются сексом реже, чем гомосексуалисты и гетеросексуальные пары. Социологи объясняют это тем, что, по их данным, в гетеросексуальных парах инициатором секса почти всегда является мужчина, а женщина или подчиняется, или пользуется «правом вето». Среди гомосексуальных пар инициативу берет на себя, по крайней мере, один из партнеров. Но среди лесбиянок обе женщины чувствуют себя неуютно в роли инициатора, так как ни одна из них не хочет, чтобы показалось, что она предъявляет требования.

Что же дальше?

Каковы же виды на будущее? Должны ли мы играть установленные роли до самого заключительного акта? Несмотря на то что мы склонны прибегать к свойственным нам манерам говорения, повторять старые припевы и знакомые строчки, с привычками можно расстаться. И женщины, и мужчины только выиграют, если узнают другой гендерный стиль и научатся иногда его использовать.

Женщины, которые не хотят оказаться в роли слушателя, должны пытаться вырваться из этого положения, а не ждать терпеливо окончания «лекции». Возможно, им необходимо расстаться с мыслью, что предоставления слова надо дожидаться. Если им есть что сказать, они могли бы заставить себя сделать это по собственной инициативе. Если им надоел разговор, они могут попытаться повлиять на него и сменить тему на более предпочтительную для обсуждения.

Если женщины с облегчением узнают, что они не всегда должны слушать, может быть и для мужчин будет облегчением узнать, что интересная информация не всегда должна вертеться на языке, если они хотят произвести на женщину впечатление или развлечь ее. Одна журналистка как-то брала у меня интервью для статьи о том, как следует начинать разговор. Она рассказала,

что по мнению другого специалиста (мужчины), у которого она ранее брала интервью, для этого необходимо сообщить какую-нибудь интересную информацию. Мне это показалось забавным, так как его мнение служило типичным примером представления мужчины, а не женщины о хорошем собеседнике. Насколько легче показалась бы мужчинам беседа, если б они поняли: все что им нужно делать — это слушать. Как сказала женщина, написавшая письмо редактору журнала «Психология сегодня»: «Когда я встречаю парня, который спрашивает: “Как прошел день?” — и ему это действительно интересно — я просто на небесах».

Глава 6

Общность и соревнование: столкновение стилей общения

Когда пересекаются пути двух людей, обязательно происходит столкновение интересов: мы не можем стоять на одном и том же месте так, чтобы кто-нибудь из нас не наступил на ногу другому. Ты и я — разные люди, поэтому некоторые наши желания будут отличаться, и конфликт неизбежен. Каждый хочет поступать по-своему, поэтому нам придется бороться за власть.

С первого взгляда может показаться, что конфликт — это противоположность взаимопониманию и сближению. Многие данные о мужских и женских стилях показывают, что мужчины постоянно соперничают и склонны конфликтовать, в то время как женщины готовы к сотрудничеству и склонны налаживать контакт. Но конфликтовать — значит быть связанными друг с другом. Многие женщины действительно чувствуют себя более комфортно, используя язык, чтобы выразить взаимопонимание. Многие же мужчины используют его для саморекламы, однако ситуация сложнее, чем кажется, так как самореклама как часть общей борьбы также представляет собой своего рода узы. Следовательно, конфликт можно рассматривать как способ создания сопричастности.

Для большинства женщин конфликт представляет угрозу взаимосвязи, и его следует избегать любой ценой. Предпочтительно, чтобы споры разрешались без прямого противостояния. Но для многих мужчин конфликт является необходимым средством достижения статуса, поэтому конфликты необходимо принимать, их можно даже провоцировать, использовать и получать от этого удовольствие.

Лингвокультуролог Уолтер Онг показывает в своей книге «Борьба за жизнь» («Fighting for Life»), что «противостояние» — противопоставление своих потребностей, желаний или умений потребностям, желаниям или умениям других людей — необходимая часть человеческого бытия. Однако «очевидное или выраженное противостояние — более важный элемент жизни мужчин, чем жизни женщин». Автор доказывает, что поведение мужчин обычно влечет за собой соперничество, которое включает схватку, борьбу, конфликт, поединок и раздор. Все поведение мужчин пронизано ритуальным столкновением; пример тому — грубые игры и спорт. Женщины, напротив, скорее будут использовать посредников или бороться за реальные, а не ритуализованные цели. В дружбе мужчин часто присутствует большая доля дружеской подначки, которую женщины, вероятно, примут за истинную агрессию.

Онг демонстрирует сложные отношения между устным общением и «воинственными» отношениями. Устный диспут — от официальных дебатов до изучения формальной логики — является, в своей основе, противопоставительным. Помня об этом, мы можем увидеть, что склонность многих мужчин к дискуссиям и спорам в повседневном общении логически вытекает из этой традиции. Более того, устная речь в саморекламе — то, что я называю разговором-сообщением, — это часть более широкого социального контекста, в котором многие мужчины рассматривают жизнь как соревнование.

Поскольку воображение женщин не захвачено ритуальными битвами, они склонны теряться и приходить в замешательство от манеры общения многих мужчин, не замечая *ритуального* характера дружественных нападков. В то же самое время общность можно сделать ритуалом так же легко, как и схватку. Видимость общности среди женщин может маскировать борьбу за власть, а видимость сходства может маскировать глубокие различия во взглядах. Женские речевые ритуалы могут также обескураживать мужчин, как мужские — женщин. Такими недоразумениями изобилует речевое общение семейных пар.

Ты мне не указывай

Одна женщина, назовем ее Дианой, часто начинает говорить со слова «давай». Она может сказать: «Давай сегодня сходим куда-нибудь пообедать» или «Давай приберемся до обе-

да». Натан от этого сердится и считает, что она помыкает им. Диана же не может понять, почему он так думает. Ей самой очевидно, что она предлагает, а не требует что-то сделать. Если ему не хочется, всего-то и надо, что сказать об этом. Она не будет настаивать на своем, если Натан против.

Лорейн часто хвалит и благодарит Сидни за то, что он, например, убирает на кухне или стирает, но Сидни это обижает. «Ты даешь понять, что я должен делать это постоянно», — объясняет он. Другой мужчина рассказывал то же самое о своей матери. Она похвалила его за то, что он ей звонит, сказав: «Ты такой добрый». Ему же показалось, что она пытается заставить его звонить регулярно. В словах матери он прочел намек: если он не станет звонить регулярно, то будет плохим человеком.

В работе о личной жизни американских пар Филип Блумстайн и Пеппер Шварц цитируют молодого человека, который, обсуждая свои интимные отношения с подругой, сообщил: «В постели она говорила: “полегче” или “помягче”, и тогда я просто сказал, что занимаюсь с ней сексом, и ей придется смириться с тем, как я это делаю... Не хочется, чтобы мной командовали...»

Во всех этих случаях мужчины жаловались, что на их независимость и свободу посягают. Их «система раннего предупреждения» настроена на обнаружение сигналов манипулирования — даже в такой очевидной близости, как секс. Такая реакция удивляет и ошеломляет женщин, так как их «система раннего предупреждения» настроена на обнаружение другой опасности. Бдительно следить за сохранением независимости имеет смысл в структуре враждебного мира, где жизнь — это череда состязаний, проверка на прочность, сопротивление навязыванию чужой воли. Если мужчина воспринимает жизнь как борьбу за свободу, он естественно склонен сопротивляться попыткам управлять им и диктовать поступки.

Отсюда возникло понятие «муж-подкаблучник»: многих мужчин обижает даже малейшее подозрение в желании навязать ему что-либо. На протяжении всей истории человечества жизнь женщин постоянно подчинена требованиям других — их семей, мужей. И все же, хотя отдельным женщинам и попадаютя чересчур властные мужья, не существует параллельного стереотипа «жены-подкаблучницы». Почему? Воспринимая мир как общность взаимозависимых людей, женщины ожидают, что на их действия будут влиять другие, а также что люди будут действовать согласованно. Они борются за то, чтобы укрепить связи, удержать каждого человека в сообществе и приспособиться к по-

требностям других, жертвуя своими собственными потребностями и желаниями. Если мужчина стремится укрепить свои позиции, то женщина стремится усилить сообщество.

Давайте вернемся к детям

Причиной непонимания между Дианой и Натаном могут быть привычные разговорные стили, типичные для женщин и мужчин. Эти стили формируются с первыми словами, которые дети учатся использовать в игре. Склонность Дианы начинать предложения словом «давай» свойственна не только ей. Исследователи, изучающие поведение детей в игре, обнаружили, что это слово характерно для девочек всех возрастов.

Психолог Жаклин Сакс и ее коллеги, наблюдая за дошкольниками в возрасте от двух до пяти лет, обнаружили, что девочки обычно предлагали что-то сделать, говоря «давайте», тогда как мальчики часто адресовали друг другу команды. Например, играя в «больницу», мальчики говорили:

Ложись.

Возьми слушалку.

Дай руку.

Попробуй-ка дать мне лекарство.

Когда девочки играли в «больницу», они говорили, например: «Давай сядем и возьмем это».

Марджори Харнесс Гудвин обнаружила аналогичную модель поведения в совершенно другой группе. Она наблюдала за чернокожими детьми в возрасте от шести до четырнадцати лет, играющими на улицах одного из округов Филадельфии. Мальчики, делая рогадки для предстоящего «сражения», отдавали друг другу приказы:

Поддай плоскогубцы!

Эй, *не подходи*, здесь я стою.

Дай мне это, приятель. После этого, после того как ты подрежешь их, давай их мне.

Отвали.

Девочки, которые делали стеклянные кольца из горлышек бутылок, не командовали. Их предложения начинались со слова «давайте»:

Давайте пройдемся вокруг «Сабз энд Садз» (*бар-ресторан на углу*).
Давайте спросим ее: «У вас есть бутылки?»
Пошли. Давай поищем.
Пошли. Эй, давайте вернемся! Тогда мы их не разобьем.
Давайте *сначала* уберем *это*.

Девочки использовали и другие выражения, например: «мы собираемся...» («Мы собираемся устроить *целую* выставку колец»), «мы можем...» («Мы *можем* использовать сточную трубу» (чтобы очистить стеклянные поверхности колец)), «может быть...» («Может быть, мы сможем отрезать их вот так») и «надо...» («Надо найти еще бутылки»). Все это — попытки повлиять на действия других, не говоря им прямо, что делать. В то же время, они укрепляют принадлежность к своему сообществу.

На детей может воздействовать стиль их родителей, так же как на взрослых влияет то, что они узнали в детстве. Психолингвист Джин Берко Глизон исследовала общение родителей с маленькими детьми. Обнаружилось, что отцы дают детям больше распоряжений, чем матери, и больше распоряжений сыновьям, чем дочерям. Социолингвист Фрэнсис Смит наблюдала подобную модель поведения в ситуации публичного выступления. Изучая, как студенты баптистской семинарии ведут службу, она обнаружила, что при толковании глав и стихов мужчины часто отдавали распоряжения аудитории типа «Слушайте внимательно, я прочитаю главу семнадцатую от Луки». Женщины же редко говорили в повелительном тоне. Они стремились привлечь аудиторию к участию, например: «Давайте вернемся к стихам пятнадцать и шестнадцать».

Если к Натану обращаются в таком духе, он не далек от истины, когда воспринимает слово «давай» как эквивалент команды. Это действительно способ заставить других что-то сделать. И все же Диана тоже права, утверждая, что никакого принуждения у нее и в мыслях нет. Корень различия лежит в совершенно разных социальных структурах девочек и мальчиков, женщин и мужчин. В иерархическом строе, в котором находятся мальчики и мужчины, статус действительно достигается, когда ты указываешь другим, что делать, и сопротивляешься, когда указывают тебе. Поэтому стоило Натану расшифровать выражение Дианы «давай...» как желание добиться от него определенных действий, он начал сопротивляться. Но девочки и женщины считают себя членами сообщества, которое надо оберегать от возникновения

конфликта, поэтому они облачают свои требования в форму предложения. Приказ не выражается открыто, чтобы другим было легче выразить иное намерение, не вызывая конфронтации. Девочки не привыкли подчинять кого-либо своей воле лишь за тем, чтобы укрепить доминирующее положение. Они поэтому обычно не учатся сопротивляться требованиям других людей и не ожидают, что другие станут противиться их просьбам.

Это не значит, что женщины не хотят добиться своего, просто они не хотят достигать цели ценой конфликта. Драматизм таких коммуникативных взаимодействий, как общение Дианы и Ната-на, заключается в том, что различия между мужским и женским стилем обрекают их усилия на неудачу. Все, что предпринимают женщины, чтобы избежать конфронтации, в результате приводит к обратному результату в беседе с некоторыми мужчинами. Мужчины воспринимают их речевой стиль как завуалированный диктат и готовятся к немедленному отпору — ведь им кажется, что ими манипулируют и им угрожает враг, еще более опасный оттого, что отказывается выступить открыто.

«Я буду врачом, а ты — больным»

Из различного отношения к конфликту следуют многочисленные различия в стилях общения. Наблюдая за играми дошкольников, Сакс обнаружила: когда маленькие мальчики играли в «больницу», они обычно говорили «Я буду доктором» (79% случаев) и часто вступали в долгие споры о том, кому из них достанется этот высокий статус. У других исследователей также встречаются подобные наблюдения. Лингвист Элайн Андерсон предложила дошкольникам разыграть сценку «доктор — больной» с помощью кукол. Она также обнаружила, что мальчики претендовали на престижную роль доктора и, как правило, отказывались быть больным или ребенком. Девочки хотели быть доктором только в одном случае из трех и часто выбирали роль больного, ребенка или матери.

В исследовании Сакс в большинстве случаев мальчики предлагали друг другу роли («Давай, будь врачом»). Девочки же обычно спрашивали, какую роль хотели бы их подруги («Ты побудешь больной ненадолго?») или делали совместное предложение («Я буду медсестрой, а ты — врачом», «Теперь мы обе будем врачами», «Мы обе будем больными» или «Хорошо, я бу-

ду лечить своего ребенка, а ты — своего»). Такие высказывания не только предотвращают конфронтацию или диктат, они представляют собой творческий подход к сохранению равного статуса между девочками.

Точно ли эти экспериментальные исследования отражают поведение детей в естественной обстановке? Доказательство можно найти в статье Роджера Каменец:

Моя шестилетняя дочь Аня и ее семилетняя подруга Розмари вместе играли в комнате Ани. Дверь была приоткрыта; услышав какое-то воркование, я заглянул туда и увидел, что они держат на руках тряпичных кукол и убаюкивают их. «Теперь ты поменяй пеленки своей малышке, — сказала Розмари Ане, — а я поменяю своей».

Прочитав это, я была поражена симметрией игры девочек. Розмари предлагала, чтобы они одновременно делали одно и то же. Не пытаясь дать Ане роль низкого статуса — роль ребенка, она оставляет эту роль для безропотных кукол.

Разные социальные структуры

Различные способы, которыми девочки и мальчики пытаются влиять друг на друга, отражают — и создают — различные социальные структуры. В исследовании Гудвин поведение мальчиков, готовящихся к «сражению» на рогатках, показало иерархическую организацию: лидеры отдавали приказания. Распоряжаясь и заставляя других подчиняться, некоторые мальчики становились и оставались лидерами. Приказание, по определению, отделяет говорящего от адресата и создает ситуацию, в которой он имеет большую власть. Группы девочек, наоборот, были организованы эгалитарно. Согласно Гудвин, «при выполнении деятельности по решению какой-либо задачи даже среди четырех- и пятилетних все коллективно участвуют в принятии решения при минимальной борьбе за статус». Произнося слова «давайте...» и «мы...», девочки подразумевали, что их группа является сообществом, и уступчивость усилит сообщество, а не индивидуальную власть человека, который вносит предложение.

Более того, мальчики, как правило, не объясняют свои требования, преподнося их не иначе как свои желания. Например, вот как командовал мальчик, принявший роль лидера:

ПЛОСКОГУБЦЫ. МНЕ НУЖНЫ ПЛОСКОГУБЦЫ!

Слушай, друг. Мне нужны кусачки прямо сейчас.

А девочки объясняют свои предложения:

Шэрон: Мы должны сначала *почистить* их. Понимаешь?

Пэм: Понимаю.

Шэрон: | Потому что на них всякие микробы.

Пэм: | Помой их и заткни, вдруг там, правда, микробы¹.

Не объясняя причины своих требований, мальчики «усиливали» свои приказы, что поднимало дух соревнования. Согласие служило признаком подчинения авторитету лидера, хотя подчинение является актом сотрудничества: оно способствует бесперебойной деятельности группы. Девочки же добивались цели иначе. Они не только объясняли мотивы своих желаний, эти мотивы были направлены на общее благо: бутылки надо помыть, чтобы микробы никому не причинили вреда. Когда Пэм поддакнула Шэрон, согласившись с ее предложением, а также его причиной, то оказалось, что она участвует в принятии решения, а не подчиняется указаниям. Однако бывает и так, что в группе склонны принимать предложения кого-то одного, и тот, чьи предложения чаще находят поддержку, испытывает личное удовлетворение и повышает свой престиж.

Разные социальные структуры, складывающиеся в играх мальчиков и девочек, соотносятся с видами деятельности, которым они отдают предпочтение. Мальчикам особенно нравятся игры, где есть открытое соперничество, например футбол и баскетбол. Даже если их занятия не носят характера соревнования, мальчики часто делятся на команды, чтобы его все-таки устроить. Девочек меньше интересуют организованные спортивные состязания или игры, и они предпочитают совместные занятия, например, прыгают через скакалку или играют в классики.

Гудвин обнаружила, что иерархия среди мальчиков устанавливается на основе их умений в разных видах деятельности. Они часто гордятся и хвастаются своими способностями и другим «капиталом». Как малыши в исследовании Сакс спорят о том, кто будет врачом, так и мальчики 10—12 лет и подростки в иссле-

¹ Вертикальная линия означает наложение речевых отрезков, т. е. собеседники говорят одновременно.

довании Гудвин спорят о статусе — о преимуществах в умениях и о том, кто имеет право указывать и кому. Девочки обсуждают свою внешность, свои отношения с другими и то, что о них говорят другие. И если мальчики открыто гордятся своим превосходством в чем-либо, девочку, которая ведет себя так же, осуждают за хвастовство или называют «воображалой».

Мальчики не только командовали, но также оскорбляли товарищей и угрожали друг другу. Если им что-то не нравилось в товарище, они, как правило, говорили это в его присутствии. Девочки же обычно жаловались, когда объекта недовольства рядом не было.

Стремление девочек избегать прямой конфронтации приводит к такому поведению, о котором традиционно отзываются плохо, — «говорить за спиной». Выражая эту негативную точку зрения, один информант отметил, что девочки жертвуют искренностью ради гармонии отношений. Обвинение в «неискренности» — обычная вещь в межкультурной коммуникации, так как представители разных культур не всегда обнаруживают совпадающие стили общения. Создание прямой конфронтации посредством открытого высказывания критики может считаться «искренностью» среди тех, кто считает, что конфронтация укрепляет дух товарищества. Но в системе, где столкновение приводит к разрыву, это совсем не «искренность», так как откровенная критика и разжигание борьбы содержит метапослание о том, что человек хочет ослабить узы дружбы.

«Ты не объяснил»

Результатом различий в опыте детей являются разные ожидания, допущения и отношения, которые усложняют общение взрослых. Например, спор, который приводится ниже, возник из-за того, что женщина хочет услышать объяснения от мужчины, который не привык их давать. Морин и Филип пытаются назначить дату праздничного обеда.

Морин: Кажется, единственный свободный выходной у нас — это десятое октября.

Филип: Десятого открывается охотничий сезон.

Морин: Хорошо, давай устроим его в субботу или в воскресенье вечером.

Филип: Ладно, пусть будет в субботу.

Морин: Разве тебе не захочется поехать на охоту в первый же день открытия сезона?

Филип (*недовольно*): Я сказал в субботу, поэтому ясно, что я предпочитаю этот день.

Морин (*теперь тоже недовольно*): Я просто пыталась сделать так, чтобы тебе было удобно. Ты не объяснил, почему выбрал субботу.

Филип: Я буду на охоте в четверг и пятницу, поэтому думаю, к субботе с меня хватит.

Морин: Ну а почему ты мне этого не сказал?

Филип: А почему я должен был это говорить? И вообще, мне надоели твои вопросы.

Морин: А меня оскорбляют твои ответы!

Так как Филип не объяснил, почему выбрал субботу, Морин решила, что он подстраивается под нее, как это сделала бы она — и как она в действительности и делала. Морин хотела сказать, что можно не подстраиваться, и раздражение мужа обидело ее — ведь она заботилась о его удобстве. Филип же воспринял просьбу объяснить причину своего решения как требование отчета. Он считает, что каждый беспокоится о своих собственных интересах, поэтому такое «копание» его раздражает. Попытки Морин избежать столкновения интересов как раз его и вызвали.

Добрая ссора

Различия в отношении к самому конфликту проявляются в повседневном общении. Гейл терпеть не может споров. Ее глубоко огорчает, когда Норман сердится и повышает голос. «Я не могу разговаривать, когда ты кричишь, — говорит она. — Почему мы не можем обсудить это как взрослые люди?». Норман никак не может этого понять. Для него ссориться с кем-либо — свидетельство близости. И наоборот, нудные нескончаемые обсуждения, которые она ценит как признак близости, ненавистны ему. Они его просто выматывают; а вот после доброй ссоры он чувствует себя прекрасно. Жена от ссор устает и страдает. Для Нормана же ссоры — форма ритуальной схватки; они ему дороги как знак сопричастности — в спор вступают только те, у кого близкие отношения.

Во многих культурах мира споры, а также игры — приятный признак близости. В Греции у американцев часто складывается впечатление, что они являются свидетелями спора, когда нена-

роком слышат дружескую беседу, более оживленную, чем принято в их стране. Лингвист Дебора Шиффрин показала, что в общении еврейских рабочих (и мужчин, и женщин) из Восточной Европы, живущих в Филадельфии, дружеская перепалка является неотъемлемым атрибутом. Лингвист Джейн Франк проанализировала беседы еврейской пары. Супруги были склонны занимать противоположные позиции и спорить в повседневном общении. Однако они не ссорились, а устраивали своего рода публичный «спарринг», где оба «боксер» были на одной стороне.

Греки часто выражают заботу, указывая людям, что делать. Одна гречанка, учившаяся в Соединенных Штатах, удивляла и даже раздражала соседок по общежитию, задавая им вопросы типа: «Почему ты так долго держишь дверцу холодильника открытой?» и «Почему ты ешь так мало? Тебе надо есть больше». Такие вопросы обычны среди друзей в Греции и расцениваются как проявление заботы и вовлеченности. Американцы же видят в них навязчивость и осуждение. Американки прозвали эту женщину «мамой». Ее намерение проявить дружескую заботу было воспринято как проявление статусных характеристик матерей, говорящих с детьми.

Социологи Уильям Корсаро и Томас Риццо изучали поведение детей в возрасте от двух до четырех лет в американских и итальянских детских садах. Они обнаружили, что одним из любимых занятий детей-итальянцев было участие в своего рода горячих дискуссиях, которые итальянцы называют *discussione*, но американцы расценили бы их как перепалку. Исследователи описывают типичную ситуацию, которая проигрывалась несколько раз в неделю, когда предполагалось, что дети спокойно рисуют: мальчик по имени Роберто делает вид, что ищет красный фломастер. Убедившись, что все за столом за ним наблюдают, он пробует и откладывает все красные фломастеры на своем столе, затем встает и берет один с другого стола. Дети за этим столом этого или не замечают, или, что более вероятно, делают вид, что не заметили. Но вскоре девочка Антония, сидящая за тем столом, громко спрашивает: «Где красный?», и она демонстративно начинает искать фломастер и проявлять недовольство всеми теми, которые она и ее соседи по столу могут найти.

Затем разыгрывается драма. Вот как Корсаро и Риццо описывают это:

Антония хлопает себя по лбу ладонью и кричит: «Нас ограбили!»

Это восклицание одновременно приводит всё в действие. Роберто поднимает голову от своего рисунка и улыбается другим детям за

своим столом. Они все ловят его взгляд и улыбаются в ответ, выражая готовность к предстоящим событиям. В то же время несколько детей за третьим столом осматривают стол Антонии и затем быстро — стол Роберто. Наконец, Мария, сидящая за столом Антонии вскакивает, показывает на Роберто и кричит: «Это Роберто взял!». Антония, Мария и несколько других детей тотчас же демонстративно вышагивают к столу Роберто. Как только они подходят, Луиза, сидящая за его столом, хватается за семь или восемь фломастеров (включая тот, который взял Роберто) и прячет их под столом у себя на коленях. Подойдя к столу, Антония обвиняет Роберто в краже красного фломастера. Он это отрицает, предлагая Антонии и другим детям найти украденный фломастер. Пока Антония и Мария его ищут, Бруна при поддержке нескольких других детей с третьего стола включается в спор, утверждая, что Роберто действительно утащил фломастер и что Луиза его прячет. Луиза кричит: «Нет, неправда!» Но Антония протягивает руку под стол и хватается за фломастеры, которые прячет Луиза. В этот момент стоит жуткий крик, дети энергично жестикулируют, толкаются и пихаются, так что воспитателям приходится снова вмешаться и уладить спор.

Эти дети ссорятся не из-за фломастеров: их более чем достаточно. Как утверждают Корсаро и Риццо, им просто больше нравится спорить, а не рисовать. И в итальянском детском саду это, видимо, характерно для девочек так же, как и для мальчиков.

Борьба за дружбу

Хотя девочки и мальчики в итальянском детском саду получают удовольствие от *discussione* — громкой перепалки ради развлечения, американские мальчики и девочки менее единодушны в своем отношении к конфликту. Более вероятно, что мальчики будут выражать и создавать сопричастность путем противодействия. Они проявляют симпатию к девочкам тем, что дразнят их, занимая «воинственную» позицию. Типичный пример тому — классическая сцена, когда мальчик дергает за косы симпатичную ему девочку. Мне не встречались девочки, которым это нравится, но если мальчик ей симпатичен, она, возможно, предпочтет стать объектом агрессии, чем быть проигнорированной. Так было с польской девочкой Евой Хоффман, которая вспоминает друга детства Марека в своей книге «Утеряно при переводе»:

Я влюблена в него. Я не могу быть далеко от него, даже если иногда он разыгрывает со мной по-мальчишески злобные шутки: он сбрасывает огромную книгу мне на голову, когда я прохожу перед его окном. А однажды в лесу он попытался столкнуть меня в яму, которую, как оказалось, оставили там немцы и где все еще могли быть мины.

«Шалости» Марека опасны для жизни. Тем не менее Хоффман вспоминает: «Мы непрерывно разговариваем, и в играх с другими детьми мы — одна команда». Фактически, «несмотря на эти опасные игры, которые мы вели друг с другом, я глубоко убеждена, что его большая физическая сила для того и существует, чтобы защитить меня».

У мальчиков и мужчин агрессия не мешает дружбе. Напротив, это хороший способ начать общение и создать сопричастность. Одна из информанток рассказала об удивительном, по ее мнению, случае на соревнованиях по баскетболу в Мичиганском университете. Хотя на билетах были указаны места, у студентов этого университета было принято садиться на любые свободные места, — как говорится, «кто не успел, тот опоздал». Следуя этим неписаным правилам, студенты заняли места в первом ряду на балконе. Вскоре прибыла группа из другого университета, ничего об этом правиле не зная. Обнаружив, что места заняты, гости потребовали их освободить. Когда же студенты Мичиганского университета отказались это сделать, возник громкий спор: мужчины обеих групп грубили и угрожали друг другу, а женщины притихли на своих местах. Через некоторое время гости устроились на соседних креслах, а затем мужчины, которые только что участвовали в гневной словесной перепалке, стали дружелюбно болтать о командах, баскетбольных школах и предстоящей игре. Женщины были ошеломлены: они никогда бы не устроили такой свары, но, если бы такое случилось, стали бы врагами на всю жизнь и примирение в мгновение ока было бы невозможно.

Идея, что ссора может быть способом начать дружбу, а не помешать ей, озарила меня, когда я читала транскрипцию исследования Корсаро и Риццо. Наблюдение за мальчиками в детском саду для меня было равносильно наблюдению за инопланетянами. Вот, например, какой эпизод описывают авторы:

Два мальчика (Ричард и Дэнни) играли с пружинкой на лестнице, ведущей вверх в игровой домик. Во время их игры два других мальчика (Джозеф и Мартин) подходят и встают у лестницы.

Дэнни: Уходите!

(*Мартин убегает, а Джозеф остается и в итоге поднимается до середины лестницы.*)

Джозеф: Какие важные.

Ричард: Я ему сейчас прямо в глаз дам.

Джозеф: Я тебе прямо в нос врежу.

Дэнни: А я ему своим большим кулаком врежу.

Джозеф: А я... я... я...

Ричард: И он — трах-тарарах — улетит вниз по лестнице.

Джозеф: Я... я... я вам... Я могу выбить вам глаза своим ружьем. У меня есть ружье.

Дэнни: Ружье! А я тебе... я... даже если...

Ричард: А у меня тоже есть ружье.

Дэнни: И у меня есть ружья, и оно больше твоего стреляет. Вот так — пиф-паф.

(*Все трое смеются над тем, как Дэнни изображает стрельбу.*)

Ричард: Теперь уходи.

Джозеф: Неа. Вот возьму и поставлю... ружье тебе на голову и оно пиф-паф прямо тебе в лицо.

Дэнни: Ну...

Ричард: Пружинка тоже прилетит тебе прямо в лицо.

Дэнни: И мое ружье выстрелит прямо...

До этого момента кажется, что Ричард и Дэнни вовлечены в яростную ссору с Джозефом, который попытался прервать их игру. Дэнни привносит немного юмора, сказав «пиф-паф», что рассмешило мальчиков. Но они все еще угрожают друг другу. Корсаро и Риццо описывают последующие события:

В этот момент появляется девочка (Дебби), говорит, что она — Бэтгёл², и спрашивает, не видели ли они Робина³. Джозеф говорит, что Робин — это он, но она отвечает, что ищет другого Робина и затем убегает. После ее ухода Дэнни и Ричард заходят в игровой домик; Джозеф следит за ними. С этого момента и до конца эпизода все три мальчика играют вместе.

После яростной ссоры, в которой они грозили побить и расстрелять друг друга и ударить пружинкой в лицо, все три мальчика мирно играют вместе. Ссора не только не помешала, но даже помогла их совместной игре. Я подозреваю, что, затеявая стычку,

² Придумывает себе имя по аналогии с именем главного героя детского сериала «Бэтмэн» (от англ. *Batman* — «человек-летучая мышь»).

³ Друг Бэтмэна в том же сериале.

Джозеф таким образом устанавливал контакт с мальчиками, а Дэнни и Ричард, втягивая Джозефа в ссору, прокладывали ему путь в игру.

Деликатно

В этом эпизоде с дошкольниками вызывает интерес та роль, которую сыграла девочка Дебби. Именно ее появление в облике Бэтгёл привело к завершению словесной стычки мальчиков, после чего они стали мирно играть вместе. Кажется, что Дебби «прилетает», как Бэтгёл, с миссией мира.

Если мальчики затеяли спор, девочке удастся обойтись без выражения несогласия, даже если она действительно не согласна. Когда Дебби говорит, что ищет Робина, а Джозеф отвечает, что он — Робин, она не возражает: «Нет, ты не Робин!». Вместо этого она принимает его посыл и говорит, что ищет другого Робина.

Снова и снова женщина выступает в роли миротворца. В рассказе Джейн Шапиро «Вольпоне» в этой роли выступает дочь во время ссоры ее матери и брата. Размолвка начинается из-за того, что в проявлении беспокойства мать и сын сосредоточены на разных аспектах — близости и независимости.

В этом рассказе повествователь — мать — навещает своего сына Зака в колледже. Он принимает участие в студенческой демонстрации против инвестиций университета в Южную Африку и спит в одной из палаток, которые студенты поставили на территории университета. Во время обеда с приехавшей к нему семьей (сестра Нора, отец Уильям и дедушка Пеп) Зак объясняет, что разочарован: в отличие от руководителей других университетов, где студентам *«запросто»* разбивают головы», ректор его колледжа относится ко всему терпимо и даже поддерживает протестующих, но не оказывает давления на попечителей, чтобы те отказались от своих планов.

Вот что говорит мать Зака, от лица которой и написан рассказ:

Помолчав, я сказала: «Жаль, конечно, что попечители не очень-то обращают на вас внимание, но как мать я иногда рада, что вы не в Беркли или еще где-нибудь, где вам запросто проломают голову».

Зак бросил на меня удивленный взгляд, а Нора — веселый. Она откинулась в кресле и сказала: «*Как мать* — ты обычно стараешься так не говорить».

Откинувшись назад и напоминая матери, что та обычно старается не говорить «как мать», Нора, видимо, пытается придать беседе другое направление. Но рассказчица не меняет тему и это приводит к негативному результату:

Я сказала: «Ну, я хочу сказать, меня разрывают противоречия. Разумеется, я поддерживаю тебя и горжусь тобой. Я ценю твою верность убеждениям, и уж конечно у меня и в мыслях *нет* мешать своим детям действовать самостоятельно и поступать так, как они считают нужным. Но что-то во мне говорит, что я совершенно не хочу, чтобы тебе проломили голову». Звучало неестественно, но, как мне показалось, убедительно и даже неопровержимо. Уильям рассеянно кивал головой, показывая, что поддерживает меня. «С этой раздвоенностью я не могу справиться, — сказала я, — и...»

«Мам, никому не интересно, *хочешь* ли ты помешать нам “действовать” определенным образом, — сказал Зак. — Мы — люди. Мы уже “действуем”. Приятно, что ты стараешься сформулировать это “либерально”. Но твоя мысль, мам, о том, должна ли ты *позволить* нам так поступать, она, пожалуй... ну, я не знаю, не совсем уместна».

В разговор вступает Уильям, чтобы отчитать сына и поддержать жену. Отец и сын сердятся, но здесь вмешивается Нора, чтобы смягчить раздражение и всех примирить:

Нора наклонилась, коснулась рукой руки Пепы и сказала: «Ребята, хватит». Все замолчали, а Нора потянулась к тарелке Зака, взяла с нее последнюю креветку и приветливо спросила: «Будешь?» Он отрицательно покачал головой. Нора не сразу отправила ее в рот, а повертела в руке и сказала: « Эта креветка явно из штата Вермонт». Она улыбнулась Пепу и добавила: «Эта креветка поняла, что ошиблась».

Шутка не достигает цели, тогда Нора прямо обращается к Заку, называя его как в детстве, что напоминает о связи между ними и смягчает прямоту: «Ну, хватит, “Зи”».

Сердитая реакция Зака обескураживает его мать. Она мыслит и говорит в духе взаимосвязи и заботы, а он интерпретирует ее замечания исходя из статуса и контроля: если она позволяет ему действовать самостоятельно, то его независимость не настоящая, а предоставлена матерью. Понимая желание матери уберечь его как намек на ее превосходство, Зак реагирует на то, что его ставят в положение ребенка. Отец пытается уладить конфликт, показывая свою власть и тем самым подчеркивая более низкий статус Зака: он требует от сына не разговаривать с матерью в таком

тоне. Но дочь принимает на себя роль миротворца, пытаюсь унять раздражение Зака демонстрацией их единства и равенства.

«Разве ты не согласен?»

Роль миротворца отражает общую тенденцию женщин пытаться найти компромисс. Когда Мардж рассказывает Джону о своих мыслях или пересказывает слова других, Джон часто критикует услышанное или предлагает альтернативную точку зрения. От этого Мардж становится не по себе. Однажды она повторила чье-то замечание, которое совпадало с точкой зрения, высказанной самим Джоном всего несколько дней назад. Мардж была уверена, что он скажет: «Да, верно». Она и повторила чужие слова только для того, чтобы порадовать Джона мнением, сходным с его взглядами. Однако, к ее удивлению и разочарованию, Джон снова стал возражать. В уверенности, что сеяла согласие, она пожинала урожай разногласия. Джону гораздо интереснее выдвинуть другую точку зрения, чем согласиться. Но Мардж его несогласие неприятно, потому что похоже на придирчивость.

Для Мардж разногласие содержит метапослание угрозы их близости, а Джон не расценивает разногласие как угрозу. Напротив, он видит в возможности выразить несогласие признак близости. Один мой информант объяснил, что он считает своим долгом — если кто-то выражает свое мнение — указать и на другую сторону вопроса. Если жалуются на чье-либо поведение, он считает, что должен объяснить, какими мотивами мог руководствоваться тот человек. Когда кто-то занимает определенную позицию, ему кажется, что надо помочь исследовать ее, проверяя на уязвимость и разыгрывая «адвоката дьявола»⁴. Джон высказывает противоположную точку зрения. Ведя себя таким образом, он считает, что оказывает поддержку, и в какой-то мере это так и есть. Но это — поддержка методом «от противного». Ее больше ожидают и оценивают по достоинству скорее мужчины, чем женщины.

Ответить на вызов

Разница в подходе к согласию и возражению проявляется также и в процессе обучения. Один мой коллега распоря-

---

⁴ Человек, защищающий неправильное положение вещей.

дился, чтобы студенты его лингвистического семинара прочитали в качестве обязательной мою книгу «Я не это хотела сказать!». Затем он дал им задание составить для меня вопросы и прислал мне двенадцать из них для ответа: десять исходили от женщин и два — от мужчин. Все десять вопросов от женщин выражали поддержку или стремление изучить вопрос: они просили что-то конкретизировать, объяснить или предоставить личную информацию, например: «Вы можете дополнительно объяснить?..», «Вы можете дать другой пример?», «Различия являются биологическими или социальными?», «Откуда вы берете ваши примеры?», «Как общество изменится, если все примут ваши идеи?», «Почему вы вышли замуж за вашего мужа?». Оба вопроса от мужчин бросали мне вызов. Один спрашивал по существу: «Ваша книга во многом касается психологии; чем же вам не понравились вопросы психолога, упомянутые выше на вашем семинаре?». Другой студент задал такой вопрос: «Не относится ли большая часть материала в вашей книге скорее к области риторики и теории коммуникации, чем к лингвистике?».

Женские вопросы очаровали меня, а мужские показались дерзкими. Я поделилась этим с мужем, и он заметил: «Что ж, этого следовало ожидать». «Как так?» — спросила я. «Итак, — пояснил он, — их профессор сказал: “Вот — ваш шанс, вот — эксперт”. Тем самым он дал установку на вызов». И опять все повторилось: он тоже считал естественным выразить эксперту свои сомнения. А я, как и студентки, считаю, что возможность обратиться к эксперту — это шанс узнать новую информацию и установить личный контакт.

В чем же состоит смысл вызова? Я восприняла мужские вопросы как попытку подорвать мой авторитет. Они, казалось, намекали: «Вы ведь не лингвист», а один даже засомневался в моем толковании примера. Мне это не понравилось. С женскими вопросами все было наоборот: я почувствовала, что они укрепляют мой авторитет, и даже не была задета бестактным вопросом о моем браке — ведь он позволил мне продемонстрировать в ответе иронию и юмор. Однако возражение может быть формой уважения. Один коллега заметил, что «софтбольные»⁵ вопросы бессмысленны, когда дело касается серьезной проблемы. Выражая похожую точку зрения, другой коллега сообщил о своей довольно-таки критической рецензии на книгу: «В какой-то мере ты

---

⁵ Софтбол (от англ. *softball*) — разновидность бейсбола. «Софтбольные» вопросы — вопросы из вежливости (без «подковырки»).

удостаиваешь кого-то чести, сцепившись с ним (да и с ней тоже)». Я отметила, что оба мужчины выбрали метафоры противостояния — из области спорта и войны, чтобы объяснить, почему возражение (для них) явно конструктивно и в академическом общении. Не слишком отличаясь от женщин, которые видят в возражении не ритуал, а серьезное намерение, я воспринимаю его как попытку подорвать мой авторитет, а не укрепить его, «сцепившись» со мной.

Теперь мне понятно, что провокационными вопросами молодые люди пытались вовлечь меня в интеллектуальное обсуждение. Но они попали в «межкультурную» лакуну: я не получаю удовольствия от «схватки», когда чувствую, что мне лично бросают вызов, хотя, безусловно, люблю интеллектуальную дискуссию, если чувствую, что мой авторитет признают. Я оценила бы их вопросы по достоинству, будь они иначе сформулированы: «Не могли бы вы еще раз объяснить, почему вы не одобрили поведение психолога в вашем примере?» и «Не могли бы вы подробно остановиться на том, как взаимосвязаны ваша работа и область риторики и теории коммуникации?». Тогда эти вопросы говорят мне: «Я согласен с вами, но мне трудно ответить людям, которые спрашивают меня, почему то, чем я занимаюсь, называется лингвистикой. Что бы ответили вы?». Тот, кто формулирует вопросы подобным образом, получает в ответ ту же информацию, но занимает положение союзника, а не противника.

Схватка ради общения

Даже поняв эти модели поведения, я не перестаю удивляться, как часто мужчины прибегают к агрессии с целью установить контакт. Например, приглашенный лектор на одном из моих занятий хотел обратить особое внимание на то, что «странное» поведение может иметь много различных объяснений. Чтобы придать мысли наглядность, он сказал: «Вот в первом ряду сидит девушка. Предположим, что она внезапно встала и стала душить свою соседку». Подбирая пример неожиданного поведения, он сразу подумал об агрессии.

Другой лектор собирался начать семинар для тридцати человек в классе, вместившем бы и пятьдесят. Слушатели заняли дальние места, оставив вокруг него ряды пустых стульев. Когда на его просьбу пересесть поближе, никто не откликнулся, лектор

шутливо пригрозил: «Если вы не пересядете вперед, то после занятия я вас выслежу и убью».

Один гипнотизер пытался помочь женщине вспомнить японский язык, который она когда-то хорошо знала, но забыла, в совершенстве овладев китайским. Введя ее в легкий транс, он стал внушать: «Представьте, что кто-то говорит с вами на японском языке, пытаясь вас запугать. Крикните на них по-японски: “Убирайтесь отсюда!”». Пытаясь создать эмоциональную вовлеченность, он придумал типично мужскую ситуацию. Но я задумалась и засомневалась, подействует ли она на женщину. Позже, объясняя свой подход, он сказал: «Посмотрим, сможем ли мы заставить японский язык перебороть китайский».

Волк в овечьей шкуре

Мальчики и мужчины часто используют противодействие для установления контактов, а девочки и женщины могут имитировать сотрудничество и сопричастность для соперничества и взаимной критики. Гудвин обнаружила, например, что девочки особенно любят подсчитывать в рифму, сколько прыжков они сделали. Сплетни также могут иметь характер соревнования, если бороться за то, чтобы первым узнать новости.

Специалист по психологии развития Линда Хьюгс демонстрирует тонкую грань между сотрудничеством и соревнованием среди девочек четвертого и пятого классов, играющих в «четыре квадрата». В этой игре участвуют четыре человека: каждая девочка стоит в нарисованном на земле квадрате и перебрасывается мячом с другими, ударяя им о землю. Если девочка упускает мяч, ударяет им два раза или за пределами квадрата, она выбывает из игры, а на ее место становится следующий по очереди ребенок. Хотя в принципе каждая играет сама за себя, на деле эти девочки вели себя так, как будто состоят в командах: пытались своих подруг ввести в игру, а других из нее вывести.

Хьюгс сообщает, что девочки играли в рамках сложной системы, которая требовала, чтобы они были, выражаясь их собственными словами, «хорошими» и не «нечестными». Выводить кого-то из игры — нечестно, но это не было *по-настоящему* нечестным, если делалось ради того чтобы быть хорошей по отношению к подруге и ввести ее в игру. Девочки должны были соревноваться: всегда быть хорошей и никогда не выводить кого-либо

из игры будет нечестным по отношению к детям, ждущим своей очереди играть. Но им приходилось соревноваться в рамках сотрудничества. Так, например, девочка, которая собиралась сильно ударить по мячу и «выбить» кого-то, могла крикнуть своей подруге: «Салли, и ты сейчас будешь играть!». Это сообщалось, чтобы все слышали, что она не ведет себя нечестно по отношению к девочке, которую собирается вывести из игры, — она просто хорошо относится к своей подруге. Девочки называли это необходимым поведение — быть «по-хорошему нечестной». Они сказали Хьюгс, что не любят играть с мальчиками, потому что те просто стараются всех выбить.

Антрополог Пенелопа Браун приводит яркие примеры того, как женщины племени тенеяпы используют псевдосогласие для отказа. Индейские же женщины майя в Мексике не выражают гнев и не ссорятся открыто. Они показывают, что сердятся, отказываясь говорить, улыбаться или прикасаться к кому-либо. Как же они демонстрируют конфликт, когда этого требует ситуация, — например в суде? Браун сняла на видеокамеру судебное разбирательство, происходившее после скандального инцидента, когда молодая новобрачная бросила мужа и вышла замуж за другого. Семья покинутого супруга предъявила семье сбежавшей женщины иск о возвращении подарков, в соответствии с традицией подаренных невесте.

Эти две семьи представляли в суде матери невесты и жениха. Излагая события, они яростно спорили, но по форме они соглашались друг с другом, используя ироническую и язвительную интонацию. Например, когда мать жениха заявила, что подарила невесте пояс стоимостью в двести песо, мать невесты иронически спросила: «А разве не сто или около того?», что подразумевало: «Он стоил только сто песо». Она также раскритиковала юбку, которую получила ее дочь, сказав: «Неужели она еще и чистошерстяная? Да неужели!», иронией давая понять, что юбка не была шерстяной. Мать жениха парировала: «Может, скажете, она тогда и не была такой дорогой?», имея в виду: «Она стоила дорого!». Другая язвительно ответила: «Действительно дорогой, сама по себе тогда, наверное, да?» — желая сказать: «Она была дешевой!».

Соблюдая запрет на открытое выражение гнева и несогласия, эти женщины объяснялись в доступной им манере, используя формулы вежливости и согласия. Этот пример из экзотической культуры может показаться крайностью, но сама модель поведения не так уж далека от того, как современные женщины иногда

добиваются недобрых целей, используя псевдоположительные средства. Все женские словесные формулы создания «положительного» образа могут использоваться как для того чтобы обидеть, так и для того чтобы утешить.

Обычный способ обидеть кого-то, внешне делая вид, что ты этого не хотел, — это повторить чье-то критическое замечание, сделав псевдодоброжелательное вступление: «Мне кажется, что тебе следует знать». Например, Хильда сказала Аннемари, что золовка Аннемари собрала всех подруг и «угощала» их историями о проблемах родственницы с сыном-подростком. Аннемари была убита, узнав, что ее семейные трудности стали предметом всеобщего обсуждения. Она не хотела просить мужа не доверяться своей сестре и не хотела затевать с золовкой ссору, поэтому ей оставалось только переживать. Женщина не страдала бы, если бы ей ничего не сказали, поэтому именно «подруга» Хильда причинила ей боль, а не золовка.

Ситуация усугублялась: каждый раз при встрече Хильда пристально смотрела исполненным беспокойства взглядом и спрашивала: «Как ты? Как *развивается* ситуация?», отчего Аннемари чувствовала себя моральным уродом, а не нормальной родительницей, чьи дети имеют обыкновенные проблемы. Любые формы поддержки могут использоваться для причинения вреда. Проявление излишнего беспокойства по поводу чувств других людей придает вам статус социального работника, который во всем разбирается, а людей ставит в положение ваших подопечных.

Высказывание полезных советов также может косвенно выражать критику. Например, женщина по имени Сара предложила своей подруге Филлис избежать хлопот, связанных с визитом ее родителей, поселив их в гостинице, а не дома, где только одна спальня. Но Филлис не была признательна за совет, так как правильно поняла, что Сара считает ее заботу о родителях чрезмерной.

Похвала может нанести сильный удар, если в ней кроется критика. Например, кажется, что фраза «Твой новый поклонник потрясающий! Не зануда, как предыдущий» представляет собой похвалу вашему новому поклоннику, и все же вы уходите, испытывая боль от того, что оскорбили прежнего друга. Так же и комплимент «Твое выступление было великолепным — намного понятнее предыдущего» оставляет вас с мыслями о том, как слушатели ломали голову над вашим предпоследним выступлением.

Другой способ выражения «нечаянной» критики — рассуждения о мотивах поведения других людей. Например, Патрисия

вслух задала себе вопрос, почему мужчина, с которым она познакомилась, не позвонил ей. Надин предположила: «Возможно, он решил, что ты заносчивая, — ведь ты попросила называть себя Патрисией, а не Пэтти». Хотя Патрисия по-прежнему не имела понятия, о чем думает этот мужчина, она узнала мнение Надин о своем характере.

Послания и метапослания в ссорах

Хотя женщины неохотно ссорятся открыто, а мужчины иногда настроены ссориться шутливо, существует много случаев, когда мужчины и женщины действительно идут на конфликт друг с другом — открыто и серьезно. Часто такие споры ведут к разочарованию не только относительно предмета раздора, но и относительно поведения спорящих. И опять ключевое значение имеет различие между посланиями и метапосланиями.

Один из информантов рассказал о разговоре, который, по его мнению, объясняет, почему он считает споры с женщиной такими безрадостными. Вот этот разговор. Все началось с того, что она разбудила его посреди ночи.

Он: Что случилось?

Она: Ты занимаешь слишком много места.

Он: Извини.

Она: Ты всегда так делаешь.

Он: Что?

Она: Используешь меня.

Он: погоди! Я спал. Как я могу отвечать за свои действия во сне?

Она: Ну, а как было тогда...

И затем она сделала ему выговор за прошлые обиды.

Этой паре трудно было найти общую почву в споре, так как супруги общались на разных уровнях. Мужчина разговаривал на уровне послания (информационном уровне): он занимал слишком много места в кровати. Женщина, однако, была сосредоточена на уровне метапослания: то, как он спал, показывало, что он использует ее вообще, занимает «слишком много места» в их отношениях. Она воспользовалась этим конкретным случаем, чтобы обсудить манеру поведения мужа. Тот же считал, что несправедливо из этой непреднамеренной оплошности вытягивать

вереницу прошлых событий, как фокусник тянет из цилиндра гирлянду цветных лоскутков.

Такие же установки характеризуют беседу в романе Энн Тайлер «Случайный турист». Мейкон и Мюриэл живут вместе, но Мейкон все еще официально женат на другой женщине. Мейкон вскользь обронил замечание об Александре, сыне Мюриэл:

«По-моему, Александр не получает надлежащего образования», — сказал он ей как-то вечером.

«О, у него все порядке».

«Сегодня, когда мы покупали молоко, я попросил его подсчитать, сколько нам дадут сдачи, и у него не было ни малейшего представления, как это сделать. Он даже не знал, что нужно вычитать».

«Но ведь он еще только во втором классе», — сказала Мюриэл.

«Думаю, ему следует перейти в частную школу».

«Частные школы дорого обходятся».

«Ну, и что? Я буду платить».

Она перестала отбивать грудинку, посмотрела на него и сказала: «Что ты хочешь этим сказать?»

«Ты о чем?»

«Мейкон, ты хочешь сказать, ты обязан это делать?»

Затем Мюриэл сказала Мейкону, что он должен решить, хочет ли развестись со своей женой и жениться на ней, потому что она не может переводить сына в новую школу, а потом забирать его оттуда, если Мейкон вернется к своей жене. Беседа заканчивается тем, что Мейкон недовольно бросает: «Но я только хочу, чтобы он научился вычитать!».

Подобно мужчине и женщине, заспорившим посреди ночи, Мейкон обеспокоен посланием: простым вопросом об усвоении Александром математики. Но Мюриэл тревожит метапослание: как изменятся их отношения, если он станет платить за обучение ее сына?

Спор, который возник между мужем и женой не в книге, а в жизни, обнаруживает ту же модель поведения. Он был записан и проанализирован (с другой точки зрения) Джейн Франк. Муж вернулся домой и начал «наступление»: «Не хочешь признать свое поражение?». До этого она утверждала, что невозможно найти картину нужного ему размера и типа. И вот он все же нашел и хотел теперь, чтобы она признала свою неправоту. Однако жена заявила, что говорила, будет трудно, а не невозможно найти, и предложила компромисс: он ее не так понял. Но муж и

слышать об этом не хотел. Он доказал ее неправоту — теперь она должна признать поражение. Их все более разгоравшийся спор не мог быть разрешен, так как муж не сдвигался с уровня послания — буквального смысла слов жены; жена же вскоре перешла к значительно более важному для нее — к метапосланию, заключающемуся в его упрямстве: «Почему ты вечно хочешь доказать, что я не права, и унижить меня?».

Знакомая история

Разные взгляды на мир формируют все аспекты стилей общения. Один из аспектов изучен лингвистами и антропологами — это рассказывание историй, то есть сообщения о личном опыте, которыми люди обмениваются в беседе. А истории, которые мы слышим и рассказываем, формируют наши взгляды. Слушая, как люди рассказывают о других, мы создаем каноны правильного поведения. И то, как женщины и мужчины рассказывают о происходящих в их жизни событиях, отражает и создает разные миры.

Каждый год мои студенты записывают повседневные беседы, в которых им случается принимать участие, а затем транскрибируют ту часть разговора, где люди говорят о личном опыте. В одном из семестров два студента исследовали все истории, записанные их сокурсниками, чтобы сравнить женские и мужские рассказы. Они обнаружили различия, соответствующие моделям, которые я описала.

Все четырнадцать историй, которые рассказали мужчины, были о них самих. Из двенадцати же историй, рассказанных женщинами, только шесть были о себе, а другие — о случаях, происшедших с другими людьми. Мужчины, но не женщины рассказали истории, в которых фигурировали главные герои и их противники. Большей частью мужские истории рисовали рассказчиков в выгодном свете. Например, два информанта сообщили, что их команды однажды победили благодаря их великолепной игре. В отличие от них, многие женщины рассказывали истории, в которых они представляли глуповатыми. Например, одна рассказчица поведала: она не знала, что сломала себе нос, пока — много лет спустя — ей не сообщил об этом врач. Другая рассказала: потеряв на выбоине покрышку от колеса, она так рассердилась, что оставила автомобиль, перерыла груды покрышек, не нашла свою и,

не желая уезжать с пустыми руками, взяла совершенно не нужную ей покрывку от «мерседеса».

Результаты любительского сравнения мужских и женских рассказов оказались похожими на результаты проведенного Барбарой Джонстоун исследования пятидесяти восьми рассказов, записанных ее студентами. Она обнаружила следующее:

Истории женщин обычно повествуют о сообществе, в то время как истории мужчин — о соревновании. Мужчины рассказывают о соревновании людей — не только о физических состязаниях, как, например, драки, но и о социальных, в которых они используют речевые и/или интеллектуальные умения, чтобы защитить свою честь. Они говорят о борьбе с природой — охоте и рыбной ловле. Рассказы о состязаниях с людьми или животными могут принять форму небылиц, которые сами по себе являются своего рода состязанием между рассказчиком и его слушателями. Когда рассказчик-мужчина говорит не о себе, в его истории главный герой — все равно мужчина. Мужчины редко рассказывают истории, в которых участвуют женщины.

Истории женщин, напротив, вращаются вокруг норм сообщества и совместных действий людей. Женщины рассказывают о случаях, в которых они нарушают социальные нормы и в результате испуганы или смущены; о людях, помогающих другим в сложных ситуациях; о встречах с непонятными явлениями, которые затем объясняют другие люди; о том, как познакомились со своим другом / мужем и приобрели своих кошек. Они рассказывают о странных людях, преувеличивая их аномальное поведение и неявно противопоставляя его социальным нормам. Они рассказывают о себе, о других женщинах и о мужчинах.

Как показало исследование Джонстоун, мужчины не только чаще рассказывали о случаях, в которых они действовали в одиночку. Когда мужчины и женщины повествовали о самостоятельных действиях, исход этих историй часто был разным. Подавляющее большинство мужчин сообщало о благополучном результате. Большинство же женщин отмечало, что в результате действий в одиночку они страдали. Только в очень немногочисленных историях, рассказанных мужчинами (в четырех из двадцати одной), главный герой получил от кого-то помощь или совет, но это намного чаще случалось в рассказах женщин (в одиннадцати из двадцати шести).

Джонстоун приходит к заключению, что мужчины живут в мире, в котором власть порождается личностью в противоборстве

с другими людьми и силами природы. Для них жизнь — это соревнование, постоянное испытание, в котором они должны действовать, чтобы избежать неудачи. Для женщин, утверждает Джонстоун, источником власти является сообщество. Если мужчины воспринимают жизнь с точки зрения соревнования, борьбы с природой и другими людьми, то для женщин жизнь — это предотвращение опасности оказаться в изоляции.

Взаимные заблуждения

Примеры, приводимые в этом разделе, задают новый контекст, в котором необходимо рассматривать наблюдения Томаса Фокса за студентами и студентками на его литературных семинарах. Мистер Х. пытался оказать влияние на группу, а мисс М. старалась не выделяться и никого не обижать. Письменный автопортрет мистера Х. в значительной степени открыл его видение мира как арены соревнования и конфликта. Согласно Фоксу сочинение мистера Х. описывало «соревнование и стычки с курсантами, вместе с которыми он год учился в Вест-Пойнте⁶, с членами баскетбольной команды и судьями, со школьными товарищами и, самое главное, как считал мистер Х., с его братом».

Если мистер Х. производил впечатление самоуверенного человека, то его эссе обнаруживают тревоги, которые он испытал, живя в мире конкуренции. Всегда будучи «встроенным» в какой-либо иерархический порядок, он очень страдал в ситуациях, в которых чувствовал себя человеком с низким статусом: в своем кратком военном опыте, где все как сговорилось заставить курсантов-новичков почувствовать себя «дерьмом», и в семье, где, как он полагал, любимчиками были его брат и сестра. Фокс пишет:

Эссе мистера Х. представляют собой унылый перечень иерархий: от градации однокурсников в Вест-Пойнте и описания баскетбольной игры, где судья несправедливо оштрафовал игрока, до представления своей семьи как пирамиды привилегий, в которой на вершине располагались родители, затем следовал брат, потом сестра и, наконец, в самом низу располагался сам мистер Х. Все эти иерархии подавляли мистера Х. и, как он утверждает, присваивали ему низкий статус.

---

⁶ Военное училище в США.

Другими словами, то, что у мужчин кажется уверенностью, а у женщин — неуверенностью, во многом может быть результатом боли прошлых разочарований.

Женщины и мужчины склонны понимать друг друга с точки зрения своих собственных стилей, так как мы предполагаем, что все живем в одном и том же мире. Другой молодой человек на занятии Фокса заметил, что его сокурсницы отказываются говорить в авторитетной манере. Он догадывался о причине такого поведения — они боялись ошибиться. Для него проблема заключалась в знаниях — вопросе индивидуальных способностей. Ему и в голову не приходило, что они боялись не ошибиться, а обидеть кого-либо. Для них главным была взаимосвязь: их отношение к группе.

И мистер Х., и мисс М. выражали неудовлетворенность ролями, которым их обучили. Мисс М. считает, что ее роль была навязана отцом, предостерегшим ее от открытой демонстрации своих знаний. Мистер Х. обвинял во всем конкуренцию, царящую в мире:

Я лично когда-то был открытым, очень милым и чувствительным человеком и в глубине души я до сих пор остаюсь таким. Однако, соревнуясь в семье и в школе, я изменил характер, «ожесточившись» и дистанцировавшись от других.

Хотя противодействие может быть средством установления контакта, иерархический, основанный на соревновании мир мальчиков может также причинять эмоциональную боль и препятствовать установлению взаимоотношений.

У каждого свои сложности

Обсуждая различия между женщинами и мужчинами, которые описаны в этой главе, люди часто спрашивают или говорят мне, какой стиль лучше. Даже исследователи иногда дают свои оценки. Сравнивая, как играют мальчики-пятиклассники и девочки десяти-одиннадцати лет, Джанет Ливер приходит к выводу, что игры мальчиков лучше готовят их к жизни в мире, где нужно трудиться, так как они содержат более сложные правила и роли. Но в играх девочек также есть сложность — это речевое управление межличностными отношениями. Пенелопа

Эккерт, которая вела наблюдения за мальчиками и девочками в средней школе, указывает, что мальчики определяют свой социальный статус просто и прямо — по их личным умениям и достижениям, особенно в спорте; но девочки «должны определить свой статус *гораздо более сложным* способом — с точки зрения их характера в целом».

Ливер описывает игру пятиклассниц, которая показалась ей «скучной». Большое количество девочек стояло в круге, и они вместе выполняли установленные движения и нараспев читали стишок «Доктор Никербокер номер девять». Одна девочка кружилась в центре с закрытыми глазами и останавливалась с вытянутой рукой. Та девочка, на которую она показала, должна была выйти к ней в центр круга, где она затем кружилась и тем же способом выбирала другую девочку. Когда девять девочек оказывались в центре, игра начиналась сначала — та, которая девятой по счету вошла в центр круга, становилась номером один, а остальные восемь вставали по кругу.

Почему им было интересно играть в эту игру? Ливер объясняет: «Из центра круга доносились радостные крики, возгласы детей, когда к ним присоединялась подруга. И девочка могла оценить свою популярность по громкости этих криков». Иначе говоря, игра интересна, так как она воспроизводит важный для девочек «товар» — силу их связей, так же как игры мальчиков производят «товар», который они высоко ценят, — умения. Игра девочек — это эксперимент по изменению альянсов. По сути дела, это тоже соревнование, но не в умениях. Это скорее соревнование в популярности.

Живя и работая в негритянском рабочем квартале, Маджори Харнесс Гудвин и Чарльз Гудвин описывают сложную вербальную практику, которая является одной из главных забот чернокожих девочек предподросткового и подросткового возраста. Сами девочки называли ее «Он-сказал-она-сказала»; эта практика «провоцируется» тогда, когда одна девочка сообщает другой, что кто-то третий говорил о ней за глаза. Гудвины отмечают, что «у исследуемых мальчиков не было структуры для широких дискуссий сопоставимой сложности».

Неправомерно утверждать, что поведение мальчиков в целом сложнее. Скорее мальчики и девочки учатся управляться со сложностью в различных областях: мальчики — в том, что касается сложных правил и видов деятельности, девочки — в том, что касается сложных сетей взаимоотношений и сложных способов использования языка как средства создания этих отношений.

Чей способ лучше?

Верно ли, что игры мальчиков лучше готовят мужчин к успеху в мире труда? Конечно, убеждение женщин, что они не могут и не должны действовать в одиночку, может помешать им быстрее принимать решения. Но убеждение мужчин, что они *должны* действовать самостоятельно и всегда находить выход без помощи, мешает им, потому что бывают случаи, когда они не обладают всей информацией, необходимой для принятия решения. Кроме того, доказано, что женщины и мужчины, которые добились успехов в традиционно мужских сферах деятельности — в бизнесе и науке, — *не* очень состязательны. Скорее они отличаются «служебной компетентностью» или «трудовым мастерством». Они просто исключительно хорошо выполняют свою работу.

Склонность женщин искать согласия может даже служить преимуществом в управлении. Многие считают, что из женщин выходят лучшие менеджеры, потому что они больше расположены советоваться с другими и привлекать сотрудников к принятию решений. И все согласятся с тем, что сотрудники, вероятно, будут более эффективно проводить политику предприятия, если поймут, что принимали участие в ее разработке. Один человек описал небольшую фирму своей жены как открытую арену, в которой люди обращаются к ней по имени, не стесняются входить в ее кабинет без доклада и считают, что являются частью общей команды, а не подчиненными. В его собственной фирме, сказал он, его сотрудники обращаются к нему «мистер», никогда не входят без стука — и, как ему казалось, менее довольны рабочей обстановкой.

Несмотря на то что в некоторых случаях сохранение атмосферы общности, а не иерархии может иметь преимущество, люди, которые не боятся конфликта, имеют преимущество в тех бесчисленных неизбежных ситуациях, где другие пытаются настоять на своем. Готовность устроить скандал может быть эффективной формой власти. Вот — банальный, но наглядный пример.

На концерте большой зал был далеко не полон. У многих места были на последнем ярусе, но ближе к сцене пустовали целые сектора, поэтому некоторые зрители пересаживались на эти места. В тот момент, когда люди усаживались на новых местах и начинался концерт, вошла билетерша. Она выбрала одну из только что пересевших пар, посветила им в лицо фонариком и велела

вернуться на свои места. Женщина была готова повиноваться, но мужчина сердито прикрикнул на билетершу, которая тут же исчезла, — это был единственный способ немедленно прекратить шум в зале.

Еще пример: продавец хвастался перед своими коллегами, что он — один из самых влиятельных членов их коллектива. Когда он выступал на собраниях, ему редко противоречили. Он гордился этим, приписывая такое отношение своему высокому статусу. На самом же деле ему никто не возражал, так как он был известен своей вспыльчивостью и злым языком, и никто не хотел быть объектом его ярости. Боязнь иногда неотличима от уважения.

Женщины, не способные впасть в ярость, не могут удерживать власть таким способом. Еще хуже то, что их стремление избежать конфронтации позволяет эксплуатировать их. Одним словом, они не борются за себя. И у знаменитостей нет иммунитета против этого. Опра Уинфри, например, сказала: «Мой самый большой недостаток — моя неспособность противостоять людям. После всех представлений, в которых я участвовала, книг, которые прочитала, психологов, с которыми разговаривала, я все еще позволяю беспредельно паразитировать на себе. Мне требуются дни и недели промедления и мучений прежде, чем я могу собраться с духом и возразить. Иногда мне кажется, что проще броситься под грузовик, чем противиться тем, кто меня “грабит”».

Это не является личным недостатком Опры Уинфри; это проблема огромного числа женщин. В действительности же это не столько недостаток, сколько достоинство, которое не действует в ситуациях противостояния. Эта слабость может быть особенно свойственна преуспевающим женщинам, потому что они, вероятно, достигли успеха, уживаясь с людьми, а не борясь с ними. А чтобы поладить с людьми и понравиться, многие женщины учатся избегать конфронтации. Но легче паразитировать на неконфликтном человеке, чем на том, кто относится к миру противоположным образом.

Однажды в воскресенье мне домой позвонила аспирантка и задала мне массу вопросов о диссертации, которую писала. Потратив много времени на ответы, я заметила, что ей вообще-то следует задавать эти вопросы своему научному руководителю, моему коллеге, который несет основную ответственность (и получает деньги) за руководство ее исследованием. Аспирантка ответила, что информация нужна ей именно сегодня, и что ей неловко беспокоить наставника дома.

Почему же было удобно потревожить дома в воскресенье меня, а не его, да еще просить выполнить его работу? Люди считают, что женщины доступнее, чем мужчины, и тому есть много причин. Возможно, им кажется, время женщин не столь дорого, как время мужчин. Многие из нас помнят из детства, что мама всегда была в нашем распоряжении, но время отца приберегалось для более важных занятий за пределами дома; приходилось ждать, когда он выкроит часок для нас, и когда это удавалось, его время казалось более ценным. Другая же причина заключается в том, что женщины избегают конфликтов. Это означает, что они вряд ли ответят резко, даже если будут недовольны.

Постоянная готовность к конфронтации часто лишает человека радости общения, но и полный уход от конфликта и стремление подстроиться могут привести к тому, что человеку придется принимать ситуации, которых следовало бы избегать. Один из моих информантов описал ситуацию, которую он и его бывшая жена назвали «люблю куриные спинки». Когда в семье на обед была курица, кому-то должна была достаться спинка, и она всегда доставалась его жене, которая уверяла: «Я люблю куриные спинки». Но, как сообщил мне этот человек, на самом деле их никто не любит. Она убедила себя, что любит эту часть курицы — а еще разлившиеся желтки яйца и подгоревшие тосты, — чтобы «подстроиться». Но годы «подстраивания» нагнетали возрастающее разочарование, которое, как они оба считают, и стало причиной их окончательного разрыва.

Даже парам, которые не разводятся, приспособленчество может нанести урон. Снова приведу в пример семью знаменитостей. Актриса Джейн Медоуз сказала в интервью, что в первые годы брака ее муж, комик Стив Аллен, «манипулировал» ею, заставляя отклонять предложения главных ролей. Например, она сообщила: «Стив помешал мне согласиться на главную роль в фильме «Испортит ли успех Рока Хантера?» («Will Success Spoil Rock Hunter?»). Когда Аллена спросили об этом на ток-шоу, он ответил, что просто заметил тогда: «Это начальная сцена немного несерьезна», и Медоуз сама решила отказаться от роли. Джейн Медоуз, очевидно, догадалась — и, вероятно, правильно, — что ее муж не хотел, чтобы она согласилась на эту роль. Но надо ли ей было соглашаться с его мнением? В то время она считала, что надо, но потом, оглядываясь назад, об этом пожалела.

А теперь совершенно о другом

Для многих женщин немислимо открытое сопротивление чужой воле (истинной или мнимой). Некоторые скорее задумаются о полном разрыве. Так случилось с женщиной по имени Дора. Она слишком поздно поняла, что ее несогласие с волей мужа не разрушит их семью. Брак же разрушило накопившееся разочарование от того, что она никогда не настаивала на своем.

Источником разочарования для Доры стали подержанные автомобили. Именно она ездила на работу на машине и парковала ее, но какую машину купить — решал ее муж Хэнк. Он же предпочитал дешевые, «капризные» автомобили, требующие постоянного ремонта. После того как Дора едва не погибла в полуразвалившемся «рено» с негодными и не подлежащими ремонту тормозами, они поехали на рынок за очередным подержанным автомобилем.

Хэнк не сводил глаз с пятнадцатилетней «альфа ромео», которую продавал знакомый механик. Дора же хотела воспользоваться случаем и купить у подруги, которая уезжала из страны, новую модель «фольксвагена». Страстно желая принять решение сообща, она приводила все доводы, которые только могла придумать, чтобы убедить Хэнка, что имеет смысл купить «скучный», но надежный «фольксваген», а не стремительную, но старую «альфа ромео». Но переубедить его было невозможно.

Случись такое раньше, Дора согласилась бы с волей мужа и прокланала бы его в душе каждый раз, когда ехала бы на «альфе» на работу или загоняла ее в гараж для ремонта. Но это случилось, когда их брак уже разваливался. Доре было почти нечего терять, она купила у подруги «фольксваген» и приготовилась к гневным излияниям, уверенная в их неизбежности. К ее изумлению, Хэнк вообще не стал протестовать. Когда же она рассказала ему, к чему готовилась, он ответил, что это было глупо: ей следовало действовать по своему усмотрению с самого начала, если ее это так сильно волновало. Муж не мог понять, почему Дора добивалась его согласия на то, что и так считала правильным.

Приведу пример крайности, в которой я столкнулась с убеждением, что приспособливание — лучший способ достичь семейного согласия. Одна женщина рассказала мне о своем очень раннем браке с мужчиной, оказавшимся таким жестоким, что она боялась за жизнь своих детей и свою собственную. Она объясни-

ла, почему терпела его побои: у него было трудное детство, лишенное любви, и она считала, что безоглядной любовью сможет излечить его раны, а заодно и раны их отношений. Однажды муж избил ее так, что она потеряла сознание. Когда она пришла в себя, он сказал: «Думаю, между нами все кончено», на что она ответила: «Я по-прежнему люблю тебя». То, что он понимал как жестокий удар, который несомненно оттолкнет ее, она восприняла как шанс доказать раз и навсегда, что ее любовь была действительно всепрощающей. Даже после такой выходки она не сочла возмущение или предъявление претензий уместной реакцией.

Независимо от того насколько люди бывают недовольны полученными результатами, они редко подвергают сомнению способы, которыми стараются их добиться. Когда что-то не получается, мы не пытаемся сделать что-то совершенно другое. Вместо этого мы прилагаем больше усилий, продолжая делать то, что кажется самоочевидно правильным. Но когда отличаются стили общения, наши усилия, далекие от решения проблемы, только усугубляют ситуацию.

Так случилось с Молли и Джорджем. Молли не выносит, когда Джордж кричит. Но ему это кажется совершенно естественным, так как он рос в доме, где он, два его брата и отец всегда противостояли друг другу: они боролись, дрались и спорили. Иногда Молли удивляет Джорджа тем, что кричит в ответ. Ей это ненавистно, а ему — нравится. Джордж объясняет: «Когда я начинаю сердиться на что-то и нападаю, то ожидаю сопротивления. Если я его не получаю, меня это разочаровывает, и тогда я действительно злюсь».

Как показывает этот пример, попытки избежать конфликта в действительности могут спровоцировать его, если для партнера конфликт является значимым средством вовлеченности. Один искренний американский студент, приехавший по программе обмена в испанский город Севилья, сделал для себя такое открытие в разговоре со своей хозяйкой. Она любила покритиковать каталонцев — этническую группу, живущую на северо-востоке Испании — и знала, что американский гость не разделяет ее взглядов. Однажды она попыталась спровоцировать его, сказав: «Эти каталонцы — сукины дети». Однако молодой американец не хотел ссориться: «Что ж, у вас свое мнение, а у меня свое, так что давайте больше не будем об этом говорить». Этот отказ участвовать в обсуждении вовсе не помог избежать спора, а наоборот привел хозяйку в бешенство и вызвал гневную тираду. Им при-

шлось разговаривать еще около часа, прежде чем удалось прийти к частичному взаимопониманию — но не по вопросу о каталонцах, а в отношении к вербальному конфликту.

В поисках гибкости

Когда привычный стиль не срабатывает, приложение больших усилий не решит проблему. Вместо этого и мужчинам, и женщинам было бы полезно проявлять гибкость. Женщинам, которые любой ценой избегают конфликта, стало бы легче, если бы они поняли, что небольшой конфликт не повредит им. А мужчинам, которые обычно уходят в оппозицию, не мешало бы отказаться от привычки спорить.

Поскольку люди отличаются, и не только полом, но и культурным фоном, различия в отношении к вербальному сопротивлению сохраняются среди друзей, влюбленных и незнакомых людей. Но они особенно вероятны — и особенно неприятны — при длительных взаимоотношениях, которые по своей природе затрагивают вопросы контроля и столкновения желаний. Игра во «взаимоотношения» тяжелее, если вы играете по разным правилам — или вообще в разные игры. Так как значение конфликта и привычные средства его разрешения коренным образом отличаются у женщин и мужчин, это — та сфера, где коммуникативные стили мужчин и женщин с наибольшей вероятностью войдут в противоречия. Чтобы смягчить разочарование, надо просто понять: партнер необязательно несправедлив или неразумен — у него всего лишь другой стиль общения. Конфликты по-прежнему будут возникать, но, по крайней мере, вы будете спорить о реальных столкновениях интересов, а не бороться со стилями.

Глава 7

Кто кого перебивает? Доминирование и контроль

Вот какой анекдот любит рассказывать мой отец:

Женщина подает на развод. Когда судья спрашивает, почему она хочет развестись, дама объясняет, что муж не разговаривает с ней уже два года. Судья спрашивает мужа: «Почему вы два года не разговариваете со своей женой?». Тот отвечает: «Не хочется перебивать».

Этот анекдот отражает общепринятый стереотип: женщины говорят слишком много и перебивают мужчин.

Этому стереотипу полностью противоречат данные, полученные в результате многих исследований гендера и языка: именно мужчины перебивают женщин. Мне не встречалось ни одной известной статьи, посвященной этой теме, где бы об этом не говорилось. И это очень отраднo, так как опровергается женоненавистнический стереотип, обвиняющий женщин в болтливости, а также подтверждаются уверения большинства женщин, что мужчины слишком часто перебивают их.

Оба утверждения — что мужчины перебивают женщин и что женщины перебивают мужчин — отражают и укрепляют предположение, что перебивание является недружественным актом, чем-то вроде речевого хулиганства. Перебивающий рассматривается как злобный агрессор, а перебиваемый — как невинная жертва. В основе этого лежит предпосылка, что перебивание является нарушением, попранием чьего-либо права слова, попыткой доминировать.

Упрек в перебивании особенно болезнен в близких взаимоотношениях, где прерывание говорящего нагружено метапослани-

ем — партнеру нет до него дела, он не слушает и ему неинтересно. Все это подрывает основу взаимоотношений, так как именно в них каждый из нас стремится найти поддержку и взаимопонимание. Но прерывание не всегда означает, что кто-то намеренно перебивает вас. И наоборот: упрек в перебивании, когда у вас ничего подобного и в мыслях не было обидит вас точно так же, как и то, что вам не дали высказаться полностью.

Так как упрек «Ты меня перебиваешь» настолько распространен в близких отношениях и так как он затрагивает вопросы господства и контроля (фундаментальные в гендерной политике), соотношение между прерыванием собеседника и доминированием требует более пристального рассмотрения. Для этого необходимо более тщательно изучить причины и следствия перебивания в общении.

Перебивают ли мужчины женщин?

Исследователи, сообщающие, что мужчины перебивают женщин, приходят к такому выводу, записывая разговоры и подсчитывая количество перебиваний. При этом они не принимают во внимание содержание исследуемых разговоров: о чем шла речь, намерения говорящих, их реакцию и влияние «перебивания» на ход беседы. Для распознавания прерываний используются лишь сугубо технические критерии. Исследователям-экспериментаторам, которые проводят подсчет, необходимы операциональные критерии для идентификации объектов подсчета. Но этнографы (наблюдающие действия людей в естественной обстановке) с осторожностью относятся к операциональным критериям экспериментаторов. В отношении к распознаванию прерываний с помощью технических критериев кроется причина методологических расхождений.

Лингвист Адриан Беннетт утверждает, что «наложение речевых отрезков» (overlap) является механическим: любой, слушая разговор или его запись, может определить, звучат ли два голоса одновременно. Но прерывание неизбежно интерпретируется относительно прав и обязанностей человека. Чтобы определить, нарушает ли говорящий права другого говорящего, нужно многое знать об обоих собеседниках и о ситуации. Например, что они говорят? Как долго говорил каждый из них? Каковы их прошлые взаимоотношения? Как они относятся к перебиванию? Но наи-

более важным является содержание высказывания второго говорящего по отношению к первому: это поддержка, несогласие или изменение темы? Другими словами, что пытается *сделать* второй говорящий? Очевидная поддержка может неуловимым образом «подрезать» разговор, а явное изменение темы может быть косвенным средством поддержки, как, например, когда мальчик-подросток отказывается от возможности выразить сочувствие своему другу, чтобы не подчеркивать его приниженное положение.

Все эти и другие факторы влияют на интерпретацию: были или нет нарушены права говорящего и если были, то насколько серьезно. Иногда вы не против, когда вас прерывают, а в другой раз решительно возражаете. В конечном счете, у разных людей разные стили общения, поэтому говорящий может *решить*, что его перебивают, даже если собеседник не *намечался* этого делать.

Вот какой пример привели Кендес Уэст и Дон Зиммерман, чтобы показать, как мужчина перебивает женщину. Я думаю, что в этом случае прерывание разговора оправданно с точки зрения интеракционных прав. (Вертикальные линии показывают наложение речевых отрезков.)

Женщина: Ну, тебе на самом деле не на что жаловаться, когда у тебя все в один день (4,2), но я спросила у своего преподавателя физики, не могла бы я изме

Мужчина: Не трогай его.

(1,2)

Женщина: Что?

(Пауза.)

Мужчина: У меня в блокноте записано все так, как мне надо, а ты все испортишь, листая его так.

Уэст и Зиммерман считают это перебиванием потому, что второй говорящий начал тогда, когда первый не договорил слово («изменить»). Но с учетом сказанного выше, возможно, права первого говорящего не были нарушены. Хотя в речи мужчины присутствуют и другие моменты, напоминающие «речевое хулиганство», перебивание женщины, чтобы попросить ее перестать листать его блокнот, само по себе не нарушает ее права говорить. Многие люди, видя, как кто-то небрежно обращается с их собственностью, сочли бы себя вправе попросить этого человека немедленно прекратить подобные действия, не выжидая подходящего синтаксического и риторического момента, чтобы заговорить.

Социолог Стивен Мюррей приводит пример прототипического, на его взгляд, прерывания — кто-то вмешивается, чтобы заговорить на другую тему тогда, когда первый говорящий еще практически ничего не успел сказать. Вот его пример:

Х : Я думаю, | что
В : | Хочешь еще салата?

Этот простой обмен репликами показывает, каким сложным может быть общение. Многие считают, что хозяин имеет право, если не обязанность, предлагать гостям еду вне зависимости от того, говорит кто-либо или нет. Предложение попробовать какое-нибудь блюдо, как и просьба передать соль или другие специи, пользуется преимуществом, так как если бы все ждали, когда наступит молчание (хозяин — для того чтобы предложить еду, а гости — чтобы попросить то, до чего не могут дотянуться), то чем увлеченнее была бы беседа, тем более вероятно, что гости ушли бы домой голодными.

Это не значит, что перебивать, предлагая еду, можно в любое время. Если хозяин *привычно* перебивает, предлагая еду, *каждый раз, когда* его супруга начинает что-то говорить, или в тот момент, когда говорящий доходит до развязки истории или кульминационного момента анекдота, это может показаться нарушением прав или выражением злонамеренных мотивов. Но приписывать злонамеренное перебивание на основании единичного случая (такого, как приведенный выше) неоправданно.

Различия разговорных стилей «мутят воду». Возможно, что один человек вырос в семье, где разговоры шли постоянно, и все предложения что-то взять из еды накладывались на текущую беседу, тогда как другой вырос в семье, где говорили мало, а еда предлагалась только тогда, когда в разговоре наступал перерыв. Если два таких человека живут вместе, то, вероятно, один из них будет предлагать еду во время разговора, ожидая, что второй продолжит говорить, тот же решит, что его прервали и, возможно, даже откажется вести беседу. Оба будут правы, так как перебивание не является механической категорией. Это вопрос личного восприятия прав и обязанностей, формирующихся на основе индивидуальных привычек и ожиданий.

Перебивание без наложения речевых отрезков

В примерах, приводимых в этом разделе, наложение — два одновременно звучащих голоса — не обязательно является перебиванием, то есть нарушением прав говорящего. В некоторых случаях говорящие искренне считают, что их права ущемлены и что их перебивают, даже когда наложения нет. Пример такого случая приводит Элис Гринвуд, анализируя общение трех своих детей (близнецов Денизы и Денниса двенадцати лет и одиннадцатилетней Стейси) и их друзей. В этом случае Дениза и Стейси разыграли для Марка, четырнадцатилетнего друга их брата, словесную сценку. Диалог, который Гринвуд называет «номер Бетти», сестры воспроизводят часто. Перед тем как начать, они привлекают внимание Марка: «Послушай это. Марк, послушай!» — говорит Дениза. Потом она и Деннис заявляют: «Это так смешно!» Но Марку это смешным не кажется:

Дениза (*голосом Бетти*): Извините, вы — Бетти?

(...)

Стейси: О, да.

Дениза (*голосом Бетти*): Какая Бетти?

Стейси (*голосом Бетти*): Беттибитабитабиттаббаттаб¹...

(*Денис, Дениза и Стейси смеются.*)

Марк: Что-о-о-о-о?

(*Денис, Дениза и Стейси заливаются смехом.*)

Хотя этот «номер» вызывает у сестер и брата, а иногда и у друзей, восторженный смех, Марк не засмеялся и заявил, что не понял шутки. Дениза и Стейси попытались ему объяснить:

Дениза: Я спросила: «Какая Бетти?» Ты бы, например, сказал: «Бетти Джонс». А она говорит: «Беттибитабитабиттаббаттаб...»

→ Деннис: Кто-нибудь уже пробовал это?

Марк: Нет. Я как раз собирался спросить, можно мне попробовать этот суп? Выглядит аппетитно.

Дениза: Слушай! Слушай! Слушай! Слушай!

Марк: Рассказывай медленнее, хорошо?

Стейси: Бетти купила немного прогорклого масла и сказала: «Это масло горькое. Если я положу его в тесто, то тесто тоже станет

¹ В данном слове, произносимом девочкой, слышатся английские слова «горький» и «масло».

горьким». Поэтому Бетти купила немного хорошего масла, чтобы²...

→ Дениза: Ты что, никогда этого раньше не слышал?

Марк: Нет. Никогда.

Дениза: Марк, ты серьезно?

Марк: Серьезно.

Дениза: Это же вроде известная ско...

→ Стейси: | скороговорка.

Марк: Нет. Известная скороговорка — это

Питерпайперподобрал...

→ Дениза: | То же самое. Это то же самое. Как и та.

Марк: Ты все время меня перебиваешь.

В этом отрывке Дениза и Стейси неоднократно прерывают друг друга, что показано стрелками и вертикальными линиями, но нет никаких признаков обиды. Но, похоже, они недовольны, когда их брат Деннис говорит одновременно с ними, спрашивая про еду («Кто-нибудь уже пробовал это?»), так как он прерывает их объяснение (Дениза возражает: «Слушай! Слушай! Слушай! Слушай!»). Девочки поддерживают друг друга, составляя одну «команду».

Больше всего поражает недовольство Марка: «Ты все время меня перебиваешь». Это особенно интересно по следующей причине: то, что говорил Марк, когда его перебили («Нет. Известная скороговорка — это Питерпайперподобрал...»), на самом деле прерывало объяснения девочек, хотя его голос и не наложился на их голоса. То же относится и к предыдущему высказыванию, когда они «перебили» его: в тот момент, когда Дениза, объявляя свой номер, сказала: «Хорошо, слушай», Марк начал спрашивать: «Это также смешно, как и...», но он не закончил, потому что Деннис засмеялся, а Дениза начала объявленный номер. Таким образом, возражение Марка оказывается воплощением в жизнь шутки: «Молчи, когда я тебя перебиваю».

Марк оказался в оппозиции, даже несмотря на то что в действительности он скорее поддерживал девочек, а не спорил. Девочки только сказали, что их скороговорка была «вроде известная скороговорка». Если бы Марк просто предложил «известную скороговорку»³, тогда его прерывание было бы поддерживаю-

² Это английская скороговорка на звуки «б» и «т»: Betty bought a bit of bitter butter and she said, «This butter's bitter. If I put it in my batter, it will make my batter bitter». So she bought a bit of butter better than the bitter butter...

³ Английская скороговорка «Peter Piper picked a peck of pickled peppers».

щим, завершающим объяснения Денизы. Вместо этого он начал со слова «Нет», как будто они утверждали, что их скороговорка *была* известной.

В этом разговоре девочки пытались вовлечь Марка в свою шутивную дружескую беседу. Гринвуд обнаружила, что чем больше перебиваний содержал разговор, тем комфортнее дети себя чувствовали и тем больше они веселились. Но Марк не присоединился к общему веселью, настаивая на своем праве говорить без прерываний. Возможно, свою роль сыграло то, что он был на несколько лет старше или что ему не нравилась роль слушателя. Возможно, его задел вопрос Денизы: «Ты что, никогда это раньше не слышал? (...) Марк, ты серьезно?» Как бы то ни было, Дениза, Стейси и Деннис вели контактоустанавливающий разговор, а Марк добивался разговора-сообщения. Неудивительно, что Дениза потом сообщила матери, что Марк ей не понравился.

Хотя Дениза действительно «перебила» Марка, чтобы сказать ему, что он знает, о чем идет речь («То же самое. Это то же самое»), нет никаких признаков, что она пыталась доминировать над ним. Более того, нет и признаков, что Дениза и Стейси, перебивая друг друга, пытались доминировать. Есть, однако, некоторые основания думать, что Марк добивался превосходства над девочками, например, отказываясь смеяться над их шутками и не принимая их объяснений, хотя он и не говорил одновременно с ними. Таким образом, доминирование создается не перебиванием, а тем, чего добиваются говорящие, вступая в общение.

Наложение речевых отрезков без перебивания

Утверждение, что прерывание является признаком доминирования, представляет речевое общение деятельностью, в которой говорящие высказываются по очереди, но это больше отражает теорию, а не практику. Большинство американцев *полагает*, что собеседники должны говорить по очереди. Я записала разговоры, в которых одновременно говорили несколько человек, но было понятно, что все чувствуют себя комфортно. Когда позже я спросила об их впечатлениях от общения, они ответили, что получили удовольствие. Но когда я воспроизвела для них запись, и люди услышали, что говорили все вместе, то они почувствовали себя неловко иотреагировали репликами вроде «О, Боже, неужели это мы?», как будто их застали врасплох.

В книге под названием «Стиль общения» («Conversational Style») я проанализировала застольную беседу шести друзей, длящуюся два с половиной часа. Вспоминая об этом, некоторые из друзей сообщили: им казалось, что другие «всецело завладели» беседой, — и когда я впервые прослушала пленку, то склонна была с ними согласиться. Но «обвиняемые» не признавали свою вину, утверждая, что не собирались доминировать. Напротив, они удивлялись молчаливости остальных. Только сравнив разные фрагменты беседы, я смогла решить эту головоломку.

Непреднамеренные прерывания — и впечатление доминирования — возникали потому, что у друзей были разные стили общения. Я называю эти стили «высокая тактичность» («high considerateness») и «высокая вовлеченность» («high involvement»), так как первый стиль придает первостепенное значение проявлению тактичности и ненавязчивости по отношению к другим, а второй — проявлению вовлеченности. Некоторые явные прерывания происходили потому, что сторонники стиля «высокая тактичность» ожидали более длительных пауз между репликами говорящих. Пока они выдерживали надлежащую паузу, у говорящих в стиле «высокая вовлеченность» складывалось впечатление, что собеседникам нечего сказать, и, чтобы избежать неловкого молчания, они вновь вступали в разговор.

Другие ненамеренные прерывания происходили, когда говорящие в стиле «высокая вовлеченность» вмешивались в разговор, чтобы продемонстрировать поддержку и участие: говорящие в стиле «высокая тактичность» неверно понимали хоровую поддержку, расценивая ее как попытку отобрать у них слово, и останавливались, чтобы избежать неприемлемой для них какофонии двух одновременно звучащих голосов. Недоразумения возникают не только вследствие неверной интерпретации. «Жертвы» перебиваний сами их провоцируют. В этом и состоит ирония ситуации. Когда говорящие в стиле «высокая вовлеченность» использовали точно такие же приемы в общении друг с другом, результат был скорее положительным, чем отрицательным: вмешательство в разговор никому не мешало. Оно служило своего рода «колесной смазкой» и поднимало настроение.

Вот два примера из моего исследования, которые иллюстрируют эти две противоположные ситуации и различные последствия наложения речевых отрезков в общении. Первый пример — фрагмент беседы трех собеседников, говорящих в стиле «высокая вовлеченность», — показывает положительный эффект наложе-

ния. Второй демонстрирует наложение речевых отрезков говорящих двух стилей — «высокая вовлеченность» и «высокая тактичность», — которое разрушило беседу. Хотя в данном случае в схемах наложения гендерный фактор не играет никакой роли, осознание того, как может действовать — или не действовать — наложение, чрезвычайно значимо для понимания соотношения гендера и перебивания.

Наложение речевых отрезков как сотрудничество: благоприятный результат

Первый пример взят из дискуссии о влиянии телевидения на детей. Говорили лишь трое из шести друзей, и у всех троих стилем общения была «высокая вовлеченность»: Стив (хозяин), Питер (брат Стива, гость) и я (в диалоге Дебора). В ответ на заявление Стива, что телевидение плохо влияет на детей, я спросила, смотрели ли они с братом телевизор в детстве. Возможно, то, что я, женщина, переместила фокус с абстрактного, безличного высказывания на личное, не было случайностью.

- Стив: По-моему, оно в основном вредит детям. То хорошее, что от него исходит, не перевешивает вреда. |
- Дебора: | А вы оба смотрели телевизор в детстве?
- Питер: Очень мало. У нас был телевизор в куонсетском⁴... |
- Дебора: | А сколько вам было лет, когда родители купили его? |
- Стив: | У нас был телевизор, но мы не смотрели его постоянно. Мы были очень маленькими. Мне было четыре года, когда родители купили телевизор. |
- Дебора: | Тебе было четыре?
- Питер: Я даже помню это. | Я не помню (??)
- Стив: | Я помню, что они купили телевизор перед тем, как мы переехали из куонсетских модулей 1954 году. |
- Питер: | Я помню, что он у нас уже был, когда мы жили в модулях.

⁴ Куонсетский модуль (Quonset hut (амер.)) — постройка из гофрированного железа для временного проживания или хозяйственных нужд. Впервые были применены в 1941 г. в местечке Куонсет-Пойнт, от которого и получили свое название.

Дебора (*посмеиваясь*): Вы жили в куонсетских модулях? Сколько вам тогда было лет?

Стив: Знаешь, стоматолог отца спросил у него: «Что такое куонсетский модуль?» А он ответил: «Господи, вы, должно быть, моложе моих детей». Так и было, он был моложе нас двоих.

Как показано вертикальными линиями и стрелками, в этой беседе много наложений и «примыканий» (*latching*) — случаев, когда второй собеседник начинает говорить, не оставляя различной паузы. Но все же говорящие не демонстрируют признаков дискомфорта или раздражения. Все трое по очереди «примыкают» свои реплики к высказываниям друг друга или вмешиваются в них. В этом разговоре братья Питер и Стив выступают дуэтом, подобно Денизе и Стейси в приведенном выше примере.

Этот пример объясняет, почему говорящие в стиле «высокая вовлеченность» не возражают против наложения. Они уступают вмешательству, если им хочется, но если им это не нравится, они отказываются отвечать или полностью игнорируют вмешательство. Например, когда Питер говорит: «У нас был телевизор в куонсетском (модуле), я перебиваю его вопросом: «А сколько вам было лет, когда родители купили его?». Стив отвечает не сразу. Сначала он завершает высказывание Питера: «У нас был телевизор, но мы не смотрели его постоянно», — и только потом переходит к ответу на мой вопрос: «Мы были очень маленькими. Мне было четыре года, когда родители купили телевизор». В другой раз Стив игнорирует мой вопрос. Я спрашиваю: «Вы жили в куонсетских модулях? Сколько вам тогда было лет?». Не отреагировав на мой вопрос, Стив просто выдает краткий эпизод о своем отце, о котором ему напомнила тема модулей. Стив не считает мои вопросы назойливыми, отчасти потому что он не чувствует себя вынужденным отвечать на них. Именно эта же установка позволяет мне задавать бесчисленное количество вопросов. Другая причина того, что наложения выступают как фактор сотрудничества, заключается в том, что они не меняют, а развивают тему.

Наложение речевых отрезков как сотрудничество: неблагоприятный результат

Успех краткого разговора, приведенного выше, не зависел от наложения или прерывания говорящих; просто у собеседников были схожие привычки и отношение к наложению

речи. Следующий пример — это фрагмент той же застольной беседы, но не столь успешный. Снова разговариваем мы с Питером, но вместо Стива — Дэвид, который придерживается стиля «высокая тактичность».

Дэвид, американский переводчик с языка глухонемых, рассказывает нам об этом языке. Как слушающие Питер и я используем наложение и примыкание, чтобы задать «поддерживающие» вопросы так же, как я это делала, разговаривая с Питером и Стивом в предыдущем примере. В данном случае наши вопросы также демонстрируют интерес к тому, о чем говорит собеседник, а не перемещают фокус. Но результат значительно отличается:

- Дэвид: Итак, это азбука Беркли. Это знак Беркли, означающий | Ро-
 ждество. | Вы
- Дебора: понимаете эти, ну... эти соответствия? | Или вы... |
- Дэвид: | (?) |
- Дебора: ... когда вы учите эти знаки, кто-нибудь рассказывает вам?
- Дэвид: А, вы имеете в виду | наблюдать за кем-либо? Как...
- Дебора: | Потому что я могу предположить, что
 знаю этот знак, но не понять, что он как-то связан с праздни-
 чным убранством.
- Дэвид: Нет. В-вы знаете, что он связан с украшениями. |
- Дебора: | Потому что
 кто-то говорит вам? Или вы понимаете | это? |
- Дэвид: | Нет. | А, вы, вы говорите
 обо мне?
- Дебора: Да.
- Дэвид: Или о глухом человеке? |
- Дебора: | О вас, о вас.
- Дэвид: Обо мне? Гм, обычно, мне кто-то говорит. Но многие из них я
 могу назвать сам. Я хочу сказать, они понятные. Чем лучше я по-
 нимаю, тем больше могу рассказать. Чем дольше этим занимаюсь,
 тем больше могу рассказать, о чем они говорят. | Не | зная, что...
 → Дебора: | Мм. | Интересно.
- Дэвид: ...этот знак означает. |
- Питер: | А как вы узнаете новый знак?
- Дэвид: Как я узнаю новый знак? |
- Питер: | Да. Я хочу сказать, например, Вик-
 тор говорит и вдруг использует знак, означающий День Благода-
 рения, а вы никогда раньше его не видели.

Все замечания Питера и мои собственные примыкают или накладываются на реплики Дэвида, как показано стрелками. Но

только два из семи высказываний Дэвида накладываются на наши. Более того, эти два высказывания — одно из которых было невнятным (показано вопросительным знаком в скобках), а второе, когда Дэвид сказал «Нет», вероятно, являются попытками ответить на первые части моих неоднозначных вопросов («Вы понимаете эти, ну... эти соответствия?» и «Потому что кто-то говорит вам?»). Дэвид выказывает признаки неловкости — делает паузы, колеблется, повторяет, пускается в разъяснения. Когда я дала ему прослушать этот фрагмент, он сказал, что быстрый темп разговора в целом и вопросов в частности застал его врасплох и как будто загнал в угол.

Мне трудно читать распечатку этого разговора: текст беспощадно изображает меня слишком властной. Но все же я помню свое расположение к Дэвиду (который остается одним из моих самых близких друзей) и замешательство из-за неопределенности его ответов. Сравнивая реакцию Дэвида с реакцией Стива и Питера на вопросы, которые я задавала со скоростью пулеметной очереди, я с облегчением поняла, что эта «скорострельность» приносила желаемый результат в разговорах со сторонниками стиля «высокая вовлеченность»: вопросы воспринимались как проявление интереса и взаимопонимания; они поддерживают и подбадривают говорящего. Но в беседе с говорящими в стиле «высокая тактичность» такие вопросы вели к сбоям и прерываниям. Не наложение или быстрый темп создавали перебивания и дискомфорт, а *стилевые различия*, которые и лежат в основе таких понятий как *быстрый темп* и *паузы*. Такие характеристики, как «быстрый темп», не являются внутренне присущими, а «вырастают» из *соотношения* стилей говорящих. Следует добавить, что в результате этого исследования я научилась не «выпаливать» вопросы и не перебивать людей, которым это не нравится, — ошутимая польза от понимания стилей общения.

Культурные различия

В моем исследовании застольной беседы трое собеседников, использовавших стиль «высокая вовлеченность», были жителями Нью-Йорка еврейского происхождения, а из троих говорящих в стиле «высокая тактичность» двое были католиками из Южной Калифорнии, а один — из Лондона (Англия). Хотя пример трех человек ничего не доказывает, почти все соглаша-

ются, что многие (но очевидно не все) евреи из Нью-Йорка, многие ньюйоркцы нееврейского происхождения и многие евреи не из Нью-Йорка придерживаются стиля «высокая вовлеченность», и часто считается, что они перебивают *собеседников друг-друго происхождения*, например в моем исследовании — калифорнийского. Но калифорнийцы, в отличие от многих жителей Среднего Запада или Новой Англии, ожидают более коротких пауз и поэтому перебивают собеседников. Меня считали предельно вежливой, когда я жила в Нью-Йорке, но иногда меня находили очень грубой в Калифорнии, и я знаю одну вежливую женщину из Калифорнии, которая, переехав в Вермонт, была шокирована, когда ее обвинили в грубости.

Это замкнутый круг. Лингвисты Рон и Сьюзан Сколлон отмечают, что американцы Среднего Запада, которых, возможно, прерывают в разговорах жители восточной части США, сами начинают агрессивно перебивать, когда разговаривают с индейцами Атабаскана, ожидающими более длинных пауз. Многие американцы обнаруживают, что перебивают, когда говорят с жителями Скандинавии, но считается, что многие шведы и норвежцы перебивают финнов, которые выдерживают более долгие паузы и которые также обнаруживают региональные различия в долготе пауз и скорости речи. В результате, как пишут финские лингвисты Яакко Лехтонен и Кари Саявара, традиционно считается, что финны из определенных районов страны говорят быстро и напористо, а люди из других районов медлительны и туповаты.

Антропологи описали многие культуры мира, где в неподготовленной повседневной беседе высоко ценится совместное говорение. И это, оказывается, чаще является нормой в большинстве стран мира, в отличие от североευропейской нормы, когда один человек говорит без перебиваний. Чтобы описать стиль наложения, Карл Райсман придумал термин *полифоническое общение (contrapuntal conversations)*. Карен Ватсон заимствовала этот термин, чтобы описать речевые практики детей на Гавайях, когда те сообща шутят и включаются в «рассказывание историй». Ватсон утверждает, что для этих детей очередность является вопросом не личного, а коллективного самовыражения. Майкл Мерман приводит похожие наблюдения из общения тайцев. Реико Хаяси обнаруживает, что японцы значительно чаще говорят одновременно, чем американцы. Джеффри Шульц, Сьюзан Флорио и Фредерик Эриксон пришли к заключению, что американский мальчик итальянского происхождения, у которого, как счи-

тали в школе, были серьезные проблемы с поведением, просто вмешивался в разговор, что было уместно и нормально у него дома. Все эти исследователи документально подтверждают существование наложения речи, которое не является деструктивным, не содержит намерения проявлять доминирование и нарушать права других. Напротив, оно является знаком сотрудничества, средством проявления вовлеченности, участия, связи. Одним словом, одновременный разговор нескольких лиц может быть контактоустанавливающим разговором.

Женщины перебивают с благой целью

Парадоксальным (в свете научных данных о том, что мужчины перебивают женщин) и наиболее важным для нашего обсуждения здесь является то, что была обнаружена другая группа людей, которая предпочитает общение, когда одновременно говорят не один человек, а больше — это женщины. Фольклорист Сюзан Кальчик одной из первых заметила, что женщины используют наложение, записав их беседы на пленку. Анализируя научные работы, в которых сопоставлялось коммуникативное взаимодействие в однополых группах, лингвисты Дебора Джеймс и Дженис Дракич обнаружили, что в большей части трудов, описывающих различия, отмечается, что женщины чаще перебивают друг друга.

Лингвист Кэрол Эделски, задавшись целью определить, кто больше говорит на заседаниях совета факультета в университете, неожиданно для себя обнаружила, что женщины предпочитают говорить одновременно. По ее наблюдениям мужчины говорят больше женщин, если говорит один человек, а остальные молча слушают, но женщины говорят не меньше мужчин тогда, когда одновременно с ними говорит кто-то еще. Другими словами, женщины менее склонны высказываться в ситуации разговора-сообщения, но охотнее говорят в ситуации, напоминающей контактоустанавливающий разговор. Сотрудничающее наложение задавало в некоторые моменты заседания модель этого разговора.

Приведем пример повседневной женской беседы, в которой наложение речевых отрезков в большой степени способствовало сотрудничеству и единству. Беседа проходила в кухне за столом; записавшая ее на магнитофон лингвист Дженис Хорняк одновременно была и участницей разговора. Джен и ее мать Пег, живущие в южном штате, приехали к родственникам на север, где

Джен впервые увидела снег. Мать и тетка Марж рассказывают Джен, как хлопотно было растить маленьких детей в той части страны, где идет снег. (Пег воспитывала старших детей на севере, а потом, еще до рождения Джен, переехала на юг.)

- Пег: Что я не любила, так это надевать всем теплые штаны и ботинки | и
 → Марж: | О,
     да, это было самой ужасное,
 Пег: | и шарфы
 → Марж: | и закутаешь их в это все, и они уходят на полчаса, а потом
     приходят домой все в снегу и повсюду эта *слякоть*. |
 → Пег: | И вся эта мок-
     рая одежда и
 → Джен: Это поэтому взрослые не любят снег, да?
 Марж: Точно.
 Пег: Только бросишь всю эту одежду в сушильную машину, а они
     посидят пол | часа...
 Марж: | И немного погодя они снова хотят на улицу.
 Пег: А потом они опять хотят идти гулять.

Как и в моем разговоре со Стивом и Питером, представленном выше, все трое говорящих в этом примере начинают предложения, которые или примыкают к репликам собеседников, или перебивают их. Как Дениза и Стейси, а также Стив и Питер в примерах, приведенных ранее, Пег и Марж выступают дуэтом: они совместно придерживаются одной разговорной роли, не выражая возмущения из-за того, что их прервали, хотя их реплики накладываются.

Хорняк отмечает еще более занимательный факт: эти собеседницы часто заканчивают высказывание союзом «и», создавая видимость прерывания, например, когда Пег говорит: «Вся эта мокрая одежда и». Исследовательница утверждает, что такую стратегию с удовольствием и эффективно используют многие члены ее семьи в общении друг с другом. Посторонним, однако, не нравится такая ее манера общения — она приводит их в замешательство. У собеседников даже иногда возникает ощущение, что, заканчивая предложение словом «и», она сама не знает, высказалась или нет.

Почему у некоторых людей создается впечатление, что их прервали, в то время как этого не было? Представители некоторых культур оставляют небольшие паузы между репликами или не оставляют их вообще по той причине, что для них молчание в дружеской беседе — признак отсутствия взаимопонимания. На-

ложение же является способом поддерживать разговор, избегая молчания. Следует отметить, однако, что Хорняк и члены ее семьи в записанной беседе не говорят громко, или быстро, или все одновременно. Наложения их речи, хотя частые, но краткие; завершение предложений словом «и» — способ создать видимость прерывания при минимальном наложении.

Хотя Хорняк считает, что стратегия создания псевдоналожения при помощи союза «и» присуща только ее семье, не она одна сообщает о знакомстве с людьми, которые говорят таким образом. По крайней мере один из моих информантов сказал, что его мать (к досаде отца) постоянно заканчивает свои высказывания словом «и м-м», и что также делают ее мать и все ее сестры — но не отец и братья. Мой информант также считает это семейным стилем. Хотя очевидно, что такое действительно встречается в семьях, кажется, что этот стиль является результатом взаимодействия гендера и культуры.

Гендер и культура также согласуются и в другом примере псевдопрерывания. Уильям Лабов и Дэвид Феншель, изучая общение врача и 19-летней пациентки по имени Рода на сеансах психотерапии, обнаруживают, что девушка никогда не заканчивает свои высказывания паузой. Напротив, сказав все, что хотела, она начинает повторяться. Эти повторения как бы приглашали психиатра заговорить, прерывая ее. И пациентка и врач были еврейками и жили в Нью-Йорке.

Объяснения через призму культур

Осознание того, что у людей со схожим культурным фоном схожие стили общения, часто приносит облегчение тем, кто полагал, что имеет специфические странности или даже психологические проблемы. Например, американцу греческого происхождения, с которым я беседовала, изучая косвенность в общении, на протяжении всей жизни друзья и возлюбленные говорили, что с ним что-то не так, поскольку он всегда ходит вокруг да около вместо того, чтобы встать и сказать, что у него на уме. Он сообщил мне, что и его родители говорили так же, а я в ответ рассказала об обнаруженной закономерности: греки высказываются менее прямо, чем американцы, а американцы греческого происхождения находятся где-то посередине. Этот человек почувствовал огромное облегчение, сказав, что мое объяснение открыло ему глаза, и продолжил:

Я понимаю это или как что-то пугающее, или как настоящую помеху... Чаще всего я думаю об этом как о проблеме. Но я на самом деле не могу отделить это от своей семьи и воспитания (...). Я не знаю, греческое ли это. Я просто знаю, что это мое. Но, кажется, мне стало немного легче, когда я узнал, что это от греков.

Понимание «семейного» стиля как этнического освободило этого мужчину от тягостной мысли о личной ущербности из-за отличия от большинства людей, с которыми он общался.

Но склонность представителей похожих культур к похожим привычным стилям общения, которые отличаются от манеры общения в другой культуре, имеет плачевные и даже трагические последствия. Различие создает почву для возникновения отрицательных стереотипов. Как я уже упоминала ранее, антисемитизм традиционно приписывает евреям крикливость, агрессивность и «беспардонность», перенося особенности способов говорения на характер. Например, в письме к Генри Миллеру писатель Лоренс Даррелл описал своего коллегу еврейского происхождения: «Он ненадежный, непостоянный человек, которому недостает здравого смысла, он криклив, бесцеремонен, вульгарен, в общем, еврей до кончиков ногтей...»

Представление, что евреи (или ньюйоркцы — эти понятия часто смешиваются в сознании многих людей) шумные и наглые, просто осуждает это меньшинство за то воздействие, которое оказывает их стиль *в общении с другими людьми, использующими другой стиль*. Антрополог Томас Кочман указывает, что параллельное стилевое различие лежит в основе стереотипного восприятия «общины» чернокожего населения как людей легкомысленных, назойливых и крикливых. Результаты таких предрассудков могут быть поистине трагичными, если у членов одной группы достаточно власти, чтобы подвергать гонениям членов другой группы.

Если культурные различия, вероятно, являются причиной неверных суждений о личном окружении, несомненно, то же происходит и на международном уровне. Ручаюсь, что широко рекламированная антипатия между Нэнси Рейган и Раисой Горбачевой явилась результатом культурных различий в стиле общения. По словам Нэнси Рейган, «с того момента, как мы встретились, она говорила, и говорила, и *говорила* — так много, что я едва могла вставить слово». Предполагаю, что если бы кто-нибудь спросил Раису Горбачеву, она бы сказала, что удивлялась, почему

ее американская коллега ничего не говорила и вынуждала ее в одиночку трудиться над поддержанием беседы.

Конечно, не все русские, или евреи, или ньюйоркцы, или чернокожие говорят в стиле «высокая вовлеченность». Многие в одних ситуациях используют этот стиль, а в других — иной. Некоторые отказались от него, видоизменили или вообще никогда не использовали такие стили. Ни одна группа не является однородной; например, стиль «высокая вовлеченность», который я описываю, более распространен среди восточноевропейских, чем среди немецких евреев. Но многие евреи в определенных ситуациях действительно используют некоторую разновидность стиля «высокая вовлеченность», как и многие итальянцы, греки, испанцы, южноамериканцы, славяне, армяне, арабы, африканцы и жители островов Зеленого Мыса, а также представители многих других групп, которые я не упомянула.

Предостережение

Соприкосновение двух направлений исследования — гендера и перебивания, с одной стороны, и этнической подоплеки разговорного стиля — с другой, представляет собой важную и интересную дилемму. Если теоретически неверно, эмпирически недоказуемо и морально неприемлемо заявлять, что говорящие определенной этнической группы наглы, склонны к доминированию или не считаются с остальными, так как они якобы перебивают в разговорах людей, принадлежащих к другим, более крупным этническим группам, обоснованно ли признавать исследование, которое «доказывает» доминирование мужчин над женщинами на том основании, что они якобы перебивают их? Если бы исследователям, обнаружившим, что мужчины перебивают женщин, пришлось «проанализировать» мои аудиозаписи разговоров евреев-ньюйоркцев с христианами-калифорнийцами, они, без сомнения, пришли бы к выводу, что ньюйоркцы «перебивали» и «доминировали», — именно такое впечатление сложилось у присутствующих калифорнийцев. Тем не менее у ньюйоркцев не было такого намерения, и — что важно — это не было результатом только их поведения. Скорее, видимость перебивания возникла из-за *различия* стилей. Короче говоря, такое «исследование» лишь применило бы этноцентрические критерии большинства к инокультурному поведению меньшинства.

При такой логике заявления о доминировании мужчин над женщинами по причине перебивания предполагают, что общение — это мероприятие, в котором должен быть слышен одновременно только один голос. Такое необоснованное предположение влечет за собой серьезные отрицательные последствия для женщин. Многие женщины, говоря друг с другом в повседневных ситуациях дружелюбно и сосредоточиваясь на самом факте общения, используют сотrudничающее наложение: слушающие говорят вместе с «ораторами», чтобы проявить участие и поддержку. Именно эта речевая практика, подслушанная мужчинами, привела к созданию стереотипа: женщины — громко кудахтающие клуши. Женщины же, которые принимают участие в таких разговорах и получают от них удовольствие, могут позже раскаиваться и испытывать чувство вины, так как они признают норму, когда должен говорить только один человек, а эта норма больше подходит мужскому разговорному стилю «публичное выступление» или разговору-сообщению, чем женскому стилю «личная беседа», который придает особое значение контактоустанавливающему общению.

Сопоставление исследования, утверждающего, что мужчины перебивают женщин, с моим исследованием застольной беседы, обнаруживает лингвистическое сходство и политический контраст. Евреи в США — национальное меньшинство, подобно чернокожим и представителям других упомянутых мной групп, предпочитающее стиль «высокая включенность». Меньшинства находятся в ущемленном положении. Но в группе мужчины — женщины именно женщины социально и культурно ущемлены. Это видоизменяет политические последствия приписывания одной группе доминирования над другой.

Большинство людей согласятся, что в нашей культуре, как и во многих, если не во всех культурах мира, мужчины как класс доминируют над женщинами как классом. По этой причине многие заявили бы, что подход к гендерным различиям как к межкультурной коммуникации — это шаг назад, маскировка истинного доминирования вуалью культурных различий. Хотя я одобрительно отношусь к этой точке зрения, рассудок подсказывает, что приходится выбирать одно из двух. Если мы принимаем одну парадигму исследования — мужчины перебивают женщин, — тогда мы вынуждены признать и то, что говорящие в стиле «высокая вовлеченность», такие как чернокожие и евреи, и, во многих случаях, женщины, беспардонны, агрессивны или нелогичны, или по-дурацки шумливы.

Последствия такой точки зрения особенно опасны для американок этнического или регионального происхождения, предпочитающих стиль «высокая вовлеченность». Свидетелем драматического примера как раз таких последствий стали Соединенные Штаты: когда Джеральдина Ферраро, жительница Нью-Йорка итальянского происхождения, выдвигалась на пост вице-президента, Барбара Буш, принадлежащая к группе большинства, назвала ее стервой. Приписывание доминирования стилю «высокая вовлеченность», соответствующее парадигме «мужчины перебивают женщин», является причиной неприятного вывода, что многие женщины (включая многих из нас: африканского, карибского, средиземноморского, южноамериканского, левантийского, арабского и восточноевропейского происхождения) — люди доминирующие, агрессивные и бесцеремонные. Это те качества, которые в женщинах осуждаются значительно больше, чем в мужчинах.

На себе испытав трудности, о которых сообщают многие женщины, когда стремятся быть услышанными в некоторых ситуациях общения с мужчинами (особенно в «публичных» ситуациях), я испытываю искушение признать исследования, утверждающие, что мужчины перебивают женщин: это позволило бы мне объяснить мой опыт и найти «виноватых». Однако я говорю в стиле «высокая вовлеченность», и меня оскорбляет, когда особенности моего стиля клеймят как вызывающие отвращение, исходя из критериев тех людей, которые не разделяют или не понимают его. Как еврейка, выросшая в Нью-Йорке, я не только оскорблена, но и напугана отрицательными стереотипами относительно ньюйоркцев, женщин и евреев, и содрогаюсь, когда исследования ученых служат поддержанию стереотипов относительно группы говорящих — оправдывают приписывание им намерений и характера. Как лингвист и исследователь я знаю, что механизмы общения гораздо более сложны, чем это преподносится. Как человек я хочу понять, что происходит.

Кто перебивает?

Ключом к пониманию (пусть лишь частичному) того, что происходит, является различие между контактоустанавливающим разговором и разговором-сообщением — характерными способами, с помощью которых большинство женщин используют

ет язык для создания общности, а многие мужчины — для соревнования. В итоге (хотя как мужчины, так и женщины выражают недовольство перебиваниями со стороны противоположного пола), поведение, на которое они жалуются, различно.

Во многих высказываниях информанты-мужчины отмечали, что женщины прерывали их наложением слов согласия, поддержки и предвосхищения. Если женщина поддерживает рассказ мужчины, развивая мысль, отличную от той, которую он имел в виду, мужчина считает, что его право рассказать свою собственную историю было нарушено. Он истолковывает вмешательство как борьбу за контроль над речевым общением.

Например, один информант рассказывал, как он добровольно вызвался быть кассиром на благотворительном базаре. В конце дня в кассе обнаружилась недостача, которую он вынужден был возместить из своего кармана. Одна из слушательниц во время его рассказа постоянно вставляла свои комментарии и выражения сочувствия, расписывая, как несправедливо, что ему пришлось платить, ведь он работал и тратил время бесплатно. В действительности же мужчина рассказал об этом случае не для того, чтобы подчеркнуть несправедливость, и он посчитал, что женщина его перебивает и «манипулирует» им, пытаясь диктовать ему, о чем говорить. Ее «проступок» был чрезмерным проявлением (с его точки зрения) контактоустанавливающего разговора.

Это вновь возвращает меня к моему отцу — почему он, возможно, получал особое удовольствие, рассказывая анекдот о мужчине, который не разговаривал со своей женой, так как не хотел ее перебивать. Мой отец считает, что собеседники должны говорить по очереди. Вследствие этого ему часто трудно вставить слово в разговорах, в которых участвуют моя мать, две сестры и я, поскольку наши реплики накладываются друг на друга и между ними не остается паузы. Отец также считает: как только он начинает говорить, ему надо дать возможность продолжать до тех пор, пока он не убедится, что объяснил свои мысли полностью. Нам же кажется, что в обычном разговоре в кругу друзей или семьи допустимо вмешиваться, когда вы уже поняли, к чему клонят другие. Если вы ошибаетесь, они могут поправить вас, но если вы правы, каждый предпочтет проявление взаимосвязи и взаимопонимания, которые, в свою очередь, проистекают из установки, что вас понимают и не требуют обстоятельного объяснения каждой детали.

Мнение моего отца об этой ситуации стало известно несколько лет назад, когда он что-то рассказывал, а мать вмешивалась в его речь. Он с тоской вздохнул и сказал матери: «У тебя есть пре-

имущество, дорогая. Если я хочу что-либо сказать, приходится подождать, пока все замолчат. А ты может сказать все, что хочешь, и когда тебе вздумается». Со своей стороны, моя мать не может понять, почему отцу необходимые особые привилегии, почему он просто не вмешивается в разговор, как это делают все остальные? Будучи подростком, я слушала объяснения отца — кстати, адвоката по профессии, — с чувством, что произносится заключительная речь для присяжных заседателей.

Итак, как мужчины, так и женщины в моей семье время от времени чувствуют, что манера речи близких давит на них: отец — потому что его прерывают и он не находит пауз, необходимых для вступления в разговор, а мы — потому что он запрещает говорить одновременно и тщательно избегает наложений, да и просто не хочет говорить так, как все остальные. Женщины в моей семье ценят наложения и прерывания как проявление вовлеченности в контактоустанавливающем разговоре, а мужчина в моей семье ценит, когда его не «обманывают» в разговоре-сообщении. Он, в отличие от женщин, подходит к домашним разговорам как к публичному общению.

Почему же тогда женщины упрекают мужчин в перебивании? Точно так же как мои сестры, мать и я сама ожидаем от отца подбрасывания реплик (как это делаем мы), мужчины, видящие в разговоре соревнование, в котором каждый борется за право слова, возможно, относятся к женщинам как к равным, ожидая, что те станут соревноваться за право высказаться, как все остальные. Но женщины менее склонны к этому, так как не считают разговор соревнованием и у них мало опыта в борьбе за право быть выслушанными. Напротив, Элизабет Эриз пришла к заключению, что женщины, которые много говорили в дискуссионных группах, часто привлекали к беседе менее словоохотливых участников.

Наложение речевых отрезков, препятствующее общению

«Сотрудничающие» наложения речи женщин часто раздражают мужчин, так как им кажется, у них отбирают тему. Мужчины же часто раздражают женщин попытками захватить или поменять тему. Пример такого рода прерывания описывается в рассказе Лорри Мур «Вы к тому же еще и урод». Героиня этого рассказа, профессор истории по имени Зоя, прошла ульт-

развуковое обследование, чтобы определить, что за опухоль у нее в брюшной полости. По дороге домой после обследования, она смотрит на себя в зеркало заднего вида и вспоминает анекдот:

Она вспомнила анекдот о мужчине, который приходит к врачу, и врач говорит ему: «Итак, к сожалению я вынужден сообщить, что вам осталось жить шесть недель».

«Я бы хотел услышать еще одно мнение», — говорит мужчина...

«Вам нужно еще одно мнение? Хорошо, — отвечает врач. — Вы к тому же еще и урод». Ей понравился этот анекдот. Она считала его ужасно, ужасно смешным.

Потом на вечеринке по случаю Хэллоуина⁵ Зоя разговаривает с недавно разведенным мужчиной по имени Эрл, с которым ее познакомила сестра. Эрл спрашивает: «У вас есть любимый анекдот?» Вот что происходит дальше:

«Ну, мой любимый анекдот, это, наверное... ладно, хорошо. Приходит мужчина к врачу и...»

«Кажется, я знаю этот анекдот», — нетерпеливо перебивает Эрл. Он сам хотел рассказать его. «Приходит мужчина к врачу, а врач говорит ему, что у него есть две новости — плохая и хорошая, — этот, да?»

«Не уверена, — ответила Зоя. — Возможно, это другой вариант».

«Ну вот, мужчина говорит: “Сначала скажите плохую”, и врач отвечает: “Хорошо, вам осталось жить три недели”. Мужчина кричит: “Три недели! Доктор, а какая хорошая новость?” И врач говорит: “Видели секретаршу в приемной? Я наконец-то с ней переспал”».

Зоя нахмурилась.

«Вы не этот анекдот хотели рассказать?»

«Нет. — В ее голосе звучало осуждение. — Другой».

«А...», — произнес Эрл. Он посмотрел в сторону, а затем снова повернулся: — А какую историю вы преподаете?»

Эрл прерывает Зою не для того чтобы поддержать ее анекдот, а для того чтобы рассказать его вместо нее. Что еще хуже, анекдот, который он рассказывает, не просто другой, он — оскорбительный. Когда он понимает, что Зоя хотела рассказать другой анекдот, то не просит ее продолжить, а вместо этого совершенно меняет тему («А какую историю вы преподаете?»).

Большинство людей согласится, что Эрл, перебивая Зою, нарушил ее право говорить: только она собралась рассказать свой

⁵ Хэллоуин (Halloween) — канун Дня всех святых, 31 октября.

анекдот, как он узурпировал роль рассказчика. Но Зоя быстро уступила ему. Когда он сказал: «две новости — плохая и хорошая», стало ясно, что это другой анекдот. Но вместо того чтобы ответить «Нет» на его вопрос «...этот, да?», Зоя сказала: «Я не уверена. Возможно, это другой вариант», поддерживая его намерения и выражая согласие, хотя и была несогласна. Тот, кто рассматривал бы такой разговор как соревнование, в этом месте или даже раньше продолжил бы говорить. Но Зоя, видимо, воспринимала диалог как игру, требующую от каждого говорящего поддерживать слова другого. Если бы они были хорошо знакомы и могли обсудить инцидент позже, Эрл, возможно, сказал бы: «Почему ты не остановила меня, когда поняла, что я собирался рассказать другой анекдот? Ты сама позволила мне продолжать, а потом рассердилась».

В другой части этого рассказа показано, что не наложение создает помехи, а те шаги в общении, которые «вырывают» тему у другого собеседника. Зоя чувствует боль в желудке и, извинившись, скрывается в туалетной комнате. Когда она возвращается, Эрл спрашивает, все ли с ней в порядке, а она отвечает, что как раз проходит медицинское обследование. Вместо того чтобы спросить о ее здоровье, он предлагает ей закуски, которые разносили, пока она отсутствовала. Жужа, она говорит: «Учитывая, что мне всегда “везет”, придется удалять желчный пузырь». Эрл меняет тему: «Так ваша сестра выходит замуж? Расскажите-ка, что вы думаете о любви». Зоя начинает отвечать:

«Хорошо. Я расскажу вам, что я думаю о любви. Вот история любви. Моя подруга...»

«У вас что-то на подбородке», — сказал Эрл, протянул руку и дотронулся до ее лица.

Как и в случае с угощением, обратить внимание на беспорядок во внешности допустимо и позволяет перебить говорящего, но сделать это в тот момент, когда Зоя начинает рассказывать историю, — значит показать отсутствие интереса к ее рассказу и отсутствие уважения к ее праву продолжать. Более того, это далеко не единственный случай, а лишь один из многих. Эрл не сопровождал откровенные слова Зои о своем здоровье вопросами или поддержкой, не дал совета и не ответил ей взаимной откровенностью. Он перевел разговор на любовь — тему, которую он, видимо, считал более подходящей для начала романтических отношений, чем удаление желчного пузыря. По этой же причине при-

ставшая к ее подбородку крошка, вероятно, была столь удобным поводом дотронуться до ее лица, что не хотелось его упускать. Оказывается, многие из его шагов в общении были попытками направить разговор в русло ухаживания.

Кто же ведет общение?

Таким образом, прерывание мало связано с тем, что кто-то начинает говорить в тот момент, когда другой собеседник не закончил. На самом деле оно связано с вопросами доминирования, контроля и проявлением интереса и заботы. Люди обоих полов считают, что противоположный пол их прерывает, так как причина кроется в различных способах достижения цели в общении. Мужчины, которые подходят к разговору как к соревнованию, вероятно, затрачивают усилия не на поддержку собеседника, а на перевод разговора в другое русло, в котором они смогут занять центральное место, рассказав историю или анекдот или показав свои знания. Но при этом они ожидают, что их собеседники усилят сопротивление. Женщины, которые отступают перед этими попытками, делают это не по причине своей слабости, неуверенности в себе или почтительного отношения, а потому что у них недостаточно опыта, чтобы пресечь попытки перехватить инициативу. Они рассматривают смену темы не как ход в игре, а как нарушение ее правил.

Упрек в перебивании, когда вы и не думали этого делать, расстраивает так же, как и вмешательство в вашу речь. Ничто так не разочаровывает в близких отношениях, как упрек в дурных намерениях, особенно упрек от любимого человека, который должен понимать вас, как никто другой. Лавина женской поддержки может раздражать мужчин, которые скорее предпочли бы словесный «спарринг». Но удар слева, как в спарринге, может оказаться нокаутом, если кулаки оппонента не подняты для схватки.

Глава 8

Как бы не так

У Мортон, штатного психолога частной клиники, натянутые отношения с директором клиники Робертой. Совещания Роберта обычно начинаются с обсуждения нерешенных вопросов, предлагая всем сотрудникам высказать свое мнение. Она призывает обсудить все доводы «за» и «против» внесенных предложений, но почему-то совещание всегда заканчивается единодушным решением сделать так, как считает нужным сама Роберта. Женщины в коллективе довольны Робертой как директором. Им кажется, что она прислушивается к их мнению, и им нравятся правила, принятые всем коллективом, а не приказы сверху. Но Мортон считает, что Роберта манипулирует людьми. Если они в любом случае сделают то, чего хочет она, зачем заставлять их впустую тратить время на игру в демократию? Он предпочел бы, чтобы она просто отдавала распоряжения, так как она их начальник.

Мортону кажется, что Роберта ведет себя не так, как подобает начальнику, из-за стилевых различий. Она *ведет себя* как начальник — как начальник-женщина. Она предпочитает руководить с общего согласия, и ее сотрудницам это нравится. Мортон же не удовлетворяет неочевидность ее власти, ведь он считает, что руководить надо авторитарно.

Стилевые различия также отчасти могут объяснить, почему некоторые женщины, добившиеся высокого статуса или руководящей должности, ведут себя не так, как того требует их положение. Но на рабочем месте может действовать и другой фактор. После первопроходческого исследования Матины Хорнер многие психологи обнаружили, что женщины, видимо, боятся успеха. И снова многое объясняет исследование детских игр.

Рассмотрим проведенное Марджори Харнесс Гудвин исследование привычной речевой практики, с помощью которой девочки 10—16 лет тайком осуждали друг друга. Показательно, но и печально, что примеры, которые приводит Гудвин, связаны с чьим-то успехом: девочек осуждали за превосходство над другими членами группы. Гудвин описывает два случая: «вина» одной девочки состоит в том, что она перескочила в школе через класс и в табеле успеваемости у нее одни пятерки; другая навлекает на себя гнев подруг из-за более модной и дорогой одежды.

В моем собственном исследовании записанных на видео бесед в кругу друзей есть пример, в котором шестиклассницы выражают похожее недовольство в отношении другой девочки:

Шеннон: Обязательно ей надо надевать тенниску *каждый день*.

Джулия: Точно. Мне, конечно, нравятся тенниски, но ей-богу!

Шеннон: *Каждый день!*?

Джулия: Действительно!

Шеннон: Просто подумай, сколько стоит... и вообще о-она *рисует*ся.

Быть лучше других — это нарушение эгалитарной этики девочек: предполагается, что люди должны подчеркивать свою взаимосвязь и сходство.

В свете этих и многих других исследований «живого» общения девочек неудивительно, что девочки, в отличие от мальчиков, боятся быть отвергнутыми своими сверстницами, если окажется, что они добились слишком большого успеха. Мальчики с самого раннего возраста усваивают, что могут добиться желаемого — высокого статуса, если будут демонстрировать превосходство. Девочки же узнают, что проявление превосходства не приносит желаемого — единения со сверстницами. Для этого они должны быть такими же как подруги, а не лучше их.

Видимость сходства не означает, что оно существует в действительности. Пенелопа Эккерт, которая провела несколько лет среди учеников средней школы одного из городов на Среднем Западе, замечает, насколько сложной у девочек может быть система скрытого статуса. Например, девочки, пользующиеся популярностью, — это те, кто должен определять, когда переходить от одежды одного сезона к одежде следующего, например с зимних вещей на весенние. Если менее популярные девочки придут в школу в хлопчатобумажной одежде, в то время как популярные все еще носят шерстяную, значит, они допустят оплошность, показав, что «выпали» из коллектива. Если же они сменяют одежду

после того как это сделают популярные девочки, то выступят как последователи, действующие лишь на основании общедоступной информации. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы переодеться «в унисон»: если они поменяют сезонную одежду в один день с популярными девочками, то покажут себя на удивление «такими же», и тонко намекнут, что находятся в курсе событий.

Никогда не хвались и не хвастайся

Другое препятствие стремлению девочек быть «лучше других» — это предписание не хвастаться. Гендерные различия в отношениях к хвастовству являются причиной частого взаимного осуждения и недоразумений между женщинами и мужчинами, а также несколько странного речевого поведения женщин.

Например, студентка по имени Конни рассказывала друзьям, что школьный советник пытался отговорить ее подавать заявление в университет, в котором они все теперь учатся. По его мнению, подав заявление, Конни тем самым уменьшила бы шансы на поступление другой девочки из той же школы — Сильвии. Объясняя идею советника, Конни сказала: «Оценки Сильвии не были... я хочу сказать... это звучит так самоуверенно с моей стороны, но ее оценки не были такими же хорошими, как у меня». Конни с трудом смогла заставить себя сделать простое, соответствующее действительности утверждение о своей успеваемости, так как в нем сквозило хвастовство.

Маргарет и Чарльз — преуспевающие адвокаты. Хотя наедине они очень хорошо ладят друг с другом, иногда у них неожиданно возникают споры. Это происходит после встреч с новыми знакомыми, особенно с теми, кто имеет высокое положение и связи в сфере налогового законодательства — специализации Чарльза. Маргарет считает, что Чарльз хвастается: он сообщает о своей значимости, упоминая о признании, которое получил, судебных делах, которые выиграл, и важных людях, которых знает (по мнению Маргарет, хвалится связями). В своем стремлении произвести впечатление он иногда приукрашивает факты и намекает, что знает людей, с которыми в действительности встречался лишь один-два раза. Маргарет, напротив, пытается скрыть свой успех: намеренно не говорит, что знает влиятельных людей, имена которых упоминаются в беседе, и никогда не сообщает о своих многочисленных достижениях.

Чарльз в той же мере разочарован поведением Маргарет. Если она не рассказывает о своих успехах, он делает это за нее, что расстраивает ее еще больше. Она считает, что восхвалять столь же невежливо, как хвалиться. При этом Маргарет не видит выхода из этой ситуации: она может проигнорировать или прервать попытки Чарльза говорить за нее, но это будет грубостью и лишит его поддержки, которую она считает своим долгом оказывать; она может позволить ему говорить за нее, но это поставит ее в положение ребенка, не умеющего говорить от своего имени; она, наконец, может говорить сама, но так, как не любит, т. е. в хвастливой манере.

Маргарет считает, что люди осудят ее за хвастовство. Лучше бы о ее успехах они узнали от других и похвалили за скромность. Она также опасается, что хвастовство Чарльза может не понравиться другим, и это расстраивает ее: она связана с Чарльзом, поэтому то, что люди думают о нем, бросает тень и на нее. Чарльз, напротив, считает, что его не будут уважать, если он не покажет, что заслуживает уважения. Маргарет тоже, по его мнению, будут уважать больше, если узнают, что она — опытный юрист, а не только его жена.

И Маргарет и Чарльз судят о стилях общения друг друга с точки зрения личностных особенностей, а кроме того, стиль для них имеет моральную ценность. Маргарет предполагает, что хороший человек сдержан и скромен. Чарльз же считает, что демонстрация достоинств — необходимость, а не недостаток, и расценивает скромность Маргарет (по его мнению, ложную) как глупое самопринижение, свидетельство неуверенности. Супруги уверены, что каждый из них просто требует от другого быть хорошим человеком, но их определения «хорошего человека» отличаются, так как отличаются требования, предъявляемые к хорошей девочке и к хорошему мальчику.

Нежелание девочек и женщин хвалиться в определенных ситуациях демонстрируют два поразительно похожих примера, которые я неожиданно встретила в очень разных контекстах. Кинофильм Ингмара Бергмана «Сцены из супружеской жизни» («Scenes from a Marriage») начинается с того, что журналистка по имени миссис Палм берет для журнала интервью у одной супружеской пары. На ее вопрос: «Как бы вы в нескольких словах охарактеризовали себя?» Мэрианн и Йохан отвечают совершенно по-разному. Вот что сказал Йохан:

Может быть, это прозвучит самодовольно, если я скажу, что я чрезвычайно умен, удачлив, энергичен, уравновешен и сексуально

привлекателен. Человек совестливый, культурный, начитанный, общительный и пользующийся популярностью. Дайте подумать, что еще я могу сказать... дружелюбный. Я отношусь дружелюбно даже к людям, которые находятся в худшем положении. Люблю спорт. Хороший семьянин и хороший сын. У меня нет никаких долгов, и я плачу налоги. Уважаю наше правительство, что бы оно ни делало, и люблю королевскую семью. Отошел от официальной церкви. Этого достаточно или нужны еще какие-то детали? Я прекрасный любовник. Не правда ли, Мэриэнн?

А вот ответ Мэрианн:

Хм, что я могу сказать... Я замужем за Йоханом и у меня две дочери.

Даже когда Мэрианн пытаются разговорить, она добавляет немного информации:

Мэрианн: Это все, что мне сейчас пришло в голову.

Миссис Палм: Должно быть что-то...

Мэрианн: Думаю, что Йохан довольно внимателен.

Йохан: Очень мило с твоей стороны.

Мэрианн: Мы женаты уже десять лет.

Йохан: Я только что продлил брачный контракт.

Мэрианн: Сомневаюсь, смогу ли я так же естественно оценить свои собственные достоинства, как это сделал Йохан. Но, по правде говоря, я довольна тем, что могу жить так, как живу сейчас. Это хорошая жизнь, если вы понимаете, что я имею в виду. Ну, что еще я могу сказать... О, Господи, это так трудно!

Йохан: У нее хорошая фигура.

Мэрианн: Шутишь. Я стараюсь отнестись к этому серьезно. У меня две дочери — Карин и Ева.

Йохан: Ты это уже говорила.

Я вспомнила эту вымышленную беседу, когда прочитала происходивший в реальной жизни диалог в работе Кэрол Джиллиган «Другим голосом» («In a Different Voice»). В рамках своего исследования нравственного развития детей Джиллиган взяла интервью у двух 11-летних детей по имени Эми и Джейк. Один из вопросов звучал так: «Как бы ты описал(а) себя себе самому(ой)?» В ответах Джейка и Эми я услышала громкое «эхо» слов Йохана и Мэрианн. Начнем с ответа Джейка:

Идеальный. Это мое самодовольство. А что нужно, чтобы я описал себя так, как хочу? (*Интервьюер: Если бы ты должен был описать,*

какой ты человек, так, чтобы ты сам себя узнал, что бы ты сказал?) Я бы начал с того, что мне одиннадцать лет. Зовут меня Джейк [фамилия]. Я бы добавил, что живу в [городе], потому что это — большая часть меня. А еще, что мой отец — врач, потому что думаю, это действительно меняет меня немного, и что я против преступлений, если только твое имя не Хайнц (здесь он ссылается на предыдущий вопрос, который ему задавали). Еще я думаю, учиться скучно, потому что, как мне кажется, это тоже как-то меняет характер немного. Я, наверное, не знаю, как описать себя, потому что не знаю, как понять свой характер. (Если бы ты должен был описать, какой ты на самом деле, что бы ты сказал?) Я люблю старые анекдоты. Я вообще-то не люблю браться за работу, но в школе могу делать все, что надо. Я смог решить все задания, которые задавали в школе, кроме тех, где нужны знания, но, почитав учебник, я смог и их сделать, но иногда я не хочу тратить время на легкую домашнюю работу. А еще я помешан на спорте. В отличие от многих я думаю, что в мире еще не все потеряно... Мне нравятся почти все люди, которых я знаю. Я хорошо живу, намного лучше всех, кого знаю. А еще я высокий для своего возраста.

А вот что ответила девочка Эми:

То есть какой у меня характер? *(Интервьюер: Что ты думаешь?)* Ну, я не знаю. Я описала бы себя как, ну, а что вы имеете в виду? *(Если бы ты должна была описать, какой ты человек, так, чтобы ты сама себя узнала, что бы ты сказала?)* Ну, я сказала бы, что я — человек, который любит школу и вообще учиться, и еще сказала бы, что я хочу сделать в своей жизни. Я хочу быть каким-нибудь ученым или еще кем-нибудь в этом роде. Хочу заниматься чем-нибудь и хочу помогать людям. Думаю, что я именно такой человек или стараюсь такой быть. Вот как, наверное, я описала бы себя. И я хочу сделать что-нибудь, чтобы помочь другим людям. *(Почему?)* Ну, потому что я думаю, что в этом мире много проблем и что каждый должен стараться как-нибудь помочь кому-то еще, и я буду делать это с помощью науки.

В ответах этих детей на один и тот же вопрос меня поразило, во-первых, что ответ Джейка был намного длиннее (и предполагаю, что многоточие после слов «не все потеряно» означает, что опущено еще больше слов) и так хвастлив в отличие от ответа Эми, в котором вообще не было хвастовства. Джейк говорит, что он идеальный, его отец — врач, что может сделать в школе «все задания», хотя учеба кажется ему скучной, живет лучше всех и что он высокого роста. Вероятно, его реплика «иногда я не хочу тратить время на легкую домашнюю работу» может служить оправданием его не очень хорошей успеваемости в школе. В отли-

чие от него Эми говорит, что ей нравится учиться, не упоминая о том, хорошо ли она с этим справляется, и что она хочет посредством науки помогать людям.

И Йохан в кинофильме Бергмана, и Джейк в интервью Джиллиган знают, что они кажутся «самодовольными» и сводят это к шутке. Действительно, весь ответ Йохана кажется насмешливо-ироническим, как и комментарии, которые он вставлял в ответ Мэрианн. Но тем не менее Йохан и Джейк говорят то, что говорят. Хотя Эми может сказать немного больше, чем Мэрианн, разница невелика. И Эми, и Мэрианн скорее повторятся, чем дадут ответ, хотя бы отдаленно напоминающий хвастовство. Мэрианн даже не упоминает, что она юрист. Эми же говорит, что намеревается стать ученым, но при этом подчеркивает, что ее целью будет помогать другим, а не добиваться материального благополучия, известности или положения в обществе.

Убежденность женщин в недопустимости самовосхваления возникает не только вследствие давления со стороны сверстниц в детстве, но и в результате определенного воспитания. Пример такого воспитания описывается в информационном бюллетене выпускниц одной из самых престижных средних школ для девочек в Америке. В этом бюллетене одна из них опубликовала эпитафию своей недавно умершей сестре — лучшей ученице выпуска. Имея блестящий ум, сестра добилась лишь скромных успехов в своей карьере, никак не отразившей ее впечатляющих способностей. Автор критически заметила, что ее сестра «слишком близко к сердцу приняла наставления матери: оставайся в тени; никогда не хвастайся; старайся изо всех сил».

Как явствует из примеров, логично ожидать, что женщины не будут хвалиться в обществе, но неверно предполагать, что они вообще никогда не хвастаются. Вернемся к супругам, которых я назвала Маргарет и Чарльз, чтобы привести пример ситуации, в которой хвалилась жена, а муж был этим недоволен. В описанной ранее ситуации Маргарет считала, что Чарльз не должен «рисоваться» перед новыми знакомыми. В другом же случае, в непомерное, по мнению Чарльза, хвастовство впала Маргарет. Жалуясь близким друзьям на то, что ей не присвоили статус «партнера» так же быстро, как мужчинам из ее фирмы, которые привлекли намного меньше клиентов и заработали гораздо меньше оплачиваемых часов, чем она¹, Маргарет перечислила

---

¹ Работа юриста в США и некоторых других странах оплачивается в соответствии с количеством затраченных на нее часов.

свои предыдущие успехи. Позже Чарльз сказал ей, что это было бестактно, так как среди присутствующих был молодой адвокат, который вообще не продвигался по службе. С точки зрения Чарльза, на людях саморекламу нужно использовать, чтобы добиться статуса, демонстрируемого соответствующим образом при первой встрече с теми, чей статус выше или может оказаться превосходящим. Но Маргарет считает, что самовосхваление можно использовать только в узком кругу, и оно должно преподноситься соответствующим образом в контактоустанавливающем общении — в беседах с людьми, которых она знает и которым доверяет, кто не осудит ее за чувство гордости. Когда Маргарет общается с близкими друзьями, то забывает об их относительном статусе — том аспекте взаимоотношений, о котором никогда не забывает Чарльз.

Взгляд через различные призмы — статуса и взаимосвязи — может обернуться против женщин. Женщины неохотно демонстрируют свои достижения публично, чтобы не оттолкнуть людей. Мужчины же смотрят на них через призму статуса, систематически недооценивая и считая женщин неуверенными в себе и склонными к самоуничтожению. Можно было бы порекомендовать женщинам научиться себя «рекламировать», чтобы убедиться, что им окажут заслуженное уважение. Но, к сожалению, о женщинах судят по нормам женского поведения.

Так произошло, например, на собрании факультета, посвященного повышению в должности. Обсуждались успехи профессора-женщины: она была известна в своей области и имела массу публикаций. Один коллега одобрительно заметил: «Успех не вскружил ей голову». Другими словами, ее похвалили за то, что она вела себя скромнее, чем можно было ожидать при ее известности. Подразумевалось: если бы она вела себя соответственно своим достижениям, то не удостоилась бы похвалы и, возможно, ее бы не любили.

Его вежливость — это ее беспомощность

Существует много доказательств того, что о женщинах и мужчинах судят по-разному, даже если они говорят совершенно одинаково. Эта тенденция вносит путаницу в дискуссии о женщинах, мужчинах и власти. Если лингвистический прием используется женщиной, его воспринимают как бессилие, если мужчиной — как силу. «Женский язык» часто называют «язык

слабых», что отражает взгляд на женское поведение через призму мужского поведения.

Поскольку женщины не прилагают усилий для достижения превосходства, они часто оказываются в положении лица с низким статусом. Любую ситуацию можно неверно истолковать, так как статус и взаимосвязь демонстрируются с помощью одинаковых приемов. Эта двойственность — главная причина неверного понимания (как специалистами, так и неспециалистами), в результате которого на женские манеры общения в духе поддержки и согласия навешивают ярлык «слабости». С предельной четкостью эта постоянная двойственность проявляется в кратком газетном комментарии, сделанном супружеской парой психологов. Журналист спросил их, что значит «быть очень вежливым», на что оба специалиста ответили одновременно, но по-разному. Мужчина сказал: «подобострастие», а женщина: «чуткость». Они оба были правы, но каждый представил гендерно специфичную точку зрения.

Специалисты и простые обыватели одинаково склонны считать все, что делают женщины, свидетельством бессилия. Та же газетная статья цитирует слова другого психолога: «Мужчина попросил женщину: “Сходи в магазин, пожалуйста”, на что та ответила: “Да, да! Мне действительно нужно кое-что купить, но я так устала”». Стиль женщины называют завуалированным. Это слово подразумевает такие негативные качества, как, например, «трусливость» и «неискренность». Причиной тому — дисбаланс власти: женщина не чувствует себя вправе просить напрямую.

Нет нужды доказывать, что в нашем обществе женщины имеют более низкий статус, чем мужчины. Но не только по этой причине они предпочитают не выдвигать прямых требований. С таким же успехом уклончивость женщины можно объяснить ее жадной взаимосвязью. Если вы добиваетесь своего путем требований, результат льстит вашему чувству статуса: вы его повышаете, так как другие выполняют ваши требования. Но если ваше стремление совпадает с целями окружающих или если они сами предложили вам это, то в награду вы получите взаимопонимание и доброе отношение. Ваш статус ни повысится, ни понизится, но вы счастливы, так как укрепили связь с другими, чьи потребности совпадают с вашими. Кроме того, если косвенное общение понимается обеими сторонами, то в нем нет ничего завуалированного: ясно, что обращаются с просьбой. В назывании непрямой коммуникации словом «завуалированная» отражается точка

зрения того, кому прямой стиль кажется «естественным» и «логичным», — точка зрения, более широко распространенная среди мужчин.

Косвенное общение само по себе не является выражением бессилия. Легко представить ситуации, где оно является прерогативой власть предержащих. Например, богатой супружеской паре, которая знает, что прислуга выполнит их распоряжения, нет необходимости давать прямые указания; они могут просто сформулировать желаемое. Например, хозяйка дома говорит: «Здесь что-то прохладно», — и прислуга прибавит отопление, или хозяин скажет: «Пора обедать», — и прислуга накроет на стол. Возможно, абсолютная косвенность заключается в том, чтобы без всяких слов заставить кого-либо сделать что-нибудь: хозяйка звонит в колокольчик, и служанка приносит следующее блюдо или кто-нибудь из родителей входит в комнату, где шалют дети, и встает подбоченясь, — дети немедленно прекращают безобразничать.

Многие культуры функционируют на основе сложных систем косвенного общения. Например, осуществляя небольшой научный проект, я обнаружила, что, по мнению большинства греков, вопросом «Ты бы хотел пойти на вечеринку?» жена намекает, что сама не прочь пойти. Они считают, что в противном случае она бы это не спросила. Кроме того, по их мнению, она бы не выразила свое желание напрямую, так как это звучало бы как требование. Уклончивость, таким образом, для нее — наиболее удобный способ сообщить о своем желании.

Японская культура довела уклончивость до совершенства. Например, японский антрополог Харуми Бефу описывает утонченный обмен косвенными высказываниями, которого требует простое приглашение на обед. Когда его друг прислал приглашение, Бефу сначала должен был определить, надо ли его понимать буквально или оно сделано только для *проформы*, как в случае с американцем, который может сказать: «Хорошо бы нам как-нибудь вместе поужинать», но не ждет, что вы придете. Определив, что приглашение следует понимать буквально, Бефу принял его, а затем у него спросили, чего бы он хотел отведать. Следуя обычаю, он ответил, что будет рад любому угощению, но его друг, также следуя обычаю, настаивал на уточнении. Хозяин и гость повторили обмен этими репликами соответствующее количество раз, пока Бефу не счел, что вежливость уже позволяет дать (вежливый же) ответ, сообщив, что чая и риса будет достаточно. Когда он прибыл, ему действительно подали чай с рисом, но как

последнее блюдо обильного обеда, что не удивило Бефу, так как он знал правила этикета. Если бы ему подали только то, что он просил, его бы это оскорбило. Но правила этикета также требовали, чтобы он многократно выразил приятное удивление.

Американцам этот пример взаимной уклончивости в приглашении на обед может показаться крайностью. Однако в большинстве культур мира ценят не прямоту, а сложные системы косвенности. Только современные западные общества считают прямое общение приоритетным, но даже для нас это — больше абстрактный идеал, чем обыкновение.

Изучение других культур также показывает, что косвенность как таковая не связана с низким статусом. Скорее, наши исходные знания о статусе женщин заставляют интерпретировать все их действия как отражение низкого статуса. Антрополог Элинор Кинан, например, обнаружила, что в малагасийских деревнях на острове Мадагаскар именно женщины используют прямой стиль общения, а мужчины — уклончивый. И сельские жители считают, что манера мужчин говорить уклончиво — используя метафоры и пословицы — лучше манеры общения женщин. Для них косвенность, как и сами мужчины, которые ее используют, имеет высокий статус, а прямой стиль женщин расценивается как нескладный и грубый, портящий прекрасную утонченность языка мужчин. Прямой или косвенный стиль в каких-то ситуациях могут применять мужчины, а в каких-то — женщины, однако стиль женщин всегда оценивается отрицательно и считается более низким по статусу, чем стиль мужчин.

У мужчин это звучит по-другому

Исследования нашей собственной культуры содержат много примеров различной интерпретации одного и того же поведения. Важно, кто себя так ведет — мужчина или женщина. Возьмем, к примеру, «расчлененные вопросы» — высказывания с кратким вопросом на конце, типа: «Хороший день, не правда ли?». Лингвист Робин Лакофф первой указала на то, что многие женщины используют расчлененные вопросы чаще, чем мужчины. Хотя дальнейшие исследования дали не вполне однозначные результаты, большинство работ подтверждает этот вывод. Жаклин Сакс, изучая речь детей от двух до пяти лет, обнаружила, что девочки задают эти вопросы более чем в два раза чаще мальчи-

ков. Также доказано, что от женщин *ожидают* вопросов этого типа. Психологи Дэвид и Роберт Зиглер провели эксперимент, попросив взрослых людей угадать пол говорящих. Стереотип, конечно, подтвердился: участники эксперимента предполагали, что говорящим является женщина, когда расчлененные вопросы использовались, и мужчина, когда их не было. Стереотип действительно может быть сильнее реальности: в другом эксперименте психологи Нора Ньюком и Дайана Арнкофф предъявили испытуемым речевые фрагменты, в которых женщины и мужчины использовали одинаковое количество расчлененных вопросов, и обнаружили, что у информантов сложилось впечатление, что женщины использовали их чаще.

Больше всего тревожит то, что женщины и мужчины оцениваются по-разному, даже если они говорят в одинаковой манере. Исследователь коммуникации Патрисия Хэйз Брэдли обнаружила, что, когда женщины использовали расчлененные вопросы и оговорки, испытуемые оценивали их как менее умных и образованных, *чем мужчины, которые также их использовали*. Когда женщины не подтверждали свои доводы, их интеллект и знания также оценивались ниже, *но о мужчинах, которые выдвигали аргументы без доказательств, так не говорили*. Другими словами, если женщины и мужчины говорят в одинаковой манере — манере, которая ассоциируется с речью женщин, — у слушающих складывается о них разное впечатление: женщин оценивают отрицательно, а мужчин нет. Таким образом, дело не столько в стиле речи, сколько в изначальном отношении общества к женщинам и мужчинам.

К аналогичным выводам приходят и многие другие ученые. Психологи Джон и Сандра Кондри показали испытуемым грудного ребенка и попросили объяснить, почему младенец плачет. Если испытуемым сообщали, что ребенок — мальчик, они думали, что он сердится, но если им говорили, что это — девочка, они считали, что она боится. Энн Мэк и Лорэл Ричардсон совместно с Джудит Кук обнаружили, что студенты, оценивая преподавателей, считали поощрение дискуссий в классе признаком некомпетентности только в тех случаях, когда преподавателем была женщина.

Молчание — золото или... свинец

Жертвой этого двойного стандарта стали сами исследователи. В трудах, утверждающих, что мужчины демонстрируют

власть, говоря больше женщин, молчание женщин оценивается как признак отсутствия власти. В то же время другие исследования утверждают обратное — проявлением власти мужчин является их молчание и отказ разговаривать. Основная идея классического труда Мирры Комаровски «Брак синих воротничков» состоит в том, что, по признанию многих женщин, они говорят больше, чем их мужья («Он лишен дара речи», — сказала о своем муже одна информантка; «Мой муж совершенно не привык разговаривать», — сообщила другая). Большинство жен хочет говорить с мужьями о проблемах. И наоборот, большинство мужей замыкается перед лицом неприятностей («Когда мне плохо, я отключаюсь и не сваливаю свои проблемы на них»), душевных переживаний или «претензий» жены. Тем не менее эти мужчины, несомненно, «доминируют» в браке. Инструментом власти может быть сама молчаливость. Вот как одна из информанток Комаровски отзывается о муже: «Он говорит немного, но всегда серьезно, и дети слушаются его».

Как считает Джек Сэтл, мужчины используют молчание, чтобы властвовать над женщинами; он иллюстрирует это следующим эпизодом из романа Эрики Джонг «Страх полета». Первую строку диалога говорит Айседора, вторую — ее муж Беннетт.

«Почему ты всегда со мной так обращаешься? Мне от этого так одиноко».

«Ты сама виновата».

«Что значит, сама виновата? Я настроилась на приятный вечер. Ведь сегодня сочельник. Почему ты накинулся на меня? Что я сделала?»

Молчание.

«Что я сделала?»

Он смотрит на нее так, будто ее неведение — это еще одно оскорбление.

«Слушай, давай сейчас просто пойдем спать. Давайте просто забудем об этом».

«О чем забудем?»

Ответа нет.

«Забудем, что ты накинулся на меня? Забудем, что ты без всякого повода грубо со мной обращаешься? Забудем, что мне одиноко и холодно, что сегодня сочельник и ты мне опять его испортил? Ты хочешь, чтобы я это забыла?»

«Я не намерен это обсуждать».

«Обсуждать что? *Что* ты не намерен обсуждать?»

«Заткнись! Я не позволю тебе вопить в отеле».

«А мне наплевать, что ты мне не позволишь. Я хочу, чтобы со мной обращались по-человечески. Я хочу, чтобы ты, по крайней мере, соизволил сказать, почему ты так боишься. И не смотри на меня так...»

«Как?»

«Как будто то, что я не способна прочитать твои мысли, — мой самый большой грех. Я *не могу* читать твои мысли. И я *не знаю*, почему ты бесишься. Я *не могу* интуитивно предугадать каждое твое желание. Если это то, чего ты ждешь от жены, то во мне этого нет».

«Ничего я не жду».

«Тогда в чем дело? Пожалуйста, скажи мне».

«Я не обязан».

«Господи! Я что, по-твоему, ясновидящая? Может, тебе нужна материнская забота?»

«Если бы ты хотя бы могла поставить себя на мое место...»

«Но я *могу*. Боже мой, ты сам не даешь мне возможности».

«Ты не обращаешь внимания. Ты не слушаешь».

«Это из-за фильма, да?»

«Что из-за фильма?»

«Опять допрос. Ты меня должен допрашивать, как какого-то преступника? Ты должен *подвергнуть* меня *перекрестному допросу*? (...)
Эта сцена похорон... Малыш, который смотрел на свою умершую мать. Что-то взволновало тебя. Вот когда ты расстроился».

Молчание.

«Да?»

Молчание.

«Ну, хватит, Беннетт, ты меня *довел*. Пожалуйста, скажи мне. Пожалуйста».

Он выдавливает из себя (каждое слово как одолжение):

«Что же такого взволновало меня в этой сцене?»

«Не допрашивай меня. Расскажи мне!»

Она обнимает его, но он отстраняется от нее. Она падает на пол, схватившись за штанину его пижамы. Это больше похоже на сцену спасения, чем на объятия: она тонет, а он неохотно разрешает ей зацепиться за его ногу.

«Встань!»

Она плача: «Только если ты расскажешь мне».

Он отдергивает ногу: «Я ложусь спать».

Действительно кажется, что этот тягостный эпизод подтверждает наблюдение Сэттла, — Беннетт использует молчание как оружие против своей жены. Каждый последующий отказ сказать ей, что его беспокоит, похож на удар, пригибающий ее все ниже и ниже, пока она в буквальном смысле не оказывается на полу.

Но останется ли наша интерпретация неизменной, если в этом эпизоде мы поменяем местами пол говорящих?

Если пол участников диалога «поменять», это будет выглядеть неправдоподобно. Трудно представить мужчину, который умоляет свою жену сказать ему, что же он сделал не так. Когда я попыталась изменить пол участников этого эпизода, мне представилась сцена, в которой мужчина замыкается, «обезвреживая» ее молчание. Айседора настойчиво добивается разговора — именно это делает молчание Беннетта столь жестоким. И именно взаимодействие этих двух речевых стилей — его отказ говорить и ее настойчивое требование открыть, в чем ее вина, — разрушительно для обоих. Если бы Беннетт разделял ее убеждение, что проблемы нужно обговаривать, или если бы она имела его привычку «убегать» от проблем, они не оказались бы в этой невыносимой ситуации.

Извините, я не извиняюсь

У женщин много способов общения, которые разумны и эффективны в беседах с женщинами, но кажутся слабостью и самоуничижением в беседах с мужчинами. Например, многие женщины слишком часто извиняются. Извинение — это речевой шаг, ставящий в положение лица с низким статусом. Это кажется очевидным, но следующий пример показывает, что очевидное по форме извинение может совсем не содержать намерения извиниться.

Одна учительница постоянно мучилась с учеником, которого все считали неисправимым. В конечном итоге она отправила мальчика в кабинет директора. Позже директор подошел к ней в учительской и сообщил, что ученика временно исключили. «Мне жаль»², — сказала она, а директор успокоил ее: «Вы не виноваты». Слова директора озадачили учительницу, так как до этого ей и в голову не приходило, что она может быть виноватой в исключении ученика. Для нее слова «мне жаль» означали не «прошу прощения», а «мне жаль это слышать». Этой фразой она пыталась установить взаимосвязь с директором, подразумевая: «Я

---

² Английское выражение «I am sorry» буквально означает «мне жаль», «сожалею», однако оно часто используется как извинение и соответствует русской речевой формуле «извините».

знаю, вам это неприятно, и мне тоже». Она создавала ситуацию одинаковой причастности. Интерпретируя ее сопереживание как извинение, директор дал понять, что она могла быть виноватой, и поставил себя в положение человека с высоким статусом, который имеет возможность освободить ее от чувства вины.

Продолжение этой истории показывает, что эти различные точки зрения могут быть связаны с полом участников. Когда учительница рассказала о происшедшем своей взрослой дочери, та согласилась, что реакция директора была странной. Но когда она рассказала об этом сыну и мужу, они упрекнули ее в том, что она извинялась, не будучи виноватой. Они тоже поняли ее слова «мне жаль» как извинение.

Несколько факторов заставляют женщин слишком часто извиняться. Во-первых, возможно, женщины более склонны извиняться, так как не боятся оказаться в положении низкого статуса. Нельзя сказать, что они получают от этого удовольствие, просто менее вероятно, что в таком случае в их сознании автоматически зазвучит сигнал тревоги. Во-вторых, слова женщин воспринимают как извинение, даже если они вовсе и не думают извиняться. Они часто говорят фразу «мне жаль», чтобы выразить сочувствие и вовлеченность, а не извинение.

Это недоразумение лежит в основе двойного значения слова «жаль» (*sorry*), которое ярко проявляется в следующей истории. Двенадцатилетняя японская девочка, живущая в Соединенных Штатах, пишет письмо своей бабушке в Японию, выражая соболезнования по поводу смерти деда. Девочка пишет по-японски, но она уже привыкла говорить на английском языке. Начав письмо соответствующей случаю фразой: «Мне так жаль, что дедушка умер», она останавливается и смотрит на то, что она написала. «Звучит неправильно, — сказала она матери, — Я не убивала его»³. Поскольку английский язык для девочки не родной, она вдруг понимает, что выражение, которое большинство людей использует автоматически, имеет другое значение, если понимать его буквально. «Мне жаль», сказанное в переносном смысле, чтобы выразить сожаление, может интерпретироваться буквально в значении: «Прошу прощения».

Различие между ритуальным и буквальным использованием языка обнаруживается и в следующем примере. Деловая женщи-

---

³ Девочка написала: «I'm sorry that Grandfather died». Фраза «I'm sorry» может быть истолкована двояко: «мне жаль (я сожалею)...» или «прошу прощения (я раскаиваюсь)...».

на по имени Беверли возвращается из загородной поездки и обнаруживает на своем автоответчике сообщение от начальника ее отдела, в котором он заявляет, что нашел огромное количество ошибок в отчете, написанном ее ассистенткой. Начальник сказал, что отметил ошибки, возвратил отчет исполнительнице и распорядился отложить срок сдачи документа до внесения исправлений. Беверли была удивлена, так как перед отъездом в отпуск прочитала и одобрила отчет. И все же она сказала начальнику: «Мне жаль» и... обиделась, когда тот ответил: «Я никого не виню». Казалось, эта фраза подразумевала, что он все-таки *обвинял* ее, так как сам заговорил об этом.

«Пожалуйста, не принимайте моих извинений»

Беверли попросила свою ассистентку показать испещренный пометками отчет и рассердилась, увидев «многочисленные ошибки», — лишь немногие на самом деле были ошибками. Почти все они касались пунктуации, и в массе своей были вопросом стилистических предпочтений, как например, добавление запятой после вводных фраз или перед союзом *и*. В целом ряде случаев она считала, что ее начальник внес пунктуационные поправки в предложения, которые и без того были грамматически правильны.

В тот же день она встретилась с начальником на корпоративной вечеринке и предъявила ему свои претензии. По его реакции она поняла, что, поднимая этот вопрос на публике, задела его чувства. Она тут же извинилась за резкие выражения и несдержанность, а позже зашла к нему в кабинет, чтобы снова принести извинения. Она была уверена, что, если извинится за свои слова, высказанные в недипломатичной форме в неподходящий момент, он, в свою очередь, тоже извинится за то, что слишком придирался к отчету и обратился к ассистентке, а не непосредственно к ней. Вместо этого он великодушно заявил: «Я принимаю ваши извинения» и перевел разговор на тему политики компании.

Далеко не бесспорно, что просто принять извинения в данной ситуации значит проявить грубость. С точки зрения взаимосвязи извинения должны быть обоюдными. Но с точки зрения статуса от извинений следует уклониться. В этой ситуации тот, кто приносит извинения, занимает позицию человека с низким статусом, и принять извинения — значит сохранить эту асимметрию, тогда как уклонение от них восстанавливает баланс. Беверли сра-

зу ощутила некоторую неловкость, но лишь выйдя из кабинета начальника улыбаясь и в хорошем расположении духа, она поняла, что он не только невежливо принял ее извинения, но и не принес ответных.

Причиной сложной ситуации Беверли в более глубоком смысле может также быть разное понимание статуса женщинами и мужчинами. Она чувствовала расположение к своему начальнику; он ей нравился, и она видела в нем друга. Для нее, как и для многих женщин, быть друзьями значит уменьшать или совсем стирать статусные различия. Выплескивая раздражение, она не думала, что упрекает начальника в присутствии других. А он, несмотря на их дружественные отношения, ни на минуту не забывал о различии их статусов, поэтому принять ее критику было для него равносильно публичному унижению. Если бы она исходила из их статусных различий, а не из дружбы, то не подошла бы к нему. Ведь она, например, не выбрала бы такую линию поведения в общении с президентом компании.

Женщины приспосабливаются к нормам поведения мужчин

Во всех этих примерах речевые стили, более типичные для мужчин, как правило, оцениваются более положительно и воспринимаются как норма. В ситуациях похожей и возможно даже более тревожной асимметрии, когда женщины и мужчины оказываются вместе в одной группе, вероятнее всего, они «играют» в мужские игры, а не в женские.

В рассказе Урсулы Ле Гвин «Туда и обратно» бывшая секретарша вспоминает собрание, на котором присутствовали только женщины:

Как в тот раз, когда секретарши собрались, чтобы спланировать заседание в городской администрации, посвященное проблемам женщин, и собрание прошло так здорово: все говорили такие вещи, каких сами от себя не ожидали, возникало много идей, и никто никем не командовал.

По смыслу понятно, что обмен мнениями, в ходе которого люди говорят, что думают, и никто никем не командует, не являлся нормой для тех собраний, на которых она присутствовала, а

был отличительной чертой именно этого — чисто женского — собрания.

Одна женщина-профессор отметила, как приятно ей было работать в комиссиях, состоящих только из женщин, по сравнению с теми, где работали и женщины и мужчины, и в работе которых она чаще принимала участие. Но когда она высказала это мнение на банкете, какой-то мужчина энергично возразил ей, сказав, что сам он не заметил никакого различия между комитетами, состоящими исключительно из мужчин, и теми, в которых были и женщины. Исходя из своего опыта, он, конечно, был прав: когда женщины и мужчины собираются вместе, они общаются согласно мужским, а не женским нормам речевого поведения. Поэтому для мужчин, в отличие от женщин, не имеет большого значения, в заседаниях каких групп они участвуют — смешанных или однополовых.

Исследования в ряде научных областей показывают, что в смешанных группах женщинам приходится приспосабливаться больше, чем мужчинам. Элизабет Эриз, сравнивая позы молодых мужчин и женщин в мужских, женских и смешанных дискуссионных группах, обнаружила, что мужчины сидели более или менее одинаково независимо от того, присутствовали женщины или нет: они сидели «непринужденно» развалившись, занимая много места. Женщины же, когда в группе были мужчины, как бы «подбирались», принимая «подобающие леди» позы, а когда были одни, то расслаблялись и принимали удобные положения. Другими словами, поза мужчины не зависела от того, были рядом женщины или нет, а женщины, казалось, чувствовали себя как будто «на сцене» в присутствии мужчин и «за кулисами», когда оставались в кругу женщин.

Похожая точка зрения представлена в исследовании тематики разговоров женщин и мужчин, проведенном Элис Дикинс. Это исследование основывалось на подслушивании: сидя в столовой, где обедали сотрудники банка, Дикинс записывала, о чем говорят сидящие за соседними столами люди. Ситуация была не из тех, где мужчины занимают руководящие должности, а женщины являются их женами и секретарями. И те и другие в этом исследовании были сотрудниками банка, занимающими равное положение. Дикинс обнаружила, что в отсутствие женщин мужчины в основном говорили о работе и никогда не говорили о людях, даже о коллегах. Их следующей по частотности темой была еда, а также спорт и отдых. Если за столом сидели только женщины,

они чаще всего говорили о людях, но не столько о коллегах по работе, сколько о друзьях, детях, мужьях или любовниках. На втором месте стояла работа, а на третьем — здоровье, включая проблему веса.

Оказавшись за одним столом, женщины и мужчины обычно избегали своих излюбленных тем и говорили о том, что интересовало и тех и других, но обсуждали эти темы *так, как это делают мужчины*. Они говорили о еде так, как говорят об этом мужчины, сосредоточиваясь на блюдах и ресторанах, а не на диете и здоровье. И об отдыхе они говорили так же, как мужчины, обсуждая спорт и отпуск, а не упражнения для снижения веса или поддержания формы, о чем обычно говорят женщины в своем кругу. Обсуждая жилищные вопросы, они тоже обсуждали то, о чем говорят мужчины: местоположение домов, их стоимость, сколько времени уходит на дорогу до работы, а не то, о чем говорят женщины, сосредоточиваясь на самих домах (например, планировке и изоляции) и на том, что происходит у людей, живущих там (например, поиски горничной).

Анализируя магнитофонные записи личных бесед подростков, Дебора Ландж нашла похожий пример. В однополых группах девочки говорят о проблемах во взаимоотношениях с друзьями, а мальчики — о своих занятиях и планах, а также критикуют друзей. Когда же они вместе, то говорят о своих занятиях и планах и критикуют друзей. Другими словами, когда мальчики и девочки находятся в одной компании, они так или иначе говорят о том, о чем говорят мальчики, когда девочек рядом нет. Но когда девочки собираются без мальчиков, они говорят совсем другому.

Все эти (и многие другие) исследования показывают, что разговоры между мужчинами и женщинами больше похожи на беседы мужчин, чем на беседы женщин. И те и другие приспособляются друг к другу в разговоре, но женщины приспособляются в большей степени. В смешанных группах они находятся в невыгодном положении, потому что у них меньше опыта в ведении разговора в предлагаемой им манере. Это, возможно, поможет объяснить, почему девочки лучше учатся в школах для девочек, тогда как мальчики учатся почти одинаково независимо от того, в какую школу они ходят — школу для мальчиков или школу совместного обучения. Это также может объяснить, почему именно женщины, но не мужчины в исследовании Эриз сказали, что предпочитают однополые женские группы. Все эти исследования помогают ответить

на вопрос, почему женщины недовольны общением с мужчинами, в то время как сами мужчины — участники этих же бесед — выражают меньшее недовольство женщинами.

Общение на собраниях и в дискуссионных группах имеет относительно более публичный характер, больше походит на разговор-сообщение. Принимая во внимание, что женщины отдают предпочтение личному общению, неудивительно, что многим из них трудно взять слово на собрании, даже при том, что многим мужчинам иногда нелегко вступить в разговор с женщинами, которым свойственно говорить одновременно, чтобы установить гармонию. Еще одна причина, по которой многим женщинам бывает тяжело получить и удержать слово на собраниях, где присутствуют мужчины, состоит в том, что они не хотят соревноваться в этом с мужчинами. Кроме того, в этой главе представлены лишь некоторые из многочисленных исследований, доказывающих, что даже когда женщины все-таки ведут себя так же, как и мужчины, реакция окружающих на это может быть разной. В таком случае возникает вопрос: в какой мере речевой стиль женщин «виновен» в том, что на собраниях им трудно добиться внимания, а в какой мере причиной этого является сам факт принадлежности к женскому полу. Этот вопрос также высвечивает асимметрию доступного женщинам и мужчинам права выбора.

Одинаковая дискриминация

Многие женщины сообщают: замечания, которые они делают на конференциях и собраниях, игнорируют. Позже какой-нибудь мужчина высказывает ту же идею, и эту мысль подхватывают, одобряют или обсуждают, чаще обращаясь к мужчине, а не к ней. Большинство женщин считает, что это происходит оттого, что люди менее склонны обращать внимание на идеи, выдвигаемые женщиной, а упомянутые выше исследования подтверждают их мнение. Немаловажным фактором может быть и форма преподнесения той или иной мысли. Свидетельство тому — пример, который я приведу ниже; он также демонстрирует, что женщины и мужчины не обладают одинаковой свободой выбора.

Профессор А, биохимик, преподающий в крупном университете и хорошо известный в своей области, поведал мне следующее: будучи человеком застенчивым и избегая выступать на пуб-

лике, он набрался смелости выразить свое мнение после лекции на факультете биологии и сформулировал свое высказывание в виде вопроса: «А вы учили химическое воздействие на биологический процесс, который вы только что описали?». «Нет», — ответил лектор, и на этом проблема была исчерпана. Однако вскоре после этого слово взял другой мужчина — профессор Б. Он начал так: «Я бы хотел вернуться к вопросу моего коллеги, профессора А, потому что считаю его очень важным» и затем многословно повторил суть вопроса. В конечном итоге эта мысль стала предметом длительной дискуссии, и все выступавшие начинали свою речь с фразы: «Я бы тоже хотел сказать свое мнение по важной проблеме, поднятой профессором Б».

Будь профессор А женщиной, было бы естественно предположить, что идею сначала проигнорировали как исходящую от женщины, а затем подхватили, так как она была высказана мужчиной. Но в этом случае мужчинами были оба говорящих, поэтому их пол не мог быть причиной разной реакции аудитории. Разница состояла в том, каким образом эти люди выразили одну и ту же мысль. Возможно, профессор А недостаточно подробно объяснил свое замечание, и другие не поняли его значимости. Вероятнее всего, его манера говорить — неуверенно, кратко, формулируя свое мнение в виде вопроса — заставила аудиторию думать, что сказанное им не так уж и важно, тогда как выступление профессора Б — подробное и сделанное громким ораторским голосом — подавало сигнал: «Это важно. Обратите внимание».

Этот пример важен, так как проливает свет на роль того, *как* люди говорят, независимо от их пола. Однако он также показывает, что женщины находятся в невыгодном положении, так как они более, чем мужчины, склонны формулировать свои мысли в виде вопросов, говорить кратко, тише и более высоким тоном. Данный случай также показывает: мужчины, которые не пользуются стратегиями убеждения, ассоциирующимися с мужественностью, тоже оказываются в невыгодном положении. В этом смысле профессор А оказался в том же положении, что и женщина, которая говорит в сходной манере.

Разные лекарства

Но в другом смысле положение профессора А значительно отличается от положения женщины со сходным речевым

стилем. Если бы он решил приблизить свою речь к речевой манере профессора Б, он научился бы овладевать вниманием людей, когда это необходимо, и, в конце концов, стал бы больше соответствовать модели мужественности, принятой в нашей культуре. Но к этой модели приблизятся и женщины, которые пытаются «отрегулировать» свой речевой стиль, говоря громко, более продолжительно и более напористо. Они могут добиться большего внимания и уважения к себе, но их манера может не нравиться окружающим, и их могут осудить за агрессивность и неженственность.

Да женщине и не надо быть особенно агрессивной, чтобы подвергнуться критике. Один профессор, пригласивший известную исследовательницу выступить перед его студентами, с возмущением услышал, как некоторые из них — и девушки и юноши — позже сказали, что она показалась им высокомерной. Никакого высокомерия он за ней никогда не замечал. Просто ей не были присущи манеры женского поведения, которых от нее ожидали, как, например, постоянная улыбка, смягчение утверждений или кокетливое вскидывание головы.

Манеры речи, ассоциируемые с мужественностью, также ассоциируются с лидерством и авторитетом, чего нельзя сказать о речевых манерах, которые считаются женственными. Все, что делает мужчина, чтобы повысить свой авторитет, также усиливает его мужественность. Но если женщина приведет свой стиль общения в соответствие с авторитетным положением, которого она достигла или к которому стремится, она рискует скомпрометировать в глазах других свою женственность.

Как женщина, достигшая высокого статуса в своей профессии, я ежедневно пытаюсь преодолеть это противоречие. На академических конференциях я часто встречаю коллег из других университетов, которые знают меня только по научным публикациям. Нередко мои новые знакомые признаются, как они удивлены тем, что я «такая приятная» или «такая женственная». «Я представлял(а) вас совсем другой. Вы совсем не агрессивны», — часто говорят мне. Другие замечают: «Я думал(а), что вы очень холодны», или «суровы», или «давите». Когда я пытаюсь выяснить, почему у них сложилось такое впечатление, мне отвечают: «Я просто решил(а), что такой должна быть любая женщина, которая добилась такого успеха, как ваш».

Хэриетт Уолл и Анита Бэрри выявили именно такие установки, изучая ожидания студентов колледжа в отношении препода-

вателей — мужчин и женщин. Исследовательницы предложили студентам одинаковые материалы о кандидатах на должность преподавателя — информацию об их образовании, опыте работы, публикациях и рекомендательные письма — и попросили их дать прогноз, насколько хорошо эти кандидаты будут справляться в случае приема на работу, включая и их шансы получить поощрение за успехи в преподавании. Те, кто читал материалы, подписанные женским именем, предположили, что она не получит награды, потому что, как написал кто-то из студентов, «слишком деловитая, не хватает индивидуальности». Но когда то же самое «личное дело» было подписано мужским именем, таких замечаний не возникло.

Другая причина более суровой оценки преподавателей-женщин состоит в том, что, как считают исследовательницы, студенты ожидают от женщин большего. Именно те участники эксперимента, которые думали, что оценивают женщину, предполагали, что она будет более внимательна к студентам и уделит им больше внеучебного времени. Хэриетт Уолл и Анита Бэрри отмечают, что, оценивая настоящих преподавателей, студенты, возможно, будут хвалить мужчин больше, чем женщин, которые в действительности посвящают им больше времени, поскольку женщина, с их точки зрения, просто делает то, чего от нее ожидают, в то время как мужчины превосходят их ожидания. Это исследование, конечно, напомнило мне об аспирантке, которая позвонила мне в воскресенье домой, так как не хотела беспокоить своего научного руководителя.

Язык сковывает женщин

Наиболее острое столкновение между женственностью и авторитетностью происходит, когда женщины посвящают себя политике. Характерные черты «настоящего» мужчины и «настоящего» кандидата совпадают, а женщине приходится выбирать между тем, какое впечатление ей производить — сильного лидера или «настоящей» женщины. Если мужчина производит впечатление убедительного, логичного, прямого, властного и влиятельного человека, он тем самым повышает и свою ценность как мужчина. Если же такое впечатление производит женщина, она рискует понизить свою ценность как женщина.

Как показывает Робин Лакофф в своей работе «Язык и место женщины» («Language and Woman's Place»), язык «нападает» на

женщин с двух сторон: что говорят они и что говорят о них. Если бы я написала: «Выступив с речью по поводу своего выдвижения, кандидат упал в обморок», вы бы поняли, что я говорю о женщине. Мужчины не падают в обморок — они теряют сознание. Эти термины имеют совершенно разные коннотации, которые одновременно отражают и воздействуют на наши представления о женщинах и мужчинах. Фраза «упасть в обморок» вызывает в нашем воображении образ хрупкой фигурки, упавшей на руки своего спасителя-мужчины, при этом тыльная сторона ее ладони, по какой-то причине — вероятно, лишь для драматического эффекта — прижата ко лбу. «Потерять сознание» — значит упасть непосредственно на пол.

Статья в «Ньюсуик», опубликованная во время президентской кампании 1984 года, цитирует слова помощника Рейгана, который назвал Ферраро «противной бабой» («a nasty woman»), готовой «выцарапать глаза Рональду Рейгану». Отвлечитесь от злобности самого высказывания и использования его журналом в начале статьи. Применительно к мужчине слово «противный» прозвучит так мягко, что покажется почти безобидным. Кроме того, мужчины не царапаются. Они бьют и врезают кулаком с соответственно более убедительным результатом. Глагол «царапать» и отражает и одновременно усиливает стереотипную метафору: женщины — это кошки. Каждый раз, когда кто-нибудь употребляет выражение, ассоциируемое с этой метафорой, оно усиливает этот образ, намекая на «кошачьи» свойства женского характера.

Даже когда статья, казалось, хвалила Ферраро, использовались выражения, пропитанные шовинистическим отношением: ей приписывался «поразительный дар язвительной политической риторики, уколы в адрес Рональда Рейгана по вопросам порядочности и упреки в адрес кампании Рейган — Буш за нежелание провести дебаты между ней и Бушем». Если бы мы поменяли местами субъект и объект, то «уколы» и «упреки» не звучали бы как похвала вербальным способностям Рейгана или любого другого мужчины. (Я воздержусь от замечаний по поводу коннотации слова «язвительный» (*tart*)⁴, предполагая, что употребление двусмысленности все же было непреднамеренным.)

Майкл Гайс в своей книге «Язык политики» («The Language of Politics») приводит несколько слов, которые использовались для описания Ферраро и подрывали ее авторитет. Так в одном из заголовков статьи ее назвали «храброй» («sprunky»), в другом — «злюч-

⁴ Одно из значений англ. слова *tart* — «уличная девка».

кой» («feisty»). Как замечает Гайс, эти слова используются по отношению к маленьким живым существам, не имеющим реальной силы: их можно было бы сказать о пекинесе, но не о доге, возможно, о Микки Руни⁵, но не о Джоне Уэйне⁶ — иначе говоря, о любой женщине «среднего размера», но не о мужчине «среднего размера».

Я уверена, что журналисты, описывавшие Ферраро такими словами, хотели похвалить, а не «утопить» ее. Возможно, они думали, что выбирают остроумные, броские выражения. Но их слова обернулись против нее и превратили кандидата на пост вице-президента в заурядного человека, подчеркивая — пусть даже и непреднамеренно — несоответствие ее имиджа женщины и имиджа политического лидера. Мы думаем, что используем язык, но на самом деле язык использует нас.

Дело не в том, что журналисты, писатели или обычные люди сознательно или даже непреднамеренно проявляют сексизм в использовании языка. Важно то, что гендерные различия «встроены» в язык. Слова, имеющиеся в нашем распоряжении для описания женщин и мужчин, — это разные слова. Но больше всего вредит то, что наши представления и отношения формируются и подкрепляются посредством языка. Просто понимая и употребляя языковые выражения, все мы впитываем и передаем другим различные, асимметричные установки относительно мужчин и женщин.

Связанные языком тела

Красноречив и язык тела. Политические кандидаты непременно распространяют свои семейные фотографии. На стандартном снимке такого типа кандидат смотрит прямо в объектив фотоаппарата, а его жена смотрит на него, немного снизу вверх, что приковывает взгляд главным образом к кандидату. На семейной фотографии, которая широко публиковалась во время предвыборной кампании, Ферраро смотрела на своего мужа, а он — прямо перед собой. Эта трогательная фотография показывает, что она «настоящая» женщина, но вызывает неуместный интерес к ее мужу, подобно тому как его деньги привлекли внимание и послужили финансовому разоблачению Ферраро. Но

---

⁵ Микки Руни — американский комедийный актер.

⁶ Джон Уэйн — американский актер, исполнитель главных ролей в классических американских вестернах, эталон мужественности.

если бы на фотографии Ферраро смотрела прямо в камеру, а муж с обожанием уставился на нее, это тоже было бы неэффективно для ее кампании, потому что супруги выглядели бы как властная жена и сентиментальный муж.

Как это ни странно, женщине, вероятно, труднее быть у власти в относительно эгалитарном обществе, каким являются Соединенные Штаты Америки, чем в более иерархичных системах. Одна американка — владелица и редактор англоязычного журнала, издаваемого в Афинах, — рассказала: когда в редакцию по делам приходили греки, то, как только они понимали, что начальник — она, к ней только и обращались. Но когда приходили американцы, а в кабинете находился еще ее заместитель-мужчина, их непреодолимо тянуло обратиться к нему. Видимо, греков так впечатлял ее статус — статус владелицы журнала, — что для них не имело значения — мужчина перед ними или женщина. Американцы же, менее «запуганные» статусом, чем греки, не могли подняться над предрассудками пола.

Многое из сказанного в этой книге позволяет увидеть, что различия в мужском и женском стилях общения симметрично обманчивы. Мужчины и женщины учатся использовать язык в разных мирах — в мире мальчиков и в мире девочек. При этом каждая группа интерпретирует манеры речи другой группы с точки зрения своих собственных. И все же во многом различия речевых стилей женщин и мужчин не симметричны. Когда женщины и мужчины собираются в одной группе, они, скорее всего, будут говорить в манере, более привычной и комфортной для мужчин. Речь и мужчин, и женщин обычно оценивается по стандартам мужского речевого стиля. Именно он считается нормой. И самое печальное: в обществе, где равенство является всеобщей целью и где все больше и больше женщин занимают высокие посты, женщины, стоящие у власти, оказываются в двойном тупике. Если они говорят в ожидаемой от женщин манере, их воспринимают как «ненастоящих» руководителей; если они говорят в манере, которая ожидается от руководителей, их воспринимают как неполноценных женщин. Путь к власти тернист для женщин, но как только они до нее доберутся, их ждут новые тернии.

Глава 9

«Смотри на меня, когда разговариваешь»*

Одним из источников вдохновения для этой книги стал исследовательский проект, в котором я принимала участие. Его целью было изучение стиля общения людей в дружеском кругу. При этом говорящие разделялись по годам обучения: от второго класса школы и до университета. В мои намерения изначально не входило изучение гендерных особенностей речи, однако после просмотра набора видеозаписей, сделанных Брюсом Дорвалом, я была поражена тем, какая колоссальная разница разделяет представителей противоположных полов внутри общей возрастной группы, и, одновременно, удивительным сходством, объединяющим, с одной стороны, мужчин, с другой стороны, женщин независимо от большой разницы в возрасте. Во многих отношениях девочки-второклассницы больше напоминают двадцатипятилетних женщин, чем своих ровесников-мальчиков.

Наиболее интересными я нашла два типа различий в поведении мужчин и женщин, снятых на видео — это, во-первых, темы их бесед, а во-вторых, невербальный аспект общения, то есть, как они смотрят друг на друга и как располагаются в пространстве во время беседы.

Различия в жестах, позах и «языке тела» бросаются в глаза любому, кто посмотрит хотя бы небольшой фрагмент этих видеозаписей. Девочки и женщины всех возрастов сидят близко друг к другу и смотрят прямо на собеседника. Мальчики и мужчины же, напротив, сидят под углом к линии взгляда своего визави, в одном случае почти параллельно — и никогда не смотрят прямо в

---

* Перевод главы выполнен К. А. Кирилыным.

лицо друг другу. Я ввела термин «прикованный взгляд», чтобы лучше описать это явление. Женщины и девушки лишь время от времени отводят глаза от лица того, с кем говорят, — их взгляд «прикован» к собеседнику, в то время как мужчины сосредотачивают внимание на чем угодно, кроме партнера по коммуникации, встречаясь с ним взглядом лишь случайно.

Эта тенденция особенно интересна в свете того, что многие исследования, да и житейская мудрость, утверждают, будто для мужчин характерна большая прямота в общении, нежели для женщин. Здесь трудно выделить единый критерий, так как мужчины и женщины говорят с разной степенью прямоты о разных вещах, но в позах, жестах и словах мужчины, наоборот, оказываются менее склонными к прямоте, чем женщины.

Второклассники дразнятся и рассказывают

Две пары второклассников предоставили нам прекрасные примеры различий в позах и темах для обсуждения у разных полов. Два мальчика-второклассника, Кевин и Джимми, не могут сидеть спокойно и так вертятся на стульях, что те, похоже, скоро развалятся. Мальчики не смотрят друг на друга. Они оглядывают комнату, потолок и видеокамеру, установленную в помещении. При этом они гримасничают, подпрыгивают на стульях, ритмично притоптывают ногами, строят рожицы друг другу и камере и показывают пальцами на окружающие предметы. Один из них не переставая стучит кулаками по стулу. Мальчики поют, имитируют рокот мотора и издают бессмысленные звуки.

Но о чем же они говорят в перерывах этого бедлама? Они устраивают настоящую демонстрацию дурных манер: гримасничают перед камерой, ругаются, смеются, хихикают, прикрываясь рукой, шикают друг на друга. При этом они дразнятся: Джимми постоянно твердит Кевину: «У тебя волосы топорщатся в разные стороны! У тебя всегда волосы дыбом!». Кевин пытается пригладить свои вихры, хотя они лежат ровно. Впрочем, у него нет зеркала, чтобы убедиться в этом. Мальчики перескакивают с темы на тему, как будто ищут чем бы заняться.

Какие у него игры?

Для второклассников «чем бы заняться?» — это синоним к «во что бы поиграть?». И вот они осматривают комнату, в которую их поместили (это университетский кабинет профессора Дорвала), в поисках игр.

Джимми: Смотри! Знаешь, что за игра — что за игра вон там? Я играл в такую в первом классе.

Джимми: Какие игры у нас... у него есть?

Кевин: Я не знаю.

Джимми: Похоже, только эта. Глупая игра, правда?

Кевин: А по-моему, ничего.

Джимми: Хоть бы поскорее сыграть во что-нибудь.

Поскольку больше в комнате игр они найти не могут (или побаиваются взять те, что есть), мальчики размышляют, чем бы еще заняться.

Джимми: Ну... если знаешь, что бы нам поделать, скажи.

Кевин: Эй, вот он идет. А ты бы чего хотел поделать?

Джимми: Поиграть в футбол.

Хотя поиграть в футбол прямо сейчас невозможно, Джимми не задумываясь отвечает, что он хочет поиграть в футбол. Ему хочется наружу, в шумную толпу сверстников. Это гораздо интереснее, чем сидеть на стуле в кабинете, разговаривая с одним только приятелем. Мальчики не могут резвиться в данный момент, значит, они будут говорить о том, что предпринять в будущем. Кевин говорит: «Хочешь зайти ко мне как-нибудь? Покататься на велосипеде?».

Перебрав разные варианты, мальчики, наконец, находят, «чего поделать». Тоном, выражающим наигранное нетерпение, Джимми требует, чтобы Кевин что-нибудь придумал. Тот подчиняется и выдвигает предложение, на котором они и останавливаются.

Джимми: Ну ты придумаешь что-нибудь или нет?

Кевин: Сыграем в «ладушки».

Джимми (*смеется*): «Ладушки»? Давай сыграем в «ладушки». Давай!

Все эти выдержки дают представление о том, как ведут себя дети, которых переполняет энергия, — то есть все дети, — как я

думала, пока не увидела видеозапись разговора двух девочек того же возраста. Картинка на экране — как будто из другого мира. Джейн и Эллен сидят почти что нос к носу практически все время. Каждая сидит на самом краешке стула. Девочки смотрят в лицо друг другу. Они отводят глаза, только когда ищут новую тему для беседы. Подруги не задумываются над тем, что делать, — разговор для них уже вполне достаточное занятие.

Если положить рядом распечатки разговора мальчиков и девочек, то различия немедленно бросаются в глаза. Мальчики перебрасываются короткими репликами, каждая из которых занимает на бумаге не больше строчки; высказывания же девочек значительно длиннее и идут «блоками», так что на странице умещаются лишь один-два речевых отрезка. Дело в том, что девочки рассказывают друг другу истории: что случилось с ними самими или с другими людьми. Но это не просто истории. Все они посвящены несчастным случаям, различным неприятностям, болезням и визитам в больницу.

Это серьезно

Сначала мне показалось странным, что девочки беседуют о несчастных случаях, но потом я поняла — они просто следовали полученным указаниям. Дорвал попросил их, так же как и мальчиков и всех остальных участников эксперимента, обсудить какой-либо серьезный, на их взгляд, вопрос. Так что, когда он покинул комнату, девочки шепотом посоветовались, а затем немного отодвинувшись и глядя друг другу в лицо, стали обмениваться историями о том, что считали серьезным. Истории, представленные в этой выдержке, коротки, но весьма характерны для разговора второклассниц.

Эллен: Помнишь, я рассказывала тебе про моего дядю? Он полез за дедушкой по лестнице, упал и пробил себе голову. Он... ты представляешь? Он до сих пор не вылез.

Джейн: Один раз мой дядя, он был, ну, у него была ферма с быками. В Милворте?... Бык его так боднул, что проткнул ему голову рогом.

Эллен: Это серьезно.

Слова Эллен «Это серьезно» призваны выразить одобрение и свидетельствуют о том, что, обсуждая разные несчастья, девочки лишь старательно следуют полученным инструкциям.

Когда я сравнивала беседы мальчиков и девочек одного возраста, у меня возникало ощущение, что я имею дело с представителями двух разных видов. Просьба говорить о чем-то серьезном была воспринята адекватно лишь девочками, впрочем, это не удивительно, ведь их попросили сделать то, что они и сами часто выбирают для времяпрепровождения: просто посидеть и поговорить друг с другом. Но та же просьба была необычна для мальчиков, которые почти никогда не беседуют просто так в ходе игры. Для них значительно привычнее что-то *делать* вместе: бегать на улице или играть дома.

Просматривая видеозаписи с точки зрения статуса и взаимосвязи или с позиции противодействие / поддержка, я смогла установить четкие модели. Джимми и Кевин считают друг друга лучшими друзьями, но демонстрируют свое расположение на соревновательной основе. Джимми дразнит Кевина, говоря, что у него топорщатся волосы (хотя с ними все в порядке). Это один пример. Джимми также делает вид, что стреляет в Кевина и говорит ему: «Ты арестован!». Или нарочно сообщает ему, что «Вильям тебя терпеть не может». Для дружбы мальчиков характерен обмен колкими выпадами, которые, впрочем, не имеют цели обидеть по-настоящему.

Ниспровержение авторитета

Мальчики постоянно демонстрируют, что помнят о том человеке, который поместил их в комнату, и ждут его появления. Когда Кевину кажется, что профессор возвращается, он немедленно дает знать товарищу («Эй, вот он идет»). Они пытаются подорвать авторитет экспериментатора: не выполняют его указания (говорить о чем-то серьезном) и ведут себя вызывающе. Например, они прыгают и строят рожи в камеру, хихикают и шикают друг на друга, а иногда застыбают на пару секунд, комично изображая «хороших мальчиков». Они стремятся принизить авторитет профессора демонстративно плохим поведением, но только когда Дорвала нет поблизости. Вот фрагмент фразы Джимми из его рассказа о каком-то происшествии: «...а он ка-ак пернет!!! Ой, тихо — идет!» Как видно, дурное поведение является формой протеста против взрослого, который «командует» ими.

Раз им сказали говорить о серьезных вещах, а они из принципа не хотят этого делать, то чем же развлечься? Конечно, шутить! Этим мальчики и занимаются.

Кевин: Тук-тук.

Джимми: Кто там?

Кевин: Фрукт.

Джимми: Что за фрукт?

Кевин: Фруктовая шоколадка.

Джимми: Как называется бык, который спит?

Кевин: Охота на быка. Как?

Джимми: Ну давай, давай, угадывай!

Кевин: Да не знаю!

Джимми: Бульдозер! Понял? Бульдозер!¹

Иногда их шутки не совсем пристойны, и понятно, что ребята нарушают правила приличия с той же целью — досадить взрослым.

Кевин: Тук-тук.

Джимми: Кто там?

Кевин (*прыгая на стуле*): Тук-тук, тук-тук.

Джимми: Кто там? (*Пауза.*) Ту-ту. Ту-ту кто? В штанах у тебя ту-ту!

Кевин: Ни фиги!

Джимми: Слушай, а вдруг он нас слышит? Ты не говори — просто шевели губами. (*Так мальчики и делают.*)

В этом примере все налицо: Джимми шутит, дразнится, снижает статус Кевина, затрагивает табуированную тему, демонстрирует опасение, что старшие могут обнаружить их проделки, и, наконец, разрешает ситуацию, предлагая (и заставляя Кевина) разговаривать беззвучно. Если шутка — это попытка оказаться в центре внимания, то Джимми так увлекся своей шуткой насчет «ту-ту», что полностью захватил «сцену». Его высказывание занимает целых четыре строчки. С другой стороны, возможно, он просто «принял эстафету» у Кевина, который во второй раз начал диалог с «тук-тук», но, судя по всему, сказал это просто так, без намерения пошутить.

Игра в интервью

Совместное пребывание в помещении и разговоры, похоже, заставляют этих мальчиков осознать иерархичность ситуации опроса, проводимого взрослым человеком. Они пытаются

---

¹ Непереводимая игра слов: *bull* — бык, глагол *to doze* — дремать, *bulldozer* (прямой перевод — «бульдозер») может быть переведено как «спящий бык».

разрушить ее пародированием, и Джимми сам решает опросить Кевина, выступая в роли интервьюера.

Джимми: Я скажу тебе четыре вещи.

Кевин: Ну?

Джимми: Я скажу тебе четыре вещи.

Кевин: Ну, говори.

Джимми: Ты хорошо учишься, а?

Кевин: Да.

Джимми: Хм. А в футбол хорошо играешь?

Кевин: Угу.

Джимми: Хороший мальчик. Чего он там еще говорил? Как дела?

Кевин: Нормально.

Джимми: Теперь твоя очередь!

Мальчики меняются ролями часто и говорят мало — всего несколько слов. Исключение составляют два случая: когда Джимми рассказывает про видеоигру и когда он же объясняет, как играть в «ладушки», хотя игру предложил Кевин. В обоих случаях Джимми говорит учительским тоном.

Мир различий

Я привела лишь несколько примеров того, что наиболее важно во всей двадцатиминутной записи. Мальчики постоянно двигаются, все их представления о том, чем можно заняться, подразумевают физическую активность; они постоянно чувствуют довлеющий над ними авторитет и делают все возможное, чтобы высмеять и дискредитировать его; наконец, их дружба носит соревновательный характер. Они открыто выражают несогласие друг с другом, но это несогласие — естественный ответ на принижение и насмешки, ими же инициированные. Например, Кевин говорит «Ни фига!» в ответ на утверждение Джимми, что у него «ту-ту в штанах», а также отрицает, что он «арестован».

Разговор же девочек-второклассниц в той же ситуации ничем не напоминает стиль поведения мальчиков. Девочки тоже понимают, что связаны определенной ситуацией, но, в отличие от мальчиков, предпочитают подчиниться, нежели менять и высмеивать ее. Они отнюдь не стремятся задеть друг друга, даже в шутку, а, наоборот, поддерживают собеседницу, одобряя или дополняя сказанное ею. Мальчики тайком нарушают инструкции,

девочки же заверяют друг друга в правильности своих действий. Так, например, Эллен говорит Джейн: «Это серьезно». И если мальчики дразнят друг друга, давая тем самым понять, что один из них не прав, то девочки одобряют действия друг друга, чтобы показать, что все правильно.

Короткие истории, которые рассказывают девочки, также весьма типичны в плане того, как они соотносятся друг с другом и с общим жизненным опытом девочек. Начиная свой рассказ со слова «помнишь?», Эллен напоминает, что Джейн была там или что она уже слышала эту историю. Хотя девочки — всего-навсего второклассницы, в их речи уже проявляется характерная для всех девушек и женщин восходящая интонация, которая делает любую фразу похожей на вопрос. Подобно многим речевым манерам, характерным для девочек и женщин, эти восходящие интонации можно, если исходить из статуса, истолковать как ожидание одобрения и, следовательно, проявление неуверенности. Но можно — и, видимо, нужно — толковать и по-другому — как призыв к участию в беседе, хотя бы кивнув или хмыкнув. Второй подход кажется мне более верным. Джейн часто начинает рассказ, называя имя подруги, — еще одно свидетельство связи.

Один из приведенных выше примеров весьма показателен тем, что Джейн рассказывает историю, очень похожую на сообщение Эллен. Девочка тоже повествует о несчастном случае с дядей, получившим травму головы.

Девочки, как и мальчики, говорят о своих намерениях, но их планы на будущее не совпадают. В то время как Кевин приглашает Джимми покататься на велосипеде, Джейн пересказывает Эллен понравившуюся библейскую историю и добавляет, что Джейн может взять ее почитать, — если захочет. Джейн, в отличие от Кевина, предлагает речевую, а не физическую деятельность, но и старается не командовать подругой, говоря, что она, конечно, может прочитать рассказ сама.

До того как экспериментатор вернулся в комнату и напомнил им, что говорить надо о серьезных вещах, девочки обменивались разными историями. Как и взрослые женщины, которые делятся своими проблемами и таким образом друг друга поддерживают, девочки жалуются на разные неприятности. Например, Джейн рассказала о своем младшем брате, который просит ее читать ему книги, но ни одну не дает дочитать до конца. При этом он постоянно приносит сестре новые книги и требует их читать. Эллен в ответ рассказала сопоставимую историю о *своем* брате; разница

состояла лишь в том, что брат Эллен любит длинные книги, и всякий раз, когда она прочитает ему главу и думает, что хватит, он просит почитать еще. Так второклассницы достигают взаимопонимания, жалуясь друг другу на своих близких, и поддерживают друг друга, рассказывая похожие истории.

Мужчины и женщины, которым я давала смотреть эти записи, продемонстрировали совершенно разную реакцию. Моя реакция была типично женской — Джейн и Эллен показались мне замечательными девочками. Я прямо-таки была тронута их старанием точно выполнить указания профессора. Я пребывала в умилении. Но вот мальчишки меня раздражали. Отчего им не сидится на месте?! Их шутки звучали глупо, и мне не нравился их постоянный обмен колкостями. Мне было жаль бедного Кевина, который все пытался пригладить волосы и которому сказали, что другой мальчик его «терпеть не может».

Совершенно противоположной была реакция мужчин. Они называли мальчиков нормальными ребятами и умилялись их энергией и весельем. Желание мальчиков найти в ситуации смешную сторону и принизить авторитет профессора не вызывало у мужчин никакого отторжения. Девочек же называли тихонями, подлизами. Некоторые мужчины высказывали мнение, что нормальные дети не могут вести себя так тихо. А эти просто хотят понравиться экспериментатору.

Из этого следует вывод: мальчики и девочки растут в разных мирах. Мы же полагаем, что живем в одном, однако судим людей по своим стандартам.

Жизнь подтверждает эксперименты

Нигде последствия этих различий не имеют такого значения, как в начальной школе, где от детей требуется, чтобы они сидели спокойно, как девочки на видеозаписях, а не прыгали по всему классу, не дразнились и не уклонялись от указаний учителя, как мальчики. Читая труд, посвященный исследованию поведения детей в детском саду, я наткнулась на подтверждение моей модели, взятое непосредственно из жизни. Одновременно это была еще и иллюстрация последствий, вызываемых такой моделью общества. Этнограф Джейн Вайт изучала феномен так называемой «неумолимой вежливости» у учителей начальных классов. Она начинает статью выдержкой из монолога миссис Бедфорд — педагога детского сада:

О, какие милые дети! Миссис Бедфорд так рада видеть ваши улыбающиеся лица. Всем удобно? (Пауза.) Давайте посмотрим, все ли здесь. Похоже, все. Сегодня нашим лидером будет Марк. (Дети в это время разговаривают друг с другом.) О, как хорошо сидят Тэмми и Барбара. Они уже совсем готовы идти в первый класс. Корри и Хитер, как мило. Колин и Шерри, вы выглядите замечательно. Джой, ты не мог бы повернуться ко мне лицом? Стивен Т., сядь-ка, пожалуйста, рядом со мной. А ты, Бобби, сядь сюда. Стивен С., здесь самое место для тебя. Всем удобно? Все готовы?

Установление гендерных закономерностей не являлось целью работы Вайт. Этот пример приводился с целью продемонстрировать, как учитель использует «вежливые» методы общения, предпочитая поощрять хорошее поведение, а не ругать детей за плохое. Но даже в этом удивительно рельефном и знакомом примере бросается в глаза, что все дети, которых хвалили за то, что они сидели тихо, были девочками, в то время как все те, кому сделали замечания (хотя и мягкие), оказались мальчиками.

Те же тенденции прослеживаются и в начальной школе. Социолог Барри Торн утверждает, что учителя расценивают мальчиков и девочек как разные социальные группы, и приводит весьма типичную цитату: «Девочки готовы, а мальчики — нет». И этот и приведенный выше примеры показывают, что поведение, которого требует от детей школа, значительно характернее для девочек.

В упомянутом ранее исследовании Элис Гринвуд, где наблюдали за поведением детей за столом, я нашла другое жизненное подтверждение моделей, созданных мной после просмотра видеозаписей. Как второклассницы одобряют друг друга, говоря «Это серьезно», так и в работе Гринвуд девочки, рассказывая друг другу смешные истории, часто повторяли: «Это правда смешно». Более того, они начинали одобрительно смеяться еще до того, как история была рассказана, а именно когда одна из них только собиралась начать рассказ, произнеся: «А вот еще смешной случай». Мальчик же на вопрос, как он представляет себе хорошую беседу, ответил: «Это когда мы шутим и прикалываемся», — прямо как Джимми и Кевин.

Эти примеры убедили меня, что видеозаписи, которые я изучала, являются примером типичного, а не исключительного поведения. Кроме того, мои заключения подтверждаются еще и целой серией исследований поведения маленьких детей во время игр, которые выявляют колоссальную физическую активность и даже агрессивность мальчиков, их стремление играть самостоя-

тельно, а не скоординированно и их склонность к конкуренции. Психолог по развитию Кэмпбел Липер обнаружил, что пятилетние девочки общаются на «взаимно позитивной» основе, а мальчики того же возраста — на «взаимно негативной», когда один из них пытается руководить, а остальные сопротивляются. Эми Шелдон, исследуя трех- и четырехлетних детей в детских садах, обнаружила: даже когда дети разделены на группы из трех-четырёх человек и занимаются каждый своим делом, девочки, в отличие от мальчиков, поддерживают связь с подругами, объясняя им, что они делают и реагируя на их комментарии.

Интересно наблюдать происхождение различий в мироощущении людей, глядя на второклассников, но это просто потрясает, когда видишь то же у трехлетних детей. Неудивительно, что мужчины и женщины плохо понимают друг друга, — ведь они смотрят на жизнь под разными углами практически с самого рождения.

Проблемы шестиклассников

Шестиклассники обнаруживают такой же яркий контраст, как и второклассники. Волт сидит на деревянном стуле с высокой спинкой и подлокотниками. Он тоже не может усидеть на месте, хоть и не прыгает на стуле, а извивается. Он постоянно крутится, принимает разные позы и изгибается, как Бумер². Другой мальчик, Том, внешне спокоен, но непохоже, что ему удобно. Он сидит, вытянув ноги вперед и обняв рукой спинку кресла. Он скорее напряжен, нежели спокоен.

Мальчики не смотрят друг на друга. Волт постоянно трет глаза, создавая физический барьер, не позволяющий смотреть на Тома. Он разминает пальцы, глядя больше на них, чем на собеседника. Том сидит под углом к нему, обнимая стул. Они постоянно оглядываются вокруг — видимо, ищут предмет обсуждения, — и часто находят. Время от времени ребята обмениваются замечаниями. Их внимание привлекает обстановка. «Смотри, забавная картина, правда?» — «Черт, а действительно, ничего». Они замечают противопожарный распылитель на потолке, и один мальчик объясняет другому: «Это на случай, если что-нибудь загорится». Волт берет свою сумку, достает из нее пару новых кроссовок. Мальчики начинают вертеть и обсуждать их.

² Бумер — «резиновый человек» — популярный герой американских комиксов.

У девочек же разыгрывается другая сцена. Шестиклассницы, напротив, сидят лицом друг к другу. Девочки не «влипают» в стулья, а сидят прямо, чтобы видеть друг друга. Шеннон спокойно сидит на краешке деревянного стула, положив руки на подлокотники. Джулия сидит на обитом стуле без подлокотников. В отличие от развалившегося Тома, она сидит прямо, нога на ногу, руками не машет. При этом она теребит шнурок на обуви. Она часто поглядывает на свою ногу, но в основном смотрит на подругу, в противоположность Волту, взгляд которого не отрывается от пальцев.

В продолжение разговора Джулия и Шеннон несколько раз меняют позы, но не резко и не часто, причем они все время сохраняют такое положение, в котором могут смотреть друг на друга. Их сверстники-мальчики выглядят так, как будто усилием воли сдерживают энергию, готовую вырваться наружу. И вертлявость Волта, и неподвижность Тома вызваны дискомфортом. Девочки не испытывают неудобств из-за ограничений в подвижности, но ребята, похоже, сдерживают себя, как будто им запретили показывать, какая энергия кипит у них внутри. Может быть, это и объясняет каменную неподвижность многих мужчин.

Темы бесед мальчиков и девочек отличаются настолько, насколько это возможно. За двадцать минут разговора Том и Волт коснулись пятидесяти пяти тем. Они обсудили школу, домашние задания, кабельное телевидение, спорт, секс и насилие на экране (они не одобряют этого), обстановку комнаты, вещи, которые бы им хотелось иметь (мотоцикл, компьютер, дробовик), других ребят из школы, кроссовки Волта, рок-группу, в которой они играют, инфляцию, покупку Нэнси Рейган платья за три тысячи долларов (одобрения не получило), девочек, оружие, видео и свою дружбу. По каждой теме было высказано всего несколько коротких реплик.

Как и в беседе второклассников, разговор шестиклассников содержит только два крупных речевых отрезка; оба представляют собой разговор-сообщение, отражающий их неравный статус. Том спел песню, недавно сочиненную им для их рок-группы, приняв роль исполнителя и предоставив Волту роль аудитории. Кроме того, он рассказывал, как попал в аварию на велосипеде.

Терять лучшего друга больно

Как и в случае с второклассниками, мальчики и девочки из шестого класса кажутся существами с разных планет. Де-

вочки проводят большую часть времени, обсуждая разлад Джулии с третьей девочкой — Мэри. Джулия говорит, что очень переживает («Больно терять лучшую подругу, да еще такую близкую»). Девочки соглашаются, что виновата Мэри. Из разговора видно, какую важную роль в их мире играет дружба. Джулия говорит: «Друг должен быть навсегда» и «Без друзей жить вообще нельзя». Шеннон соглашается: «Вряд ли кто-нибудь сможет прожить без друзей». Джулия заверяет ее, что они — «друзья навсегда».

На протяжении разговора девочки высказывают опасение, что злость может разрушить дружбу. Джулия рассказала, что они с Мэри поссорились, потому что та «взбесилась» и стала вредничать. Сама Джулия, по ее словам, никогда не срывается на людей, даже если ей не нравятся какие-то их поступки.

Шеннон: Плохо, что вы с Мэри поссорились.

Джулия: Конечно плохо. Боже мой... Но она такая вредная иногда...

И потом — что особенно грустно — она может разозлиться на тебя совершенно внезапно. Если она делает что-то такое, что мне не нравится, я же не бешусь.

Джулия: Моя мама много чего делает, что мне не нравится, но я же на нее не срываюсь.

Джулия чувствует — и это ее пугает, — что когда люди злятся и ссорятся, это может привести к окончательному разладу в отношениях. В определенный момент она поднимает новую тему, которая, на первый взгляд, не имеет никакого отношения к предмету разговора, — девочка боится, что ее родители разойдутся. Но на самом деле эта тема тесно связана с рассуждениями о ссорах — девочка опасается развода родителей, так как иногда слышит, как они ссорятся. Джулия полагает, что Мэри — такой сложный человек именно потому, что ее родители разведены.

В исследовании Деборы Ландж я встретила описание схожей ситуации. Вопрос ссор там поднят девочками-подростками приблизительно одного возраста, одна из которых говорит другой, что не может собрать всех своих друзей вместе, потому что не все они ладят. В своих рассуждениях она очень напоминает Джулию:

Я не злюсь на Дину. Не злюсь на Миллисент или Риту. Но я... я всегда... Так трудно иметь дело с ними всеми сразу.

Она не сердится, она просто пытается примирить своих друзей.

...потому что Рита постоянно ругается с Миллисент, а Дина вообще называет Миллисент дрянью, и это нехорошо с ее стороны, потому что это не так, я... я хочу... я просто пытаюсь общаться с ними со всеми, ну-у... чтобы они наконец перестали грызться, но это так трудно... наверное, я должна измениться сама...

Этот пример показывает не только то, что девочки делятся друг с другом своими проблемами, в частности, в отношениях с друзьями, но и то, что они склонны избегать конфликтов и сохранять гармонию.

Я знаю

Поведение шестиклассниц, Шеннон и Джулии, на видеозаписях напоминает поведение девочек из второго класса. Они соглашались друг с другом и тем самым подтверждают правомерность своих чувств и мыслей. Шеннон несколько раз соглашается с Джулией относительно Мэри. Вот что они говорят сразу после фрагмента, в котором Джулия заявила, что Мэри постоянно злится, а сама Джулия — нет.

Шеннон: Она всегда пытается испортить людям настроение.

Джулия: Вот-вот. Она видит, что я плачу и все такое. И позволяет мне страдать.

Шеннон: Ей это нравится.

Джулия: Я знаю. Она получает от всего этого удовольствие.

Шеннон поддерживает Джулию в ее недовольстве Мэри, высказывая ей аналогичные соображения, а Джулия с готовностью вплетает их в свои жалобы.

Одна и та же тема, но с отличиями

Даже когда мальчики и девочки разговаривают на одну и ту же тему, предмет обсуждения может быть совершенно разным. Например, обе пары говорили о событиях предыдущего вечера. Но Джулия рассказывала о конфликте с отцом, а Том — о сломавшемся телевизоре. Вот диалог мальчиков:

Том: Прикинь, что было вчера. Мы сидели, смотрели кабельное.

Вдруг здоровенный самолет пролетел прямо над нами. Звук был, как будто он сейчас нам на головы рухнет!

Волт (*смеется*.)

Том: И тут кабель наш и накрылся.

Волт: И наш тоже.

И это все. А вот диалог девочек:

Джулия: Хм... Знаешь, что случилось вчера вечером?

Шеннон: Что?

Джулия: Мм, прихожу я, мм, ладно. Вчера вечером, мм... мой, м-м, брат, э-э... В общем, мой брат... Ну ладно отец, говорит: «Джулия, тебе пора бы уже самой убирать свою комнату». А я говорю: «Это еще почему? Мой брат ведь не убирает!» Ну и мы с отцом крупно поссорились и все такое. Ну и я его укусила... Самой не верится. Боже мой...

Шеннон: Господи... Он, наверное, страшно разозлился?

Джулия: Да, но... но не сразу. Просто я потом ушла к себе в комнату и заперлась.

Джулия рассказывала о происшествии, связанном с человеком — ее отцом, в то время как Том — о телевизоре. Ее рассказ много длиннее любого из высказываний сверстников. И наконец, она рассказывала о ссоре, то есть о том, что очень беспокоит женщин, так как ссора ставит под угрозу близкие отношения.

У рассказа Джулии есть еще одна интересная особенность, свойственная девочкам и женщинам: она воспроизводит события в форме диалога. Она говорит, имитируя голос своего отца: «Джулия, тебе пора бы уже самой убирать свою комнату». И затем сама же отвечает: «Это еще почему? Мой брат ведь не убирает!». Женщины и девочки стремятся передать эмоциональный аспект происшествия, и поэтому диалог служит средством усиления эмоциональной составляющей.

Разговор по заказу не клеится

Как и второклассницы, девочки из шестого класса не испытывают никакого дискомфорта, просто сидя и разговаривая. Однако их сверстникам-мальчикам, похоже, приходится прилагать большие усилия, чтобы усидеть на месте, да и темы для беседы они находят с трудом.

Том: Я вот тут думаю, о чем бы поговорить? Нас ведь снимают. Это непривычно.

Волт: Я понимаю.

Том: Когда ты на улице, можно...

Волт: Да, хоть орать во весь голос. Но не здесь же.

Том: Или можно крепко выразиться.

Волт: Угу.

Том: Когда надо по заказу говорить, то разговор не клеится.

Волт, судя по всему, воспринимает сказанное Томом как довод в пользу того, что время лучше проводить на улице, а не в помещении. Но Том имеет в виду совсем другое — он подчеркивает, что трудно выбирать тему для беседы, когда находишься в искусственно заданных рамках.

Том подсознательно чувствует, что такие заранее заданные условия — им четко определили, что делать — отчасти и являются причиной того, что разговор «не клеится». Том даже пытается, хотя и не так открыто, как второклассники, и не делая это главной темой, пародировать ситуацию: «Улыбнитесь, вас снимает *скрытая камера!*» Это проявляется еще более ярко, когда Дорвал покидает комнату, а Том салютует ему, сначала явно машинально, а затем еще раз — гротескно.

Если второклассники, стараясь компенсировать дискомфорт ситуации, начинают обсуждать, в какие игры они бы поиграли, будь у них возможность, то шестиклассники находят воображаемый выход из ситуации, говоря о взрослении. Из приведенного ниже примера видно, как быстро мальчики меняют темы, что совершенно не характерно для девочек.

Том: Эх, скорей бы вырасти.

Волт: Да, еще бы.

Том: Из колледжа пойду в морскую пехоту. Из морпеха в авиацию. А потом женюсь.

Волт: Я жду не дождусь, когда мне стукнет шестнадцать, чтобы купить машину.

Том: А я жду семнадцати — тогда можно жениться.

Волт: Ага, и я тоже. **Эй, смотри, какая там штука!**

Очень трогательно слышать, как мальчики хотят повзрослеть, хотя они и не совсем точно представляют себе, что это такое. Ни одна из девочек не проявила подобной тенденции. По моему мнению, это не что иное, как проявление дискомфорта со стороны мальчиков, которые в силу своего возраста вынуждены подчиняться указаниям взрослых. Подозреваю, что их фантазии по этому поводу — попытка избежать ситуаций наподобие той, в

которой они в данный момент находятся. Кстати, похожие мысли, хотя и более кратко, высказывает Кевин — один из второклассников, когда они обсуждают свой возраст. И хотя он не располагает точными сведениями относительно собственного возраста («Мне почти десять, но еще нет восьми»), Кевин подбадривает себя: «Я догоню больших». Мальчики демонстрируют большее желание вырасти, чтобы изменить свое положение в социальной иерархии.

Противоположные взгляды на дружбу

Несмотря на значительные различия в разговорах мальчиков и девочек, было бы ошибочно утверждать, что никаких сходств в стилях и темах между ними нет. Различия не абсолютны, а градуированы. Например, все эти дети озабочены тем, как сохранить и укрепить свою дружбу. Вот что говорят по этому поводу мальчики:

Том: Мы с тобой, похоже, все делаем вместе.

Волт: Угу. Поедем в воскресенье охотиться, да?

Том: Слушай, если нам надо будет что-то сделать или, например, будет драка, мы же будем вместе драться, а если что-то придумаем, то будем вместе делать, да? И пусть все остальные будут против и все такое. Трудно жить, когда тебя никто не поддерживает.

Волт: Точно.

Том: Потому что есть одни и есть другие. Хорошие парни всегда держатся вместе.

Хотя мальчики, как и девочки, подчеркивают, какие они хорошие друзья, выражают они это по-другому. В первую очередь, это проявляется в том, что они обсуждают свою дружбу недолго и больше не возвращаются к этой теме, в то время как у девочек разговор о дружбе более продолжителен и собеседницы касаются этой темы несколько раз. Том утверждает, что они с Волтом друзья, и его утверждение базируется на совместной деятельности («мы с тобой, похоже, все делаем вместе»). Причем совместное участие в драке — наиболее важный показатель дружбы. Дружба Волта и Тома автоматически означает конфронтацию с остальными. Мир мальчиков — это мир конкуренции, где дружба — объединение против остальных.

В противоположность этому заявление Джулии о том, что они с Шеннон — хорошие подруги, основывается на взаимопонимании и долговечности:

Джулия: По крайней мере, мы знаем друг друга с детского сада и хорошо *понимаем* друг друга.

И на том, что они не ссорятся:

Джулия: Мы никогда не ссоримся.

И на общении:

Джулия: Думаю, если мне захочется поговорить с тобой, ты скажешь: «*Говори!*», а если тебе надо будет о чем-то поговорить, то я тоже обязательно *поговорю* с тобой.

Сравнивая разговоры мальчиков и девочек из шестого класса, можно понять, в чем корень того, что мужчинам и женщинам трудно разговаривать друг с другом. Мальчики уделяют мало внимания обсуждению дружбы и других людей; они говорят в основном о вещах и какой-либо деятельности или выражают свое мнение по социально значимым вопросам. Девочки обсуждают исключительно вещи, символизирующие их дружбу. Джулия спрашивает Шеннон, давала ли она ей значок, который дарят другу. Шеннон отвечает утвердительно. Джулия говорит, она где-то читала, что у настоящих друзей всегда по два таких значка. Она достает из сумки значок и отдает его Шеннон. Все разговоры девочек посвящены друзьям, дружбе и чувствам, но при этом ведутся изящно и утонченно, что совсем не типично для мальчиков-шестиклассников.

Смешанные и «параллельные» беседы десятиклассников

Видеозаписи, где сняты ученики десятых классов, предоставили материал, наиболее значимый для моего понимания мужского стиля общения. Девочки-десятиклассницы очень похожи на шестиклассниц. Они сидят прямо, смотрят друг на друга и разговаривают о проблемах, которые у одной из них возникли с мамой и с приятелем. Десятиклассники же отличаются

не только от своих сверстниц, но и от младших мальчиков. Их позы на видеозаписи наиболее раскованны. Развалившись, они почти лежат на стульях, на которых полагается сидеть. Ричард, как и шестиклассник Том, практически неподвижен и смотрит прямо перед собой, как будто ему запретили смотреть на своего друга Тодда, как Орфею было запрещено смотреть на Эвридику. Тодд притягивает к себе ногой вертящийся стул, как подставку, и постоянно двигает его туда-сюда. Он все время смотрит вперед или оглядывается по сторонам, лишь иногда задерживая взгляд на Ричарде. Один из просматривавших запись заметил, что мальчики расположились так, как будто едут в машине: они сидят почти параллельно, а не лицом друг к другу, и оба смотрят прямо вперед. Один из них вообще не смотрит на собеседника, а другой лишь изредка поглядывает.

Но стоит включить звук, как вся картина меняется. Мальчики не говорят на отвлеченные темы. Напротив. Их разговор приведен во второй главе. И это — самая личная беседа из всех, что я видела в материалах Дорвала. В то время как девочки беседуют о своих проблемах с окружающими, которые не присутствуют при разговоре, мальчики обсуждают свои отношения, причем один из них изливает глубокое чувство утраты, боли и тоски.

Я знаю, что меня угнетает

Как мы уже знаем, Тодд страдает от отчуждения: юноше кажется, что его не приглашают на вечеринки; у него нет подружки, чтобы пригласить ее на танцы, а из знакомых девушек никого приглашать не хочется; он чувствует себя стесненно с девочками, которым он нравится, и даже со своими приятелями. Тодд тоскует по тем временам, когда они с Ричардом проводили больше времени вдвоем, за разговорами. Переживания Тодда явствуют из следующего фрагмента. Цифры в скобках обозначают паузы в разговоре (в секундах).

Тодд: И о чем мы, черт возьми, будем говорить? В смысле, я знаю, что меня угнетает.

Ричард: И что же?

Тодд (*хихикает*): То, что мы не говорим.

Ричард: Кто не говорит?

(...)

Тодд: Вот, опять.

Ричард: Что?

Тодд: Не разговариваем.

Ричард: Да. Хорошо, давай.

Тодд: Мы вообще теперь почти не говорим. *(Смеется.)*

Ричард: Ну, смотри. (3,4) В общем... Знаешь... (3,6) Что тут сказать?

Если ты действительно так думаешь, как тогда, в выходные, говорил, то и я сказал все, что думаю.

(1,0)

Тодд: Да, конечно. Но просто... Я думаю... Не знаю, по-моему, мы взрослеем. Не знаю... Мне иногда кажется, что я живу прошлым, что ли. Я вспоминаю те времена, когда мы даже спать не ложились и просто, помнишь, собирались у кого-нибудь и трепались всю ночь.

Ричард: Угу.

Тодд: Классно было.

Ричард: Не то слово.

(2,2)

Тодд: А теперь на входе словом перекинемся — уже хорошо.

Ричард *(с насмешливо-вызывающей интонацией)* Да уж.

Тодд: Да нет, я серьезно. Помню, идем в холле, я говорю: «Привет!», а ты отвечаешь: «Здорово!» Или, если повезет, ты меня пихнешь. *(Смеется.)*

(1,4)

Ричард *(протестующим тоном)*: Мы говорим.

Тодд: Не так, как раньше.

(4,2)

Ричард: Никогда не думал, что тебе так нравится просто разговаривать.

Хотя большинство мужчин, которым я показывала эти записи, говорили, что это странно, тем не менее такой разговор был. Что меня удивило больше всего — это разительный контраст между словами мальчиков и их «языком тела». Говоря о серьезных вещах, они сидят, развалившись в весьма раскованных позах.

Дистанцированы ли мужчины?

Я рассказала знакомой — семейному врачу, что девочки смотрят прямо друг на друга, в то время как мальчики никогда не задерживают подолгу взгляд на собеседнике и сидят под углом друг к другу. Она прокомментировала эти наблюдения так:

«Это типичная ситуация в семьях, где я бываю. Мужчины никогда не смотрят ни на меня, ни на своих жен. Они всегда дистанцированы».

Но эти два десятиклассника, не глядящие друг на друга, отнюдь не разобщены. Наоборот, они очень тесно связаны, несмотря на невербальную демонстрацию разобщенности: например, Ричард, говоря «никогда не думал, что тебе так нравится просто разговаривать», деланно зевает и потягивается.

Изучая видеозаписи разговоров детей различного возраста и рассказы врача, я была поражена ярким различием: когда от женщины требуется смотреть прямо на собеседника, для нее это норма, и она не чувствует дискомфорта. Но когда мужчина попадает в ситуацию, в которой требуется смотреть прямо на жену или на своего врача, он оказывается в совершенно нестандартном положении и вынужден делать что-то непривычное, может быть, даже неправильное. Заявления о том, что мужчины дистанцированы, основывающиеся на их мимике и жестах, неоправданы и не совсем справедливы, потому что их судят по стандартам другой культуры. Это не говорит о том, что мужчины на самом деле не дистанцированы или что среди мужчин не принято смотреть на своих жен и врачей во время разговора, просто невербальные признаки равнодушия не могут служить серьезным основанием для утверждения, что мужчины дистанцированы в принципе.

Кроме того, в рамках своей культуры десятиклассники проявляют множество невербальных признаков согласия и дружбы. Они двигаются удивительно скоординированно. Они совершают одинаковые движения в одном и том же направлении, в одно и то же время. Мальчики действуют согласованно, создавая то, что Рон Сколлан назвал ансамблем, или, если использовать аллегорию Беккера, напоминая двух гусей, чистящих перья, которые, на первый взгляд, не обращают внимания друг на друга, но на самом деле двигаются в согласованном ритме.

Почему же мальчики смотрят куда угодно, только не друг на друга? Это можно объяснить так: сосредоточенный на собеседнике взгляд служит для мужчин выражением вражды и угрозы, если собеседник — мужчина, и знаком внимания или даже флирта, если это женщина. Один мой коллега невольно дал еще одно доказательство этой теории. Подсаживаясь за мой стол, он развернул стул, до того стоявший прямо напротив меня, под углом ко мне и отодвинул его чуть дальше. Мы оба рассмеялись, так как

он инстинктивно действовал, как мальчик на видеозаписи, которую я ему показывала.

С точки зрения женщин, которые смотрят друг на друга во время разговора, привычка мужчин отводить взгляд является препятствием для взаимопонимания и установления контакта. Но если мальчики и мужчины не смотрят друг на друга, чтобы избежать конфронтации, то для них это — действие, символизирующее дружелюбие, а не уход от сближения.

Позы и жесты мальчиков и девочек из десятого класса могут скорее рассматриваться как разные способы достижения одной цели — установления контакта с партнером, а не как признак вовлеченности девочек и равнодушия мальчиков. Эта асимметрия лишь отражает разные пути достижения комфорта в общении. Их различное поведение имеет целью одно и то же. Как мы уже видели во второй главе, Нэнси и Салли проводят большую часть разговорного времени, обсуждая проблемы Нэнси с мамой и приятелем, причем Салли поддерживает подругу, соглашаясь, что та попала в ужасную ситуацию. Ричард и Тодд тоже обсуждают проблемы, но поддерживают друг друга иначе — демонстрируя свое пренебрежительное отношение к проблемам.

Мужской способ поддержки хотя и отличается от женского, но тоже включает в себе своеобразную логику. Мальчики не только сидят, но и разговаривают «параллельно». Один из них рассказывает о своих проблемах, а другой принижает их значимость или вовсе меняет тему. Женщины восприняли бы такое поведение как недостаток внимания к себе. Но это может служить и средством подбадривания. Многократное обсуждение проблемы способно не только убедить в том, что собеседник действительно переживает, но и выставить эту проблему более серьезной, чем она есть. Например, если Нэнси расстраивается, что ей пришлось рано уехать с экскурсии, то слова Салли, что ее отъезд всех расстроил, могли огорчить ее еще больше. Но с другой стороны, Салли дает подруге понять: ее общество знакомым приятно, раз все заскучали с уходом девочки.

И десятиклассники, и десятиклассницы демонстрируют стремление добиться одной и той же цели, но разными методами. И те, и другие чувствуют дискомфорт и посмеиваются над ситуацией. (Салли говорит: «Поговорим о Джерри. Это серьезно и тема личная», а Тодд объявляет: «Ну, а теперь перейдем к личному»). Но вскоре обе пары успокаиваются и начинают следо-

вать указаниям экспериментатора. Соппротивление девочек, выражающееся в хихикании и шутках, продолжается несколько дольше — около пяти минут, после чего Дорвал напоминает им инструкции. В это время девочки подшучивают друг над другом, но все колкости как появились, так и исчезают. Салли, смеясь, говорит: «Дурочка! Нет, ты не дурочка».

Если мальчики и девочки так отличаются друг от друга уже во втором, шестом и десятом классах, то какую же картину мы будем наблюдать у людей двадцати четырех — двадцати семи лет?

Разговор взрослых друзей

Видеозаписи с разговорами взрослых друзей показывают, как развивается молодежный стиль общения. Уходит гнезущая эмоциональная озабоченность темой «я и окружающие». Собеседников явно больше не волнует власть родителей. Но очевидная разница сохраняется в вербальных и невербальных способах выражения дружбы.

Давайте посмотрим на двадцатипятилетних женщин. Они не испытывают дискомфорта, принимая участие в эксперименте, но в их разговоре чувствуется напряженность. Коллизия возникает из-за того, что одна из подруг, на взгляд другой, слишком усердствует в проявлении согласия.

Знаю: нам случалось спорить

Напряженность при речевом выражении согласия и единства заметна на протяжении всего диалога подруг. Интересно, что сходное явление прослеживается уже в разговорах шестиклассниц. В своем стремлении подчеркнуть гармонию и избежать конфликта Джулия постоянно повторяет, что они с Шеннон никогда не ссорились. Шеннон, однако, коротко возражает — такое все же бывало.

Джулия: Мы с тобой никогда не ссорились.

Шеннон: (?) Ну, по-моему, давно.

Джулия: Ну, конечно, мы иногда спо... мы иногда спорим, но никогда не ругаемся. Иногда.

Шеннон: Как тогда, мы играли в классики и спорили, и ругались, и...

Джулия: Да, | но мы никогда не ругались!
 Шеннон: | Но это... (пожимает плечами).

Не все слова Шеннон произносит разборчиво, но очевидно — когда Джулия говорит, что они никогда не ссорились, Шеннон мягко возражает: «Как тогда, мы играли в классики и спорили, и ругались...» Но Джулия настаивает: они только спорили, что само по себе не страшно, но никогда не ругались, что было бы уже серьезно, — и Шеннон быстро перестает перечить.

Тот же червячок сомнения чувствуется и в разговоре Пэм и Марши — двух взрослых женщин, участниц эксперимента Дорвала. Пэм начинает разговор с заявления: ей, в числе прочего, нравится в Марше постоянная готовность согласиться. С ее точки зрения это, по-видимому, комплимент. А может быть, Пэм объясняет, почему выбрала именно Маршу для участия в эксперименте. Но Марша воспринимает это как снижение статуса и намек на то, что у нее нет своего мнения. На протяжении всего разговора она не соглашается с Пэм. Та, в свою очередь, пытается преодолеть разногласие, из-за чего весь разговор превращается в сплошное противоречие.

Марша: Мм, Бог мой, Пэм, но нам же случалось спорить.

Марша: Мы не согласны по многим вопросам. Мм, учеба, например.

Ну, и у тебя такое... такое хорошее...

Пэм: | Хорошее? Ты же видела меня несколько минут назад.

Марша: | Э-э... ну, да, но у тебя такое — у тебя такое хорошее отношение.

Пэм: Да нет, ну что ты...

Марша: Вот видишь, здесь мы не согласны. Я, может быть, не очень уверенный человек, я думаю, и в тебе это тоже есть.

Пэм: Ну, я... Так что ты думаешь о моем отношении к информатике?

Преуменьшение заслуг

Марша пытается доказать, что они с Пэм не во всем согласны и обосновывает это, в частности, тем, что Пэм более уверена в себе да и учится лучше. Это порождает целую волну «самопринижений». Пэм заявляет, что она не столь уверена в себе и не так хорошо учится, как говорит Марша. С другой стороны, она утверждает, что сама Марша успевает лучше, чем пытается представить.

Марша: Нет, ну это совсем другое дело. Ты всегда... ну, у меня вообще ничего не получается. Я могу рассчитывать в лучшем случае на «В»³, да и то если повезет. Я уже не помню, когда в последний раз получала «А».

Пэм: Ты что, не надеешься получить «А»?

Марша: По-моему это просто невозможно.

Пэм: И мне тоже кажется, что я не получу...

Марша: Но, Пэм, каждый раз, знаешь, в начале каждого семестра ты так говоришь, а потом все равно получаешь одни «А».

Пэм: Да какие «А»? Я всегда получаю «В». Я хоть и стараюсь, но никогда не получаю «А». Только «В». Ну, может, кроме психологии. Но уж никак не по всем предметам.

В этом фрагменте Пэм старается подыграть Марше и поддержать таким образом согласие:

Марша: Я уже не помню, когда в последний раз получала «А».

Пэм: Ты что, не надеешься получить «А»?

Пэм занимает позицию: «Я такая же, как и ты».

Марша: По-моему это просто невозможно.

Пэм: И мне тоже кажется, что я не получу...

Но Марша не хочет признать сходства:

Марша: Но, Пэм, каждый, знаешь, в начале каждого семестра ты так говоришь, а потом все равно получаешь одни «А».

Однако Пэм тоже твердо стоит на своих позициях: она не получает «А», а если и получает, то редко:

Пэм: Да какие «А»? Я всегда получаю «В». Я хоть и стараюсь, но никогда не получаю «А». Только «В». Ну, может, кроме психологии. Но уж никак не по всем предметам.

Скромные результаты, подобно обсужденным ранее сходству и согласию, вероятно, служат для Пэм «товаром», который она предлагает за симметрию отношений с Маршей. Как и в случае с предположением Марши о неуверенности Пэм, та воспринимает

---

³ В американской системе образования оценки обозначаются буквами. Высшая оценка — «А».

довод о хороших оценках скорее как обвинение, на которое надо ответить, чем как комплимент.

В качестве контраргумента Пэм приводит довод, что Марша делает успехи на занятиях по религии: «Ты отлично написала тесты — 15 из 15» — а сама Пэм «ни одной главы не прочитала». Создавая симметрию, Марша тут же опровергает свои заслуги: «Там все угадывается на основании здравого смысла». Кстати, в разговоре девочек-шестиклассниц прослеживаются те же тенденции. В самом начале беседы они рассказывают друг другу, как плохо обе катаются на коньках.

Для девочек и женщин демонстрация согласия и схождения друг с другом — способ добиться взаимопонимания. Отличие, несходство и ссоры — угроза гармонии. Мальчики тоже «покупают» взаимопонимание, но платят другой монетой: они не боятся разногласий и им не обязательно быть похожими. Однако в любом случае есть риск перестараться, и заявление Пэм о том, что подруга во всем с ней соглашается, вызывает неприятие у Марши.

Игра этих женщин в преуменьшение собственных заслуг напоминает модель взаимодействия, которую открыл Вильям Бимен в своих иранских исследованиях, назвав ее «добиться покровительства». Этот феномен имеет в своей основе общественную иерархию, утверждает Бимен. Принося свой собственный статус, иранец полагается на милость более сильного и высокого по статусу лица, которое — приняв такое положение вещей — будет обязано покровительствовать ему. Так возникает протекционистская схема.

Хотя женщины иногда могут занимать подобную позицию по отношению к мужчинам, игра, запечатленная на видеозаписи, преследует совершенно другую цель: поддержку симметрии, «выравнивание весов» даже ценой отрицания своих успехов.

Брак — весьма серьезная тема

Двадцатипятилетние мужчины являют совершенно другую картину. Они сидят под углом друг к другу в застывших позах. Тимоти практически не смотрит на Винстона. Винстон, хотя и смотрит на Тимоти, когда слушает, но постоянно отводит взгляд, а когда говорит сам, то вообще не смотрит. Заметно, что поиск темы для обсуждения дается им с большим трудом и они в полной мере ощущают неестественность ситуации. Молодые лю-

ди очень ответственно относятся к указанию говорить о серьезных вещах, и для них «серьезное» — это нечто, имеющее мировое значение, а также тема, в развитие которой они могут внести существенный вклад. И вот на чем они останавливаются:

Винстон: Может, обсудим брак?

Тимоти: Да, это достаточно серьезная тема.

Винстон: Да, это действительно серьезная тема, которой, между прочим, не уделяется достаточно внимания.

Обсуждая брак, то есть тему потенциально личную, мужчины беседуют абстрактно, не затрагивая личные вопросы.

Тимоти: Как ты думаешь, мм, почему столько браков разрушается?

Тут, мм, конечно, широкое поле для размышления...

Винстон: Ну, во-первых, многие торопятся с браком. (6.0) Им просто-таки не терпится жениться.

Тимоти: По-моему, э-э, мне кажется, что люди, многие люди, не скажу, что я, но многие, просто не имеют, ты понимаешь, правильного и зрелого представления о том, что такое любовь. Знаешь, мм, ну не знаю, большинство семейных неурядиц происходит, наверное, из-за того, что люди, мм, понимаешь, слишком эгоистичны.

В принципе, такой разговор достаточно типичен для мужского общения, но не во всем. Согласно стереотипу, да и научным исследованиям, речь женщин менее уверенна, нежели мужская. Но и Тимоти запинается, использует «слова-заполнители» типа «по-моему», «ну-у», «кажется» и т. д. Создается впечатление, что он испытывает глубокий дискомфорт или не совсем уверен в том, что говорит. Похоже, обстановка действует на него угнетающе. С другой стороны, говоря абстрактно, без перехода на личности, он укладывается в рамки стереотипов мужской речи.

В дальнейшем Тимоти рассказывает о своих отношениях с женщиной, с которой встречается. Он сообщает, что подумывал о браке, но не более того, так как старается проявлять осторожность, потому что брак — это навсегда, а кроме того, женщины часто подталкивают мужчин к женитьбе.

Затем Тимоти говорит: «Знаешь, мне не хотелось бы обсуждать свою ситуацию». После короткой паузы Винстон отвечает: «Ну, а у меня все завязано на учебу. У человека неустроенного все вращается вокруг учебы». Винстон таким образом дает по-

нять, что у него нет девушки, поскольку он учится и еще не определился в жизни. Но он выражает это не прямо, а формулирует как более общее утверждение о ситуации, в которой находится: «Ну, а у меня все завязано на учебу». Тимоти задает свой вопрос тоже не прямо. Он говорит: «Мне не хотелось бы обсуждать свою ситуацию», вместо того чтобы спросить: «А как у тебя?». В других контекстах, например, при обсуждении своих предпочтений или решений, более завуалированно обычно высказываются женщины. Но когда речь идет о личных отношениях и чувствах, многие мужчины более уклончивы.

Весьма робкое поведение

Интересный образец завуалированности дает Винстон, заявляя, что мужчины становятся более осторожными в отношениях, когда уже получили печальный опыт или, как он выражается, «обожглись»:

Я думаю, многие начинают, как... может, потому что они молодые, у них такое отношение, они думают, что все, чего они хотят, сбудется на сто процентов, а потом они обжигаются. Или думают, что обожглись. И из-за этого, понимаешь, очень долго потом робеют.

Судя по всему, Винстон намекает, что его самого постигло разочарование, поэтому он и не спешит заводить новые отношения. Но даже если это и так, то он не говорит об этом прямо. Он вообще ничего не говорит о своей личной жизни.

Следуй за лидером

Сравнивая видеозаписи эксперимента, на которых мальчики и девочки или мужчины и женщины разговаривают со своими друзьями, можно найти подтверждение гендерных различий в моделях поведения. Из видеозаписи явствует: девочки и женщины прилагают большие усилия для достижения общности и взаимосвязи — обсуждают неурядицы в своих личных отношениях и стремятся сохранить свое «я», противодействуя попыткам чрезмерного соглашательства. Мальчики и мужчины тоже прилагают большие усилия, но действуют по-другому: они стремятся

сохранить независимость в иерархичном мире и пытаются достичь согласия на конкурентной основе. Однако было бы не совсем справедливо утверждать, что девочки и женщины в дружбе полностью равноправны. Проведенный эксперимент выявляет важный момент: во всех парах друзья занимают неодинаковое положение по отношению друг к другу.

Так, у второклассников явный лидер — Джимми: только он говорит подолгу, он дает указания, он дразнится и он инициирует повороты в разговоре. У шестиклассников лидер — Том. Он вводит большинство новых тем и говорит в основном тоже он. Он также выступает в роли исполнителя в двух примерах разговора-сообщения. Из пятидесяти пяти тем, затронутых в разговоре, Том инициировал сорок. Волт, обычно просто дополнявший и поддерживавший, предложил пятнадцать тем, из которых шесть были связаны с различными предметами в комнате.

У девочек картина более сложная. Второклассницы — единственная пара, где асимметрия практически не наблюдается. Что касается шести- и десятиклассниц, то они занимают явно асимметричные позиции, несмотря на то что их слова призваны показать согласие, поддержку и взаимосвязь. У шестиклассниц роль лидера исполняет Джулия. Из четырнадцати тем двенадцать инициированы ею. В центре обсуждения находятся ее взаимоотношения с Мэри, ее озабоченность тем, как сохранить дружбу, и волнение по поводу отчуждения и утраты. Когда экспериментатор на пятой минуте разговора входит в комнату, именно Джулия говорит с ним. Но с другой стороны, Шеннон «выбирает» тему для беседы, говоря: «Плохо, что вы с Мэри поссорились».

Примерно такую же картину можно наблюдать и у десятиклассников — разговор идет о Нэнси, но предлагает тему Салли. В ответ на вопрос Нэнси: «О чем поговорим?» Салли отвечает: «О твоей маме. Ты говорила с ней?». Что касается количества поднятых тем, то здесь наблюдается определенное равновесие: Салли поднимает девять тем — Нэнси семь. Но все вопросы Салли, кроме одного, относятся к проблемам Нэнси. Как показывают предыдущие исследования, лидером, как правило, является тот, кто поднимает больше тем. С этой точки зрения лидер — Салли, так как она инициирует больше тем, хотя от Нэнси зависит, поддержать их или нет. Но можно ли назвать Салли лидером, если практически все ее темы связаны с Нэнси?

С определенной точки зрения разговор десятиклассников более симметричен, чем беседа их сверстниц: Нэнси и Салли обсу-

ждают только проблемы Нэнси, в то время как и Ричард и Тодд говорят о своих проблемах и оба прерывают друг друга. Что касается взрослых обоого пола, то Пэм среди них — своего рода лидер. Она инициирует темы, на которые Марша просто реагирует. Но затем повторяющийся вопрос, бывают ли у них разногласия, сам становится темой, так как Марша реагирует на слова Пэм об их нерушимом согласии. Взрослые мужчины демонстрируют тот же парадокс: предложение обсудить брак поступило от Винстона, и он же говорит с Дорвалом, когда тот заходит. Но шесть из семи подтем, в которых они обсуждают брак, инициированы Тимоти.

Остается неясным, повышает ли девочка свой статус, рассказывая о своих проблемах, так как находится в центре внимания, или наоборот, понижает, показывая, что у нее много неурядиц. Ведь никто не станет утверждать, что пациент на приеме у психотерапевта обладает бóльшим статусом, потому что он больше говорит и выбирает тему. Можно ли говорить, что выдвигающий темы — лидер и контролирует разговор, если затронутые темы все относятся к собеседнице. Я не могу ответить на эти вопросы, но смогла бы, если бы было известно, все ли время одна из девочек жалуется, а другая ее поддерживает или они меняются ролями. В любом случае очевидно, что вопросы лидерства в общении более сложны, чем может показаться при поверхностном подсчете количества инициированных тем. И несмотря на то что женщины сосредоточены на общении, а мужчины — на статусе, среди женщин тоже имеет место асимметрия, а среди мужчин — симметрия.

При всей своей неоднозначности видеозаписи показывают: с самого раннего возраста и в процессе взросления мальчики и девочки создают два совершенно разных мира, в которых продолжают затем жить мужчины и женщины. И неудивительно, что люди, искренне стремящиеся к добрым и прочным отношениям, так часто обнаруживают, что партнер обманут в своих ожиданиях и недоволен. Хотя мы пытаемся говорить друг с другом откровенно, временами кажется, что мы говорим на разных языках или, по крайней мере, на разных гендерлектах.

Глава 10

Жить в асимметрии: основы коммуникации

Одна американка отправилась в отпуск в круиз, а оказалась в тюрьме в Турции. Читая ее книгу «Никогда не пройду этот путь снова», я поняла, что тяжелое испытание, выпавшее на долю Джин Ле Пер, — пример того ужасающего предела, до которого могут прийти межкультурные различия в стиле общения, то есть в способах создания определенной ситуации. Эта ситуация показывает, какой смысл вы вкладываете в свои слова и зачем вы их произносите. Драматический случай с Ле Пер также иллюстрирует, как опасны попытки избежать конфликта и вежливо отказать, не говоря «нет».

Джин Ле Пер сошла с корабля для короткой экскурсии по древним руинам Турции. В месте археологических раскопок, залюбовавшись руинами, она отстала от группы. Внезапно ей преградил путь торговец древностями. Такого рода товар не интересовал Джин. Тем не менее неожиданно для себя она обнаружила, что держит в руках какую-то каменную голову. Когда она вежливо сказала, что не хочет покупать ее, торговец не взял вещь обратно. Напротив, он всучил ей еще одну голову, которую Джин также автоматически взяла. Так как продавец не желал забирать свой товар обратно, оставался один мыслимый выход — вступить в торг. Она снизила предложенную цену вдвое в надежде, что он откажется, и можно будет уйти. Но торговец согласился понизить цену, и она бросила обе головы в сумку. Но когда она протянула ему деньги, он всучил ей и третью голову. Она еще раз объяснила, что не хочет ничего больше покупать, но он просто отступил назад, чтобы не брать вещь. Не видя иного пути, она заплатила и за нее и пошла дальше — возмущенная и рассержен-

ная. Возвращаясь на корабль, Джин Ле Пер показала покупки таможенникам, а те арестовали ее и бросили в тюрьму за попытку вывезти контрабандой национальное богатство: третья голова оказалась подлинной древностью.

Пожив в Греции и понаблюдав за словесным искусством торгов, я поняла: сам факт вступления в разговор и слова туристки о том, что археологические находки ей не нужны, для торговца означали, что она готова купить их, но по более низкой цене. Не будь у Джин намерения покупать, она бы вообще не заговорила с ним. Туристка продолжила бы путь и прошла бы мимо, не встречаясь с ним глазами, — и, конечно, не взяла бы ничего в руки, как бы настойчиво он ни предлагал ей товар. Всякий раз, когда Джин брала в руки вещь, продавец убеждался в ее заинтересованности, и это побуждало его предложить следующую. Каждый шаг его все более агрессивной торговли был ответом на то, что казалось ему ее торговыми маневрами. Не смотреть на него, не отвечать или, в крайнем случае, просто положить головы на землю — все эти варианты поведения были невозможны для вежливой американки.

Ле Пер дорого заплатила за этот мимолетный сбой в коммуникации представителей разных культур. Хотя межкультурная коммуникация между мужчинами и женщинами обычно имеет менее тяжелые последствия, похожим является процесс возрастающего непонимания, в котором она и проявляется. Но в известной мере недопонимание между мужчинами и женщинами опаснее, так как оно глубже проникает в нашу жизнь, а мы менее подготовлены к нему. Мы ожидаем отличий, когда говорим с людьми родом из других стран, и научены объяснять эти различия в терминах «обычаев» и «культурных установок». Но мы не ожидаем, что семья, друзья, коллеги по работе и супруги, выросшие в «той же культуре» и говорящие на «том же языке», по-разному понимают слова и имеют разные взгляды на мир. Однако часто так и происходит.

Почему положение ухудшается?

Случай Джин Ле Пер иллюстрирует процесс, который Грегори Бейтсон назвал взаимодополняющим расхождением (*complementary schismogenesis*) — нечто вроде взаимного подливания масла в огонь. Это ситуация, когда реакция каждого из

двух человек на поведение другого провоцирует преувеличенные формы отклоняющегося поведения партнера. Возрастающее отчаяние Ле Пер из-за навязчивости продавца вылилось в действия, поощрившее его к дальнейшему навязыванию товара. Например, она предложила низкую цену за две головы, так как не хотела их покупать, но с его точки зрения, это было проявлением интереса и готовностью участвовать в процессе торга. Итак, то, что Джин сделала, чтобы найти выход из положения, только усугубило ситуацию.

Взаимодополняющее расхождение обычно наступает, когда женщины и мужчины обладают направленными на разные объекты чувствительностью и гиперчувствительностью. Например, мужчина, который боится потерять свободу, отстраняется при первом же сигнале, который он истолковывает как попытку «контролировать» его, но его отстранение — это лишь сигнал, вызывающий тревогу у женщины, которая боится утратить близость. Ее попытки сблизиться усугубляют его страх, а его реакция — еще большее отдаление — усиливает ее страх и так далее, по все более расширяющейся спирали. Первым шагом в прерывании этого порочного круга является понимание стилей общения друг друга и мотивов, стоящих за ними.

Неравенство начинается дома

Еще одна причина того, что гендерные различия создают значительно больше сложностей, чем другие межкультурные различия, заключается в том, что они проявляются в родных стенах. Мы все осознаем, что вхождение в совершенно незнакомую культуру влечет за собой риск; поэтому и существует дух приключений, связанный с поездкой за рубеж. Но мы рассчитываем на безопасность в собственном доме. И там мы надеемся быть в равном положении.

Социолог Ирвин Гоффман отмечает, что неравенство вследствие расовых и этнических различий исчезает, когда люди одной и той же расы или этнического происхождения находятся у себя дома «за закрытой дверью». Но именно в частной жизни, в доме, которым мы дорожим как убежищем от внешнего мира, своего добивается гендерное неравенство. Мы не только не избегаем такой дискриминации в наших самых близких отношениях, но едва ли можем представить их отдельно от принятого в обществе гендер-

ного порядка, который в своей основе асимметричен, что подразумевает и различия в статусе. Мы не можем ступить и шага, не занимая положения, которое приписывается нам обществом и гендерной спецификой. Каждым своим поступком мы разыгрываем и создаем свой гендер и свое неравенство.

Физическое соотношение

Женщина и мужчина не могут одинаково проявлять взаимную привязанность. Когда мужчина и женщина гуляют по улице, обнявшись, он обнимает ее за плечи, а она его — за талию. Если их поза более небрежна, его рука может находиться в кармане, а она держит его под руку. Эти позы не являются симметричными. Если женщина идет с мужчиной, обнимая его за плечи, а он держит ее за талию, прохожие с удивлением оглядываются. Если женщина держит руки в карманах, а лицо мужского пола держит ее под руку или ее рука на плечах мужчины, руки которого в карманах, скорее всего, женщина — это мать, а мужчина — ее сын.

Некоторые отмечают, что мужчины кладут руки на плечи женщинам, а не наоборот, поскольку мужчина обычно выше, и поменяться положениями было бы неудобно, если не невозможно. Но эти ритуалы наблюдаются, даже если мужчина не выше и должен напрягаться, чтобы удерживать защищающую позу. Если он слишком низок ростом, чтобы положить руку на плечи женщине, они не меняют положение, а будут просто держаться за руки. Более того, наше общество ожидает, что мужчина будет выше (и старше, и богаче, и умнее) именно потому, что это позиционирует его как защитника — как превосходящего по статусу.

Асимметрия гендерного порядка воплощена в позах, которые принимают мужчины и женщины. Даже самые интимные моменты не могут быть представлены безотносительно гендера. В постели мужчина обычно лежит, растянувшись во всю длину на спине, тогда как женщина лежит на боку, свернувшись и прильнув к нему. Ее голова покоится у него на плече; его рука обнимает ее. Ежедневно мужчины и женщины принимают такие позы автоматически, а их ритуализованный характер является источником комфорта: они кажутся удобными и правильными. Так происходит частично из-за того, что они хорошо знакомы каждому, а частично потому, что они повторяют конфигурации, которые мы бесчисленное количество раз наблюдали на картинах и в жизни. Но воспроизведение ритуала также усиливает асиммет-

рию взаимоотношений, так как он — сильный, решительный, защитник, а она застигнута врасплох, не занимает центрального места и находится под защитой.

Поэтесса Шерил Ромни-Браун написала стихотворение о ратифицированном образе: женщина, кладущая голову на плечо мужчины. Автор показывает, что это действие повторяется в течение всей жизни женщины:

На его плече

Тонкие волосы блестят на его плечах,
Как эполеты, напоминая мне
Шелковые нити, которыми Пенелопа
Ткала гобелен, ожидая,
Когда ее герой вернется домой.
Мы, женщины, всегда тоскуем по мужчинам
Из мифов или рекламы «Мальборо».

Все начинается снова, когда он
Гладит меня по спине. Я вдыхаю запах
И расслабляюсь. Я снова становлюсь
Беззащитной девочкой, хочу только
Закрывать глаза, положить голову
Ему на плечо.

Сколько лет мне было в первый раз,
Может быть, три? Это случилось,
Когда папа пришел домой. «Пожалуйста,
Обними меня, защити меня, оборотней
Выпустили, их глаза яростно горят.
Если не обнимешь, я знаю, я умру».
Я закрыла глаза и положила
Голову ему на плечо.

Когда мне было шестнадцать, созревшей, но невинной,
У беседки, увитой зеленью, жаркой летней ночью
Губы моего первого поклонника легко коснулись моих.
«Мой герой, Твоя Джульетта здесь». Розовый тюль обволок
Мое сердце. Я закрыла глаза и положила
Голову ему на плечо.

Я — взрослая женщина, мать мужчин,
Опыт забывается, память успокаивается,
Лишь только на миг я спасена.
Мой герой здесь, хотя бы на час,

Хочет сразиться, убить всех моих врагов.
Иллюзии, мифы, чтобы ни было правдой,
Я закрываю глаза, кладу голову
Ему на плечо.

Стихотворение Ромни-Браун описывает по-детски беззащитную природу и защитное значение асимметричного объятия, при котором женщина кладет голову на плечо мужчине, прильнув к нему. Поэтесса находит истоки этого восхитительного чувства защищенности в своих отношениях с отцом в детстве. Возможно, маленький мальчик также льнул к отцу или к матери в поисках утешения и защиты. Но, став взрослой, женщина по-прежнему принимает детскую позу в этой конфигурации, тогда как мужчина принял позу, занимаемую родителем.

Это стихотворение также описывает автоматизм, с которым женщина принимает позу человека, находящегося под защитой по отношению к мужчинам, которые не защищают ее в буквальном смысле. Стандартный трафарет неизменно на месте: молодая девушка займет в нем свое место на первом свидании, и он никуда не исчезнет даже полжизни спустя, чтобы она могла войти в него после развода. Роль женщины в этой ритуальной конфигурации неизменна даже тогда, когда она уже давно доказала свою способность защищать других как «мать мужчин».

Устойчивость этих ритуальных конфигураций изображается в главной сцене фильма «Случайный турист». Главный герой, Мэйкон, в смятении чувств оказывается в доме Мюриэл — женщины, проявившей к нему романтический интерес. Мэйкон рассказывает Мюриэл ужасную историю о смерти своего сына и признается, что так и не смог оправиться. Взволнованная его признанием, Мюриэл ведет Мэйкона в спальню, чтобы утешить его после страшной утраты. В постели Мэйкон лежит на спине и поднимает руку, чтобы обнять припавшую к нему Мюриэл. При постановке этой сцены режиссер, очевидно, почувствовал, что общепринятый стандарт — мужчина должен занимать физическое положение защитника и утешителя — был сильнее снимаемой мизансцены, в которой Мюриэл утешает Мэйкона.

То, какие позы женщины и мужчины занимают друг относительно друга, когда они лежат вместе, является лишь одним из хитросплетений асимметрий, предписываемых нашей гендерной принадлежностью и одновременно усиливающих различие в статусе между мужчинами и женщинами. Эти асимметрии очень выразительно описывает Гоффман:

В нашем обществе во всех классах нежнейшее выражение привязанности включает проявления, которые являются политически сомнительными, причем место, занимаемое в них женщиной, отличается от места, занимаемого мужчиной, и обусловлено его местом. Жесты, отражающие привязанность и принятые для мужского и женского пола, отражают также защитника и защищаемого, обнимающего и обнимаемого, утешителя и утешаемого, поддерживающего и поддерживаемого, выражающего любовь и принимающего ее; и то, что мужчина окружает, а женщина окружаема, считается абсолютно естественным. Все это может лишь напомнить нам, что мужское доминирование — особенное, доминирование, которое может быть привнесено в моменты наивысшей любви и нежности не создавая явного напряжения. И действительно: такие моменты едва ли можно представить отдельно от этих асимметрий.

Гендер — непреходящая категория. По словам Гоффмана, это «одна из наиболее глубоко укоренившихся особенностей человека» (!). Мы создаем мужественность и женственность своим поведением, все время полагая, что мы просто действуем «естественно». Но восприятие того, что является естественным, различается у женщин и мужчин. И то, что мы считаем естественно мужским и женским, основывается на асимметрии.

В терминах Гоффмана гендерные отношения строятся по образцу комплекса родитель-ребенок. Другими словами, способы, которыми мы разыгрываем свой гендер, когда пытаемся быть хорошими женщинами и мужчинами, основаны на аналогии с родителями и детьми. Гоффман отмечает, что мужчины по отношению к женщинам — как родители по отношению к детям: любящие защитники, которые придержат дверь открытой, предложат первую конфету, достанут до высоких полок и поднимут тяжести. Но наряду с этими преимуществами детства идут и обязанности: деятельность детей можно прервать, их время и территория могут использоваться. Привилегия быть защищенной сопровождается потерей прав, лишает уважения и признания полноценности. Роль защитника характеризует вас как человека компетентного, умелого и заслуживающего уважения, а роль нуждающегося в защите позиционирует как некомпетентного, неумелого и нуждающегося в снисхождении.

Асимметрии в разговоре: «Для тебя же стараюсь»

Разговаривая с супружескими парами об их общении, я была удивлена тем, как часто мужчины апеллируют к своей роли защитника женщин, объясняя, почему они говорят именно так, как говорят. Например, одна пара рассказала мне о своей последней ссоре. Женщина заметила, что ее муж бережет одну руку и старается ничего ею не делать. Она поинтересовалась, в чем дело. Муж ответил, что рука болит. На вопрос, как долго она болит, он ответил: «Несколько недель». К его удивлению, жена обиделась и рассердилась: «Ты относишься ко мне как к чужому человеку!»

Для нее близость означала говорить о том, о чем думаешь, включая и болезни. Не сообщая ей о больной руке, муж отталкивал ее, дистанцировался своим молчанием. Я инстинктивно поняла точку зрения женщины, но я не сразу поняла мужчину. Он объяснил свои действия в этой ситуации так: «Я считаю, что мужчины с самого начала учатся защищать женщин». Это озадачило меня, и я спросила, что общего между защитой и тем, что он не сказал своей жене о больной руке. «Я защищал ее, — пояснил он. — Зачем тревожить ее, сообщая о боли, ведь это — ерунда и все равно пройдет?»

Избирательность в подаче информации отражает осознаваемую этим мужчиной роль защитника. Она также произрастает из сложившегося порядка и одновременно укрепляет его. В этом порядке он занимает более высокое положение, он сильнее и он обладает властью заставить ее беспокоиться из-за информации, которую сообщает. Этот человек не считает, что пытается уменьшить их близость: он просто не сомневается в ней. В ее же мире сообщение личной информации является основным материалом тесных отношений, поэтому утаивание такой информации лишает ее близости — источника ее жизненной силы. Разная интерпретация одной и той же информации просто отражает беспокойство о разных вещах, как будто супруги настроены на разные частоты.

Вероятно, этот супруг также защищал свою независимость, сопротивляясь чрезмерному проявлению заботы. Но свои мотивы он объяснил не этой причиной. В его системе координат была роль защитника. Сказанное справедливо и в отношении еще одного человека, чья жена жаловалась на совершенно другой тип поведения.

Жену, назовем ее Мишель, возмущала привычка мужа Гарри отвечать совсем не на тот вопрос, который она задает. Вот два типичных диалога их общения:

Мишель: Во сколько начинается концерт?

Гарри: Тебе надо быть готовой в девятнадцать тридцать.

Мишель: Сколько человек придут на обед?

Гарри: Не волнуйся. Еды хватит.

Мишель разочарована: утаивая информацию, Гарри крепко держит бразды правления в их отношениях. А он утверждает, что «вникает», давая ответ исходя из истинной сути вопроса. И та и другой — правы. Причина различной интерпретации одних и тех же слов заключается в неопределенности, свойственной защите. Для Гарри внимание к ее тревогам — элемент защиты; Мишель же считает: входя в роль защитника, муж дает понять, что он более компетентен и может контролировать ситуацию.

Еще один информант сообщил об аналогичных ситуациях в общении с женой. В этом случае, однако, роли меняются местами: именно жена, Валери, предоставляет информацию, которую она считает важной, а не отвечает на заданные вопросы, и именно у ее мужа, Нэда, такое поведение вызывает протест. Вот два примера их диалогов:

Нэд: Ты уходишь?

Валери: Можешь вздремнуть, если хочешь.

Нэд: Ты уже заканчиваешь?

Валери: Хочешь поужинать сейчас?

В свое оправдание Валери дает объяснение, отличающееся от объяснения мужа в предыдущем примере. Она говорит, что предугадывает желания и заботы Нэда.

Эти люди ведут себя одинаково, но по разным причинам. Они искренны в своих мотивах. Для него главное — быть защитником, для нее — броситься на помощь.

Иногда мужчины и женщины, имея (или называя) разные мотивы, ведут себя похожим образом, но существуют также ситуации, когда различающиеся мотивы приводят к различиям в поведении. Каждый человек вырабатывает свой собственный и неповторимый способ уравнивания статусных различий и взаимосвя-

зи с другими. Но если представить эти мотивы как два полюса некоего пространства, то большинство женщин и мужчин окажутся на разных полюсах. Из-за различий в точках зрения мужчина и женщина могут понимать одну и ту же ситуацию по-разному и неверно толковать мотивы друг друга. Только осознав эти различия, можно избежать неверного толкования и увидеть смысл там, где его, на первый взгляд, нет.

Решение головоломки

Один из моих информантов, не скрывая недоумения, поведал о своем друге детства Генри — самом «свободолюбивом» из его приятелей. Каждым своим поступком Генри нарушал нормы и ниспровергал авторитеты: прической (волосы торчали во все стороны), манерой одеваться (броско и нелепо), поступками (глупые телефонные звонки; грубость с учителями), планами на будущее (он отказался поступить в колледж и уехал из страны). Но несколько лет спустя Генри вернулся в Соединенные Штаты, превратившись в традиционалиста. Например, он настаивал, чтобы друзья, приходя к нему, обязательно приводили жен, так как считается, что жены должны везде сопровождать своих мужей. А его политические взгляды становились все более и более консервативными.

А ведь это обычное явление: юноша-бунтарь становится авторитарным взрослым. Вспоминаю свое удивление при чтении наблюдений Шарлотты Линд. Исследовательница изучала беседы полицейских. «Копы» обменивались историями о своих дерзких юношеских проделках, часто упоминая, какими «хулиганами» они были и как ловко нарушали закон в разгульные деньки своей молодости. Эта воображаемая головоломка вернулась ко мне уже в сложенном виде, когда я осознала мир как иерархический общественный порядок. «Прирожденные бунтари и ниспровергатели» не игнорируют власть, а напротив — чрезмерно чувствительны к ней. Игнорирование власти — это способ самоутверждения и отказ принимать зависимое положение. Когда же такие люди становятся достаточно взрослыми или достаточно признанными, чтобы занять влиятельное положение, способом самоутверждения становится укрепление власти, так как теперь иерархия действует в их пользу.

Я разгадала и другую загадку — загадку наших с отцом сходств и различий. Например, отец передал мне свою любовь к чтению и слову. «Какую книгу ты читаешь?» — регулярно спрашивал он, когда я была ребенком. Каково же было мое разочарование, когда, повзрослев, я порекомендовала ему некоторые из понравившихся мне романов, а он не смог дочитать их до конца. «Ужасно скучно, — говорил он. — В них ничего не происходит». А отец никак не мог убедить меня прочитать те книги, которые нравились ему в детстве (например, «Три мушкетера»), да и потом (например, «Мальтийский сокол»). Как и большинству мужчин, моему отцу интересно действие. И именно по этой причине моя мама огорчается: она говорит отцу, что неважно себя чувствует, а он предлагает отвезти ее к доктору. Он сосредоточен на действии, в то время как она ищет сочувствия.

Два пути к сопричастности

Выражение сочувствия и предложение помощи могут быть разными способами достижения одной и той же цели — вовлеченности в жизнь других, сопричастности. Общение служит как универсальной человеческой потребности в вовлеченности, так и параллельной, но противоположной потребности в независимости. Так же, как женщины и мужчины часто имеют противоположные представления о близости, они часто по-разному воспринимают и независимость. Для одних человеческие отношения в основе своей иерархичны. В этом случае быть независимым значит лидировать, а не подчиняться. Но возможна иная точка зрения. Можно избежать зависимости или подчинения, но в то же время и не доминировать. Другими словами, существует симметричная, а не асимметричная независимость.

То, что эти два взгляда характерным образом отражают представления мужчин и женщин о независимости, подтверждается научным трудом Филипа Блумстейна и Пеппера Шварца «Американские супружеские пары». Один супруг, мнение которого они считают типичным, сказал: ему необходимо быть независимым и чтобы другие зависели от него. Это является следствием роли защитника, которая «встраивается» в представление общества о мужественности. Различие в исходных установках мужчин и женщин относительно независимости проявляется и в их отношении к деньгам. Блумстейн и Шварц обнаружили: мужчинам

наличие денег дает ощущение власти, а женщинам они обеспечивают уверенность и автономность — просто возможность не быть от кого-то зависимой. Примечателен также результат сравнения исследователями гетеросексуальных и гомосексуальных пар — только среди лесбийских пар более высокий доход одной из партнерш не вел и к повышению властности в союзе. Было обнаружено, что лесбиянки используют деньги, чтобы избежать зависимости, а не для доминирования. И только среди пар мужчин-гомосексуалистов один из партнеров чувствовал себя явно более преуспевающим, если доход второго партнера был ниже.

Когда достоинства становятся источником неприятностей

Разное понимание независимости проистекает из разных видов отношений, которые женщины и мужчины усваивают и строят в детстве и в период взросления. И эти несоизмеримые миры предъявляют разные требования к представителям обоих полов. Требование поддерживать связи с другими посредством демонстрации знаний и умений и добиваться относительно высокого положения может стать тяжким бременем для мальчиков и мужчин. А требование достигать социального статуса, избегая конфликтов и не показывая, что ты лучше других, — бременем для девочек и женщин.

Иногда женщины страдают от гипертрофированной сопричастности. Например, их ожидание, что проблемы одного человека должны обязательно быть соотнесены с проблемами другого, может восприниматься как назойливое требование «поделиться» сходными неприятностями. Одна из информанток отозвалась о своей подруге: «Мариан пытается втянуть меня в свои неврозы, предполагая, что у меня такие же проблемы, как и у нее. Мне это не нравится — у меня таких проблем нет». Похожее чувство испытала и другая информантка, Джил: ее подруга Элизабет всегда говорит о своих личных трудностях как об общих: «У нас с этим неприятности» или «Это для нас проблема». Делая подобные утверждения, Элизабет ожидает, что Джил расскажет аналогичный случай из собственного опыта. Если Джил говорит: «Для меня это не проблема», Элизабет чувствует себя отвергнутой и упрекает Джил в том, что та пренебрегает ей. «Некоторые женщины не терпят различий, — говорит Джил. — Они не позволяют тебе иметь какую-либо индивидуальность».

Как женщины не всегда вполне удовлетворены своей дружбой с женщинами, так и многие мужчины недовольны своей дружбой с мужчинами. Некоторые из них говорили мне, что предпочитают дружить с женщинами, так как с мужчинами сложнее общаться. Один информант рассказал: лишь через два года после переезда в новый город он сумел найти двух приятелей, которые готовы были разговаривать о своем состоянии души, обсуждать свои и его проблемы, — мужчин, в которых он не видел соперников. Потребность мужчин постоянно быть сильными и независимыми можно расценить как проявление обязательного требования не иметь проблем. Вот что услышала Катрин Колер Райсман от разведенного мужчины: «Кому же понравится, если другие узнают о твоих неурядицах... Всегда стараешься держать проблемы в себе...»

Некоторые информанты заметили, что именно американцы особенно любят превращать дружескую беседу в состязание. А один англичанин сказал, что на родине его лучшими друзьями были мужчины; эмигрировав в Соединенные Штаты, он больше дружит с женщинами. Побывав в Англии, он провел некоторое время со старым другом. «Мы уступали друг другу, — сказал он, объясняя разницу в манере общения. — Мы не пытались поставить себя один выше другого и доминировать». Один американец выразил похожее мнение: с мужчинами-европейцами легче разговаривать. «Разговаривать с мужчинами-американцами, — заявил он, — это все равно, что находиться в зоне военных действий».

Но рассказчик, потративший два года на поиск друзей, тем не менее сумел найти двоих. И все мы знаем женщин и мужчин, которые некоторым образом больше «похожи» на противоположный пол, чем на свой собственный. Это вполне естественно, так как люди вырабатывают модели поведения под влиянием бесчисленных факторов — таких как регион, где они выросли, этническое происхождение, религиозная и культурная принадлежность, социальный класс, огромный запас личного опыта и генетическая наследственность — все это делает жизнь и личность каждого человека уникальными. Но понять модель, относительно которой можно оценить индивидуальные различия, — значит найти отправную точку не только для самопонимания, но также и для развития гибкости, то есть способности поступать по-другому, если привычные автоматические способы не приносят результата.

Как мужчины, так и женщины выигрывают, изучая стили общения друг друга. Многие женщины могли бы научиться у муж-

чин положительно реагировать на конфликт и различие, не рассматривая их как угрозу близости, а многие мужчины могли бы поучиться у женщин взаимной зависимости, не рассматривая ее как угрозу своей свободе.

Склонность женщин оберегать близость, избегая конфликтов, также объясняет удивительные на первый взгляд данные Блумстейна и Шварца: женщины хотят проводить больше времени вдаль от партнеров, чем мужчины. Полагаю, тому есть две причины. Во-первых, тип общения с подругами у многих женщин отличается от типа общения с супругом или другом, и они не могут его реализовать в присутствии партнера. Во-вторых, в общении с мужьями и друзьями женщины больше приспособливаются и подстраиваются, добиваясь гармонии ценой своих собственных предпочтений. По этой причине общение с супругами требует от них большего напряжения, чем от мужчин, которые в меньшей степени склонны приспособливаться.

Если машинальное приспособление является усилием, то таким же является и сопротивление воле других. Иногда более действенно занять положение союзника, но самый «лучший» стиль — гибкий. Самый свободный человек — это тот, кто может выбирать, какие стратегии использовать, а не тот, кто снова и снова покорно разыгрывает один сценарий, как всем нам свойственно. В «автоматическом» поведении нет ничего в корне неверного. Если бы мы не вели себя в большинстве случаев автоматически, любой пустяк потребовал бы чрезмерной концентрации и огромных затрат энергии. Но, осознав свои стили общения и их действенность, мы сможем преодолеть автоматические импульсы и изменить коммуникативные привычки, если они нам не помогают.

Всякое бывает

Пытаясь лучше понять стили общения, люди часто спрашивают меня, что «на самом деле значит» определенное выражение или разговорная привычка, на что я всегда отвечаю: любая фраза или прием неоднозначны. Вспомним практику наложения речевых отрезков — начинать высказывание, когда кто-либо уже говорит, — которая на первый взгляд кажется однозначной, но может иметь различные значения и цели: слушающий может говорить вместе с говорящим, чтобы выразить поддержку или чтобы изменить тему разговора. Даже изменение те-

мы может иметь широкий спектр значений — быть сигналом отсутствия интереса, попыткой завладеть разговором или чем-то вроде «приема взаимного откровения» — соотношением равноценного опыта говорящего и слушающего. И даже взаимное откровение может осуществляться с разными мотивами: или в духе взаимосвязи, чтобы наладить отношения и подчеркнуть сходство, или в духе соперничества, чтобы быть во главе разговора и представить себя как более значимую личность.

В статье Ли Кронк доказывается, что одинаковое поведение может иметь разный смысл. Автор сравнивает дарение подарков в разных культурах. Приводя пример из африканской культуры, Кронк описывает обычай «хксаро» (*hxaro*), говоря словами человека племени кун, которого зовут !Ксома: «Хксаро — это когда я беру ценную вещь и дарю ее тебе. Потом, гораздо позже, когда ты находишь какую-нибудь хорошую вещь, ты в ответ даришь ее мне. Когда я найду что-нибудь хорошее, я подарю это тебе, и так мы вместе проведем годы». На вопрос, что считается честным обменом (например, сколько нитей бус вы должны отдать, если ваш друг подарил вам копье?), !Ксома ответа не дал, но объяснил, что любое отдаривание будет приемлемым, так как «мы не обмениваемся вещами, мы обмениваемся с людьми».

В Новой Гвинее, напротив, существует обычай под названием «мока» (*moka*), согласно которому подарки дарят, чтобы добиться престижа и опозорить соперников. Существует легенда о подарке «мока», сделанном в 1970-х гг.: он состоял из нескольких сотен свиней, нескольких коров и диких птиц, грузовика, мотоцикла и нескольких тысяч долларов наличными. Говорят, даритель заявил «благодетельствованному»: «Я победил. Я одолел тебя таким подарком».

В этих двух культурах один и тот же ритуал — дарение подарков — имеет очень разные значения. «Хксаро» совершается среди друзей и является сотрудничающим действием, тогда как «мока» принят среди соперников и по сути своей соревнователен. Ключевое различие между двумя обычаями — это симметрия в противовес асимметрии. В «хксаро» обмен подарками симметричен: каждый друг дарит нечто подобное. А в «мока» он асимметричен, и каждый из соперников пытается превзойти других, поэтому он может победить в этом «соревновании».

Так как любое высказывание или действие может быть результатом самых разнообразных мотивов и намерений, рискованно полагаться на свою интуицию, определяя, что «означает»

высказывание или действие. У человека племени кун, вероятно, будет совершенно иная инстинктивная реакция на подарок, чем у представителя племени Новой Гвинеи, где принят обычай «мока». Понимание этого — ключ к совершенствованию общения и отношений между женщинами и мужчинами. Всем нам пошло бы на пользу не доверять своим автоматическим реакциям на слова окружающих, особенно если эти реакции негативны. Напротив, нам следует попытаться увидеть вещи с точки зрения другого человека. Зная, что мужчины и женщины часто по-разному воспринимают мир и по-разному говорят, можно глубоко осознать и смягчить воздействие этого конфликта на собственные взаимоотношения.

Основы коммуникации

Многие специалисты уверяют нас, что мы действуем неверно и должны изменить свое поведение. Это легко сказать, но трудно выполнить. Так, групповая психотерапия оценивает мужчин по критериям женщин, пытаясь заставить их говорить в манере, более свойственной женщинам. Тренинг по выработке уверенности в себе, в свою очередь, оценивает женщин по стандартам мужчин и пытается заставить их говорить в мужской манере. Без сомнения, многим людям можно помочь, научив их быть более восприимчивыми или более уверенными в себе. Но нельзя помочь человеку, заявляя, что он все делает неправильно. Да и нет, наверное, ничего неправильного в привычном поведении людей, даже если все заканчивается спорами. Проблема, видимо, в том, что каждый из партнеров действует в рамках своей системы, говорит на своем гендерлекте.

Возникают очевидные вопросы: можно ли научить гендерлекту? Могут ли люди изменить свои разговорные стили? Если захотят — да, они могут изменить их — до некоторой степени. Но те, кто задает эти вопросы, редко хотят изменить свой собственный стиль общения. Обычно они собираются отправить «в ремонт» стиль своих партнеров, хотят, чтобы он или она изменились. Изменение своего собственного стиля гораздо менее привлекательно. Ведь стиль — это не только то, как вы ведете себя, но и то, кем вы себя ощущаете. Поэтому существует более реальный подход — научиться понимать послания друг друга и объяснять свои собственные так, чтобы ваш партнер мог понять их и принять.

Понимание гендерлектов позволяет измениться — заговорить по-другому, если вы захотите. Но даже если никто не меняется, понимание гендерлектов улучшает взаимоотношения. Когда люди понимают, что их партнеры имеют другой стиль общения, они готовы мириться с различиями, не обвиняя самих себя, партнеров или взаимоотношения. Самая большая ошибка — это полагать, что существует единственно верный способ слушать, говорить, вести беседу или даже строить отношения. Ничто не ранит так глубоко, как приписывание дурных намерений, когда вы не задумывали ничего дурного, или упрек в неправильных действиях, когда вы просто что-то делаете по-своему.

Не осознавая значимости стилевых различий, люди делают выводы о характере («ты нелогична», «ты неуверен(а)», «ты занят(а) только собой») или намерениях («ты не слушаешь», «ты меня унижаешь»). Понимание же стилевых различий смягчает их остроту. Убеждение, что «я тебе не интересен», «ты не заботишься обо мне так, как я о тебе» или «ты хочешь лишить меня свободы», очень болезненно. Убеждение, что «ты просто по-другому показываешь, что слушаешь» или «проявляешь свою заботу», позволяет вести общение без поиска виноватых: вы можете просить о чем-то или приспособливаться к кому-либо, не обвиняя другого и не чувствуя виноватым себя.

Если вы поймете гендерные различия в том, что я называю разговорным стилем, вы, возможно, не сможете предотвратить возникновение противоречий, но у вас будет больше шансов не допустить их эскалации и выхода из-под контроля. Когда искренние попытки договориться заходят в тупик, а любимый человек кажется неразумным и упрямым, разные языки, на которых говорят мужчины и женщины, могут сотрясти основы нашей жизни. Понять, как говорят другие люди, — значит сделать огромный прыжок через пропасть в общении между женщинами и мужчинами и огромный шаг к самой основе коммуникации.

Примечания

Библиографические данные исследований, которые упоминаются ниже, даны в разделе «Литература». Если в список литературы внесены более одной статьи или книги одного автора или авторов, примечание указывает, на какой источник сделана ссылка. Библиографическая информация из газетных сообщений и других вторичных источников дается здесь.

Предисловие

- 238 Мое исследование косвенности в общении называется «Ethnic Style in Male-Female Conversation».
- 238 Похожая сдержанность сопровождает исследование стилевых различий национальных меньшинств. Например, Эндрю Хаккер (*Hacker Andrew*. Affirmative Action: The New Look // *The New York Review of Books*. October 12. 1989. P. 68) обсуждает инцидент, когда организации по защите прав темнокожих людей потребовали изъять из обращения справочник нью-йоркского департамента образования, в котором объясняется, что у людей со светлой и темной кожей разные стили обучения. Несмотря на то что это исследование было проведено чернокожей исследовательницей Джанис Хейл-Бенсон, протестующие заклеили полученные сведения как расистские. Хаккер объясняет: «Вопрос, конечно же, состоит в том, будут ли тенденции, анализируемые Хейл-Бенсон, истолкованы не просто как другие, но и как худшие». Ключевым словом здесь является слово «истолкованы». Реакция читателей может совершенно отличаться от намерений исследователей.
- 239 Моя статья «Did You Say What I Just Heard?» опубликована в «The Washington Post» (12 октября 1986 г. С. D3). В «Toronto Star» версия этой статьи была опубликована (без моего ведома) 16 ноября 1986 г., на с. D1 под названием «Why We Should Also Listen Between the Lines». Учебник, в который включены выдержки из этой отредактированной версии, — «People in Perspective» (second edition, edited by Wayne Sproule, Scarborough, Ontario: Prentice-Hall, 1988). Несмотря на то что я дала разрешение на публикацию в этом сборнике при ус-

- ловии, что удаленное предложение будет восстановлено, статья была напечатана в таком же отредактированном виде, как и в «Star».
- 240 Метафору «замести что-то под ковер» (*sweep smth. under rug*) я заимствовала у Робин Лакофф. Впервые я ее услышала на лекции Лакофф, которую она читала в Институте лингвистики Мичиганского университета в 1973 г.
- 241 *Abby Abinanti. Lawyer // Women and Work: Photographs and Personal Writings*, text ed. by Maureen R. Michelson, photographs ed. by Michael R. Dressler and Maureen R. Michelson, Pasadena, CA: NewSage Press 1986. P. 52

Глава 1. Разные слова, разные миры

- 245 Термин «взаимосвязь» (*connection*) как цель, мотивирующая женщин, напомнит читателям известную работу Кэрол Гиллиган о нравственном развитии девочек. Хотя эта работа могла повлиять на мой выбор термина, я не цитирую этого автора в книге, так как структура статус — взаимосвязь является непосредственным следствием проблемы власть — солидарность — одного из основных понятий социолингвистики. Это понятие было введено Роджером Брауном и Альбертом Джилманом в статье 1960 г. (*Roger Brown and Albert Gilman. The Pronouns of Power and Solidarity*), изучено Полом Фридрихом в статье 1972 г. (*Paul Friedrich. Social Context and Semantic Feature: The Russian Pronominal Usage*) и широко распространено в литературе по социолингвистике (см. главу 1 «Address Forms» в: *Ralph Fasold. The Sociolinguistics of Language*). Динамика этого аспекта как мотивировки разговора является основной темой моей книги «That's not what I meant», изданной в 1986 г., которая включает главу под названием «Power and Solidarity». В этой книге я использую слова «статус» (*status*) и «взаимосвязь» (*connection*) вместо терминов «власть» (*power*) и «солидарность» (*solidarity*), так как понимаю, что для неподготовленного читателя, в отличие от социолингвистов, последние термины имеют другой оттенок значения: «власть» в просторечии означает намеренное удержание власти в своих руках, а «солидарность» напоминает политику Польши.
- 249 Слова Тома Уиттакера процитированы в: *A Salute to Everyday Heroes // Newsweek. July 10. 1989. P. 46.*
- 253 Термин «введение в рамки» (*framing*) упоминается у Грегори Бейтсона (*Gregory Bateson. A Theory of Play and Fantasy // Steps to an Ecology of Mind*). Это понятие было разработано Ирвингом Гоффманом (*Erving Goffman*) в книге «Frame Analysis» и главе «Footing» книги «Forms of Talk».
- 253 Гоффман обсуждает понятие «расстановка» (*alignment*) в книге «Frame Analysis» и главе «Footing».

- 259 Страницы книги Райсман не указываются, так как на момент сдачи этой книги в печать ее труд еще не был опубликован.
- 260 The Pros and Cons of an Academic Career: Six Views from Binghamton // The Chronicle of Higher Education. January 25, 1989. P. A15.
- 262 Барри Торн (Barrie Thorne) исследовала, как много времени мальчики и девочки проводят вместе и раздельно. Посмотрите, например, ее статью «Girls and Boys Together... But Mostly Apart: Gender Arrangements in Elementary Schools».
- 264 Термин «позиционирование» (*positioning*) был подсказан мне Бронвином Дейвисом. См.: *Davies and Harré. Positioning: Conversation and the Production of Selves.*
- 266 Элис Уолкер высказала это замечание в интервью в передаче «The Diane Rehm Show», WAMU, Washington, DC, August 31, 1989.

Глава 2. Асимметрии: у женщин и мужчин разные цели общения

- 269 Кристоферы обсуждали свою книгу «Mixed Blessings» в передаче «The Diane Rehm Show», WAMU, Washington, DC, June 6, 1989.
- 270 Я заимствовала термин «разговор о неприятностях» (*troubles talk*) у Гейл Джефферсон (*Gail Jefferson. On the Sequential Organization of Troubles-Talk in Ordinary Conversation*).
- 270 Цитата из «Clobbering Her Ex» — рецензии на книгу Элис Эдамс (*Alice Adams. After You've Gone*), напечатанной в «The New York Times Book Review». October 8, 1989. P. 27.
- 271 Брюс Дорвал сделал видеозаписи бесед друзей разных возрастных групп. Процесс сбора видеоматериала и описание записей представлены в его книге «Conversational Coherence and Its Development». В разделы книги включены результаты анализа отобранных видеозаписей, сделанного исследователями разных научных дисциплин. В этот сборник включен и мой анализ гендерных различий записанных бесед, который также является основой главы 9 этой книги.
- 271 Выдержки из транскрипций бесед предоставлены Брюсом Дорвалом и его ассистентами. Я сверила и местами доработала эти транскрипции, а также внесла некоторые изменения в пунктуацию, чтобы облегчить чтение неспециалистам. В транскрипциях бесед, представленных в книге, применяются такие условные обозначения: круглые скобки указывают вводную интонацию (высота и громкость голоса понижаются; интонация выравнивается); (?) — что-то было произнесено, но это нельзя разобрать; многоточие — говорящий оборвал себя на полуслове или не договорил фразу; курсив — эмфатическое ударение; заглавные буквы — усиленное эмфатическое ударение; многоточие вида <...> — опущено несколько строк. Многоточие без пробелов вида... — паузы; слова, выделенные жирным шрифтом, являются ключевыми в приводимом примере.

- 274 «Новый рай» («New Haven»), как и другие цитируемые рассказы Элис Маттисон (Alice Mattison), опубликован в сборнике: *Great Wits*. N. Y.: William Morrow, 1988. Эта цитата со с. 63.
- 275 *Mattison*. New Haven. P. 64.
- 275 *Mattison*. The Knitting. P. 36
- 277 Альтернативную интерпретацию предложил мне Ральф Фэйсольд.
- 287 *Mattison*. The Colorful Alphabet. P. 125.

Глава 3. «Отложи газету и поговори со мной!»: контактоустанавливающий разговор и разговор-сообщение

- 290 Конни Эбл (Connie Eble. P. 469) при упоминании «прищепки» ссылается на Джеральда Карсона (Gerald Carson, p. 55), который пишет: «В Ист Хэмптоне (Нью-Йорк) прищепки прицепляли на слишком «беспокойные» языки...».
- Среди тех, кто исследует исторически устойчивый стереотип женской болтливости — Деннис Барон (Dennis Baron), Кони Эбл (Connie Eble), Алетт Хилл (Alette Hill) и Черис Крамер (Cheris Kramer). Дебора Джеймс и Джанис Дракич (Deborah James and Janice Drakich) написали обзорную статью об исследованиях, устанавливающих, кто говорит больше — женщины или мужчины.
- 292 Людям кажется, что женщины говорят больше, даже если они говорят наравне с мужчинами. Такой вывод сделали многие исследователи, включая Дэйл Спендер (*Dale Spender. Man Made Language*) и Каролу Эдельски (*Carole Edelsky. Who's Got the Floor*). Майра и Дэвид Садкеры (*Myra and David Sadker. Sexism in the Schoolroom of the '80s*) сообщают, что, когда учителям показали видеозапись классной дискуссии, те единогласно решили, что девочки были разговорчивее, хотя в действительности мальчики говорили в три раза больше.
- 293 Политолог Эндрю Хаккер в рецензии на книгу: *Anthony Pietropinto and Jacqueline Simenauer. Husbands and Wives: A Nationwide Survey of Marriage*, также заметил, что причиной развода женщины часто, а мужчины, состоявшие с ними в браке, — редко, называют недостаток общения (*A. Hacker. Divorce à la Mode // The New York Review of Books. May 3. 1979. P. 24*).
- 294 Здесь я снова отсылаю читателя к работе Мальца и Боркер (Maltz and Borker), в которой резюмируются и обобщаются исследования других ученых, включая Марджори Харнесс Гудвин, Бэрри Торна, Донны Идер и Морин Халлинан, Памелы Фишман и Джанет Левер.
- 294 Исследователи часто отмечают, что мужчины называют своими лучшими друзьями жен, а женщины — подруг, а не мужей. См., например, *Robert Sternberg and Susan Grajek. The Nature of Love*.
- 301 Смил была гостьей радиопередачи «The Mike Cuthbert Show», WAMU, Washington, DC, 17 января 1989 г.

- 302 Понятие «закулисье» (*backstage*) предложено И. Гоффманом в труде: *Erving Goffman. The Presentation of Self in Everyday Life.*
- 305 Робертс и Джапп представили выводы своего исследования в Институте лингвистики при университете Джорджтауна.

Глава 4. Сплетни

- 309 *Marge Piercy. Fly Away Home. New York: Summit, 1984. P. 235.*
- 309 *Eudora Welty. One Writer's Beginings. Cambridge, MA: Harvard University press, 1984. P. 14.*
- 310 *Mary Catherine Bateson. P. 193.*
- 310 *Mattison. New Haven. P. 63.*
- 311 *Ann Packer. Mendocino // The New Yorker. June 6. 1988. P. 38.*
- 315 *Ursula Le Guin. In and Out // The New Yorker. January 16. 1989. P. 30.*
- 317 *Edna O'Brien. The Widow // The New Yorker. January 23. 1989. P. 31.*
- 317 *Dan Baltz. The Public Politics of Rumor // The Washington Post. June 8. 1989. P. A1, A10.*
- 318 *Nora Ephron. Heartburn. New York: Pocket Books, 1983. P. 123.*
- 321 Относительно готовности мальчиков говорить о проблемах, Пенелопа Эккерт обнаружила различия среди исследуемых старшеклассников, основывающиеся на том, к какой группе они принадлежали — «спортсменам» (*jocks*) или «отпетым» (*burnouts*): первые не говорили, а последние говорили о проблемах.
- 323 *Stephens. P. 13.*
- 323 *N. R. Kleinfield. The Whistle Blower's Morning After // The New York Times. November 9. 1986. Section 3. P. 1. Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse.*
- 324 Эпизод из книги Рассела Бейкера (*Russell Baker. The Good Times*) взят из рецензии Р. З. Шепарда (*R. Z. Shepard. Restless on His Laurels*), опубликованной в «Time», June 5, 1989. P. 83—84.
- 325 *Celia Fremlin. The Jealous One. Chicago: Academy, 1985. P. 16—17.* На этот отрывок мое внимание обратил Стив Барिश.
- 327 *Mattison. Sleeping Giant. P. 124.*
- 329 Статья Рэнди Рейланд (*Randy Reiland*) о партнерах Шерри Тернер и Линде Рэббитт опубликована в «The Washingtonian», June 1988. P. 34.
- 329 *Elisabeth Loftus. Trials of an Expert Witness // «My Turn» column, Newsweek. June 29. 1987. P. 10.*
- 331 Здесь я ссылаюсь на ток-шоу Ф. Донахью. Я пересказала реплики гостя и одного из слушателей, основываясь на просмотренном шоу. Транскрипция шоу — *Donahue Transcript # 031188* — имеется в распоряжении Multimedia Entertainment, Inc.
- 332 Об исследовании врачей — мужчин и женщин — сообщается в журнале *Psychiatry '86. August 1986. P. 1, 6.*

Глава 5. «Я тебе объясню»: чтение и прослушивание «лекций»

339 Ссылка на *Aries*, 1982.

339 Ссылка на *Aries*, 1976.

340 *Fox*, p. 61

341 Мнение мистера Х. о том, как пишут женщины, напомнило мне замечания критиков-мужчин относительно романов современной греческой писательницы Лилики Накос. Так как ее романы насыщены разговорными идиомами, у некоторых критиков сложилось неправильное мнение о талантах Накос. Например, один из них назвал ее мастерскую прозу «спонтанными излияниями», а другой — «не литературой, а беседой». Эти и другие описания можно найти в моей книге «Lilika Nakos».

342 *Jules Feiffer*. *Grown Ups*. New York: Samuel French, 1982. P. 7—9, 26—27.

347 *A. R. Gurney*. *Conversation Piece* // «My Turn» column, *Newsweek*. June 26. 1989. P. 10—11.

347 Ссылка на *Aries*, 1976.

350 Мальтц и Боркер не проводили нового исследования, а скорее обобщили данные, полученные рядом других исследователей. Утверждение, что женщины задают больше вопросов и выражают больше реакций слушающего, следует из исследований Памелы Фишман (*Pamela Fishman*) и Линетт Хиршман (*Lynette Hirschman*). А утверждение, что женщины чаще реагируют положительно, приписывается этим же исследователям, а также Фреду Стродбекку (*Fred Strodbeck*) и Ричарду Манну (*Richard Mann*).

352 Ссылка на *Aries*, 1976.

354 *Frederick Barthelme*. *War with Japan* // *The New Yorker*. December 12. 1988. P. 44, 45.

356 Письмо, подписанное Эвелиной Эйрон, г. Мехико, Мексика, напечатанное в «*Psychology Today*», May 1988. P. 5.

Глава 6. Общность и соревнование: столкновение стилей общения

357 Статьи Эми Шелдон (*Amy Sheldon*) и Кэмпбела Липера (*Campbell Leaper*) посвящены исследованиям взаимосвязи гендера и пола.

358 Цитата из *Ong*, p. 51.

359 *Blumstein and Schwartz*, p. 212.

360 *Sachs*, p. 183.

360 Страницы ссылки не указываются, так как на момент сдачи книги в печать труд Гудвин еще не был издан.

362 *Sachs*, p. 180—181.

- 363 *Rodger Kamenetz. Confessions of a Meddling Dad // Working Mother.* May 1989. P. 224.
- 364 Вертикальная линия означает наложение речевых отрезков: девочки говорят одновременно.
- 364 О том, что мальчики предпочитают соревновательные игры, говорится у Джанет Левер (Janet Lever) (1978), а также у Гудвин (Goodwin).
- 365 Такие жалобы действительно можно часто слышать, и прямая конфронтация имеет место. Ее провоцирует третья девочка, которая передает услышанную критику. В таком случае ссора происходит не из-за первоначальной жалобы, а из-за обиды, что говорят за спиной. О такой же модели поведения сообщает Эми Шуман (Amy Shuman), наблюдавшая общение темнокожих старшеклассниц в Филадельфии.
- 368 *Corsaro and Rizzo*, p. 63.
- 369 *Eva Hoffman. Lost in Translation: A Life in a New Language* (N. Y.: E. P. Dutton, 1989. P. 18—19).
- 369 *Corsaro and Rizzo*, p. 34.
- 371 *Jane Shapiro. Volpone // The New Yorker.* November 30. 1987. P. 39.
- 380 *Anne Tyler. The Accidental Tourist* (N. Y.: Alfred A. Knopf, 1985. P. 280).
- 380 Ссылка на *Frank*, 1988.
- 381 Студенты, которые заметили гендерные различия в классных изложениях, — Елизабет Новелл и Лалзарлиани Малсавма.
- 382 Название этой главы — «Общность и соревнование» («Community and Contest») — взято из названия статьи Джонстоуна (Johnstone).
- 383 Цитаты по *Fox*, p. 61, 62, 65.
- 384 Ссылка на *Lever*, 1978.
- 385 Ссылка на *Eckert*, 1990.
- 385 Цитата из *Lever*, 1978. P. 478.
- 386 По мнению Уолтера Онга, данные о том, что преуспевающие женщины превосходят «трудовой компетенцией», были обнаружены Беверли и Отис Дункан (Beverly and Otis Duncan).
- 387 Заявление Опри Уинфри прозвучало в: *Mary'Ann Bendel. TV's Super-Women // Ladies' Home Journal.* March 1988. P. 170.
- 388 Высказывания Джейн Медоуз — из книги *Richard Meryma. The Jayne Meadows Story // Lear's.* June 1989. P. 84. Стив Аллен высказал свое мнение в интервью в передаче «The Diane Rehm Show», WAMU, Washington, DC, 11 октября, 1989.

Глава 7. Кто кого перебивает? Доминирование и контроль

В основе этой главы лежит моя статья «Interpreting Interruption in Conversation».

- 393 Как правило в доказательство более частого перебивания женщин мужчинами цитируются Кендес Уэст и Дон Зиммерман (например, West and Zimmerman, 1983, 1985; Zimmerman and West, 1975). Но и многие другие исследователи пришли к такому же выводу (например, Eakins and Eakins, Greif). В настоящее время Дебора Джеймс и Джанис Дракич пишут обзор литературы, посвященной вопросам перебивания.
- 394 Нарушение права на высказывание является вопросом степени интенсивности перебивания, — эта идея принадлежит Стивену Мюррею (Stephen Murray).
- 395 Примеры взяты из *West and Zimmerman*, 1983, p. 105. Вертикальные линии показывают наложение речевых отрезков: два одновременно звучащих голоса.
- 396 Транскрипции основываются на транскрипциях Гринвуд (Greenwood), которые были незначительно изменены для облегчения чтения; в них также изменены имена. Вертикальные линии показывают «примыкание»: второй собеседник начинает говорить сразу после того, как замолчал предыдущий, — без паузы.
- 400 Анализ бесед, в которых участвовал сам исследователь, — общепринятая практика у социолингвистов. Они убеждены: потерю в объективности компенсируют два важных фактора: способность записывать и анализировать протекающую в естественных условиях беседу и более глубоко понимать происходящее.
- 401 Я заимствовала термин «примыкание» (*latching*) из работы Сакс, Щеглоф и Джеферсон (Sacks, Schegloff and Jefferson). Джейн Фок (Jane Falk) придумала термин «конверсационный дуэт» (*conversational duet*) и описала феномен, когда два говорящих разделяют единственную роль в беседе.
- 406 Джанис Хорняк (Janice Horneyak) записала, транскрибировала и проанализировала этот отрывок в сочетании с моим курсом лекций по анализу дискурса в университете Джорджтауна, прочитанном весной 1989 г.
- 408 Выдержка из письма Даррелла к Миллеру взята из статьи Вивиан Горник (*Vivian Gornick. Masters of Self-congratulation, a review of «The Durrell-Miller Letters», ed. by Ian S. MacNiven // The New York Times Book Review. November 20. 1988. P. 47).*
- 408 Цитата Нэнси Рейган из ее книги «My Turn», выдержки из которой опубликованы в «Newsweek» (October 23. 1989. P. 66).
- 410 Доводы, что я, Мальц и Боркер под межкультурной гипотезой «скрываем» реальное доминирование мужчин, убедительно доказываются в работе *Nancy Henley and Cheris Kramarae*.
- 414 *Lorrie Moore. You're Ugly Too // The New Yorker. July 3. 1989. P. 34, 38, 40.*

Глава 8. Как бы не так

- 417 Ссылка на исследование Матины Хорнер взята из К. Гиллиган (Carol Gilligan).
- 418 Другие исследования «живого» общения девочек проводились и Пенелопой Эккерт, а также Донной Идер.
- 421 *Bergman*, p. 2—4; *Gilligan*, p. 33—34
- 423 Эпитафия, написанная Джейн Хайнс Райс своей сестре Джойс Хайнс, опубликована в бюллетене: Alum Notes: Hunter College High School Alumanae/i Association, Fall 1988. P. 3—4.
- 425 Статья Carol Krucoff «Sexes: Who's Talking?» опубликована в «The Washington Post» (November 9, 1981. P. D5).
- 426 Исследовательский проект, на который я ссылаюсь, описан в Tanpen, 1982.
- 428 *Aries*, 1987, делает обзор исследований, проверяющих утверждение Лакофф относительно расчлененных вопросов.
- 428 Торн, Крамаре и Хенли в одной из глав своей книги (Thorne, Kramarae and Henley, 1983) анализируют статьи, сравнивающие речь женщин и мужчин, цитируют исследования, в которых обнаружено, что если женщины и мужчины говорят одинаково, их оценивают по-разному.
- 429 Цитаты по *Komarovsky*, p. 13, 158, 159, 162, 353.
- 430 *Erica Jong. Fear of Flying*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1973. P. 118—119.
- 435 *Ursula Le Guin*. In and Out // *The New Yorker*. January 16, 1989. P. 31.
- 435 Ссылка на *Aries*, 1982.
- 436 Оценку книге «The Case for Girls' School» дает Элизабет Гриффит (Elisabeth Griffith) в «The Washington Post Educational Review» (August 6, 1989). М. Элизабет Тидбол (M. Elizabeth Tidball) анализирует собственное исследование и исследования других ученых, свидетельствующих о превосходящих успехах выпускниц колледжей для девушек. В исследовании Майры и Дэвида Садкер (Myra and David Sadker) обнаружено, что девочки в образовательном процессе в смешанных классах становятся «зрителями»: их намного реже спрашивают; когда они все-таки принимают участие в классных дискуссиях, маловероятно, что их выступления в конце концов будут оценены или с вниманием выслушаны; да и учителя более склонны делать что-то за них, чем объяснять им, как это сделать.
- 437 Ссылка на *Aries*, 1976.
- 440 «Язык сковывает женщин» («Language Keeps Women in Their Place») — это заголовок, предложенный газетой «St. Louis Post-Dispatch» для моей статьи, опубликованной в разделе политических комментариев 12 октября 1984 г. Эта же статья, но под заголовком «How the Instilled Gender Sense of Words Handicapped Ferraro», опубликована в газете

«Baltimore Evening Sun» (November 9, 1984, P. A15). Последние два раздела данной главы опираются на материалы этой статьи.

441 Статья опубликована в газете «Newsweek», August 6, 1989, P. 17.

442 Семейная фотография Ферарро напечатана в «Newsweek», August 27, 1984, P. 21.

Глава 9. «Смотри на меня, когда разговариваешь»

444 При поддержке Общества по исследованию развития детей, Брюс Дорвал пригласил меня вместе с другими учеными проанализировать его видеозаписи. Как отмечено в примечании к главе 2, Дорвал дает описание хода исследования, транскрипции бесед и их анализ, сделанный другими учеными в своей книге «Conversational Coherence and Its Development». Эта глава содержит данные, изложенные в моей статье из этого сборника «Gender Differences in Conversational Coherence: Physical Alignment and Topical Cohesion», а также материал статьи «Gender Differences in Conversational Coherence: Creating Involvement in Best Friends' Talk».

453 *Thorne*, p. 170.

454 Позже я изучила и другие записи из исследования Дорвала и убедилась, что они соответствуют описанной здесь модели.

467 Причиной якобы «ложного» начала фразы (*false start*) (Марша: «У тебя такое... У тебя такое хорошее отношение») стало прерывание говорящей. Между этими двумя фразами в комнату вошел исследователь (согласно замыслу эксперимента) и кратко напомнил испытуемым об их задаче.

Глава 10. Жить в асимметрии: основы коммуникации

474 *Gene LePere*. *Never Pass This Way Again* (Bethesda, MD: Adler and Adler, 1987).

476 Многочисленные примеры взаимодополняющего расхождения в отношениях см. *Watzlawick, Beaven and Jackson*.

476 Здесь и далее ссылка на: *Goffman*. *Gender Display // Gender Advertisements*.

478 «На его плече» — «In the Crook of his Neck» // *Circling Home*. Washington, DC: *Scripta Humanistica*, 1989, P. 27—28.

480 «Gender Display», p. 7—9.

484 «American Couples», p. 73—76, 163.

488 При упоминании племени Кунг, живущего в пустыне Калахари, Кронк (*Cronk*) ссылается на Ричарда Ли (*Richard Lee*), антрополога

университета Торонто. Он приписывает ритуал «мока» (moka) маунтхагенским племенам Новой Гвинеи и приводит примеры похожего ритуала в одном из племен Британской Колумбии — Квакиутл, отмечая, что при описании церемонии «дарения собственности» антропологи обычно употребляют термин на языке индейцев племени чинуков *potlatch*. Я признательна Ральфу Фейсольду за то, что он обратил мое внимание на эту статью.

Литература

- Anderson, Elaine S. 1977. *Learning to Speak with Style*. Ph. D. dissertation, Stanford University.
- Aries, Elizabeth. 1976. «Interaction Patterns and Themes of Male, Female, and Mixed Groups». *Small Group Behavior* 7:1.7—18.
- Aries, Elizabeth. 1982. «Verbal and Nonverbal Behavior in Single-Sex and Mixed-Sex Groups: Are Traditional Sex Roles Changing?» *Psychological Reports* 51.127—134.
- Aries, Elizabeth. 1987. «Gender and Communication». *Sex and Gender*, ed. by Phillip Shaver and Clyde Hendrick, 149—176. Newbury Park, CA: Sage.
- Baron, Dennis. 1986. *Grammar and Gender*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Bateson, Gregory. 1972. *Steps to an Ecology of Mind*. New York: Ballantine.
- Bateson, Mary Catherine. 1984. *With a Daughter's Eye: A Memoir of Margaret Mead and Gregory Bateson*. New York: William Morrow.
- Becker, A. L. 1988. «Attunement: An Essay in Philology and Logophilia». *On the Ethnography of Communication: The Legacy of Sapir*. Essays in honor of Harry Hoijer, 1984, ed. by Paul V. Kroskrity, 109—146. Los Angeles: UCLA Department of Anthropology.
- Beeman, William O. 1986. *Language, Status, and Power in Iran*. Bloomington: Indiana University Press.
- Befu, Harumi. 1986 [1974]. «An Ethnography of Dinner Entertainment in Japan». *Japanese Culture and Behavior*, ed. by Takie Sugiyama Lebra and William P. Lebra, 108—120. Honolulu: University of Hawaii Press.
- Bennett, Adrian. 1981. «Interruptions and the Interpretation of Conversation». *Discourse Processes* 4:2.171—188.
- Blumstein, Philip, and Pepper Schwartz. 1984. *American Couples: Money, Work, Sex*. New York: William Morrow.
- Bohn, Emil, and Randall Stutman. 1983. «Sex-Role Differences in the Relational Control Dimension of Dyadic Interaction». *Women's Studies in Communication* 6.96—104.
- Bradley, Patricia Hayes. 1981. «The Folk-Linguistics of Women's Speech: An Empirical Examination». *Communication Monographs* 48.73—90.
- Brooks-Gunn, Jeanne, and Wendy Schempp Matthews. 1979. *He & She: How Children Develop Their Sex Role Identity*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.

- Brown, Penelope. 1990. «Gender, Politeness, and Confrontation in Tenejapa». *Discourse Processes* 13:1.
- Brown, Roger, and Albert Gilman. 1960. «The Pronouns of Power and Solidarity». *Style in Language*, ed. by Thomas Sebeok, 253—276. Cambridge, MA: M.I.T. Press.
- Caraveli, Anna. 1986. «The Bitter Wounding: The Lament as Social Protest in Rural Greece». *Gender and Power in Rural Greece*, ed. by Jill Dubisch, 169—194. Princetown, NJ: Princeton University Press.
- Carson, Gerald. 1966. *The Polite Americans: A Wide-Angle View of Our More or Less Good Manners over 300 Years*. New York: William Morrow.
- Chafe, Wallace. 1987. «Humor as a Disabling Mechanism». *American Behavioral Scientist* 30:3.16—25.
- Cheepen, Christine. 1988. *The Predictability of Informal Conversation*. London: Pinter. New York: Columbia University Press.
- Coates, Jennifer. 1986. *Women, Men, and Language*. London: Longman.
- Condry, John, and Sandra Condry. 1976. «Sex Differences: A Study of the Eye of the Beholder». *Child Development* 47.812—819.
- Conley, John M., William M. O'Barr, and E. Allen Lind. 1979. «The Power of Language: Presentational Style in the Courtroom». *Duke Law Journal*, Vol. 1978, no. 6.
- Corsaro, William, and Thomas Rizzo. 1990. «Disputes in the Peer Culture of American and Italian Nursery School Children». *Conflict Talk*, ed. by Allen Grimshaw, 21—66. Cambridge: Cambridge University Press.
- Cronk, Lee. 1989. «Strings Attached». *The Sciences*, May/June, 2—4.
- Davies, Bronwyn, and Rom Harré. 1990. «Positioning: Conversation and the Production of Selves». *Journal for the Theory of Social Behaviour* 20:1.
- Deakins, Alice H. 1989. *Talk at the Top: Topics at Lunch*. Ms., English Department, William Paterson College.
- Dorval, Bruce (ed.). 1990. *Conversational Coherence and Its Development*. Norwood, NJ: Ablex.
- Dubisch, Jill. 1986. «Culture Enters Through the Kitchen: Women, Food, and Social Boundaries in Rural Greece». *Gender and Power in Rural Greece*, ed. by Jill Dubisch, 195—214. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Duncan, Beverly, and Otis Dudley Duncan. 1978. *Sex Typing and Social Roles*. With the collaboration of James A. McRae, Jr. New York: Academic Press.
- Eakins, Barbara Westbrook, and R. Gene Eakins. 1978. *Sex Differences in Communication*. Boston: Houghton Mifflin.
- Eble, Connie C. 1976. «Etiquette Books as Linguistic Authority». *The Second LACUS Forum 1975*, ed. by Peter A. Reich, 468—475. Columbia, SC: Hornbeam.
- Eckert, Penelope. 1989. *Jocks and Burnouts*. New York: Teachers College Press.
- Eckert, Penelope. 1990. «Cooperative Competition in Adolescent 'Girl Talk.'» *Discourse Processes* 13:1.
- Edelsky, Carole. 1981. «Who's Got the Floor?» *Language in Society* 10.383—421.

- Eder, Donna. 1990. «Serious and Playful Disputes: Variation in Conflict Talk Among Female Adolescents». *Conflict Talk*, ed. by Allen Grimshaw, 67—84. Cambridge: Cambridge University Press.
- Eder, Donna, and Maureen Hallinan. 1978. «Sex Differences in Children's Friendships». *American Sociological Review* 43:237—250.
- Eder, Donna, and Stephanie Sanford. 1986. «The Development and Maintenance of Interactional Norms Among Early Adolescents». *Sociological Studies of Child Development*, Vol. 1, ed. by Patricia A. Adler and Peter Adler, 283—300. Greenwich, CT: JAI Press.
- Erickson, Frederick. 1990. «Social Construction of Discourse Coherence in a Family Dinner Table Conversation». *Conversational Coherence and Its Development*, ed. by Bruce Dorval, 207—238. Norwood, NJ: Ablex.
- Esposito, Anita. 1979. «Sex Differences in Children's Conversations». *Language and Speech* 22, Pt. 3, 213—220.
- Falk, Jane. 1980. «The Conversational Duet». *Proceedings of the Sixth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*, 507—514. Berkeley, CA: Department of Linguistics, University of California.
- Fasold, Ralph W. 1990. *The Sociolinguistics of Language*. Oxford: Basil Blackwell.
- Fishman, Pamela M. 1978. «Interaction: The Work Women Do». *Social Problems* 25:4:397—406. Revised version in *Language, Gender and Society*, ed. by Barrie Thorne, Cheris Kramarae, and Nancy Henley, 89—101. Rowley, MA: Newbury House, 1983.
- Fox, Thomas. 1990. «Gender Interests in Reading and Writing». *The Social Uses of Writing: Politics and Pedagogy*, 51—70. Norwood, NJ: Ablex.
- Frank, Jane. 1988. «A Comparison of Intimate Conversations: Pragmatic Theory Applied to Examples of Invented and Actual Dialog». *The SECOL Review* 12:3:186—208.
- Frank, Jane. 1989. «Communicating 'by Pairs': Agreeing and Disagreeing Among Married Couples». Ms., Georgetown University.
- Friedrich, Paul. 1972. «Social Context and Semantic Feature: The Russian Pronominal Usage». *Directions in Sociolinguistics*, ed. by John J. Gumperz and Dell Hymes, 270—300. New York: Holt, Rinehart and Winston. Reprint, Oxford: Basil Blackwell.
- Geis, Michael L. 1987. *The Language of Politics*. New York: Springer-Verlag.
- Gilligan, Carol. 1982. *In a Different Voice: Psychological Theory and Women's Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gleason, Jean Berko. 1987. «Sex Differences in Parent-Child Interaction». *Language, Gender, and Sex in Comparative Perspective*, ed. by Susan U. Philips, Susan Steele, and Christine Tanz, 189—199. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gleason, Jean Berko, and Esther Blank Greif. 1983. «Men's Speech to Young Children». *Language, Gender and Society*, ed. by Barrie Thorne, Cheris Kramarae, and Nancy Henley, 140—150. Rowley, MA: Newbury House.
- Goffman, Erving. 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City, NY: Doubleday.

- Goffman, Erving. 1967. *Interaction Ritual*. Garden City, NY: Doubleday.
- Goffman, Erving. 1974. *Frame Analysis*. New York: Harper and Row.
- Goffman, Erving. 1979. «Gender Display». *Gender Advertisements*, 1—9. New York: Harper and Row.
- Goffman, Erving. 1981. «Footings». *Forms of Talk*, 124—159. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Goodwin, Marjorie Harness. In press. *He-Said-She-Said: Talk as Social Organization Among Black Children*. Bloomington: Indiana University Press.
- Goodwin, Marjorie Harness, and Charles Goodwin. 1987. «Children's Arguing». *Language, Gender, and Sex in Comparative Perspective*, ed. by Susan U. Philips, Susan Steele, and Christine Tanz, 200—248. Cambridge: Cambridge University Press.
- Greenwood, Alice. 1989. *Discourse Variation and Social Comfort: A Study of Topic Initiation and Interruption Patterns in the Dinner Conversation of Pre-adolescent Children*. Ph.D. dissertation, City University of New York.
- Greif, Esther Blank. 1980. «Sex Differences in Parent-Child Conversations». *Women's Studies International Quarterly* 3:2/3.253—258.
- Hayashi, Reiko. 1988. «Simultaneous Talk — from the Perspective of Floor Management of English and Japanese Speakers». *World Englishes* 7:3.269—288.
- Henley, Nancy, and Cheris Kramarae. Forthcoming. «Miscommunication, Gender and Power». *Handbook of Miscommunication and Problematic Talk*, ed. by Nikolas Coupland, John Wiemann, and Howard Giles. Bristol: Multilingual Matters.
- Hill, Alette Olin. 1986. *Mother Tongue, Father Time: A Decade of Linguistic Revolt*. Bloomington: Indiana University Press.
- Hirschman, Lynette. 1973. «Female-Male Differences in Conversational Interaction». Paper presented at the annual meeting of the Linguistic Society of America, San Diego, CA.
- Hoffman, Eva. 1989. *Lost in Translation: A Life in a New Language*. New York: E. P. Dutton.
- Horner, Matina S. 1972. «Toward an Understanding of Achievement-Related Conflicts in Women». *Journal of Social Issues* 28.157—175.
- Hughes, Linda A. 1988. «'But That's Not Really Mean': Competing in a Cooperative Mode». *Sex Roles* 19:11/12.669—687.
- James, Deborah, and Janice Drakich. 1989. «Understanding Gender Differences in Amount of Talk». Ms., Linguistics Department, University of Toronto, Scarborough Campus.
- Jefferson, Gail. 1988. «On the Sequential Organization of Troubles-Talk in Ordinary Conversation». *Social Problems* 35:4.418—441.
- Johnstone, Barbara. 1989. «Community and Contest: How Women and Men Construct Their Worlds in Conversational Narrative». Paper presented at Women in America: Legacies of Race and Ethnicity, Georgetown University, Washington, DC.
- Kalčík, Susan. 1975. «'...Like Ann's Gynecologist or the Time I Was Almost Raped': Personal Narratives in Women's Rap Groups». *Journal of*

- American Folklore* 88:3—11. Reprinted in *Women and Folklore*, ed. by Claire R. Farrer. Austin: University of Texas Press.
- Keenan, Elinor. 1974. «Norm-makers, Norm-breakers: Uses of Speech by Men and Women in a Malagasy Community». *Explorations in the Ethnography of Speaking*, ed. by Richard Bauman and Joel Sherzer, 125—143. Cambridge: Cambridge University Press.
- Keller, Evelyn Fox. 1985. *Reflections on Gender and Science*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Kennedy, Robinette. 1986. «Women's Friendships on Crete: A Psychological Perspective». *Gender and Power in Rural Greece*, ed. by Jill Dubisch, 121—138. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Kochman, Thomas. 1981. *Black and White Styles in Conflict*. Chicago: University of Chicago Press.
- Komarovsky, Mirra. 1962. *Blue-Collar Marriage*. New York: Vintage.
- Kramarae, Cheris. 1981. *Women and Men Speaking*. Rowley, MA: Newbury House.
- Kuipers, Joel C. 1986. «Talking About Troubles: Gender Differences in Weyewa Speech Use». *American Ethnologist* 13:3.448—462.
- Labov, William. 1972. «The Linguistic Consequences of Being a Lame». *Language in the Inner City*, 255—292. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Labov, William, and David Fanshel. 1977. *Therapeutic Discourse*. New York: Academic Press.
- Lakoff, Robin. 1975. *Language and Woman's Place*. New York: Harper and Row.
- Lange, Deborah. 1988. «Using *Like* to Introduce Constructed Dialogue: How *Like* Contributes to Discourse Coherence». Master's thesis, Georgetown University.
- Leeper, Campbell. 1988. «The Sequencing of Power and Involvement in Girls' and Boys' Talk». Ms. submitted for publication, Psychology Department, University of California, Santa Cruz.
- Leet-Pellegrini, H. M. 1980. «Conversational Dominance as a Function of Gender and Expertise». *Language: Social Psychological Perspectives*, ed. by Howard Giles, W. Peter Robinson, and Philip M. Smith, 97—104. Oxford: Pergamon.
- Leffler, Ann, D. L. Gillespie, and J. C. Conaty. 1982. «The Effects of Status Differentiation on Nonverbal Behavior». *Social Psychology Quarterly* 45:3.153—161.
- Lehtonen, Jaakko, and Kari Sajavaara. 1985. «The Silent Finn». *Perspectives on Silence*, ed. by Deborah Tannen and Muriel Saville-Troike, 193—201. Norwood, NJ: Ablex.
- Lever, Janet. 1976. «Sex Differences in the Games Children Play». *Social Problems* 23.478—483.
- Lever, Janet. 1978. «Sex Differences in the Complexity of Children's Play and Games». *American Sociological Review* 43.471—483.

- Linde, Charlotte. 1988. «The Use of Narrative in the Negotiation of Values: Group Identity in an Airborne Police Agency». Paper presented at the annual meeting of the Linguistic Society of America, New Orleans.
- Macke, Anne Statham, and Laurel Walum Richardson, with Judith Cook. 1980. *Sex-Typed Teaching Styles of University Professors and Student Reactions*. Columbus: Ohio State University Research Foundation.
- Maltz, Daniel N., and Ruth A. Borker. 1982. «A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication». *Language and Social Identity*, ed. by John J. Gumperz, 196—216. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mitchell, Carol. 1985. «Some Differences in Male and Female Joke-Telling». *Women's Folklore, Women's Culture*, ed. by Rosan A. Jordan and Susan J. Kalčik, 163—186. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Moerman, Michael. 1987. «Finding Life in Dry Dust». *Talking Culture: Ethnography and Conversation Analysis*, 19—30. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Murray, Stephen O. 1985. «Toward a Model of Members' Methods for Recognizing Interruptions». *Language in Society* 13.31—41.
- Newcombe, Nora, and Diane Arnkoff. 1979. «Effects of Speech Style and Sex of Speaker on Person Perception». *Journal of Personality and Social Psychology* 37.1293—1303.
- Newman, Barbara Miller. 1971. *Interpersonal Behavior and Preferences for Exploration in Adolescent Boys: A Small Group Study*. Ph.D. dissertation, University of Michigan.
- Ong, Walter J., S. J. 1981. *Fighting for Life: Contest, Sexuality, and Consciousness*. Ithaca, NY: Cornell University Press. Paperback: Amherst, MA: University of Massachusetts Press, 1989.
- Philipsen, Gerry. 1975. «Speaking 'Like a Man' in Teamsterville: Culture Patterns of Role Enactment in an Urban Neighborhood». *Quarterly Journal of Speech* 61.13—22.
- Reisman, Karl. 1974. «Contrapuntal Conversations in an Antiguan Village». *Explorations in the Ethnography of Speaking*, ed. by Richard Bauman and Joel Sherzer, 110—124. Cambridge: Cambridge University Press.
- Riessman, Catherine Kohler. In press. *Divorce Talk: Women and Men Make Sense of Personal Relationships*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Sachs, Jacqueline. 1987. «Young Children's Language Use in Pretend Play». *Language, Gender, and Sex in Comparative Perspective*, ed. by Susan U. Philips, Susan Steele, and Christine Tanz, 178—188. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sacks, Harvey, Emanuel A Schegloff, and Gail Jefferson. 1974. «A Simplest Systematics for the Organization of Turntaking for Conversation». *Language* 50:4.696—735.
- Sadker, Myra, and David Sadker. 1985. «Sexism in the Schoolroom of the '80s». *Psychology Today*, March 1985, 54—57.

- Sadker, Myra, and David Sadker. 1986. «Sexism in the Classroom: From Grade School to Graduate School». *Phi Delta Kappan* 67:7.
- Sattel, Jack W. 1983. «Men, Inexpressiveness, and Power». *Language, Gender and Society*, ed. by Barrie Thorne, Chéris Kramarae, and Nancy Henley, 119—124. Rowley, MA: Newbury House.
- Schiffrin, Deborah. 1984. «Jewish Argument as Sociability». *Language in Society* 13:3.311—335.
- Scollon, Ron. 1982. «The Rhythmic Integration of Ordinary Talk». *Analyzing Discourse: Text and Talk. Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics 1981*, ed. by Deborah Tannen, 335—349. Washington, DC: Georgetown University Press.
- Scollon, Ron, and Suzanne B. K. Scollon. 1981. *Narrative, Literacy and Face in Interethnic Communication*. Norwood, NJ: Ablex.
- Sheldon, Amy. 1990. «Pickle Fights: Gendered Talk in Preschool Disputes». *Discourse Processes* 13:1.
- Sherzer, Joel. 1987. «A Diversity of Voices: Men's and Women's Speech in Ethnographic Perspective». *Language Gender, and Sex in Comparative Perspective*, ed. by Susan U. Philips, Susan Steele, and Christine Tanz, 95—120. Cambridge: Cambridge University Press.
- Shultz, Jeffrey, Susan Florio, and Frederick Erickson. 1982. «Where's the Floor? Aspects of the Cultural Organization of Social Relationships in Communication at Home and at School». *Ethnography and Education: Children in and out of School*, ed. by Perry Gilmore and Alan Glatthorn, 88—123. Washington, DC: Center for Applied Linguistics (distributed by Ablex, Norwood, NJ).
- Shuman, Amy. 1986. *Storytelling Rights: The Uses of Oral and Written Texts by Urban Adolescents*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Siegler, David M., and Robert S. Siegler. 1976. «Stereotypes of Males' and Females' Speech». *Psychological Reports* 39.167—170.
- Smith, Frances. 1990. *Gender and the Framing of Exegetical Authority in Sermon Performances*. Ph.D. dissertation, Georgetown University.
- Spender, Dale. 1980. *Man Made Language*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Stephens, Mitchell. 1988. *A History of News: From the Drum to the Satellite*. New York: Viking.
- Sternberg, Robert J., and Susan Grajek. 1984. «The Nature of Love». *Journal of Personality and Social Psychology* 47.312—329.
- Strodtbeck, Fred L., and Richard D. Mann. 1956. «Sex Role Differentiation in Jury Deliberations». *Sociometry* 19.3—11.
- Swacker, Marjorie. 1976. «Women's Verbal Behavior at Learned and Professional Conferences». *The Sociology of the Languages of American Women*, ed. by Betty Lou Dubois and Isabel Crouch, 155—160. San Antonio: Trinity University.
- Tannen, Deborah. 1982. «Ethnic Style in Male-Female Conversation». *Language and Social Identity*, ed. by John J. Gumperz, 217—231. Cambridge: Cambridge University Press.

- Tannen, Deborah. 1983. *Lilika Nakos*. Boston: G. K. Hall.
- Tannen, Deborah. 1984. *Conversational Style: Analyzing Talk Among Friends*. Norwood, NJ: Ablex.
- Tannen, Deborah. 1986. *That's Not What I Meant! How Conversational Style Makes or Breaks Your Relations with Others*. New York: William Morrow.
- Tannen, Deborah. 1989. «Interpreting Interruption in Conversation». *Papers from the 25th Annual Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. Part Two: Parasession on Language in Context*, ed. by Bradley Music, Randolph Graczyk, and Caroline Wiltshire, 266—287. Chicago: Chicago Linguistic Society.
- Tannen, Deborah. 1989. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tannen, Deborah. 1990. «Gender Differences in Conversational Coherence: Physical Alignment and Topical Cohesion». *Conversational Coherence and Its Development*, ed. by Bruce Dorval, 167—206. Norwood, NJ: Ablex.
- Tannen, Deborah. 1990. «Gender Differences in Topical Coherence: Creating Involvement in Best Friends' Talk». *Discourse Processes* 13:1.
- Thorne, Barrie. 1986. «Girls and Boys Together ... but Mostly Apart: Gender Arrangements in Elementary Schools». *Relationships and Development*, ed. by Willard W. Hartup and Zick Rubin, 167—184. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
- Thorne, Barrie, Cheri Kramarae, and Nancy Henley. 1983. «Language, Gender and Society: Opening a Second Decade of Research». *Language, Gender and Society*, ed. by Barrie Thorne, Cheri Kramarae, and Nancy Henley, 7—24. Rowley, MA: Newbury House.
- Tidball, M. Elizabeth. 1989. «Women's Colleges: Exceptional Conditions, Not Exceptional Talent, Produce High Achievers». *Educating the Majority: Women Challenge the Tradition*, ed. by Carol S. Pearson, Donna L. Shavlik, and Judith G. Touchton, 157—172. New York: Macmillan.
- Wall, Harriet M., and Anita Barry. 1985. «Student Expectations for Male and Female Instructor Behavior». *Women in Higher Education: Traditions, Transitions and Revolutions*, ed. by Roy E. Cheatham, 283—291. Proceedings for Women in Higher Education Conferences. St. Louis: Saint Louis University, Metropolitan College, and SAASS, Inc.
- Watson, Karen A. 1975. «Transferable Communicative Routines». *Language in Society* 4.53—72.
- Watzlawick, Paul, Janet Helmick Beavin, and Don D. Jackson. 1967. *The Pragmatics of Human Communication*. New York: Norton.
- West, Candace, and Don H. Zimmerman. 1983. «Small Insults: A Study of Interruptions in Cross-Sex Conversations Between Unacquainted Persons». *Language, Gender, and Society*, ed. by Barrie Thorne, Cheri Kramarae, and Nancy Henley, 103—117. Rowley, MA: Newbury House.
- West, Candace, and Don H. Zimmerman. 1985. «Gender, Language, and Discourse». *Handbook of Discourse Analysis, Vol. 4: Discourse Analysis in Society*, ed. by Teun A. van Dijk, 103—124. London: Academic Press.

- White, Jane J. 1989. «The Power of Politeness in the Classroom: Cultural Codes That Create and Constrain Knowledge Construction». *Journal of Curriculum and Supervision* 4:4.298—321.
- Yamada, Haru. 1989. *American and Japanese Topic Management Strategies in Business Conversations*. Ph.D. dissertation, Georgetown University.
- Zimmerman, Don H., and Candace West. 1975. «Sex Roles, Interruptions and Silences in Conversation». *Language and Sex: Difference and Dominance*, ed. by Barrie Thorne and Nancy Henley, 105—129. Rowley, MA: Newbury House.

Беттина Барон

«Закрытое общество»

Существуют ли гендерные различия в академической профессиональной коммуникации?

Перевод с немецкого М. В. Томской

---

* *Baron B.* Geschlossene Gesellschaft: Gibt es geschlechtsspezifische Unterschiede im universitären Fachgespräch? // Gender Studies an der Universität Konstanz. Vortragsreihe im Sommersemester 1996 / Frauenrat der Universität Konstanz. Konstanz, 1996. S. 114–129.

Статья посвящена различным типам выражения несогласия в профессиональной коммуникации, чему предпосылается предназначенное для лингвистов введение в проблематику. При этом необходимо дифференцировать подвиды коммуникативных жанров — в противном случае остается неучтенной специфика контекста. Некоторые особенности несогласия (завуалированность / уклончивость, создание когерентности, метод объективации, определенные стратегии иронии и т. д.) коррелируют со степенью официальности, структурированности и публичности типа коммуникативного общения и выраженности различий в статусе участников. Симметрия и асимметрия отношений между участниками коммуникации позволяют, в частности, классифицировать определенное речевое действие как угрожающее имиджу / агрессивное или как нейтральное / неагрессивное вплоть до льстивого. Конфронтация и резкость ведущейся дискуссии, напротив, ничего не говорят об иерархических и личных отношениях (уважении) между коммуникантами.

Предпочтение тем или иным полом некоторых стилей речи и типов речевых действий может быть подтверждено, однако оно строго обусловлено контекстом; существование независимой от контекста «женской» манеры говорить не подтверждается. Тем не менее у женщин и мужчин наблюдаются четкие различия в конструировании статуса эксперта. Соответствующие выводы согласуются с исследованиями речевого поведения в контексте СМИ. Именно в рамках высокоофициального общения и даже при симметричной иерархии в группе коммуникантов женщины в большинстве случаев выбирают речевые стратегии, вызывающие ассоциации с низким статусом говорящего.

1. Введение:

Экскурс в историю феминистской лингвистики

1.1. Исследования первых двух десятилетий

Говоря об успехах гендерных исследований в языкознании, нельзя не упомянуть университет Констанца: именно отсюда в конце 70-х и начале 80-х гг. исходили сильнейшие импульсы для формирования в немецкоязычном пространстве направления, которое позже было названо «феминистской лингвистикой». Дилетанты и неопиты по-прежнему ассоциируют лингвистическое изучение полов в университете с именами Сенты Трёмель-Плётц и Луизы Ф. Пуш, хотя обе исследовательницы уже давно не преподают в Констанце. Дух борьбы 70-х гг. отразился в названиях книг: «Насилие через язык», «Немецкий язык — язык мужчин», «Все люди — сестры». В свое время Сента Трёмель-Плётц завершила свою лекцию по случаю вступления в должность профессора программным заявлением:

Женский язык — это значит, что женщины говорят с верой в себя и уверенностью в себе, компетентно, эмоционально, мягко; разрабатывают свои собственные стили: литературные, разговорные, профессиональные, поэтические; становятся слышимы, слушают друг друга, и другие слышат их. Женский язык означает изменение¹.

Об утопии свободного от власти дискурса сегодня говорят не так смело; однако не стоит иронизировать над необходимой фазой, давшей мощный толчок лингвистическим гендерным исследованиям. С тех пор, разумеется, из научного ручья утекло нема-

---

¹ [Trömel-Plötz 1982], цит. по: [Samel 1995].

ло воды; сегодня оппозиция «женский язык и мужской язык» не рассматривается больше как противопоставление двух взаимоисключающих стилей. Радикальные формулировки, несомненно, не имеют никакого отношения к науке, а создаются СМИ, поляризованные и популяризованные для воздействия на публику, что вредит престижу гендерных исследований. Лингвистика, а именно интеракциональная социолингвистика, никогда не придерживалась непродуманного эссенциалистского подхода, согласно которому изначально существует безоговорочно данная половая идентичность, производным которой является остающийся неизменным, обусловленный полом стиль речевого поведения (ср. подробнее об этом [Kotthoff 1996c]).

С 70-х гг. ученые все больше дистанцировались от понятий «женский язык» и «гендерлект», что касается их употребления в нашей культурной среде («гендерлект» — образованное по аналогии с «социолектом» и «диалектом» понятие, которое обозначает единый обусловленный полом вариант языка). Лингвист Робин Лакофф, которая в своем известном сочинении [Lakoff 1973] еще говорит о «женском языке» (women's language), обозначала этим, во-первых, свойственный женщинам стиль речи (в некоторых культурах даже имеются слова, которые употребляются только одним полом, а для другого их употребление запрещено), во-вторых, язык, при помощи которого описываются женщины. Робин Лакофф и другие ученые первого десятилетия феминистских исследований языка считали, что употребление женского языка ассоциируется с негативными оценками: он поддерживает впечатление неуверенности, бессмысленности высказывания, глупости. В нашей культуре нет слов, предписанных только женщинам; Лакофф, однако, выявляет, какие языковые формулы предпочитают женщины, и делает важные наблюдения, верифицируемые и сегодня для некоторых (но не для всех) контекстов: предпочитаемый женщинами стиль речи используется также социальными группами, которые не имеют большого общественного влияния, представляют собой маргинальные образования и / или находятся на относительно низкой ступени той или иной иерархии. Из этой (в то время эмпирически не слишком интенсивно или совершенно не проверяемой) гипотезы возник общий лозунг «женский язык — это язык слабых».

Следующий тезис: источником словаря, который, предположительно, предпочитают женщины, являются все типично «женские» сферы интересов: домашнее хозяйство, мода, воспитание детей, проблемы партнерских отношений и т. д. (лишь позднее

завучала критика: такие утверждения получены не из анализа данных, а воспроизводят полоролевые стереотипы, в данном случае — стереотип идеально-типичной среднестатистической американской женщины). Далее, женщины склонны, в отличие от мужчин, к обесценивающему высказыванию употреблению ограничительных выражений, смягчающих частиц типа «irgendwie» / «как-нибудь», «einfach» / «просто», «halt» / «и все тут», «eben» / «именно, как раз») и расчлененных вопросов («nicht wahr?» / «не правда ли?», «gell?» / «не так ли?», «oder?» / «или?»), которые выражают неуверенность и потребность в подтверждении. (Интерпретация оказалась не столь устойчивой; Холмс [Holmes 1990] выявила, что такие стилевые средства многозначны и ни в коем случае нельзя говорить об одной единственной их функции). Кроме того, речевое поведение женщин характеризуется меньшей агрессивностью, приукрашиванием, эмоциональностью, меньшей точностью, сдержанностью, правильной грамматикой, вежливостью, большей заботой о потребностях собеседника. Пользуясь таким языком, женщины ставили себя в уязвимое, подчиненное положение, способствовавшее тому, что к ним не относились серьезно.

Данный подход, разумеется, критиковали за то, что он, во-первых, исходит из западного и социально обусловленного стандарта поведения и, во-вторых, представляет так называемый «мужской язык» как норму, а «женский язык» — как отклонение от нормы. Такая негативная оценка «женских» форм коммуникации только поддерживает устаревшие структуры власти. «Риторика угнетенных»², используемая в том числе женской половиной человечества, — так звучал один из ранних контрдоводов — не только недостаточна (дефицитна), но и способна подорвать имидж говорящего. В противовес модели «дефицитности» Лакофф была разработана гипотеза дифференции (различий), согласно которой не следует негативно оценивать названные характеристики женского речевого поведения; его сильная сторона, в отличие от «конкурентной», действующей по законам мужчин коммуникации в общественном и профессиональном мире, состоит в сотрудничестве, дипломатии и облегчает демократический поиск решений в дискуссиях. Далее в развитие концепции внес вклад «тезис о двух культурах» Мальца и Боркер [Maltz, Borcker 1982]; один из его вариантов предложен знаменитой Деборой Таннен. Представители этого направления сосредоточены не на «механизмах подавле-

---

² Там же.

ния», а прежде всего на анализе коммуникативных конфликтов между мужчинами и женщинами по аналогии с конфликтами в межкультурной коммуникации: проблемы во взаимопонимании между обоими полами имеют структуру, сходную с конфликтами между говорящими на двух разных, не всегда адекватно переводимых друг на друга языках. (С точки зрения онтогенеза это объясняется тем, что девочки и мальчики с раннего возраста овладевают различными речевыми практиками и формами общения. Различия в стиле речевого общения в соответствии с этим определяются не половой идентичностью, а историей взаимодействий, протекающей для каждого пола по-разному и постепенно формирующей идентичность.)

Критика тезиса о двух культурах (ср. [Günthner 1992]) состоит в том, что, в противоположность участникам межкультурной коммуникации, женщины и мужчины, принадлежащие к одной культуре, совершенно определено обладают общими знаниями о коммуникации. Представляется предвзятым и неестественным говорить о двух культурах. Кроме того, Таннен упрекали со всех сторон (хотя нельзя недооценивать ее замечания о различном коммуникативном воспитании детей) в том, что она воспроизводит традиционные клише женственности. (Сегодня утверждения о доминировании и различиях более не рассматриваются как взаимоисключающие.)

1.2. Изучение неевропейских культур

Изучение неевропейских культур (ср. по данному вопросу [Günthner 1994; Günthner, Kotthoff 1991]) вскоре поколебало европейские стереотипы о гендерных ролях и гендерно обусловленном речевом поведении:

- У племен волоф в Сенегале красноречие и умение риторически создавать доминирование оцениваются негативно и индуцируют низший социальный статус. Здесь обучают красноречию прежде всего женщин. В Бурунди, напротив, красноречие рассматривается как центральная общественная ценность, и мальчики из высших слоев с раннего детства серьезно занимаются риторикой, тогда как девочки должны упражняться в искусном молчании.
- На Мадагаскаре идеальный собеседник уклончив и избегает открытой конфронтации. В то же время именно мужчин обучают этому завуалированному, поддерживающему гар-

монию стилю речи, «изворотливому языку». Стиль речи женщин считается бесцеремонным, несдержанным, слишком прямым, тем самым представляющим угрозу для мира в группе, т. е. является постоянным потенциальным источником конфликта. Публичные речи (улаживание конфликта или церемонии) входят в компетенцию мужчин, поскольку женщины считаются недостаточно способными к изящной речи и дипломатии (ср. наши клише о дипломатии женщин). И наоборот, для сообщения плохих известий в качестве вестников часто привлекаются женщины.

«Гендерлект», таким образом, оказывается по сути категорией, не заданной изначально; он имеет выраженный характер конструкта. В одном случае болтливость или вербальная агрессия, или молчаливость, или завуалированность оцениваются высоко, в другом — низко, в одном случае приписываются женщинам, в другом — мужчинам. Примечательно только, что положительная оценка стиля, его престижность всегда коррелируют с мужским полом.

В любом случае работы по изучению неевропейских культур показали, что неправомерно рассматривать определенные коммуникативные стратегии в жесткой и однозначной связи с определенными функциями общения и с приписыванием значений. В социолингвистике сегодня не исходят ни из константных различий в стиле мужчин и женщин, ни из того, что «гендер» является наиважнейшим фактором регулирования общения. Вместо этого ученые концентрируют свое внимание на вопросе, как различаются механизмы приписывания значения в специфичных коммуникативных ситуациях и какие нюансы может внести в этот процесс «гендер». Вместо устаревшей оппозиции «женский язык — мужской язык» применяется понятие «гендерно предпочтительные стилевые формы» для обозначения того, что не может быть и речи о двух разных языковых картинах мира, а эмпирические данные выявляют, что внутри определенного коммуникативного жанра (о понятии см. [Güntner, Knoblauch 1994]) представители того или иного пола выбирают определенный тип речевого действия.

1.3. Понятие «конструирование гендера» («doing gender»)

Предложив понятие «конструирование гендера», Зиммерман и Уэст [Zimmerman, West 1991] ввели в оборот важный

термин: «конструирование гендера» значит, что первоначально в коммуникативном взаимодействии «устанавливается», играет ли фактор «гендер» какую-либо роль, и если да, то какую. «Конструирование» означает здесь редко осознаваемый и эксплицитный процесс; гендерные роли постоянно воспроизводятся в повседневной жизни и подтверждают вербальным или невербальным способом соответствующие ожидания. Иногда можно также сказать: «гендер приписан Вам» («gender is done for you»), например, при помощи внезапного указания на одежду или сексуальную привлекательность собеседника или собеседницы во время делового разговора и т. д.

Ранние сторонники как теории различий, так и теории доминирования, уделяли слишком мало внимания интеракционным процессам (в частности, вопросу, как могут идентичности / роли, во-первых, в зависимости от ситуации конструироваться или трансформироваться в диалоге); во-вторых, они почти не принимали во внимание фактор контекста (например, влияние общественных институтов на формирование определенных речевых ритуалов).

1.4. Значение социализации и институционализации

Труды Ирвина Гофмана по изучению интеракции, которые наряду с исследованиями фреймов процесса понимания и изучением ритуалов интеракции содержат также глубокий анализ методов стилизации пола, имели и имеют чрезвычайное значение для интеракционной социолингвистики. Согласно Гофману социальный пол (гендер) ни в коем случае не приобретает одновременно с биологическим полом при рождении: В процессе социализации девочки и мальчики усваивают именно те модели поведения, которые характеризуют их социальный пол в соответствующей культуре и в значительной степени основаны на идеалах³. Половая идентичность формируется в процессе социальной интеракции и включается в образ «я» индивида, однако для того чтобы стать стабильной величиной, она должна постоянно подтверждаться в меняющихся ситуациях. При этом большую роль в формировании идентичности играет реакция партнеров по интеракции. Описанные процессы социализации не пре-

---

³ Спенсер Е. Кахилл [Cahill 1980] выявил, что не только окружение (воспитатели, СМИ и т. п.), но и сами дети играют в этом процессе активную роль.

кращаются полностью с достижением стадии взрослого состояния, а продолжают, как только индивид включается в новые групповые взаимоотношения.

Теоретические предпосылки представленного во второй части данной статьи анализа основаны на идее Гофмана о том, что различия между полами не только воспроизводятся в коммуникативном общении, но и регулируются общественными институтами. В этом заключается ее основное отличие от сформулированной Зиммерманом и Уэст теории, исходящей из того, что различия между полами являются результатом постоянного конструирования в конкретной вербальной и невербальной связи. Половые различия конструируются в ситуации коммуникативного общения, как будет детально показано также в нашем анализе профессиональной коммуникации, но существование и продуктивность гендерных стереотипов нельзя объяснить механизмом конструирования. Общественные институты работают с иллюзией, что их структура базируется на «заданных природой» биологических различиях, в то время как именно институционализация большей частью ответственна за то, что индивиды ориентируются на идеалы «мужского» и «женского» поведения. По моему мнению, понятие «конструирование гендера» (обоснованное для анализа ситуаций общения и выявляющее стабильность процессов развития гендерных ролей, но недооценивающее эффективность процессов институционализации) согласуется с научными выводами Гофмана о роли общественных институтов и рационально дополняется ими.

2. Эмпирическое исследование вопроса о гендерных различиях в академическом профессиональном общении

2.1. Поведение экспертов-мужчин и экспертов-женщин в медиальном контексте

Социолингвистический исследовательский проект, осуществляемый в университете Констанца⁴ (некоторые его результаты излагаются также в настоящей статье), занимается ана-

---

⁴ С 1992 г. поддерживается Министерством образования и науки Земли Баден-Вюртемберг. Название проекта: «Возможности коммуникативного конфликта между женщинами и мужчинами».

лизом дискурсивных стратегий и стилистических способов коммуникации, участвующих в создании асимметрии / симметрии полов в трех различных разговорных типах (телевизионная дискуссия, неофициальное общение и общение в профессиональной обстановке). В институциональном дискурсе центральное значение имеет соотношение заданных и созданных факторов контекста. В исследованиях женского языка были выдвинуты тезисы, не учитывающие специфику контекста; в последние годы ей уделяли больше внимания. Для различных коммуникативных ситуаций было обнаружено, как конструируются различные степени симметрии / асимметрии между женщинами и мужчинами.

Выявлены четыре типа коммуникативных жанров, в которых с наибольшей вероятностью проявляется значимость гендерного параметра: управление коммуникацией (предоставление слова, комментарии к высказываниям, длительность речевого отрезка и т. п.), конструирование статуса эксперта, шутивная коммуникация, несогласие / аргументативные дискурсы. Для сферы управления коммуникацией обнаружено: тезис о том, что мужчины в целом чаще перебивают женщин, не так устойчив и подтверждается только для некоторых контекстов. Кроме того, можно утверждать, что перебивания часто не воспринимаются как таковые в случае согласия, однако при несогласии вероятность такого восприятия очень высока⁵.

Конструирование статуса эксперта исследовано Коттхофф [Kotthoff 1996a; 1993b] на материале различных дискуссий «Club 2» (ток-шоу на австрийском телевидении). Установлено, что в семи из десяти дискуссий присутствующие мужчины конструируют более высокий статус эксперта, чем присутствующие женщины. При этом у мужчин выявлена непосредственная зависимость конструирования статуса эксперта и ожиданий, имеющих место к началу коммуникации «по умолчанию»: высокий профессиональный и общественный статус ведет к высокому коммуникативному статусу. У женщин столь прямой зависимости не выявлено. Например, приглашенная для участия в дискуссии на психологическую тему известная женщина-терапевт, рассказывая о личном опыте, может быстро приобрести статус не эксперта, а лица, сообщающего о своих проблемах. Подобные роли участников конструируются в коммуникативном общении. (Здесь очень

---

⁵ См. [Kotthoff 1993c].

важна активность модератора: в представленных теледискуссиях женщинам реже предоставлялось слово, а модератор, сам экспертом не являющийся, считал возможным критиковать или поучать их.) Женщины сами способствовали созданию более низкого коммуникативного статуса, что выражалось, например, в излишней медлительности при выдвижении аргументов или переадресации направленного им вопроса вместо демонстрации своего статуса эксперта, а также в редких высказываниях поучающего характера, свидетельствующих о превосходстве. По умолчанию высокий коммуникативный статус приписывался лишь тем женщинам, чье общественное положение было очень высоким⁶.

В следующих частях работы излагаются результаты исследования, отвечающие на вопрос, как названные особенности коммуникации соотносятся с коммуникативным поведением эксперта в академической среде.

2.2. Особенности институционального фрейма «университет»

Рассмотрение институционального фрейма «университет»⁷ служит, с одной стороны, не только методологическому отграничению от аналогичных исследований частной сферы или других общественных институтов — это позволяет выделить жанры коммуникативного общения (отчасти однозначно сводимые к исторической риторической традиции), по форме и составу участников специфичные для высшей школы, и охарактеризовать стили несогласия, которые в подобном виде вряд ли можно встретить где-нибудь еще и которые легко распознаются членами университетского сообщества. С другой стороны, несмотря на высокую (по сравнению со спонтанными высказываниями) степень закреплённости и ритуализированности типичных академических форм коммуникации, неправомерно было бы исходить из жесткого фрейма⁸ и неизменности применяемого репертуара,

---

⁶ Ср. [Kotthoff 1993a].

⁷ В области лингвистического изучения конфликта по этому вопросу удивительно мало исследований, особенно трудов по устным формам споров в университетской среде, что заставляет задуматься, почему этот общественный институт в прошлом столь усердно противился исследованиям, которые могли бы поставить под сомнение его научность и этику.

⁸ О критике концепций статичного «фрейма» ср. [Soeffner 1986].

допуская, что он задает речевые (и неречевые) действия. Именно фоновые знания участников, широкий репертуар типов действий, жанров и ситуаций делает возможными при необходимости игру с формами, отклонение от норм, нарушение стилей⁹; допускает вариации, иронию, креативные истолкования, смену фрейма, варьирование модальности; метакоммуникативную перекалификацию ситуации. Необходимо подчеркнуть, что наибольший интерес представляет то, что отклоняется от заданной нормы.

2.3. Феномен несогласия

По причинам методического характера — чтобы избежать влияния теоретических предпосылок, разработанных в области гендерных исследований, — было решено при анализе корпуса данных (записей профессиональной коммуникации, прежде всего бесед на заседаниях и коллоквиумах) и выделении типов речевых действий первый этап работы проводить без учета категории гендера. Представляется целесообразным на данном этапе определить границы понятия «несогласие» и выявить наиболее частотные способы его выражения, соотнести их с различными коммуникативными жанрами и оценить, как выбор средств выражения несогласия модифицирует динамику высказываний.

Неизбежным при этом представляется, не углубляясь в исследование жанров, проводить различие между разнообразными коммуникативными жанрами и моделями¹⁰ в границах фрейма «университет», так как данные показывают, что степень выраженности речевого поведения тесно связана с закрепленностью различных формальных / институциональных структур. Академическая коммуникация наиболее высокой степени публичности и официальности обнаруживает значительно больше ограничений и регламентированности содержательного (заданность темы), временного (порядок предоставления слова, ограниченность продолжительности выступления, заданность последовательности коммуникантов) и личностного характера (исключе-

---

⁹ Под стилем здесь понимается не только феномен создания текста, но и также феномен его восприятия, поскольку эффект стиля проистекает из диалектического обмена между применением определенных языковых средств со стороны автора и реакцией слушателей. Стил, становящийся очевидным для слушателей (также ощущение его «адекватности» и «удачности») может быть различным в зависимости от аудитории.

¹⁰ К вопросу об употреблении понятий ср. [Güntner, Knoblauch 1994].

ние определенных групп лиц, речевая активность избранных и т. п.), нежели менее структурированные коммуникативные ситуации. Типичная официальная профессиональная коммуникация часто укладывается в рамки модели: доклад — официальное открытие дискуссии — критика доклада — ответные возражения (в данном исследовании не рассматривались учебные ситуации вводных и основных семинаров)¹¹.

Вскоре выяснилось, что было бы неразумно ограничиваться анализом тех ситуаций несогласия, в которых дело доходит до прямой, непосредственно следующей за выступлением критики, поскольку именно «косвенность» критики, завуалированность истинных намерений критикующего представляется главной особенностью выражения несогласия в академической среде. Так, слово «нет» («nein») в начале критического высказывания встречается крайне редко¹². Напротив, употребление слова «да» («ja») представляет собой типичное начало критического выступления. Так же редко встречаются в начале речевых отрезков реплики: «Das ist falsch» / «Это неверно», «Ich stimme Ihnen überhaupt nicht zu» / «Я совершенно с Вами не согласен / не согласна». Значительно чаще высказывание имеет довольно длинный пролог и лишь затем выражается критическое замечание. Причем до последнего момента критический настрой говорящего остается замаскированным и выражается в форме оказания помощи, переспроса, уточняющего вопроса. Интенсивность такого речевого поведения коррелирует со степенью официальности ситуации.

Феномен «несогласие» позволяет настаивать на понятии «широкого контекста»¹³. Чтобы правильно классифицировать случаи несогласия, необходимо при анализе рассматривать не только широкий контекст высказывания, но и в идеале всю коммуникативную ситуацию, включая ее паралингвистические и экстралингвистические особенности: кинесику, проксемику, статус /

¹¹ Установленные здесь статусные отношения (к сожалению) часто препятствуют бурному несогласию.

¹² В одном из очень редких случаев слово «нет» («nein») в начале высказывания председательствующего косвенно подтверждало статус основного докладчика, а не выражало критику: докладчику, который заметил, что он вышел за рамки регламента, и предложил сократить свой доклад, председательствующий ответил: «НЕТ, нет. (...) У Вас есть время» (Пояснение транскрипционных записей: заглавные буквы маркируют эмфазу — особо подчеркнутое произношение, курсивом даны содержательные изменения, внесенные автором, которые служат сохранению анонимности. Так, например, изменены имена говорящих.)

¹³ Ср. дискуссию о микро- и макроконтесте в [Duranti, Goodwin 1992].

престиж участников коммуникации, их взаимоотношения, гендер / пол, окружение и т. д. Часто это почти невозможно (так как, например, человек, анализирующий записанные другими разговоры, ничего или мало знает о личностных особенностях участников общения), тем не менее нельзя отказываться от привлечения такого рода контекстов, чтобы не ограничивать потенциал интерпретации.

Эмпирические данные подтверждают также несостоятельность понятия «предпочтение», долгое время считавшегося убедительным в лингвистике [Pomerantz 1984]¹⁴. Померанц утверждала, опираясь на полученные прежде всего из анализа частных бесед данные, что согласие является предпочтительной величиной для создания гармонии (т. е. социально ожидаемым и поддерживаемым; «немаркированным» поведением) в дискуссиях. Очевидно, что существуют случаи, где эта структура не является доминирующей. На примере институционального контекста «суд» выявлено¹⁵, что здесь после обвинения предпочтителен протест со стороны обвиняемого; все другие действия будут истолкованы в невыгодном для него свете. Также при самокритике: ее одобрение собеседником ни в коем случае не является ожидаемой реакцией¹⁶. Существуют, наконец, определенные риторические и институционально закрепленные коммуникативные жанры, в которых несогласие с самого начала является однозначно предпочтительным поведением. Предпочтительность высказываний, таким образом, зависит от общественного института, жанра, а также культуры. Анализ выбора структуры помогает выявить, какую именно контекстуализацию предпринимают участники коммуникации. Так, при переходе от одной коммуникативной модели (например, официальное совещание) к другой (например, светский разговор) допускаются речевые действия, которые до этого момента считались нежелательными (например, указание на личные качества собеседника). Шутки и смех часто наблюдаются при подобной смене коммуникативных жанров, а также, по нашим данным, в конце официальной части встреч и как реакция на неожиданные коммуникативные ситуации и нарушение «фрейма».

---

¹⁴ О критике см. [Kotthoff 1993a; 1989], Knoblauch в: [Markova, Foppa 1991].

¹⁵ [Atkinson, Drew 1979].

¹⁶ Если, например, в ответ на самокритичную реплику: «Я просто не способна / не способен» слышат: «Тут ты совершенно прав/а», это расценивается как ироничное, но грубо нарушающее правила вежливости высказывание.

2.4. Типичные для ситуаций несогласия тактики маскировки

Результаты анализа отчетливо обнаруживают, что одновременно со степенью официальности коммуникативных моделей в университетской среде также возрастает предпочтительность несогласия (то есть оно становится необходимым). Научный диспут протекает иначе, чем спор в частном общении, который, по крайней мере в идеале, ориентирован на решение конфликта; научная же дискуссия проходит в дебатах; раннее согласие считается нежелательным и непродуктивным. Категорическое несогласие, как правило, приветствуется (председатели заседаний часто открыто хвалят за несогласие) и расценивается как признак «оживленной, успешной» дискуссии, даже если спор продолжается до закрытия заседания (что в рамках частного общения может быть классифицировано как «деструктивное» поведение). Тем интереснее в этой связи следующее наблюдение: несмотря на всю желательность бурной полемики истинное выражение несогласия, видимо, подлежит многочисленным ограничениям и табу (которые направлены прежде всего против всякого рода «неожиданностей»). Этот феномен можно объяснить тем обстоятельством, что именно в институциональном контексте несогласие не только призвано служить деловому, конструктивному обсуждению темы, но может использоваться (и, как правило, используется) в качестве инструмента поддержания статуса и престижа. По характеру высказанного замечания (тонкого, рафинированного, элегантного, остроумного или сверхосторожного (или чрезмерно агрессивного), растерянного или банального) можно судить и о том, как член сообщества утверждает свое место в иерархии, и как он / она завоевывает «новую территорию»; реакция же аудитории позволяет предположить, насколько успешной она считает тактику коллеги.

То же касается критикуемого человека и его готовности «держать удар» или пойти на уступки. Уступать в чем-либо (или еще хуже: никак не реагировать) в уже начатом диспуте, как правило, является непредпочтительным и представляет угрозу для имиджа, так как говорящий / говорящая тем самым дает понять, что он / она не умеет отстаивать свою точку зрения¹⁷. Эмпирические данные обнаруживают, однако, характерный для принципа за-

¹⁷ Ср. о параллелях [Kotthoff 1993a].

вуалированности тип «условных» уступок, которые говорят не о капитуляции, а функционируют лишь как риторические уловки. Выступающий, например, в ответ на критику может легко (и чисто риторически) начать свою речь словами: «совершенно верно» и непосредственно перейти к контратаке, которая не оставляет ничего «верного» от критики коллеги. Отвлекающие маневры функционируют сходным образом: сначала признается правота оппонента, указавшего, например, на упущение, но затем значимость этого упущения маргинализируется путем введения новой темы (вроде «То, что в этой связи заслуживает значительно более пристального внимания, — это...»), что занимает 5/6 всего времени, отведенного на ответ. Сходство названных стратегий заключается в уклонении от выражения незавуалированных критики и опровержения. Однако термин «уклончивое поведение» является для описания этого феномена недостаточным, поскольку участники дискуссий избегают не критики (и даже не ее резкости), а только лишь речевых формул, позволяющих ее сразу распознать¹⁸.

В академической среде следует с осторожностью относиться к положительным высказываниям и любого рода похвале («Итак, я считаю Ваш доклад весьма увлекательным, уважаемая коллега»), поскольку явные превозношения в данном контексте (и это является частью знаний всех членов группы, которые в соответствии с ними приспособляются к ситуации) часто сигнализируют о том, что далее последует жесткая критика. Нередко критическое выступление разворачивается так: от комплимента в начале высказывания — ограничение комплимента — осторожное оспаривание — четкое выражение сомнений в компетентности предыдущего докладчика — уничтожающая критика¹⁹.

---

¹⁸ Это является основным отличием от подчеркнутой уступчивости и деликатности частных бесед, а также бесед в профессиональном контексте, для которых несущественны вопросы статуса, — в них критика так же завуалирована в начале высказывания, однако не обостряется до его окончания.

¹⁹ (Ради читабельности мы отказались в нижеследующих примерах от транскрипционной записи). Вот типичный пример: критикующий начинает свое выступление с комплимента: «Он обладает совершенно своеобразным стилем. (...) это очень подкупает, (...) это очень интересно», затем, однако, указывает на «принципиальную ошибку», которая вкралась в работу N, постепенно развивает свою критику до упрека, что N ставит совершенно «бессмысленные» вопросы и дает ответы, «которые ничего более не говорят», что с N случается «всегда одно и то же, не так ли?». Смех аудитории, который перебивает критикующего с самого начала его выступления, т. е. возникает уже одновременно с его мнимой хвалой,

Демонстрация неуверенности также часто является стратегией маскировки в чистом виде. Высказывания такого рода, как «Видимо, я здесь единственный, кто этого не понимает», «Я, к сожалению, только недавно получил(а) текст, так что не смог-(ла), вероятно, до конца вчитаться, но...», или стереотипное «Я не знаю» в начале речи в официальном контексте почти никогда не должны восприниматься буквально (в буквальном прочтении это были бы представляющие угрозу для лица / имиджа признания). По крайней мере, наши эмпирические данные показывают, что участники дискуссий часто предпочитают открывать критические выступления такими формулами.

В еще большей степени это касается вопросительных конструкций. Каждый член научного сообщества знает предвещающие неприятности слова преуспевающего эксперта, будь то женщина или мужчина: «У меня только один краткий вопрос», вслед за чем не следует ни в строгом смысле вопрос, ни краткое выступление. Однако в исследуемом контексте с поразительной частотой в качестве вступления для выражения несогласия избирается заявление о желании задать вопрос (вариант: риторическое заявление «Я задаю себе вопрос...»)²⁰. Облечение критики в форму вопроса усиливается вместе со степенью официальности коммуникативной ситуации (и предположительно со степенью важности работы по созданию имиджа). В отдельных случаях соблюдается только синтаксическая форма вопроса, да и намерение в действительности заключается не в получении ответа на вопрос. Вместо этого чаще всего начинается монолог, который легко перетекает в собственный доклад. Адресат такого «вопроса» реагирует на это так же, как на эксплицитную критику, а именно защитой и / или контратакой или согласием, — важный признак того, что за поверхностными структурами распознано истинное намерение коммуникативной модели. Смягчающие высказывания: «У меня только один краткий вопрос», «Только краткий вопрос», «Только один уточняющий вопрос» ни коим образом не препятствуют этому распознаванию, а служат лишь стереотипом снижения значимости критики.

показывает, что аудитория поняла его истинные намерения. В заключение в аудитории царит единодушное мнение, что работа N совершенно не дискуссионна.

²⁰ Это совпадает с результатами исследований политических дебатов, ср. [Thimm 1995].

Истинные вопросы, в основе которых лежит публично признаваемый дефицит знаний, напротив, встречаются прежде всего в неофициальных, менее формальных беседах и / или в группах, в которых статус или не имеет особого значения (обсуждения полуофициального характера среди студентов, например плановые заседания в небольших рабочих группах), или наблюдается ярко выраженная и неизменная для данной ситуации иерархическая асимметрия (как во время так называемых «консультаций», где кто-то со статусом эксперта предлагает нескольким «невеждам» восполнить пробелы в знаниях).

Довольно искусная игра с речевыми и ситуативными ожиданиями слушателей обнаруживается также в длительности и месте пауз. Общий опыт повседневного общения показывает, что непредпочтительное часто кажется затянутым²¹ (вспомним замешательство перед сообщениями о неприятном). Многочисленные паузы во время речи, высокая частотность минимальных высказываний, типа «э-э» и «хм», истолковываются во многих ситуациях как неуверенность, а во время официальных выступлений такое поведение рассматривается как беспомощное и некомпетентное. Подобное поведение, однако, может быть своего рода игрой в «смягчение» в критическом выступлении эксперта, особенно в его начале; но почти не встречается во время выступления в качестве основного докладчика²². Крайне нерешительная

²¹ Критикующий А после обстоятельного вступления спрашивает докладчика Б: «Ваша теория (...) отвечает на этот вопрос?» Тишина в течение 2 секунд. Покашливание А. Тишина в течение 5 секунд. Затем докладчик Б решительно-упрямым голосом произносит: «Нет». Следует громкий, продолжительный смех публики. Почему? Докладчик Б не торопится с согласием, так как это могло бы означать отказ от своей теории. В конце концов, он бросается вперед и говорит предельно лаконично: «Нет». Как уже было упомянуто, «нет» такого рода в академическом контексте встречается редко, так что аудитория должна была почувствовать странность, эквивалентную нарушению нормы, и реагирует смехом или на «мужество» Б, или на неловкость ситуации, которая разрешается «признанием» (оно, впрочем, позволит Б через некоторое время «спасти свою честь»; его поступок и в том, и в другом отношении весьма ценен).

²² Очень известный специалист, критикуя, провоцирует докладчика N, наигранно гнусава (имена изменены, в скобках дана длительность паузы, заглавные буквы передают эмфазу): «(...) э-э, (1,0) я хотел бы собственно ДВА (0,5) комментария услышать от тебя (1,0) э-э, мы все знаем, что ты вначале много занимался *Адорно* (0,5) и, э-э, я не хотел бы теперь требовать от тебя, э-э, длинных комментариев за и против *Адорно*, э-э, (1,0) но как (1,0) же ты это (1,0) так сказать (0,5) разграничиваешь или, возможно, (0,5) ты хочешь, чтобы я кратко... (1,0) Второе (1,0), итак, (0,5), кто так смело, как это ты сейчас делаешь, упоми-

по форме, однако безжалостная по содержанию критика становится индивидуальным стилем некоторых специалистов. Наряду с наигранной имитацией неуверенности (в которую никто не верит) такое поведение имеет также дополнительную функцию мнимой спонтанности — «мысль пришла мне в голову только что, поэтому я не могу связно говорить».

Непрямой характер описанного поведения, который, предположительно, стремится к завуалированности, можно было бы на первый взгляд объяснить нормами вежливости, типичными для институционального фрейма «университет». Я считаю эту точку зрения не только недалёковидной, но и неправильной, хотя описанные стратегии разыгрываются в сфере, где ярко выражен традиционный топос вежливости. Воздействие иронии и завуалированной критики²³ не менее жестко, чем воздействие прямых критических замечаний. Напротив, реакция адресатов свидетельствует о том, что намерение воспринимается как особенно оскорбительное, если критическое и иногда уничижительное намерение становится очевидным после кажущегося безобидным вступления.

2.5. Многозначность контекста

Проблема многозначности контекста постоянно возникает при анализе. Одна проблемная область касается природы сказанного, определяемой, в конечном счете, только участвующим в конкретном процессе интеракции человеком и его решением об истинности или мнимости сказанного и, соответственно, буквальном или «риторическом» прочтении. Всегда сохраняется возможность двойного прочтения: говорящие при неудачных речевых действиях могут отречься от них, сказав, что они имели в виду совсем другое, например, «только в ироническом смысле» или «совершенно не в ироническом смысле», т. е. они могут сконструировать новый фрейм.

нает АДОРНО, э-э, э-э, для того в противном случае период СТРАДАНИЙ продолжительностью в двадцать лет уже ПОЗАДИ (Смех аудитории), э-э, (1,0), то есть, э-э, это очень ОТРАДНО, но (...)» (следует завуалированное предположение, что N не воспринял новейших авторитетных теорий).

²³ Не поддается исключению количество вступительных форм жесткой критики, начинающихся смягчающими словами, типа: «Я нахожу несколько странным, как Вы...», «Возможно, я не совсем понял Вас...» или «В Вашем очень интересном выступлении, мне кажется, один момент требует пояснений...».

Реакция аудитории на высказывание (например, смех как ответ на критику, замаскированную под комплимент) часто косвенно указывает на направление интерпретации, которое, однако, никак не является единственно возможным. Именно такие явления, как смех (это касается также пауз, уклончивых ответов и особенностей интонирования), чрезвычайно многозначны (смех может быть, в частности, признаком одобрения, признаком удивления нарушением правил, признаком ощущаемой неловкости или смехом облегчения при неожиданном выходе из сложной коммуникативной ситуации).

Другая проблемная область касается того, что одно и то же поведение (например, употребление диалекта, обращение на «ты», прямая критика, оскорбления) может иметь различное значение в различных контекстах. В одном случае выбор «разговорного» стиля речи приравнивается к «разговору свысока», например со своим подчиненным, и выражает пренебрежение. В другом случае то же самое поведение сигнализирует высокую оценку, означает прием в «группу равных», может расцениваться как лестный переход от официальности и отчужденности к дружеской доверительности²⁴. На решение (оно никогда не бывает окончательным) о том, что с большей вероятностью имеет место в конкретной ситуации, неизбежно оказывают влияние ситуативные / контекстуальные знания интерпретатора.

Для общей проблематики «несогласия» это означает, что «жесткость» несогласия (независимо от его «завуалированности») без привлечения контекстуальных знаний ничего не говорит о личных оценках членов группы или их месте в социальной иерархии. Так, при беспощадной и откровенной критике (например, среди хорошо знакомых друг с другом коллег) может иметь место большее общественное признание, чем при мягко (но втайне презрительно) высказываемой критике. Несогласие может быть стратегией как сотрудничества, так и соперничества. Данные, полученные в неофициальных беседах хорошо знакомых между собой участников, не обнаруживают «неагрессивных» стиливых форм; правда, обнаруживается тенденция к более кратким речевым отрезкам, в которых переход к критике происходит быстрее. В дальнейшем необходимо проверить гипотезу о том, что

---

²⁴ Крайний случай представляют, например, ритуальные оскорбления среди школьников, которые в действительности могут не выражать отрицательного отношения к оскорбляемому.

конструируемый и истинный коммуникативный статус членов группы, а также отсутствие необходимости постоянной работы над имиджем, по крайней мере в контексте профессиональной коммуникации, снижают конфронтационность форм несогласия.

2.6. Поведение ученых-женщин в университетском общении на профессиональные темы

Исследуя правомерность выделения типично «женского» речевого поведения²⁵ при выражении несогласия, мы столкнулись с проблемой практического характера: даже в разнополых группах с высокой долей женщин они реже берут слово, так что было обнаружено значительно меньше случаев выражения несогласия относительно общего количества высказываний. К счастью, имеются данные, полученные в (профессиональных) беседах только среди женщин. И эти данные подтверждают, что в целом не существует тенденции к вербальной сдержанности при различиях во мнении. Хотя высказывание, выражающее несогласие, часто вводится по схеме: «Да, но...», нередко, однако, дело доходит до открытой конфронтации. Анализ дискуссий в однополых группах не подтверждает тезиса ранних феминистских исследований, что женщины в целом предпочитают при конфликте «кооперативный», «принимающий на себя ответственность», «неагрессивный» стиль. (Кроме того, следует четко разграничить оценку стилей и их описание. Нельзя вне контекста (и без учета макроконтраста в широком понимании) решить, означает ли отказ от определенного вмешательства в речь, которое обычно ассоциируется с «агрессивностью», в данном случае «миролюбие», «стремление к сотрудничеству», «субординацию» или что-то совершенно иное. Выступающие мужчины могут точно так же, с теми же или другими целями, избегать определенных речевых действий; таким образом, не существует прямой зависимости между стилистическими средствами и целью высказывания.)

Однако контекстуализация наблюдаемых в женских группах явлений радикально изменяется в речевом общении в разнополых группах²⁶; по крайней мере, наши записи бесед позволяют

---

²⁵ Имеется в виду недавно уже опровергнутая гипотеза об устойчивом «гендерлекте», а предпочитаемые женщинами в определенных контекстах речевые действия.

²⁶ Ср. [Baron 1996], о понятии см. [Auer 1985].

увидеть, что большинство женщин приводит свое речевое поведение в соответствие с требованиями высокоофициального контекста иначе, чем это делают мужчины (особенно это касается необходимости коммуникативной работы по поддержанию имиджа и статуса эксперта), хотя и тем и другим одни и те же виды речевого поведения грозят потерей лица.

Описанная выше корреляция между степенью официальности ситуации и растущей частотой стратегий «маскировки» обнаруживается также в виде тенденции в высказываниях выступающих женщин; однако стиль «косвенности» реализуется по форме и содержанию явно менее интенсивно. Описанный посредством метафоры крещендо «разбег» перед выражением критических замечаний представлен лишь в редуцированной форме, то же касается явлений псевдопохвалы и псевдосогласия, применения риторических пауз и маркеров «риторической» неуверенности. «Амплитуда» между начальным комплиментом и заключительной критикой, которая, как описано выше, может быть очень значительной, оказалась в высказываниях женщин-ученых в среднем меньше, чем у мужчин. Выбор прямых форм высказывания приводит не к прямой критике, а к тому, что противоположное мнение (только в контексте официальной коммуникации!) преподносится очень осторожно (заявленные «дополнение» или «переспрос» сохраняют свое прямое значение). Самое поразительное различие: у женщин очень редко встречается ирония при критике оппонента или при защите собственной точки зрения, вследствие чего большинству таких высказываний не хватает уничтожающей остроты.

Маскирующие критику вопросы предпочитают обоими полами прямо выражаемому несогласию с мнением докладчика; хотя женщины чаще задают (в целом довольно редкие) истинные вопросы, тогда как мужчины, по нашим данным, публично не демонстрируют пробелы в знаниях. У женщин также отмечается более быстрое, чем у мужчин, согласие с точкой зрения критикующего²⁷, хотя из-за этого они утрачивают свои позиции. Защи-

---

²⁷ Раскритикованная докладчица реагирует на упреки следующими словами: «Да, только... я, конечно, все очень упростила. (...). Очень многое ДОЛЖНО было остаться НЕвысказанным. Это и теперь так (...), что нужно быть как раз очень ПРЕДУсмотрительным, если высказываешься противоречиво, ЧТО тут действительно ПРАВИЛЬНО высказывают мнение, как и хотели сказать. (...) Это можно, конечно, понимать по-разному. Это, э-э, ОДНО из объяснений, но (*стихающий голос*) существует, естественно, очень много разных (точек зрения)». (*Слово берет новый докладчик*).

та собственной точки зрения редко принимает форму контратаки; вместо этого иногда наблюдается, что защиту точки зрения докладчицы, стоящей на средней или низшей ступени научной иерархии, берет на себя мужчина с более высоким социальным статусом, который вместо нее отвечает на критику.

Обращает на себя внимание тенденция докладчиц к неиронической самокритике²⁸ и самоограничениям, прежде всего, в том, что касается содержательного и количественного параметров (объема тезисов и продолжительности речи) их высказываний²⁹. Тезисы в среднем ограничиваются частной точкой зрения; у женщин отмечаются более редкие ссылки на авторитеты, цитаты, поучения, а также редко встречаются упоминание знакомств с видными людьми и самовозносящие замечания о значимости собственных рассуждений³⁰. При обсуждении темы собственного исследования женщины часто признают, что гипотеза имеет не очень широкую область применения, что исследование не достигло существенных результатов, что тот или иной пункт остался без внимания, — еще до того, как критикующий обратил на это внимание. (Можно теоретизировать о возможных функциях предвосхищающей обороны от критики или желания достичь большей четкости.)

---

²⁸ Одна из участниц дискуссии начинает свое высказывание с ограничения: «Сейчас это, конечно, натянуто, а также несколько провокационно». Следует не слишком провокационное, насыщенное смягчающими частицами выступление.

²⁹ Распространены формулировки типа: «Это не может, конечно, все объяснить», «Мы добились небольших успехов», «Я тут проанализировала только очень маленький отрывок». Также ссылки на собственные труды следуют подобной модели: «Я уже кое-что по этому поводу писала», ср. с вымышленным примером: «Как было убедительно доказано в моей статье 1994 года...»

³⁰ Можно сравнить показательный пример с изначально настроенной на критику докладчицей (А), между прочим, очень признанным экспертом, с примером выступления докладчика, уже заранее исключающего возможность критики, (Б) — в обоих случаях речь идет о начале выступления.

Случай (А): «Итак, как уже сказано, у меня было чувство, что я свои, э-э, обещания выполнила только наполовину, и э-м, я очень хотела бы, э-м, дополнить, э-э, мысли, э-э, которые я, э-э, собственно считаю очень интересными. То, о чем я сейчас буду говорить, является в действительности только предложением, которое должно быть обсуждено, и я СОВЕРШЕННО уверена, что мой доклад, э-м, э-э, вызовет сильную критику. (...) Я попытаюсь, в интересах справедливости, изложить свой доклад кратко».

Случай (Б): «Да, я представляю себе это так, и думаю, э-э, я могу в, э-э, большей степени рассчитывать на, э-э, немедленное одобрение. То, что я сейчас изложу, поможет мне в какой-то степени убедиться, разделяете ли Вы эту точку зрения».

Этот более ярко выраженный отказ от тактик маскировки не должен, поскольку он обнаруживается также в однополюх женских группах, истолковываться как создаваемый именно для ситуаций общения в разнополюх группах стиль «покорности» или «самоуничижения». Возможно, немаркированный в женских группах стиль в смешанных группах только истолковывается по-другому, а именно как отклонение от нормы и невыигрышное поведение.

Как показывают наши данные, в то время как ученые-мужчины в своих выступлениях, заявленных «только» как «вопрос», «дополнение» или «очень краткое замечание» к только что заслушанному докладу, часто переходят в формат доклада, совершая монологические высказывания, очень подробные и развернутые, и при этом отклоняют перебивания или предупреждают их благодаря высокой текстуальной когерентности³¹, критические замечания женщин менее развернуты и поучительны; также заявляя о своем желании выступить, женщины-специалисты говорят значительно короче, их выступления демонстрируют меньшую приверженность стандарту литературного языка³², однако за рамками высказывания чаще дополняются самоэкспликациями³³. Эти результаты обнаруживают параллели с выводами Джанет Холмс [Holmes 1992], которая приписывает женщинам пристрастие к «эксплоративному» (позволяющему проследить процесс развития мысли) стилю, мужчинам — к «экспозиционному» (охарактеризованному мной как «формат доклада»)³⁴.

³¹ Широко распространены соответствующие форме доклада вставки, которые способствуют его связности, например, «Я назову четыре основных тезиса (...), во-первых (...), во-вторых (...) после двух только что названных тезисов я перехожу к третьему (...)».

³² Существует также стандарт интонации научного доклада, который, в частности, отличается слабым модулированием (здесь был бы необходим детальный анализ). Наше исследование обнаруживает особенно высокую вероятность критики женщин со стороны мужчин, если они выбирают интонацию, которая сходна по рисунку высоты тона с высокоэмоциональной повседневной речью.

³³ Такие высказывания, как «Мой тезис...», «То, что я имела в виду, это, собственно...», «Я имела в виду только следующее...», реже встречаются в речи мужчин, которые выражаются более безлично.

³⁴ При типично эксплоративном стиле докладчица начинает выступление: «Я хотела бы представить свои соображения о постмодернистской эстетике, о которой надлежит сейчас писать, если я это... я, э-э, сразу набросала, когда услышала вопрос и обдумала, что нужно или что можно было бы уже сейчас вписать (...), даже если мы не настолько продвинулись в этом вопросе». Аудитория может интерпретировать это в зависимости от предварительной установки как постыдное признание в неподготовленности или даже как приглашение принять непосредственное участие в формирующихся в данный момент рассуждениях.

При инициировании критики обращает на себя внимание широкое употребление завуалированных высказываний, которое относится к общему стилю, предполагающему высокую субъективность. Женщины обнаруживают тенденцию чаще проявлять себя как говорящий субъект: они меньше подчеркивают свою институциональную роль³⁵ и отказываются от характерных для научного языка «скрытых перформативов»³⁶. В контексте профессиональной коммуникации это может иметь негативные последствия для имиджа, поскольку насыщенный пассивными конструкциями, безличный, имитирующий «объективность» стиль речи традиционно ассоциируется с «компетенцией» и «серьезностью», а несоблюдение этого стандарта — с «некомпетентностью».

Приписывать «женскому» стилю речи признак отсутствия конфронтации представляется неудачным потому, что эта черта речевого поведения обнаруживается у коммуникантов с более низким общественным статусом независимо от пола в коммуникативных ситуациях с ярко выраженной асимметрией. С другой стороны, были обнаружены примеры выражения женщинами категоричного несогласия в ситуациях беседы среди женщин и в смешанных группах в совершенно других институциональных фреймах. Мне часто называют беседы сотрудников медицинских учреждений в качестве примера беспощадных споров, в которых женщины играют очень активную роль. Подобные данные получены при изучении публичных, предназначенных для неакадемической аудитории и тем самым менее официальных выступлений (например, докладов в профильных вузах) женщин — как докладчиц, так и критиков. Названные факты указывают на то, что контекст профессиональной коммуникации в академической среде как «закрытом обществе» действительно играет особую роль, вероятно, на основании более ярко выраженной необходимости сохранять имидж, а также численного превосходства мужчин.

Редкая встречаемость в речи женщин иносказательных, завуалированных речевых действий представляется стабильным гендерно специфичным признаком, но только для исследованных официальных коммуникативных ситуаций; в любом случае никак нельзя говорить об общей неспособности женщин к иронии.

---

³⁵ Ср. следующие примеры: «С точки зрения литературоведов необходимо сказать, что...» и «Я говорю, что...».

³⁶ Примеры: «Проблему можно охарактеризовать как...», «следует отметить еще...», «здесь необходимо различать следующее», «необходимо установить...».

На теоретическом уровне нельзя решить, какое участие принимают гендер и социальный статус при выборе определенных речевых актов, с одной стороны, и оценки говорящего / говорящей — с другой. Кроме того, в университетской среде женский пол и подчиненный статус часто совпадают. Еще более положение дел осложняется принципиально необходимым, но на практике вряд ли удовлетворительно осуществимым учетом таких неразрывно связанных с гендером и субординацией параметров, как возраст, биологический пол, престиж, взаимоотношения членов группы и т. д. Чтобы добиться более обоснованных объяснений, я считаю необходимым постоянно детально анализировать отдельные случаи дискуссий и рассматривать их с точки зрения убедительности, чтобы в конечном счете иметь возможность разграничить типы ситуаций и речевых действий.

По состоянию нашего анализа на сегодняшний день можно заключить, что подтверждаются результаты исследований контекстов СМИ³⁷, согласно которым женщины не всегда интенсивно участвуют в процессе конструирования статуса эксперта. Если в таких СМИ, как радио и телевидение, прямые перебивания и вмешательства поучительного характера, например со стороны мужчин-модераторов, часто ограничивают право голоса и высказывание своей точки зрения, то наши данные показывают, что докладчицы часто сами подвергают собственную речь ограничениям, которые начинаются с нежелания брать слово (это можно наблюдать уже на уровне школьных и вводных семинаров). С социологической точки зрения интересно было бы исследовать, какие модели социального поведения здесь интериоризируются. Эмпирические данные обнаруживают, что описанные стратегии, сколь нейтральными они ни были бы в рамках общения в однополых женских группах, имеют в рамках профессиональной дискуссии (об абсолютной значимости данных не может быть и речи) разнополых участников негативные последствия для имиджа и достижения цели. «Стиль, эффективность которого зависит от ответной ориентации собеседника на поддержание добрых отношений, оказывается несостоятельным при столкновении со стилем, нацеленным на самопрезентацию и демонстрацию своего статуса» [Kotthoff 1993b]. Последний не является «мужским» стилем, поскольку мужчины с более низким общественным статусом, как уже упоминалось, могут обнаруживать речевое пове-

---

³⁷ [Kotthoff 1993b; 1996a].

дение, сходное с поведением, в целом приписываемым женщинам. Тем не менее требует дальнейшего изучения возникший в результате исследований СМИ вопрос: почему участницы коммуникации даже в иерархично симметричных группах часто принимают добровольно или позволяют навязать себе роли, ассоциируемые с низким общественным статусом.

Литература

- Auer, P. (1985): Kontextualisierung. In: *Studium Linguistik* 19. — S. 239—250.
- Baron, B. (1996): «Freiwillige Selbstkontrolle» im Fachgespräch. Selbstkritik und Skopuseinschränkung in Beiträgen von Wissenschaftlerinnen. In: *Zeitschrift für germanistische Linguistik* (in Ersch.).
- Cahill, S. E. (1980): Directions for an Interactionist Study of Gender Development. In: *Symbolic Interaction* 3.1. — P. 123—138.
- Duranti, A., Goodwin, C. (Hg.) (1992): *Rethinking Context*. — Cambridge.
- Günthner, S., Knoblauch, H. A. (1994): «Forms are the Food of Faith»: Gattungen als Muster kommunikativen Handelns. In: *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Heft 4 (1994). — S. 693—723.
- Günthner, S. (1994): Male—Female Speaking Practices Across Cultures. Arbeitspapier No 61 der Fachgruppe Sprachwissenschaft der Universität Konstanz. — Konstanz.
- Günthner, S. (1992): Sprache und Geschlecht: Ist Kommunikation zwischen Frauen und Männern interkulturelle Kommunikation? In: *Linguistische Berichte* 138. — S. 123—143.
- Günthner, S., Kotthoff, H. (1991): Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. In: Günthner, S., Kotthoff, H. (Hg.): *Von fremden Stimmen*. — Frankfurt.
- Holmes, I. (1992): Women's Talk in Public Contexts. In: *Discourse & Society* 1. — P. 131—150.
- Holmes, I. (1990): Hedges and Boosters in Women's and Men's Speech. In: *Language and Communication*. Vol. 10, No. 3. — P. 185—205.
- Knoblauch, H. A. (1991): The Avoidance of Asymmetry in Informal Discussions. In: Marková, I., Foppa, K. (Hg.) (1991): *Asymmetries in Dialogue*. — Hemel Hempstead.
- Kotthoff, H. (1996a): The Interactional Achievement of Expert Status. In: Kotthoff, H., Wodak, R. (Eds.).
- Kotthoff, H. (1996b): *Spaß Verstehen. Zur Pragmatik von konversationellem Humor*. Habilitationsschrift. Universität Wien. — Wien.

- Kotthoff, H. (1996c): Die Geschlechter in der Gesprächsforschung. In: *Der Deutschunterricht* 1.
- Kotthoff, H. (1994): Geschlecht als Interaktionsritual? Nachwort zum Band: Erving Goffman. *Interaktion und Geschlecht*. Hrsg. und eingeleitet von H. A. Knoblauch. — Frankfurt a.M.; New York.
- Kotthoff, H. (1993a): Disagreement and Concession in Disputes: On the Context Sensitivity of Preference Structures. In: *Language in Society* 22. — P. 193—216.
- Kotthoff, H. (1993b): Kommunikative Stile, Asymmetrie und Doing Gender. Fallstudien zur Inszenierung von Expert(inn)entum in Gesprächen. In: *Feministische Studien* 2. — S. 79—95.
- Kotthoff, H. (1993c): Unterbrechungen, Überlappungen und andere Interventionen. In: *Deutsche Sprache*, Heft 2. — S. 162—185.
- Kotthoff, H. (1989): Stilunterschiede im argumentativen Diskurs oder Zum Geselligkeitswert von Dissens. In: Hinnenkamp, V., Selting, M. (Hg.): *Stil und Stilisierung*. — Tübingen. — S. 187—203.
- Kotthoff, H., Wodak, R. (Eds.) (1996): *Communicating Gender in Context*. — Amsterdam (im Ersch.).
- Lakoff, Robin (1973): *Language and Women's Place*. In: *Language in Society* 2. — P. 45—79.
- Maltz, D., Borker, R. (1982): A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication. In: Gumperz, J. (Hg.) (1982b): *Language and Social Identity*. — Cambridge. — P. 196—266.
- Pomerantz, A. (1984): Agreeing and Disagreeing with Assessments. In: M. Atkinson, I. Heritage (Eds.): *Structures of Social Action*. — Cambridge.
- Samel, I. (1995): *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft*. — Berlin.
- Soeffner, H.-G. (1986): Handlung—Szene—Inszenierung. Zur Problematik des «Rahmen»—Konzeptes bei der Analyse von Interaktionsprozessen. In: W. Kallmeyer (Hg.): *Kommunikationstypologie*. — Düsseldorf.
- Tannen, D. (1994): *Gender and Discourse*. — New York; Oxford.
- Tannen, D. (1990): *You just don't understand. Women and Men in Conversation*. — New York. (Dt. (1991): *Du kannst mich einfach nicht verstehen. Warum Männer und Frauen aneinander vorbeireden*. — Hamburg).
- Thimm, C. (1995): Strategisches Handeln im politischen Konflikt. In: Reiher, R. (Hg.): *Sprache im Konflikt*. — Berlin; New York. — S. 72—92.
- Trömel-Plötz, S. (1982): *Frauensprache — Sprache der Veränderung*. — Frankfurt a.M.
- Zimmerman, D., West, C. (1991): *Doing Gender*. In: Lorber, J., Farrell, S. A. (Hg.) (1991): *The Social Construction of gender*. — Newbury Park. — P. 13—37.

Дебора Камерон

**Теоретические
дискуссии
в феминистской
лингвистике:
вопросы пола
и гендера***

Перевод с английского О. А. Васьковой

---

* *Cameron D. Theoretical Debates in Feminist Linguistics: Questions of Sex and Gender // Gender and Discourse / Ed. by Ruth Wodak. New York; Oxford. 1997. P. 21—36.*

Теоретические дискуссии, которые я рассмотрю в этой статье, касаются вопросов пола / гендера, его взаимоотношений с языком и использованием языка, а также того, что стоит за этим взаимоотношением. По всем этим вопросам мнения представителей феминистской лингвистики расходятся, на что необходимо обратить особое внимание, так как сторонние наблюдатели, как правило, понимают феминистскую науку как гомогенную категорию, характеризуемую положениями, которые должны разделять все феминисты. В действительности же в феминистском учении представлены разные и нередко противоречивые взгляды.

В нашем обсуждении термин «феминистская лингвистика» будет обозначать нечто отличное от *непосредственного* исследования языка и гендера (*per se*). На практике они во многом пересекаются — значительная часть современных лингвистических и гендерных исследований феминистски ориентирована, но в принципе предмет исследований может рассматриваться безотносительно феминизма как политического движения или как совокупности теоретических знаний. Фактически он может рассматриваться с явно *антифеминистской* точки зрения. Феминистский подход отличает не только интерес к поведению женщин и мужчин (или только женщин). Его скорее отличает критический взгляд на «соглашение между полами». Здесь необходимо также сказать, что это «соглашение между полами» не может

быть сведено к «различиям между женщинами и мужчинами». С точки зрения феминистского учения различия между мужским и женским представляют интерес только как часть более общей картины, и необходимо создать для них теорию, а не просто их описать.

Настоящая статья рассматривает *теоретические* дискуссии и, следовательно, не будет в значительной мере затрагивать полемические вопросы методологии. «Феминистская лингвистика» никогда не ограничивалась рамками области лингвистики, а является мульти- или междисциплинарным направлением, свой вклад в которое наряду с лингвистами (в основном социолингвистами и исследователями дискурса) внесли также антропологи, социологи, психологи, теоретики культуры / семиотики и философы. Неудивительно, что идут споры о различающихся методологиях, ассоциируемых с этими частными дисциплинами: экспериментальной работе, применяемой в психологии в противовес натуралистическому подходу разговорного анализа, не говоря уже об интроспекции, практикуемой философами и (некоторыми) лингвистами; количественных методах, используемых в психологии, некоторых социологических и социолингвистических исследованиях в противовес качественным, или «холистическим» методам целостного описания, предпочитаемым в антропологии и анализе дискурса. Также во многих дисциплинах предметом внутренней феминистской критики являются традиционные методологии. Названные вопросы имеют большое теоретическое значение, так как методы, используемые исследователем, содержат в себе теоретические допущения (об этом подробнее см. [Cameron et al. 1992]). Однако проблемы метода большей частью выходят за рамки моей работы.

Пол и гендер: «А есть ли женщины?»

Современные феминистские концепции различают «пол», биологический феномен, и «гендер», социальный феномен. Отправной точкой является высказывание Симоны де Бовуар, сделанное в 1949 г.: вы можете родиться лицом женского пола, но вы *становитесь* тем социальным существом, которое ваше общество определяет как «женщину» (то же самое относится, конечно, и к лицам мужского пола / мужчинам). Позиция де Бовуар уже хорошо известна, но не всем еще ясно, что разграничение по-

ла / гендера понимается феминистами по-разному и что некоторые из них ставят полезность этого разграничения под сомнение.

Именно Симона де Бовуар на первой странице введения к книге «Второй пол» поставила вопрос: «А есть ли женщины?» [Beauvois 1972, 13]. Имеет ли категория «женщины», в терминах сегодняшних деконструктивистов, какой-либо «онтологический статус»? Спустя полвека после выхода в свет труда С. де Бовуар предметом большей части феминистской теории являются уже не просто «женщины», а гендерные отношения, которые создают как женщин, так и мужчин. Эти отношения могут быть осмыслены по-разному; при этом явно или неявно главный дискуссионный момент состоит в следующем: в какой мере верно, что гендерные отношения базируются на неустрашимых *половых* различиях?

Антрополог Николь-Клод Мэтью [Nicole-Claude Mathieu 1989], которую относят к теоретическому направлению в феминизме, представленному Симоной де Бовуар, выдвинула предположение, что существуют три основные парадигмы для концептуализации половых/гендерных отношений. Она не имеет в виду, что каждое общество или каждый социолог открыто демонстрирует свою приверженность той или иной парадигме. Напротив, в большинстве случаев они (парадигмы) действуют как имплицитные фоновые допущения. Цель работы Мэтью — сформулировать эти положения так, чтобы можно было разъяснить противоречие между полом и гендером (как внутри феминизма, так и за его пределами).

Первую парадигму Мэтью называет «гомология» («homology»): гендер понимается как социально опосредованное выражение биологической данности — пола. Индивидуумы усваивают «женственное» и «мужественное» поведение в зависимости от их первичной категоризации как лиц мужского или женского пола, социально развивая биологическое. Данное положение не означает, что все аспекты нашего поведения непосредственно обусловлены биологией, но оно все же предполагает, что пол — это основа, на которой строится гендерное поведение (например, большая степень агрессии, проявляемой мальчиками в сравнении с девочками, может быть социально усвоенной, но она развивает существующую биологическую тенденцию признавать мужчин более агрессивными). В этой парадигме пол «переводится на язык» социального поведения, которое и называется гендером.

Вторая парадигма — «аналогия» («analogy»): гендер *символизирует* пол. Гендерная идентичность в этой парадигме основывается на коллективном общественном опыте: жить как член группы «женщин» или «мужчин» — значит принимать определенные «гендерные роли», чтобы соответствовать культурным ожиданиям. Эти роли и ожидания могут значительно различаться в разных обществах и в разные исторические периоды, даже если мужская и женская биология сама по себе (*per se*) не обнаруживает такой вариативности. Из-за подобной изменчивости подход «аналогии» отвергает положение первой парадигмы о существовании прямой и непосредственной связи между полом и гендером, подчеркивая, что гендер является скорее символической маркировкой половых различий, а не развитием биологических особенностей. В поддержку этого утверждения указывается также, что люди могут успешно жить с гендерной идентичностью, не совпадающей с их анатомическим полом. В истории описаны случаи, когда женщин «принимали за» мужчин. В настоящее время индивидуумы обоих полов могут прибегнуть к операции, чтобы привести свои тела в соответствие с социальной ролью, с которой они себя отождествляют. Мэтью отмечает, что примат социальных ролей над биологическими особенностями является классическим подходом общественных наук. В некоторых теориях (как, например, в структурном функционализме) роли трактуются как комплементарные. В феминистских теориях они чаще рассматриваются как иерархические, предполагающие доминирование мужчин и подчинение женщин, а также некоторую степень конфликта между этими двумя группами.

Третья парадигма Мэтью — «гетерогенность» («heterogeneity»): пол и гендер в сущности различны. Мысль о том, что их соотношение является или гомологичным, или аналогичным, — другими словами, что пол в некотором смысле является основой для гендера, — считается в этом подходе идеологическим вымыслом. Нам не следует считать само собою разумеющимся, что мир «естественно» делится на две группы — «женщин» и «мужчин», но надо понимать это деление как нечто создаваемое исторически с целью сохранить власть одной группы над другой. В этой парадигме *гендер конструирует пол, а не наоборот*.

Возможно, этот довод будет понятнее, если провести аналогию с социальным классом. Только крайние экстремисты считают предварительно заданные (генетические) особенности определяющими то, к какому классу — эксплуататорам или эксплуа-

тируемым — принадлежит человек. Богатство и бедность, конечно, могут наследоваться, но это вопрос культуры. Деление на классы возникает прежде всего из актов эксплуатации: одна группа поработает другую или ей удастся аккумулировать большую долю имеющихся ресурсов (земля, собственность, деньги) и поэтому люди, оставшиеся без этих ресурсов, вынуждены работать на более привилегированных людей на невыгодных условиях (как, например, крепостные работали на феодалов или наемные рабочие — на капиталиста). Подобный анализ может быть применим к тому, что на первый взгляд выглядит как более правдоподобный пример биологического разделения, а именно к «расе». Хотя физические маркеры расы, такие как цвет кожи, передаются генетически, убедительно доказано, что расовые группы не отражают биологически различные популяции. Они, скорее, отражают разделение, вызванное исторической эксплуатацией некоторых групп другими в результате порабощения, колонизации, а также кабального и сезонного труда.

Некоторые феминисты, включая не только французских материалистов в традиции де Бовуар, таких как Мэтью, Моника Уиттиг и Кристина Делфи, но и (в несколько ином аспекте) таких теоретиков постмодернизма, как американский философ Джудит Батлер, утверждают: если бы не наши гендеризованные *общественные* соглашения, «пол», как мы его понимаем, — строгая бинарная классификация людей (обычно на основе строения их гениталий) — не имел бы сегодня такой значимости. Это положение не отрицает полового диморфизма. Его смысл скорее в том, что (как и в случае с расами) биологические разновидности человека приобретают для нас важность, когда по общественным, экономическим и политическим соображениям они становятся основой для классификации людей и их распределения в иерархии. Ни одно общество не строится на основе различий по группе крови, и поэтому мы не считаем «людей с разными группами крови» разными естественными видами, хотя в чисто биологических терминах было бы легче определить этот вид, чем определить классы или расы. Пол легче идентифицировать, но сомнительно, что значимость, которую мы придаем этой идентификации, вытекает из значимости гендерного разделения в организации наших обществ.

Для представителей материалистического феминизма гендер, как и раса и класс, конституируется эксплуатацией (домашнего и других видов женского труда, сексуальности и репродуктивной

способности). Следовательно, для этих феминистов конечной политической задачей является не достижение «большого равенства» между мужчинами и женщинами, а устранение гендерного разделения. Как замечает Сусанна Каппелер [Susanne Karreler 1995], равенство между группами, которые конституируются доминированием одних над другими, по определению невозможно. Вы не можете, например, устранить классовое неравенство, предложив сделать капиталистами всех, так как без труда рабочих, в результате которого создается прибавочная стоимость, нет и капиталистов. Другие феминисты тем не менее не согласны с исследованием материалистов: некоторые понимают половое различие как, в конечном счете, непреодолимое, а многие другие оспаривают мысль, что различие должно означать иерархию, и считают, что его можно и должно оценивать положительно.

Ответ на вопрос де Бовуар «А есть ли женщины?», следовательно, не так однозначен, как может показаться. Если вопрос означает: «Существуют ли женщины как естественный вид?», то феминисты разойдутся во мнениях. Одни ответят: «Да, и к ним нужно относиться лучше», другие: «Да, но надо изменить понимание того, что значит быть женщиной», остальные тем не менее скажут: «Нет, и чем скорее мы избавимся от “женщин”, тем лучше!» Однако какое отношение это имеет к языку и лингвистике? Я бы ответила так: все самые важные теоретические дискуссии в рамках феминистской лингвистики произрастают из различия во взглядах на гендер и отношение к нему языка.

Язык и гендер: существует ли «женский язык»?

Представители феминистской лингвистики поставили вопрос, аналогичный вопросу Симоны де Бовуар «А есть ли женщины?», а именно: «Существует ли женский язык?». Термины, в которых сформулирован вопрос, изменились за последние двадцать лет, но остался существенный интерес к вопросу о том, что (если это вообще есть) характеризует использование языка женщинами и каким образом определенные особенности «женского языка» могут быть связаны с гендерными отношениями в том или ином обществе.

В буквальном смысле термин «женский язык» явно сомнителен. Как отмечает Сэлли МакКоннелл-Джине [Sally McConnell-Ginet 1998], на вопрос «На каком языке вы говорите?» никто не

ответил бы «на женском языке» или «на женском английском». Даже менее радикальный термин «гендерлект», созданный по аналогии с «диалектом», «социолектом» и «идиолектом», является сомнительным, так как женщины и мужчины не образуют в большинстве случаев отдельные речевые сообщества. Некоторая степень сегрегации и изоляции на основе гендера обнаруживается во многих или большинстве обществ, но везде мужчины и женщины все-таки вовлечены в деятельность хотя бы некоторых основных общественных институтов (таких как семья или домашнее хозяйство, трудовой коллектив, сельская община), занимающая разное положение внутри этих институтов. Как заметила социолингвист Пенелопа Эккерт, гендер действует иначе, чем раса, этническая принадлежность или класс:

Гендер и гендерные роли нормативно взаимны, и хотя принято думать, что мужчины и женщины отличаются, ...предполагается, что это отличие является источником притяжения. Поскольку властные отношения между мужчинами и женщинами подобны отношениям между господствующими и подчиняющимися классами, а также между этническими группами, повседневный контекст, в котором эти властные отношения разворачиваются, весьма разнообразен. Не существует культурной нормы, требующей, чтобы каждый представитель рабочего класса сочетался браком с представителем среднего класса или чернокожий человек сочетался браком с белым человеком. Однако наша традиционная гендерная идеология навязывает именно этот тип отношений между мужчинами и женщинами [Eckert 1989, 253—254].

Таким образом, вопрос, что такое «женский язык», становится вопросом о том, как функционирует норма гендерной «взаимности», чтобы посредством языка дифференцировать «женщин» и «мужчин» в одном речевом сообществе.

Для ответа на этот вопрос вновь необходимо обратиться к идее Мэтью о трех парадигмах. Ранние дофеминистские дискуссии (например, [Jespersen 1922]) колеблются между мнением, что «гендеризованный» язык «транслирует» врожденные биологические склонности, и точкой зрения, что он «символизирует» гендерные роли, которые по существу социальны. Представители феминистской лингвистики, как и большинство представителей общественных наук, предпочли теорию «социальных ролей». В этом случае социальная роль включает и тот факт, что индивид говорит (т. е. имеет определенный коммуникативный стиль) как

женщина или как мужчина, хотя женщины чаще были в центре внимания гендерных исследований.

Это положение привело таких «пионеров» феминистской лингвистики как Робин Лакофф [Lakoff 1975] к предположению, что «женский язык» является результатом социализации раннего детства. Родители и другие авторитетные лица стимулируют маленьких девочек усваивать гендерно специфичную манеру говорения, которая демонстрирует их женственность посредством языка точно так же, как ношение платья с оборками, игра в куклы, «бросание мяча по-девчачьи» и отказ от «грубых» игр демонстрируют женственность (как культурную норму) физически. И эта женственность — не просто условная совокупность особенностей, функция которой — подчеркнуть несходство девочек и мальчиков. Это символическое разыгрывание слабости: например, готовность занимать меньше места, предъявлять меньше требований, казаться слабее и менее агрессивными, чем мальчики. «Женский язык» в понимании Лакофф характеризуется, в частности, употреблением уменьшительных средств, снижающих силу высказывания, и стремлением не использовать грубый или агрессивный язык.

По поводу идей Лакофф часто задают вопрос, насколько ее выводы о «женском языке» (ЖЯ) подтверждаются эмпирически. Данные Лакофф эпизодичны, и автора часто критикуют за то, что она безоговорочно приняла некоторых женщин — белых, англоговорящих жительниц пригородов США с относительно высоким уровнем жизни — за норму. Даже внутри одного и того же общества, Соединенных Штатов Америки, многие женщины — из рабочего класса или не англо-американского происхождения — не смогли отождествить себя с описанием ЖЯ Лакофф. В дальнейшем был проведен целый ряд исследований, но подтвердить точность описания не удалось.

Хотя рамки статьи не позволяют дать обзор всех эмпирических данных и контраргументов, следует отметить: оценивая доводы Лакофф *теоретически*, нет нужды останавливаться на конкретных вопросах содержания (какие черты могут или не могут быть присущи ЖЯ); важно сформулировать общее положение. Оно, я полагаю, заключается в следующем: женская манера говорения в любом сообществе или, точнее, способы говорения, которые в наивно-лингвистическом представлении ассоциируются с женщинами (независимо от того, верно это или нет), создают символическую картину представлений этого сообщества о нор-

мах женственности. Действительная сущность последней может значительно варьировать: этнографическая литература показывает, например, что в то время как одни сообщества (сообщество, описанное у Лакофф, например) считают уклончивость типично женской речевой особенностью, другие (как малагасийцы, описанные Окс [Ochs 1974] связывают женщин с прямыми стилями (direct styles), а мужчин с уклончивостью (indirectness). Но универсально, по-видимому, то, что, если сообщество рассматривает определенный речевой стиль или жанр как типичный для женщин, оно также склонно считать этот стиль показателем того, «какие женщины (по природе)». Доказательство этого более общего утверждения кажется мне значительно более важным, чем доказательство отдельных гипотез Лакофф о ЖЯ (обзор, описывающий эту точку зрения см. [Sherzer 1987]). Само же утверждение может интерпретироваться в соответствии с более радикальной концепцией взаимоотношений пол — гендер, что будет обсуждаться ниже.

В качестве главной альтернативы точке зрения Лакофф и ее последователей на женский язык как символическую слабость стараниями главным образом англоговорящих ученых появилась новая модель — так называемая модель «различия», или «субкультурная» модель, самым известным сторонником которой является Дебора Таннен [Tannen 1990; 1993; 1994]. В этой модели гендерные различия рассматриваются по аналогии с культурными различиями, которые осложняют и могут нарушить межкультурную или межэтническую коммуникацию (ср. [Gumperz 1982]). Считается, что они возникают, прежде всего, из-за распространенной сегрегации, или разделения мальчиков и девочек на группы в детстве и юношестве. Так как эти группы по-разному организованы, участвуют в разных видах деятельности и ориентируются на разные ценности, погружение в них приводит к различающимся репертуарам коммуникативных практик — или, возможно, точнее, *предпочтительных* коммуникативных практик (см. работу Гудвин [Goodwin 1992], которая демонстрирует, что девочки способны перенять «маскулинную» практику, когда это необходимо для противостояния мальчикам в споре). Сьюзан Гал [Gal 1991] высказалась относительно явной несимметричности сдвига: когда сталкиваются гендерные нормы, оказывается, что маскулинные нормы обычно побеждают.

Модель «различия», подобно модели Лакофф, рассматривает гендерно специфичную речь как часть более широкой гендерной

роли и выводит ее генезис из социализации раннего детства; но она отличается взглядом на социализацию, которой придается особое значение (Лакофф фокусируется на семье, Таннен — на группах), а также тем, каким образом осмысливается сама роль. Для Лакофф, как отмечалось выше, в ЖЯ проявляется женственность как вид стилизованной слабости. Для Таннен — в речи и женщин и мужчин проявляется ориентация на определенный набор ценностей: для мужчин центральным является статус, для женщин это взаимосвязь (connection) или сопричастность. Эти различающиеся ценности являются результатом коллективного социального опыта жизни в определенной группе, которая в значительной степени обособлена и отличается от других: таким образом, в терминах Мэтью, этот подход иллюстрирует модель «гендер как аналогия».

В более новых трудах точки зрения Лакофф и Таннен на взаимоотношения языка, гендера и власти — одним словом, подходы «доминирования» и «различия» — представляются как диаметрально противоположные. Хотя эти подходы во многом не совпадают, с позиции, принятой нами в этой работе, они все же имеют больше сходств, нежели различий. Оба подхода иллюстрируют парадигму «анalogии» Мэтью; оба признают, что «женский язык» в сущности — это язык, характерный для женщин. Исходное положение здесь, что «женщины» существуют до «языка». «Женский язык» — это язык субъектов, которые уже бесспорно являются женщинами. И это возвращает нас к вопросу Симоны де Бовуар...

Но чем же еще — спросим мы — может быть «женский язык»? Ответ предлагает лингвист-антрополог Сьюзан Гал [Gal 1991; 1995]. При обсуждении вариационистского социолингвистического подхода, нацеленного на установление корреляции между лингвистическими и демографическими переменными, Гал отмечает:

В такой работе упускают из вида, что категории *женская речь*, *мужская речь* и *авторитетная* или *влиятельная речь* не просто показатель, производный от идентичности говорящих. Иногда высказывания говорящего создают ее или его идентичность. Эти категории, наряду с более широкими категориями фемининности и маскулинности, конструируются культурой внутри социальных групп. Они меняются в истории и системно взаимосвязаны с другими областями культурного дискурса, такими как сущность личности, власти и желаемого нравственного порядка [1995, 171].

С этой точки зрения, действительно есть нечто отделяющее «женский язык» от простой суммы языковых фактов, частота употребления которых отличает женщин (субъектов уже сформированных) от мужчин (субъектов уже сформированных). Это дискурсивный конструкт, организация, иерархия значений, которые служат источником непрерывного конструирования гендерной идентичности членами определенной культуры. Гал настаивает, чтобы лингвисты более внимательно относились к «идеологически-символическим аспектам речи — культурным конструктам языка, гендера и власти, которые формируют у женщин и мужчин образцы и представления об их собственных речевых практиках» [1995, 173].

Это утверждение знаменует теоретический сдвиг. Хотя Гал ссылается на то, «что упускается» в традиционной социолингвистике, в действительности это «упускаемое» понимание нельзя просто добавить в традиционную модель, так как предлагаемое им взаимоотношение языка и гендера (или любой другой социальной категории) более или менее противоположно тому, которое допускают традиционные лингвисты. «Женский язык» как категория больше не считается показателем, производным от социальной идентичности тех, кто его использует («женщин»), а стал «идеологически-символическим» конструктом, который является потенциально *созидающим* эту идентичность. «Быть женщиной» (или мужчиной) — это, кроме всего прочего, говорить как женщина (мужчина). Люди порождают свое собственное речевое поведение и судят о поведении других в свете гендеризованных значений, приписываемых культурой определенным способам речевого поведения.

Как я упоминала ранее, можно реинтерпретировать мнение Лакофф о ЖЯ в соответствии с изложенным выше (этот вопрос излагается более подробно [Bucholtz and Hall 1995]). Феномен, который Лакофф «описывает» в работе «Язык и место женщины» («Language and Woman's Place»), возможно, является не столько эмпирической реальностью, сколько символическим идеалом, который, по Сьюзан Гал, помогает привести в систему идеи о том, как *должны* говорить женщины и мужчины и, следовательно, до некоторой степени (реальность будет более вариативна), как они действительно говорят в определенных случаях. Если принять это новое толкование, оно, возможно, заставит замолчать критиков недостаточной эмпирической подтвержденности обобщений Лакофф. В то же время оно, по-видимому, предполагает, что связь между символическим пониманием и репрезен-

тацией гендера и созданием гендерной идентичности в повседневном социальном поведении является важной областью для дальнейшего исследования.

Вывод из высказываний Гал о планировании и проведении эмпирической работы заключается в том, что лингвистическое поведение не может являться единственным объектом внимания исследователя: его необходимо соотносить с несколько более широким этнографическим (и часто также учитывающим исторические факты) описанием частных контекстов и идеологических систем, в которых происходит использование языка. В настоящее время, по-видимому, существует движение в этом направлении среди исследователей феминистской науки, иллюстрируемое, например, многими работами в сборнике, в который включена статья Гал [Hall and Bucholtz 1995]. Другим выводом из призыва Гал акцентировать «культурное конструирование языка, гендера и власти» является то, что две области исследования, которые часто считались отдельными, — исследование «обычного», или «естественного» гендерного речевого поведения и исследование гендерных идеологий, их (вос)произведения в СМИ, — следовало бы теснее взаимосвязывать.

Представляя гендер: лингвистика и постмодернизм

Сосредоточенность Гал на «идеологически-символической» природе гендерного конструкта имеет некоторое сходство с тезисом феминистско-постмодернистской «перформативности», развиваемым главным образом под влиянием трудов Джудит Батлер [Judith Butler 1990]; хотя уже отмечалось, что отчасти схожая совокупность идей может быть найдена в гораздо более ранних трудах символических интеракционистов и этнометодологов в традиции Ирвина Гофмана и Гарольда Гарфинкеля. Некоторые представители феминистской лингвистики выступают за использование феминистами более ранних формулировок, т. к. видят противоречия в феминистском постмодернизме (см., например, [Kotthoff and Wodak, в печати]). И в этом случае мы имеем дело с новой теоретической дискуссией, и я вернусь к ней ниже после обзора постмодернистского подхода.

Джудит Батлер предлагает версию «гетерогенной» парадигмы (в терминах Николь-Клод Мэтью), так как отрицает, что пол яв-

ляется основанием для гендера (и утверждает, что пол в нашем понимании — дискурсивно порождает социальными отношениями гендера). В то же время Батлер описывает гендер как «перформатив», продукт повторно совершаемых действий. Эти действия условно рассматриваются только как внешние выражения первичной идентичности, но на самом деле они эту идентичность создают. «Гендер — это повторяющаяся стилизация тела, набор повторяющихся действий в жестких регулирующих рамках, которые застывают со временем, чтобы породить видимость сущности “естественного” вида человека» [1990, 33].

Хотя Батлер не обсуждает использование языка в этих терминах, легко увидеть, что, например, речь может быть проанализирована как «повторяющаяся стилизация тела», а некоторые новые исследования рассматривают перформативность и перформацию (речевую деятельность) как потенциально полезные понятия для исследования взаимоотношения языка и гендера. Например, Кира Холл [Kira Hall 1995] описывает, как работники службы «секс по телефону» используют речевые стили, напоминающие ЖЯ Робин Лакофф, чтобы представлять некую эротичную и беспомощную женственность, которую, как они полагают, хотят купить их клиенты. Холл также провела исследование среди хиджра (евнухов), говорящих на языке хинди: это другая группа, которая использует прагматическую категорию рода определенных языковых форм для представления гендерной идентичности, в случае с евнухами переключающейся с маскулинного на фемининное самоконструирование [Hall 1996]. Также существует интерес к институционализации гендерных норм для использования языка в коммуникативном тренинге для транссексуалов, намеренных изменить гендер: Бухольц и Холл [Bucholtz and Hall 1995] сообщают, что инструкторы и их клиенты являются увлеченными читателями, например, Робин Лакофф и Деборы Таннен!

В этих примерах понятие «спектакль» (performance) имеет квазيبуквальную силу, так как рассмотренные случаи являются намеренным или самосознаваемым спектаклем. По этой причине их можно рассматривать как маргинальные, не проливающие свет на «обычные» процессы конструирования гендера. С другой стороны, возросшее культурное значение таких феноменов, как транссексуализм, трансвестизм, и то, что теоретики гомосексуализма называют «gender fuck» (якобы разрушительная игра с гендерными различиями), может рассматриваться как новая теоретическая задача для феминистской мысли, поскольку эти фено-

мены могут указывать на изменения, происходящие в формах (особенно городских и западных) гендерных отношений. Что же будет подразумеваться, если на вопрос Симоны де Бовуар «А есть ли женщины?» прозвучит ответ: «Да, но некоторые из них — (биологические) мужчины?»

Исследовать тезис «перформативности» в отношении языка и гендера важно: признавая основополагающую (в противопоставление просто указательной) роль использования языка, он также оставляет место активности и творчеству говорящих. Никто из феминистов не считает, что мы являемся абсолютно свободными личностями, но некоторых исследователей совершенно не удовлетворяют точки зрения, согласно которым говорящие являются автоматами, запрограммированными с ранних лет просто повторять «принятое» речевое поведение, установленное для их гендера. Отмечалось, что даже широко распространенные и традиционные виды гендерной идентичности могут (или даже должны), представляться разными способами. Как Кислинг [Kiesling 1997], так и Камерон [Cameron 1997] исследуют ряд вариантов для «разыгрывания» мужественности, которые используются в речевом поведении обычных белых мужчин, чья идеология гендера полностью неопозиционна.

Наиболее серьезное возражение идеям, подобным взглядам Джудит Батлер, состоит, однако, в том, что, приписывая субъектам большую степень активности, они подразумевают степень свободы, которая отрицает материальность гендера и властных отношений. Как язвительно замечают Коттхоф и Водак [Kotthoff and Wodak, в печати], сомнительное убеждение некоторых теоретиков гомосексуализма в том, что одеваться в одежду противоположного пола или использовать язык противоположного пола — это революционный поступок, способный свергнуть существующую гендерную систему, — является как банальным, так и пошлым. По мнению названных авторов, необходимо всегда рассматривать институциональные контексты и властные отношения, в которых разыгрывается гендер. Еще одной проблемой «перформативности» является ее сосредоточенность на личности как на действующем лице «спектакля». Исследователи, чья основная задача заключается в изучении конструирования гендера и власти в речевом *взаимодействии*, вполне могут предпочесть подход, при котором социальная идентичность и властные отношения рассматриваются как «со-конструированные» или совместные «достижения». То, что мы не просто отдельные атомы,

«забавляющиеся» в вакууме, особенно очевидно, когда исследуемым материалом становится язык, разновидность речевой деятельности, являющейся неизбежно межсубъектной. Это одна из причин, по которым для некоторых представителей феминистской лингвистики постмодернизм менее привлекателен, чем этнометодологические и символические интеракционистские традиции. Они также являются, по крайней мере, потенциально, образцами «гетерогенной» парадигмы Мэтью.

Вероятно, ранние определения перформативности Джудит Батлер (смотри цитату выше) действительно признают необходимость объяснять вопросы власти и межсубъектных процессов с учетом «жесткой регуляторной схемы», в рамках которой стилизуются тела и конструируются личности. Для представителей наук об обществе, интересующихся применением тезиса перформативности к конкретным примерам поведения, специфичность этой «схемы» и ее действие в определенном контексте будут гораздо более значимы, чем, видимо, для многих философских дискуссий. Слишком часто «гендер» в таких дискуссиях рассматривается в отрыве от социальных контекстов и деятельности, тогда как должно быть наоборот; это все равно, что отделить трансвестизм — концентрированное представление родовой женственности — от всех других видов деятельности, и объявить квинтэссенцией того, что значит «вести себя как женщина». Здесь таится сложность большинства социальных ситуаций, в которых повседневно разыгрывается гендер, не говоря уже об институциональном принуждении.

В этой связи Кира Холл [Kira Hall 1995] обращает внимание на парадоксальный довод: сотрудники службы «секс по телефону», используя «слабую» форму «женского языка», на самом деле являются «сильными» в смысле самостоятельности и высокой заработной платы. Но это лишь на первый взгляд имеет смысл, в конечном счете это наивно. Работа по предоставлению сексуальных услуг может рассматриваться как предложение некоторым женщинам довольно хорошей экономической сделки, но это невозможно понять безотносительно гендерного (также расового и классового) характера экономики вообще. Сделка «хороша» только при сравнении с другими сделками, доступными для определенных групп женщин. Более того, ценность женщин как сексуальных работников также определяется спецификой *сексуальной* экономики, в которой подавляющим большинством клиентов являются гетеросексуальные мужчины; женщины на этом

рынке иногда могут быть продавцами, но они всегда являются товаром. Какое бы преимущество ни извлекали для себя отдельные женщины, используя особый вид языка в службе «секс по телефону», система значений, от которых зависит реализуемость такого языка, не помогает всем женщинам. Воспроизводя традиционное соединение женственности с беспомощностью и эротизмом, речевое поведение сотрудниц этой службы воспроизводит также идеологические основания, которые усиливают женщин как группы, — это признали сами информантки Холл. При этом система значений не изменяет лежащее в его основе материальное неравенство. Сотрудницы службы «секс по телефону» Холл — это не притесняемые жертвы, но любая власть и деятельность, которые они ухитряются получить, — часть системы: они оспаривают не торговлю женщинами, а только условия своего участия в этой торговле.

Гомосексуалистов-трансвеститов и работников службы «секс по телефону» можно было бы описать как постмодернистские «симулякры»¹, копии без оригиналов, в том смысле, что женственность, которую они изображают, является утрированным стереотипом, подделкой. Важно, хотя это и не новое наблюдение, что гендер можно подделывать таким образом именно потому, что модель «воплощения», которая принимает анатомию как судьбу, все еще сильно укоренена в повседневном понимании. Однако по этой же причине «подделка гендера» мало что меняет. Воздействие подделки зависит от воспринимаемого отношения к «действительности»; аналогично разрушительное удовольствие, требующее пренебречь гендером, зависит от дальнейшего существования — неважно где — строгих гендерных норм. Игра с правилами лишь сохраняет правила в игре.

Возможно, что широко восхваляемая постмодернистская подвижность гендерных границ может функционировать на уровне, который Сьюзан Гал называет «идеологически-символическим», чтобы еще прочнее удерживать на месте определенные культурные конструкции гендера. «Подвижность» означает, что отдельным субъектам дается разрешение на пересечение ранее запрещенных границ; но гендеризованные значения и предлагаемый выбор идентичности с каждой стороны совершенно не являются «подвижными». Напротив, они, вероятно, заострятся в своих наиболее гротескных и дихотомических формах. Это действи-

---

¹ «Симулякр» (термин Ж. Бодрийара) — фантом сознания, воображаемое.

тельно может означать изменение исторических форм гендерных отношений, но с позиции некоторых феминистских теорий это явно изменение не в лучшую сторону.

Что является интересным (и, возможно, тревожащим) с точки зрения феминистской лингвистики — это все более заметная и самосознаваемая роль, которую, видимо, играет в этом процессе манипуляция языком. По иронии судьбы лингвистические описания, целью которых была критика современных форм женственности, используются для систематизирования «женского языка», чтобы индивиды вроде трансвеститов и транссексуалов могли потренироваться и стать более «настоящими» женщинами! Вряд ли можно убедительнее показать феминистам, какую опасность таит некритичное следование идеологии лингвистического дескриптивизма.

Сложность практики: а гендер ли это?

В ставшей уже классической статье под названием «Вся женщина» («The whole woman») Пенелопа Эккерт так обратилась к своим коллегам, придерживающимся квантитативной парадигмы социолингвистики:

Пол говорящего оказался одним из наиболее важных социальных факторов в квантитативном изучении фонологической вариативности. Однако пол не оказывает одинакового влияния на переменные... Это происходит потому, что пол не связан напрямую с речевым поведением, а отражает сложную социальную практику. Взаимосвязь пола с лингвистическими переменными является лишь отражением воздействия гендера на речевое поведение... Однако так как гендерные различия входят в различия в ориентации относительно других социальных категорий, влияние гендера на речевое поведение может проявляться в различиях внутри половых групп [1989, 245, курсив наш. — Д. К.].

Эккерт не просто критикует тех лингвистов, для которых разделение всех информантов на «мужчин» и «женщин» является самоочевидным и достаточным основанием для обобщения половых или гендерных различий. Еще более провокационно она говорит о том, что влияние гендера может проявиться в поведенческих различиях между женщинами или мужчинами. Далее, она объясняет это, утверждая, что гендерные различия «входят в раз-

личия в ориентации относительно других социальных категорий». Быть женщиной или мужчиной, с этой точки зрения, — значит не столько существовать в некоей абстрактной единой категории «женщин» или «мужчин», сколько жить с другой социальной идентичностью (такой как расовая, этническая, региональная, субкультурная) определенным и гендерно обусловленным образом.

Не все феминисты одобрили бы идею, что гендер — это не более чем модуляция других социальных категорий, но возможно наиболее важным теоретическим изменением в феминистской лингвистике за последние двадцать лет является признание (в некоторых случаях все еще неполное и нечеткое) того, что нельзя легко отделить гендер от других социальных категорий при изучении его связи с речевым поведением. Невозможно говорить как *родовая (generic)* женщина или сделать себя таковой: «вся женщина» всегда также имеет класс, этническую принадлежность, культурную позицию. И все это будет влиять как на материальные формы гендерных отношений, с которыми она сталкивается (например, типичные формы экономической эксплуатации женщин не одинаковы в различных социальных классах), так и на символические репрезентации женственности и мужественности, к которым она имеет доступ или под влиянием которых она находится (например, чернокожие женщины и белые женщины могут ориентироваться на различные культурные модели «женственного» поведения, привлекательности и так далее). И наоборот, нельзя говорить о классе или этнической принадлежности, не принимая во внимание гендер. Разыгрывание, скажем, «белой буржуазной» идентичности невозможно без гендерного проявления.

Теоретическая задача, вытекающая из этой сложности, состоит в построении модели взаимодействия между гендером и другими социальными категориями, которая не была бы просто *дополнительной*. Феминисты долгое время критиковали подход, который они называют «добавьте женщин и перемешайте», при помощи которого основные дисциплины пытались выступить с критикой андроцентризма, применяя существующие социальные рамки к женщинам так же, как и к мужчинам. Феминисты отвечали, что любое серьезное рассмотрение гендера поставит исходные рамки под вопрос: вы не можете, например, сохранять конвенциональные понятия «экономики», принимая во внимание феминистский анализ работы женщин. В настоящее время теоре-

тики феминизма, включая лингвистов, сталкиваются со схожей проблемой: широко признается, что ранние работы недостаточно касались взаимодействия социальных переменных, но для того чтобы исправить этот недостаток, мы не можем просто «добавить класс / этническую принадлежность и перемешать».

Хотя Эккерт использует термин «гендер» и говорит, что его нужно отличать от термина «пол», ее работа стоит в ряду новейших трудов, которые, возможно, заставят нас задуматься, необходимо ли представителям феминистской лингвистики исследовать «гендер» (как Симоне де Бовуар — «женщин») как таковой? Когда мы наблюдаем за речевым поведением женщин и мужчин, наблюдаем ли мы в действительности за влиянием *гендера* (даже тогда, когда он считается сложной переменной, созданной другими социальными различиями, такими как класс, раса или этническая принадлежность)? Или он является переходной переменной между социальной идентичностью и использованием языка?

На самом деле это давний вопрос в отношении языка и гендера. Часто предполагали, что то, что мы в действительности наблюдаем в гендерно специфичном речевом поведении, — это влияние власти (ср. [O'Bagh and Atkins 1980]). Другой кандидат на место переходной переменной, упомянутый в цитате из статьи Эккерт и разработанный в работе Эккерт и МакКоннелл-Джине [Eckert and McConnell-Ginet 1992], — это «практика» («practice»). Другими словами, предполагается, что наше речевое поведение является результатом деятельности, в которую мы вовлечены, и социальных взаимоотношений, в рамках которых мы осуществляем ее (чтобы обозначить сочетание привычной деятельности и комплекс социальных взаимоотношений, в которые она (деятельность) заключена, Эккерт и МакКоннелл-Джине используют термин «сообщество практики» — «community of practice»). Хотя очевидно, что гендерные отношения (которые также являются отношениями власти) влияют на то, в какую практику и на каких условиях вовлечены индивиды, введение практики как переменной делает взаимоотношение языка и гендера опосредованным. Потенциальное преимущество этого заключается в том, что оно уводит от общих заявлений и шаблонных объяснений, которые часто их сопровождают, к более «частному» мнению, которое может устранить как внутри-, так и межгрупповые различия.

Демистификация понятия «гендер»

В этой главе я критиковала термины, с помощью которых представители феминистской лингвистики обсуждают вопросы пола и гендера. Однако это не означает, что я готова обходиться без всех этих понятий. Я полагаю, что женщины действительно (все еще) существуют и что притеснение женщин является не сугубо дискурсивным или символическим конструктом, а имеет материальное основание в сексуальной и экономической эксплуатации. Доминирование мужчин и подчинение женщин могут выражаться удивительно разными способами, но в той или иной форме они пронизывают культуры и время.

Тем не менее как представитель феминистской лингвистики я не верю, что можно просто вывести формы социального поведения из материальных оснований социального неравенства. Важным объяснительным средством здесь являются дискурсивное, или, по Сьюзан Гал, «идеологически-символическое», а также сфера власти и сопротивления, заслуживающая отдельного исследования. Несовременная, как, вероятно, нужно сказать, в это постмодернистское время функция идеологии в ее традиционном понимании — служить интересам власть имущих, затушевывая источники их власти, представляя ее «естественной» и неизменной и убеждая нас в необходимости сохранения, по крайней мере, некоторых аспектов статуса кво, даже если это ослабляет нас. Гендерная дифференциация служит этой ассимилирующей и сбивающей с толку цели сохранения доминирования мужчин и подчинения женщин, а потому феминист не может согласиться с социальной наукой, которая уравнивает изучение гендера с простым описанием различий. Как говорит Пенелопа Эккерт: «Любое символическое средство, создаваемое обществом, чтобы конкретизировать гендерные различия... скорее запутывает, чем объясняет» [1989, 256].

Феминистская лингвистика рассматривает одно ключевое символическое средство — язык — для уточнения гендерных различий и в то же время, если принять точку зрения Эккерт, для затемнения властных отношений. Построение теорий гендера и его отношения к языку само по себе не раскрывает неравенство и несправедливость социальных отношений, которые таким образом обнаруживаются; однако можно надеяться, что их обнаружение вносит вклад в их демистификацию, разрушение веры в их «природную» обусловленность и, таким образом, облегчает феминистам задачу их изменения.

Литература

- Beauvoir, Simone de (1972) *The Second Sex*, trans. H. M. Parshley. Harmondsworth: Penguin.
- Bergvall, V., Bing, J. and Freed, A. (eds) (forthcoming) *Rethinking Language and Gender Research*. London: Longman.
- Bucholtz, Mary and Hall, Kira (1995) 'Introduction: 20 years after *Language and Woman's Place*', in Kira Hall and Mary Bucholtz (eds), *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self*. London: Routledge.
- Butler, Judith (1990) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge. Cameron, Deborah (1997) 'Performing gender identity: young men's talk and the construction of heterosexual masculinity', in S. Johnson and U. Meinhof (eds), *Language and Masculinity*. Oxford: Blackwell.
- Cameron, D., Frazer, E., Harvey, P., Rampton, B. and Richardson, K. (1992) *Researching Language: Issues of Power and Method*. London: Routledge.
- Eckert, Penelope (1989) 'The whole woman: sex and gender differences in variation', *Language Variation and Change*, 1: 245—267.
- Eckert, Penelope and McConnell-Ginet, Sally (1992) 'Think practically and look locally: language and gender as community-based practice', *Annual Review of Anthropology*, 21: 461—490.
- Gal, Susan (1991) 'Between speech and silence: the problematics of research on language and gender', in Michaela di Leonardo (ed.), *Gender at the Crossroads of Knowledge*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Gal, Susan (1995) 'Language, gender and power: an anthropological review', in K. Hall and M. Bucholtz (eds), *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self*. London: Routledge.
- Goodwin, Marjorie (1992) *He-Said-She-Said*. Bloomington, IN: Indiana University Press.
- Gumperz, John (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hall, Kira (1995) 'Lip service on the fantasy lines', in Kira Hall and Mary Bucholtz (eds), *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self*. London: Routledge.
- Hall, Kira (1996) 'Shifting gender positions among Hindi-speaking Hijras', in V. Bergvall, Javer Bing and Alice Freed (eds), *Rethinking Language and Gender Research*. London: Longman.

- Hall, Kira and Bucholtz, Mary (eds) (1995) *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self*. London: Routledge.
- Jespersen, Otto (1922) 'The woman', reprinted in Deborah Cameron (ed.) (1990), *The Feminist Critique of Language: a Reader*. London: Routledge.
- Johnson, Sally and Meinhof, Ulrike-Hanna (forthcoming) *Language and Masculinity*. Oxford: Blackwell.
- Kappeler, S. (1995) *The Will to Violence*. Cambridge: Polity.
- Kiesling, Scott (1997) 'Language and the power of men', in Sally Johnson and Ulrike-Hanna Meinhof (eds), *Language and Masculinity*. Oxford: Blackwell.
- Kotthoff, Helga and Wodak, Ruth (eds) (forthcoming) *Communicating Gender in Context*. Amsterdam: John Benjamins.
- Lakoff, Robin (1975) *Language and Woman's Place*. New York: Harper & Row.
- McConnell-Ginet, Sally (1988) 'Language and gender', in Frederick Newmeyer (ed.), *Linguistics: The Cambridge Survey. Vol. IV: The Sociocultural Context*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mathieu, Nicole-Claude (1989) 'Identité sexuelle/sexué/de sexe?', translated and reprinted as 'Sexual, sexed and sex-class identities: three ways of conceptualising the relationship between sex and gender', in Diana Leonard and Lisa Adkins (eds) (1996), *Sex in Question: French Material Feminism*. London: Taylor & Francis.
- O'Barr, William and Atkins, Bowman (1980) «'Women's language' or 'powerless language'?», in Sally McConnell-Ginet, Ruth Borker and Nelly Furman (eds), *Women and Language in Literature and Society*. New York: Praeger.
- Ochs, Elihor (1974) 'Norm-makers, norm-breakers: uses of speech by women in a Malagasy community', in Richard Bauman and Joel Sherzer (eds), *Explorations in the Ethnography of Speaking*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Sherzer, J. (1987) 'A diversity of voices: women's and men's speech in ethnographic perspective', in Susan U. Phillips, Susan Steel and Christine Tanz (eds), *Language, Gender and Sex in Cross-Cultural Perspective*. Oxford: Oxford University Press.
- Tannen, Deborah (1990) *You Just Don't Understand*. New York: Morrow.
- Tannen, Deborah (ed.) (1993) *Gender and Conversational Interaction*. Oxford: Oxford University Press.
- Tannen, Deborah (1994) *Gender and Discourse*. Oxford: Oxford University Press.

Хельга Коттхофф

**Гендерные
исследования
в прикладной
лингвистике***

Перевод с немецкого М. В. Томской

---

* *Kotthoff H. Geschlechterforschung in der angewandten Linguistik // Handbuch zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft: Soziolinguistik. Hrsg. von Peter Trudgill, Ulrich Ammon et al. — Berlin; New York: De Gruyter.*

1. Введение

История лингвистических исследований взаимосвязи языка и пола насчитывает уже тридцать лет. В начале 70-х гг. в США появились первые научные работы, посвященные исследованию взаимосвязи патриархата, языка и дискурса. В 1970 г. Мэри Ричи Ки выступила на съезде американского общества диалектологов с докладом «Речевое поведение мужчин и женщин» [Key 1972], в 1972 г. Кейси Миллер и Кейт Свифт проанализировали сексистские слова и выражения на страницах журнала «New York Times» [Miller, Swift 1972], и в 1973 г. вышли в свет научные наблюдения Лакофф о маргинализации женщин в языке и речи [Lakoff 1973]. В патриархальном обществе язык игнорирует женщин (они «включены» в грамматический мужской род), их речевое поведение характеризуется пассивностью, подчинением, неуверенностью и закрепляет их второстепенную роль в обществе. В том же 1973 г. Жаклин Сакс, Филип Либерман и Донна Эрикссон в научном труде под названием «Анатомические и культурные детерминанты мужской и женской речи» пришли к заключению, что мужчины говорят так, как будто они больше, крупнее, значимее, а женщины — как будто они меньше. Это впечатление создается благодаря просодическим особенностям, не зависящим от размеров звукового тракта. Женщины-лингвисты обратились в дальнейшем к изучению репрезентации полов в текстах, например, в детских книгах и школьных учебниках, целью которого было объяснить многочисленные формы отражения полоролевых стереотипов [Nilsen 1971; 1973].

С тех пор лингвистическое изучение пола является актуальной областью исследований, которая охватывает гендерные аспекты грамматики и дискурса, языковой системы, языкового развития и речевого поведения, также и в межкультурном сопоставлении [Günthner, Kotthoff 1991]. Некоторые важные достижения феминистской лингвистики стали доступными благодаря хрестоматиям Камерон [Cameron 1998] и Коатс [Coates 1998]. Кроме того, появился справочник по данной теме [Holmes, Meyerhoff 2003].

Основное внимание в предлагаемой статье уделяется вопросам качественной и количественной лингвистики дискурса и социолингвистики. Проблемы грамматического рода затрагиваются вследствие этого лишь бегло.

2. Грамматический род

В немецком языке понятие «Genus» (род грамматический) в отличие от понятия «Sexus» (пол биологический) не прижилось в качестве родового понятия для обозначения социального и культурного пола (несмотря на отдельные попытки, например, у Бусман, Хоф [Bussmann, Hof 2000]); оно остается тесно связанным с грамматикой. Вместо него в немецком языке в качестве родового понятия для социального и культурного изменения пола укоренился английский термин «гендер» (gender).

Проблема взаимосвязи рода и пола в языке на материале немецкого впервые стала обсуждаться в работах Сенты Трёмель-Плётц [Trömel-Plötz 1978] и Луизы Пуш [Pusch 1979], которые поставили под сомнение представленное в структурной лингвистике положение о нейтральности существительных мужского рода при обозначении лица. Трёмель-Плётц [Trömel-Plötz 1978] описала неоднозначность существительных мужского рода, во многих контекстах имплицитно реферирующих к лицам мужского пола и игнорирующих лиц женского пола в картине мира. Психолингвистические эксперименты до сих пор показывают, что мы скорее «подразумеваем» присутствие женщин, если семантико-синтаксическая структура содержит эксплицитную информацию о том, что наряду с мужчинами имеются в виду и женщины [Scheele, Gauler 1993; Schmidt 2002]. Интересы феминистской критики языка вращаются с тех пор прежде всего вокруг асимметрии в сфере обозначений лица и поднимают вопрос о взаимосвязи рода и пола, о несексистском словоупотреблении,

правилах конгруэнтности в тексте, а также о стилистических и коммуникативных нормах референциального и предикативного употребления обозначений лица и соответствующих местоимений. Обозначения лиц женского пола в немецком производны от существительных мужского рода в большинстве случаев за счет мовирования при помощи суффикса феминизации «-in», например, *Schneider* / *Schneiderin* (портной / портниха) [Samel 1995; Schoenthal 2000]. В тех редких случаях, когда исходное слово обозначает по профессии лицо женского пола, мужское наименование не воспроизводится и не производится от него, а вводится новое обозначение для лица мужского пола, которое затем допускает образование формы женского рода, как, например, *Hebamme* / *Entbindungspfleger* (акушерка / акушер). Для обозначения малопрестижных «женских» профессий, таких как *Putzfrau* (уборщица), *Haushälterin* (экономка), существительных мужского рода не существует вообще (ср. [Pusch 1984; Wodak et al. 1987, 17]). И, наоборот, в немецком языке отсутствуют обращения к мужчинам, соответствующие обращениям к женщине с учетом возраста и статуса — *Frau* (госпожа) и девушке — *Fräulein* (девушка). Для реализации языкового равноправия полов в немецком языке подходят стратегии феминизации и нейтрализации, представленные в многочисленных рекомендациях, инструкциях и проч. [Pusch, Trömel-Plötz, Hellinger, Guentherrodt 1980; Pusch 1984; Häberlin, Schmidt, Wyss 1992; Kargl 1997]. Сюда же относится написание заглавной I в слове, которое как символизирует феминизацию, так и претендует на общий род. Эта «орфографическая удача» послужила толчком для многочисленных споров и дискуссий; заглавная I применяется иногда в академической среде, в феминистских публикациях и левой прессе [Brunner, Frank-Cyrus 1988; Braun 1996; Peyer, Wyss 1998]. Мовированные самообозначения женщин гораздо более распространены в Западной Германии, чем в Восточной [TrempeImann 1998].

Поскольку при обозначении лица всегда принимаются во внимание сложные языковые правила употребления рода / пола, они имеют в индоевропейских языках очень разнообразные формы (см. например, работы Бирбах на материале французского [Bierbach 1990] и испанского языков [Bierbach 1992], Милиц [Miemitz 1997] — польского, статья ван Лейвен-Турновцовой [van Leeuwen-Turnovcova 2002] на материале других славянских языков). Новейшие достижения в данном направлении обобщены в статьях Хеллингер и Бусман [Hellinger, Bussmann 2000].

3. Языковой сексизм

Проблема так называемого «сексизма в языке» была поднята женским движением [Spender 1984]. Очевидно, что и в немецком языке имеются неравнозначные пары слов такие, как *Junggeselle* и *Jungfer* (холостяк и девушка, горничная), *Sekretär* и *Sekretärin* (референт, секретарь и секретарша). Обозначения лиц женского пола имеют негативные коннотации. Ромэйн [Romaine 1999] обобщает различные исследования, подтверждающие, что во многих языках имеется богатый словарный запас для обозначения женщин легкого поведения, но очень скудный — для обозначения неразборчивых в половых связях мужчин. В семантике инвектив, адресованных мужчинам, например, *bastard* (бастард), *mother fucker* (ублюдок), *Hundesohn* (сукин сын), заложено унижение женщины-матери. В культурно-сопоставительном исследовании инвективной лексики Греджерсен [Gregersen 1979] обнаружил, что в 66 языках наиболее сильные инвективы касаются матери. Только 20 языков имеют бранные слова, оскорбляющие отца. В ритуальных вербальных поединках между молодыми мужчинами, как установили Лабов для США [Labov 1972], Госсен для области Анд [Gossen 1976], Дандес, Лич и Ёзкёк для Турции, нападки на сексуальную идентичность матери являются основной семантикой двусторонних вербальных выпадов (*I fuck your mother* как прототип).

Даже если исходить из того, что бранная лексика за счет негативно-аффективного употребления выражений теряет свое исходное значение, лексические асимметрии все же проливают свет на обусловленные культурой взаимоотношения полов. Среди данных, приведенных в атласе юго-западных диалектов немецкого языка, были обнаружены, к примеру, 543 бранных слова. Из них 333 лексемы приходятся на долю женщин, 131 — на долю мужчин и 79 — детей. Тем самым для того чтобы оскорбить женщину, в распоряжении имеется почти в три раза больше пейоративных выражений, чем для оскорбления мужчины [Schrambke 2002]. Самое большое количество ругательств, относящихся на долю женщин, составляют инвективы с дополнительной семантикой «сексуальная распущенность», среди которых *Dreckbüchse*, *Hure*, *Fudel*, *Funzel*, *Luder*, *Mannsrolli*, *Musch*, *Rätsche*, *Rösch*, *Schelle*, *Schluder*, *Vettel*, *Zottel*. Этому впечатляющему числу инвектив противопоставляются лишь выражения: *Bock* (козел) и *Hurenbock* (похотливый козел), относящиеся к мужчинам, а также близкое по значению слово *Kloben* (чурбан)

для обозначения старого похотливого мужчины. Тот факт, что ругательства, обозначающие сексуально распушенную женщину, самые многочисленные, связан с принятыми нормами поведения, которые требуют от женщины сексуальной сдержанности.

Вторую по численности группу инвектив, относящихся к женщине, составляют бранные слова, значение которых, по многочисленным опросам, определяется как властолюбие и сварливость, среди них *Furie* (фурия), *Gurre*, *Hexe* (ведьма), *Reibeisen* (сварливая баба). В словаре синонимов Борнемана дается только шесть определений властолюбивого мужчины (по: [Schrambke 2002, 252]). Трёмель-Плётц [Trömel-Plötz 1984, 82] приводит также примеры употребления пословиц (*Wer sein Weib regieren kann, ist fürwahr ein ganzer Mann / Тот, кто может управлять своей женой, воистину настоящий мужчина*), подтверждающих, что мужчина должен доминировать в семье и что патриархальная культура требует от женщины подчинения, уважения и готовности помочь. Обращает на себя внимание также асимметрия выражений, содержащих в своем значении компонент *молстая(-ый)*. 35 выражениям, относящимся к женщинам, противопоставлены только шесть в адрес мужчин. Высокая релевантность культурно обусловленных норм красоты связана с тем, что привлекательность жены повышала престиж мужчины.

4. К проблеме концептуализации гендера в социолингвистике и лингвистике дискурса

4.1. От интенциональных речевых актов к стилю и габитусу

Феминистская лингвистика характеризовала взаимоотношение полов в коммуникации как взаимоотношение мужского доминирования и женского подчинения [Thorne, Henley 1975; Trömel-Plötz 1984]. Доминирование мужчин в первых работах по феминистской лингвистике определялось как интенционально создаваемое мужчинами в коммуникации. Мужское доминирование проявляется прежде всего в таких феноменах, как, например, частые перебивания, длинные речевые отрезки и высокая степень прямолинейности при требованиях. С точки зрения феминистской лингвистики, обусловленная коммуникацией ситуация может быть описана следующим образом: самооценка мужчины выше, он обладает социальным престижем и властью,

женщина же обладает значительно меньшим престижем, властью и имеет заниженную самооценку. Власть мужчины проявляется в определенном речевом поведении, которое можно описать на уровне микрофеноменов. Например, мужчина перебивает женщину, придерживается только ему интересной тематики, употребляет категоричные выражения и заставляет женщину выполнять неблагодарный «труд по поддержанию диалога» (*konversationelle Scheißarbeit*) [Fishman 1983] и т. п., т. к. он в своем речевом поведении сознательно (интенционально) реализует доминирование. Она научилась в процессе социализации признавать за мужчиной его превосходство, сотрудничать с ним и «не высовываться».

Такие социальные отношения могут быть релевантными для отдельных, но не для всех контекстов [Günthner, Kotthoff 1991]. Для поддержания иерархии полов не требуется индивидуальная интенциональность. Феминистские исследования дискурса 70-х и начала 80-х гг. не учитывали, например, процессов габитуализации [Berger, Luckmann 1966; Bourdieu 1987; 1990] и институционализации мужского доминирования [Goffman 1977; 1979]. Не обязательно каждый раз интенционально создавать и поддерживать мужское доминирование, т. к. даже в дифференцированных обществах мужественность и женственность входят в привычку и осознаются только частично.

Сторонники «теории двух культур» в рамках изучения коммуникации [Maltz, Borker 1982/1991; Tannen 1991] отказались от принципа интенциональности, обратившись к изучению социализации женщин и мужчин, в процессе которой они усваивают различные речевые практики. При общении женщин и мужчин друг с другом это приводит к недоразумениям и непониманию, которые приравниваются к коммуникативным неудачам, возникающим при межкультурных контактах. Исследователи исходят из того, что девочки и мальчики общаются в однополых группах сверстников, где коммуникация осуществляется по разным правилам. Тем самым формируются различные представления, практики и ожидания для общения в кругу друзей. С точки зрения данного подхода женская «слабость» в разговоре может проявиться вне интенции, если речевое поведение обоих полов соответствует тем моделям, которые они усвоили в процессе социализации. Разница в коммуникативном поведении полов вначале измерялась по шкале от соперничества до сотрудничества; в последние годы шкала видоизменилась, и различия теперь колеблются от приватного до публичного (общественного) [Tannen 1994; Schoenthal 1994; Kotthoff 1996]. В юношеских и мужских

группах преобладают, например, модели коммуникативного поведения в соответствии с нормами публичной коммуникации, направленной на конкуренцию, в девичьих группах — в соответствии с нормами приватной коммуникации, ориентированной на установление взаимопонимания [Maltz, Borker 1982/1991; Branper 2001]. Сторонников принципа разграничения мужской и женской культур критикуют за то, что они слишком обобщают различия и не учитывают широту репертуара речевого поведения женщин и мужчин [Günthner 1992].

Кроме того, исследователи исходят из того, что мужчина демонстрирует свое доминирование в коммуникации всегда сходным образом независимо от контекста общения. Сегодня мы видим, что в западных обществах существует ограниченное число моделей речевого поведения, которые по-разному используются женщинами и мужчинами вне зависимости от контекста [Gal 1989; 1995; Baron, Kotthoff 2002]. Тезис о том, что мужчины систематически чаще перебивают женщин, мы, например, не можем считать убедительным [James, Clarke 1993; Kotthoff 1993]. Также бессмысленно интерпретировать каждое перебивание как признак доминирования [Tannen 1993]. Стиль речевого поведения многообразен. Мы владеем широким арсеналом стилей, которые, однако, по-разному используются в зависимости от ситуации общения, а также формируют ситуацию общения как таковую [Hinnenkamp, Selting 1989; Sandig, Selting 1997].

Теоретическое осмысление гендера приобрело в последние годы новые очертания. Хотя я не утверждаю, что все ранние положения в лингвистике были эссенциалистскими, но в последние годы в теории гендера более четко выделяется конструктивистский потенциал [Kotthoff 1992a; Crawford 1995; Cameron 1997; Bucholz et al. 1999; 2001; Günthner 1994; 2001]. В настоящее время дискуссия разворачивается вокруг того, может ли гендер рассматриваться как габитус в смысле Бурдьё [Behnke, Meuser 2002], или как «конструирование гендера» (*doing gender*) в смысле Фенстермейкер и Уэст [Fenstermaker, West 1995], или как «индексация гендера» (*indexing gender*) в смысле Окс [Ochs 1992]. Эмпирические социальные науки, в которых пол традиционно исследуется с позиций дискурсивного анализа, уже с 70-х гг. подвергаются сильному влиянию этнометодологии Гарфинкеля [Garfinkel 1967] и социологии коммуникации Гофмана [Goffman 1977/1994; 1979/1981]. Сторонники этого направления никогда не исходили из того, что биологический пол неизбежно влечет за собой формирование культурного пола. Поскольку с самого на-

чала (например, у Гарфинкеля и Гофмана) перформативность гендера стояла на первом плане и рассматривалась по отношению к телесному многообразно, для лингвистики дискурса работы Дж. Батлер [Butler 1993; 1995] были не настолько революционными, насколько они воспринимались гуманитарными науками [Vinken 1993]. Расхождение в подходах конструктивистов вращаются вокруг небольшого, но чрезвычайно важного различия в определении телесного, которое рассматривается либо как дискурсивно сконструированное (у [Butler 1991; 1993; 2002]), либо как многообразно вовлеченное в дискурсивные конструкты [Kotthoff, Wodak 1997; Baron, Kotthoff 2002]. В первом случае гендер является произвольным, созданным за счет повтора речевых действий. Во втором случае материальность телесного рассматривается как тесно связанная с процессом натурализации совокупность факторов, которая различными способами включает телесные феномены, от подчеркивания биологических различий до произвольного создания различий.

Поскольку гендер не всегда является первостепенным для коммуникации и часто применяется неосознанно, представляется разумным рассматривать дискурсивные практики, реализуемые человеком, как составную часть его габитуса. Бурдьё понимает габитус как систему устойчивых и передаваемых из поколения в поколение диспозиций к практическим действиям [Bourdieu 1979/1987, 98]. Ключевым понятием при генезисе габитуса является *взаимовлияние* культуры, истории и окружающей среды. Коллективные диспозиции заложены в телесном и не всегда осознаваемы. Условия жизни создают габитус посредством «автоматического» приобретения знаний и овладения практиками без каких-либо объяснений. Все это дополняется осознаваемыми традициями.

В отличие от гипотезы произвольности Дж. Батлер [Butler 2002] мы понимаем гендер как процесс социальной типизации, который выходит за пределы индивидуального поведения. Поведение продуцирует или репродуцирует межличностную типизацию / унификацию. Эти ожидания внутри отдельной культуры более или менее стабильны. Гендер, таким образом, скорее социальная, чем индивидуальная категория, т. к. личный контроль над тем, насколько серьезно принимается в расчет гендер, ограничен. Окружающие могут неосознанно оценивать действия и поступки человека в рамках традиционной системы полоролевых отношений. В оформлении внешнего вида роль также играет подчеркивание телесных различий. Несмотря на это, имеется

значительное пространство для творчества в том, каким образом и насколько убедительно кто-то представляет себя женщиной или мужчиной и насколько интенсивно эти отличительные особенности подчеркиваются в коммуникации. Поэтому мы сегодня говорим о мужественности и женственности [Connell 1995].

Хотя ясно, что исследование пола с позиций лингвистики дискурса должно заниматься моделями коммуникативного поведения как женщин, так и мужчин, все же на первом этапе гораздо больше внимания уделялось женской речи, чем мужской, и часто женская речь оказывалась по сравнению с мужской «дефицитной» [Johnson, Meinhof 1997]. Тем самым исследования пола сначала следовали подходу, распространенному в ранней социолингвистике. Однако это способствовало интенсивному изучению женской речи (зафиксировано до 1994 г. в библиографии научных трудов Грот и Пейер). Торн [Thorne 2002] поясняет, что многие годы большое внимание уделялось изучению (речи) прежде всего девочек и женщин, так как в этой области должны были быть пересмотрены многие мифы и ошибочные оценки и представления.

Современные исследования пола должны быть в состоянии объяснить, почему гендер является столь стабильным фактором общественного строя, а также как выражаются и осуществляются его изменения. Установлено, что этому более всего способствует соединение дискурсивного анализа и этнографии. Эккерт и Макконнел-Джине [Eckert, McConnell-Ginet 1992] подчеркивают, что на наше речевое поведение накладывает отпечаток деятельность, которой мы занимаемся и в рамках которой мы вступаем в социальные отношения. Камерон отмечает, что благодаря понятию коммуникативной практики связь языка, речи и пола становится опосредованной связью: «Потенциальное преимущество этого заключается в том, что оно уводит от общих утверждений и обычно сопутствующих им стереотипных толкований. Сужение фокуса позволяет согласовывать как внутригрупповые, так и межгрупповые различия» [Cameron 1997, 34].

Однако мы не исходим из того, что пол символизируется и индексируется всегда одинаково вне зависимости от контекста: в определенных видах речевой деятельности и ситуациях общения, которые в обществе связаны с устойчивыми ассоциациями, гендер выражается определенным образом. Гендерная призма подходит для инсценировки различных идентичностей. Например, мужчина может позиционировать себя в определенном контексте сдержанным стилем речевого поведения (который чаще рассматривается как фемининный) как «не-мачо» или как «мужчина но-

вой формации», женщина, напротив, подобной моделью поведения представляет себя как традиционная женщина, поскольку исконно различные признаки сдержанности обнаруживались чаще всего у женщин.

Темы и определения, связанные с полом, лишь иногда находятся в центре интеракции, например, при сексуальных домогательствах [Alberts 1992], сексистских шутках [Mulkey 1988], при сексистских репликах во время речи женщин-депутатов [Burckhard 1992], а также при уничижительных сообщениях о женщинах-политиках в СМИ [Bendix, Bendix 1992]. Часто эта тематика как нечто привычное выносится за рамки обсуждения. В журнале «Discourse & Society», например, в № 8 за 1997 г. и № 10 за 1999 г. была развернута теоретическая дискуссия о том, что понимает этнометодология под «конструированием гендера» (*doing gender*) (см. также [Kotthoff 2002]).

В области изучения моделей коммуникативного поведения лиц разного пола результаты исследований неоднозначны. Это объясняется, во-первых, тем, что мужественность и женственность даже внутри отдельно взятой культуры интерпретируются по-разному, во-вторых, тем, что гендер для некоторых контекстов совершенно не релевантен и становится «дремлющей категорией» (*ruhende Kategorie*) [Hirschauer 1993], и, в-третьих, тем, что до сих пор исследования сосредоточены только на изучении речевого поведения. Люди очень интенсивно подчеркивают свой пол внешним видом и языком тела. Например, анализ моды не оставляет никаких сомнений в том, что пол ритуализируется в прическах, украшениях, косметике, одежде и т. д. [Barnard 1996; Richard 1998; Posch 1999]. В области языка тела достаточно упомянуть типичные различия полов от широко расставленных при сидении ног у мужчин до склоненной головы у женщин [Henley 1977; Wex 1980; Mühlen-Achs 1993]. Пол не должен безусловно стереотипизироваться на уровне стиля речевого общения. Типизация может проявляться во внешнем облике. В области речевого поведения наблюдаются различные маркеры изменения традиционной модели поведения того или иного пола.

4.2. Пол, просодия и голос

Сфера голоса и просодии демонстрирует переплетение культурного и природного. Обычно исследователи исходят из того, что в сфере голоса и просодии причиной различий явля-

ется анатомия. Действительно, существуют анатомические основания для различий в голосе. Женская гортань в среднем меньше, чем мужская, тем самым голосовые связки короче, а, следовательно, основная частота голоса женщин выше, чем мужчин. Настолько же короче вокальный тракт женщин, поэтому частота резонанса у них, как правило, на 20% выше, чем у мужчин [Moosmüller 2002]. За эти основные частоты главным образом ответственны вибрации голосовых связок, которые измеряются в герцах (Гц). Чем быстрее вибрируют голосовые связки, тем выше основная частота и тон. Длинные голосовые связки производят таким образом низкие тона. Отсюда следует, что мужчины в среднем говорят более низким голосом (около 100 Гц). Оба пола, однако, могут владеть всем спектром регистров и тональности. Как правило, они используют не все его возможности.

Различительные форманты (основные частоты), которые отличают наши звуки, также существенно варьируют от индивида к индивиду. Жаклин Сакс обратила внимание на то, что вокальные формантные частоты американцев и американок различаются больше, чем можно было бы предположить только по различию размеров вокального тракта. Кроме того, формантные частоты уже в детстве, когда различия в размере вокального тракта еще не выражены, представляют собой важный акустический признак пола говорящего. Итак, формантные частоты представляют собой феномен, при котором благодаря более или менее устойчивым культурным конвенциям еще прочнее закрепляются анатомические различия. Моосмюллер [Moosmüller 2002, 125] обобщила исследования, которые подтверждают в качестве среднего значения 225 Гц для японских женщин, 217 — для испанских женщин, 214 — для американок и ниже 200 Гц — для шведских и голландских женщин. В случае формантных частот мы имеем дело с психологическим различием, которое усиливается благодаря социальным стереотипам. В зависимости от культуры «нормальными» для мужчин и женщин считаются определенные голосовые регистры. Охара [Ohara 1999] пишет, что в Японии женский голос с высокой основной частотой оценивается как привлекательный, сладкий, приятный, нежный, милый, вежливый, спокойный, юный и красивый, тогда как женщины с низким голосом воспринимаются как упрямые, эгоистичные, прямолинейные, откровенные и сильные.

Интонация воспринимается главным образом как колебание высоты тона, чем, как правило, обусловлены и изменения в громкости. Основные частоты ответственны за то, что мы можем

ощущать при восприятии звуков разность высот. Форма колебания высоты тона, т. е. интонация, обусловлена культурой. В эксперименте, проведенном Саксом, пол говорящего значительно лучше определялся по интонационному рисунку, чем по произношению гласных. Женщины используют широкий спектр высоты тона и часто изменяют тональность. Макконнел-Джине [McConnell-Ginet 1978] пишет, что в соответствии с нашим стереотипом женской речи, женщины должны говорить более высоким голосом, дольше сохранять высокую тональность и говорить с придыханием. Если имитируют женщину, эти признаки становятся явными. К ним прибегают также в случае, если имитируют гомосексуального мужчину. Они считаются экзальтированными и поэтому отрицательно коннотированными. Типично мужской интонационный рисунок вряд ли может быть использован для имитации, т. к. он считается «нейтральным». В целом, голос и типичный интонационный рисунок относятся к индивидуализации и не изменяются произвольным образом. Они воспринимаются как явления образа и могут быть проанализированы только специалистами.

Дэвид Кристл пишет: «Интуитивные представления о женственности английского языка... основаны главным образом на несегментных признаках: “жеманный” голос, например, часто приводит к употреблению более широкого диапазона высоты голоса, чем принято (для мужчин), т. е. с эффектами глиссандо между ударными слогами, а также частотным употреблением сложных тонов (например, нисходящий — восходящий, восходящий — нисходящий), употреблением напряженного и сиплого голоса и переключением время от времени на более высокий регистр (фальцет)» (цитируется по: [McConnell-Ginet 1978, 550]).

Некоторые исследования между тем подтвердили, что мужчины и женщины по-разному интонируют (например, [Local 1982]), в том смысле, что женщины говорят более динамично. Рут Бренд [Brend 1972] пишет, что мужчины избегают очень высоких тональностей и не дают тону длиться внутри слога. Они избегают также нисходящей тональности в конце фразы и частых скачков тона.

Интонационный рисунок, который употребляют женщины, звучит более эмоционально и выразительно. Он не имеет четкого значения, поскольку, если рассматривать его изолированно от контекста, совершенно не конвенционален. Тем не менее интонационный рисунок применяется в качестве способа контекстуализации [Couper-Kuhlen 1986]. В целом с сильным интонированием ассоциируется эмоциональная экспрессивность.

Итак, мы видим, что в сфере голоса и интонации мужественность и женственность ритуализируются.

4.3. Гендер и социализация

Половые различия очень существенны при рождении ребенка (от этого зависит наречение именем) и формируют с самого первого дня интерпретацию его поведения и внешнего облика [Bilden 1991]. Так, плач младенца-мальчика воспринимается взрослыми обоих полов скорее как выражение агрессии. Когда во время многократно цитируемого эксперимента взрослым сказали, что плачет маленькая девочка, они услышали в крике того же ребенка страх [Condry, Condry 1976]. Другой эксперимент показал, что одних и тех же младенцев, если их представляли девочками, испытуемые описывали как нежных, изящных, хрупких и хорошеньких, а если их выдавали за мальчиков, то — как крупных, крепких и сильных [Bilden 1991]. Дети вследствие такой интерпретации их внешности и поведения непроизвольно учатся воспринимать себя девочками или мальчиками. В определенный момент девочки начинают воспринимать себя как робких и «очаровательных» и вести себя соответствующим образом. Аналогичный процесс происходит и с мальчиками.

Усвоение речи представляет собой важный шаг к вхождению в культуру и является ее саморегулируемым элементом. Такие стабильные различия, как половые, функционируют только в том случае, если они принимаются большинством в сходной форме как «естественные», т. е. если они безоговорочно принимаются, сопровождаемые чувством «я правильный / ая». Кахилл [Cahill 1986] провел наблюдения в двух американских начальных школах для того, чтобы выяснить, как в дальнейшем формируется женская и мужская идентичность в американской культуре. Дети охотно играли в «супергероя» и «дочки-матери». Сначала они научились проявлять свои роли внешне. Мы ожидаем от носителей своей культуры согласованности внешнего облика и поведения, и дети сначала учатся этой взаимосвязи. Так, девочки, играя в дочки-матери, надевают украшения. Можно представить себе, что это уже демонстрирует импонирующие детям наблюдения за окружающим миром. Украшение тела играет центральную роль в семиотическом выражении женственности. Кахилл описывает, как для ребенка вначале становится доминантным освобождение от статуса маленького ребенка и как затем в этой связи происхо-

дит переход в класс больших девочек / мальчиков («Ты еще ребенок» воспринимается как дискриминация, «Ты уже большой мальчик / большая девочка» — как комплимент). Во время игры дети осознают прежде всего фундаментальную взаимосвязь социальной идентичности и ее демонстрации. Затем они замечают, что не могут произвольно выбирать идентичность. Неоднократно наблюдая за поведением взрослых, они стараются не идентифицировать себя с противоположным полом. В возрасте четырех-пяти лет дети, как правило, начинают воспринимать себя в соответствии со своим биологическим полом и овладевают соответствующим стилем поведения.

С пяти лет все более существенным для ребенка становится однополый круг друзей. Дети занимаются деятельностью, которая считается нормальной для мальчиков и девочек. Левер [Lever 1976] обнаружила, что мальчики-пятиклассники активно играют в конкурентные игры, в которых присутствует четкая иерархия, а девочки играют небольшими группами в кооперативные игры. Дети конструируют в общении различные миры в миниатюре, разумеется, соответствующие идеалам общества. Считается, что мальчики должны развивать свои физические качества и сноровку и учиться владеть ситуацией, а девочки — уметь прихорашиваться и косвенно влиять на ситуацию.

Мальчики гораздо чаще, чем девочки, поддерживают игры, основанные на агрессии и конкуренции [Gebauer 1997; Kyratzis 2002]. На чувства влияет внешний вид, который в свою очередь гендерно нагружен [Kotthoff 2002], также и в профессиональной сфере [Hochschild 1983].

Различия в речевом поведении также обнаруживаются рано и позволяют говорить о том, что мальчики и девочки уже в дошкольном возрасте ориентируются на нормы полоролевого поведения. Мальчики и девочки в западных странах овладевают различной интонацией. Фихтелиус и другие [Fichtelius et al. 1980] смогли показать, что взрослые и дети, прослушивая во время экспериментов детские голоса, в большинстве случаев смогли правильно определить, кто говорит — мальчик или девочка. Высота голоса была технически уравнена. Единственное, что различалось, — это ритм и интонация. Интонация девочек разнообразнее. В работах других исследователей [Local 1982] было также выявлено, что интонация у девочек и мальчиков различается уже в возрасте между пятью и шестью годами; девочки чаще говорят с восходящей интонацией, а мальчики — с нисходящей. Восходящая интонация при произношении слова, акцентуемого в

предложении, звучит дружелюбнее прежде всего в вопросительных и утвердительных конструкциях. Вводные слова, например, «я думаю», «я считаю» или «я хотел(а) бы сказать», призваны ослабить уверенность высказывания, придать ему субъективность. Перкинс [Perkins 1983] обнаружил, что эти формулы значительно чаще встречаются в речи шести-семилетних девочек, чем в речи мальчиков. Перкинс считает, что девочки рано учатся демонстрировать заинтересованность в контакте.

Тематика разговоров среди девочек и мальчиков младше 12 лет четко разграничена. Мальчики чаще говорят о спорте, а девочки — о школе, своих желаниях и потребностях. В исследовании Хаас было установлено, что мальчики чаще употребляют императив («Вали отсюда»), — девочки чаще делают комплименты и поддерживают друг друга при помощи таких выражений, как «Это хорошая идея». В смешанной группе девочки смеются чаще, чем в кругу своих сверстниц. Хаас пишет, что между собой девочки смеются вполосину реже. Мальчики в смешанных группах шутят с удвоенной силой, а девочки реагируют на шутки. Они начинают поддерживать доминирующую роль мальчиков. И те и другие подстраиваются под поведение друг друга, девочки, однако, делают это чаще. В дошкольном возрасте различия в шутовском поведении девочек и мальчиков еще слабо развиты. Расхождения возникают в возрасте между тремя и шестью годами и далее усугубляются при поступлении в школу [McGhee 1979]. У исследователей нет единства во мнениях о причинах этого, однако определенно существуют различные, но взаимодействующие факторы. Возможно, взрослые запрещают девочкам уже в раннем возрасте играть в сумасбродные игры, кривляться, дурачиться и т. д., поскольку это считается прерогативой мальчиков. Примерно с шести лет дети уже способны воспринимать языковую двусмысленность, что является предпосылкой для разнообразных вербальных шуток [McGhee 1980]. В этом возрасте мальчики чаще «сочиняют глупые стишки, говорят нехорошие слова, (нарочно) врут или говорят что-либо неуместное и т. д.» [McGhee 1980, 209] и они чаще, чем девочки, рассказывают анекдоты. Анекдоты служат средством соперничества между мальчиками, а в подростковом возрасте таким средством становятся сексуальные анекдоты [Fine 1990]. Также невербальные шутки, например, «буйные» игры и клоунада, как свидетельствует исследование Макги, значительно чаще исходят от мальчиков. В среднем по шкале комичности степень юмора мальчиков выше (также [Oswald, Krappmann, Chowdhuri, von Salisch 1986] подтверждают эту тенденцию).

Исследования последних лет обнаружили незначительные расхождения в шутовском поведении девочек и мальчиков среди однополых сверстников [Bönsch-Kauke 1999], а в разнополых группах девочки и мальчики, обмениваясь шутками, обоюдно подстраиваются друг под друга [Lampert, Ervin-Tripp 1998; 2003]. В смешанных группах американские девочки подтрунивают чаще, чем между собой, и мальчики чаще подшучивают над собой. У обоих полов увеличивается число моделей поведения, которые в однополых группах являются скорее типичными для противоположного пола.

Интерес представляют работы по исследованию общения родителей и детей в различных ситуациях (прием пищи, игры, просмотр телевизора, приход в гости другого ребенка и т. д.), например, многолетнее исследование Уэллс [Wells 1979]. К началу исследования детям было 3 года и 3 месяца. Примерно 30% всех разговоров начинали взрослые, чаще всего матери, поскольку они больше занимались детьми. Анализ этих 30% выявил различия в контекстах, в которых взрослые обращались к девочкам и мальчикам. К девочкам обращались с просьбой о помощи и о других серьезных вещах в 56,8% случаев, к мальчикам — только в 28,8% случаев. Девочек склоняют к играм в 5,2% случаев, мальчиков — в 18,1%. Мальчиков побуждают к широкой палитре действий, а девочек к помощи и другим «полезным» поступкам. Бинер [Biener 1988] пишет, что также в детском саду взрослые постоянно прерывают игру девочек поручениями, например, «Принеси-ка какао», а игру мальчиков — нет.

Анализ речевого поведения матерей и отцов, проведенный Глисонс [Gleasons 1987], показал, что отцы в отличие от матерей намного чаще (в два раза) приказывают, в первую очередь, своим сыновьям. 38% всех высказываний отцов за семейным столом, адресованных детям, сформулированы в форме приказа. В целом, матери понимали своих детей лучше, поскольку они чаще общались с ними. Они употребляли в общении с ними более богатую лексику. Отцы чаще обращались к своим сыновьям, чем к дочерям, употребляя грубые выражения, такие как «идиот» (*nutcake*).

Окс и Тейлор [Ochs, Taylor 1992] проанализировали разговоры между родителями и детьми во время совместного приема пищи. При этом важным является ритуал, который они назвали «расскажи, что ты сегодня делал(а)» (*telling your day*). Часто матери требуют от своих детей рассказать отцу о том, как они провели день. Интересно, что отцы сами практически никогда об этом не спрашивают. После того как дети рассказали, что с ни-

ми произошло за прошедший день, отцы нередко оценивают действия и чувства детей. Вся ситуация разговора за столом создает для всех впечатление, что «отец знает лучше» (*father knows best*), тем самым отцу приписывается роль авторитетного лица. Для матерей конструируется скорее роль посредника между отцом и детьми.

Для формирования у детей стиля общения решающим фактором наряду с родительским домом является прежде всего группа сверстников. Дети овладевают репертуаром стилей, который в дальнейшем может более или менее видоизменяться.

4.4. Группы детей и подростков одного возраста

В рамках только социолингвистики нельзя объяснить, почему девочки и мальчики в возрасте от 4 до 14 лет — в период, когда формируется их стиль коммуникации, — общаются практически в однополых группах. Этот феномен, который не изменило даже совместное обучение мальчиков и девочек, до сих пор не имеет убедительного объяснения, однако показывает, что гендер по-прежнему представляет собой центральную категорию идентичности и в детской среде является основным различительным параметром.

Марджори Гудвин [Goodwin 1988; 1990] в своем исследовании речевого поведения темнокожих детей в Филадельфии, за которыми она в течение многих месяцев наблюдала во время их игр на улице, установила, что мальчики и девочки очень часто играют порознь и их повседневное общение между собой существенно различается. Мальчики значительно чаще употребляют неослабленный императив. Девочки, напротив, предпочитали формулировать свои требования в виде следующих конструкций: «Мы могли бы сейчас собрать кольца» или «А не собрать ли нам кольца?». В социальной структуре мальчиков были маленькие «начальники», которые в течение продолжительного времени имели право решающего слова, в группах девочек роль командира не имела значения. Их социальная структура была организована скорее горизонтально по степени близости (лучшая подруга), чем вертикально по статусу.

Гудвин, однако, подчеркивает, что все дети владеют всеми видами речевого поведения. В группах, где было много детей младшего возраста, более старшие девочки (от 7 до 12 лет) говорили также в форме прямого приказа. Младшие должны были их слушаться, и девочки также овладевали моделями речевого пове-

дения, которые влекут за собой подчинение окружающих. Также мальчики в совместных с девочками играх частично подстраиваются под вежливые формы речевого поведения, они употребляют эти формы также при общении с авторитетными лицами. Оба пола владеют всем спектром стилей, однако употребляют их не в равной степени.

Если сравнить работы последних лет, посвященные исследованию речевого поведения девушек и юношей в молодежных группах, то можно обнаружить, что юноши между собой поддерживают ритуалы конфронтации, а девушки — ритуалы дружеского общения и взаимной поддержки [Deppertmann, Schmidt 2000a, b; Branper 2001].

4.5. Особенности стилей речевого поведения

Предпринимаются многочисленные попытки категоризации и классификации стилей поведения, которые мы можем интерпретировать в рамках определенной культуры. Стили являются феноменами образа. Стилизация полов протекает также при непосредственном участии языка тела и при помощи оформления внешности [Posch 1999; Eckert 2000]. Обычно мужчины и женщины владеют определенным репертуаром стилей, в том числе речевым. Репертуар стилей членов общества, однако, различается и зависит преимущественно от доступных им сфер деятельности или от деятельности, к которой они были подготовлены в процессе своей социализации. Интеракционистская социолингвистика (например, [Gimpregz 1982]) постоянно подчеркивает, что различные коммуникативные ситуации, в том числе ситуации речевого общения, создаются участниками посредством используемого ими коммуникативного стиля. Прежде чем перейти к описанию конкретных явлений, я хочу указать также на то, что стили поведения интерпретируются и оцениваются всегда с точки зрения уже существующих ожиданий. Изложенные ниже результаты исследований феноменов речевого поведения демонстрируют слабую согласованность.

4.5.1. Перебивания и другие вмешательства

Перебивания рассматривались ранней феминистской лингвистикой как конкурентное вмешательство в речь (пра-

во голоса) других [West 1979], как признак демонстрации власти. В целом, при анализе ситуаций общения различают перебивание и одновременное говорение, последнее глубже проникает в структуру текущего речевого акта и поэтому может рассматриваться как нарушение механизма чередования говорящих.

Зиммерман и Уэст попытались продемонстрировать способность механизма вмешательства к изменению контекста, прежде всего для установления субординации между женщинами и мужчинами. Сакс и другие [Sacks et al. 1974] особо выделяли «частный разграничительный потенциал» («local particularization potential») распределения права голоса. В целом, бесспорно, что система очередности говорения может использоваться для установления статусного различия. В своем исследовании 1983 г. Зиммерман и Уэст обнаружили в случайно записанных разговорах разнополых пар 48 перебиваний такого рода, из них 46 приходились на долю мужчин. Во втором исследовании, проведенном ими в лабораторных условиях среди пяти пар незнакомых между собой людей, они обнаружили, что в 75% случаев из 28 перебиваний их инициаторами были мужчины. С позиций современных исследований представляется недостаточным расценивать как перебивание вмешательства, которые прерывают речь говорящей только за два-три слога до конца высказывания и тем самым позволяют спрогнозировать концовку. К тому же в исследованиях Зиммерман и Уэст практически совершенно не затронута интонация, а также отсутствуют данные об общей продолжительности речи участников коммуникации. Определения обоих также не содержат ответ на вопрос, было ли перебивание успешным. Не проводится разграничение между сигналами, используемыми для получения очередности, и перебиваниями, что является также проблематичным. Их выводы о том, что мужчины в ситуации разговора демонстрировали свое доминирование многократными перебиваниями, можно было бы поставить под сомнение вопросом, а не увлекались ли женщины своей речью так, что мужчины получали право голоса только благодаря многочисленным попыткам вставить свое слово. В исследованиях перебиваний не существует на сегодняшний день единого мнения о сущности этого явления.

Коттхофф [Kotthoff 1993] выделила для родового понятия «вмешательство» субкатегории, которые следует различать, пока не приобретут смысл с исследовательской точки зрения интерпретация стратегий и количественный анализ. Она упрекает авторов большинства статистических работ в недостаточной

разработке категорий и слишком опрометчивой интерпретации. Она предлагает выделять три области анализа вмешательства: чисто техническую область анализа, область расширенной локальности и глобальную область дискурсивных стратегий. Автор считает, что вмешательства могут быть интерпретированы только с учетом других частных и глобальных параметров контекста. В работах, посвященных изучению полов, часто слишком поспешно только на основании количества недостаточно разработанных видов вмешательств устанавливались отношения доминирования.

Джеймс и Кларк [James, Clarke 1993] проанализировали все проведенные в период с 1965 по 1991 г. исследования, посвященные установлению взаимосвязи перебиваний и мужского доминирования, и пришли к выводу, что большинство работ не обнаружили в разговорах как однополых, так и разнополых собеседников сигнификативного различия в количестве перебиваний.

Таннен [Tannen 1984; 1993] подчеркивает, что не каждое перебивание может рассматриваться как признак доминирования. В контексте других форм поведения определенные типы перебиваний должны интерпретироваться, например, как сигналы глубокой вовлеченности. Данная область имеет значительный потенциал для межкультурных недоразумений.

4.5.2. Продолжительность речи (речевой регламент)

Стереотипное мнение о том, что женщины болтливее мужчин, широко распространено в западных странах (*Ein Mann, ein Buch, eine Frau, ein Wörterbuch / Мужчина — книга, женщина — словарь*). Различные исследования, напротив, выявили, что в публичной сфере скорее мужчины злоупотребляют временем для вербальной самопрезентации. Джеймс и Дракич [James, Drakich 1993] обобщили для этого результаты 63 исследований, которые были опубликованы с 1951 по 1991 г., большей частью в США. Было подтверждено, что мужчины говорят дольше во время официального общения, в центре которых стоит общественная задача, но не в контексте приватного разговора. В общественной сфере мужчины чаще, чем женщины, обладали более высоким статусом, который подтверждается длительностью речи, служащей в том числе компетентному изложению проблемы, задачи и т. п. Фактор пола часто взаимодействует с фактором статуса.

Разные исследователи [Swacker 1979; Holmes 1992; Kotthoff 1992; 1993a] показали, что на семинарах, конференциях, во время телевизионных дискуссий, т. е. там, где речь формирует статус, мужчины говорят больше, часто в форме объяснительных реплик. Женщины, напротив, редко говорят в публичной ситуации общения, и их более краткие реплики позволяют проследить процесс развития мысли [Edelsky 1984; Holmes 1992]. Их стиль речевого поведения служит совместной разработке тем, в которой участвуют и мужчины. Таннен [Tannen 1990] исходит из идеально-типичного различия между статусной ориентацией и ориентацией в отношениях, которые она видит в непрерывном действии. Речь женщин более, чем речь мужчин, насыщена многочисленными сигналами, привлекающими внимание слушателей, уточнениями при возражениях и комментариями; речь женщин служит скорее поддержанию диалога, чем самопрезентации.

Грессель [Gräfel 1991] при анализе пяти телевизионных ток-шоу, в которых участвовали мужчины и женщины приблизительно одинакового статуса (понадобилось полгода, чтобы такие найти), установил, что длительность речи, большее число реплик, попыток перебить и перебиваний обусловлены скорее статусом, чем в прямом смысле полом. Гендер взаимодействует с другими социальными категориями.

В грандиозном новозеландском проекте «Wellington Language in the Workplace Project» [Holmes, Stubbe 2003] продолжительность речи во время служебных совещаний и заседаний сравнивалась по параметрам статуса и пола. И здесь статус коррелировал с длительными речевыми отрезками во время встреч. Группа Джанет Холмс сравнила также коллективные переговоры в отраслях, в которых доминировали женщины или мужчины, и не обнаружила сигнификативных различий в речах председательствующих, будь то женщина или мужчина.

4.5.3. Вопросы

Робин Лакофф в своей книге «Language and woman's place» (1973) выдвинула тезис о том, что женщины чаще задают вопросы, а мужчины чаще утверждают, констатируют и требуют. С тех пор этот тезис неоднократно повторялся в других работах. Лакофф связывала склонность к вопросам с недостаточной уверенностью в себе. Косвенные речевые акты в форме вопросов («Ты не мог(ла) бы закрыть дверь?») и высказывания с расчле-

ненным вопросом («Это был хороший фильм, не правда ли?») являются более вежливыми и типичными для женщин, а прямые требования («Закрой дверь») свойственны скорее мужчинам. Фишман [Fishman 1983] исследовав общение в парах, смогла подтвердить эти данные. Из 370 вопросов, которые были заданы за двенадцать с половиной часов, 263 принадлежали женщинам. Фишман считала, что женщины используют вопросы для того, чтобы начать разговор на новую тему, поскольку вопросы обязательно повлекут за собой реакцию. Анализ речевого поведения в студенческих группах, проведенный Шмидт [Schmidt 1988], показал, что студентки чаще, чем студенты, задают вопросы в форме эксплицитных ссылок на тему. Во время служебных совещаний, проанализированных Дюбуа и Крауч [Dubois, Crouch 1979], расчлененные вопросы используют, напротив, только присутствующие мужчины. Холмс [Holmes 1982] установила, что расчлененные вопросы также выполняют различные функции. Дополнения эпистемической модальности достаточно часто демонстрируют неуверенность; наряду с ними существуют и очень вызывающие типы расчлененных вопросов, а также такие, которые требуют от слушателя реакции. Анализируя разговоры женщин между собой, Коатс [Coates 1996] отмечает, что вопросы задаются, чтобы получить информацию, чтобы вовлечь человека в разговор, чтобы смягчить высказывание, начать новую тему и избежать статуса эксперта. Все эти функции могут, однако, взаимодействовать при постановке вопроса.

В сфере постановки вопросов стереотипы женского и мужского говорения, пожалуй, расходятся сильнее, чем действительные различия [Kramarae 1981; Philips et al. 1987; Frank 1992], т. е. на основании общественно заданных образцов женственности и мужественности мы интерпретируем одни и те же формы коммуникативного поведения у женщин и у мужчин по-разному. Исследование Брэдли [Bradley 1981] выявило, что женщины, которые употребляют расчлененный вопрос, например, *isn't it?*, *nicht wahr?*, *не правда ли?* и др, оцениваются как менее умные и менее уверенные, чем мужчины, которые употребляют те же самые конструкции. Если женщины что-то утверждают, не обосновывая свое утверждение, то они также воспринимаются окружающими как менее умные, а утвердительная форма высказывания интерпретируется как отсутствие знания, подобное же поведение мужчин не вызывает столь нелестной интерпретации.

4.5.4. Разговоры о проблемах

Дженкинс [Jenkins 1984] в работе по исследованию общения молодых матерей в часы досуга показала, что рассказы женщин в кругу подруг конструируются совместно в диалоге. Женщины постоянно и активно поддерживают темы других при помощи сигналов восприятия. Они открыто присоединяются друг к другу, говоря на одни и те же темы. Те же данные получила и Кальчик [Kalcik 1975].

Джонсон и Эриз [Johnson, Agies 1984] обнаружили во время опроса, что женщины считают разговоры с другими женщинами очень важными для их собственной жизни, тогда как для мужчин разговоры с другими мужчинами не столь значимы. С подругами опрошенные женщины разного возраста предпочитают говорить о личных проблемах, о собственном опыте и получать подтверждение своим рассказам. В качестве подтверждения воспринимается рассказ других женщин о сходных переживаниях и проблемах. Разговорам приписывается терапевтическая функция: можно позволить себе продемонстрировать слабость. При разговоре-обсуждении проблем женщины придают особенно большое значение тому, что женщина не одна рассказывает о своей проблеме, а открывает общее обсуждение. Если, например, женщина говорит о нарушении сна, то другие присоединяются к теме, рассказывая похожие истории. Тем самым они дают понять: твоя проблема — одна из наших проблем. Сходные признания не играют в мужском коллективе существенной роли. Таннен [Tannen 1990; 1991] также указывает на то, что среди мужчин более принято не реагировать на рассказ о проблеме сходными историями, а давать конкретный совет. Слушатель тем самым становится в ситуации общения экспертом по решению проблемы и может прочесть слушателю небольшую лекцию. Рассказы о проблемах играют в женском и мужском окружении различные роли и обсуждаются в диалоге по-разному. Это может быть также связано с тем, что совместные жалобы на превратности судьбы являются составной частью ритуала женской дружбы [Tannen 1990; 1991].

Гюнтнер [Günthner 1997] выявила, что во время рассказа историй-жалоб, в которых рассказчица возмущается отсутствующими и их поведением, слушательницы эмоционально поддерживают ее (совместное негодование). Слушательницы воспроизводят в своих комментариях эмоциональную атмосферу рассказа. Они четко выражают солидарность с позицией рассказчицы.

4.5.5. Степени прямолинейности в директивных высказываниях

Директивы — это речевые действия, при помощи которых пытаются побудить кого-либо что-либо сделать. Лингвистическая прагматика исходит из того, что мы можем, особенно при директивных требованиях и предписаниях, распознать степени прямолинейности — от неослабленного императива до намека [Ervin-Tripp 1976; Brown, Levinson 1987]. Степени прямолинейности связаны также с социальными отношениями участников коммуникации, со статусом, со значимостью требований и осведомленностью.

Уже упомянутое исследование Гудвин [Goodwin 1990] основано на аудиозаписях общения мальчиков и девочек из рабочей среды (в возрасте от 9 до 14 лет) во время игр на улице. Автор выявила, что мальчики значительно чаще употребляют прямолинейные формы требований, высокочастотен прямой императив, например, «Дай сюда ножницы» или «Вали отсюда». Девочки, напротив, предпочитают модальные формы с «давайте...» / «let's х», модальные глаголы в конъюнктиве («мы могли бы» / «ты мог бы» — «we could» / «you could») и смягчающие наречия. Мальчики возводят вокруг себя иерархическую социальную структуру, а девочки — эгалитарную.

Уэст [West 1990] исследовала общение врачей и пациентов. Данные свидетельствуют о том, что мужчины-врачи употребляют при общении с пациентами в основном несмягченный императив, говорят о необходимости, выражают свою волю и употребляют другие сильные директивы. Тем самым они не достигают партнерских отношений с пациентами. Женщины-врачи чаще высказывают предложения, на что пациенты реагируют, как правило, положительно. Коммуникативный стиль женщин-врачей направлен на сотрудничество с пациентами.

4.5.6. О создании имиджа авторитетного и компетентного лица (эксперта)

Взаимодействие в профессиональной сфере и в общественной жизни иерархически структурировано. До настоящего времени во всех обществах мужчины занимают высшие ступени в социальной иерархии. Профессиональный мир бросает вызов женщинам, поскольку они только в конце XX в. полу-

чили доступ ко всем ступеням иерархии. Исследователи-феминисты едины во мнении, что трудности профессионального роста женщин связаны со способами коммуникации и их оценкой. Компетентность и авторитет приписываются людям не сами по себе, а связаны с самопрезентацией людей в коммуникации и традицией ее восприятия.

Первые исследования конструирования образа компетентного лица (эксперта) выявили различные модели поведения мужчин и женщин. Лит-Пеллегрини [Leet-Pellegrini 1980] провела ряд экспериментов, предлагая однополым и разнополым парам людей обсудить тему «Вредное влияние телевидения на детей». Каждый раз она заранее выбирала одного из двух участников на роль эксперта и давала ему информацию по теме. Обычно разная степень осведомленности выражалась в том, что информированный участник дискуссии больше говорил, вводил больше подтем и чаще перебивал. Неинформированный участник задавал больше вопросов и подавал сигналы восприятия. Как правило, эксперты имели больше времени для высказываний, они определяли ход дискуссии и приводили разные точки зрения на проблему. Эта модель проявлялась при общении женщины с женщиной и мужчины с мужчиной. Асимметрия была очень заметна, если мужчина был экспертом, а женщина — дилетантом. Интересно, что типичная модель общения дилетант-эксперт не действовала, если в роли эксперта была женщина, а в роли дилетанта — мужчина. В этом случае обе стороны осуществляли действия для устранения этого противопоставления. Противопоставление женщина-эксперт и мужчина-дилетант оказалось не подходящим для пары женщина — мужчина. Женщина вела себя в качестве эксперта против мужчины-дилетанта недостаточно убедительно. Мужчина также не поддерживал женщину в ее роли, почти не задавал ей вопросов, тем самым не давая ей продемонстрировать свои знания. Она говорила по времени почти столько же, сколько и мужчина.

В 80-е и 90-е гг. XX в. дальнейшие исследования выявили, что мужчины более убедительно демонстрируют свою компетентность и чаще представляют себя авторитетным лицом [Schlyter 1993; Kuhn 1992; Kendall, Tannen 1997; Baron 1998; Thimm 1998].

Кейс [Case 1985; 1988] выделила в своем исследовании форм коммуникации менеджеров — мужчин и женщин — два ведущих стиля, коррелирующих с полом. Она охарактеризовала стиль менеджеров-женщин как ориентированный на собеседника и поддерживающий, а стиль менеджеров-мужчин как авторитарный, направленный на статус и успех. Открытая конкуренция, агрес-

сия, сленговые выражения, проклятья и остроты играют важную роль в стиле речи менеджеров-мужчин. Эти результаты соответствуют полученным Таннен [Tannen 1994] в ходе исследования на различных крупных фирмах выводам о том, что женщины и мужчины по-разному конструируют свою речь. Мужчины используют для обсуждения своих идей скорее форму оппозиции, женщины скорее связывают свои идеи с уже существующими. При обсуждениях чаще ссылаются на речь мужчин. Кейс также пишет, что стиль общения мужчин дает им преимущество и способствует усилению их влияния.

Выявленные в исследованиях различия связаны с тем, что традиционно мужчины всегда чувствуют себя уверенно в общественной сфере и с детских лет вписываются в господствующий в ней стиль.

Исследования телевизионных дискуссий и ток-шоу в немецкоязычных странах выявили, что при всем разбросе тем женщины выступают скорее в роли человека, говорящего о своих проблемах, а мужчины — в более престижной роли эксперта по актуальным вопросам, даже при одинаковой степени компетентности в предметной области [Kotthoff 1992; 1997]. Установление этой асимметрии имеет также большие последствия для возникающей социальной микроорганизации дискуссии. Эксперты, как правило, говорят больше, определяют темы и точки зрения и распространяют их. Создание гендерно обусловленной разницы чрезвычайно интерактивно, т. е. мужчины с самого начала ведут себя как эксперты, например, подробно излагая свои знания. Женщины рассказывают скорее о своих наблюдениях или о личном опыте. Более того, другие участники дискуссии, например, ведущий, навязывают эти роли обоим полам.

Мужчины и женщины по-разному ведут себя также в роли пациентов на приеме у врача. Менц и другие [Menz et al. 2002] пишут, что мужчины зачастую используют рассказ о своих хронических и многочисленных заболеваниях для самопрезентации в качестве «эксперта», т. е. в качестве человека, хорошо информированного о болезнях, назначениях и методах лечения, а также для самопрезентации как «своего человека», который на «ты» с персоналом и знает обо всех событиях в больнице. Мужчины частенько также жалуются на боль для того, чтобы выступить в роли хорошо информированного пациента, но чаще для того, чтобы продемонстрировать редкость и серьезность своего заболевания. Женщины ведут себя как люди, стесняющиеся своей болезни.

4.5.7. Юмор в ситуации речевого общения

Юмор, смех и комизм также участвуют в формировании взаимоотношений полов. Мужчины традиционно пользовались в этой сфере значительно большей свободой, чем женщины. Ограничение женского юмора и женского смеха начинается с обесценивания их поступков и пренебрежения ими, с изгнания их в пространство частной жизни вплоть до формирования негативных стереотипов в работах по исследованию юмора [Kotthoff 1988; 1995; Crawford 1995].

В западных обществах наблюдаются различные симптомы перемен в гендерной политике юмора. Исторически сложившаяся несовместимость образа женственности с активным и даже агрессивным юмором начинает постепенно изживать себя. Это не значит, что гендер не является более существенным параметром для смехового общения, это означает только, что система гендерных отношений конструируется по-разному в зависимости от контекста. Резкость (если не сказать грубость) старой модели, в которой мужчина активно шутит, а женщина улыбается в ответ на его шутки, в западной культуре не является более центральной [Kotthoff 2003]. Разумеется, мы применяем сегодня и другие методы исследования юмора, которые лучше подходят для понимания тонкого юмора и деликатных шуток. Методы дискурсивного анализа при изучении юмора более удовлетворяют его диалогичности, чем прежние лабораторные исследования, или импрессионистская передача наблюдений, или ограничение анализа письменно изложенными шутками.

В рамках смехового общения мы не только развлекаемся, но и работаем над созданием своего имиджа и многого другого. Молодые люди могут использовать так часто приписываемое женщинам подшучивание над собой для того, чтобы отвести от себя имидж мачо [Lampert, Ervin-Tripp 2003], «хорошие девочки» из среднего класса, поддерживая формы кооперативного юмора, могут тем самым сигнализировать о том, что они «милые соседские девушки» («die netten Mädchen von nebenan») [Ardington 2003; Branner 2001]. Потенциал юмора используется прежде всего в художественных фильмах для создания образов со специфичным гендерным поведением [Davies 2003]. Юмор в ситуации речевого общения может как подтвердить, так и опровергнуть существующую асимметрию ситуации [Holmes 2003], он может быть сексистским [Mulcahy 1988], но при этом представлять традиционные гендерные нормы в карикатурном виде. Холмс и Стабби (Holmes, Stubbe 2003) указы-

вают на существенные различия в шутовском поведении мужчин и женщин на работе в однополых коллективах. В современной профессиональной среде Новой Зеландии они не выявили постоянно подтверждаемую сдержанность женщин в юморе, которая отмечалась еще тридцать лет назад.

Лица женского пола используют многозначность шутовской модальности также для того, чтобы иметь возможность при контакте с противоположным полом проявить инициативу [Eder 1993]. Половые различия и в этой сфере находятся во взаимосвязи с другими параметрами, которые также играют роль в формировании стиля шуток, — возрастом, темпераментом, ситуацией общения, культурной и социальной средой.

4.5.8. Институциональные дискурсы

В институциональных дискурсах также наблюдаются как постоянство, так и изменения в отношениях между полами. Гендер является составной частью идеологии самого социального института.

Рассмотрим социальный институт школы. Шпендер в 1984 г. обратил внимание на следующие выводы: девочки привыкают к тому, что учителя уделяют им меньше внимания, чем мальчикам, и, тем самым, им остается только занять места на периферии. Различные исследования поведения учителей обнаружили, что учителя, как мужчины, так и женщины, уделяют мальчикам гораздо больше времени и позволяют им чаще высказываться, чем девочкам [Fuchs 1993].

Хайде Фраш и Ангелика Вагнер в ходе двух исследований, проведенных в общей сложности в 47 классах, наблюдали за поведением 51 учителя (приблизительно половина из них женщины, а другая — мужчины). В каждом классе было проанализировано по одному уроку математики, природоведения и немецкого языка по следующим пунктам:

- как часто поднимают руку мальчики и девочки;
- как часто их вызывают, когда они не поднимают руку;
- как часто их вызывают, когда они поднимают руку;
- как часто их просят прочесть вслух;
- как часто их хвалят;
- как часто им делают замечания;
- как часто им выговаривают за плохое поведение;
- как часто девочки и мальчики сами обращаются к учителям.

Результаты исследований показали, что мальчиков значительно чаще, чем девочек, вызывают, если они поднимают руку. Мальчики должны 3,6 раза поднять руку, чтобы их один раз вызвали, а девочки — 4,6 раза. Даже если мальчики не поднимают руку, их, как правило, вызывают чаще. В среднем их хвалят почти в два раза больше, однако не намного чаще порицают. Разумеется, они чаще получают нагоняи за свое поведение. Зато девочкам чаще позволяют читать вслух. Что касается самостоятельных обращений к учителям, здесь девочки так же активны, как и мальчики. Благосклонное отношение к мальчикам демонстрируют не только учителя-мужчины, но и учителя-женщины. Только во втором исследовании выявилось слабо выраженное различие в том отношении, что учителя обращали на девочек еще меньше внимания.

Двек с коллегами [Dweck et al. 1978] тщательно изучили школьные взаимоотношения и обнаружили, что учителя делают мальчикам замечания, которые указывают не на отсутствие способностей, а скорее на плохое поведение (слишком неорганизованные, невнимательные, незаинтересованные). Девочкам, напротив, в случае неудачи учителя нередко намекают, что причина кроется в отсутствии умственных способностей. Мальчики получают выговор, суть которого: «Ты смог бы, если бы захотел», а девочкам скорее говорят: «Ты очень старалась, но этого, к сожалению, недостаточно». В оценке успешных действий также можно обнаружить это расхождение. Девочек чаще хвалят за порядок и прилежание, а мальчиков, несмотря на внешние изъяны, хвалят за хорошую идею, оригинальное решение и т. д.

В последние годы повсюду (например, на факультетах повышения квалификации учителей) активно обсуждались результаты подобных исследований, что привело к осознанию проблемы и некоторым изменениям. Кажется, сейчас ситуация изменяется, и не в последнюю очередь благодаря сравнительному исследованию образовательного уровня PISA 2000 [Baumert et al. 2001], которое выявило по всем странам плохую успеваемость мальчиков в школе, они попали в центр внимания как проблемная группа. Неожиданно школа становится чересчур «дружелюбной к девочкам» («girl-friendly») («The Times», 2000, 17.4.). Авторы подчеркивают, что у мальчиков в младших классах было мало примеров для подражания, поскольку их учили только женщины. Известные футболисты могли бы провести кампанию, чтобы у мальчиков вновь появилась мотивация к чтению книг. Существует опасение, что в первую очередь школьный материал ориентирован

на интересы девочек. Анализ моделей общения в школьных мини-группах девочек и мальчиков на уроках свидетельствует, что успеваемость в группах девочек выше. Дэвис [Davies 1999] установил в сравнительном анализе взаимодействия полов, что учебные группы мальчиков очень часто уклоняются от заданной цели, а прилежные мальчики должны терпеть многочисленные помехи и нападки со стороны других мальчиков. Нерадивые мальчики лишают своих более прилежных одноклассников, ориентированных на учебу, сил и энергии для выполнения школьных требований. Отклонение от школьных норм может рассматриваться среди мальчиков как своего рода конструирование гендера. Также исследование, проведенное Эккерт в 2000 г., выявило, что мальчики из низших социальных слоев конструируют идеалы маскулинности, которые противопоставлены представлениям школьной среды, ориентированной на средний класс (включая его досуг). Мальчики из среды среднего класса, напротив, осуществляют конструирование гендера в сфере спорта и техники, совпадающей со школьными требованиями. В ближайшем будущем необходимо серьезно исследовать с позиций дискурсивного подхода различия в успеваемости и школьную систему гендерных и социальных отношений.

Необходимо интенсивно изучать в первую очередь электронную коммуникацию. Похоже, что в настоящее время девушки и юноши в равной степени активно используют прежде всего мобильные телефоны и их функцию sms, однако в пользовании Интернетом наблюдаются различия [Buchen, Phillipper 2002]. Юноши более активны в данной сфере.

Успехи в школе не всегда гарантируют достижение такого же успеха в профессиональной среде.

Исследование общения в профессиональной сфере имеет центральное значение для лингвистического изучения полов. Девочки в западном обществе по уровню образования между тем не отстают от мальчиков (а в некоторых областях опережают), что до сих пор, однако, еще не привело к тому, чтобы женщины заняли наравне с мужчинами высшие ступени иерархии в профессиональном мире. Вслед за Таннен [Tannen 1994] и Водак [Wodak 2003] мы исходим из того, что в профессиональном мире в целом господствуют нормы оценки, которые являются благоприятными для традиционно мужских форм коммуникации.

По-прежнему существуют сферы труда, где предпочтение отдается представителям того или иного пола (например, воспитательницы детских садов и электроинженеры). С точки зрения подхода,

который рассматривает гендер в рамках «communities of practice» — «сообщества практики» [Eckert, McConnell-Ginet 1992], не вызывает сомнений, что общение на рабочем месте наряду с созданием товарищеских отношений возникает благодаря самой работе, которая, например, у воспитательниц заключается в общении с детьми, а у инженеров протекает в тесной связи с техникой. Холмс и Стабби [Holmes, Stubbe 2003] сравнили стили речи в коллективах новозеландских государственных организаций, где доминируют женщины или мужчины. Конструирование гендера в женских коллективах выражалось в более маркированных формах подхода к работе коллег, в косвенных требованиях, в сложных способах достижения общего продвижения, тематических шутках. Среди коллег-мужчин конструирование гендера связано с чертыханиями, обоюдными розыгрышами, со стратегиями честных товарищеских высказываний прямо в лицо. Эти модели конструирования гендера отражаются в речевом поведении менеджера-женщины, которая возглавляет мужской коллектив; она вырабатывает коммуникативный стиль, который представляет собой успешный в данном контексте синтез традиционных особенностей женского и мужского стилей поведения. Благодаря этому стилю она может добиться не только успеха, но и признания подчиненных ей мужчин.

Если женщины продвигаются по службе в сферах, которые прежде считались традиционно мужскими, например в полиции, всем участникам необходима адаптация. Макелхинни [McElhinny 1992] описывает службу в полиции как традиционно мужскую работу, состоящую из наружной работы, требующих физической силы и ловкости операций, использования технических средств и многого другого, что ассоциируется с мужчинами. Необходимое в работе полицейского умение эмоционально дистанцироваться от событий и сохранять холодный рассудок, даже если ситуация выходит из-под контроля, гендерно маркировано. Макелхинни анализирует общение в профессиональном окружении, а также сообщения женщин-полицейских. Эти сообщения часто касаются ситуаций, в которых женщина-полицейский должна во время патрулирования разрешить инцидент. В начале своей деятельности сотрудницы полиции воспринимают себя слишком дружелюбными и слишком любезными и считают, что они должны были отучиться улыбаться, потому что это воспринималось людьми как непрофессионализм и умаляло их авторитет. За время своей работы они убедились, что они как полицейские олицетворяют государственный авторитет, который сопровождается общением, лишенным личного отношения.

В классических женских профессиях в сфере обслуживания сопровождающая их эмоциональная работа выглядит совершенно иначе. Работодатели требуют от бортпроводниц, продавщиц и секретарш самопрезентации, которая включает дружелюбие, улыбку, любезное отношение [Hochschild 1983]. Эта эмоциональная презентация, однако, рассматривается не как результат работы женщин, а просто приписывается их «милой сущности».

5. Коррелятивная социолингвистика

5.1. Явный и скрытый престиж

В большинстве работ по социолингвистике и диалектологии, в которых категория пола значима, она неразрывно связана с категорией социального слоя; критерии причисления к тому или иному социальному слою проистекают из мужской картины мира. Варианты языка, которые для мужчин связаны с престижем, не всегда подходят для женщин. Кроме того, стандартные и нестандартные варианты не всегда можно отождествлять с «явным» (*overt*) и «скрытым» престижем (*covert prestige*), как это раньше рассматривалось в коррелятивной социолингвистике (например, в работах [Labov 1966; 1972a; 1972b; Trudgill 1972; 1974]).

В работах по социолингвистике неоднократно утверждалось, что женщины чаще предпочитают литературный вариант языка как на фонетико-фонологическом, так и на морфосинтаксическом уровне [Labov 1966; Trudgill 1972; Mattheier 1980; Feagin 1980, etc.].

Лабов интерпретировал эти выводы [Labov 1972] следующим образом: женщины, которые часто имеют более низкий социальный статус, употребляют литературный язык, чтобы подать сигнал о более высоком престиже. Эта интерпретация разделяется многими исследователями. Говорящие на литературном языке обычно оцениваются как более компетентные и умные, чем говорящие на диалекте, так как диалект более связан с агрессивностью и грубостью [Elyan et al. 1978]. Это относится прежде всего к профессиональной сфере, где женщины пользуются литературным языком; и это отражает их стремление к признанию. Однако сегодня считается неправомерным упрощением ставить знак равенства между престижем и употреблением литературного языка. С одной стороны, имеются исследования по регионам, в которых

мужчины больше говорят на литературном языке, чем женщины (ранние диалектологические исследования, см. [Bach 1934; Hofmann 1963, Ammon 1973; Milroy 1980; Nichols 1983; Modaresi 1987], и, с другой стороны, нельзя так просто отождествлять литературный язык с высоким престижем, как это ранее показал Траджилл [Trudgill 1972]. Существуют различные обусловленные ситуацией и субкультурой формы престижа. И именно у женщин наблюдается заметная, обусловленная ситуацией смена кода, так называемое «переключение» (switching). Любой человек обладает континуумом стилей и в зависимости от ситуации выбирает формальный или неформальный стиль или благодаря выбору стиля создает ситуацию. Однако компетенция внутри этого континуума стилей различна. Женщины используют континуум стилей в целом больше, чем мужчины [Eckert 2000].

Неформальный престиж Траджилл обозначил как «скрытый» (covert). В субкультурах низших слоев «скрытый» престиж может возникнуть благодаря нарушению норм литературного языка. Носители нестандартного варианта языка отмежевываются в языковом отношении от представителей среднего класса. Они употребляют социолекты как внутригрупповые маркеры и как демонстрацию солидарности. Кто говорит «изысканно», тот не принадлежит к группе.

Многие исследователи обнаружили, что связанные с нестандартным вариантом неформальные формы престижа чаще наблюдаются в среде мужчин [Bach 1934; Labov 1966; 1972a; Trudgill 1974; Macaulay 1978; Mattheier 1980; Brouwer 1986, etc.]. Различные исследования, впрочем, как и труды Бах 30-х гг., уже выявили обе тенденции. Ученые наблюдали у сельских домохозяек консервативное употребление диалекта, а у городских жительниц — выраженную склонность к литературному языку.

Макаулэй обнаружил, например, в своем исследовании социальной стратификации [i] в Глазго, что женщины низов среднего класса чаще употребляют стандартное произношение [i], чем мужчины верхов среднего класса. [ʌ] считается «просторечным» (vernacular) произношением (просторечное = нестандартное). Макаулэй приводит следующие «показатели мужчин и женщин для [i]» в Глазго [Macaulay 1978, 135]:

Верхи среднего класса	Мужчины: 69,00	Женщины: 80,00
Низы среднего класса	Мужчины: 55,25	Женщины: 71,25
Верхи рабочего класса	Мужчины: 53,25	Женщины: 55,00
Низы рабочего класса	Мужчины: 50,00	Женщины: 53,00.

Относительно этих переменных верно, что женщины всех социальных групп предпочитают литературный язык более, чем мужчины. Разница особенно велика между женщинами из верхов рабочего класса и женщинами из низов среднего класса. Лабов еще в 1972 г. отмечал особую склонность низов среднего класса к престижным формам, которую он объяснил высокой степенью приспособляемости его представителей к нормам среднего класса, который сам обращается с нормами довольно легкомысленно. На взгляд Лабова, этой тенденции особенно подвержены женщины. При этом не учитывалось, что исследователь-мужчина, собирая языковые данные среди женщин, создает несколько иную ситуацию, чем если бы сбор данных проводился мужчиной среди мужчин. Более активное употребление литературного языка женщинами могло быть связано с тем, что женщины общались с ученым более дистанцированно, чем это делали мужчины.

Часто возникает впечатление, что в современных обществах независимо от ситуации социолекты и диалекты ассоциируются скорее с мужественностью, а литературный стандарт — с женственностью. Переменная пола в действительности усугубляет обусловленные социальной группой различия. Женщины из низов среднего класса демонстрируют большую склонность к престижному варианту, мужчины средних и высших слоев, напротив, употребляют отклоняющиеся от стандарта языковые формы, чтобы представить себя именно как мужчин. Тесты Траджилла на самооценку установили, что женщины приписывают себе стандартную манеру говорить даже тогда, когда они не слишком усердствуют в ней; у мужчин наблюдалось обратное [Trudgill 1972]. Траджилл допускает, что женщины и мужчины предпочитают разные варианты и что нестандартному варианту может также приписываться своеобразный вид престижа солидарности, по крайней мере среди мужчин. Е. Гофманн обнаружила, что малообразованные работницы, которые больше говорили на диалекте, чем мужчины, субъективно воспринимали свою речь и утверждали, что говорят на литературном немецком языке [Hofmann 1963].

Впрочем, гипотеза, что женщины скорее склонны к формам «явного» престижа, а мужчины — к формам «скрытого» престижа, не может сохраняться в такой формулировке. Как уже упоминалось, существуют и противоположные результаты исследований.

5.2. Языковые варианты в профессиональной среде

Исследователи Милрой проанализировали диалекты в трех традиционно рабочих общинах Белфаста: Баллимаккаретт (протестантский район города в Восточном Белфасте), Хаммер (протестантский район города в Западном Белфасте) и Клонард (католический район города в Западном Белфасте) [Milroy, Milroy 1978; L. Milroy 1980; 1982; Coates 1986]. Они выдвинули гипотезу, что границы употребления диалектного варианта должны быть связаны с интеграцией говорящей / говорящего в ограниченную социальную систему. Чем уже и плотнее социальная сеть (разнообразно переплетенная, например, благодаря родству, соседству, работе и т. д.), тем скорее могут быть выработаны собственные нормы. Исследование интегрирует включенное наблюдение. Лесли Милрой разработала шкалу плотности сети [L. Milroy 1980; 1982]. В Баллимаккаретте и Хаммере взрослые и молодые мужчины занимали верхние строки таблицы «Показатели стабильности сети», которые базировались на пяти факторах. В Баллимаккаретте мужчины традиционно работают в порту и в судостроении. В Хаммере и Клонарде больше безработных мужчин. Там и женщины достигают действительно высоких показателей в сети.

Степень принадлежности к одной из общин может быть связана с манерой индивида говорить. Исследователи предположили, что интегрированные в узкий круг социальной сети лица больше говорят на диалекте.

Языковую переменную представляет собой интервокальная согласная [th], как в слове *brother*. В диалекте [th] не произносится. Во всех трех районах города мужчины чаще, чем женщины, не произносят звук [th]. В Баллимаккаретте, районе с традиционным полоролевым распределением, различия были наиболее яркими. Молодые женщины (от 18 до 25 лет) произносят [th] и тем самым говорят на литературном языке, молодые люди вообще почти не произносят [th]. У старшего поколения 40—55 лет различия в произношении мужчин и женщин менее выражены. Этот интересный результат требует в дальнейшем более тщательного рассмотрения. Переменная [a] продемонстрировала другие тенденции. В словах, как *hat*, возможны пять вариантов произношения [a], причем самое сильное диалектное произношение звучит почти как слабое, дифтонгированное «е». Интересным представляется, что молодые женщины из Клонарда чаще, чем молодые люди, употребляли диалектную форму [a] заднеязычного. У лю-

дей старшего возраста наблюдались обычные различия, как в Баллимаккаретте в целом. В Хаммере относительно переменной «а» у молодых мужчин и женщин не было обнаружено никаких различий. Особенно интересными, однако, представляются результаты, полученные в Клонарде. Манера произношения переменной «а», специфичная для мужчин и женщин, изменилась внутри одного поколения. Клонард — район с высоким уровнем безработицы среди мужчин. Внутрисемейные структуры подверглись здесь сильным изменениям, процент занятых в профессиональной сфере женщин значительно вырос. Здесь женщины принадлежат к плотным социальным сетям. В соответствии с этим они имели самые высокие показатели. Изменилось их речевое поведение. Они говорят скорее как мужчины из Баллимаккаретта, чем как женщины из трех других городских районов. Однако их речевое поведение не полностью совпадает с речевым поведением мужчин. Они не проглатывают [th], как мужчины. Тот факт, что молодые женщины из Клонарда отличаются как от женщин старшего поколения, так и от мужчин, часто упоминается в литературе, однако остается без должного внимания.

Николс в своем исследовании речевого поведения темнокожих женщин и мужчин на побережье Южной Каролины и Джорджии, например, также обнаружила, что молодые женщины чаще предпочитают литературный английский, чем мужчины и пожилые женщины. Пожилые женщины, с другой стороны, чаще, чем пожилые мужчины, говорят на диалектном варианте языка. Она обобщает различные точки зрения на речевое поведение темнокожих мужчин и женщин следующим образом:

Модели употребления языка в рамках языковой общности темнокожих наводят на мысль, что там, где возможности получения образования и профессии ограничены, женщины демонстрируют более консервативное речевое поведение, чем мужчины одной с ними социальной группы. Если же эти возможности начинают расширяться, они распределяются в соответствии с полоролевым разделением. Работа в торговых, медицинских и общеобразовательных учреждениях доступна прежде всего для женщин, отчасти из-за низкой оплаты труда, ассоциируемой с этой деятельностью. Несколько парадоксально, но именно это та работа, которая требует знания и употребления литературного английского языка, равно как больших затрат на получение высшего образования. Рабочие специальности в сфере строительства традиционно более доступны для мужчин, чем для женщин. Несмотря на то что заработная плата в этой сфере значительно выше, чем у большинства работающих в учреждениях жен-

щин, рабочие профессии, сегодня доступные и для темнокожих мужчин, не требуют употребления литературного языка, ни в устной, ни в письменной речи [1983, 63].

Согласно Николс, у пожилых женщин не было никаких причин для усвоения литературного варианта языка, поскольку они работали дома и в поле. Они говорили больше, чем мужчины, на смеси креольского (Gullah) и варианта английского, на котором говорят темнокожие американцы. Николс объясняет это отсутствием образования и профессиональной деятельности [Nichols 1983]. Несомненно, что в сфере деятельности этих женщин общепринятый и всем понятный язык был не нужен, тогда как в сфере деятельности молодых женщин он имеет большое значение. Молодые женщины имеют типичные коммуникативно и социально ориентированные профессии, в отличие от говорящих на диалекте молодых женщин из белфастского района Клонард. Учительницы, медсестры и продавщицы взаимодействуют в общении невзирая на границы социальных сетей. Молодые женщины и здесь в языковом отношении отличаются как от молодых мужчин, так и от поколения своих матерей.

Сходные результаты обсуждает Аммон [Ammon 1973]. Он установил для Швабии заметные различия между домохозяйками и работающими женщинами старшего и среднего возраста. Работающие женщины предпочитают литературный язык. Здесь нет больших расхождений с Николс и Милроями в том, какие коммуникативные требования предъявляет профессия. Все эти исследования позволяют понять, что работающая женщина неизбежно обращается к стандартной манере говорить. Они не ставят в дальнейшем вопроса о влиянии именно больших перемен последних 40 лет, на интенсивные изменения в языке пожилых и молодых женщин.

5.3. Язык как метод разграничения

Язык женщин уподобляется языку мужчин, но все же не становится полностью ему подобным. Необходимо проводить различия внутри вариантов языка, если мы хотим обнаружить в отчасти неустойчивых результатах социолингвистических исследований корреляции с переменной пола. Различные исследования обнаруживают, что там, где женщины также говорят на диалекте, он отклоняется от мужского варианта диалекта (например,

[Nichols 1983; Milroy, Milroy 1978]). В работах Милроев по исследованию диалектов Белфаста было обнаружено, что женщины из Клонарда произносят звук [th], отсутствие которого считается одним из признаков диалекта и широко практикуется мужчинами. Сферы употребления женского и мужского вариантов диалекта различны.

Стиль речи может подвергаться символической эксплуатации. Если стиль символизирует для мужчин субкультурный престиж, то женщины могут использовать эти стилистические коннотации, чтобы точно так же демонстрировать принадлежность к группе. Способы речевого поведения, располагаемые на оси стандартное — нестандартное, могут быть использованы для разнообразных стилизаций и тем самым для символизации категорий идентичности. Если с пожилыми женщинами и их диалектом ассоциируется несовременность, более молодые женщины за счет слишком интенсивного употребления диалекта рискуют уподобиться им. Идентичность в коммуникации может быть реализована по обоим направлениям — отграничением от речевого поведения определенной группы и его заимствованием.

Существуют гендерно специфичные и гендерно независимые формы престижа, использование которых определяется стилем [Cheshire 1982]. Даже внутри стандартного и нестандартного вариантов языка женщины и мужчины могут говорить по-разному. В коммуникации в зависимости от ситуации общения и интенции могут использоваться конвергенция (один социальный слой, одна группа и проч.) и дивергенция (противоположный пол, различные социальные роли и проч.) (о теории аккомодации см. [Giles, Smith 1979]). Высокий потенциал этих средств стилизации обуславливает их выбор в каждом конкретном случае. Социолингвисты должны выявить, какие переменные могут использоваться для маркирования гендерных различий, а какие — для социальных и / или для маркирования степени формальности ситуации. Принадлежность мужчин к тому или иному социальному слою представляется определяющей для их речевого поведения. «Колебания в таблице» [Ruoff 1973] становятся понятными, если представить женщин и мужчин как субъектов, которые используют язык хотя и неосознанно, но все же целенаправленно для определения ситуации и категоризации идентичности. Тем не менее неправомерно утверждать, что социальная группа и пол просто коррелируют с языковыми переменными, вместо этого необходимо в определенных ситуациях процессуально отображать применение языковых методов различения.

Фонетико-фонологические исследования Водак [Wodak 1981; 1982; 1985] и Моосмюллер [Moosmüller 1984] речевого поведения матерей и дочерей в Вене обнаружили, что особенности семьи, характеристики людей, модели отношений, структуры конфликта и т. д. определяют варианты внутри венского разговорного языка. Так была обоснована теория социопсихологических вариантов [Wodak, Moosmüller 1982]. Было установлено, что именно развитие языка женщин определяется не только социологическими, но и психологическими параметрами. Мать оказывает неодинаковое влияние на сыновей и дочерей. Так, мы знаем из психоаналитической литературы, что сыновья переживают разрыв с матерью иначе; у дочерей он происходит мучительнее. Интересы исследователей вращались вокруг вопросов: используют ли дочери язык для маркирования собственной идентичности? отграничиваются ли они при помощи языка от матерей (предположительно сильнее, чем сыновья)? доходит ли дело до языкового варианта в зависимости от отношения матери, структуры семьи и желаемой новой идентичности детей (социальный взлет / падение, другой полоролевой образ и т. д.)? в какой мере за счет исследования языка матерей и их дочерей мы можем рассмотреть процессы гендерной идентификации, а также возникновение гендерно специфичных различий?

В одном из первых пилотных исследований была предпринята попытка изучить взаимоотношения мать — дочь на основании междисциплинарных, теоретических и методических положений [Wodak 1981]. В рамках этого исследования вначале были качественно и количественно проанализированы сочинения 12-летних школьников на тему «Моя мама и я».

После этого проводились интервью с детьми и матерями. Эти интервью были фонетически транскрибированы и изучены по социофонологическим показателям.

Водак обобщила окончательные результаты следующим образом [Wodak 1985, 204]:

- Существуют «семейные стили» — «стили матери-дочери», которые не согласуются с общей тенденцией различения по социальным группам;
- Работающие женщины говорят более официально по сравнению с домохозяйками, независимо от социальной и возрастной группы;
- При конфликтных отношениях с матерью наблюдаются значительные различия между стилями речи матери и дочери: даже если общая тенденция такова, что молодежь го-

- ворит менее официально, в данном случае она нивелируется (см. также [Wodak, Moosmüller 1981]);
- Различий между матерью и дочерью, даже при относительно хороших взаимоотношениях, больше, чем у матери и сына, поскольку дочь должна создавать свою собственную (речевую) идентичность за счет разобшения с матерью;
  - Поднимающиеся и опускающиеся по социальной лестнице дочери говорят гиперкорректно (более корректно, чем сыновья), причем здесь совпадают два фактора: отречение от исходной социальной группы и одновременный разрыв с матерью, которая — среди прочего — олицетворяет ценности и нормы исходной социальной группы. Приспособление к группе, члены которой близки по возрасту, статусу и т. д., также должно играть большую роль;
  - Тема разговора также влияет на вариант используемого стиля, причем важность тех же самых тем может быть различной для отдельных членов семьи (эмоциональное восприятие темы, табу, идеологические конфликты).

В этом исследовании в фокусе находится различие, которое и ранее привлекало внимание исследователей, — различие между матерями и дочерьми. Особенно примечательным является то, что дочери из низов среднего класса в данном исследовании пользовались большинством диалектных особенностей, что противоречит существовавшим до сих пор предположениям о переходе в более высокий социальный слой. Это можно объяснить только их «оппозиционным отношением», направленным против матерей. В целом фактор социального слоя для дочерей был не настолько значим, как для матерей и мужчин в целом.

Николс и Милрой также выявили заметные различия в речевом поведении младших и старших поколений женщин, намного более четкие, чем у мужчин. Предположительно, и там играют роль психологические усилия по отмежеванию и, кроме того, сильные общественные перемены в роли женщин.

Исследование языка молодежи в Детройте основано на очень убедительном методе количественного анализа вариаций и качественной этнографии [Eckert 2000]. В школьном окружении Белтэн Хай среди молодежи происходит разделение на «спортсменов» (*jocks*) и «отпетых» (*burnouts**) (и на «переходную группу» — *in-betweens*); в сфере досуга первые ориентированы скорее на за-

---

* Burnouts — на амер. сленге — подростки, употребляющие наркотики, алкоголь и сигареты.

нения, которые признает и школа, «отпетые» проявляют интересы, далекие от школьных требований. Хотя различные интересы молодежи связаны с происхождением из среды среднего или низшего слоя общества Детройта, Эккерт говорит о большем, чем простая корреляция варианта языка и социальной группы. Она выявляет в подробной этнографии ценности и типы поведения молодежи, относящиеся к дружбе, спорту, созданию пар и многому другому. Тем самым становится очевидным, что языковая вариация неразрывно связана с символизацией социальной идентичности, которая в свою очередь тесно связана с интересами и деятельностью. Быть «спортсменом» или «отпетым» значит для юношей и девушек не одно и то же. Оба пола различаются по роду их популярности в школьном окружении, по социальным ролям в группе, а также планами на будущее. Институционализация традиционных гендерных отношений, гетеросексуального рынка и ритуалов влюбленности становится очевидной в средней школе. Девушки придерживаются роли поддержки, например, в качестве «группы поддержки» во время спортивных матчей юношей или при организации танцевальных вечеринок. Власть и умение ловко пробивать себе дорогу в джунглях города являются важными темами среди юношей-«отпетых»; девушки-«отпетые» редко демонстрируют дух борьбы. Юноши-«спортсмены» создают себе благодаря спорту и знакомству с компьютерными технологиями (любимое времяпровождение на досуге) имидж сильного и компетентного человека, умеющего контролировать себя. Центральной задачей девушек является уход за своей внешностью и соответствующее ей поведение (в меньшей степени у девушки-«спортсменки»). Девушки обеих групп стараются избегать атрибуций, сопряженных с образом неряхи, распушенной девушки, поскольку это по-прежнему связано с демонстрацией сексуальной сдержанности. Эккерт исследует синтаксические переменные, «негативное согласование» и шесть звуковых переменных как возможные языковые маркеры различий. Двойное отрицание проявило себя как сильнейший маркер просторечия, а сниженное [e] — как сильнейший маркер престижного варианта языка. Здесь возникает уже известная гендерная картина, которая обнаруживает у девушек, принадлежащих к группе «спортсменов», высокие показатели престижного варианта языка (эффект перехода в другую социальную группу), а у юношей-«спортсменов» — высокие показатели диалектного варианта. В остальном исследование выявило очень дифференцированную картину раз-

личных переменных, которые имеют различный иконический статус для создания коммуникативного автопортрета.

6. Пол и социальная среда в качественно ориентированных исследованиях

Проект «Коммуникация в городе» под руководством Вернера Кальмейера выполнен в традиции интеракционной социолингвистики. Опубликованное в четырех томах исследование убедительно соединяет этнографию города и групповой культуры с анализом взаимодействий. В проведенном Швиталлой [Schwitalla 1995] в рамках проекта сопоставительном исследовании двух групп женщин сравнивается их речевое поведение по следующим параметрам: употребление стандартного и диалектного вариантов языка, фразеология, тематические предпочтения и формы вежливости, юмор, создание общности и решение конфликтов. Анализ стилей коммуникативного поведения женщин обеих групп касается различных языковых уровней от фонологии до прагматики. В основу исследования Швиталлы, посвященного коммуникативным стилям социал-демократической группы женщин-рабочих и мелких служащих и группы литераторов-женщин из среднего класса, легли концепции: а) создание лица (face-work) по образцу Гофмана и Браун, Левинсона; б) коммуникативная теория эмоциональной обработки; в) понятие «придание модальности» речи. Под стилем Швиталла понимает вслед за Зандиг и Зельтинг [Sandig, Selting 1997, 283]: «надындивидуальное оформление высказываний, а также способы реализации типов речевых действий и заданные тем самым параметры значения, которыми группа говорящих выражает свой специфичный взгляд на мир во всех релевантных для нее аспектах». Швиталла обнаруживает во многих сферах существенные различия в стиле речи двух исследованных групп. В социал-демократической группе женщин, например, гнев и негодование выражаются открыто. Это «негативное лицо» играет особую роль, поскольку в группе часто обсуждается тема прав на самоопределение женщины, находящихся под угрозой, и формируется единое чувство совместной борьбы за эти права. В дальнейшем женщины-социал-демократы часто излагают свои позиции в рассказах о конфронтации и веселых гротесках. Здесь царит высокая эмоциональная экспрессивность. Члены литературной группы используют различные модальности, говорят скорее на-

меками и с иронией, тем самым создают впечатление скромности и сдержанности. Также в сфере регламентирования права голоса исследование выявило социально-стилистические различия: в группе литераторов одновременное говорение намного короче, чем в группе рабочих женщин, которые представляются как менее тактичные. В общей сложности в речевом поведении женщин из группы литераторов обнаруживается большее число стилистических признаков, которые в феминистской лингвистике были описаны как типично женские, чем в речевом поведении рабочих женщин.

7. Фактор воздействия СМИ

Все исследования продукции СМИ, будь то телевизионные новости, комиксы, реклама, художественные фильмы, гляцевые журналы, политические комментарии или детские книги с картинками, показывают, что гендер почти всегда становится значимым и в большинстве случаев выражается стереотипно [Velte 1995]. Бильден [Bilden 1991] обобщает результаты многих исследований, которые понимают влияние СМИ на детей как закрепление дихотомии гендерных стереотипов. Оценка исследований в этой области выходит за рамки данной статьи. Гендеризированные представления об идеальном постоянно подтверждаются прежде всего в рекламе. Поэтому я ограничусь анализом данного сегмента.

Реклама в повседневной жизни западного общества вездесуща. Мы воспринимаем ее различными уровнями сознания, часто между делом. Она создает идеальные образы мужчин и женщин [Goffman 1979/1981]. Только в США ежегодный бюджет рекламной индустрии составляет 250 миллиардов долларов [Martin, Schumann 1996]. Ритуализированные формы выражения взаимоотношений между полами, которые существуют в повседневной жизни именно как представления полов об идеальном и как социальный пол, но также подвергаются критике, в рекламе гиперритуализированы. Гофман в работе «Гендер и реклама» [Goffman 1979/1981] показывает на примере визуальной рекламы, насколько нормативны и асимметричны гендерные представления, которые она распространяет. Рекламные дизайнеры ограничены рамками своего СМИ. Они должны представить нечто, что легко воспринимается и привлекает к их продукту потенциальных клиентов. На рекламных фотографиях моделируются сцены из по-

вседневной жизни, которые ориентируют нас на то, что человек делает или говорит. Дизайнеры по рекламе выбирают преимущественно признанные положительные, социальные типы, «так что мы видим перед собой идеализированных людей, которые применяют идеальные средства, чтобы достичь идеальных целей, — причем они, разумеется, в микромире рекламы размещены так, что демонстрируют идеальное отношение друг к другу» [Goffman 1981, 115]. Итак, фигуры на изображении размещены таким образом, что их пространственное положение по отношению друг к другу символизирует предполагаемое социальное взаимоотношение. Этим методом пользуются также официальные источники и политические партии. Даже они представляют свои высказывания по драматическим канонам. Гофман утверждает, что задача рекламных дизайнеров не сходна с задачами остальных членов общества, снабжающих свои социальные ситуации ритуальными признаками, которые делают возможной быструю ориентацию участников друг на друга. И те и другие используют воспринимаемые другими средства самопрезентации. «И те и другие пользуются сходными элементарными средствами: обнаружение умысла, микрoэкологические обозначения социальных структур, признанные стандарты и овнешнение внутренних состояний при помощи жестов» [Goffman 1981, 116]. Гофман анализирует визуальный материал и показывает, как на рекламных фото используются относительные величины для сигнализации о доминировании и подчинении. Он сравнивает, например, мужские и женские прикосновения к изображенным предметам. Мужчина хватает, например, бутылку «Jägermeister» и крепко ее держит, женщины же часто только намекают на прикосновение. Вместо утилитарного мужского овладения предметом они только обрисовывают его контуры. Прикосновения женщин к себе должны передавать чувство, что это оболочка чего-то драгоценного. Если изображены совместно работающие мужчина и женщина, то мужчина берет на себя руководство действиями. Например, изображен мужчина-врач, рассматривающий таблицу, снимок и т. п., и медсестра, которая также смотрит на это, но со стороны. Женщины на изображениях часто принимают помощь мужчины. Он помогает ей сойти с качелей и дает ей снять губами виноградину с кисти, которую держит. Мужчина предлагает надежную опору, а женщина часто стоит, прислонившись к нему. Женщина нередко лежит, мужчины располагаются выше. Положение лежа является традиционным выражением беспомощности и сексуальной доступности. Повышенное пространственное

местоположение символизирует более высокий социальный статус. Женщины также часто изображены в склоненных позах, а мужчины — прямо. Прежде всего, склоненная голова считается выражением покорности.

С позиций драматургии Гофмана и концепта габитуса Бурдые, Уильямс и Каутт провели качественный анализ около 3200 рекламных объявлений за период с 1989 по 1997 г. Согласно их точке зрения, жанры массовой коммуникации, такие как реклама, относятся к «мега-сценам (...), на которых (ре)презентируются смысловые единства повседневной культуры» [Willems, Kautt 2000, 349]. Они ставят вопрос как о культурной рефлексивности рекламы, так и о ее продуктивности для социализации. Прежде всего, они считают, что изображение женского эротизма (и, как правило, отсутствие связи с продуктом), по-прежнему относится к универсальным рекламным стратегиям. Так, часто насаждаемый рекламой видеоряд с полуодетой женщиной в центре изображения «усиливает определенным образом повседневную практику взгляда на женщину, элиминируя ограничения, которым подлежит мужской взгляд в “прагматических” контекстах» [Willems, Kautt 2000, 350]. Женщины в рекламе внешне обращаются к зрителю-мужчине, который становится невидимым героем декорации. В изображении женщин нагромождаются символические впечатления хрупкости, нежности и чувствительности. Они постоянно впадают в эйфорию из-за мелочей, тем самым подтверждая модель поведения ребенка в качестве основной модели. Мужчина, напротив, изображен как человек, не подверженный аффектам и умеющий контролировать себя, репрезентирующий тем самым образ родителя. Коттхофф выявила ту же модель в радиорекламе [Kotthoff 1994].

8. Заключение

В лингвистике дискурса и социолингвистике мы не обнаруживаем стабильных различий между стилями речевого поведения мужчин и женщин. Для большинства культур не имеет смысла говорить о «гендерлекте». Культурные концепты мужественности и женственности и их демонстрация в коммуникации достаточно гибки, чтобы допускать расхождения, к которым относятся также исторические перемены. И все же гендер как социальная категория так же мало лишен своей релевантности, как социальный слой, этничность или возраст. Хотя эта релевант-

ность не демонстрируется в равной степени в любом контексте, она имеется в распоряжении членов общества как хранимое знание о стереотипах. СМИ работают с этими стереотипами.

В смысле изучения перформативности в будущем можно рассмотреть стили речи в связи с другими формами стилизации «я», например, с нормами создания внешнего облика. Поскольку гендер является феноменом образа, необходимо учитывать то, что он может в перформативных рамках совершенно сместиться, репрезентации телесного (как выпячивание благодаря одежде атрибутов сексуальности), например, могут стать значимыми, тогда языковые различия, возможно, перестанут быть важными. Не случайно гендерные исследования рассматриваются как междисциплинарная задача.

Литература

- Alberts, J. K. (1992): Teasing and Sexual Harassment: Double-Bind Communication in the Workplace. In: Linda A. M. Perry et al. (eds.), *Constructing and Reconstructing Gender*. — New York: State University of New York Press.
- Ammon, Ulrich (1973): *Dialekt, soziale Ungleichheit und Schule*. — Weinheim: Beltz.
- Ardington, Angela M. (2003): Playfully negotiated activity in girls' talk. In: *Journal of Pragmatics* (to appear).
- Bach, Adolf (1934/1969): *Deutsche Mundartforschung*. — Heidelberg.
- Barnard, Malcolm (1996): *Fashion as Communication*. — London: Blackwell.
- Baron, Bettina (1998): «Freiwillige Selbstkontrolle» im Fachgespräch. In: Gisela Schoenthal (Hrsg.): *Feministische Linguistik — Linguistische Geschlechterforschung*. — Hildesheim, Zürich: Olms. — S. 175—201.
- Baron, Bettina (2002): Arguing among scholars: How does the shaping of expertise differ between men and women? In: Bettina Baron, Helga Kotthoff (eds.), *Gender in Interaction. Perspectives on Femininity and Masculinity in Ethnography and Discourse*. — Amsterdam: Benjamins.
- Baron, Bettina; Kotthoff, Helga (eds.) (2002): *Gender in Interaction. Perspectives on Femininity and Masculinity in Ethnography and Discourse*. — Amsterdam: Benjamins.
- Baumert, Jürgen et al. (Hrsg.) (2001): *PISA 2000*. — Opladen: Leske und Budrich.
- Behnke, Cornelia; Meuser, Michael (2002): Gender and habitus: Fundamental securities and crisis tendencies. In: Bettina Baron, Helga Kotthoff (eds.), *Gender in Interaction. Perspectives on Femininity and Masculinity in Ethnography and Discourse*. — Amsterdam: Benjamins. — P. 153—175.
- Bendix, John; Bendix, Regina (1992): Politics and gender in humor and satire: the cases of Elisabeth Kopp and Geraldine Ferraro. In: *Schweizer Zeitschrift für Soziologie* 2. — P. 441—460.

- Berger, Peter; Luckmann, Thomas (1966/1977): Die gesellschaftliche Konstruktion der Wirklichkeit. Eine Theorie der Wissenssoziologie. — Frankfurt: Fischer.
- Bierbach, Christine (1990): Französisch: Sprache und Geschlechter. Langue et Sexes. In: G. Holthus, M. Metzelin, Chr. Schmitt (eds.). Lexikon der Romanistischen Linguistik. — Vol. V, 1. — Tübingen: Niemeyer.
- Bierbach, Christine (1992): Spanisch: Sprache und Geschlechter. Lengua y Sexos. In: G. Holthus, M. Metzelin, Chr. Schmitt (eds.). Lexikon der Romanistischen Linguistik. — Vol. VI. — Tübingen: Niemeyer. — S. 276—295.
- Bilden, Helga (1991): Geschlechtsspezifische Sozialisation. In: Klaus Hurrelmann, Dieter Ulrich (Hrsg.): Neues Handbuch der Sozialisationsforschung. — Weinheim: Beltz.
- Bönsch-Kauke, Marion (1999): Witzige Kinder. Zur spielerischen Entwicklung von humorvollen Interaktionen zwischen sieben- bis zwölfjährigen Kindern durch kreative Techniken. In: Zeitschrift für Entwicklungspsychologie und Pädagogische Psychologie 31 (3). — S. 101—115.
- Bourdieu, Pierre (1987): Die feinen Unterschiede. — Frankfurt: Suhrkamp.
- Bourdieu, Pierre (1990): La domination masculine. Actes de la recherche en science sociales 84 (masculin/feminin 2): 2—31. Dt. Übersetzung in I. Dölling und B. Kraus (Hrsg.). Ein alltägliches Spiel. Geschlechterkonstruktion in der sozialen Praxis. — Frankfurt: Suhrkamp. — S. 153—218.
- Bradley, Patricia H. (1981): The Folk-Linguistics of Women's Speech: An Empirical Examination. In: Communication Monographs 48. — P. 73—90.
- Branner, Rebecca (2001): Scherzkommunikation unter Mädchen. Dissertation. — Technische Universität Darmstadt.
- Braun, Friederike (1996): Das große I und seine Schwestern — eine kritische Bewertung. Der Deutschunterricht 1. — S. 54—63.
- Brend, Ruth (1975): Male-female intonation patterns in American English. In: Barrie Thorne, Nancy Henley (eds.). Language and Sex: Difference and Dominance. — Rowley, Mass.: Newbury House. — P. 84—88.
- Brouwer, Dede (1986): Gender-specific attitudes towards Amsterdam vernacular. In: Roeland van Hout, Uus Knops, Yves Persoons (eds.): Language attitudes in the Dutch language area. — Dordrecht: Foris.
- Brown, Penelope; Levinson, Stephen (1987): Politeness. Some Universals in Language Usage. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Brunner, Margot; Frank-Cyrus, Karin M. (1998): Die Frau in der Sprache. Gespräche zum geschlechtergerechten Sprachgebrauch. — Wiesbaden: Gesellschaft für deutsche Sprache.
- Buchen, Sylvia; Philipper, Ingeborg (2002): Die Bedeutung neuer Medien im Leben männlicher und weiblicher Jugendlicher unterschiedlicher Schulformen. Medien-Pädagogik. Online-Zeitschrift für Theorie und Praxis der Medienbildung (erscheint).
- Bucholtz, Mary et. al. (eds.) (1999): Reinventing Identities: The Gendered Self in Discourse. — Oxford: Oxford University Press.
- Burckhard, Armin (1992): «Das ist eine Frage des Intellekts, Frau Kollegin!» Zur Behandlung von Rednerinnen in deutschen Parlamenten. In: Susanne

- Günthner, Helga Kotthoff (eds.). *Die Geschlechter im Gespräch. Kommunikation in Institutionen.* — Stuttgart: Metzler.
- Bussmann, Hadumod; Hof, Renate (Hrsg.) (1995): *Genus. Zur Geschlechterdifferenz in den Kulturwissenschaften.* — Stuttgart: Metzler.
- Butler, Judith (1989): *Gender Trouble. Feminism and the Subversion of Identity.* — New York: Routledge.
- Butler, Judith (1993): *Bodies that Matter. On the Discursive Limits of Identity.* — New York: Routledge.
- Butler, Judith (2002): *Performative Akte und Geschlechterkonstitution. Phänomenologie und feministische Theorie.* In: Uwe Wirth (Hrsg.). *Performanz.* — Frankfurt: Suhrkamp. — S. 301—320.
- Cahill, Spencer (1986): *Childhood Socialization as a Recruitment Process.* In: *Sociological Studies of Child Development I.* — P. 163—186.
- Cameron, Deborah (1997): *Theoretical Debates in Feminist Linguistics: Questions of Sex and Gender.* In: Ruth Wodak (ed.). *Gender and Discourse.* — London: Sage. — P. 21—37.
- Cameron, Deborah (1998): *The Feminist Critique of Language. A Reader.* — London; New York: Routledge.
- Case, Susan S. (1985): *A sociolinguistic analysis of the language of gender relations, deviance and influence in managerial groups.* PhD dissertation. — State University of New York at Buffalo.
- Case, Susan S. (1988): *Cultural differences, not deficiencies: an analysis of managerial women's language.* In: Laurie Larwood and Suzanne Rose (eds.). *Women's Careers: Pathways and Pitfalls.* — New York: Praeger.
- Cheshire, Jenny (1982): *Variation in an English Dialect.* — Cambridge: Cambridge University Press.
- Coates, Jennifer (1986). *Women, men and language.* — London; New York: Longman.
- Coates, Jennifer (1996): *Women talk: Conversation between women friends.* — Oxford: Blackwell.
- Coates, Jennifer (eds.) (1998): *Language and Gender. A Reader.* — London: Blackwell.
- Condry, S., Condry, J. (1976): *Sex Differences: A study of the Eye of the Beholder.* In: *Child Development* 47. — P. 812—819.
- Connell, Robert W. (1995): *Masculinities.* — Cambridge, Polity Press.
- Coser, Rose L. (1960): *Laughter among colleagues.* In: *Psychiatry* 23. — P. 81—95.
- Couper-Kuhlen, Elisabeth (1986): *An Introduction to English Prosody.* — Tübingen, Niemeyer.
- Crawford, Mary (1995): *Talking Difference. On Gender and Language.* — London: Sage.
- Davies, Catherine E. (2003): *Gendered Sense of Humor as Expressed Through Aesthetic Typifications.* In: *Journal of Pragmatics* (to appear).
- Davies, J. (1999): *Expressions of Gender.* PhD thesis. — University of Sheffield.
- Davies, J. (2003): *Expressions of Gender: An Analysis of Pupils' Gendered Discourse Styles in Small Group Classroom Discussion.* *Discourse & Society* (to appear).

- Deppermann, Arnulf; Schmidt, Axel (2001a): Hauptsache Spaß — Zur Eigenart der Unterhaltungskultur Jugendlicher. In: *Der Deutschunterricht* 6. — S. 27—38.
- Deppermann, Arnulf; Schmidt, Axel (2001b): 'Dissen': Eine interaktive Praktik zur Verhandlung von Charakter und Status in Peer-Groups männlicher Jugendlicher. In: *Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie* 62. — S. 79—98.
- Dubois, Betty Lou; Crouch, Isabel (1975): The question of tag questions in women's speech: They don't really use more of them, do they? In: *Language in Society*, 4. — P. 2 89—294.
- Dundes, Alan; Leach, Jerry W.; Özkök, Bora (1972): The Strategy of Turkish Boys' Verbal Dueling Rhymes. In: John Gumperz, Dell Hymes (eds.). *Directions in Sociolinguistics*. — New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Dweck, Carol S. et al. (1978): Sex differences in learned helplessness. The contingencies of evaluative feedback in the classroom. An experimental analysis. In: *Developmental Psychology* 14. — P. 268—276
- Eckert, Penelope; McConnell-Ginet, Sally (1992): Think practically and look locally: language and gender as community based practice. In: *Annual Review of Anthropology* 21. — P. 461—490.
- Eckert, Penelope; McConnell-Ginet, Sally (2000): *Linguistic Variation as Social Practice*. — London; New York: Blackwell.
- Edelsky, Carole (1984): Zwei unterschiedliche Weisen, das Wort zu haben. In: In Senta Trömel-Plötz (eds.), *Gewalt durch Sprache*. — Frankfurt: Fischer.
- Eder, Donna (1993): «Go get ya a French!»: Romantic and Sexual Teasing among Adolescent Girls. In: Deborah Tannen (eds.). *Gender and Conversational Interaction*. — New York; Oxford: Oxford University Press. — P. 17—30.
- Elyan, O.; Smith, P.; Giles, H.; Bourhis, R. (1978): RP-Accented female speech: The voice of perceived androgyny? In: Trudgill, Peter (eds.), *Sociolinguistic patterns in British English*. — London: E. Arnold.
- Ervin-Tripp, Susan (1976): Is Sybil There? The Structure of Some American Directives. In: *Language in Society* 5. — P. 25—67.
- Ervin-Tripp, Susan; Lampert, Martin D. (1992): Gender Differences in the Construction of Humorous Talk. In: Kira Hall, Mary Bucholtz, Birch Moonwomon (eds.). *Locating Power*. — Berkeley: Berkeley Women and Language Group, University of California. — P. 105—117.
- Feagin, Crawford (1980): A woman's place in nonstandard southern white English: Not so simple. In: Roger W. Shuy, A. Shukal (eds.). *Language use and the uses of Language*. — Washington: Georgetown University Press.
- Fenstermaker, Sarah; West, Candance (1995): Doing Difference. In: *Gender & Society* 1. — P. 8—37.
- Fishman, Pamela (1983): Interaction: the work women do. In: Barrie Thorne, Cheris Kramarae, Nancy Henley (eds.). *Language, gender, and society*. — Rowley, Mass.: Newbury House.
- Fine, Gary A. (1990): *With the Boys. Little League Baseball and Preadolescent Culture*. — Chicago, University of Chicago Press.
- Frank, Karsta (1992): *Sprachgewalt: Die sprachliche Reproduktion der Geschlechterhierarchie*. — Tübingen: Niemeyer.

- Frasch, Heidi; Wagner, Angelika (1982): Auf Jungen achtet man einfach mehr. In: Ilse Brehmer (Hrsg.): *Sexismus in der Schule*. — Weinheim; Basel: Beltz.
- Fuchs, Claudia (1993): Feministische Schulforschung. In: Susanne Günthner, Helga Kotthoff (Hrsg.). *Die Geschlechter im Gespräch*. — Stuttgart: Metzler. — S. 23—33.
- Gal, Susan (1989): Between speech and silence: The problematics of research on language and gender. In: *IPrA Papers in Pragmatics* 3, 1. — P. 1—38.
- Gal, Susan (1995): Language, gender and power: an anthropological review. In: Kira Hall, Mary Bucholtz (eds.). *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self*. — London: Routledge.
- Garfinkel, Harold (1967): *Studies in Ethnomethodology*. — Englewood Cliffs; NJ: Prentice Hall.
- Gebauer, Gunter (1997): Kinderspiele als Aufführungen von Geschlechterunterschieden. In: Irene Dölling, Beate Kraus (Hrsg.). *Ein alltägliches Spiel. Geschlechterkonstruktion in der sozialen Praxis*. — Frankfurt: Suhrkamp. — S. 259—285.
- Giles, Howard; Smith, Phillip (1979): Accomodation theory: optimal levels of convergence. In: Howard Giles and Robert N. St. Clair (eds.). *Language and Social Psychology*. — Oxford: Blackwell.
- Gleason, Jean (1987): Sex differences in parent-child interaction. In: Susan U. Philips, S. Steele, C. Tanz (eds.). *Language, gender, and sex in comparative perspective*. — Cambridge: Cambridge University Press. — P. 189—199.
- Goffman, Erving (1977): The Arrangement between the Sexes. In: *Theory and Society* 4. — P. 301—331. Dt. (1994): Erving Goffmann. *Interaktion und Geschlecht*. (Hrsg. von Hubert Knoblauch). — Frankfurt: Campus.
- Goffman, Erving (1979): *Gender Advertisment*. Dt. (1981): *Geschlecht und Werbung*. — Frankfurt: Suhrkamp.
- Goodwin, Marjorie H. (1988): Cooperation and competition across girl's play activities. In: A. D. Todd, S. Fisher (eds.). *Gender and discourse: The power of talk*. — Norwood, NJ: Ablex. — P. 55—94.
- Goodwin, Marjorie H. (1990): *He said & She said*. — Pennsylvania: University of Philadelphia Press.
- Gräbel, Ulrike (1991): *Sprachverhalten und Geschlecht. Eine empirische Studie zu geschlechtsspezifischem Sprachverhalten in Fernsehdiskussionen*. — Pfaffenweiler: Centaurus.
- Gregersen, E. A. (1979): Sexual linguistics. In: Judith Orasanu, M. K. Slater, L. L. Adler (eds.). *Language, sex, and gender. Does «la difference» make a difference*. — New York: New York Academy of Science. — P. 3—22.
- Günthner, Susanne (1992): Sprache und Geschlecht: Ist Kommunikation zwischen Frauen und Männern interkulturelle Kommunikation? In: *Linguistische Berichte* 138. — S. 123—143.
- Günthner, Susanne (1994): Male-Female Speaking Practices across Cultures. In: Ulrich Ammon, Marlis Hellinger (eds.). *Contrastive Sociolinguistics*. — Amsterdam: Benjamins.
- Günthner, Susanne (1997): Complaint stories. Constructing emotional reciprocity among women. In: Helga Kotthoff, Ruth Wodak (eds.). *Communicating gender in context*. — Amsterdam, Benjamins. — P. 179—219.

- Günthner, Susanne (2001): Die kommunikative Konstruktion der Geschlechterdifferenz: sprach- und kulturvergleichende Perspektiven. In: Muttersprache 3. — S. 205—219.
- Günthner, Susanne; Kotthoff, Helga (Hrsg.) (1991): Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich. Einleitung. — Frankfurt: Suhrkamp.
- Günthner, Susanne; Kotthoff, Helga (Hrsg.) (1992): Die Geschlechter im Gespräch. Kommunikation in Institutionen. — Stuttgart: Metzler.
- Gossen, Gary (1976): Verbal Dueling in Chamula. In: Barbara Kirshenblatt-Gimblett (eds.). *Speech Play. Research and Resources for the Study of Linguistic Creativity*. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press. — P. 121—149.
- Gumperz, John (1982): *Discourse strategies*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Haas, Adelaide (1979): The Acquisition of Genderlect. In: *Annals of the New York Academy of Science* 327. — P. 101—113.
- Häberlin, Susanna; Schmid, Rachel; Wyss, Eva Lia (1992): Übung macht die Meisterin: Ratschläge für einen nichtsexistischen Sprachgebrauch. — München.
- Hellinger, Marlis (1990): Kontrastive feministische Linguistik. Mechanismen sprachlicher Diskriminierung im Englischen und Deutschen. — Ismaning: Hueber.
- Hellinger, Marlis; Bussmann, Hadumod (2000): *Gender across Languages: The Linguistic Representation of Women and Men*. — Amsterdam: Benjamins.
- Henley, Nancy (1977): *Body Politics: Power, sex and nonverbal communication*. — Eglewood Cliffs; NJ: Prentice-Hall.
- Hinnenkamp, Volker; Selting, Margret (1989): *Stil und Stilisierung*. — Tübingen: Niemeyer.
- Hochschild, Arlie R. (1983): *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. — Berkeley: Berkeley University Press.
- Holmes, Janet; Stubbe, Maria (2003): «Feminine» Workplaces: Stereotype and Reality. In: Janet Holmes, Miriam Meyerhoff (eds.). *The Handbook of Language and Gender*. — London: Blackwell. — P. 573—600.
- Hofmann, Else (1963): Sprachsoziologische Untersuchungen über den Einfluß der Stadtsprache auf mundartsprechende Arbeiter. *Marburger Universitätsbund*. — Jahrbuch 1963. — S. 201—281.
- Hirschauer, Stefan (1993): Dekonstruktion oder Rekonstruktion. Plädoyer für die Erforschung des Bekannten. In: *Feministische Studien* 2. — S. 55—68.
- Hochschild, Arlie (1983/1989): *Das gekaufte Herz. Zur Kommerzialisierung der Gefühle*. — Frankfurt: Campus.
- Holmes, Janet (1992): Women's Talk in Public Contexts. In: *Discourse & Society* 1. — P. 131—150.
- Holmes, Janet (2003): Sharing a laugh: pragmatic aspects of humour and gender in the workplace. In: *Journal of Pragmatics* (to appear).
- Holmes, Janet; Meyerhoff, Miriam (eds.) (2003): *The Handbook of Language and Gender*. — Malden; MA: Blackwell.

- James, Deborah; Clarke, Sandra (1993): Women, men, and interruptions: a critical review. In: Deborah Tannen (ed.). *Gender and Conversational Interaction*. — New York; Oxford: Oxford University Press. — P. 231—281.
- James, Deborah; Drakich, Janice (1993): Understanding gender differences in amount of talk: a critical review of research. In: Deborah Tannen (ed.). *Gender and Conversational Interaction*. — New York, Oxford: Oxford University Press — P. 281—313.
- Jenkins, Mercilee Macintyre (1984): Die Geschichte liegt im Erzählen. Ein kooperativer Gesprächsstil unter Frauen. In: Senta Trömel-Plötz (Hrsg.). *Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen*. — Frankfurt: Fischer. — S. 333—354.
- Johnson, Sally; Meinhof, Ulrike H. (eds.) (1997): *Language and Masculinity*. — Cambridge; MA; Oxford: Blackwell Publishers. — P. 8—26.
- Johnson, Fern L.; Aries, Elizabeth J. (1983): The talk of women friends. *Women's Studies International Forum* 6 (4). — P. 353—361.
- Kalcik, Susan J. (1975): «...like Ann's gynecologist or the time I was almost raped» Personal narratives in women's rap groups. In: *Journal of American Folklore* 88. — P. 3—11.
- Kallmeyer, Werner (1994): *Kommunikation in der Stadt. Teil 1. Exemplarische Analysen des Sprachverhaltens in Mannheim*. — Berlin; New York: de Gruyter.
- Kargl, Maria; Wetschanow, Karin; Wodak, Ruth (1997): *Kreatives Formulieren. Anleitungen zu geschlechtergerechtem Sprachgebrauch. Schriftenreihe des Frauenministeriums. Band 13*. — Wien.
- Kendall, Shari; Tannen, Deborah (1997): Gender and Language in the Workplace. In: Ruth Wodak (ed.), *Gender and Discourse*. — London: Sage. — P. 79—105.
- Kuhn, Elisabeth (1992): *Gender and Authority. Classroom Diplomacy at German and American Universities*. — Tübingen: Narr.
- Key, Mary Ritchie (1972): Linguistic behavior of Male and Female. In: *Linguistics* 88. — P. 15—31.
- Kotthoff, Helga (1988/1996): Vom Lächeln der Mona Lisa zum Lachen der Hyaenen. In: Helga Kotthoff (Hrsg.), *Das Gelächter der Geschlechter*. — Konstanz, Universitätsverlag. — S. 121—165.
- Kotthoff, Helga (1992a): Die konversationelle Konstruktion von Ungleichheit in Fernsehgesprächen. Zur Produktion von kulturellem Geschlecht. In: Susanne Günthner, Helga Kotthoff (eds.). *Die Geschlechter im Gespräch. Kommunikation in Institutionen*. — Stuttgart: Metzler.
- Kotthoff, Helga (1992b): Unruhe im Tabellenbild? Zur Interpretation weiblichen Sprechens in der Soziolinguistik. In: Susanne Günthner, Helga Kotthoff (eds.). *Die Geschlechter im Gespräch. Kommunikation in Institutionen*. — Stuttgart: Metzler.
- Kotthoff, Helga (1993): Unterbrechungen, Überlappungen und andere Interventionen. In: *Deutsche Sprache* 2. — S. 162—185.
- Kotthoff, Helga (1994a): Kommunikative Stile von Mädchen und Jungen und Geschlechterhierarchien in der Schule. In: Ulla Bracht et al. (Hrsg.). *Jahrbuch der Pädagogik*. — Frankfurt; Bern; New York: Lang.

- Kotthoff, Helga (1994b): Nachwort Geschlecht als Interaktionsritual? In: Erving Goffman, *Interaktion und Geschlecht* (hrsg. von Hubert Knoblauch). — Frankfurt: Campus.
- Kotthoff, Helga (1995a): Von Klassenclowns und lächelnden Prinzessinnen. Geschlechtertypisierung und Humorverhalten in der kindlichen Kommunikationsentwicklung. In: Klaus Wagner (ed.). *Sprechhandlungserwerb*. — Essen: Die blaue Eule.
- Kotthoff, Helga; Wodak, Ruth (eds.) (1997): *Communicating Gender in Context*. — Amsterdam: Benjamins.
- Kotthoff, Helga (2000): Gender and Joking. On the Complexities of Women's Image Politics in Humorous Narratives. In: *Journal of Pragmatics* 32. — P. 55—80.
- Kotthoff, Helga (2002): Was heißt eigentlich «doing gender?» In: *Wiener linguistischer Almanach*. — Sonderband 55.
- Kotthoff, Helga (2003): Preface to the special edition on gender and humor. In: *Journal of Pragmatics*. (to appear).
- Kramarae, Cheri (1981): *Women and men speaking*. — Rowley, MA: Newbury House.
- Kyrtziz, Amy (2002): Constituting the emotions: A longitudinal study of emotion talk in a preschool friendship group of boys. In: Bettina Baron, Helga Kotthoff (eds.). *Gender in interaction. Perspectives on femininity and masculinity in ethnography and discourse*. — Amsterdam: Benjamins. — P. 51—75.
- Labov, William (1966): *The social stratification of English in New York City*. — Washington D. C.: Center for Allied Linguistics.
- Labov, William (1972a): *Sociolinguistic Patterns*. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Labov, William (1972b): Rules for Ritual Insults. In: *Language in the inner city*. — Philadelphia, University of Pennsylvania Press. — P. 297—353.
- Lampert, Martin D.; Ervin-Tripp, Susan (1998): Exploring paradigm: The study of gender and sense of humor near the end of the 20th century. In: Willibald Ruch (ed.). *The Sense of Humor. Explorations of a Personality Characteristic*. — Berlin; New York: de Gruyter. — P. 231—271.
- Lampert, Martin D.; Ervin-Tripp, Susan (2003): Risky Laughter: Teasing and Self-Directed Joking among Male and Female Friends. In: *Journal of Pragmatics* (to appear).
- Lakoff, Robin (1973): Language and Women's Place. In: *Language in Society* 2. — P. 45—79.
- Leet-Pellegrini, Helena (1980): Conversational Dominance as a Function of Gender and Expertise. In: Howard Giles, Peter Robinson, Phillip M. Smith (eds.). *Language. Social Psychological Perspectives*. — Oxford: Oxford University Press. — P. 97—104.
- Leodolter, Ruth (1975): *Das Sprachverhalten von Angeklagten bei Gericht*. — Kronberg: Scriptor.
- Lever, Janet R. (1978): Sex differences in the complexity of children's play and games. In: *American Sociological Review*, 43. — P. 471—483.

- Local, John (1982): Modelling Intonational Variability in Children's Speech. In: Suzanne Romaine (ed.). *Sociolinguistic Variation in Speech*. — London: E. Arnold. — P. 73—81.
- Macaulay, Ron K. S. (1978): Variation und consistency in Glaswegian English. In: Peter Trudgill (ed.). *Sociolinguistic Patterns in British English*. — London: E. Arnold.
- Maltz, Daniel; Borker, Ruth (1982). A Cultural Approach to Male-Female Miscommunication. In: John Gumperz (ed.). *Language and Social Identity*. — Cambridge: Cambridge University Press. — P. 196—216. Dt. (1991): Mißverständnisse zwischen Frauen und Männern — kulturell betrachtet. In: Susanne Günthner, Helga Kotthoff (Hrsg.). *Von fremden Stimmen. Weibliches und männliches Sprechen im Kulturvergleich*. — Frankfurt: Suhrkamp.
- Martin, Hans-Peter; Schumann, Harald (1996): *Die Globalisierungsfalle*. — Reinbek: Rowohlt.
- Mattheier, Klaus (1980): *Pragmatik und Soziologie der Dialekte*. — Heidelberg: Quelle&Meyer.
- McConnell-Ginet, Sally (1978): Intonation in a Man's World. In: *Sign* 3,2. — P. 541—559.
- McElhinny, Bonnie S. (1992): «I don't smile any more»: Affect, Gender and the Discourse of Pittsburgh Police Officers. In: Kira Hall et al. (eds.). *Locating Power*. — Berkeley: BWLG. — P. 386—403.
- McGhee, Paul E. (1979): The Role of Laughter and Humor in Growing up Female. In: Claire Kopp (ed.). *Becoming Female*. — New York: Plenum Press. — P. 199—209.
- McGhee, Paul E. (1980): *Humor. Its origin and development*. — San Francisco: Freeman and Company.
- Menz, Florian; Lalouschek, Johanna; Stöllberger, Claudia; Vodopiutz, Julia (2002): Geschlechtsspezifische Unterschiede bei der Beschreibung von Brustschmerzen: Ergebnisse einer medizinisch-linguistischen transdisziplinären Studie.
- Miemitz, Bärbel (1997): «Male Person» vs. «Everything that is not a male person». Gender and sex in Polish. In: Helga Kotthoff, Ruth Wodak (eds.), *Communicating Gender in Context*. — Amsterdam: Benjamins. — P. 3—31.
- Miller, Casey; Swift, Kate (1972): One Small Step for Genkind. In: *New York Times Magazine*, April 16.
- Milroy, James; Milroy, Lesley (1978): Belfast: change and variation in an urban vernacular. In: Peter Trudgill (ed.). *Sociolinguistic Patterns in British English*. — London: Edward Arnold.
- Milroy, James; Milroy, Lesley (1985): Linguistic change, social network and speaker innovation. In: *Journal of Linguistics* 21. — P. 339—384.
- Milroy, Lesley (1980): *Language and Social Networks*. — Baltimore: University Park Press.
- Milroy, Lesley (1982): Social network and linguistic focusing. In: Suzanne Romaine (ed.). *Sociolinguistic Variation in Speech Communities*. — London: Edward Arnold.

- Modaressi, Yahia (1987): *A Sociolinguistic Analysis of Modern Persian*. Unpubl. Ph.D. dissertation. — University of Kansas.
- Moosmüller, Sylvia (1984): *Soziale und psychosoziale Sprachvariation*. Dissertation. — Wien.
- Moosmüller, Sylvia (2002): *Die Stimme — Ausdruck geschlechtlicher Individualität oder sozialer Aneignung*. In: Wilhelm Richard Baier, Franz Manfred Wuketits (Hrsg.). *Mann und Frau. Der Mensch als geschlechtliches Wesen*. — Graz: Leykam. — S. 118—133.
- Mühlen-Achs, Gitta (1993): *Wie Katz und Hund. Die Körpersprache der Geschlechter*. — München: Frauenoffensive.
- Mulkay, Michael (1988): *On Humour*. — Cambridge: Polity Press.
- Nichols, Patricia (1983): *Linguistic options and choices for Black women in the rural south*. In: Barrie Thorne, Cheri Kramer, Nancy Henley (eds.). *Language, Gender, and Society*. — Rowley, Mass.: Newbury House.
- Nilsen, Alleen Pace (1971): *Women in Children's Literature*. College English, May.
- Nilsen, Alleen Pace (1973): *Grammatical gender and its relationship to the equal treatment of males and females in children's books*. Unpublished Ph.D. thesis. — University of Iowa.
- Ochs, Elinor (1991): *Indexing gender*. In: Alessandro Duranti and Charles Goodwin (eds.). *Rethinking Context*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Ochs, Elinor, Taylor, Carolyn (1992): *Family narrative as political activity*. *Discourse & Society* 3,3. — P. 301—340.
- Ohara, Yumiko (1999): *Performing gender through voice pitch: A cross-cultural analysis of Japanese and American English*. In: Ursula Pasero, Friederike Braun (Hrsg.). *Wahrnehmung und Herstellung von Geschlecht*. — Opladen: Westdeutscher Verlag. — P. 105—116.
- Oswald, Hans et al. (1986): *Grenzen und Brücken. Interaktionen zwischen Mädchen und Jungen im Grundschulalter*. In: *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie* 38. — S. 560—580.
- Perkins, M. (1983): *Modal Expressions in English*. — London: Pinter.
- Peyer, Ann; Groth, Ruth (1995): *Sprache und Geschlecht. Studienbibliographie Sprachwissenschaft*. — Heidelberg: Groos.
- Peyer, Ann; Wyss, Eva Lia (1998): *«JazzmusikerInnen — weder Asketen noch Müsli-Fifis» — Feministische Sprachkritik in der Schweiz, ein Überblick*. In: *Germanistische Linguistik* 139—140. — S. 117—155.
- Philips, Susan U.; Steele, Susan; Tanz, Christine (eds.) (1987): *Language, Gender and Sex in Comparative Perspective*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Posch, Waltraud (1999): *Körper machen Leute. Der Kult um die Schönheit*. — Frankfurt.
- Pusch, Luise (1979): *Der Mensch ist ein Gewohnheitstier, doch weiter kommt man ohne ihr*. In: *Linguistische Berichte* 63. — S. 84—103.
- Pusch, Luise; Trömel-Plötz, Senta; Hellinger, Marlis; Guentherodt, Ingrid (1980): *Richtlinien zur Vermeidung sexistischen Sprachgebrauchs*. In: *Linguistische Berichte* 69. — S. 15—22.

- Pusch, Luise (1984): *Das Deutsche als Männersprache*. — Frankfurt: Suhrkamp.
- Richard, Birgit (1998): Die oberflächlichen Hüllen des Selbst. Mode als ästhetisch-medialer Komplex. In: *Kunstforum* 141 (Juli-Sept.). — S. 48–95.
- Romaine, Suzanne (1999): *Communicating Gender*. — London: Lawrence Erlbaum.
- Ruoff, Arno (1973): *Grundlagen und Methoden der Untersuchung gesprochener Sprache*. — Tübingen: Niemeyer.
- Sacks, Harvey; Schegloff, Emanuel; Jefferson, Gail (1974): A simplest systematics for the organization of turn taking for conversation. In: *Language* 50, 4. — P. 696–735.
- Samel, Ingrid (1995): *Einführung in die feministische Sprachwissenschaft*. — Berlin: Erich Schmidt.
- Sandig, Barbara; Selting, Margaret (1997): Discourse Styles. In: Teun A. van Dijk (ed.). *Discourse as Structure and Process. Discourse Studies: A multidisciplinary Introduction*. Bd. 1. — London: Sage. — P. 138–156.
- Scheele, Brigitte; Gauler, Eva (1993): Wählen Wissenschaftler ihre Probleme anders aus als Wissenschaftlerinnen? In: *Sprache und Kognition* 12. — S. 59–72.
- Schmidt, Claudia (1988): Typisch weiblich — typisch männlich. Geschlechtstypisches Kommunikationsverhalten in studentischen Kleingruppen. — Tübingen: Niemeyer.
- Schmidt, Claudia (2002): «KFZ-Mechaniker wird Schauspielerin». Zum generischen Gebrauch des Maskulinums unter psycholinguistischem Aspekt. In: Elisabeth Cheauré et al. (Hg.). *Geschlechterkonstruktionen in Sprache, Literatur und Gesellschaft. Gedenkschrift für Gisela Schoenthal*. — Freiburg: Rombach. — S. 45–63.
- Schoenthal, Gisela (1994): Neue Arbeiten zur feministischen Rhetorik. In: Joachim Dyck et al. (Hrsg.), *Rhetorik*. Band 12. — Tübingen: Niemeyer. — S. 108–117.
- Schoenthal, Gisela (2000): Impulse der feministischen Linguistik für Sprachsystem und Sprachgebrauch. In: Werner Besch et al. (Hrsg.). *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2. Teilband. — Berlin; New York: de Gruyter. — S. 2064–2100.
- Schrambke, Renate (2002): Dupp und Dottel, Lusch und Lottel. Geschlechtsbezogene sprachliche Varianz bei Schimpfwörtern des süddeutschen Sprachraums. In: Elisabeth Cheauré et al. (Hg.). *Geschlechterkonstruktionen in Sprache, Literatur und Gesellschaft. Gedenkschrift für Gisela Schoenthal*. — Freiburg: Rombach. — S. 247–281.
- Schwitalla, Johannes (1995): Kommunikative Stilistik zweier sozialer Welten in Mannheim-Vogelstang. In: *Kommunikation in der Stadt*, Bd. 4. — Berlin; New York: de Gruyter.
- Spender, Dale (1984): Mit Aggressivität zum Erfolg: Über den doppelten Standard, der in Klassenzimmern operiert. In: Senta Trömel-Plötz (Hrsg.). *Gewalt durch Sprache. Die Vergewaltigung von Frauen in Gesprächen*. — Frankfurt: Fischer.

- Swacker, Marjorie (1979): *Womens's Verbal Behaviour at Learned and Professional Conferences*. In: Betty Lou Dubois, Isabell Crouch (eds.). *The Sociology of the Languages of American Women*. — Trinity University.
- Tannen, Deborah (1984): *Conversational Style. Analyzing Talk among Friends*. — Norwood, NJ: Newbury House.
- Tannen, Deborah (1990): *You Just Don't Understand*. — New York: William Morrow. (Dt. 1991): *Du kannst mich einfach nicht verstehen*. — Hamburg: Kabel.
- Tannen, Deborah (1993): *The Relativity of Linguistic Strategies: Rethinking Power and Solidarity in Gender and Dominance*. In: Deborah Tannen (ed.). *Gender and Conversational Interaction*. — Oxford: Oxford University Press.
- Tannen, Deborah (1994): *Talking from 9 to 5: Women and Men in the Workplace*. — New York: Avon. (Dt. 1994): *Job Talk*. — Hamburg: Kabel.
- Thimm, Caja (1998): *Frauen, Sprache, Beruf: Sprachliches Handeln am Arbeitsplatz*. In: *Germanistische Linguistik* 139-140. — S. 325—347.
- Thorne, Barrie; Henley, Nancy (eds.) (1974): *Language and sex: Difference and dominance*. — Rowley, MA: Newbury House.
- Thorne, Barrie (2002): *Gender and interaction: Widening the conceptual scope*. In: Bettina Baron, Helga Kotthoff (eds.). *Gender in interaction. Perspectives on femininity and masculinity in ethnography and discourse*. — Amsterdam: Benjamins. — P. 3—21.
- Trepelmann, Gisela (1998): *Leserinnen/LeserInnen Ost und West. Zu Bezeichnungen und Anredeformen in den östlichen Bundesländern*. In: *Germanistische Linguistik* 139—140. — S. 33—49.
- Trömel-Plötz, Senta (1978): *Linguistik und Frauensprache*. In: *Linguistische Berichte* 57. — S. 49—68.
- Trömel-Plötz, Senta (1980): *Sprache, Geschlecht und Macht I*. In: *Linguistische Berichte* 69. — S. 1—15.
- Trömel-Plötz, Senta (1982): *Frauensprache: Sprache der Veränderung*. — Frankfurt: Fischer.
- Trömel-Plötz, Senta (Hg.) (1984): *Gewalt durch Sprache*. — Frankfurt: Fischer.
- Trudgill, Peter (1972): *Sex, covert prestige and linguistic change in the urban British English of Norwich*. In: *Language in Society* 1. — S. 179—195.
- Trudgill, Peter (1974): *The social differentiation of English in Norwich*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Tyrell, Hartmann (1989): *Überlegungen zur Universalität geschlechtlicher Differenzierung*. In: Jochen Martin und Renate Zoepfel (eds.). *Aufgaben, Rollen und Räume von Frau und Mann*. — Freiburg: Alber.
- van Leeuwen-Turnovcová, Jirina (Hrsg.) (2002): *Gender-Forschung in der Slawistik*. In: *Wiener Slawistischer Almanach*. — Sonderband 55.
- Velte, Jutta (1995): *Die Darstellung von Frauen in den Medien*. In: Romy Fröhlich, Christina Holtz-Bacha (Hrsg.). *Frauen und Medien*. — Opladen: Westdeutscher Verlag. — S. 181—305.
- Vinken, Barbara (1993): *Der Stoff, aus dem die Körper sind*. In: *Neue Rundschau* 4. — S. 9—23.

- West, Candance (1979): *Against our will: male interruptions of females in cross-sex conversation*. In: *Annals of the New York Academy of Science* 327. — S. 81—97.
- West, Candance; Zimmerman, Don (1983): *Small insults: a study of interruptions in cross-sex conversations between unacquainted persons*. In: Barrie Thorne, Cheris Kramarae, Nancy Henley (eds.). *Language, gender, and society*. — Rowley: Newbury House.
- West, Candance; Zimmerman, Don (1989): *Doing Gender*. In: *Gender & Society* 1, 2. — P. 125—151.
- West, Candance; Fenstermaker, Sarah (1995): *Doing difference*. In: *Gender & Society* 9. — P. 8—37.
- Wex, Marianne (1980): «Weibliche» und «männliche» Körpersprache als Folge patriarchalischer Machtverhältnisse. — Frankfurt: Frauenliteraturvertrieb.
- Willems, H.; Kautt, Y. (2000): *Der Körper in der Werbung: Überlegungen zu den Sinnbezügen und Formen seiner Inszenierung*. In: *Schweizer Zeitschrift für Soziologie*, 26, 2. — S. 345—372.
- Wodak, Ruth (1981): *Die Beziehung zwischen Mutter und Tochter: eine sozio- und psycholinguistische Studie zur Variation auf der Textebene*. *Folia Linguistica*.
- Wodak, Ruth (1982): *Die Sprache von Müttern und Töchtern. Ein sozio-phonologischer Vergleich*. In: *Wiener Linguistische Gazette, Beiheft 1*.
- Wodak, Ruth (1985): *Aspekte des schicht-, geschlechts- und generationsspezifischen Lautwandels in Wien: Eine Untersuchung zum Sprachverhalten von Müttern und Töchtern*. In: Marlis Hellinger (ed.). *Sprachwandel und feministische Sprachpolitik: Internationale Perspektiven*. — Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Wodak, Ruth (2003): *Multiple Identities: The Roles of Female Parliamentarians in the EU Parliament*. In: Janet Holmes, Miriam Meyerhoff (eds.). *The Handbook of Language and Gender*. — Malden, MA: Blackwell. — P. 671—699.
- Wodak, Ruth; Moosmüller, Sylvia (1981): *Sprechen Töchter anders als ihre Mütter? Eine sozio-psychophonologische Pilotstudie*. In: *Wiener Linguistische Gazette* 26. — S. 35—64.
- Wodak, Ruth; Feistritz, Gert; Moosmüller, Sylvia; Doleschal, Ursula (1987): *Sprachliche Gleichbehandlung von Frau und Mann. Linguistische Empfehlungen zur sprachlichen Gleichbehandlung von Frau und Mann im öffentlichen Bereich*. — Wien: Bundesministerium für Arbeit und Soziales.

Предметный указатель

- Аналогия 544, 550
- Гендер 8—10, 21, 22, 24—28, 30, 34, 220, 222, 238, 240, 242, 336, 392, 400, 407, 409, 477, 480, 517—519, 522, 524, 536, 541—547, 549—560, 566, 569, 571—574, 577, 581, 585, 591—595, 607, 610
- Гендерлект 23, 473, 483—490, 609
- Гетерогенность 544, 552, 555
- Гипотаксис 61, 62
- Гомология 543, 544
- Коммуникативная компетенция 46, 73, 142, 143, 170, 173, 176, 181, 183, 184, 187, 208, 213, 214, 217
- Конструирование гендера 21, 24, 27, 517—519, 551—554, 571, 574, 595, 596
- Лингвистическая переменная 97, 98, 101—103, 113, 194, 550, 557
- Метапослание 252—254, 267, 270, 277, 278, 282, 283, 286, 308, 325, 350, 365, 373, 379—381, 392, 393
- Наложение 20, 145—148, 182, 183, 393, 394, 396, 398—407, 410, 497, 498
- Паратаксис 61, 62
- Перебивание 20, 24, 43, 46, 144, 146—148, 170, 181—183, 211, 392—396, 398—400, 403, 404, 409, 410, 412, 413, 416, 498, 520, 534, 536, 569, 571, 582—584
- Послание 252, 270, 278, 279, 350, 379—381, 490
- Правило андроцентричности 15, 49, 50, 65
- Престиж 16, 20, 205, 364, 488, 524, 525, 536, 569, 570, 596—598, 603
- Скрытый престиж 596, 598
- Социальная сеть 122—125, 128, 129
- Социолингвистика 14, 29, 33—35, 37, 45, 74, 81, 94, 141, 142, 193, 220, 514, 517, 518, 551
- Стигма 97
- Феминистская лингвистика 15—20
- Язык слабых 424, 514
- Языковое изменение 34, 45, 46, 49, 50, 56, 68, 74, 80, 82, 104, 131, 188—194

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ

Серия

ГЕНДЕРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

Готовятся к печати:

1. **Розалинда Краусс. Холостяки**
Издательство «Прогресс-Традиция»
2. **Дженис Рэдуэй. Читая любовные романы: женщины, патриархат и популярное чтение**
Издательство «Прогресс-Традиция»
3. **Торил Мой. Политика сексуальности/текстуальности: Феминистская литературная теория**
Издательство «Прогресс-Традиция»
4. **Мария Гимбутас. Цивилизация великой богини**
Издательство «РОССПЭН»
5. **Женщины, познание и реальность: Феминистский взгляд на философию / Сост. Энн Гарри, Мэрилин Пирселл**
Издательство «РОССПЭН»
6. **Феминистская критика и ревизия истории политической философии / Сост. Кэрол Пейтмен, Мери Л. Шенли (сост.)**
Издательство «РОССПЭН»
7. **Дэвид Гилмор. Становление мужественности**
Издательство «РОССПЭН»
8. **Маргарет Мид. Мужское и женское**
Издательство «РОССПЭН»
9. **Гендерная теория и искусство: Антология / Сост. Людмила Бредихина, Кэти Дипуэлл**
Издательство «РОССПЭН»
10. **Сандра Бем. Линзы гендера: Изменяя споры по половому неравенству**
Издательство «РОССПЭН»
11. **Майкл Киммел. Гендерное общество**
Издательство «РОССПЭН»
12. **Элис Уокер. Цвет лиловый**
Издательство «РОССПЭН»
13. **Нэнси Чодороу. Воспроизводство материнства: Психоанализ и социология гендера**
Издательство «РОССПЭН»

